

ГИБЕЛ | ХОНТЕР

СНАЙПЕР

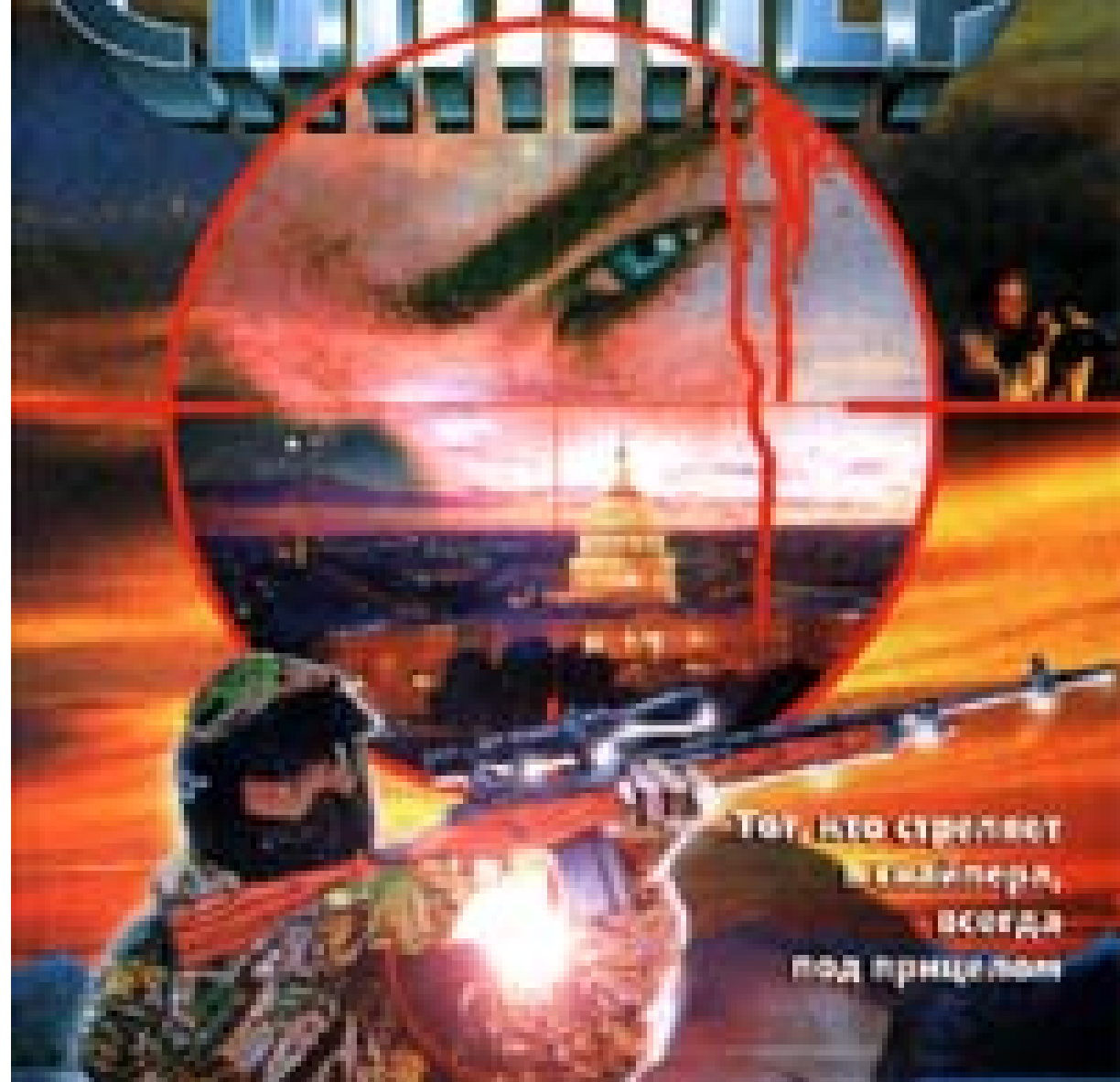

Тот, кто стреляет
в снайпера,
всегда
под прицелом

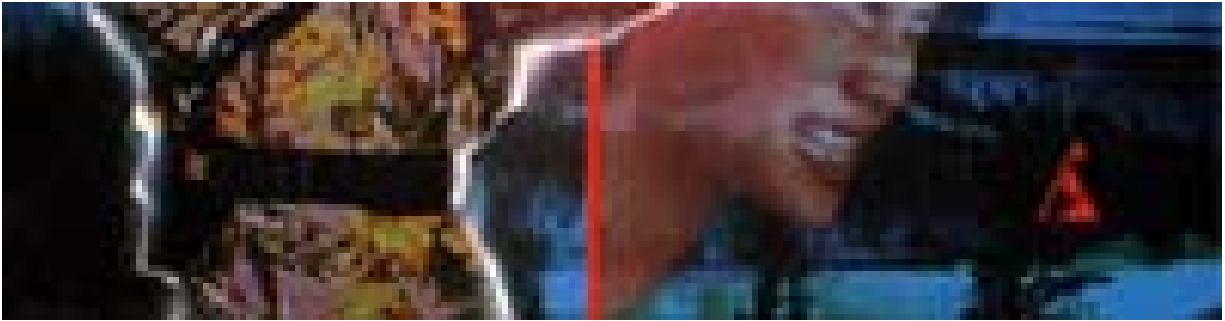

СТИВЕН ХАНТЕР

ЧАЙПЕР

Тот, кто стреляет
в чайпера,
всегда
под прицелом

Стивен Хантер

Снайпер

Глава 1

Был ноябрь, холодный и дождливый месяц на западе Арканзаса. Вслед за отвратительной ночью наступал не менее отвратительный рассвет. Мокрый снег с дождем свистел между соснами, скапливаясь на верхушках торчащих из земли камней; прямо над головой проносились сердитые облака. Время от времени ветер порывами налетал на каньоны и, проносясь между деревьями, рассеивал мокрый снег, как пушечный дым. До наступления охотничьего сезона оставался один день.

Боб Ли Суэггер расположился сразу за последним подъемом, ведущим в долину Большой Сделки, которая находилась высоко в горах Уошито и была ровной, как крышка стола. В полном молчании и абсолютной тишине он сидел напротив старой сосны, поставив между коленей винтовку. Это был главный дар Боба – умение хранить тишину. Он нигде этому не учился, просто черпал силы из какого-то собственного потайного внутреннего источника, никогда не реагирующего на внешние раздражители. Тогда, во Вьетнаме, о нем ходили легенды из-за того, что он, как зверь, мог полностью замереть и продолжительное время сохранять абсолютную, можно сказать, мертвую неподвижность.

Холод забрался к нему под гамаши и, дойдя до короткой куртки, стал проникать под нее, поднимаясь по позвоночнику как маленькая пронырливая мышка. Стиснув зубы, он поборол настойчивое желание застучать ими от холода. Время от времени от полученной давным-давно раны начинало ныть бедро. Но он приказал мозгу не обращать внимания на эту боль. Сейчас он был выше собственных неудобств и желаний. Его мысли были совсем в другом месте. Он поджидал Тима.

Понимаете, если бы вы были одним из тех немногочисленных – может быть, двух-трех – мужчин, с которыми он вообще разговаривает в этом мире – старым Сэмом Винсентом, бывшим прокурором графства Полк, или, может быть, доктором Ле Мьексом, дантистом, или Верноном Теллом, шерифом, – то тогда он сказал бы вам, что нельзя взять и просто так выстрелить в животное. Выстрелить – это слишком просто. Любой городской фраер может сидеть в засаде и,

попивая горячий кофе, ждать, пока самка оленя гордо пройдет рядом с ним, причем настолько близко, что ее можно коснуться рукой. Только тогда он выставит ствол своей винтовки и судорожно нажмет на курок. Выпустив ей таким образом кишки, он найдет ее, истекающую кровью, на расстоянии трех графств отсюда и увидит в ее глазах застывшую тупую боль.

Если бы вы были одним из тех мужчин, Боб сказал бы вам, что вы можете заслужить свое право на выстрел лишь тем, что сами когда-то побывали в шкуре зверя и с вами происходило все то же самое, что может произойти со зверем на охоте, и совсем неважно, сколько это длилось. В конце концов, игра велась по правилам.

Сквозь сосны и молодую поросль Боб видел находившуюся в ста пятидесяти ярдах небольшую прогалину, которая внизу уже постепенно заливалась слабым призрачным светом наступающего дня. Проходившая по ней тропа петляла из светлой части в темную, но он знал, что животные все равно пройдут по ней, один за одним, самец-олень и его гарем. Прошлой ночью Боб видел двенадцать оленей: трех самцов и их подруг, причем у одного из самцов, довольно-таки красивого и упитанного, было восемь ответвлений на рогах.

Но он пришел за Тимом. Жизнь потрепала старину Тима, он был весь в шрамах и немало повидал на своем веку. Тим тоже будет один. У него нет гарема, ему вообще никто не нужен. Был год, когда какой-то удачливый городской фраер из Литл-Рока отстрелил ему один отросток на роге, и весь сезон после этого Тим выглядел раздраженным и злым. Весь следующий год он ужасно хромал из-за того, что Сэм Винсент, уже не такой подвижный и ловкий, как раньше, поскользнулся и всадил заряд дроби из своего 444-го калибра – это было слишком серьезное оружие, но Сэм любил эту старую винтовку – прямо ему в задние ноги, и только то, что потеря крови оказалась не настолько сильной, чтобы убить любого нормального самца, спасло Тима.

Боб знал, что Тим был, что называется, “чертов” олень, кстати, это было самое доброе слово, которое он употреблял по отношению к кому бы то ни было – живому или мертвому.

Боб сидел на месте уже семнадцать часов. Он просидел на холоде всю ночь и, когда около четырех часов утра пошел мокрый снег с дождем, все еще продолжал ждать. Он так сильно замерз и промок, что

был едва живой. Время от времени у него перед глазами проплывали картины прошлого, но он сразу же отгонял их прочь, заставляя себя сосредоточиться на том участке местности, который находился от него в ста пятидесяти ярдах. “Ну давай, старый черт, – думал он. – Я жду тебя”. Что-то привлекло его внимание. Но это была всего лишь олениха с маленьким олененком. Ленивые, самоуверенные и глупые животные спустились к прогалине с вершины и двигались в низину, чтобы попасть там в более редких лесах, где какой-нибудь удачливый городской балбес их, конечно, обязательно убьет.

Боб все так же сидел возле своего дерева.

Доктор Добблер сглотнул и напрягся, пытаясь по глазам полковника Шрека разгадать его намерения. Но тот, как всегда, сидел, свирепо нахмурившись. Грубоватые и резкие черты его лица сейчас выражали раздражение. От него веяло властью и нетерпением, и еще чем-то таким, что пугало всех сидящих в этой комнате. Шрек был ужасен. Он был самым ужасным человеком, которого Добблер когда-либо видел, он был ужаснее даже самого Расселла Айсендлуана, торговца наркотиками, который изнасиловал Добблера в душевой массачусетской каторжной тюрьмы в Норфолке, сделав доктора своим “петухом” на три долгих, очень долгих месяца.

Было уже поздно. По жестяной крыше собранного из металлических листов дома барабанил дождь. В комнате стоял отвратительный запах ржавого железа, старой кожи, пыли, нестиранных носков и несвежего пива. Это был запах тюрьмы, несмотря на то что это была не тюрьма, а полевой штаб подразделения, называвшегося Отдел безопасности Рэм-Дайн. Располагался он на нескольких сотнях акров безымянной пахотной земли в центре штата Виргиния.

Все, кто отвечал за планирование, собрались сейчас в этой полутемной комнате. Грубиян Джек Пайн, второй самый ужасный человек в мире после Шрека, сидел за столом. Больше никого не было. Эта группа, перед которой стояла необычайно сложная и мрачная задача, была весьма малочисленной.

На небольшом экране проектор высветил четыре лица. Каждый из этих людей обладал огромным количеством способностей. Сначала их разыскал Отдел исследований, потом навели справки и проверили в

Отделе планирования и только после того, как профессионалы Отдела боевых операций убедились в их способностях, их всех собрали в этот зловещий квартет. Добблер должен был сломить их психологически – это было последнее решение полковника Раймонда Шрека.

Естественно, что у всех четырех есть свои комплексы. Доктор Добблер сразу это заметил. Он был специалистом в области психиатрии. Комплексы были его профессией.

– Слишком самовлюбленный, – сказал он о первом. – Очень много времени уделяет своим волосам. Никогда не доверяйте человеку с прической стоимостью в семьдесят пять долларов, потому что люди такого склада считают, как правило, что к ним должны относиться по-особому. А нам нужен такой, кто был бы в чем-то особенный, но к которому никогда как к особенному не относились... Что касается второго номера, то он чертовски умен. Необычайно расчетлив, но всегда играет по правилам. Просчитывает все наперед. Никогда не сидит на месте. Теперь о третьем... Очаровательный болван. Но тихий. Он обладает как раз теми качествами, которые нам и нужны, к тому же имеет опыт работы с техникой. Предан как собака. Не буйный. Пожалуй, даже слишком тихий, слишком педантичный, слишком любит всякие удовольствия. Очень суровый.

– Чувствую, вы снова начинаете свои штучки, Добблер, – грубо сказал полковник Шрек. – Давайте нам только информацию, без всяких там милых словечек.

Добблер поморщился.

– Хорошо, – в конце концов произнес он, – теперь нам осталось разобраться только с одним.

Джек Пайн ненавидел Добблера. Какой-то весь мягкий, Добблер, со своей большой головой, жиденькой бородкой и длинными нежными пальцами, был самым мерзопакостным созданием в мире. У него была женоподобная грудь, да и сам он был почти как настоящая женщина. К тому же вечно старался все превратить в спектакль.

Джек Пайн был суровый, неприятный на вид человек, маленького роста, весь в татуировках, недалекий, с пустыми маленькими глазами на мясистом лице. Он был необычайно силен и почти не чувствителен к боли. Его профессией было обеспечить, чтобы все проблемы решались, причем не важно как и какие. Он коснулся своего укороченного “Ремингтона 1100”, который удобно торчал из кобуры,

расположенной под левым плечом. В длинном подствольном магазине было шесть спаренных патронов 12-го калибра. В каждом патроне девять свинцовых картечин 32-го калибра. Меньше чем за три секунды он мог выпустить пятьдесят четыре куска свинца... И решить благодаря этому любую проблему.

– Подробности впечатляют, – продолжал Добблер. – Он убил восемьдесят семь человек. То есть все восемьдесят семь человек были выслежены и убиты самым зверским способом. Думаю, вы согласитесь, что это впечатляет.

Возникла пауза.

– Я за утро убивал по восемьдесят семь человек, – сказал Джек.

Джек был в роте “А”, когда ему довелось пережить долгую осаду на южных высотах; особенно туго им пришлось, когда эти желтые твари пошли в атаку, своими многочисленными телами, словно волнами, вновь и вновь обрушиваясь на них.

– Да, ты их скосил всех за один раз. Из “М-60”, – подтвердил Шрек. – Я там тоже был. Давай дальше, Добблер.

Добблер дрожал, и Джек это видел. Он все еще вздрагивал, когда полковник порой обращался непосредственно к нему. Джек уже почти смеялся. Он знал, что вызывает у психиатра страх, а ему вообще нравилось наблюдать, как другие люди испытывают это чувство.

Преодолевая себя, Добблер продолжил:

– Это не кто иной, как командер-сержант Боб Ли Суэггер – Корпус морской пехоты США, в отставке, родом из Блу-Ай, штат Арканзас. Его называли Боб Снайпер. Он был вторым снайпером в Корпусе морской пехоты США во Вьетнаме по количеству убитых. Джентльмены, я представляю вам величайшего американского снайпера.

Боб любил волшебство и очарование этих животных. Когда он охотился за людьми, никакого волшебства и очарования не было и в помине. Люди трусили, – кричали и выдавали себя со всеми потрохами еще за несколько миль до того, как попадали в смертельную зону.

А олени, особенно старые уошитские самцы старше пяти лет, появлялись как привидения, выплывая из покрытой кустарником неизвестности, подобно сверхъестественным пришельцам с других планет. Боб знал, что по-своему они действительно были

сверхъестественными существами: они необычайно тонко чувствовали окружающий их мир, и все их чувства были всегда сконцентрированы на предстоящих двух минутах жизни. В этом была их тайна. Они не думали о прошедших двух минутах, которые переставали для них существовать в тот момент, когда истекала их последняя секунда. Они думали только о двух минутах, о тех двух минутах, в течение которых они жили. Никаких мыслей о прошлом, никаких мыслей о будущем. Только о настоящем.

И когда Тим выплыл из-за тонких арканзасских сосен, как бы материализовавшись из воображения и памяти Боба, тот, еще раз поразившись его красоте, не удивился.

Из сложных ситуаций прежних лет он вынес урок: удивляться опасно. В момент неожиданной встречи вы можете неуклюже дернуться и сразу же потеряете преимущество. Поэтому Боб никак не отреагировал, когда увидел Тима.

Он сидел с подветренной стороны, поэтому чуткие ноздри Тима не должны были уловить никакого запаха, к тому же Боб на всякий случай вымылся вчера непахнущим мылом, просушил на ветру одежду и прополоскал рот перекисью водорода – чтобы в воздухе не витал острый запах зубной пасты.

Животное дернуло головой и, повернувшись, безошибочно уставилось на Боба.

“Ты не можешь меня видеть, – думал Боб. – Я же знаю все твои повадки. Ты можешь заметить только движение. Ты слишком умный парень, поэтому, уловив чье-то резкое движение, ты сразу же спасаешься бегством и скрываешься в чаще. Но сейчас ничего подобного не произойдет. Я сижу себе тут, а ты смотришь прямо на меня и ни черта не видишь”.

После того как олень будто осмотрел Боба с ног до головы, Суэггер почувствовал, что взгляд животного скользнул в сторону. Это мгновение он любил больше всего: именно в эти недолговечные, хрупкие секунды благодаря винтовке между оленем и человеком возникает мимолетная и призрачная связь. Она длится какое-то мгновение, но Боб был уверен, что если не подведет олень, если не подведет ветер, если не подведут его нервы и не подведет удача, то скоро Тим окажется в перекрестье его прицела. Он поднял винтовку.

Это был “Ремингтон 700” с автоматическим затвором, приобретенный группой подготовки стрелков Корпуса морской пехоты США и с любовью преподнесенный ему как подарок, когда он по инвалидности увольнялся из Корпуса в 1975 году. У ремингтона был тяжелый ствол старого образца, который почти полностью гасил отдачу при стрельбе. Однако Боб уже тогда заменил “родной” ствол стволом из нержавеющей стали от мартовской винтовки, а потом еще покрыл его сверху тефлоном. Так что в целом оружие представляло из себя ужасное зрелище. Ствол и затвор крепились к алюминиевым частям винтовки с кевларовым прикладом, в патроннике которой уже спокойно лежал один из тех патронов, что Боб набивал вручную.

Он поднял винтовку плавным, отработанным за многие годы движением. Если бы он находился в более благоприятных условиях, то, может быть, устроился бы и поудобней, выбрав максимально твердую позицию для стрельбы из положения лежа, но он знал, что ему придется провести здесь слишком много времени, и поэтому боялся, что если будет лежать на холодной земле, то совсем окоченеет. Уперев винтовку в плечо, он поставил локти на колени и, наклонив плечи вперед, держал весившую десять фунтов винтовку так, чтобы мышцы практически не напрягались и чтобы ни каприз уставших мускулов, ни стук сердца, ни колебания пульса в последний момент не помешали бы ему выстрелить.

Боб внимательно смотрел в прицел “Леопольд” десятикратного увеличения. Через мощные линзы, улавливающие почти все, он следил за головой и спиной Тима, которые в прицеле были в десять раз больше оригинала. Большим пальцем Боб опустил предохранитель и поставил его в положение ведения огня. “Я дождался тебя, черт ты этакий, – подумал он, – и теперь с Божьей помощью обязательно я заполучу твою задницу”. Казалось, что сердце совсем перестало биться.

Отключившись практически от всего, он пытался погрузиться в тот источник внутреннего спокойствия, где единственным, что имело значение, было это маленькое пятнышко на кончике его указательного пальца, лежащего на спусковом крючке. “О’кей подумал Боб, произведя небольшую коррекцию и установив прицел на спине Тима, ближе к позвоночнику, в то время как тот не спеша облизывал обледенелые веточки дерева. – О’кей, теперь ты у меня в руках”.

Все четыре лица на экране исчезли, и затем неожиданно появилось молодое лицо Боба.

– Здесь ему двадцать шесть, он третий раз во Вьетнаме, – сказал доктор Добблер. – Десятое июня 1972 года. К этому моменту уже официально зарегистрировано сорок человек, которых он уничтожил с помощью снайперской винтовки, хотя, по неофициальным данным, это количество намного больше.

С экрана глядело грубоватое молодое лицо, худое и угрюмое. У него был узкий разрез глаз, гладкая кожа, линия рта напоминала тонкую ниточку. Во всем его облике было что-то, что выдавало в нем уроженца южных штатов. Его взгляд был суровым, как у человека, знающего свое дело и не имеющего даже намека на чувство юмора. Казалось, что он не терпит неудачников и отстающих и готов драться с любым, кто его заденет. Тропическая шляпа была сдвинута на затылок, приоткрывая соломенного цвета ежик. На нем была помятая форма с тисненными на кармане земным шаром и якорем. В руках он гордо держал черную винтовку с длинным стволом и вытянутым телескопическим прицелом. Он держал ее поперек, положив на изгиб своей левой руки, сжимая правой цевье приклада ближе к предохранителю. Добблер смотрел на парня на экране. Перед ним было такое же невыразительное лицо, как у всех бедных белокожих крутых парней из южных штатов, тела которых, как правило, представляют из себя настоящие шедевры татуировок: этакие убийцы, рожденные для того, чтобы сеять смерть, настоящие профессионалы, всегда готовые напасть на кого-то, проводящие все свое время на войне так же легко, как и в отпуске. Первый шок, который испытывал там всякий нормальный человек, был от того, что в таких зверских, ужасных условиях некоторые умудрялись не только выживать, но еще и благоденствовать.

Доктор продолжил:

– Заметьте, пожалуйста, что к нему не следует обращаться: Роберт Ли Суэггер. Отец называл его Бобом Ли, поэтому он приходит в неопишемую ярость, когда его называют Робертом. Очень любит, чтобы его звали просто Бобом, а не Бобом Ли. Необычайно гордится своим отцом, хотя едва его помнит. Орл Суэггер был награжден орденом Почета конгресса США за службу на “Айво-Джима” во второй мировой войне, потом служил полицейским в Арканзасе и был

убит при исполнении служебных обязанностей в 1955 году, когда Бобу исполнилось всего девять лет. Его жена переехала из Литл-Рока в графство Полк на севере Арканзаса, где неподалеку от Блу-Ай у них была семейная ферма. Там они и влачили свое жалкое существование – Боб, его мать и бабушка.

Боб во многом дитя этой сложной Второй поправки к Конституции, и мне кажется, что его судьба полностью совпадает с судьбами двух других величайших стрелков Америки – Альвина Йорка и Ауди Мерфи. Рано оставшись без отца, он рос в приграничном штате на заброшенной ферме. Охотиться было не просто интересно и естественно, но и необходимо, дабы добывать пропитание. Он быстро стал профессиональным охотником, имея всего лишь однозарядную винтовку 22-го калибра, затем, в юные годы, он приобрел настоящую охотничью винтовку с рычажным механизмом затвора, а потом – винчестер 30-го калибра. С того момента, когда отец впервые разрешил ему выстрелить из винтовки, было видно, что он необычайно одаренный стрелок.

В 1964 году, закончив среднюю школу только с отличными оценками – как бы удивительно это вам ни казалось, – Боб не захотел продолжать учебу в колледже и поступил на службу в Корпус морской пехоты США. Это его решение совпало с началом вьетнамской войны.

Первый раз он побывал там в 1966 году в звании младшего капрала, был дважды ранен. Второй раз он оказался там в 1968 году, как раз во время “Тета”, и в качестве командира разведывательного патруля выполнял целый ряд опасных заданий в районе ДМЗ. В 1971 году в учебном центре Перри, штат Огайо, Боб Ли стал чемпионом страны по стрельбе из винтовки на тысячу ярдов. Его отметили. В конце 1971 года он возвращается во Вьетнам – в разведывательно-снайперский взвод штабной роты двадцать шестого полка Первой дивизии Корпуса морской пехоты США, действующей в районе города Дананг.

Он нажал кнопку. На экране высветилась визитная карточка, на которой под контуром винтовки с оптическим прицелом была сделана аккуратная лаконичная надпись:

“МЫ ТОРГУЕМ СВИНЦОМ, ДРУЖИЩЕ!
РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-СНАЙПЕРСКИЙ ВЗВОД, ШТАБНАЯ
РОТА, МОРСКАЯ ПЕХОТА”.

– Первая строчка выдрана из “Великолепной семерки” Стива Мак-Куина, – продолжал Добблер, – а мы видим визитную карточку его взвода, который действовал в этом регионе в составе подразделений Первой дивизии Корпуса морской пехоты по проведению психологических операций. Они оставляли такие визитные карточки на самых видных местах. Выполняя задания в этих районах, Боб и его товарищи обычно прикалывали их к левому рукаву убитых в результате прямого попадания одной единственной пулей прямо в грудь. Разведывательно-снайперский взвод Первой дивизии Корпуса морской пехоты США был подразделением самых опытных профессиональных убийц. За шесть лет боевых действий они, говорят, убили более 1750 солдат противника. Хотя за все годы существования этого подразделения в его составе побывало только сорок шесть человек. Сержант Карл Хичкок, на счету которого было девяносто три официально зарегистрированных убитых, был первым. Боб – спустя пять лет стал вторым: на его счету восемьдесят семь убитых. Но было еще несколько снайперов, имевших в своем активе порядка шестидесяти попаданий, и более десятка человек, каждый из которых убил чуть больше пятидесяти солдат противника.

Что касается Боба, то вполне очевидно, что он выполнял определенные задания Оперативного отдела ЦРУ, так как уничтожал людей, занимавших центральные посты в административных структурах сборщиков налогов во Вьетконге, местных глав общин и прочих. Так что он не так уж несведущ в отношении деятельности профессиональных органов разведки. Но в общем у него были более простые задачи, например выбивание сержантского состава в регулярных частях вьетнамских вооруженных сил, действующих на севере Вьетнама. Те даже назначили за его голову колоссальную награду – около пятидесяти тысяч монет. А однажды Боб вместе со своим лучшим другом, младшим капралом Донни Фенном, устроил засаду целому батальону северных вьетнамцев. Желтолицы быстро продвигались в направлении небольшого отряда наших войск специального назначения, отрезанного на этот момент от главных сил лагеря. Погода была отвратительная, тучи висели прямо над джунглями, так что оказать поддержку с воздуха или осуществить эвакуацию людей было невозможно. Плюс ко всему лагерь был расположен вне досягаемости огня нашей артиллерии. Тысяча человек

неприятеля, направляющихся к вершине, где было всего двенадцать наших солдат!.. Боб и его друг оказались единственными представителями американских войск в этом районе боевых действий. Подкараулив северных вьетнамцев, они стали выбивать их офицеров. Вдвоем они держали весь батальон в напряжении более сорока восьми часов. В этом двухдневном приключении Боб уложил более тридцати человек. Дело было в долине Ан-Лок.

Батальон так и не добрался до “зеленых беретов”, а Суэггер и его напарник вышли на них три дня спустя.

Даже Пайн, который никогда ничему не удивлялся, присвистнул:

– Умеет немного стрелять, стервец, – сказал он.

Щелкнул проектор.

На госпитальной койке лежал замотанный в бинты человек. Одна его нога была подвешена в гипсе, глаза глубоко запали, выражение лица мрачное.

Добблер продолжил:

– Война для Боба Ли Суэггера закончилась одиннадцатого декабря 1972 года – в тот момент, когда ему в бедро попала пуля, выпущенная вьетнамским снайпером. Его друг и напарник Донни Фенн спустился по насыпи, чтобы помочь ему. Следующая пуля попала Донни прямо в грудь и прошла навылет, пробив позвоночник. Все утро Суэггер пролежал с мертвым другом, пока не удалось навести артиллерию на место, где засел снайпер. Так закончилась для Боба война, а вместе с ней и его карьера в морской пехоте США – он уволился из Корпуса морской пехоты по инвалидности в 1975 году, после того как три года провалялся на больничных койках. Вместе с этим закончились и все его соревнования по стрельбе. Спортивная стрельба – необычайно заформализованный вид спорта. Его участники вынуждены испытывать массу физических неудобств ввиду того, что, будучи одетыми в тугие кожаные одежды, должны надолго фиксировать различные стрелковые позиции. Со своей ногой, кость которой была стянута металлическим штифтом, Боб уже никогда не смог бы стрелять в таких условиях и никогда бы уже не достиг своей былой спортивной формы.

В общем, можно сказать, что Боб Ли Суэггер отдал своей стране все, что только мог. Его героизм, однако, заставил многих американцев чувствовать себя несколько неуютно. Дело в том, что Суэггер не

спасал жизни, не поднимал солдат в атаку. Он был просто-напросто высокопрофессиональным убийцей. Может быть, именно по этой причине его не награждали медалями и не окружали должным почетом, хотя все это он, безусловно, заслужил. То, что было потом, предугадать несложно. Женился, но брак распался. Попытка сделать карьеру в компании “Лежъен”, занимающейся продажей недвижимости, потерпела крах. Хотел вернуться в колледж, чтобы продолжить образование, но потом вдруг потерял к этому всякий интерес. В середине и в конце семидесятых он несколько раз лечился в клиниках для алкоголиков. В восьмидесятых, кажется, обрел душевное спокойствие и заключил своего рода профессиональный мир с самим собой и своей страной, удалившись от всех. Легко себе представить, насколько отрицательной была его реакция на ту чрезмерную патриотическую спесь, которая охватила Америку после победы в войне в Персидском заливе. Все это лишь усилило его горечь и заставило еще больше изолироваться от общества. Сейчас Суэггер живет в горах Уошиито, в нескольких милях от Блу-Ай, один в своем трейлере. Его единственным средством к существованию является пособие по нетрудоспособности – так как он уволился из морской пехоты по инвалидности – да еще, может быть, то, что осталось от тех тридцати тысяч долларов, которые отсудил ему его приятель Сэм Винсент, адвокат графства, предъявивший иск журналу “Месенери” и выигравший этот процесс в 1986 году. Боб живет один, правда, у него есть еще его винтовки – несколько десятков штук. Он стреляет из них каждый день и обращается с ними так, как будто они и есть его настоящие друзья.

Вы, конечно, прекрасно понимаете, что в нем накопилось огромное чувство возмущения и обиды на всех и вся. Плюс к этому – абсолютная изоляция от общества. Все это делает его уязвимым и поддающимся влиянию. Но это сильный человек. Этот одинокий чудаковатый отшельник – такой же крепкий орешек, как те “орешки”, которыми он стрелял из своей винтовки.

Когда винтовка толкнула его в плечо и картина прицела из-за отдачи превратилась в неясные очертания какого-то предмета. Боб понял, что выстрел, к которому он готовился все эти долгие часы, был точным. Ему показалось, что в тот самый момент, когда спусковой

механизм послал затвор ремингтона вперед и ударник пробил капсуль, все предметы вокруг мгновенно отпечатались в его мозгу: за считанные доли секунды, пока это длилось, он успел понять, что винтовка не подвела и что прицел, выхвативший за две сотни ярдов маленький участок тела менее чем в два дюйма, был нацелен именно туда, куда он хотел. Да, спуск был плавный и мягкий... Он даже удивился, когда прозвучал выстрел: он занял правильную позицию, твердую и устойчивую, и ни отдача винтовки в последнее мгновение выстрела, ни тень сомнения или неуверенность в своих силах – уже ничто не могло ему помешать.

Да, он попал.

Склонившись к земле и яростно дергая ногами, животное мотало головой, пытаясь стряхнуть неожиданно наплывшую на глаза красную пелену. Его большая голова, украшенная огромными красивыми рогами, вдруг резко запрокинулась, передние ноги подкосились, и олень тяжело рухнул на землю. Не отрывая от плеча винтовку, Боб передернул затвор, из которого желтым отблеском металла вылетела стреляная гильза, затем сразу же дослал в патронник новый патрон 308-го калибра и снова навел винтовку на цель. Но в повторном выстреле необходимости не было. Поставив винтовку на предохранитель, Боб опустил ее и посмотрел на бьющегося в агонии Тима, который в последней попытке поднять свое тело безнадежно дергал толстой, покрытой грязью и снегом шеей. Животное никак не могло смириться с тем, что его ноги больше не подчиняются ему и что по всему телу неумолимо распространяется оцепенение.

“Что ж, парень, брыкайся сильнее, – думал Боб. – Чем больше ты будешь стараться, тем быстрее это на тебя подействует”.

Наконец-то он позволил себе встать. Ноги затекли и ужасно болели, и только сейчас он вдруг понял, что совершенно окоченел. Боб стал сгибать и разгибать пальцы, чтобы убедиться в том, что они еще работают. Рука потянулась растереть ноющее бедро, но он сразу же отдернул ее: все тело под пуховой курткой было мокрым от пота. Поежившись, он окоченевшими ногами сделал несколько шагов и подобрал стреляную гильзу.

После выстрела Боб не испытывал почти никаких чувств. Повернувшись, он посмотрел на лежащего в кустарнике, более чем в

ста ярдах, оленя. В душе у него не было ни радости, ни триумфа победы.

“Да... хорошо... Я еще немного умею стрелять, – подумал он. – Значит, я еще не так стар”.

Прихрамывая, он спустился с холма на прогалину и подошел к лежащему оленю. Непрекращающийся снег больно бил его по лицу. Весь мир казался серым и мокрым. Его трясло от холода.

Животное дышало с присвистом и хрипом, продолжая стучать головой о землю. Один глаз был у него широко раскрыт. Боб нагнулся, чтобы получше его рассмотреть. Он ожидал увидеть в этих больших черных глазах ужас, ярость, упрек в предательстве – все то, что так сильно заставляло его только что волноваться. По телу животного прошли глубокие судороги, и из полуоткрытого рта вывалился длинный язык. Олень был сильным и матерым. Его ноги были покрыты шрамами, как колени у футболистов. Боб разглядел у него на боку, сзади, бесчисленное количество шрамов, которые остались у него с тех самых пор, как Сэм Винсент несколько лет назад всадил в него из своего 444-го калибра весь заряд дроби. Но рога, хоть сейчас они и были немного несимметричными, выглядели просто великолепно. У Тима были не рога, а целая громадная вешалка, на которой двенадцать отростков, переплетаясь и изгибаясь, росли в таком густом беспорядке, что напоминали терновую корону, надетую на голову редкой красоты. Это был великолепный трофей. Бока животного все еще тяжело вздымались, и под кожей угадывались мощные кости ребер. От его тела, несмотря на покрывающий его снег, исходило тепло и неприятный животный запах, густой и плотный. Этим теплом даже можно было бы, наверное, согреть руки. Левая задняя нога была неестественно согнута, и создавалось впечатление, будто он собирается ею ударить. Боб посмотрел на пулевое отверстие. Пуля попала туда, куда он и хотел, и как раз в то место, куда ее направил ремингтон: темно-красное пятнышко на спине, ближе к шее, как раз над позвоночником.

“Ну что, приятель, – подумал Боб, – ловко я с тобой справился”.

Вновь задержавшись, Тим жалобно захрапел. Его рыжевато-коричневая голова то и дело падала в грязь, при этом олень испуганно косил на Боба одним глазом. Суэггер наклонился и бережно погладил животное.

Боб потрогал оленьи рога и вытащил свой нож – старый, убийственно острый “Рэндолл Севайвз”.

“Не бойся. Все закончится за несколько секунд, приятель”, – сказал он, склоняясь над Тимом.

– Минутку, – вмешался Пайн.

Лобблер сглотнул. В темноте свирепый взгляд Пайна казался почти безумным. Пайна боялись все, кроме Шрека.

– Полковник, на службе я повидал немало таких парней, как этот, впрочем, вы тоже, – сказал он, обращаясь к Шреку. – Я с гордостью могу сказать, что, когда мне было двадцать два, я служил вместе с ними в войсках специального назначения. Сейчас, когда снова пришло время убивать, парня лучше, чем этот ваш белый южных штатов, нет. Поверьте, эти ребята умеют стрелять, они такие вещи вытворяли – просто уму непостижимо! Но во всем этом есть одна проблема: они терпеть не могут, когда ими командуют, и считают защиту своего достоинства делом чести. Заденьте любого из них – ни один ни за что не простит вам этого, пока не поквитается. Но в этом случае я за вас и гроша ломаного не дам. На службе я насмотрелся на это по горло, так что могу говорить со знанием дела.

– Продолжай, Пайн, – сказал полковник.

– Это настоящие мужики, крутые. Если они втемяшат себе что-нибудь в голову, то это уже ничем не выбьешь. Поэтому я вам скажу просто: если вы тронете этого парня, то я гарантирую вам, что у вас будут такие неприятности, какие вам никогда раньше и не снились.

– Я считаю, – громко сказал доктор, – что мистер Пайн сделал прекрасное уточнение. Я бы не стал недооценивать Боба Ли Суэггера. Особенно мистер Пайн прав в той части своего выступления, где он обращает наше внимание на так называемую “проблему чести” Боба и таких ребят, как он. Такое понимание чести и есть именно тот фактор, который делает его для нас потенциально уязвимым. Фактически он действует как абсолютно точная винтовка, благодаря чему и заслужил свою кличку – Боб Снайпер, и он очень опасен, если с ним обращаться небрежно, но абсолютно надежен, если с ним обращаться как следует. В конце концов, о том, что нас интересует, он знает больше, чем любой из оставшихся в живых. Он просто самый лучший снайпер во всей западной части Соединенных Штатов. – Он бросил быстрый взгляд на

неподвижную фигуру Шрека, но ответом ему было гробовое молчание. Добблер продолжил: – Однако существует одно серьезное “но”. Боб Снайпер действительно виртуозный стрелок, но... у него есть один очень большой недостаток.

Склонившись над Тимом, Боб переложил нож в левую руку. Тим еще раз всхрипнул.

Боб покрутил рукоятку “Рэндолла”, и оттуда появился плотный ряд стальных зубцов небольшой пилы. Он стал подпиливать левый рог оленя у самого основания, но не там, где под бархатистой шишечкой проходят вены, а на дюйм-два выше, где рог уже полностью окостенел. Пила легко входила в рог, и через несколько мгновений у него в руках была половина короны. Он отбросил ее в сторону, в кусты, и, склонившись, так же тщательно отпилил вторую половину. Затем отступил назад, опасаясь, что животное может его затоптать.

Зверь тяжело оторвался от земли и привстал.

Боб с силой хлопнул его по крестцу:

– Ну давай, парень. Пошел! Пошел! Пошел отсюда, старый черт!

Тим брыкнулся, снова захрипел и с неописуемым восторгом затряс облегченной головой. Из его ноздрей вырвались две струйки дымчатого пара; казалось, что он стал еще сильнее, когда, разбрасывая в стороны кусочки льда, как сумасшедший бросился в сторону молодых сосен и быстро скрылся в лесу.

Через секунду он исчез совсем.

“Все-таки я тебя надул, сукин ты сын”, – подумал Боб, глядя вслед исчезнувшему оленю. Он отвернулся и зашагал прочь. Впереди была долгая дорога домой.

– Его недостаток, – сказал доктор, – заключается в том, что он больше не может убивать. Да, он продолжает охотиться. Он уходит на большие расстояния и подвергает себя суровым испытаниям, но только лишь для того, чтобы проверить себя и сделать точный выстрел, плюс к этому он берет трофеи. Пули, которыми он поражает животных, отлиты им самим из эпоксидной смолы. Дальность полета у них – сто ярдов. Если он попадает в животное правильно – а он всегда попадает туда, куда надо, потому что целится как раз между лопаток, чуть выше позвоночника, – он буквально сбивает его с ног и лишает сознания на

пять-шесть минут. В каждой пуле сделана маленькая полость, которая заполняется для веса красной алюминиевой пылью, так что, когда пуля попадает в животное, на нем остается красное пятно, которое, впрочем, смывает первый же дождь. Необычно, правда? Потом он отпиливает у них рога. Хотя Боб далеко не тот человек, который стал бы охотиться за оленями только для того, чтобы заполучить их рога. Он не любит охоту за трофеями. Ведь он сам когда-то был чем-то вроде трофея. Все это он проделывает, чтобы поддерживать себя в должной стрелковой форме.

– Тогда все в порядке, – сказал полковник Шрек. – Суэггер нам подойдет. Но нам надо найти для него такой трофей, по которому этот засранец все-таки выстрелит.

Глава 2

Странно, как все-таки порой винтовка может раздражать... Старый отменный винчестер 70-й модели 270-го калибра, выпущенный еще до шестидесят четвертого года, безотказно служил Бобу на протяжении пяти лет, стреляя с отклонением в один дюйм – на расстояние сто ярдов, два дюйма – на двести и три дюйма на триста ярдов, причем всегда с одинаковой кучностью. Но сегодня он неожиданно подкачал. Дырочки от пуль нарисовали на мишени созвездие с рваными краями, имеющее более трех дюймов в диаметре.

Боб был немного сбит с толку: он никак не ожидал подобных результатов. Черт побери, это становилось уже просто любопытно. Но была и еще одна причина, по которой он непременно должен был разобраться с этим сбоем: чтобы и дальше оставаться самим собой, он должен всегда быть уверенным в себе и в своем оружии. Черт бы побрал этот 70-й. Он может угробить на него целую неделю. Ему придется сначала разобрать его на части, вплоть до самого маленького винтика и последней пружины, а потом перебрать все эти крошечные детали одну за другой в поисках металлических зазубрин или песчинок в рабочих частях и механизмах, а также в поисках еле заметных признаков износа или усталости металла. Он отдраит курок и весь ударно-спусковой механизм, на ощупь проверит каждый квадратный сантиметр поверхности приклада, пытаясь обнаружить сучки, занозы, щепочки, следы деформации, что-нибудь такое, что помогло бы ему понять, почему ствол при стрельбе отклоняется от точного направления. И, когда вся эта работа будет сделана, ему, в случае если винтовка все равно будет стрелять неточно, придется повторить все сначала.

Его крошечная мастерская располагалась позади трейлера.

Это было что-то наподобие небольшого эллинга, собранного из темных листов гофрированной жести. Возле одной стенки стоял станок для повторной зарядки гильз, состоящий из одноступенчатого “Рок Чакера” – для винтовочных патронов и “Диллона” – для 45-го калибра. Вдоль всей стены аккуратно и тщательно были разложены всевозможные матрицы. Задняя стена была разделена на полки и

отсеки, где хранились у него записные книжки, мишени и мешки со стреляными гильзами, которые он еще не успел перезарядить. Запах ружейной смазки смешивался с запахом растворителя, и все это висело в воздухе, подобно пару. Помещение освещала одна-единственная лампочка, и если Боб не стрелял и не спал, то обычно читал здесь “Ганс энд аммо”, “Шутинг таймс”, “Америкэн райфлмен”, “Экьюрэси шутинг”, “Шотгавс ньюс” или “Райфл”.

Но этим утром, задумчиво созерцая провинившийся 70-й, он неожиданно услышал лай Майка. Майк, старый злой пес с желтыми глазами, был наполовину гончей; вечно грязный, он бродил вдоль ограды, которую Боб построил вокруг своего трейлера, и в обмен на объедки со стола и ежедневные веселые прогулки по холмам отгонял от трейлера почти всех людей, кроме двух-трех друзей Боба, которым тот позволял к нему приходить. Но сегодня Майк надрывался особенно долго, и Боб понял, что тот, кто приехал, уезжать не собирается. Он вытащил из ящика заряженный и взведенный кольт 45-го калибра и засунул его в задний карман джинсов; затем набросил куртку и, натянув бейсбольную кепочку “Рэйзорбэк”, вышел из мастерской. Солнце было тусклым и как будто вылинявшим. Вокруг сурово вздымались голубые горы Уошито, всем своим видом давая понять, что скоро наступят холода. Боб повернулся и увидел двух мужчин, которые стояли возле автомобиля, видимо, взятого напрокат. Они ждали сразу за воротами, и Майк с завываниями бросался на них с такой яростью, словно готов был разорвать непрошенных гостей в клочья, если они подойдут ближе.

Поверх костюмов на них были обычные плащи. Но военная выправка бросалась в глаза. Может быть, не сейчас, может быть, в прошлом, но все равно эти люди были военными – в этом сомнений не было. Они, казалось, были вырезаны из одного и того же твердого дерева. Один был похож на глыбу, квадратный, почти одного роста с Бобом, но на полторы головы ниже его, с огромными руками и грузным, похожим на шкаф телом. На голове у него был аккуратный ежик, и буквально каждый квадратный сантиметр его тела кричал: “Я – сержант!”

Второй, очевидно, был офицером: более высокий, но тоже крепкий, хорошего телосложения, с квадратным лицом и с короткой, но все же не под ежик, стрижкой. Он выглядел так же, как выглядели, по крайней

мере, девять из двенадцати командиров батальона, с которыми Боб столкнулся за время своей службы. Это были люди, которых Боб хоть и не любил, но уважал, потому что они четко и ясно ставили боевую задачу и всегда выполняли ее до конца.

– Пошел вон! Заткнись! – прикрикнул Боб на Майка и дал ему пинка. Собака отбежала к двери. Но Боб не снял замок с ворот. Засунув руку в задний карман джинсов, он взялся за рукоятку своего кольта, потому что всегда лучше держать пистолет в руках, чем в кармане штанов, особенно когда дела складываются хреново.

– Что вам надо? – прищурившись, спросил он.

– Вы – мистер Боб Ли Суэггер? – поинтересовался офицер.

– Да, сэр. – Боб флегматично сплюнул в пыль.

– С вами трудно связаться, мистер Суэггер. Мы послали вам пять писем. Похоже, вы их даже не распечатали. К тому же у вас нет телефона.

Боб припомнил эти чертовы письма. Он думал, что они были от Сьюзен, его бывшей жены, которая снова просила денег. Или, может быть, от кого-нибудь из тех рехнувшихся любителей поговорить о войне, которые готовы были платить ему деньги, только бы он разъезжал повсюду и рассказывал людям всякие военные небылицы.

– Это частная собственность, – заявил он. – Вас сюда никто не звал. Так что возвращайтесь туда, откуда приехали, и оставьте меня в покое.

– Мистер Суэггер, – сказал офицер, – мы приехали сюда с деловым предложением, которое может принести вам много денег.

– Я не нуждаюсь ни в каких деньгах, – отрезал Боб. – У меня их достаточно.

– Я надеялся, что вы сделаете одолжение и выслушаете меня, вот и все. Уделите нам пять минут вашего времени, и если после этого вы не заинтересуетесь тем, что я вам расскажу, и тем, что я предложу, то мы отсюда уедем.

Тот, что был поменьше ростом, так ничего и не сказал. Он просто смотрел на Боба по все глаза и казался отвратительно агрессивным. Он держал свои большие руки в карманах, и Бобу не понравилось, как оттопыривался у него под правой рукой широкий плащ.

Боб повернулся к офицеру:

– Почему это я должен вам делать такое одолжение, сэр? Я вас даже не знаю.

– Может быть, это подтвердит мои честные намерения?

С этими словами он достал из кармана красиво украшенную коробочку и перебросил ее через ограду. Она упала в грязь к ногам Боба.

– Настоящий, – сказал офицер. – Я заслужил его честно. Около Дакто, рядом с Первой магистралью, в 1966 году. Я был майором и служил в 24-й механизированной дивизии. Это был трудный день.

Боб поднял коробочку и, открыв крышку, к огромному своему удивлению, обнаружил там орден Почета.

Он тяжело сглотнул. У его отца был такой же за службу на “Айпо”, и, по крайней мере, с десятков офицеров говорили ему, что он тоже заслужил этот орден, когда вместе с Донни Фенном сдерживал батальон главных сил противника в долине Ан-Лок, но он его так и не получил, потому что политики того времени считали, что снайперу не следует вручать такую почетную награду. Но Боба это не волновало. Он никогда особенно и не стремился получить орден. Ему просто не нравилось, что его способ уничтожения противника считался каким-то нечестным и не признавался открыто.

– Хорошо, – сказал он, пытаясь выбросить из головы все эти мысли. – Только из уважения к тому, что вы сделали для нашей страны, я выслушаю вас. Но постарайтесь покороче.

Он отпер ворота.

Сняв внутри трейлера свои плащи, мужчины остались в строгих деловых костюмах. Создавалось, правда, впечатление, что у коротышки под пиджаком было припрятано что-то вроде укороченной винтовки, хотя сам он старательно изображал на своем лице скуку. Пока Боб не собирался их впускать, пока они не знали, смогут ли войти внутрь или нет, коротышка весь был напряжен и готов к борьбе. Теперь они уже были внутри, и он ходил тихо и осторожно. Второй мужчина вел себя совсем по-другому. Перегнувшись через стол, стоявший посередине аккуратной маленькой гостиной трейлера, он внимательно посмотрел на Боба своими темно-кариими глазами.

– Вот, мистер Суэггер, это поможет делу.

Он протянул Бобу визитку, на которой тот прочитал:

“ПОЛКОВНИК УИЛЬЯМ А. БРЮС (В ОТСТАВКЕ) ПОМОЩНИК
ПРЕЗИДЕНТА ФИРМЫ 110 ПО ТЕКУЩИМ ВОПРОСАМ
КОРПОРАЦИЯ “ЭКЬЮТЕК”, ВЫСОКОТОЧНОЕ ПРОИЗВОДСТВО”

Дальше шел адрес, по которому можно было судить, что это находится где-то в штате Мэриленд, и чуть ниже мелкими буквами были напечатаны основные направления деятельности фирмы:

“– Производство технических средств для подразделений по обеспечению законности;

– Производство боеприпасов для подразделений по обеспечению законности;

– Проведение подготовительных сборов и семинаров;

– Консультации по стрелковому оружию”.

– О’кей, – сказал Боб. – Итак, полковник, что вас ко мне привело?

– Мистер Суэггер, после своего увольнения из вооруженных сил в 1975 году я шестнадцать лет провел в качестве инспектора полиции штата Аризона. В прошлом году я уволился с этого поста и открыл свой маленький бизнес, который по идее должен дать американским подразделениям по обеспечению законности усовершенствованное техническое оснащение и новые возможности.

– Именно поэтому ваш мальчик таскает под мышкой пушку?

Выражение лица коротышки не изменилось, только при слове мальчик он вдруг весь как-то вспыхнул, словно тот, кто находился внутри этого низенького коренастого тела, внезапно очутился в раскаленной печи.

– Мой помощник является также моим телохранителем, мистер Суэггер. Я, как и любой, кто служил в подразделениях по обеспечению законности, успел нажить себе врагов. Штатом Мэриленд мистеру Пайну было предоставлено право носить при себе оружие, и точно такая же услуга была оказана ему штатом Арканзас.

– Да, сэр.

– В любом случае, я пришел сюда вот почему... Это мое самое новое усовершенствование в выпускаемой продукции.

Он протянул через стол желтую коробочку размером с две сигаретные пачки.

“ЭКЬЮТЕК, СНАЙПЕРСКИЕ БОЕПРИПАСЫ”

было написано ярко-красными буквами. И ниже:

“ТОЛЬКО ДЛЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЗАКОННОСТИ”.

Боб открыл коробочку и увидел, что это были патроны 308-го калибра с полостью в наконечнике весом 150 гран. На него смотрели двадцать великолепных двойных кружочков – кружок капсюля и ободок вокруг него; все они чем-то напоминали глаза. Он вытряхнул патрон из коробки. Гильза была тяжелой и ярко сверкала. Овальной формы конус патрона венчал идеальный по исполнению и точности кратер. Внешне он выглядел почти так же, как и любой другой патрон 308-го калибра, за исключением разве что яркой полосы на блестящей гильзе возле самого дульца.

– Ни одна из американских компаний по производству боеприпасов еще не видела этого, – сказал полковник. – Даже такие серьезные фирмы, как “Винчестер Сьюприм”, “Федерал Премиум” и “Ремингтон Икстендид Рэндж”. Я гарантирую вам стопроцентное попадание из хорошей винтовки.

– С расточенным дульцем... – заметил Боб, проводя пальцем по яркой полоске. – Как вы умудрились запустить в массовое производство патроны с такой гильзой? Это же ручная работа. Я не представляю, как это можно сделать.

– Лазерами.

– Гм-м-м, – произнес Боб. – О’кей, я слышал, что сегодня на некоторых предприятиях лазеры применяются в качестве точных приборов контроля. Вы их применяете и при зарядке?

– Да, – ответил полковник, наклонившись вперед. – Промышленные лазеры уже становятся реальностью в высокоточном производстве. Сегодня они используются для создания электронных схем, ракетных систем управления и для производства высокоточных технологий. Моя идея заключалась в том, чтобы применить их в промышленном производстве боеприпасов. Компьютерная программа может закодировать их так, что вы получите практически неограниченные возможности для повторной перезарядки патронов. Вы же знаете, в чем заключается ценность любого патрона – в точности. Поэтому все то, что вы делаете собственноручно и в единичных экземплярах, мы можем производить, используя промышленные мощности, причем наши патроны будут самого высокого качества. Мы покупаем гильзы у “Ремингтона” в количестве ста тысяч штук; наши лазеры обрабатывают дульца гильз внутри и снаружи таким образом, что все они получают абсолютно одинаковый

диаметр. Затем мы вырезаем в основании гильзы небольшое отверстие и устанавливаем через него капсюль. Все это мы можем выполнить при помощи автоматики, контролируемой лазерной техникой. Другими словами, мы можем запрограммировать машины и оборудование на обработку гильз строго в соответствии с направлением лазерных лучей. Таким образом мы можем выпускать тысячи и тысячи патронов прекрасного качества, в то время как вы будете делать один или два по своим собственным матрицам, или, может быть, по матрицам РСБС, или Уилсона, или еще каким-нибудь другим, которые вы используете для этих целей.

Боб посмотрел на лежащий у него на ладони патрон.

– За несколько лет я сделал довольно много патронов 308-го калибра, причем неплохого качества.

– Но вам пришлось покорпеть, прежде чем они у вас появились, не так ли? – спросил полковник.

– Да, сэр, что правда то правда.

– Вот в коробке патроны. Они просто находка для всех полицейских учреждений, которых полным-полно в стране. Позже, возможно, мы разрастемся и предложим эти патроны и гражданскому населению, если, конечно, удастся добиться репутации организации, заботящейся о соблюдении законности.

– Ну и что же вы от меня хотите?

– Мистер Суэггер, я ищу профессионального стрелка, который бы летал по всей стране и проводил показательные стрельбы для полицейских департаментов с целью повышения уровня боевой подготовки их подразделений “СВИТ”. Но мне нужен человек с репутацией. Такой, который, побывав во всякого рода переделках, остался жив и вернулся домой целым и невредимым.

– Почему вы не выбрали Карла Хичкока? Он же знаменитость. О нем написаны кипы книг, его везде знают, повсюду рекламируют. Он – номер один.

– Карл привык получать слишком много денег за свое участие в различных мероприятиях. За одно-единственное выступление в стрелковом шоу ему платят две тысячи долларов. Вы слышали об этом?

– Карл всегда был счастливчиком.

– В графстве Гарритт, штат Мэриленд, у нас есть свое собственное оборудование, на котором мы проводим испытания. Мы хотели бы, чтобы вы слетали туда на выходные. За наш счет, разумеется. Вы привезете с собой свою самую лучшую винтовку и самые удачные патроны собственного изготовления. О'кей? Там, на стрельбище, вместе с несколькими нашими стрелками и конструкторами вы выпустите по мишеням несколько своих и несколько наших патронов. Если вы согласитесь на наше предложение, то тогда вы сможете сравнить свои патроны с нашими, а также определить кучность и точность стрельбы. Это все, чего мы хотим. Не торопитесь с ответом. Дайте нам шанс убедить вас в искренности наших слов. Главное – чтобы вы поверили нам, все остальное приложится.

У Боба не было ни желания, ни необходимости покидать свои горы. Дело в том, что за исключением редких вылазок из дому чтобы постричься, купить журналы и раз в месяц оплатить счета за почтовые услуги, да еще, может быть, одной или двух дружеских встреч с Сэмом Винсентом и традиционного посещения врача для проверки общего состояния здоровья и зубов, – он за последние пять лет никуда отсюда не уезжал.

– Работа предстоит большая, – сказал полковник. – Я облечу с вами всю страну, и вы встретитесь с людьми, которые будут относиться к вам с уважением. Вы сами знаете, что после Вьетнама мир очень сильно изменился. Говорят, что вьетнамский синдром умер. Только что закончилась война, которую мы выиграли. Это было сложное время, и теперь каждый, кто когда-то служил в вооруженных силах, снова может стать героем. Вы можете добиться того, чего вам не удалось достичь тогда. К вам будут относиться с уважением, любовью и должным вниманием.

Боб скривился. Он поверит этому только тогда, когда увидит все своими собственными глазами. Конечно, он понимал, что не сможет остаться здесь навсегда... Он еще раз взглянул на патрон. Любопытно. Эта проклятая вещичка выглядела так, будто ею можно было на лету отстрелить комару яйца. Но качество всегда определяется стрельбой, а не внешним видом. Боб почувствовал, как в голове у него что-то странно зазвенело. Резкая боль. С тех пор как он бросил пить, у него еще никогда так сильно не болела голова.

– Когда?

- А когда вам удобно?
- Сейчас я не могу. Есть некоторые проблемы с винтовкой. Скажем, на следующие выходные?
- Прекрасно. Как вам будет удобно. У вас есть кредитная карточка?
- Да, есть.
- Тогда, если вам это не трудно, купите себе билеты сами. Сохраните, пожалуйста, все квитанции – мы их потом оплатим. Или вы можете прямо сейчас подписать контракт. Тогда мы вам сразу выпишем аванс и...
- Сейчас я у вас никаких денег не возьму.
- Извините, я не подумал. Может быть, вас подбросить в балтиморский аэропорт или лучше арендовать для вас машину?
- Благодарю вас, я бы предпочел машину.
- Договорились.
- Тогда все, – сказал Боб. – А теперь мне надо идти кормить эту чертову псину.

Глава 3

Боб благоразумно навел справки. С автозаправочной станции Билла Доджа в Эксксонс, на 270-й дороге, он позвонил своему старому приятелю, который уже тридцать лет был мастер-сержантом и служил сейчас в Отделе комплектования в Пентагоне. Боб задал ему несколько конкретных вопросов. На следующий день он получил телеграмму с ответом. В ней говорилось:

“СТАРИНА, ТВОЙ ПРИЯТЕЛЬ ПОЛКОВНИК КРЮС ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ТОТ, ЗА КОГО СЕБЯ ВЫДАЕТ. ОН ВОЗГЛАВЛЯЛ АТАКУ БТР-ОВ НА СКРЫТЫЕ ОГНЕВЫЕ ПОЗИЦИИ, БЫЛ ДВАЖДЫ РАНЕН, САМ ВЫВЕЛ ВСЕХ СВОИХ ЛЮДЕЙ ИЗ ПОД ОГНЯ. ГОВОРЯТ, ОН СТАЛ ПОЛИЦЕЙСКИМ В АРИЗОНЕ. СЭМПЭ ФИДЕЛИС”, ТВОЙ БРАТ”.

Прочитав телеграмму. Боб направился в бюро путешествий Сары Винсент – Сара была дочерью Сэма Винсента, причем она была настолько некрасивой, что пугала даже Майка, – и, заказав там билеты, договорился с Сэмом, что тот будет раз или два в день заходить к нему домой, проверять, все ли у него в порядке, и кормить собаку. После этого он стал готовиться к тому, чтобы снова вернуться в тот мир, из которого когда-то ушел. Все было хорошо, даже слишком... до последней ночи. Он знал, что утром ему придется рано встать, чтобы отправиться в Литл-Рок, и в принципе уже был готов лечь спать.

Все вещи были собраны и проверены. В этот момент это и случилось. Все произошло очень быстро, неожиданно и без всяких предварительных симптомов. Просто случилось – и все тут, никуда не денешься.

Неприятное состояние. Последний раз ему было так плохо, когда президент громогласно заявил, что эта маленькая “войнушка” в пустыне закончилась победой Америки, и когда вся страна по этому поводу пиновала как сумасшедшая. Все были счастливы, кроме него и, наверное, еще миллиона парней, которые мысленно задавали себе вопрос, почему их двадцать лет назад не наградили такими же

орденскими ленточками. Тогда для получения таких орденов имелись хотя бы заслуженные основания.

“Ну, теперь началось”, – подумал Боб, чувствуя огромное желание опрокинуть стаканчик виски, чтобы хоть чуть-чуть успокоиться. Но он прекрасно понимал, что если будет первый стакан, то за ним будет и второй, и третий...

Кроме того, в доме виски не было, вообще никакого спиртного, ничего такого, что могло бы притупить боль, мучающую его мозг. Он припомнил убитого им ВК, который оказался всего-навсего восемнадцатилетним парнишкой с мотыгой, – при слабых лучах заходящего солнца в девятикратный прицел на удалении восьмисот ярдов эта мотыга выглядела как автомат Калашникова. Ему припомнился запах сожженных деревень после проведения операции “Поиск и уничтожение”, плач женщин и глаза этих проклятых Богом детей, которых он не мог забыть еще со времен своего первого приезда во Вьетнам. Снова вспомнились “брюходни”, как они их тогда называли, – это когда приходилось ползать в высокой траве, избегая открытых пространств и возвышенностей, когда проклятые муравьи ползали по всему телу и повсюду, шипя, скользили отвратительные змеи, а ему приходилось лежать, ожидая порой по несколько дней, пока кто-нибудь подойдет ближе чем на восемьсот ярдов – такова была дальноточность прицельного огня, – и тогда он его завалит. Боб вспомнил, как они падали, когда он попадал: как безжизненные тряпичные куклы, без всякого сопротивления, лишь поднимая при этом вокруг себя небольшое облако пыли. Так гибли многие из них. Эти, так называемые “санкционированные”, отстрелы всегда проводились в присутствии наблюдателя, чтобы потом их можно было зарегистрировать в журнале учета и включить в отчет. Но чаще всего он вспоминал тот ужасный шок, который испытал, когда его бедро вдруг стало неметь и он, рухнув на землю, стал сползать по насыпному скату переднего края обороны. Посмотрев вниз, он увидел разорванное мясо и пульсирующую кровавую плоть. Сейчас, вспомнив об этом, он медленно положил руку на то место, где была рана, и она снова заныла. Потом он вспомнил, как к нему стал спускаться Донни. “Нет! – заорал ему Боб. – Назад! Не высовывайся!” Но его крик застыл в воздухе в тот момент, когда прилетевшая издалека пуля, навывлет пробив грудь Донни, вышла через позвоночник. Он умер еще до того,

как упал рядом с Бобом. Потом мертвый Донни все утро лежал с ним рядом...

– Уму непостижимый выстрел, Боб, – сказал ему позже майор. – Мы накрыли его за тысячу ярдов. Кто знал, что они так хорошо могут стрелять? Кто знал, что у них есть такие первоклассные снайперы?

Да, такое забыть невозможно. Но прошло время, и Боб научился не раскисать в такие моменты. Он просто уходил в горы или в какие-нибудь другие безлюдные места.

Боб сел за кухонный стол, если это самодельное сооружение можно было так назвать. Заново сделанное бедро немного побаливало. Боб чувствовал, что наступает то время, которое он называл “ночь моей памяти”. Да, день, когда он мысленно возвращался в свое прошлое, не шел ни в какое сравнение с такой ночью. “Ночь моей памяти” представляла из себя такое ужасное состояние, впадая в которое, Боб начинал вдруг остро чувствовать, что ничего из себя не представляет, что на самом деле он никому не нужен, что жизнь свою он потратил на войну, которая теперь никого не волнует, и что в результате потерял все то, что было ему близко и дорого. В последующие дни Боб пытался, как правило, утопить эти свои мысли в спиртном и, напиваясь, чувствовал себя последним дерьмом.

Но теперь он не пил. Вместо этого он набросил пальто и, шагнув навстречу суровой арканзасской ночи, решил прогуляться у подножия холма. Внутри баптистской церквушки Авроры шла служба. Он слышал, как чернокожие громко распевают свои безумные песни. Чему же они, черт побери, так радуются внутри этого белого, наспех сколоченного из растрескавшихся досок небольшого строения?

Позади церкви было небольшое кладбище, где среди могил Вашингтонов, Линкольнов и Диланосов графства Полк стояла узкая надгробная плита на могиле человека по имени Бо Старк. Боб посмотрел на нее. Ветер рвался и выл в кронах деревьев, луна светила, как покореженный уличный фонарь, музыка наплывала и усиливалась, и чернокожие пели так громко, что перекрикивали грозу, думая, что отгоняют дьявола.

Бо Старк был одного с ним возраста и единственным белым человеком, похороненным на этом кладбище, потому что ни на каком другом кладбище его бы просто-напросто не похоронили. Он был из прекрасной семьи и знал Боба еще со школьной скамьи. Они ходили к

одному и тому же доктору, к одному и тому же дантисту и играли в одной и той же команде в футбол. Но у Бо и его родителей были деньги, поэтому он продолжил образование в университете в Фэйеттевилле и уже оттуда пошел в сухопутные войска, где целый год прослужил лейтенантом в 101-й воздушно-десантной дивизии. Еще один дурак, поверивший в свой долг! А в результате – ничего. Бо Старк ушел в армию человеком, а вернулся непонятно кем. Он пропитался войной, и она так и осталась в нем навсегда. Одна большая неприятность у него превращалась в другую; не в состоянии удержаться на работе, не зная, как выплатить накопившиеся долги, он постоянно искал смерти, которой едва избежал в Краю Больших Неприятностей. Спустя две недели после окончания войны в Персидском заливе, после всех празднеств и поздравлений, в одну из воскресных ночей он все-таки убил ножом человека прямо в одном из баров Литл-Рока. А когда полиция обнаружила Бо в гараже его папочки в Блу-Ай, он выстрелил себе в рот из 45-го калибра.

Теперь, стоя здесь и поеживаясь от порывов холодного ветра, навевающего мрачные воспоминания, Боб в задумчивости смотрел на надгробие, возвышающееся над мерзлой землей:

“БО СТАРК, 1948 – 1991 гг.

ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНЫЕ ВОЙСКА НАВСЕГДА”

Он приходил сюда, когда ему было страшно, потому что, стоя над могилой человека, на месте которого мог оказаться, и чуть было не оказался он сам, Боб, прислушиваясь к голосам, поющим в церкви, представлял себе на надгробии совсем другую надпись:

“БОБ ЛИ СУЭГГЕР, 1946 – 1992 гг.

КОРПУС МОРСКОЙ ПЕХОТЫ США, СЭМПЭ ФИДЕЛИС”

Глядя на могилу, Боб понял, что настало время совершить то, что может убить его быстрее всех мыслимых опасностей – вернуться назад. Интересно, найдется ли для него чистый надгробный камень?

Он думал об этом мире как о Мире с большой буквы. В нем было все: женщины, алкоголь, самые разнообразные удовольствия и соблазны – все это смешивалось воедино и существовало в неограниченном количестве. Теперь он туда возвращался. Он приземлился в международном аэропорту в Вашингтоне после

трудного, с многочисленными пересадками, перелета. Боб переживал из-за своей винтовки, упакованной в специальный чехол и сданной в багажное отделение. К ручке чехла была привязана ярко-оранжевая бирка воздушных путей сообщения. Раньше Боб с оружием не летал: всегда беспокоился, что какой-нибудь бюрократ в системе воздушных путей сообщения к чему-нибудь придерется. Но ружейный чехол без всяких проблем появился из багажного окошка и вскоре подъехал к нему по резиновому транспортеру.

– Черт, – произнес кто-то, – охотничий сезон уже давно закончился, дружище.

Была середина января, но погода стояла на удивление мягкая.

– Это спортивная винтовка, – сказал Боб, забирая свой багаж. Он чувствовал себя немного глупо с этой длинной, тяжелой штуковиной, которая так неловко торчала из других вещей багажа. Боб понимал, что и сам он выглядит как ковбой среди всех этих восточных людей. Он был в джинсах “Левис”, однотонной рубашке с тонким галстуком и черном “Стетсоне”. Поверх всего этого он надел свое лучшее пальто. С получением машины не возникло никаких проблем: заказ на его имя был давно сделан и ждал его. Девушка за стойкой была необычайно внимательной и учливой. Она, наверное, решила, что он один из тех героев, которых так часто показывают в ковбойских фильмах. Ее глаза светились восхищением, а когда он назвал ее “мэм”, на ее лице появилось выражение крайнего удовольствия.

Выехав из аэропорта, он направился в сторону скоростного шоссе Балтимор – Вашингтон, затем по окружной балтиморской магистрали и оттуда дальше на запад, к штату Мэриленд. Несмотря на промозглую зиму было видно, что это прекрасные места. Слегка холмистая местность была не такой дикой и первобытной, как в Арканзасе. Дальше дорога Боба лежала мимо горбатых и словно насупленных гор, представлявших из себя сплошное нагромождение кряжей и хребтов. К трем часам дня, оставив позади себя Камберленд, Боб оказался среди необъятных пастбищ Мэриленда – в самых отдаленных, самых западных землях штата, которые были, правда, не такими дикими, как горы Уошито, но по крайней мере здесь тоже не было никаких явных следов “ядовитой” городской цивилизации; для того же, чтобы культивировать тут хоть какие-нибудь виды сельского хозяйства, этот край, видимо, не подходил. Пейзаж, лежащий по обе стороны дороги,

ведущей в графство Гарритт, был до банального скучным и наводил на мысль о том, что это настоящая страна оленей. Боб искал городишко под названием Эксидент. Как раз на половине пути между ним и еще каким-то городом, именно там, где ему и сказали, он обнаружил уютно расположившийся в горах отель “Рамада”. Номер уже был заказан. Зарегистрировавшись у администратора, он взял оставленный ему конверт, в котором оказалось написанное в необычайно дружелюбной форме письмо и подробные инструкции, как добраться до штаба “Экьютека” и их стрелкового тира, расположенного в нескольких милях отсюда. В конверте также лежали и его “пе даем” – десять хрустящих двадцатидолларовых банкнот.

Пройдя в свою комнату, Боб сразу же растянулся на кровати и уже никуда этим вечером не выходил. Он мысленно еще раз прокрутил в голове все события последних дней, стараясь не волноваться и не придавать слишком большого значения тому, что на протяжении всего пути от аэропорта до отеля – он был в этом абсолютно уверен – за ним велась прекрасно организованная слежка.

Как и все, что имело хоть какое-то отношение к Рэм Дайн, этот трейлер был маленький, приземистый, потрепанный, старый и очень дешевый. Это подразделение никогда не выполняло задачи так, как надо, – на высшем уровне.

Создавалось впечатление, что здесь работают настоящие кретины, у которых была такая же тюремная психология, как и у ужасного Джека Пайна. Трейлер был битком набит народом: Добблер, как предполагалось, должен был проводить краткий инструктаж.

Он вздохнул и окинул взглядом глупые лица своей аудитории.

– Э-э... Я попрошу вашего внимания.

Добблер мог этого и не говорить. Они просто не замечали его. Им было наплевать на него.

Как низко он пал... и как быстро! Некогда самый молодой студент факультета психиатрии Гарвардской высшей медицинской школы, а позднее единственный владелец одной из самых процветающих частных практик в пригороде Бостона – Кембридже, он работал не покладая рук и вел такой образ жизни, о котором мог только мечтать. Но в один прекрасный день, прямо на последнем приеме, когда он устал и нервы у него уже были на пределе, он позволил себе

расслабиться. Он прикоснулся к женщине. Почему он это сделал? Он не знал. Еще за секунду до этого он даже и не думал об этом. И вот теперь он это сделал.

Он прикоснулся к ней, и, когда все кончилось, Добблер прочел в ее глазах желание вновь и вновь переживать случившееся. Выплеснувшаяся наружу сексуальная несдержанность ошеломила его. Он потерял осторожность и стал заниматься с ней любовью прямо в кабинете. Это было началом бесконтрольной сексуальной разнузданности, удовольствие от которой усиливалось к тому же большими дозами амфетамина. Он соблазнил девять пациенток, и одна из них в один прекрасный день пошла в полицию. Ему в вину вменялось изнасилование. Эта сука добивалась своего в течение шести тягостных, мрачных месяцев, пока в конце концов не добила того, что его все-таки признали виновным, хотя и со смягчающими обстоятельствами. Благодаря судье-феминистке он оказался в отнюдь не нежных объятиях Расселла Айсендлуана. Итог был закономерен и, по сути, ужасен. Правосудие свершилось во всей своей полноте: Добблер изнасиловал в своем кабинете девять нервноболевных женщин, а в тюрьме его самого изнасиловал отвратительный громила, называвший его после этого своим “петухом”.

Теперь он был “петухом” Раймонда Шрека. Не в сексуальном плане, разумеется. Но даже Добблеру бросался в глаза черный юмор этой шутки: выйдя из тюрьмы и покончив на этом со своим позором, он решил найти себе сильного покровителя, чтобы таким образом обеспечить себе более спокойное существование. Он стал угождать и пресмыкаться перед человеком, у которого было такое же (но только в другой области) чувство власти и такая же манера безжалостного обращения с другими, как и у Расселла Айсендлуана. Он работал на человека, которого, как и Расселла, он безумно боялся, но который был нужен ему в этой жизни для защиты и уверенности в себе.

– Спуститесь на землю, доктор! – Это был голос ужасного Пайна.

– Что?

– Эй, давайте дальше по программе. Что вы остановились?

Ах, черт! Он снова не заметил, как задумался, и теперь не знал, на какой вопрос отвечал. Это было последнее совещание перед появлением объекта.

Он вновь стал рассказывать им про уникальную способность Боба долгое время проводить без движения, снова и снова пытаться втолковать сбитым с толку “подопечным” Пайна, почему Боб практически перестал существовать для их сверхчутких приборов, хотя и находился в номере с полшестого вечера вчерашнего дня. Добблер изо всех сил старался, чтобы они поняли, насколько это важно, потому что именно это качество Боба лежит в основе его уникальности.

– Итак, он обладает способностью полностью погружаться в себя, и, пока он находится в таком отстраненном от всего состоянии, все, что окружает его, живет своей жизнью, совершенно не реагируя на его присутствие. И только когда Боб полностью сольется с окружающей его обстановкой, когда он станет ее неотъемлемой частью, только тогда, да, только тогда он и выстрелит. Но, как и любой навык, как любое умение, это требует постоянного упражнения. Поэтому Боб старается поддерживать форму.

Кто-то зевал.

Кто-то позволял газам свободно покидать свой организм. Кто-то смеялся.

– Ладно, – жестко отрубил Шрек и встал, всем своим решительным видом как бы отодвигая доктора на задний план. – Спасибо, Добблер. Теперь послушайте, я хочу, чтобы все посмотрели на меня, Пайн. Пусть твои люди уделят мне немного внимания. Это имеет самое непосредственное отношение к наиболее важной части нашей операции. Я имею в виду следующий ее этап. – Казалось, что глаза Шрека излучают какую-то странную силу. – Позвольте мне объяснить вам, с кем мы имеем дело, чтобы не возникало никаких недоразумений и недопониманий. Этот парень очень гордый, как большинство жителей южных штатов, и, как все они, невероятно упрямый. Он не любит, когда его задевают, и не станет сносить оскорбления. В нем все еще сидит бравада и показуха, присущая морским пехотинцам, и на любую вашу выходку он может сработать, как детонатор. Поэтому предупреждаю вас: к нему не цепляться, никаких драк, никаких разборок. И если даже у него вдруг появится желание кому-нибудь из вас надрать жопу, вы должны вежливо улыбнуться и отойти в сторону. Вопросы есть?

Неожиданно резкое выступление Шрека произвело эффект: вся группа замолчала.

Они были идиотами.

– Сэр. – Кто-то выдвинулся вперед.

– Да, – отозвался Шрек.

– Сэр, звонили из группы контроля и наблюдения. Объект только что вышел из отеля. Он на пути к цели.

– О'кей, – ответил Шрек. – Надеюсь, вы все слушали доктора. Поэтому, если кто перегнет палку, я оторву ему голову. Ну а теперь за дело, ребята. Сегодня ваш первый день на новой работе.

В общем, тут было довольно-таки приятно, если бы не что-то такое... Это было самое обыкновенное стрельбище, одно из тех покосившихся, растрескавшихся, обшарпанных, но тем не менее важных мест, где раньше всегда собирались мужчины, чтобы, поудобней растянувшись напротив белых листочков бумаги с нарисованными внутри черными кружочками, продемонстрировать совершенство своих винтовок и силу своих собственных характеров. Бобу порой казалось, что он всю жизнь провел на таком вот стрельбище. Здесь всегда велись интересные беседы и отношения между стрелками были непринужденными и дружескими.

Он стоял на бетонной площадке перед рядом Т-образных стрелковых скамеек, зеленых, всегда зеленых – по всей Америке такие скамейки выкрашены в зеленый цвет. Боб подумал: это стрельбище было, вероятно, построено где-то годах в тридцатых. Скорее всего, это был частный охотничий заповедник какого-нибудь стрелкового или охотничьего клуба.

Он знал, что под этой провисающей крышей, на этой площадке и на этих скамейках было рассказано немало историй об оленях, которые каким-то чудом спасались в самую последнюю минуту и уносились прочь, о патронах хороших и патронах плохих, о хороших винтовках – настолько роскошных, что их можно было сравнить разве что с очень дорогой красивой женщиной, – и винтовках плохих, которые были дешевле самой дохлой дворняги. Единственным необычным предметом на этом стрельбище был трейлер, который располагался около узких извивающихся гариевых дорожек на расстоянии примерно мили от главной магистрали. Он стоял боком и имел весьма

потрепанный вид. Казалось, что это свалка для отходов. Перед ним стоял щит с фирменным знаком “Экьютека”.

На слегка покатым желтом лугу, сразу за линией стрелковых скамеек, Боб разглядел выставленные мишени: на расстоянии ста ярдов они напоминали маленькие пятнышки, на расстоянии двухсот – черные точки, трехсот – крошечные дырочки от булавочных уколов.

– Кофе, мистер Суэггер? – спросил полковник, не снимая плаща. Рядом с ним постоянно находился этот маленький злобный сержант, который, казалось, был готов в любую минуту открыть огонь. Все остальные были тут на побегушках, кроме одного на вид городского парня с телом, напоминающим невероятно большую грушу, и козлиной бородкой. Он выглядел так, как будто засунул себе в задницу палец и, во избежание непредсказуемых последствий, боялся теперь его оттуда вытащить.

– Нет, спасибо, – ответил Боб, – кофе слишком возбуждает.

– Может, декаф?

– Декаф – это отлично.

Полковник Шрек кивнул кому-то головой. Человек сразу же налил Бобу в бумажный стаканчик темную жидкость из термоса. Погода была на удивление спокойной и теплой, около шестидесяти градусов по Фаренгейту, по стрельбищу гулял слабый ветерок, и на бледно-лимонном небе светило такое же бледно-лимонное солнце. День был таким неожиданно теплым и солнечным, что создавалось обманчивое впечатление вновь наступившей весны.

– Вроде бы все в порядке? – спросил полковник.

– Да, похоже на то, – сказал Боб.

– Не хотите ли проверить еще раз ваш прицел, перед тем как мы начнем контрольные испытания?

– Я бы не возражал, сэр.

– Хорошо. Джентльмены, пожалуйста, отойдите немного назад. Будьте предельно внимательны.

Расчехлив винтовку, Боб установил ее на одном из мешков с песком и отвел затвор назад. Он щелкнул крышкой коробочки с патронами “Лейк-Сити Мач” и зарядил в магазин один за другим пять одинаковых блестящих патронов. Потом вернул затвор в первоначальное положение и поставил его на предохранитель. Затвор проскользнул вперед легко и свободно, плавно повернувшись в конце на хорошо

смазанных подшипниках, и плотно запер канал ствола. Боб не спеша натянул очки “Рэй-Бэн”, затем надел наушники для стрельбы и таким образом полностью отключился от внешнего мира. До его ушей не долетало ни звука. Он чувствовал только, как пульсирует кровь в голове.

Боб взял винтовку и занял позицию для стрельбы. Его ботинки замерли на бетонной площадке стрельбища, как бы служа надежным основанием той стабильной и прочной конструкции, которой было его тело. Его спокойствие и уверенность превратили винтовку, держащие ее руки и все тело в единое целое.

Уперев винтовку в плечо, он поводил ею из стороны в сторону, потом положил одну руку напротив предохранителя, так, чтобы кончик указательного пальца ласкал облегченный курок.

Наконец Боб занял окончательную позицию и закрыл левый глаз. Изображение было несфокусированным, немного расплывчатым, поэтому, чтобы добиться четкости, ему пришлось повернуть кольцо прицела на несколько щелчков назад. За свои усилия он был вознагражден идеальным изображением черного кружочка, увеличенного в десять раз оптическим прицелом и разделенного на четыре части прицельной сеткой дальномера. Сейчас он был размером с монету в пятьдесят центов и установлен на расстоянии, равном дальности прямого выстрела его винтовки. На выдохе он задержал дыхание и подумал, что было бы лучше, если бы палец нажимал на курок чуть медленнее. Он почувствовал толчок от отдачи и заметил, что изображение в прицеле немного расплылось. Передергивая затвор, он услышал голос корректировщика стрельбы:

– Десятка. Черт, прямо в середину. Точный, очень точный выстрел.

Боб выстрелил еще четыре раза и все четыре раза попал в одну и ту же точку.

– Думаю, что я пристрелялся, – сказал он. Человек, которого звали Хатчер, проинструктировал его по поводу предстоящей задачи:

– Мистер Суэггер, один из моих помощников зарядит в вашу винтовку пять патронов. Вы не будете знать, стреляете ли вы вашим собственным патроном, “Федерал Премиум”, “Лейк-Сити Мач” или нашим “Экьютек Снайпер Грейд”. Вы выстрелите четыре серии по пять патронов по мишеням, установленным на расстоянии ста ярдов, столько же по тем, что находятся на расстоянии двухсот ярдов, и

соответственно – трехсот. Потом мы просчитаем результаты по группам и определим кучность стрельбы. Ну, а после обеда нам бы хотелось повторить все эти упражнения, только уже при стрельбе из каких-нибудь импровизированных положений, без подготовки, с дополнительными элементами стресса и психологической нагрузки. Думаю, что вам это покажется очень интересным.

– Ну что ж, музыку заказываете вы, так что давайте стрелять.

Боб стрелял очень сосредоточенно. От других стрелков его отличали завидная стабильность и последовательность. Он был как жесткая стойка фирмы “Рэнсом”, которую используют для проверки точности стрельбы пистолетов. Всякий раз при стрельбе он занимал одну и ту же немного неестественную, но прекрасно продуманную и отработанную позицию. Держа кончик пальца на спусковом крючке, он застывал, и его тело становилось таким же твердым, как и винтовка. В каждый последующий раз все было так же, как и в предыдущий: щека так же плотно прилегала к стекловолокну приклада, винтовка так же упиралась в плечо, точно так же рука держала ложе приклада, такой же угол локтя и та же расслабленность второй руки, поддерживающей винтовку, то же расстояние между глазом и прицелом, так же на полувыдохе задерживалось дыхание, те же три удара сердца, уменьшающие порывистость пульса перед выстрелом, такой же плавный спуск крючка, лениво плывущего назад, такой же легкий, быстрый хруст, напоминающий звук сломанного стебля сухой травы, в момент, когда крючок срывается с пружины, такое же беззвучное воспламенение капсюля и такая же вспышка выстрела, когда винтовка вздрагивает от отдачи.

– Десятка, немного выше. Где-то треть дюйма.

– Десятка, в середину.

– Десятка, точно в центр.

Никаких сбоев, ошибок и промахов. Боб нашел свою стрельбу и стрелял все утро, почти не двигаясь и не дыша, не тратя ни одной секунды впустую и не делая ни одного лишнего движения. Он испытывал какое-то странное удовольствие от того, что у него быстро забирали пустую винтовку, затем сразу же приносили ее обратно, уже заряженную, от того, что регулярно кто-то бегал к мишеням, чтобы отметить выстрелы или чтобы заменить сами мишени.

Он уже потерял счет. Это было как во Вьетнаме. Просто стреляешь и смотришь, как пуля летит туда, куда ты ее послал, практически без малейшего отклонения. Сам процесс стрельбы становится каким-то абстрактным и полностью безликим; над ним долго не задумываешься, и он постепенно превращается в нечто подобное небольшому ритуалу или какой-то репетиции. Счет рос, с ним никто уже не мог равняться, все уже давно были позади, а он с каждым новым попаданием все ближе и ближе подбирался к легендарной цифре знаменитого Карла Хичкока – девяносто три.

– Десятка.

– Десятка.

– Десятка.

После того как Боб отстрелял все четыре серии по пять патронов в каждой, он устало отложил винтовку в сторону, а корректировщики и счетчики побежали к мишеням подсчитывать очки.

Боб, естественно, по малейшим различиям в отдаче винтовки сразу же определял, каким патроном выстрелил. Свои патроны он узнавал мгновенно, чуть-чуть медленнее, но все же достаточно быстро, он определял разницу между патронами “Федерал” и “Леик-Сити”. Патроны же “Экьютек Снайпер Грейд” отличались от всех остальных коренным образом. Боб чувствовал, что пули из них летели немного выше. У него было такое ощущение, что они попадают где-то чуть выше десятки, почти без рассеивания. Пули летели очень быстро, это были прекрасные выстрелы, очень точные и стабильные.

– Мистер Суэггер, не желаете ли взглянуть на результаты вашей стрельбы? – спросил Хатчер.

– Да, давайте посмотрим, – сказал Боб. Он подошел к скамейке, на которой производился подсчет и анализ выстрелов. Рядом стояли два человека с кронциркулями.

– О’кей, – заключил Хатчер, – думаю, вы будете довольны. Я пометил каждую мишень согласно расстоянию, на которой она была установлена, и согласно тому патрону, которым вы стреляли. На сто ярдов вы стреляли патронами “Федерал Премиум”, “Экьютек”, “Лейк-Сити Мач” серии М 852 и своими собственными. Именно в таком порядке. Вот все мишени.

Боб взглянул на изуродованные десятки, на которых маленькие, разбрызганные, как капельки грязи, отверстия от пуль вырвали центр,

как бы нарисовав листочки клевера. – Отклонение от центра, как мы подсчитали, составляет в среднем для каждого типа: “Федерал” – 0,832 дюйма, “Экьютек” – 0,344 дюйма, “Лейк-Сити Мач” – 0,709 дюйма и ваши патроны – 0,321 дюйма.

Боб проверил их. Да, эти изобретения “Экьютека” были почти так же хороши, как и его собственные патроны, и намного лучше, чем патроны двух крупнейших заводов по производству боеприпасов. Он кивнул головой.

– На две сотни ярдов вы, согласно баллистическим таблицам стрельбы, должны были бы стрелять на четыре с половиной дюйма ниже и с меньшей кучностью. Но вы увидите, что угол отклонения практически не изменился, хотя по кучности “Федерал” стал теснить остальных.

Боб снова посмотрел на аккуратные ровные дырочки в мишенях. На этот раз попадания один в один были реже, являясь, видимо, скорее всего, исключением или простым совпадением. Диаметр попадания всех групп патронов колебался в пределах двух с половиной – трех дюймов, причем центр каждой группы располагался приблизительно в двух дюймах от центра десятки. В связи с увеличением угла отклонения патроны “Федерал”, на удивление, образовывали самую ровную окружность диаметром в два дюйма. И снова патроны Боба оказались лучше других, отклонение составило всего 0,967 дюйма, причем центры отверстий находились друг от друга на расстоянии меньше, чем в полминуты. Но выстрелы “Экьютека” настолько тесно шли следом за его патронами, что почти ничем не отличались. Их отклонение составляло 0,981 дюйма, и расстояние между центрами отверстий тоже было меньше минуты. Боб почувствовал, что мог бы отстрелять эту серию и лучше, потому что после выстрела своим патроном он расслаблялся, чувствуя уверенность в точности попадания.

– А теперь самое сложное наше задание, – сказал Хатчер. – Майи, мишени с трехсот ярдов, пожалуйста. Мистер Суэггер, я думаю, что теперь вы сможете понять, почему наши патроны и вообще все боеприпасы идут под маркой “Снайпер Грейд”. Вы лучше, чем кто бы то ни было, сумеете оценить их.

Он протянул ему четыре мишени.

Свое крайнее удивление Боб обычно выражал произвольным тихим присвистом.

Именно такой была его реакция и сейчас.

На мишенях, которые ему протянул Хатчер, картина оказалась совсем фантастической. На расстоянии трех сотен ярдов все группы выстрелов располагались где-то в девяти-одиннадцати дюймах от центра десятки, на шесть часов, прямо на внешнем крае черного круга. Рассеивание увеличилось, и патроны “Федерал” как нельзя нагляднее проявили здесь свою обманчивую сущность: окружность, которую они образовали, была целых четыре с половиной дюйма в диаметре.

Боб дернул головой и недовольно хмыкнул. Он был глубоко разочарован. Мишень в этом месте выглядела так, как будто какой-то ребенок наугад наделал в ней дырок пальцем.

“Лейк-Сити” были чуть лучше, но не намного; по кучности они почти удовлетворяли требованиям, предъявляемым на такой дистанции, хотя, по правде говоря, несмотря на то, что вся группа укладывалась в окружность диаметром три дюйма, один из выстрелов, скорее всего, был сделан с ошибкой, и если его не считать, то вся группа вписывалась в два с половиной дюйма.

Боб видел, что здесь “Экьютек” явно перещеголял его.

Отметины от пуль Боба располагались так, что в принципе еще создавалась какая-то иллюзия круга диаметром 1,386 дюйма. По кучности он прекрасно укладывался в норму, однако окружность, которую образовали дырочки от пуль этого проклятого “Экьютека”, в диаметре составляла 1,212 дюйма, причем три выстрела из четырех образовали треугольник, который вмещался в окружность диаметром всего 0,352 дюйма!!!

– Черт, – сказал он.

– Вот эта стрельба, – произнес кто-то. – Выстрелы что надо! Многие не попадают в мишень с расстояния трех сотен ярдов, даже когда у них есть оптический прибор двадцатичетырехкратного увеличения.

– Нет, – сказал Боб, испытывая благоговейный трепет перед этими дырочками на мишени, – все дело в патронах. Это отличные патроны.

Это были действительно прекрасные патроны. В мире было всего пятьдесят или шестьдесят человек, способных сделать такие отличные патроны. Франк Барнс, наверное, пара надменных, зазнавшихся

специалистов из “Спиер”, “Хорндэй” или “Сьерра”, несколько представителей вымирающего племени нелегальных самодельщиков – этикие старые, сутулые мужчины, которые всю свою жизнь провели в механических цехах оружейных заводов; несколько стрелков мирового класса, стреляющих с упоров, которые наверняка раньше служили в Первой дивизии морской пехоты. Кое-кто из роты “Дельта” или оружейные мастера подразделений СВИТ в ФБР. Тот, кто создает такие патроны, знает, что он делает. У Боба в голове возник образ невысокого старичка, который уже миллионы раз делал подобные патроны, кропотливо и настойчиво доводя их до полного совершенства. Это требовало не просто терпения; это требовало своего рода определенной гениальности. Боб почти физически чувствовал присутствие этого старичка. Он был здесь, на стрельбище, этот старый мастер, который знал свое дело как никто другой. И вдруг Боб все понял. Он еще раньше заподозрил что-то неладное, но теперь он все понял. Они играли с ним, водя его за нос. Они были совсем не те, за кого себя выдавали. Тогда кто же они такие?

Боб улыбнулся:

– Ну а теперь что, полковник?

– Теперь надо пойти пообедать. А во второй половине дня нам бы хотелось встретиться с вами на другом стрельбище, где вы будете стрелять уже по мишеням, установленным на... за пятисотярдовой отметкой. И дальше, до отметки в тысячу ярдов.

– Ну что ж, звучит заманчиво, – сказал Боб.

– Завтра утром, мистер Суэггер, я собираюсь предложить вам одну очень забавную вещь.

Вечером Боб отказался от приглашения фирмы “Экьютек” на роскошный ужин в ресторане Сэйерсвилла и вместо этого, сев в машину, взятую им в аренду, решил прокатиться в одиночестве по местным дорогам. Наконец он нашел то, что искал, – укромное тихое местечко, достаточно удаленное от населенных районов, где можно было побыть наедине с самим собой, в тишине, не опасаясь, что кто-то потревожит твои мысли.

Теперь они уже не следили за ним. Они избегали встречаться с ним часто, думая, что уже надежно подцепили его на крючок.

Может быть, и подцепили. Ему было ужасно любопытно, кто и откуда всем этим руководит. В общем и целом он понимал, о чем идет речь. Речь, естественно, идет об убийстве.

Его репутация была очень высокой. В определенных кругах его достаточно хорошо знали. Время от времени с ним происходили какие-то странные вещи: к нему проявляли нездоровый интерес, делали всевозможные таинственные намеки, совсем как бы невзначай давали понять, что он бы мог получить большую сумму денег, если бы встретился там-то и там-то – в Сент-Луисе, Мемфисе или Тексаркане – с каким-то человеком и выслушал некоторые конкретные предложения. На протяжении всех этих лет подобного рода предложения поступали от самого разного рода заказчиков. Некоторые, естественно, делались людьми, приближенными к кругам организованной преступности. Другие были, скорее всего, от разных разведслужб – Боб ведь выполнил в свое время два задания, связанных с уничтожением гражданских объектов во Вьетнаме, получив перед этим письменный приказ из вышестоящего штаба. Остальные попытки предпринимались просто весьма состоятельными людьми, которые хотели использовать его для решения своих проблем в бизнесе, для того чтобы исправить несправедливость или отомстить за обиду. Казалось, у всех у них были какие-то патологические отклонения.

Боб всегда отвечал “нет”. Объяснял, что это противозаконно, и вежливо просил оставить его в покое. Многие из них отставали от него. Тем не менее были и такие, которые не желали уходить ни с чем: эти выродки, принадлежавшие к племени ненавистников, требовали к себе специального подхода, и выпроводить их было непросто. Это был тип людей, которые считали, что вся страна принадлежит им и только им и что на земле уже давно царило бы благоденствие, если бы на ней не существовало других... Естественно, под этими другими они обычно подразумевали черных. За время своей службы во Вьетнаме Боб повидал немало чернокожих сержантов, все они были отличными парнями, поэтому он даже не желал слушать все это отребье, которое к нему навязывалось с подобного рода проблемами. И хотя по натуре он был человеком не жестоким, однажды ему все-таки пришлось расквасить нос одному такому наглецу, который представлял организацию под названием “Белый порядок”. Давясь злобой и размазывая кровь по лицу, тот сказал ему, что они внесут теперь в

черный список и Боба, после чего Боб схватил его за шкирку и, приставив к горлу кольт “Гавернмент Моудел”, спокойно произнес:

– Мистер, если вы сами не в состоянии совершить убийство, о котором хлопчете, значит, вы еще не доросли до того, чтобы угрожать мне!

Наглец моментально наделал в штаны и кубарем выкатился за ворота.

Но в данной ситуации он имел дело совсем с другими людьми. Такие, как этот проклятый полковник Брюс со своим орденом Почета и всегда находящимся с ним рядом коротконогим преданным Пайном, к этой категории не относились. Они были людьми достаточно богатыми, чтобы купить этот участок земли, притащить сюда черт знает откуда его, Боба, да еще и заполучить человека, который умеет делать такие прекрасные патроны. Кто же они такие? Кого же надо убить и что это должна быть за птица, чтобы ради нее идти на такие расходы?

ЦРУ.

Он чувствовал, что это они. Это был их стиль работы: все время какие-то странные ситуации, никогда ничего не ясно, причем они всегда заварят кашу, втянут тебя в нее, и к тому моменту, когда ты поймешь, что же все-таки происходит, уже бывает обычно легче смириться и не дергаться, чем бороться за то, чтобы вырваться.

Итак? Он сидел и думал, стараясь пересилить огромное желание почувствовать во рту приятный вкус ликера или холодную свежесть пива, которые бы освежили его мысли и помогли ему лучше думать. Но Боб понимал, что, стоит ему сделать один-единственный глоток – и все, он уже пропащий человек. Поэтому он сидел и думал, решая свои проблемы в состоянии каменно-холодной трезвости. ЦРУ хочет, чтобы он снова вышел на охоту.

Но на кого?

Сидя в маленьком ресторанчике, Боб снова и снова думал над этим вопросом. Ужасно болели голова и бедро. Но ответ на мучивший его вопрос все не приходил. Он сидел так, размышляя, уже несколько часов и только сейчас заметил, что ресторан закрывается и официантка то и дело бросает на него сердитые взгляды. Нет уж, спасибо, он на их сторону не встанет, ему не нужны их вонючие деньги. Самое главное

для него в жизни – это винтовки и чувство правильно выполненного долга.

Но что такое долг?

На кого надо было охотиться?

Кто сделал такие патроны для фирмы “Экьютек”?

Боб сел в машину и поехал назад. Ночь он спал спокойно, сны не беспокоили его. Он все еще оставался верен своему принципу – никогда никого больше не убивать. Он скажет им это завтра, после того как они выложат ему то, что от него хотят. Он больше никогда не будет убивать.

Глава 4

На следующий день они встретились на трехсотярдовом стрельбище. Сам полковник отсутствовал, ничего накануне не объяснив и никого не предупредив. Без него все остальные, кажется, немного расслабились. Тот, кого звали Хатчером, видимо, остался за главного, хотя это, скорее всего, была только видимость. Он представлял собой рыжеволосого, усталого вида пятидесятилетнего мужчину с большими щелями между зубов. Его нагрудные карманы были набиты карандашами, упакованными в пластиковые пакеты. Хатчер производил впечатление рассеянного человека, который знает немного обо всем и все о немногом. Он усадил Боба в черный джип “чероки”, и, взяв еще двух человек и флегматичного Пайна, они все вместе поехали какими-то боковыми дорогами в направлении другого стрельбища.

Представшая перед Бобом картина поразила его: огромное светлое поле на покатом склоне холма, на одном конце которого виднелись возведенные на скорую руку строительные леса, скрепленные в местах соединений болтами. Вся эта безумная конструкция для большей устойчивости крепилась к земле проволочными растяжками, которые располагались по всему периметру этого “творения”. Оно напоминало основу сооружения, предназначенного для цирка, только без брезентового верха, или железный скелет здания без цементного наполнения.

Боб увидел, что к самому верхнему каркасу здания приделано несколько лестниц и прямо на самом верху расположена платформа, на которой установлены стул и подставка для стрельбы.

– Это имитация здания в Талое, штат Оклахома, – сказал Хатчер. – Или, если сказать точнее, расстояние, габариты и высота точно такие же, как там. Машину видите?

В конце пыльной дороги, проходившей мимо этого нелепого строения, стоял каркас старого лимузина на колесах – двигателя уже давным-давно не было, весь корпус был изъеден ржавчиной, однако салон автомобиля сохранился в целости и сохранности. Он был

соединен цепью и лебедочным тросом с располагавшимся в полумиле от него объектом, который, скорее всего, и был механизмом лебедки.

– Что это все, черт побери, значит?

– Это наш сценарий по программе СВИТ, – сказал Хатчер. – Мы разработали и проиграли тут сценарий, согласно которому вы должны будете вести огонь по движущейся цели, причем внутри будут находиться заложники. Действовать вы будете под контролем корректировщика – вас подключат к радиосети. После того как вы получите разрешение на выстрел, вам надо будет убрать того парня, который ограбил банк и спасался бегством, прихватив с собой несколько заложников. У вас всего пять секунд, чтобы попасть ему в голову. Все будет происходить точно так же, как и в 1986 году в Талсе, когда снайперу ФБР пришлось сделать точно такой же выстрел.

– Ну и чем все закончилось?

– О, он попал в спину женщине, которая была заложницей, она осталась парализованной на всю жизнь. Грабитель пристрелил двух других заложников, а потом покончил с собой. Это было ужасно, просто ужасно! Да, ради этого выстрела он тренировался всю свою жизнь, и вот, когда наступило время сделать его, он промазал. Позор.

– Они все сидели в таком же лимузине?

– Нет. Там был черный пикап. Просто мы решили попробовать на лимузине.

“Чероки” припарковался, и люди, что были поблизости, стали подходить к ним и по очереди здороваться. Хатчер что-то сказал техникам, и те раздали всем готовые к работе рации. Потом они повели Боба под навес, к обыкновенной школьной доске.

– Посмотрите, мистер Суэггер, за последние пятнадцать лет, по нашим расчетам, представители властей, отвечающих за обеспечение законности как на местном, так и на федеральном уровне, произвели восемьсот пятьдесят прицельных выстрелов. То есть все выстрелы были произведены при помощи оптических прицелов по вооруженным преступникам, находящимся на удалении от тридцати пяти до трехсот пятидесяти ярдов. Знаете ли вы, каким оказался процент попаданий с первого выстрела?

– Уверен, что очень низким.

– Попадание с первого выстрела – тридцать один процент. Черт, как раз в прошлом году в Сакраменто, штат Калифорния, полицейский

снайпер сделал прицельный выстрел по неподвижному вооруженному преступнику через приоткрытую дверь магазина по продаже электронных товаров и промахнулся. Даже не зацепил его. Тот парень сразу же уложил на месте всех трех заложников, и только после этого с ним удалось разделаться. Как вы считаете, почему это происходит?

Боб немного подумал, потянул время, а потом выдал ответ:

– Такой большой процент промахов можно объяснить либо какими-нибудь отклонениями полета пули, либо неудачной конструкцией или неполадками в оружии. Но я больше чем уверен, что в большинстве случаев это ошибка стрелка. Первый раз во Вьетнаме я промахнулся. И второй тоже. Нужны опыт и практика, чтобы тело привыкло сохранять свое обычное спокойное состояние, пока происходит плавный, как бы не зависящий от стрелка спуск курка.

“Надо бы найти какое-нибудь прохладное местечко и немного побыть там одному”, – подумал Боб.

– Верно, – с одобрением воскликнул Хатчер. – Поэтому наша идея как раз и состоит в том, чтобы хоть чуть-чуть укрепить их уверенность в собственных силах. Это уже будет большое дело. Мы хотим, чтобы те, кто учится сейчас стрелять из винтовок профессионально, знали, что тот патрон, который находится у них в канале ствола, прекрасно выполнит свою задачу, если они, разумеется, выполнят свою. Мы надеемся, что они поверят в это, потому что вы расскажете и покажете все наглядно.

Боб кивнул головой:

– На автомобиль можно взглянуть?

– Нет. Думайте и представляйте его себе так же, как это делал агент ФБР. Вы полагаете, он видел эту машину до того, как ему пришлось по ней стрелять? Нет, не видел. Мы хотим разместить вас там же, где находился он. Мы также не сообщим вам ничего о том, каким будет расстояние до цели. Нам бы хотелось, чтобы вы решили эту проблему сами. Итак, надо, чтобы вы поднялись на предполагаемый пятнадцатый этаж здания талсской страховой компании “Кэжьюэлти энд Лайф”. Представьте себе, что сегодня десятое октября 1986 года, грабитель банка по имени Вилли Даунинг с дешевым 9-миллиметровым револьвером “Стар” и тремя заложниками движется в направлении талсского международного аэропорта, где, как он думает, его ждет самолет, чтобы переправить в Африку. Вы – специальный

агент ФБР Ник Мемфис, подготовленный по программе СВИТ, лучший снайпер по стрельбе из винтовки и пистолета во всем департаменте. Через несколько часов наступит момент, когда Вилли Даунинг появится в поле вашего зрения, убив перед этим одного полицейского, одного банковского охранника и ранив еще двоих. Он находится в сильном нервном возбуждении и проявляет серьезные признаки психопатических отклонений. Ваш инструктор по стрельбе определил, что у вас самый лучший выстрел; у вас есть реальный шанс и возможность попасть. Настоящий Ник Мемфис стрелял из “Ремингтона 700” 308-го калибра, без “родного” ствола...

– Это было не так уж важно, – сказал Боб, – тем более для одного выстрела.

– Во всяком случае, мы включим вас в радиосеть; вся та информация, которую вы будете получать, основывается на расшифрованных переговорах. Так что вы окажетесь практически в такой же ситуации, в какой находился Ник Мемфис. Я буду сидеть внизу на микрофоне и передавать вам по рации команды так, как это делал наводчик Ника Мемфиса. У вас будет достаточно много времени, чтобы устроиться там, – в принципе столько же, сколько было тогда у него. У вас также будет достаточно времени для того, чтобы засечь цель и проследить за ней, пока вы будете ждать “зеленый свет” для выстрела. Итак, мистер Суэггер, теперь, когда вы со всем этим ознакомились, хотите ли вы сыграть в эту игру?

Боб взглянул на шатающуюся конструкцию из железных стоек и всякого хлама. Она казалась совсем неустойчивой и не создавала ощущения надежности. Но это его привлекало. Его самолюбие было немного задето. Сможет ли он сделать этот выстрел, особенно после того, как какой-то дурак из ФБР промахнулся, погубив своим выстрелом несколько человеческих жизней?

Внезапно, впервые с того момента, как он оказался в Мэриленде, на лице Боба появился слабый намек на улыбку.

– Ну что ж, давайте попробуем, – сказал он, на мгновение позабыв об “Экьютеке” и полностью сконцентрировавшись на событиях, развернувшихся в Талсе между Вилли Даунингом и Ником Мемфисом. Ему сообщили, что настоящий Ник Мемфис стрелял с упора, с мешка с песком, установленного на подоконнике на пятнадцатом этаже. После долгого подъема по строительным лесам Боб обнаружил, что

площадка находится в ужасном, почти аварийном, состоянии, но в принципе она была достаточно хорошо закреплена и в целом надежна.

Надев наушники вместе с микрофоном, он подсоединился, как его инструктировали, к каналу 14 – контрольному каналу ФБР. Сначала раздавались хрипы, щелчки и свист, потом он услышал голос:

– А-а, С-4, вы слышите, С-4, вы слышите?

– С-4 – это я? – спросил Боб.

– Да, – последовал ответ. – С-4, сообщите, пожалуйста, о вашем местоположении. – Это был Хатчер, выступающий в роли Бэйса.

– Я уже забрался сюда, черт побери.

– Боб, давайте перенесемся в 1988 год и проведем чистый эксперимент, – произнес Хатчер. – Отвечайте на стандартном радиосленге.

– Вас понял, Бэйс. Я нахожусь на пятнадцатом этаже талсской “Кэжьюэлти”. Обзор ясный, никаких визуальных помех на улице... – он замолчал, пытаясь припомнить название улицы, на которой прозвучал выстрел Мемфиса, – на улице Риджели нет.

– О’кей, все понял, С-4. Сохраняй спокойствие и будь готов.

– Какова обстановка?

– С-4, мы держим объект в поле наблюдения, он движется в вашем направлении вниз по улице Мошер. Он уже проехал через две засады, но никто из местного командования не может взять на себя ответственность санкционировать этот рискованный выстрел. Сейчас пока никто не может произвести по объекту точный выстрел. Он сидит в окружении находящихся в состоянии истерики женщин, и мы думаем, что, может быть, он даже привязал себя к ним.

– Вас понял, Бэйс.

– Пожалуйста, будьте в постоянной готовности.

Боб взглянул на импровизированную улицу, по которой вскоре должен будет проехать автомобиль с находящейся там мишенью. Основной проблемой, естественно, было определить расстояние. Стрельба на установленные дистанции намного легче, потому что тогда вы можете рассчитать отклонение пули по баллистическим таблицам и по своему собственному опыту. Но у Боба не было природного чувства расстояния. Некоторые люди умеют бросить взгляд на объект и путем каких-то непонятных умственных вычислений сразу же определить расстояние. Но Боб так не умел. Во

Вьетнаме он выработал свою собственную систему определения расстояния до цели невооруженным глазом. Если он мог различить глаза человека, то, значит, тот находился на расстоянии ста ярдов – как раз на дальности прямого выстрела. Если он мог различить лицо, то – на расстоянии двухсот ярдов. И если ему удавалось различить только одну голову, значит, расстояние составляло порядка трехсот ярдов. Если он видел у объекта движущимися только ноги, то расстояние было четыреста ярдов, и если он мог различить только очертания контура тела, то пятьсот. Иногда он стрелял даже в таких ситуациях, когда было заметно только передвижение объекта. Это уже было расстояние шестьсот ярдов. Со своего наблюдательного пункта он спокойно смотрел, как где-то внизу, как раз в предполагаемой зоне поражения, сутился обслуживающий персонал, еще раз проверяя цепь, которая должна была тянуть машину. Они бестолково шумели, возясь около двигателя, который наматывал цепь, и закрепляя видеокамеры, установленные на треноги, вдоль всей дороги. Он зафиксировал их в своей памяти, запомнил размеры и формы и стал приблизительно прикидывать расстояние. У него получилось, что его стрелковая площадка удалена от них где-то на триста двадцать ярдов. Все это время сквозь потрескивание и свистящий шум в наушниках он слышал доклады полиции и агентов ФБР, ведущих непрерывное наблюдение за объектом, представлявшие из себя непрерывную речь нескольких человек, целый поток неразличимых в этом шуме звуков. Почему рядом с этим беднягой Мемфисом не было корректировщика стрельбы или еще кого-нибудь, кто бы мог взять на себя ведение радиопереговоров и освободить его от необходимости отвлекаться на все эти шумы и помехи? Сейчас перед глазами у Боба были курящиеся в легкой голубой дымке горы и холмистые леса, прохладный ветер слегка морозил кожу, но он без труда мог представить, каково было Мемфису, одному, в той жаркой маленькой комнатухе, когда он уже установил свою винтовку на мешке с песком. Ждать ему, вероятно, пришлось долго, он нервничал, и, по мере того как ожидаемый объект приближался к условленному месту, возбуждение Ника Мемфиса возрастало все больше и больше.

Боб подумал, что именно это нервное возбуждение его и погубило. Когда ты возбужден, волнуешься или устал, стрелять нельзя. На выстрел надо идти спокойно, с профессиональной уверенностью,

которая возникает после тысяч часов тренировки и после тысяч выпущенных пуль; вы должны быть абсолютно уверены в том, что, если цель окажется в зоне вашего видения, вы ее обязательно поразите.

– С-4, вы слышите меня?

– Да, Бэйс, прием.

– Группа контроля докладывает, что автомобиль с объектом свернул на улицу Линкольна и въехал в ваш район.

– Понял, Бэйс.

– РВП – четыре минуты.

– Хорошо, Бэйс, прием.

– С-4, я только что получил плохие новости от группы контроля с маршрута автомобиля. Они сообщают, что парень орет на заложников и машет у них перед носом своей пушкой. Как только он видит стоящую где-нибудь поблизости полицейскую машину, у него сразу же происходит сдвиг по фазе. Плохие новости, очень плохие.

– Вас понял, Бэйс.

– С-4, вы уверены, что сможете сделать этот выстрел?

Боб посмотрел через линзы оптического прицела вниз на дорогу, на которой скоро должен был появиться автомобиль.

– Отличная видимость, Бэйс, все четко. Я выстрелю, если вам это надо.

– С-4, этот парень в любой момент может начать палить из своей пушки, тогда он может уложить еще несколько человек.

– Вас понял, Бэйс. Вы получили РВП для меня?

– Он сидит в “линкольне”, С-4, это “линкольн энд чесли”. Переодетый офицер с маршрута сообщает, что он действительно чокнутый. Он заставляет меня нервничать.

– Бэйс, я буду стрелять, когда он подъедет на расстояние трехсот двадцати ярдов. На таком расстоянии я могу попасть в пятицентовую монету. Так что уверенность полная.

– С-4, я только что связался с руководством, они считают, что в машине сидит сущий дьявол. Мы... э-э-э... мы решили дать тебе “зеленый свет”, С-4.

– Вас понял, Бэйс, готовлюсь к выстрелу. Все, отключаюсь от связи.

– Э-э, С-4, этого делать нельзя. У меня здесь есть два корректировщика, я сообщу вам, когда пистолет объекта будет направлен в безопасном направлении, и только тогда вы сможете выстрелить ему в голову, С-4. Мы не можем идти на риск, потому что он даже в предсмертной судороге может выстрелить, вы понимаете?

– Нет, Бэйс, я не могу во время стрельбы обращать внимание еще на что-нибудь.

– Тогда отставить, С-4, я не дам вам “зеленый свет”, пока я своими глазами не увижу, что ствол пистолета направлен в безопасном направлении, так, как указано в инструкции.

Вот в какой ситуации оказался Ник Мемфис! Его просто обложили со всех сторон. Какой-то козел все время что-то бубнил ему на ухо, да к тому же указывал, когда ему стрелять, а когда нет, хотя... в противном случае Мемфису, вероятнее всего, пришлось бы встать и уйти, не сделав этого выстрела вовсе.

– Ладно, Бэйс, вы меня убедили. Сейчас займу позицию для стрельбы. Скажете, когда ваши люди сообщат вам, что можно стрелять.

Боб упер винтовку прикладом в плечо и посмотрел в прицел, в котором во всем своем ярком и смелом многообразии красок возник увеличенный, отчетливый, похожий на картинку из фильма мир.

– С-4, он выехал на Риджели, в данный момент он въезжает в вашу зону поражения.

Боб открыл затвор и положил туда один из патронов “Экьютек” 308-го калибра, потом дослал патрон в патронник.

Прижав к себе поплотнее винтовку, он отвел микрофон в положение, в котором тот не работал, а затем резко и яростно дернул его в сторону, чтобы тот не мешал ему держать оружие. Эта была несколько усовершенствованная позиция для стрельбы сидя. Вес тела был перенесен на левую ногу, корпус слегка наклонен к винтовке, которая прочно была установлена на подставке из нескольких мешков с песком. Она удобно лежала на этих мешках, всем своим весом давя только на них. Верхняя часть тела Боба опиралась на локти, поэтому он свободно управлял винтовкой и всеми ее движениями, плотно прижимая ее к плечу и передвигая относительно точки опоры на песочной баррикаде. От напряжения бедро начало немного ныть, но

это была не такая большая проблема, с которой бы он не смог справиться.

Взглянув в прицел, Боб сделал едва заметные изменения в положении рук на винтовке и расположении корпуса, пытаясь найти максимально удобную позицию: нужно было занять такое положение, чтобы все остальные предметы оказались на своих местах, чтобы ничто не мешало и не отвлекало его внимания, чтобы дыхание было естественным и свободным и чтобы он чувствовал, что составляет единое целое с винтовкой и мешками с песком.

Он следил за легкой дрожью перекрестья прицела и старался постепенно выровнять дыхание и успокоиться. Вот кто был его настоящим врагом – не Вилли Даунинг или Ник Мемфис, ни даже “Экьютек” или что-нибудь в этом роде – нет, самым страшным врагом было его собственное сердце, над которым он никогда не мог добиться полного контроля – да и вряд ли вообще это в чьей-либо власти – и которое независимо от его разума посылало предательские сигналы беспокойства в различные части тела. Что самое ужасное, так это то, что оно может подвести любого человека в самый ответственный момент, выбросив из себя огромный заряд страха. Результат может быть самым удручающим: дрогнет палец на спусковом крючке, дыхание задержится слишком долго, неизвестно отчего навернется пленка слез на глазах, которая сразу же уменьшит остроту зрения, четкость или сделает так, что изображение вообще расплывется, ухо может неожиданно услышать слишком много или, наоборот, чего-то не расслышать, или вдруг нога, которая незаметно для своего хозяина затекла и онемела, станет отвлекать его от того серьезного дела, на котором он в данный момент сосредоточен.

Боб быстро закрыл глаза и приказал себе успокоиться.

Он медленно вдохнул воздух, позволив ему заполнить легкие где-то наполовину, а потом так же спокойно выдохнул. Он не хотел, чтобы у него в организме было много кислорода, который может отрицательно подействовать в самый неподходящий момент. Однако, черт побери, он еще не совсем успокоился! Это довольно-таки странно, потому что все здесь было ненастоящим: он сидел в выдуманном здании, притворялся, что он – агент ФБР, притворялся, что это 1986 год, и еще старался вести себя так, как будто все это происходит на самом деле.

“Хватит придуриваться, – подумал он про себя. – Это всего лишь стрелковые упражнения, и нечего корчить из себя черт знает что”.

Все необходимые математические вычисления он произвел еще раньше. Помня наизусть баллистическую таблицу, он подсчитал, что при использовании 150-грановой пули ее отклонение при стрельбе на триста двадцать ярдов составит порядка десяти дюймов. Скорость полета пули при этом снизится до 210 футов в секунду. К тому же Боб уже знал, что патроны “Экьютек” несколько мощнее стандартных. Поэтому, прикинув кое-что в голове, он сбросил еще два дюйма. Стрелять он будет сверху вниз, а это не совсем то же самое, что стрелять на ровной местности. Значит, ему надо вычесть еще несколько дюймов из отклонения, потому что пуля, выпущенная под таким углом, снижается достаточно плавно. Он отнял еще три дюйма. Теперь отклонение пули по вертикали при стрельбе на триста двадцать ярдов составило у него всего пять дюймов. Однако он не учел ветер: такой легкий бриз мог отклонить пулю во время полета где-то на четыре дюйма влево. Потом ему пришлось учесть скорость машины, которая в некоторой степени компенсирует отклонение. Он уточнил скорость машины по рации, когда ему дали “зеленый свет” на выстрел.

– С-4, прием.

“А, что б тебя... – подумал Боб. – Что он там еще хочет?” Он ничего не ответил. Микрофон находился под подбородком, и, чтобы вернуть его в нужное положение, ему пришлось бы сместить линию прицеливания, изменить хватку и нарушить драгоценное спокойствие. Он этого не делает.

– С-4, черт бы вас побрал, где вы?

Боб хранил молчание, ожидая, когда автомобиль появится в правом нижнем углу его прицела.

– С-4, черт побери, выйдите на связь! Подтвердите прием! Войдите в сеть, С-4, черт, мне надо удостовериться, что вы меня слышите.

Боб продолжал молчать, стараясь успокоить легкую дрожь визирных ниток прицела. Он пытался заставить свой мозг расслабиться и успокоиться, сделать так, чтобы в теле не осталось ни капли напряжения. Для него существовали сейчас только две вещи: сохранить правильную хватку и не нарушить ее во время плавного спуска курка.

– С-4, вы не отзываемся, я не даю вам “зеленый свет”, чтоб вас разорвало! Я должен услышать ваш голос, я же знаю, что вы меня слышите!

Боб продолжал молчать. Дыхание стало немного неровным. Он испытывал огромное желание выбросить эти наушники к чертовой матери! Этот козел будет ему тут еще выговаривать!..

Он попытался отбросить все лишние мысли и ничем не забивать себе голову, чтобы полностью сконцентрироваться на выстреле. Но у него ничего не получалось.

– С-4, “зеленый свет” закрыт. Прекратите все. Полный отбой, С-4. Вы слышите? Разрешение на выстрел аннулировано. С-4, никакого выстрела, черт бы вас побрал!

И тут он увидел его.

В поле зрения появилось “тело” лимузина на буксирной цепи. Угол был не очень острый – где-то чуть больше сорока градусов. Автомобиль двигался со скоростью около двадцати миль в час. Сопровождая автомобиль, Боб без труда перемещал винтовку в импровизированной амбразуре, устроенной в баррикаде из мешков с песком. Главное было следить за захватом. Он старался не обращать внимания на всякие мелочи, но ему это никак не удавалось, потому что довольно забавно было вдруг обнаружить, что место Даунинга в машине занимает арбуз, а его заложников имитируют воздушные шары. Все это выглядело как-то нелепо, однако довольно реально, особенно тогда, когда ветер, раздувая шары, сталкивал их самым непредсказуемым образом; в этот момент арбуз выглядел подозрительно эластичным и гибким, почти как человек. Боб чуть не рассмеялся.

Выбрасывать такие деньги, чтобы выстрелить по арбузу! Абсурдность таких действий была для него очевидной: добрая сотня стрелков в данной ситуации могла бы попасть в арбуз такого размера, и только один из них – в человеческую голову.

Но вдруг все эти мысли куда-то ушли, Боб почувствовал, что наконец занял нужную позицию, закрепил ее, успокоился и понял, что сделает отличный выстрел. Автомобиль продолжал все так же плестись по дороге, когда Боб непроизвольно, совсем не думая о том, что сознательно нарушает приказ, стал медленно выбирать курок. Он выстрелит несмотря ни на что, черт побери.

– С-4, подготовьте винтовку к выстрелу. “Зеленый свет”, “зеле...” – раздалось в наушниках.

Но Боб к этому моменту уже выстрелил, самостоятельно приняв решение где-то в глубинах своего подсознания. Мозг подчинился указательному пальцу. Решение принял палец, и за долю секунды до того, как отдача дернула прицел, затуманив все перед глазами, он увидел, как пуля мгновенно прошла арбуз, который брызнул красными брызгами на зеленый пейзаж Мэриленда. Уже потом, когда прицел после отдачи вернулся в первоначальное положение, Боб заметил, что все четыре шарика по-прежнему качались на ветру, а арбуз спокойно лежал с дырочкой в середине своего круглого “тела”.

– Поздравляю, – сказал Хатчер. – Вы выиграли по всем параметрам.

Боб ничего не сказал, только посмотрел на него холодным взглядом. Спустившись с вышки, он сразу же оказался окружен людьми, которые выражали ему свое восхищение.

– Когда вы решили выстрелить?

– Это просто невероятно!

– После получения “зеленого света” вы сработали очень быстро. Черт, это было невероятно быстро!

Боб не хотел разговаривать с ними, он еще не вернулся из того оазиса спокойствия и тишины, в который погружался каждый раз перед выстрелом.

– Вот расшифрованная распечатка радиообмена, вы можете прочитать ее сами. – Хатчер протянул Бобу лист. Боб быстро взглянул на него, ему было этого достаточно, чтобы убедиться, что этот Бэйс действительно до самой последней секунды висел на ушах у бедняги Мемфиса.

БЭЙС: Вы захватили цель?

АГЕНТ МЕМФИС: Да, сэр. Вот он появился внизу моего прицела, теперь поднимается к перекрестью прицела, вот он...

БЭЙС: Повремените с выстрелом, С-4, пока я не получу подтверждение, что его штукавина направлена в сторону.

АГЕНТ МЕМФИС: Бэйс, черт побери, я держу его, я держу его, я...

БЭЙС: Выстрел не разрешен. Подождите, С-4, я не могу позволить вам выстрелить, я...

АГЕНТ МЕМФИС (неразборчиво): Черт, я могу...

БЭЙС: Нет, нет. С-2, какая у вас там картина?

АГЕНТ О'БРАЙЕН: Я не вижу этого парня, Бэйс, я... О Господи! Он собирается выстрелить...

БЭЙС (неразборчиво): Огонь, "зеленый свет", огонь, черт тебя побери, стреляй, сделай из него котлету...

АГЕНТ МЕМФИС (неразборчиво): Стреляю!..

БЭЙС: Боже, ты попал в девчонку. Он попал в девчонку! О Господи! Прямо в спину.

АГЕНТ О'БРАЙЕН: Он стреляет по заложникам. Господи, да пристрелите же его кто-нибудь! Ник, попади в него, попади, попади!.

АГЕНТ МЕМФИС: Я не вижу его, он за кем-то. О Господи! Он стреляет в них. Я не могу выстрелить второй раз. Господи, помогите им, ну помогите же им кто-нибудь, помогите!

АГЕНТ О'БРАЙЕН: Он только что снес себе башку... (нецензурно). Ник, он вставил ствол себе в рот – и крыши как не бывало (нецензурно), он...

БЭЙС: Окажите этим людям медицинскую помощь, окажите этим людям медицинскую помощь. О Господи Всевышний! Окажите этим...

АГЕНТ МЕМФИС: Сволочь.

Этого было достаточно. Почему у Мемфиса не было корректировщика или кого-нибудь еще, кто бы сидел рядом с ним? Снайперская стрельба – это работа для двоих, один может выполнять ее только тогда, когда вокруг больше никого нет. Ее нельзя выполнять, когда у тебя на голове наушники. А этот Бэйс... Ну и скотина! Именно из-за него этот парень и не попал: он же все время бубнил ему в ухо и причитал как старая баба.

– Они его подставили, но так ему и надо, – сказал Боб, плотно сжав губы. Он думал об этом жалком сопляке, который смотрел на всю эту кровавую бойню через свой оптический прицел и в беспомощной, бессильной ярости сжимал свою винтовку, больше всего злясь на себя, зная, что он никогда не сможет простить себе этот промах. – Что с ним потом случилось?

– Он женился на той женщине, в которую попал. Он все еще служит в Бюро, и до конца жизни у него теперь на руках эта несчастная в инвалидной коляске.

“Дай Бог тебе здоровья, Ник Мемфис, – подумал Боб. – Если бы я все еще был алкоголиком, то обязательно опрокинул бы стаканчик за

твое здоровье. И, если вдруг случится, что я снова когда-нибудь начну пить, я непременно это сделаю”.

– Удивительно, как в экстремальных условиях проявляется сущность организации, – сказал Хатчер. – Смотрите, Бюро в общем и целом организация чисто бюрократическая, и на всем, что она делает, лежит отпечаток бюрократических отношений. Власть бюрократии. Поэтому-то Бэйсу и пришлось осуществлять контроль за Мемфисом даже в момент выстрела. Пришлось, хоть это было неестественно и лишь усиливало нервозность обстановки, ибо самый главный принцип в работе Бэйса – прикрыть свою собственную задницу. А бедолага Мемфис был командный игрок, даже несмотря на то, что всегда играл в одиночку. Поэтому он подыгрывал команде. Поступая же таким образом, он ставил под угрозу успех самого выстрела.

Наступила пауза.

– Но вы, мистер Суэггер, – продолжал Хатчер, – не поставили свой выстрел под угрозу. Потому что вы не командный игрок и не придерживаетесь тех норм и традиций, которые приняты у них. Вы просто берете и стреляете. Вы заботитесь только о том, чтобы максимально сконцентрироваться. Мы пытались помешать и вам, так что вы прошли приблизительно через то же самое, что и Мемфис, но он оплошал, а вы уверенно разделились с Вилли Даунингом.

Вокруг Боба собралось еще несколько восхищенных почитателей. Они поддакивали неуклюжему Хатчеру, но почему-то все эти восторги вызывали у Боба лишь раздражение.

– Итак, мистер Суэггер, сейчас мы предложим вам более интересное испытание. Вы хотите продолжать игру? – спросил Хатчер.

Бобу очень хотелось вогнать еще одну такую пулю в цель, хотя он ощущал какую-то внутреннюю неловкость от того, что ему так понравились эти патроны.

– Я выстрелю еще раз, – сказал он. – Может быть, еще раз повезет.

– Этот случай как раз по вашей части – чисто снайперская война. Он реально основывается на событиях, произошедших в Медельине, в Колумбии, в 1988 году. Все строго секретно, поэтому я вынужден попросить вас никогда не разглашать суть этого дела. Я думаю, это вполне понятно?

– Я приехал сюда, чтобы стрелять, а не разговаривать.

– После того как я расскажу вам все подробности, вы поймете, в чем заключается деликатность этого дела. Речь идет о выстреле на тысячу четыреста ярдов, который агент УБН сделал по одному торговцу наркотиками, уничтожившему ранее целую группу этого Управления. У торговца была фантастическая охрана, огромная банда колумбийцев, до зубов вооруженных всеми видами стрелкового оружия. Даже говорить не стоит о том, что бы произошло, если бы кто-то попытался его зацепить. Его охранники сразу же начали бы крушить все налево и направо. Поэтому УБН хоть и с явной неохотой, но все же приняло решение убрать его неофициальным образом – без лишнего шума. Операция готовилась нелегально, подозрение же в ее проведении должно было лечь на определенные организации в самой Колумбии.

– Это был прямой выстрел?

– Да. Как раз ваша работа. Никаких заложников, никаких помех. Был просто человек и винтовка, да еще чертовски дальний выстрел.

– Из 308-го калибра вы никогда не выстрелите на тысячу четыреста ярдов, уверяю вас.

– Вы снова нас проверяете. Снайпер УБН стрелял из магнума “Эйч энд Эйч” 300-го калибра 200-грановой пулей “Сьерра”. Вот и винтовка. Точно такая же.

Он кивнул головой, и один из техников принес винтовочный чехол. Когда он открыл его, Боб засмотрелся на винтовку. Какая это была винтовка!

– Черт побери, – невольно вырвалось у него. – Это же сказка, а не винтовка. Черт!

Это была 70-я модель с поворотным, продольно скользящим затвором, выпущенная до шестидесят четвертого года, с длинным толстым стволом и 36-кратным оптическим прицелом, который располагался по всей длине ствола. Его темный металлический отблеск напоминал о давно забытом искусстве делать настоящие винтовки, которое достигло своего пика в годы великого американского винтовочного бума двадцатых-тридцатых годов. Она была практически новая, чистая и хорошо смазанная; видно было, что к ней относились с любовью и заботой. Но деревянные части поразили его еще больше. Выполненные в стиле пятидесятых годов, они были практически черного цвета. Он никогда не видел орехового дерева

такого темного оттенка. Но это был явно не пластик, потому что чувствовался естественный теплый цвет дерева. Может быть, это черное дерево?

– Великолепная винтовка, – сказал Боб и быстро наклонился, чтобы взглянуть на серийный номер. О Господи, это была единичка с пятью очаровательными “гусиными яйцами” – 100 000! Стотысячная семидесятка! Это делало ее мечтой любого коллекционера и свидетельствовало о том, что она была сделана примерно в 1950 году.

– Выпущена на винчестерском заводе в 1948 году. Металл был подвергнут термической обработке с закаливанием с целью придания ему прочности и надежности, необходимых при стрельбе специальными патронами на тысячу ярдов.

– О’кей, давайте проверим ее. У вас есть к ней патроны?

Хатчер протянул ему коробочку патронов “Экьютек Снайпер Грейд” для магнума “Эйч энд Эйч” 300-го калибра.

Красными буквами на ней было написано: “ТОЛЬКО ДЛЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЗАКОННОСТИ”. Боб открыл коробочку и достал один длинный патрон. Он лежал у него на ладони, как маленькая баллистическая ракета, – четыре дюйма гильзы, пороха и пули. Тяжелый, как страусиное яйцо.

– Что за тип?

– Это максимально большой размер. Мы делаем его из гильзы Х4831 и нашей 200-грановой обтекаемой пули с полым наконечником. Скорость полета пули – три тысячи футов в секунду.

Боб вспомнил таблицу и вычислил, что на тысячу ярдов отклонение пули по вертикали будет 198 дюймов, следовательно, на тысячу четыреста ярдов оно составит 355 дюймов. Он взял винтовку. Семидесятая модель была его первой любовью. Ее еще называли “винтовкой настоящего стрелка”. Сейчас у него их было несколько штук, включая тот настойчиво сопротивляющийся винчестер 270-го калибра, которым он был занят перед своим приездом в Мэриленд и проблемы которого он так до конца и не решил. Так что эта винтовка была для него как старый приятель.

– Где я могу ее пристрелять?

– О, она пристреляна. Один из наших мастеров уже сделал все необходимое. На этом расстоянии она бьет точно в цель.

– Подождите, сэр. Когда мне платят деньги, я предпочитаю стрелять из той винтовки, которую проверил.

– О-о, – протянул Хатчер, несколько смущенный решительной настойчивостью Боба. – Я гарантирую вам, что...

– Вы не можете гарантировать мне то, чего я сам не знаю.

– Вы хотите, чтобы я обратился к полковнику?

– Почему бы и нет?

– Хорошо. Но я хочу сказать вам, что тот человек, который ее пристреливал, в середине пятидесятых выиграл чемпионат страны по стрельбе на тысячу ярдов. Она пристреляна. Я гарантирую вам, что она нормально стреляет. У него есть награды, которые могут подтвердить мои слова.

Боб прищурился.

Наконец он сказал:

– Это идет в разрез с моими принципами, но, черт побери, только из уважения к этой модели я возьмусь за работу и так.

Боб лег в снайперскую нишу. Здесь было душно и грязно. Казалось, что стены давят на него со всех сторон. Мир он видел через узкое отверстие размером где-то шесть дюймов на четыре. Сквозь него он видел ряд невысоких холмов. Далеко, очень далеко, возвышалась небольшая стена, возле которой был сооружен укрепленный вал из выкопанной бульдозером земли.

– Он ждал в этой нише две недели, – сказал Хатчер. – Так что радуйтесь, что мы не пропустили вас еще и через это испытание. Ну а когда ожидание закончилось и настало время сделать выстрел, он промахнулся. Стыдно. Гарсиа Диего, так звали торговца наркотиками, был необычайно осторожным человеком. Различные охранные приспособления и засады были расположены в радиусе мили вокруг его гасиенды. После того, как этот человек погубил целую группу УБН, он стал объектом номер один для уничтожения. УБН выследило его здесь. Ребята знали, что если он попытается улизнуть, то сделает это на закате и, перед тем как сесть в свой вездеход, на секунду или две появится на фоне задней стены своей гасиенды.

– То, что вы увидите, Боб, – продолжал Хатчер, – всего-навсего прекрасно сделанный манекен, который почти невозможно на таком расстоянии отличить от человека. Мы протащим его на проволоочной растяжке вдоль стрельбища. Проволоку вам видно не будет. С такого

расстояния он должен быть поразительно похож на того торговца. Вам необходимо сделать все, что в ваших силах, чтобы попасть в центр корпуса.

Оставшись один, Боб принялся разглядывать винтовку.

Именно на старом винчестере он учился стрелять в детстве во время охотничьих оленьих сезонов в Арканзасе. Эта винтовка была как письмо из дома, как какое-то ностальгическое воспоминание о тех пятидесятых, когда еще жив был его отец.

Орл Суэггер был смуглым мужчиной с длинными волосами. Его голос напоминал звук напильника, стачивающего металл. Это был человек с чувством собственного достоинства, спокойный, уравновешенный, с хорошо сложенной фигурой, сильный, который, однако, первым никогда никого не трогал и относился ко всем людям, включая даже тех, кого многие презрительно называли “ниггерами”, с предельной вежливостью и учтивостью, обращаясь к любому, даже самому последнему ничтожеству на земле, – “сэр”. Он настойчиво и упорно воспитывал у Боба терпение. “А теперь, Боб Ли, – вспомнились ему слова отца, – тебе нужно запомнить, что твое отношение к винтовке должно быть таким же хорошим, как и отношение к любому человеку, с которым ты будешь иметь дело. Если ты обращаешься с ней хорошо, то она будет верой и правдой служить тебе в раю и в аду, куда бы ты ни попал. А если ты будешь относиться к ней небрежно, будешь обходить ее стороной, как злую собаку, или перестанешь обращать на нее внимание, как на женщину, которая слишком много жалуется, то, поверь, рано или поздно она найдет способ наказать тебя. В умных книжках написано, что порой и ад не так страшен, как плохая, неухоженная винтовка. В умных книжках не говорится об этом подробно, но это может случиться, Боб Ли. Ты слышишь меня?” Тогда Боб Ли кивнул в ответ головой и дал себе клятву всегда обращаться с винтовкой так, как надо. Сейчас же, много лет спустя, он с полной уверенностью мог заявить: ни разу в жизни не подвел он ни своего отца, ни свою винтовку. Боб посмотрел вниз на стрельбище. Нигде не было никаких признаков движения. Все спокойно. Легкий ветер кое-где поднимал тонкие струйки пыли. Боб слышал, как внизу что-то тихо и настойчиво потрескивало, напоминая ему стрекот цикад.

Можно сказать, что, находясь за тысячу ярдов от цели, вы живете совсем в другом мире. Ветер, который при стрельбе на три сотни ярдов может помочь вам, в данных обстоятельствах превращается в непреодолимое препятствие. Во время столь долгого полета пуля так сильно теряет свою скорость, что ее траектория становится такой же уязвимой и чувствительной ко всяким изменениям, как и дыхание ребенка. Секрет заключается в том, чтобы заставить ветер работать на тебя, но для этого его надо понимать и уметь “читать”. Это единственный способ попасть в цель.

Сняв большим пальцем винчестер с предохранителя, Боб плотно прижал винтовку к плечу и, приказав своему телу расслабиться, стал искать линию прицеливания.

Втиснутый в эту паучью нору, лежа в зловонии перегноя и грязи, он тем не менее выбрал самую удобную позицию, какую только можно было занять при классической стрельбе с упора: винтовка прочно опиралась дулом и прикладом на мешки с песком, и ему было достаточно незначительного перемещения приклада, чтобы сопровождать движущегося человека в течение того короткого промежутка времени, которое было ему отведено. Дыхание стало потихоньку успокаиваться; вдох на половину легких, потом выдох; он постепенно уменьшал приток кислорода в кровь.

Найдя наконец линию прицеливания, он был удивлен ясности и четкости открывшейся перед ним картины, которую так прекрасно увеличивал 36-кратный “Уперта”.

Хорошо, что он выставлен в правильном направлении. Чем больше оптический прицел, тем меньше поле обзора.

Наконец Боб увидел его. Какое-то едва уловимое движение справа от перекрестья визирных линий, возле земляного вала, на расстоянии тысячи четырехсот ярдов. Он видел голову человека – она то появлялась, то исчезала. Объект двигался. Боб чувствовал, что напряжение начинает увеличиваться.

И тут он вдруг внезапно осознал – не путем долгих размышлений, потому что в это короткое, похожее на вспышку, мгновение не было времени на размышления, а благодаря внезапному озарению, происшедшему в глубинах его сознания, что в этом выстреле и заключалась вся суть его присутствия здесь. Все остальное – “Экьютек Снайпер Грейд”, патроны, Ник Мемфис в Талсе, стремление

уничтожить этого короля наркобизнеса – все это было лишь прелюдией. А сейчас был именно тот момент, к которому они все время его подталкивали, шаг за шагом, дюйм за дюймом подводя к той точке, к которой он все равно должен был когда-то прийти. Они ждали этого момента, стремились к нему и верили, что все удастся.

Это был неимоверно дальний выстрел. Теперь он и сам это видел. Практически никто в мире больше не смог бы его сделать. Он на скорую руку произвел необходимые баллистические расчеты – так же, как делал это сотни тысяч раз до этого, потом провел сравнительный анализ между тем, как пуля должна была себя повести, с точки зрения теории, и тем, как она поведет себя в действительности на стрельбище.

Он попытался определить, какой сейчас ветер, и этим хоть как-то помочь себе в решении стоящей перед ним задачи. Он думал о выстреле, старался сконцентрироваться на нем, но чувствовал, что все здесь ему незнакомо, что он в чужой обстановке. В такой ситуации еще не был никто. Интересно, кто бы рискнул пойти на такой выстрел? Это очень опасная вещь, независимо от того, король наркобизнеса там или нет. Все эти мысли промелькнули у него в голове в считанные доли секунды. Человек отошел от стены, поднялся на вершину и на мгновение остановился. Он был как пятнышко, как точка, как дырочка от укола булавки. Он был слишком, слишком далеко.

Боб за этот короткий промежуток времени произвел только его опыту и сознанию понятную коррекцию, нашел линию прицеливания, захватил объект в перекрестье прицела и нажал на курок. Раздался выстрел, радужная картинка в прицеле расплылась вместе с отдачей винтовки. Он понял, что послал пулю туда, куда надо, потому что фигура сначала дернулась, еще немного как-то безвольно продвинулась вперед, а затем упала и покатилась, как мешок с дерьмом, по склону насыпи. Теперь Боб увидел, что он это сделал, что они заставили его это сделать.

И впервые за все время он почувствовал себя так, как будто предал свою винтовку.

Для него их энтузиазм значил не много.

– Мистер Суэггер, – захлебывался Хатчер, – вы понимаете, мы уже двадцать восемь человек сюда приглашали. Несколько бывших снайперов из роты “Дельта”, из состава подразделений спецназа,

несколько лучших снайперов ФБР, ряд секретных агентов из снайперских подразделений СВИТ, пять или шесть мастеров своего дела из подразделений СВИТ городского масштаба и ЛАПД. Здесь были даже чемпионы НРСВ по стрельбе на тысячу ярдов... и никто из них... ни один, ни один не смог сделать такой выстрел! Пуля прошла в дюйме от сердца. Невероятно, попадание с первого выстрела на расстоянии тысячи четырехсот ярдов!

Боб, прищурившись, посмотрел на него.

– Это отличная винтовка, – сказал он. – И тот, кто делает для нее патроны, хорошо знает свое дело. Да, сэр.

Даже Пайн смотрел на него хоть и без особого удивления, но с любопытством, и в его глазах светился какой-то странный огонек.

– Неплохой выстрел, – признал он, и по его голосу можно было заключить, что он не раз видел или, может быть, даже сам делал такие безумно дальние выстрелы. Но Боб все еще чувствовал раздражение. Такое чувство обычно испытываешь после того, как проведешь ночь с продажной женщиной, а утром ненавидишь и презираешь себя за то, что заплатил за свое право обладать ее телом.

– Мистер Суэггер, с вами все в порядке? Если бы вы тогда служили в УБН, то имя Гарсиа Диего уже ушло бы в историю, а так он сейчас один из самых богатых людей в Колумбии.

Боб улыбнулся, пытаясь скрыть то странное чувство, которое он сейчас испытывал.

“Папочка, что же я наделал?” – вспомнил он свои слова, когда, первый раз выстрелив в оленя, попал ему в живот. Бедное животное умчалось, а он чуть не сторел от стыда и ненависти к самому себе. Отец тогда сказал, что все в порядке, не стоит волноваться, а сам направился выслеживать раненого зверя, чтобы добить его. Тогда он блуждал по крутым склонам гор Уошито больше трех часов, разыскивая оленя по кровавым следам на земле. Отец говорил ему, что Господь всегда простит плохой выстрел, если будет знать, что вы охотитесь не для забавы, а для того, чтобы принести это мясо к своему семейному столу, когда он будет знать, что вы действительно любите то животное, на которое охотитесь, и чувствуете себя вместе с ним частичкой природы.

Ну а если Бог не хотел, чтобы человек охотился, то зачем же тогда он дал ему мозги и тот придумал порох для ружей и такую винтовку,

как 70-я модель винчестера?

– А, наконец-то до меня дошло, где я нахожусь и что это за место, – сказал Боб, чувствуя, как внезапная догадка осенила его мозг. Теперь он знал, чего они хотели. – И знаете, что я понял? То, что вам надо как можно быстрее сбегать за вашим хреновым полковником и немедленно привести его сюда. Думаю, он сможет объяснить мне, зачем вы суете меня во все это дерьмо и стараетесь превратить в того желтомордого ублюдка, который охотился на меня во Вьетнаме! – Он повернулся и свирепо посмотрел на них: – Эй вы, ублюдки сопливые, вы засунули мою душу в шкуру того снайпера, который искалечил меня и убил моего лучшего друга!

Он чувствовал, что заводится, как перед дракой.

Повернувшись, Боб резко двинул прикладом винтовки Пайну в лицо. От такого удара тот сразу же свалился на землю и стал выплевывать зубы вместе с кровью. Во время удара звук был такой, как будто стальной линейкой ударили по куску говядины. И без того отвратительное плоское лицо Пайна оказалось совершенно изуродованным. В его маленьких свинячьих глазках засветился настоящий страх. Боб наклонился и вытащил у него из кобуры укороченный “Ремингтон 1100”, потом достал из магазина шесть красных патронов и бросил их в пыль. Ненужную винтовку он зашвырнул далеко назад.

– Мой пес не любит вас, мистер Пайн, и я – тоже. Мне не нравятся люди, которые таскают с собой семизарядный ремингтон с отпиленным стволом, к тому же заряженный двойными патронами 12-го калибра, потому что такие люди, если стреляют, то всегда попадают в цель. – Боб резко повернулся к Хатчеру и увидел застывшее на лице этого человека удивление. Тот был шокирован неожиданной грубостью и жестокостью Боба.

– Вы еще здесь? Бегом! Со скоростью кенгуру! Живо за своим уродом-полковником! И ведите его сюда, или я поджарю вашему старине Пайну задницу еще до того, как сядет солнце!

Боб стоял и смотрел вслед убежавшему Хатчеру.

Глава 5

Майра умерла во вторник в 11.43. Ему позвонили из госпиталя прямо в Управление. Это был доктор Хилтон. Ник просто сказал:

– Да, хорошо, я сейчас буду.

– Ник, она была без сознания. Ты ничего не мог сделать, поэтому не вини себя ни в чем.

– Да, но я должен быть там.

Как сообщили врачи, ухудшение произошло, скорее всего, где-то в конце недели. Она потеряла сознание и так и не вышла из коматозного состояния в течение этих десяти дней. В принципе, это не было неожиданностью, но когда в вашей жизни случается нечто подобное, то наступает такое огромное душевное опустошение, которое невозможно себе представить, если вы не пережили этого сами. Ник был оглушен тяжестью свалившегося на него горя и, сидя здесь, в Управлении, как бы издалека слышал доносящиеся до него бестолковые разговоры о повседневной жизни. Он вспомнил, что в последние дни, когда Майра еще была в сознании, она сама говорила ему, чтобы он крепился и был готов к тому, что ее дни уже сочтены.

Она все время просила его не расстраиваться, уверяя, что чувствует себя не так уж плохо, и он сделал все, что сделал бы на его месте настоящий мужчина, – выплатил свой долг сполна. И до конца. Она говорила, что то, что с ней случилось, было ценой, которую она заплатила за обретенное счастье, потому что, если бы этого не произошло, у нее никогда не было бы Ника, и она благодарила свою судьбу и была счастлива, что все случилось именно так.

Теперь ему надо было пойти и хоть как-то расслабиться. Такой была Майра. Она никогда не просила ничего лишнего, да ничего лишнего и не видела в своей жизни, спокойно переживая все выпавшие на ее долю трудности. Она никогда не жаловалась на жизнь, как это делали те, которые имели гораздо больше, чем она. Он очень хотел, чтобы она сейчас оказалась рядом с ним, потому что за долгие годы совместной жизни он привык полагаться на нее в трудных ситуациях, впрочем, так же, как и она на него. Боже, что за глупость:

он хочет, чтобы его жена помогла ему пережить ее собственную смерть.

Ник встал и, подойдя к Хэпу Фенклу, сказал, что ему надо ненадолго отлучиться и, возможно, он немного задержится.

– Майра? – спросил тот.

– Да, наконец-то. Она отмучилась.

– Ник, старина, хочешь немного валиума или еще чего-нибудь, а?

– Нет, не надо, все нормально.

– Какие у тебя проблемы? Может, в твое отсутствие я смогу заменить тебя и выполнить какое-нибудь особое задание? Что-нибудь крутое? Арестовать одного или двух с поличным? Ты же меня знаешь, я люблю такие приключения. В духе спецназа.

Это была шутка. Хэп был ростом пять футов, весил всего около 150 фунтов, в то время как Ник был человеком крепким и сильным, к тому же являлся чемпионом по дзюдо – имел черный пояс и считался самым лучшим стрелком в Управлении. Но Ник даже не улыбнулся – в этот момент он как бы отключился на секунду. Он встряхнул головой, постарался прийти в себя.

– А? Нет, не надо. Все как обычно. Я слежу с Мики Сантагом за колумбийцами по всему городу, вот и все. Сегодня Мики на стрельбище, сдает зачет по программе СВИТ. Я просто собирался до его возвращения протолкнуть тут кое-какие бумаги.

Хэп был главный инспектирующий агент в Новоорлеанском управлении полиции, к тому же очень классный парень. С ним было легко найти общий язык по всем вопросам. Он специализировался по организованной преступности, а Ник отвечал за наркотики. Работа Хэпа всегда проходила бок о бок с деятельностью УБН. Он обладал редким умением дипломатично обращаться с людьми, плюс умел ладить с теми, кто работал в так называемом “суперкрутом Управлении”. В общем, на него можно было положиться. Поэтому у Ника не возникло никаких проблем с тем, чтобы оставить свое рабочее место и съездить в госпиталь.

Они ее еще не трогали.

– Если вы не против, я бы хотел на минутку остаться с ней наедине, – сказал он сестре.

– Да, конечно. Но нам скоро надо будет везти ее в морг.

– Да, я знаю.

Сестра вышла. Ник осмотрелся по сторонам, чувствуя, что ненавидит эту проклятую комнату. Она была такая же, как и все те комнаты, в которых он провел свою жизнь, – огромная и безликая. На стенах висело несколько репродукций, и в воздухе стоял сильный запах дезинфицирующих средств и пластика. Да, он ненавидел эту комнату, Майре же, насколько он помнил, все это было безразлично. Ее никогда не волновали вещи подобного рода.

– В тот день мне было предназначено умереть, – однажды сказала она ему, – так же, как и другим двум девушкам и тому парню, что ограбил страховую компанию. Но твоя пуля спасла меня. Она вывела меня из круга смерти. Она дала мне тебя, Ник Мемфис, и сделала меня миссис Мемфис. Все, что я получила, было слишком хорошо. Сладкое счастье. Шесть лет сладкого счастья.

Черт, он сидел и плакал. Она запрещала ему это делать.

Когда стало ясно, что болезнь прогрессирует и доктор Хилтон сказал, что никаких шансов на выздоровление нет, Ник был в отчаянии. Майра тогда призналась ему, что не может видеть, как он плачет.

“Что ж, теперь ты должен быть счастлив, – говорил он сам себе. – Нет больше леди в инвалидной коляске. Ты еще молод. Гуляй, веселись, пей и ходи на вечеринки”.

Он подошел к койке, на которой под простыней лежала Майра. Конечно, он в своей жизни уже не раз видел трупы: во время выездов на место преступления, в моргах, когда умерла его мать... Были еще, конечно, и те три трупа в Талсе. Несмотря на это, сейчас, отворачивая простыню, он чувствовал легкую дрожь и думал, правильно ли он поступает. Но он хотел. Он хотел увидеть ее еще раз.

Кома убрала с ее лица все признаки румянца и выбелила его, как простыню. Живые, веселые, полные задора и огня глаза были закрыты. Незадолго до его прихода они коротко обрезали ее длинные каштановые волосы, и теперь она выглядела совсем как мальчик. Но это была Майра. Она была похожа на маленькую птичку. Бледная матовая кожа и тонкие, хрупкие косточки маленького тела... Но боль уже ушла. Живя шесть лет бок о бок с постоянной болью, она все-таки хорошо держалась. Она не чувствовала ни рук ни ног, только одну сплошную боль. Сейчас на ее лице застыло такое умиротворение, лицо было таким спокойным, каким никогда не было при жизни.

“Прости, дорогая, – думал он, – я действительно все порчу своими слезами. Ты не велела мне плакать, но я не могу сдержаться, не могу, не могу...”

– Ник? – Это был доктор. – Ник, может, принести чего-нибудь?

– Не надо, все нормально.

– Нам надо ее забирать.

– Хорошо.

Он отвернулся и позволил им увезти тело своей жены. Ник вышел на солнце, зажмурился и достал сигарету. Потом вспомнил, что бросил курить, и засунул пачку обратно. Чтобы скрыть покрасневшие от слез глаза, он надел солнцезащитные очки. Ник задумался о том, что в подобных обстоятельствах необходимо предпринять, но потом вспомнил, что беспокоиться не о чем – все уже распланировано: он знал, куда ее отвезут и где и когда состоятся похороны. Это займет два дня и произойдет во вторник. До этого момента все будет делаться автоматически. Надо было, наверное, пойти домой, потому что мог прийти кто-нибудь из знакомых, ребята из Управления, может, их жены. В течение всех этих лет он брал Майру с собой на вечеринки, и потом такие же они устраивали дома. Это помогло им пережить неловкость и сложность всего того, что окружающие, видя их, называли Трагедией с большой буквы. Постепенно ребята полюбили ее, их жены очень сдружились с Майрой, и у них уже стало привычным забегать к ней поболтать о своих делах.

Он почувствовал желание вернуть назад те старые добрые времена, но сразу же постарался выбросить из головы эти нелепые мысли. Думать об этом было безумием, которое рано или поздно опять завершится очередным потоком слез. Он пытался сдержаться. В такой ситуации лучшим было бы, наверное, сесть в машину, рвануть в Билокси и там пару дней просто поваляться на пляже. Может быть, как сказала Майра, он найдет там девушку, успокоится и наконец-то придет в себя.

Но он никогда не сможет так поступить. В настоящий момент Ник просто не знал, чем ему заняться. Ужасное состояние. Может, сходить в кино или придумать еще что-нибудь в этом духе, чтобы хоть на несколько часов отвлечься от всех этих ужасных мыслей. Но в фильмах были сплошные драки и убийства. Сейчас ему не хотелось на это смотреть. Наконец он решил поехать к озеру. Подъехав к самой

кромке воды, Ник сразу же ощутил приятное спокойствие и прохладу. Он просто сидел и наслаждался пейзажем, чувствуя, как солнце ласкает кожу лица и внутреннее напряжение потихоньку спадает. Внезапно он вспомнил, что забыл сделать один срочный звонок, и выругался.

Найдя телефонный автомат, Ник опустил монету. Ответил Фенкл.

– Эй, Хэп, – начал Мемфис, – я собираюсь слинять, так что меня не будет целый день. Хорошо?

– Ну, в общем-то, не очень хотелось бы... потому что ребята тут думают собраться и...

– Слушай, это совсем необязательно. Ей уже ничего не надо. Так что ни к чему поднимать шумиху по этому поводу, о'кей? Хотят собраться – пусть собираются, не хотят – тоже ничего. Просто помяните ее в своей душе. Это будет намного лучше. Мне бы очень хотелось именно этого.

– Хорошо, нет проблем. Кстати, у тебя есть осведомитель по имени Эдуарде?

– Как?

– Где-то полтора часа назад звонил парень, назвался Эдуарде. Сказал, что хочет переговорить с тобой. Очень волновался. Латиноамериканский акцент. Скорее всего, ничего серьезного, но ты лучше все-таки позвони.

Ник порылся в памяти. Эдуарде? Он сейчас вел около пятнадцати дел, главным образом по небольшим партиям контрабандных наркотиков. Предполагалось, что большая часть людей, засветившихся по этому делу, работает на Джилли Стефанелли, крестного отца всей новоорлеанской мафии. Но он не мог припомнить, чтобы в его каталоге мошенников, воров, шулеров и всякой шушеры попадалось имя Эдуардо. Хотя звучало оно подозрительно знакомо. Наконец он вспомнил. Это было на еврейскую Пасху. Уолли Дивер, который ушел из УБН, чтобы заняться частным бизнесом, тогда сказал ему, что это вымышленное имя одного из его осведомителей и что он специально не называет их настоящими именами, потому что не хочет, чтобы парни из конторы, где он работает, контролировали его агентурную сеть.

– А какой номер?

– Э-э... сейчас, секундочку... девять, восемь, девять, двадцать, двадцать, номер пятьдесят восемь.

– Судя по телефонному справочнику, это где-то в районе аэропорта, не так ли?

– Да, я слышал шум пролетающих над ним самолетов. Знаешь, старина, может, тебе плюнуть на все это? Не такая уж большая величина этот твой парень. Мне такие звонят каждый час и лезут со всяким дерьмом. Подожди немного, если это так важно, он перезвонит, а если нет – выбрось его из головы и спрячь пушку: стрельба отменяется. Прости за то, что побеспокоил тебя этим, надо было не вспоминать даже.

– Нет, мне надо позвонить этому человеку. Ты ничего не знаешь.

Ник повесил трубку, бросил еще одну монету и стал быстро набирать номер, пока тот не вылетел у него из головы. Из слов клерка гостиницы, подошедшего к телефону, он понял, что это “Палм Корт”. Ник попросил соединить его с номером пятьдесят восемь. Телефон звонил, но трубку никто не брал.

– Думаю, что его здесь нет, – сказал дежурный.

– А где вы находитесь?

– Рядом с аэропортом, на Первой магистрали. Налево, через два квартала после отеля “Холидэй”.

– Отлично. Спасибо, – поблагодарил Ник и быстро посмотрел на часы. С сожалением вздохнув, он повесил трубку и решил, что надо возвращаться к работе.

Гостиница “Палм Корт” оказалась довольно-таки обшарпанным зданием, смахивающим на подпольный притон – в таких местах Ник обычно брал третьесортных торговцев наркотиками. Возведенное из шлаковых блоков в начале пятидесятых, это здание было покрашено в какие-то странные, причудливые, яркие цвета, в которые красили дома в те дни, когда Америка только открывала для себя свои знаменитые автомобили и, поддаваясь соблазну путешествий, устремлялась по пыльным дорогам к манящим вдали горизонтам.

Он вошел внутрь, нашел номер пятьдесят восемь, который располагался сразу возле лестницы, и постучал в дверь, на поверхности которой играли блики от флуоресцентных огней, украшавших два автомата – “Сок” и “Пепси-Кола”, расположенных по

обе стороны от нее. Ник был не маленький мужчина – почти две сотни фунтов, но, хотя в действительности он обладал огромной физической силой, внешне он не производил такого впечатления. У него было мягкое, гладкое тело, длинные светлые волосы и нежно-голубые глаза. Он был не просто плотный, а даже немного толстоват... В общем, создавалось впечатление, что он скорее похож на замминистра или нажившегося на взятках торговца, чем на федерального агента.

У него было одно хорошее качество, которому он научился у Майры, – настойчивость. Он вспомнил то время, когда еще жил без нее. Это были дни настоящего безумия, время, когда он горел желанием уничтожать преступников, когда он мотался по улицам и даже спускался в канализационные ходы города, чтобы спасти Америку от самой себя. Самоотверженно служа этой идее, он первые пять лет работы в Бюро вел аскетический образ жизни, выезжал на все облавы, аресты и вызовы, стремясь попасть во взвод по борьбе с терроризмом или в группу по обезвреживанию грабителей банков. Он хотел убивать негодяев из снайперской винтовки – это была его главная цель.

Потом произошло несчастье в Талсе. С тех пор он подчинил свою жизнь и свою карьеру тому, чтобы хоть как-то компенсировать совершенную ошибку. Он пытался забыть случившееся...

Но порой ночью, лежа в постели и прислушиваясь к мучительному хриплому дыханию Майры или глядя на напоминающую в слабом свете луны скелет инвалидную коляску, он чувствовал, как страшная боль отчаяния пронзает его мозг и разрывает все тело на части.

“Господи, ты попал в девчонку.” – прокричал тогда Бэйс. В такие дни Ник вставал с постели полностью разбитым. Потом плелся в туалет, где в течение часа блевал, склонившись над унитазом. Потом он выходил из сортира, воняя рвотой, с трясущимися руками и пустой головой. В этот момент он безумно ненавидел себя за ту роковую ошибку и страшная тяжесть никому уже теперь не нужного раскаяния душила его...

Мысли Ника вновь унесли его в прошлое, и он очнулся только тогда, когда увидел, что от сильных ударов в дверь у него на костяшках пальцев выступила кровь.

– Мистер! Эй, мистер, я думаю, что его там нет.

Ник поднял очки, чтобы разглядеть, кто с ним говорит. Это была горничная, внешность которой чем-то напоминала пышный колючий куст.

– Да, конечно, – сказал он, – простите, вы случайно не видели проживающего здесь человека? Какой он из себя?

– Пожилой такой. Ничего особенного. Как и все приезжие.

– Когда он ушел?

– Я не видела, чтобы он уходил. К нему приходили люди, а потом ушли. Вы полицейский?

– Я из ФБР. А кто к нему приходил? Что за люди?

– Ну, в костюмах, такие... как вы. Может быть, помоложе, посмуглее. Вот, пожалуй, и все. Ушли они минут десять назад.

– Сделайте одолжение, позовите, пожалуйста, управляющего.

Управляющий оказался довольно причудливым старикашкой, одетым в ситцевую гавайскую рубашку, которая была разукрашена такими яркими цветами, что создавалось впечатление, будто это какая-то сверхновая звезда, посылающая во все концы Вселенной яркие лучи оранжевого солнца. Она была как нельзя к лицу этой старой тощей крысе, от которой несло бурбоном и дезодорантом. Ник достал яркий значок полицейского и удостоверение. Показав их управляющему, он приказал ему открыть дверь.

– У вас есть ордер или что-нибудь еще?

Такой поворот дела удивил Ника, но он промолчал. Во всем виноваты эти проклятые фильмы. И дерьмовое телевидение. Десять лет назад ему бы ответили: “Да, сэр, пожалуйста, что мы можем для вас сделать, сэр”. Теперь все думали о ФБР как о сборище фашистов и, естественно, так же к нему и относились.

– Вы кто, прокурор? – спросил Ник. – Этот человек хочет со мной переговорить. Может, он спит. Давайте приступайте, не стоит стесняться. Окажите мне такую любезность, хорошо?

– Нет, потому что этот парень настоящий ублюдок. Он настоял на том, чтобы ему дали именно эту комнату, рядом с автоматами коки. Ее даже не успели перед этим убрать. Но он устроил такой скандал! В общем, мне не очень-то хочется снова нарываться на неприятности...

– Вы только откройте замок, и все. Дальше я побеседую с ним сам, – сказал Ник.

Старикашка скорчил гримасу, давая понять Нику, с какой неохотой он все это делает. Ник понял, что тот не прочь получить свои десять долларов, но даже не пошевелился, продолжая молча наблюдать за действиями кряхтящего управляющего. Наконец представление закончилось и дверь открылась.

Первое, что бросилось Нику в глаза, когда он вошел в комнату, была кровь. Она была везде: на стенах, на кровати, на зеркале, на потолке... Классический пример хлеставшей фонтаном артериальной крови.

– А-а-а-а-а!!! – завизжала горничная.

– ...твою мать, – произнес управляющий.

– Понятно, – сказал Ник. – Вы оба выйдите. Здесь совершено преступление. Идите в холл, наберите номер восемь-восемь-пять-три-четыре-три-четыре и попросите к телефону агента Фенкла. Дайте ему адрес, скажите, что здесь совершено убийство и что он должен выслать сюда группу экспертов как можно быстрее, пока не нахлынули всякие городские любители сенсаций. Передайте ему, что Ник уже здесь, понятно?

В широко раскрытых глазах старикашки застыл неподдельный ужас, однако он послушно пошел выполнять то, что ему было поручено.

Ник прошел в комнату. Тут, вероятно, была настоящая бойня.

Большинство убийств совершается, как правило, в постели. Кровать буквально плавала в крови, над изголовьем вся стена тоже была в ярких кровавых разводах. Ник подумал, что убийцы, наверное, ударили его топором, причем, если судить по брызгам на стенах, сделали это два или три раза. Возле столбика кровати, к которому они привязали несчастного, чтобы, видимо, без проблем поработать топором, он заметил вымокшую в крови липкую ленту. Но самого Эдуарде здесь не было...

Тут Ник увидел, что от кровати в направлении ванной тянется кровавый след. Господи, неужели человек, из которого буквально сделали бефстроганов, еще пытался как-то доползти до ванной?

Он увидел, что из дверей торчат голые ноги, повернутые ступнями вовнутрь, как обычно бывает со всеми уже окоченевшими трупами, когда непослушные разуму части тела без всякого достоинства и стыда оказываются в самых невероятных положениях и так и застывают под

тяжестью своего собственного веса. Ник аккуратно подошел к двери в ванную и заглянул туда, чтобы посмотреть на тело. Он увидел спину пожилого человека и сильные, развитые мышцы. Эдуарде был в белых брюках, которые полностью вымокли в крови. Голова была вывернута вправо, и Нику сразу бросился в глаза элегантный, возможно, даже аристократический тип лица с орлиным носом и редкими светлыми волосами. Нижняя часть головы была грубо обмотана изолентой, которая прижимала кусок тряпки, торчащий из его беззвучно раскрытого рта. В широко раскрытых глазах застыл ужас, и лицо впрочем, как и все тело, – плавало в целом море крови. Здесь было слишком много крови.

Ник стоял и смотрел. Какого черта он сюда тащился? Почему он умер на полу в ванной, а не в кровати? Зачем ему надо было вылезать из кровати и ползти сюда, волоча за собой свои кишки, легкие и искромсанное тело? Но тут он заметил, что под неестественно выгнутой в сторону левой рукой трупа, возле указательного пальца, застыли какие-то пятна... нет, там было что-то написано! Он написал что-то перед смертью на белом линолеуме пола! Написал своей кровью! Вдруг Ник в ужасе заметил, что огромное пятно крови, которое постоянно увеличивалось из-за того, что тело сеньора Эдуарде продолжало кровоточить, постепенно наползает на написанное слово. В самый последний момент, однако, он успел его прочитать. Там было написано: “РОМ ДО”.

Прибывшая через час судмедэкспертиза наконец-то погрузила тело на носилки и увезла с собой. Хэп Фенкл все еще продолжал орать на капитана из Отдела убийств новоорлеанского полицейского департамента. Тот в свою очередь точно так же орал на него. Это были вечные, непрекращающиеся споры между местными и федеральными службами, возникающие, в основном, из-за подобных убийств. Ник спустился в холл и набрал номер Уолли Дивера. Дивер возглавлял службу безопасности одной крупной фармацевтической фирмы в Бостоне, поэтому Нику потребовалось очень много времени и усилий, чтобы вычислить, где тот может в настоящий момент находиться.

– Уолтер Дивер слушает.

– Уолли? Эй, Уолли, ты ни за что не согласишься...

– Ник Мемфис, старина, я узнаю твой веселый голос даже у черта на куличках! Как поживаешь? Как дела?

– Все в порядке, дружище. Послушай, у меня тут есть к тебе...

– Ник, тебе немедленно следует завязывать со своим Бюро и присоединяться ко мне. Боже, Ник, деньги, деньги, деньги, тут такие могут быть деньги, что и Майра будет довольна, и ты сможешь...

– Да, звучит красиво, это хорошо, когда на счете в банке много денег. Послушай, Уолли, у меня к тебе тут одно старое дело...

– Как Майра?

– Отлично, – солгал Ник. – Помнишь, как-то перед уходом из конторы ты дал мне список осведомителей, которые, как ты сказал, могут мне позвонить?

– Да. И что, один из них вышел на тебя?

– Да, он действительно вышел. Кто-то его грохнул, да еще как! Он выглядел так, будто над ним потрудились целый батальон “пантеровцов”, – он, оказывается, имел отношение к тому подразделению сальвадорских рейнджеров, которые сожгли деревню и убили почти две сотни детей и женщин. Помнишь, эта история еще была во всех газетах и ФБР проявило к ней особое внимание. Я тут прикинул – над ним не меньше двух человек потрудились. Топориком. Они его так отделали, что ты себе представить не можешь.

– О Боже! Видимо, он перешел дорогу колумбийцам. А эти парни – варвары. Сегодня ты обедаешь с ними за одним столом, а завтра – получаешь от них удар ножом в спину. С ними лучше не связываться.

– Да, возможно.

– Кто же это был?

– Его звали Эдуарде. Он пытался дозвониться мне, но не застал на месте. Пока я его вычислил, они уже замочили его в одном убогом отеле рядом с аэропортом. Я как раз звоню сейчас оттуда.

– Эдуарде?

– Да.

– А-а-а... Эдуарде... – как-то неубедительно произнес Уолли.

– На вид я бы дал ему пятьдесят пять – шестьдесят лет, у него еще очень аристократическая внешность. Что-нибудь вспомнил?

– Да. Эдуарде Ланцман. Ну и что? Он же не колумбиец, он сальвадорец. Да, плохие новости. Это прокол. Дело в том, что он – невидимка.

– Невидимка?

– Да. Помнишь встречу Буша на высшем уровне в Картахене по поводу наркотиков? Я встретился с ним там. Тогда многие ребята из УБН смешались с народом и были незаметны. Он, естественно, тоже был в Колумбии, но там было полно людей из группы “Центр А”. Ланцман служил в Отделе разведки национальной полиции Сальвадора. Он казался таким вежливым и культурным. Ну, ты знаешь полицейских – мы обменялись визитками, и я попросил его, чтобы, в случае если он узнает что-нибудь важное для меня, он мне сразу же об этом сообщил. Но позже кто-то сказал мне, что он был двойным агентом. Понимаешь, он был агентом не только УБН, но и работал на ЦРУ.

– Гм... если у него что-то случилось, то почему он не обратился в свою собственную контору?

– Теперь этого, Ник, уже никто никогда не узнает. Может, кто-нибудь из батальона “Пантеры” его и прикончил и он ничего общего с наркотиками не имел, а наоборот – был замешан в политику. Это серьезная организация. Зацепишь кого-нибудь из этих крутых парней – и ровно в полночь за тобой прикатит “команч” с затемненными стеклами.

– Ты сообщил ему мое имя?

– Если это тот самый человек, то, может, и да. Как раз перед своим уходом я отослал официальные письма. Всем своим осведомителям и связным.

– Ладно. И еще один вопрос. У тебя ни с чем не ассоциируется выражение РОМ ДО? Что бы это могло значить? Это было его последнее послание. Может быть, он хотел мне что-то сообщить? Как ты думаешь?

– Не имею ни малейшего представления, Ник.

– Ну хорошо, спасибо, Уолли.

Он положил трубку и попытался переварить полученную информацию.

– Ник, мы тут нашли кое-что. Его паспорт! – Это был голос Фенкла, который звал его из пятидесят восьмого номера.

– Его имя Эдуарде Лакин. Он из Панамы – здесь есть корешок его авиабилета, рейс был сегодня утром. Самолет делал промежуточную посадку в Мехико. Как нам удалось узнать, из аэропорта он

направился прямо сюда, наверное, на такси. По сообщению телефонного оператора отеля, им был сделан всего один звонок...

– Мне.

– Да. Я тоже так считаю.

– Мы можем получить его багаж?

– Никакого багажа нет. Горничная говорит, что при нем тоже не было вещей. В комнате тоже. Его поездка не была путешествием. Он приехал сюда с определенной целью – с кем-то встретиться, может быть, с тобой.

– Это его и погубило, – заметил Ник.

Глава 6

Полковник вел себя очень спокойно и уверенно, это было заметно всем.

На его лице не было никаких признаков сожаления или раскаяния. Он ни в чем не сомневался. На яростную правду Боба и скрытую угрозу, звучавшую в его словах, полковник никак не прореагировал.

– Хорошо, Суэггер, – сказал он, – вы нас раскусили. Ну и чего вы ждете – поздравлений и аплодисментов? Вы и должны были так поступить. Пришло время выложить все карты на стол.

– Зачем вам понадобилось проделывать со мной все эти штуки? Какого черта вы заставили меня стрелять в самого себя и беднягу Донни?

– Говорят, что вы не любите охотиться ради трофея, Суэггер. А я хочу, чтобы вы знали, что трофей, за которым вам стоит поохотиться, на самом деле существует.

Они сидели в маленькой грязной комнате в трейлере, на котором был знак “Экьютека”. Он стоял как раз рядом с трехсотярдовыми мишенями. Полковник не отрываясь смотрел на Боба. Среди других присутствующих был и тот бородатый козленок, похожий на маменькиного сынка, которого Боб видел на стрельбище, и вечно готовый лизать начальственную задницу Хатчер. Станным было то, что на столе, за которым они сидели, стоял большой телевизор “Сони” с плоской коробкой видеоманитофона. Они что, собираются устроить тут просмотр фильмов или какого-нибудь шоу?

– Как ваше имя, сэр? – спросил Боб.

– Не Уильям Брюс, – ответил полковник. – Хотя полковник Брюс существует, он действительно получил орден Почета и был инспектором полицейского управления в штате Аризона. Прекрасный человек. А я – нет. Я – тот человек, который вынужден следить за тем, чтобы все делалось так, как надо, и в срок, поэтому у меня обычно не остается времени на то, чтобы быть еще кем-то, кроме начальника. Кстати, сейчас именно такое время.

– Я не люблю, когда мне лгут. Лучше скажите мне всю правду, иначе я просто встану и уйду.

– Вы будете сидеть здесь, пока я не закончу говорить, – сказал полковник, остановив на нем свой тяжелый, невозмутимый взгляд, лишний раз подтверждающий его высокое положение.

Боб почувствовал, что полковнику присуще то качество настоящего командира, которое он встречал у самых лучших офицеров во Вьетнаме, оказывавшихся всегда, как правило, на самых тяжелых участках боя. За редким исключением такое качество нельзя было назвать вдохновением, чувством, идущим из глубины души. Скорее всего, речь шла об огромной концентрации воли и неумолимом стремлении либо победить, либо умереть. Это был настоящий талант, и без такого таланта армии обычно проигрывают свои битвы. Но Боб видел и отрицательную сторону этого качества: грубость, которая не могла воспринять ничье другое мнение, кроме своего собственного, и желание швыряться чужими жизнями – следствие того, что такие люди, как правило, не дорожили сами собой, считая, что выполнение боевой задачи намного дороже и важнее, чем их жизнь. У этого человека на лице было написано: “Долг, долг и еще раз долг”. И именно это делало его особенно опасным.

– Мы следим за одним человеком, – начал полковник. – Он очень специфическая личность. Очень хитрый и скрытный. Мы думаем, что настало время сделать по нему выстрел. Человек, за которым мы следим, – советский снайпер, сделавший в свое время немало прекрасных выстрелов, среди которых, кстати, были и те два выстрела, которые раздробили вам бедро и пробили позвоночник Донни Фенну.

«Поразительно, – думал доктор Добблер, наблюдая за Суэггером. – Его способность контролировать свои эмоции просто восхищает. Никаких признаков волнения, ни тени сомнения, как будто его это не касается. Он просто сидит и внимательно слушает, немигающим взглядом глядя на полковника. Не заметно никаких признаков возбуждения или волнения, которые, как правило, всегда проявляются в моменты конфронтации. Дыхание не участилось, румянца на лице нет, губы не пересохла, не заметно напряжения мышц. Никакого возбуждения! Не удивительно, что он был таким неординарным солдатом в бою».

Добблер задумался над тем, как редко подобный природный дар встречается среди людей. Был ли он так редок, как, скажем, способность метко стрелять из винтовки, которой обладают около

сотни ежегодно рождающихся детей, или как талант не промахнуться на расстоянии 350 ярдов и более, которым обладает максимум один ребенок в поколении? Добблер понимал, что столкнулся с чем-то действительно необычным, и это приводило его в легкое возбуждение, но одновременно и немного пугало.

Боб наклонился вперед:

– Не надо попусту беспокоить имя Донни Фенна. В мире осталось только два любящих его человека. Прошу вас, давайте не будем тревожить память о нем.

– Знаете что, Суэггер? Пожалуй, вы правы. Не будем говорить о Донни Фенне. Так же, как и о вашем бедре. Оно меня не волнует, а вот этот русский – да! Потому что он вернулся. Он снова вышел на охоту.

Ник бросил пятидесятицентовую монету в автомат, и спустя несколько секунд там что-то защелкало и зазвенело, потом, после небольшой паузы, раздался звук скатывающейся по желобу банки, которая наконец с грохотом свалилась в металлическую корзину. На банке было написано: "Диетическая кока". Он достал ее из корзинки и, откупорив, сделал большой, жадный глоток.

– Черт, – раздался голос Хэпа Фенкла, – пятьдесят центов. А у нас в здании такая же банка – за семьдесят пять.

Ник ничего не ответил.

– Никак не могу понять, почему ему захотелось снять комнату именно рядом с этими автоматами коки, – спустя некоторое время сказал он. – Дьявол, два автомата коки и два автомата пепси, плюс машина со льдом и автомат, который набивает карманы несвежими орехами. – Он указал на выстроившиеся в ряд торговые автоматы, между которыми размещалась комната номер пятьдесят восемь.

– Может, парень был сладкоежка и поэтому хотел жить поближе к этим машинам?

– Нет, это самая худшая комната, которую можно заказать. Если ты решаешь здесь поселиться, значит, ты заранее соглашаешься на то, чтобы всю ночь у тебя под дверью звенели монетами и кололи лед на мелкие кусочки. Что-то я не вижу в этом никакой логики.

– Ник, может, он думал, что за ним следят? Тогда он выбрал этот номер именно потому, что вокруг постоянно много людей, и надеялся,

что таким образом сможет отпугнуть убийц. Но его преследователи, видимо, были теми людьми, которых нельзя отпугнуть ничем.

– Да, но...

– Послушай, Ник, ты думаешь совсем не о том. Ты же видел десятки подобных убийств, хоть и не таких кровавых. Это типичное сведение счетов наркомафии – колумбийской, перуанской или какой-нибудь еще. Они четко поставили условие: либо все подчиняются им, либо будут большие неприятности. А этот парень что-то разнюхал и тайно прилетел сюда. Они его вычислили и, мягко выражаясь, нашлапали по попе. Ну как?

Ник кивнул головой. В общем-то, наверное, все так и есть, но что-то во всей этой истории никак не давало ему покоя.

“Почему мне? – думал он. – Почему этот человек позвонил именно мне и именно в тот день, когда умерла моя жена?”

Он допил оставшуюся коку одним глотком.

– А вот и он собственной персоной, мистер Суэггер, – сказал полковник. – Тот, кто убил Донни Фенна и искалечил вас.

Полковник нажал кнопку пульта дистанционного управления, и на экране телевизора появилось чье-то лицо. Боб попытался уловить в его чертах что-нибудь особенное, что-то такое, что бы говорило о том, что перед ним стрелок, снайпер высшего класса. Но видел перед собой только худое суровое лицо без каких-либо особых признаков. В слегка выпирающих скулах было что-то восточное, во всяком случае, Суэггеру он показался похожим на монгола.

– Соларатов. Т. Мы считаем, что это его настоящая фамилия. Но никто не знает, что означает это “Т”

Боб что-то невнятно пробормотал, потому что не знал, что будет дальше.

– Т. Соларатов на этой фотографии запечатлен нашим агентом под кодовым именем “Флауэпот” в столице Афганистана Кабуле в 1988 году. Это последняя его фотография, имеющаяся у нас. И самая лучшая по качеству. Ему пятьдесят четыре года, и он сейчас в самой лучшей своей форме. Бегаёт по двенадцать миль в день. В Афганистане был советником подразделений спецназа по проведению спецопераций с использованием снайперов. Эксперт по снайперским вопросам. За ним охотятся по всему миру. Если Советам бывало надо,

чтобы где-то прозвучал выстрел, то этот выстрел делал он. А сколько человек вы убили, сержант?

Боб ненавидел, когда ему задавали этот вопрос. Это их не касается. Нечего совать свой нос в чужие дела.

– Ладно, – сказал полковник, – можете упорствовать и молчать. Согласно официально зарегистрированным попаданиям, эта цифра составляет восемьдесят семь человек. Но я уверен, что на самом деле она намного больше. Намного.

Боб знал настоящую цифру. Иногда он притворялся, что не помнит ее, но это была неправда, он все прекрасно помнил.

– По нашим подсчетам, товарищ Т. Соларатов отправил в лучший мир более трехсот пятидесяти сосунков. Почти все выстрелы, за редким исключением, произведены в голову. Это его фирменный знак. Соларатов не признает выстрелов в центр корпуса, считая их непрофессиональными.

Боб хмыкнул. Да, это была серьезная заявка на настоящую стрельбу.

Ник показал свое удостоверение какой-то женщине, и через несколько секунд его пропустили внутрь и провели к самому мистеру Хилари Дуайту, вице-президенту филиала компании “Кока-Кола” в Новом Орлеане, который отвечал за сбыт и распространение продукции фирмы. Мистер Дуайт оказался немного манерным мужчиной, одетым в белый элегантный костюм. Он, видимо, выпил за свою жизнь так много той самой кока-колы, что это очень сильно сказалось на его необъятной талии. У него был ясный и открытый взгляд, можно даже сказать, смиренный, как у монаха, а в офисе было так чисто и аккуратно, что это сразу говорило о четкости и ясности мышления его хозяина.

– Итак, чем могу служить, мистер Мемфис? – спросил он. – Надеюсь, никто из моих водителей не наехал на пешехода и не совершил еще чего-нибудь противозаконного? В принципе у них есть разрешение на подъезд ко всем учреждениям и запретным зонам, но, честно говоря, сейчас люди стали уже далеко не такими, какими были раньше.

– Нет, сэр, – ответил Ник, – нет. Просто у меня есть тут небольшая проблема, которую я пытаюсь разрешить. Один человек совершил

самоубийство в отеле, расположенном возле аэропорта...

– О Господи, – произнес Дуайт.

– Но перед тем, как решиться на это, он заказал себе комнату возле автоматов кока-колы. Как раз рядом с его номером стоят две ваших машины и два автомата пепси. Плюс еще какой-то автомат со сладостями, орехами и леденцами. Скажите, какие особенные качества автоматов кока-колы могли заставить человека, подозревающего, что за ним следят его убийцы, специально искать комнату, рядом с которой бы эти автоматы находились? Или я полностью заблуждаюсь на этот счет?

– Гм-м-м... – Круглое лицо Дуайта напряглось от размышления. – А что за отель?

Ник назвал.

Дуайт встал, подошел к терминалу компьютера и набрал необходимые команды. Ник сидел и смотрел, как на экране послушно появлялись какие-то данные. Дуайт внимательно их изучил.

– Значит, так, мистер Мемфис, вы, возможно, уже заметили, что мы сейчас занимаемся заменой наших прежних автоматов серии “Вендо-Дайн 1500” на их усовершенствованные аналоги серии “Вендо-Дайн 1800”. Вы их уже видели там. Они даже разговаривают с клиентом. Вы можете бросить доллар – и получите сдачу. Очень сложная конструкция и с широкими возможностями.

Ник кивал головой и наслаждался фантастической организацией работы фирмы “Кока-Кола”. Это был один из самых приятных моментов в его профессии, который он любил больше всего: каждый раз ты вдруг оказывался в каком-то совершенно другом мире.

– Да, да. Это место мы уже обслужили, сэр, и заменили 1500-ю модель на 1800-ю еще в прошлом месяце. Между ними существует большая разница в размерах, 1800-я вмещает две тысячи банок, а 1500-я – всего пятьсот. Следовательно, нам не надо их обслуживать так часто, как раньше, и на этом мы получаем определенную прибыль, что в свою очередь позволяет нам ради привлечения внимания потребителей несколько снизить цену на напиток.

Ник вспомнил – банка стоила пятьдесят центов.

– Ну и о чем это нам говорит? – спросил он, представив себе яркий переливающийся свет новых автоматов кока-колы в холле отеля.

– О том, сэр, что одним из достоинств 1800-й модели является то, что называется “возбуждающей генерацией”.

Ник ждал объяснения.

– Новая модель содержит в себе маленький компьютерный чип. Для того чтобы он работал, нужен электрический ток. А этот ток порождает электромагнитное поле. Там было два автомата, да? Ну так вот, они порождают, благодаря электромагнитному импульсу, сильное поле помех.

Ник покачал головой, проклиная свою бестолковость:

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

Мистер Дуайт улыбнулся и начал объяснять с самого начала.

– Вот все сведения, которые нам удалось раздобыть об этом человеке, Суэггер. По данным израильской группы, которая является нашим самым надежным источником информации, в середине семидесятых его выследили и чуть не убрали, когда он инструктировал боевые отряды в долине Бекаа по методам и технике снайперских операций. К нашему общему стыду, я должен добавить, что, хоть эта группа и подобралась к нему ближе, чем все остальные, она не смогла выполнить свою задачу. Впервые его снайперские способности обнаружили в восемнадцать лет, когда он попал служить в морскую пехоту. С 1954-го по 1959-й он был абсолютным чемпионом спартакиады дружественных армий и всех стрелковых соревнований, проводимых в рамках Восточного блока. Он был необычайно одаренным спортсменом. Мы считаем, что свой первый выстрел по живой мишени он совершил в 1956 году в Венгрии. Николас Хамм и Павел Апрани, венгерские националисты, выступавшие за дальнейшее сопротивление советским войскам, были убиты во время проведения массового митинга пулями, выпущенными из винтовки Мосина. Выстрелы были произведены с большого расстояния. Никаких следов стрелявшего обнаружено не было. К 1960 году, после ряда “успехов” в Конго, ему присвоили офицерское звание и перевели из морской пехоты в высшую военную элиту – в спецназ. С 1962 года он перестал принимать участие в соревнованиях по стрельбе. Затем вообще исчез из поля зрения, и о его появлении в различных местах можно было судить только по слухам или каким-то отрывочным, непроверенным сведениям. А в 1972 году, когда командер-сержант Боб Ли Суэггер

задержал Третий батальон Пятой ударной пехотной дивизии северных вьетнамцев в долине Ан-Лок, убив тридцать шесть человек за эти два героических дня, и таким образом спас жизнь двенадцати “зеленым беретам” и еще доброй сотне южных вьетнамцев, ведущих радиоперехват вблизи камбоджийской границы, командование северных вьетнамцев забеспокоилось и послало в Москву за профи. Вот так туда попал товарищ Соларатов. Он искал только одного человека. Вас. Ему потребовалась неделя на то, чтобы вычислить ваше место нахождения, но он не мог подобраться к тому месту, где вы располагались, ближе чем на тысячу четыреста ярдов. Он наблюдал за вами, живя целую неделю в какой-то норе, питаясь и справляя нужду прямо там же. Ну а когда подошло время, то прозвучал выстрел, который вы и получили. Но тысяча четыреста ярдов – очень большая дистанция.

– Он не рассчитал вертикального отклонения пули, – сказал Боб.

– Да. Поэтому он и попал вам в бедро. Но благодаря этому он произвел корректировку и, когда появился Донни, не промахнулся, попав ему прямо в центр груди. Но все это уже история. Соларатов стал большим героем! Получив пятьдесят тысяч долларов за вашу голову, он уже через два дня улетел в Москву, где преспокойно расслаблялся и наслаждался жизнью, в то время как здесь близкие оплакивали Донни, а врачи собирали по кусочкам ваше бедро.

Боб посмотрел на лицо снайпера, которое еще было на экране телевизора. Да, какие-то слухи до него доходили.

Вернувшиеся тогда назад ребята сказали, что в него стрелял белый. Полковник продолжил:

– Мы засекли его потом в семидесятые годы в Анголе, после этого – в Никарагуа, где он обучал сандинистских снайперов. Затем он всплыл недалеко от Ближнего Востока. Как я вам уже говорил, израильская группа залила весь тот район напалмом только ради того, чтобы наверняка уничтожить его, но – увы – они опоздали всего лишь на час. Он очень большая фигура на Ближнем Востоке. Выполняет огромное количество работы, которую получает от некоторых темных личностей в этом регионе. Мы очень, очень долго наблюдали за ним в Афганистане, когда он командовал там подразделением спецназа. Они попадали в цель с расстояния нескольких сот ярдов. Вы с Донни по сравнению с ним выглядите слабо.

Боб положил руку на бедро, чтобы успокоить начинавшую ныть кость.

Ник позвонил одному человеку, которого он знал еще по работе в УБН и у которого брат работал в Вашингтоне в Отделе картографической и топографической съемки министерства обороны, а несколько раньше какое-то время служил в одном из управлений в Лэнгли, штат Виргиния. Разговор с этим самым братом оказался сложным и потребовал огромного количества просьб, уговоров и клятвенных заверений; тот просил учесть, что он человек семейный и весьма дорожит своим служебным положением, но в конце концов сломался и сказал, что у него в интересующих Ника сферах есть еще кое-какие старые друзья и что он может позвонить одному своему закадычному другу, но обещает задать тому один, только один вопрос Ника. Он особенно подчеркнул, что это будет один вопрос. Ничего другого он спрашивать не станет и до самой смерти собирается отрицать, что когда-либо был знаком или что-нибудь слышал о Нике Мемфисе. Он перезвонит Нику... когда вопрос решится и ответ будет готов.

– Зачем же этот русский вернулся в свою страну? На кого ему там охотиться? – спросил Боб.

– Я сказал, что он русский, – ответил полковник, – но я не говорил, что он охотится на русских. Соларатова просто вытолкали в шею. Его уволили в прошлом году, как раз в тот момент, когда после распада Советского Союза в их армии началось повальное сокращение. Пнули как собаку, не посчитавшись ни с чем. Тот почувствовал, что оказался ненужным. Ему было очень неприятно. Вы же сами можете себе представить, сержант Суэггер, что чувствует старая добрая лошадка, оказавшись вдруг ненужной?

Боб внимательно следил за полковником.

– Его обнаружили в июле. Знаете где?

– Гадать – это не по моей части, мистер.

– Тут может быть только один-единственный ответ: в центре Багдада, в резиденции генерала Калиля аль-Вазира, который возглавляет сейчас Аль-Мухабарат, тайную полицию Ирака. А теперь,

сержант, давайте вернемся в настоящее. Позвольте мне сообщить вам кое-что о “Рэйнбоу”. Вы знаете, что такое “Рэйнбоу”?

– Я не знаю, что такое “Рэйнбоу”, – ответил Боб, в глубине души желая, чтобы полковник побыстрее со всем этим покончил.

– Вряд ли это кто-нибудь знает. Это спутник безумно сложной конструкции, нашпигованный всякой секретной аппаратурой. Он вращается на большом расстоянии от Земли, контролируя практически все, что происходит в районе Ближнего Востока, и посылая нам на Землю соответствующие изображения. Он оказался очень полезным в последние несколько лет. Иракцы, сирийцы и ливанцы подозревают, что он существует, но они не могут его обнаружить, потому что у них слишком старые дешевые радары, которые поставляли им в свое время еще страны Восточного блока. Но они очень осторожны. Когда им надо произвести какие-либо секретные работы, они выполняют их ночью, в это время эффективность работы “Рэйнбоу” намного ниже. Но порой происходят какие-то странные вещи. Взгляните на это. – Он нажал на пульте другую кнопку, и на экране появилось несколько фотографий. На них на всех сквозь туманную дымку была изображена Земля – какой она выглядит с очень большого расстояния. – Эти снимки были сделаны “Рэйнбоу” глубокой ночью около двух или трех недель назад с высоты двухсот миль над Багдадом в районе военного объекта у Ад-Даджаи. Мы пытались определить местоположение наших старых друзей – дивизии “Медина”, входящей в состав Республиканской гвардии. И что мы здесь видим? Практически ничего. А теперь... чудо.

Он сменил картину.

Фотография была необыкновенно четкой. То, что Боб увидел на этом снимке, было похоже на башни. Приблизительно на одну из таких башен он взобрался тем утром, чтобы с высоты контролировать сеть дорог и объектов, расположенных на больших расстояниях друг от друга. То, что он видел сейчас на фотографии, практически не отличалось от застывшего в памяти образа.

– Молния, – продолжал полковник. – Этого никто не мог предсказать. Она осветила Землю всего на одно мгновение, но этого было достаточно, чтобы “Рэйнбоу” успел сделать снимок. Даже плотные облака, которые в это время были на небе, не мешают, как вы видите, различить в высвеченных молнией строениях заранее

спланированные и тщательно продуманные приспособления, предназначенные для каких-то тайных целей.

Но самым интересным моментом во всей истории является то, что эти конструкции собираются каждую ночь. Для этого ведь нужны сотни людей. И все это делается только для того, чтобы наши спутники не смогли их обнаружить и сфотографировать. А теперь посмотрите сюда. Эти снимки сделаны днем. – Он снова нажал на кнопку, и появилась новая фотография. Теперь Боб увидел беспорядочную сеть дорог на безлюдной местности. – Ну и как вы разрешите эту головоломку, Суэггер? Эти фотографии, Соларатов в Ираке... Вы понимаете, в чем дело?

– Конечно, – ответил Боб. – Они готовят выстрел. Это все макеты зданий на улицах. Он прикидывает расстояние, угол стрельбы. После этого ему все будет знакомо.

– Нам надо было обратиться к вам с самого начала. Тому молодому человеку, фотоаналитику из Управления, к которому мы обратились с этим вопросом, потребовались недели, чтобы найти ответ. Это было потерянное время. Но наконец его осенила идея проанализировать ситуацию исходя из координат зданий и углов расположения улиц. Он загрузил эти данные в компьютер, и тот выдал вполне конкретную информацию. Суэггер, представляете, эти макеты имитировали расположение “Фифе энд Мэйн” в центральной части Кливленда, “Иннер Харбор” из “Ю.С.Ф. энд Джи”, здания в Балтиморе, и даже задней террасы Белого дома, если смотреть на нее с крыши здания министерства юстиции, – вы представляете, самого министерства юстиции! Наконец, расположение Даунинг-стрит вместе с Хьюдженат-стрит в северном Цинциннати и Нос-Рэмпарт и улицы Святой Анны в Новом Орлеане.

– Да, правильно, – сказал Боб, – так оно и есть.

– Сержант, у всех этих мест есть одна общая особенность. Через несколько недель там будет выступать со своими речами президент Соединенных Штатов.

Добблер молча наблюдал за этими двумя мужчинами. Они оба были, если так можно выразиться, взрослыми детьми с необычайно развитым чувством эгоизма и самолюбования. У них не было той присущей всем обыкновенным людям границы, за которой бы они

могли сказать себе: “Стой, не спеши, отступи, подожди и подумай”. Это были сильные люди, без всяких идеологических предрассудков, привыкшие рассматривать весь этот мир как совокупность проблем, которые обязательно должны быть решены. Добблер вспомнил тот день, когда впервые увидел полковника. Тот застал его за работой в клинике для шахтеров в Рафферти, штат Массачусетс, где он выписывал аспирин и накладывал бинты детям шахтеров. Полковник вошел в здание размашисто, даже как-то нагло, и с такой явной уверенностью в себе и в своих действиях, что ни одна медсестра не осмелилась сказать ему что-нибудь против. Широким жестом он бросил на стол прошлогодний номер газеты “Бостон глоуб”, где на первой странице целых три колонки были посвящены судебному процессу над Добблером и его обвинительному заключению. Подойдя ближе, он сказал:

– Если вы умеете держать язык за зубами и не болтать лишнего, я могу предложить вам по-настоящему интересную работу. Вы сможете получать очень много денег. Развлечения, путешествия, приключения и всякое такое... кое-что даже законным способом.

– Ч-ч-что я... я должен буду делать?

– Контролировать вербовку. Анализировать данные психологических и психиатрических наблюдений, а потом делать выводы. Будете сообщать мне, если кто-нибудь из них взбрыкнет, когда я начну закручивать гайки.

– Этого никто не сможет сделать.

– Возможно, но вы должны будете все-таки попробовать и постараться представить мне максимально точные данные по интересующим меня вопросам. Или, может быть, вы предпочитаете всю оставшуюся жизнь провести здесь, в перевязочной?

– Это часть приговора в соответствии с решением су...

– Все, уже ничего нет.

Полковник положил перед ним документ, утвержденный соответствующими юридическими инстанциями, о его досрочном освобождении под поручительство солидного лица.

– Вы... с правительством? – спросил Добблер.

– Можно сказать и так, – ответил полковник.

Боб продолжал хранить молчание. Казалось, что гнетущая тишина, которая висела в воздухе, вот-вот взорвется.

– Они все еще хотят выиграть эту войну, – продолжал полковник. – Думают, что смогут добиться победы только одним-единственным выстрелом. Наняв Соларатова и его винтовку.

– Ну и что вы хотите от меня?

– Суэггер, вы сотворяли такие чудеса, которые многим и не снились. Таких, как вы, мало. Вы охотились и выслеживали десятки, сотни людей. Вы один из тех двух-трех человек, которые считаются лучшими стрелками в мире. Один или два, может быть, есть в Израиле, потом этот Соларатов, Карл Хичкок – и все, больше нет никого, кто бы умел стрелять так, как вы. Нам нужен человек, который решит эти проблемы с точки зрения снайпера, его опыта и его знания обстановки. Нам надо знать, как он спланирует проведение этой операции, откуда он выстрелит и каким патроном. Мы хотим, чтобы вы проинструктировали наших людей из системы безопасности, а они уже найдут пути, как обработать получше эту информацию. Нам очень хочется схватить это дерьмо, эту мелкую террористическую вонючку, за задницу, перевернуть вниз головой и вытрясти из нее все секреты, используя как бумеранг против его же хозяев в Багдаде. Мы вернем им такую бомбу, которая разнесет их самих в пух и прах.

Некоторое время Боб молчал. Он все еще раздумывал и колебался. Что-то ему во всем этом не нравилось, не нравилось то, что от этих людей так и несло ЦРУ. Он не был уверен, что сможет когда-нибудь доверять им настолько, что, как говорится, сядет с ними есть из одной тарелки. Но в какое-то мгновение он вдруг понял, что практически не имеет выбора. Все уже было давным-давно решено судьбой, и не сегодня, а еще много-много лет назад.

Он вспомнил удар в бедро, дикую боль и то, как неожиданно онемело все тело, вспомнил, как он лежал, беспомощный, а к нему спешил Донни, как пуля прошила друга насквозь и его веселые, полные жизни глаза сразу потухли и закатились. Наконец Боб повернулся к полковнику:

– Дайте мне винтовку, и я отловлю вам эту старую хитрую крысу.

Впервые за много лет на лице Боба появилась улыбка и он почувствовал, что постепенно возвращается к жизни. “Клюнул”, записал Добблер.

Глава 7

Похороны состоялись во вторник. Пришли практически все ребята из Управления, большинство с женами, как ни странно, несколько незамужних девушек из их же отдела и несколько десятков сотрудников из других структур и подразделений по обеспечению безопасности. Они тоже были с женами. Было еще человек десять тех, кто просто прочитал о Майре в некрологе, напечатанном в “Таймс Пикэйюн”.

Всего было человек пятьдесят или шестьдесят. Они тихо стояли в лучах слепящего солнца, безмолвно потупив головы; все они пришли сюда, чтобы своим присутствием хоть как-то помочь ему пережить это горе и отдать последний долг Майре. Нику было приятно, что их оказалось так много. Майра всю свою жизнь прожила как маленькая тихая мышка, соглашаясь со всем, что выпадало на ее долю. Люди всего мира должны были бы сделать специальную медаль для таких женщин, как Майра, но медали не было, и поэтому пришедшие на кладбище были самой большой наградой за ее героическое терпение. Кладбище располагалось рядом с Кеннером, в пятнадцати милях западнее самого города. Ник сам выбрал это место, потому что здесь было просторно и все кладбище представляло из себя настоящий травяной ковер. Оно не было похоже на те угрюмые, темные, засаженные огромными деревьями кладбища, которые встречались повсюду вокруг Нового Орлеана. Здесь было сплошное море нежно-зеленой травы и несколько приземистых домиков, да вдали еще виднелось небольшое озеро. Нику понравилось это место, потому что оно напоминало ему центральные районы Запада с его яркими солнечными днями, нежной зеленой травой и красивыми деревьями, среди которых не было кипарисов и папоротников. Был как раз именно такой яркий, хотя и слегка прохладный, солнечный день. Все, что происходило на кладбище, было формальностью в полном смысле этого слова. Тем не менее, благодаря этой процедуре считалось, что Майра стала теперь частью чего-то большого, в целом более организованного общества. Там, на небесах...

После того как священник закончил свою часть, Ник даже смог произнести несколько слов над стоящим возле могилы гробом.

– Знаете... – пробормотал он, – я хочу поблагодарить всех вас и ваших жен за то, что вы потратили свое время и пришли сюда помочь мне сказать последние прощальные слова Майре... Она была прекрасной женщиной, вы все это знаете, и это замечательно, что вы все сегодня пришли сюда. Я уверен, что ей бы это было очень приятно. Так что, спасибо еще раз... вам... за то, что пришли.

Все это звучало неубедительно, но его это сейчас мало волновало.

Затем они вытянулись в длинную очередь и, проходя мимо, жали ему руку, говоря какие-то глупые, ненужные слова, а он кивал головой и смотрел, как они уходили.

– Мне очень грустно, Ник, – сказала Салли Эллиот, одна из самых симпатичных девушек в отделе компьютерных дисков.

– Э-э... – попытался что-то ответить он, немного удивленный тем, что видит ее здесь. – Да, во... А... да... Спасибо за то, что пришла.

– Ты выглядел молодцом, – добавила она.

– Кто? Я?

– Да, ты, Ник. – И с этими словами она пошла за остальными.

Одним из последних в этой длинной очереди сочувствующих был Хэп Фенкл.

– Ник, возьми себе небольшой отпуск, ради всего святого. Ты много пережил. Сделай перерыв.

– Хэп, самое лучшее для меня сейчас – это вернуться к работе. Понимаешь? Если я буду бесцельно шляться по дому, мне будет только хуже. Там каждая вещь будет мне напоминать обо всем происшедшем. Так что встретимся где-то через час.

– Ник, тебе надо о себе позаботиться, слышишь? – сказала жена Хэпа Марли. – Если тебе будет нужна какая-нибудь помощь, сразу дай мне знать, хорошо?

– Конечно.

Ник стоял и смотрел им вслед, пока не остался один рядом с ямой, возле которой томились ожиданием два старых негра с лопатами. Они будут так стоять до тех пор, пока он не уйдет, а потом опустят ее в могилу и засыпят землей. Вот и все. Вот так-то. Это то, с чем все равно неизбежно придется смириться. “Ну что, малышка, – наконец

прошептал он, – эти люди с лопатами уже здесь. Пришло время уходить. Я всегда буду помнить о тебе. Прощай”.

– И что получается, ребята, – говорил Хэп, когда, немного опоздав, появился Ник. На нем был все тот же темно-синий костюм, в котором он был на похоронах. – Мы еще только получили из Вашингтона ответ по поводу этих колумбийцев, а УБН уже что есть мочи вопит на все министерство, что мы не пускаем их в нашу картотеку...

– Да им только что-нибудь сообщи – сразу же, через пятнадцать секунд, все будет известно на улице...

– УБН в принципе мало чем отличается по структуре от нас, и вы это знаете. Они предпочитают хватать людей чаще, чем мы, потому что у них не так много людей, как у нас, чтобы работать качественно. Поэтому ты прав, Майк, они время от времени раздувают из мухи слона. Да, еще. Я сообщаю вам официальное решение сверху: мы должны теперь работать вместе с УБН повсюду.

Среди двенадцати агентов взвода по борьбе с наркотиками местного управления ФБР в Новом Орлеане послышался неодобрительный гул. За окном ярко светило солнце, и напротив здания ФБР, на Лойола-стрит, раздавались резкие звуки автомобильных сигналов и гулкий шум оживленного автомобильного движения. Ник скользнул на свободный стул рядом со своим другом Мики Сонтагом, который заранее занял ему место.

– Что-нибудь пропустил?..

– А, все то же, – прошептал Мики, – новым дерьмом по старой бумажке. Как работать с документами, какие-то инструкции по купле-продаже и денежному обращению, новые зачеты и нормативы по программе СВИТ – старая песня на новый лад.

– Хорошо, – сказал Ник.

Собрание продолжалось. Это была обычная проводимая во второй половине дня по вторникам пытка. Почему, подумал Ник, Хэп ее просто-напросто не отложил? Но Хэп был потомственным фэбээровцем и его не волновали желания подчиненных. Его отец и дядя были сейчас в отставке, причем оба увольнялись с должности инспектирующих агентов. Поэтому Хэп всегда “играл только по правилам”. Таким был стиль работы ФБР, и Ник знал это лучше, чем кто-либо. Потом все вернулись к своим делам. Одни обсуждали какие-

то важные вопросы, другие просто болтали о всякой чепухе, короче, все было как всегда – размеренно и постоянно. Дело в том, что именно в этом общении, когда они раз в неделю собирались все вместе и непринужденно обменивались информацией или просто разговаривали о разном, кто-нибудь порой вдруг замечал то, на что раньше никто не обращал внимания, какую-нибудь неожиданную взаимосвязь между делами и событиями, и, сделав соответствующие выводы, успешно распутывал очередной сложный клубок проблем. Да, и такое иногда случалось. Ник никак не мог войти в нужный ритм и начать нормально работать, его мысли все еще были заняты смертью Майры и непонятной гибелью того человека из “Палм Корт”. И все же, когда наступило время задавать вопросы, именно он оказался в центре внимания.

– Итак, какие вопросы? – спросил Фенкл. Вопросов было мало, поэтому, когда взгляд Хэпа скользнул в его направлении, он поднял руку:

– Скажи, Хэп, что у нас с тем парнем, которого шлепнули в “Палм Корт”? Есть какие-нибудь сведения?

– Очень мало. УБН заявило, что в их картотеке по наркотикам он не числится. НОПД не собираются выделять своего человека. Ты же знаешь, они не любят работать впустую, а в этом деле даже арестом в конце не пахнет.

– Ну и что же делать? Ведь этот человек пытался со мной связаться, он...

– Послушай, Ник, если он не убежал из-под следствия, не был осужден и не совершил никакого преступления в соответствии с федеральными законами, то это дело не по нашей части. Я думаю, что все закончится стандартной фразой НОПД: “Может быть, кто-нибудь когда-нибудь и расскажет нам, кто это сделал...”

– Хэп, но ведь мы можем кое-что раскрутить, если найдем зацепку.

– Да, но я не вижу тут ничего обещающего. Наркотики, может быть, но никаких улик нет. Он не из тех, кто занимается наркобизнесом. Ты говорил, что он из ЦРУ, но в ЦРУ говорят, что он не оттуда.

– ЦРУ никогда даже о себе не скажет, что оно ЦРУ. По данным ЦРУ, ЦРУ не существует. Но этот человек не панамец, Хэп. Мой источник сообщил мне, что он – сальвадорец.

– Да, но в официальные документы заявление подобного рода не занесешь. По паспорту он – панамец. А паспорт – официальный документ.

– Но это может говорить о том, что он – “невидимка”, двойной агент.

– С другой стороны, такие сведения могут означать, что он вообще никто и ничто. Если бы он был двойным агентом, то ЦРУ – и ты сам прекрасно это знаешь – уже давно было бы здесь и пыталось отвести от себя всякие подозрения. Они очень начинают беспокоиться, когда мы говорим о национальной безопасности. Ты знаешь, как это их выбивает из колеи. А сейчас им наплевать. Никаких инструкций, никаких звонков, ничего. Это может быть делом рук ревнивого мужа, спором по поводу раздела прибыли, семейными разборками или чем-нибудь в этом роде. Да, это твое “РОМ ДО” может оказаться ключиком к разгадке. Все это в некотором роде любопытно, но больше напоминает таинственные романы, и я уже говорил тебе об этом. За последний год в районе, о котором идет речь, было совершено двести пятьдесят нераскрытых убийств, почему ты думаешь, что я должен сейчас заняться именно этим? Оно ничем не отличается от предыдущих и потребует массу времени и нервов. Ты же знаешь, что в судах все любят растянуть удовольствие, посплетничать, эти обвинительные заключения, разбирательства, приговоры – все это охота за скальпами. Я не могу сейчас позволить себе увязнуть во всех этих мелочах.

– Но ты же знаешь...

– Ник, у меня тут есть для тебя кое-что приятное, но дай мне возможность дойти до этого.

– Нет, позволь мне хоть вкратце объяснить суть дела. Я над этим очень много думал.

– Уже поздно, Ник. Тем более есть еще несколько чело...

– Ну пожалуйста!

– О Господи, ну ладно. Давай выкладывай, что там у тебя.

Ник прокашлялся:

– Во-первых, я задал себе вопрос, как эти люди попали к нему в номер. Он был напуган, очень спешил, все время думал о том, что с ним могут сделать, и пытался предупредить о катастрофе. К тому же

он вошел в комнату всего минут за десять до того, как убийцы на него напали.

– Может быть, он вызвал к себе в номер служанку и...

– Нет, в таких убогих заведениях, как “Палм Корт”, услуги для номеров нет. Да он бы ее и не вызвал. Никогда. Он собирался сидеть тихо и не высовывать носа до тех пор, пока не поговорит с кем-нибудь, кому он доверяет, то есть со мной, потому что ему дал мои координаты один человек, которого он знал по УБН. Да, мне он доверял больше, чем любому другому в УБН, потому что все мы знаем – и сами несколько минут назад шутили по этому поводу, – что в УБН не умеют держать язык за зубами. Да, у них информация не держится, поэтому этот человек им и не верил. Разве такое его поведение не говорит о том, что он знал, что делал?

– Хорошо, ну и что из этого?

– Но здесь есть еще один момент. Он просит, нет, он даже настаивает на том, чтобы ему дали комнату рядом с автоматами коки. Все-таки вы должны признаться, что это выглядит очень странно, не так ли? Зачем ему понадобилась именно эта комната? И эти автоматы с кокой?

– Может быть, он просто любил коку, Ник, – сказал кто-то.

Когда стих смех, Мемфис продолжил:

– ЦРУ утверждает, что он не из их конторы, да? Но тогда позвольте мне сообщить вам одну интересную деталь. Не далее чем две недели назад то ЦРУ, которое считает, что оно не существует, издает неприметную брошюрку, которая называется “Технологическая памятка” и предназначена для внутреннего пользования. Она говорит о некоторых преимуществах и достоинствах новых торговых автоматов, которые могут быть использованы агентом во время выполнения задания в крупном промышленном центре. Два дня назад я посетил представительство фирмы “Кока-Кола”. Оказывается, автоматы коки, особенно новые, являются очень мощными источниками... как вы думаете чего? Они порождают низкочастотные электромагнитные колебания, в результате чего образуется электромагнитное поле, достаточное для того, чтобы индуцировать работу телевизора, радио, любого маломощного электрического прибора или... параболического микрофона для акустического проникновения. – Ник посмотрел на них, давая время обдумать сказанное. – Он знал, что за ним охотятся

профессионалы. Причем профессионалы с самыми современными средствами наблюдения, и звукового и визуального. ЦРУ подсказало ему, как можно им помешать. Понимаете?

– Ник, я... – начал было Хэп.

– Да, так вот это становится уже довольно интересным. И знаете почему? Потому что у них необычайно хорошая техника! Не такое дерьмовое старье, как у нас, а действительно высококласная подслушивающая аппаратура. Он думал, что ему удастся при помощи этих аппаратов коки обвести их вокруг пальца, а получилось, что обвели вокруг пальца его самого. И благодаря этому спокойно попали в его номер.

– Что ж, у этого подслушивающего устройства полу...

– Подожди. Есть только один способ попасть в номер без драки, отмычек и выламывания двери – это назвать два магических слова. И этими двумя словами были “Ник Мемфис”. Эдуарде Ланцман, или Лакин, или... как там он себя еще называет, звонит в Управление, спрашивает Ника Мемфиса и просит передать, что звонил Эдуарде. Через десять минут раздается стук в дверь и кто-то говорит два слова: “Ник Мемфис”. Эдуарде открывает, они мгновенно его хватают и расправляются. По-моему, все понятно, а? Только вот как они узнали мое имя?

Все молча смотрели на Ника. Майк Фартинг закурил сигарету. Хэп сморщился как печеная картошка. Мики Сонтаг, еще один борец-профессионал в Управлении, только чуть моложе Ника, задумчиво почесал нос.

– Они не могли установить жучок, потому что у них не было для этого времени. Как же тогда они узнали мое имя?

– Ну хорошо, как ты думаешь?

– Им пришлось использовать параболический микрофон. Они использовали акустический способ проникновения в номер. Это, естественно, не сложно понять. Поэтому-то помехи электрического поля автоматов с кокой не составили для них проблем и они смогли услышать все, что он говорил по телефону. Это единственно возможное объяснение всего того, что произошло. – Все молча продолжали смотреть на него. – Смысл всего вышесказанного сводится к тому, что с учетом уровня их техники та работа, которую они выполнили, стоит около двухсот тысяч долларов. Мы сейчас

говорим о необычайно дорогом оборудовании. Такого нет даже у нас, и вы это знаете. Если нам понадобится такая штучка, то мы должны будем писать целую петицию в Вашингтон, объяснять всю важность нашего дела, и только тогда они удосужатся прислать нам ее из Майами или из Сент-Луиса, в вагоне с охраной и с двумя специалистами по применению и использованию, если, конечно, перед этим мы сможем получить благословение свыше. Итак, зачем же в какой-то мелкой потасовке из-за наркотиков использовать самые современные технологии космического века? – Ник на секунду остановился. – Я серьезно говорю вам, ребята, что подоплека этого дела такова, что здесь могут быть задеты очень влиятельные фигуры, может быть, кто-то из разведки или, по крайней мере, какие-нибудь очень-очень крупные воротилы наркобизнеса.

Хэп задумался:

– Ник, это все очень хрупко и относительно. У тебя нет никаких серьезных доказательств, тебе практически нечего представить суду для рассмотрения. Единственное, что у тебя есть, – это твоя версия происшедшего. И еще то, что сказал какой-то человек из “Кока-Колы”.

– Хэп, дай мне всего лишь пару недель, и если все мои версии по-прежнему будут так же хрупки и относительно, то я перейду в Отдел по кражам и грабегам или буду делать папиросную бумагу для “Бунко фразд”... или пойду следить за наркоманами на улицах, чтобы у полицейских прибавилось выходных.

– Что ты думаешь делать?

– Я хочу кое-что разузнать о микрофонах. Кто их выпускает, как они распространяются, кто их владелец? По какому принципу они попадают к тем или иным людям? Если ты проявишь энтузиазм, то мы смогли бы кое-что раскопать – в конце концов эта вещь, возможно, просто украдена из правительственных источников. Дай мне возможность разобраться в этом. Ну где-то неделю или две, и я уверен, результаты не заставят себя ждать.

– Э-э... – начал Хэп, – вообще-то меня это не особенно вдохновляет, Ник. Придется давать ответ Вашингтону, а ты знаешь, какие они все там мудозвоны. Только заикнись о том, что ты, мол, сделаешь мне одолжение, а я – тебе, и в конце недели посмотришь, что с нами сделают.

– В смысле?

– Я имею в виду твою любимую контору “Микки Маус” – наших старых добрых друзей из Секретной Службы.

При этих словах все сразу недовольно заворчали. Ребята, служившие в Секретной Службе, по праву считались лучшими стрелками, но они были невероятно надменными, очень самовлюбленными и крайне обидчивыми. С ними всегда трудно было найти общий язык, потому что они считали, что их служба важнее всех остальных.

– Сделают выводы, – продолжал Фенкл, – что тут у нас сплошной бардак и неразбериха, пошлют какую-нибудь бумагу куда надо, а, между прочим, через... э-э... три недели прибывает Флэшлайт. Да, он самый. Вашингтон хочет, чтобы мы тесно сотрудничали с Секретной Службой. Плохо то, что эти люди с Пенсильвания-авеню посылают к нам для налаживания отношений слишком серьезную фигуру, потому что считают, что одного нашего авторитета для этого недостаточно. Мы же должны обеспечить ему поддержку и заботу. Поэтому мне нужен человек, который был бы у него на побегушках и держал бы этого типа подальше от Управления, чтобы хоть немного облегчить мне жизнь. В твоём деле что-то все-таки есть, поэтому ты будешь готовить ему кофе и целовать его в задницу, причем именно в то ее место, в которое ему захочется, – в общем, будешь всячески угождать этому засранцу из Секретной Службы, за что я потом дам тебе небольшой отпуск, и ты сможешь провести свое расследование.

Ника нечего было возразить, ведь Хэп все-таки разрешил, и, довольный победой, он сказал “да”. Но радость длилась всего лишь секунду.

– Ладно, договорились. Кстати, ты знаешь, кто этот вашингтонский туз, что к нам едет?

У Ника вдруг шевельнулось предчувствие беды.

– Не знаю, Хэп.

– Прости, конечно. Все, что я могу сказать тебе, это то, что он чертовски неприятен. Это Хауди Дьюти.

Хауди Дьюти было прозвище помощника директора ФБР по особым вопросам Ховарда Д. Ютея – бывшего главы Отдела по борьбе со шпионажем, бывшего штатного директора Отдела по борьбе с терроризмом, бывшего помощника директора ФБР по борьбе с организованной преступностью, одного из самых придирчивых и

требовательных руководителей высшего ранга в ФБР, неусыпно следящего за соблюдением законности. Это был, пожалуй, самый неприятный человек в ФБР, которого ненавидели и боялись все, кто его знал. У Ника же с ним были свои счеты, потому что тогда, в 1986 году, Ховард Д. Ютей, Хауди Дьюти, стремительно продвигаясь вверх по служебной лестнице, был инспектором талсского управления. Именно Хауди Дьюти был в тот злополучный день у микрофона, когда Ник сделал свой неточный выстрел.

Хауди Дьюти был Бэйсом. Тем самым Бэйсом, из-за которого он промахнулся и который, как последняя истеричка, визжал ему в ухо, когда он попал в спину девушке, ставшей впоследствии для него в этом мире единственным и самым любимым человеком.

Глава 8

Боб бегло осмотрел все вокруг. Если они здесь и побывали, то были чертовски осторожны. Настоящие профессионалы. Он не заметил, чтобы сюда кто-нибудь входил, вокруг не осталось никаких следов, и пыль была нетронутой. Самое главное, что был жив Майк; хоть он и стал немного грязнее и косматее, но все-таки не мертвый. Боб знал, что, если бы кто-то попытался войти внутрь трейлера, Майк бы загрыз его или умер сам. Пока Боба не было, Сэм Винсент кормил его, теперь же, когда Суэггер, вернувшись, сам открыл ворота, это преданное создание радостно бросилось на него и принялось благодарно облизывать ему лицо шершавым влажным языком. Глаза пса светились теплом и грустью. Майк был тоже, как и Боб, одинок. У них обоих не было других друзей, и поэтому всю свою любовь они целиком отдавали друг другу.

Боб гладил его, а Майк прыгал и визжал от удовольствия. Потом Боб принес ему поесть и стал открывать все свои многочисленные замки – сначала на трейлере, а затем – все остальные. Они были в целости и сохранности, в том же положении, в котором он их и оставил. Открыв ящик с оружием, он полюбовался его содержимым, затем быстро достал “Ремингтон 700” и осмотрел его. Самым последним он открыл замок на маленькой мастерской позади трейлера, где все еще лежал в разобранном виде тот упрямый винчестер. Боб смотрел на него и чувствовал огромное желание снова заняться оружием и попытаться разгадать его сложную загадку. Почему он его подводит? Может, это от усталости или недостатка внимания?

Или у него просто такой капризный характер и ему нельзя доверять в трудную минуту? Или он просто устал, этот старый кусочек стали, потеряв силу духа и веру в свои собственные силы, ведь все-таки уже пятьдесят лет в строю? Но чем дольше он смотрел на винтовку, тем больше понимал, что уже не сможет вернуться к ней, как бы сильно его обратно ни тянуло. Теперь у него было новое дело, и ему очень хотелось скорее начать его, хотя он никогда раньше не думал, что пережитое во Вьетнаме когда-нибудь снова начнет мучить его, тем более здесь.

Боб вспомнил, как он лежал, придавленный к сырой земле мертвым телом Донни, как кровь Донни лилась по его телу и смешивалась с его собственной кровью, как в воздухе радостно кружились птицы, предвкушая легкую добычу, а из-за насыпи доносился усиленный громкоговорителем голос майора:

– Не шевелись, Боб. Черт, сейчас мы вызовем огневую поддержку и выкурим этого ублюдка из его норы.

Страдая от боли, он лежал и вспоминал, как тогда, в долине Ан-Лок, Донни на фоне этих проклятых зеленых холмов был виден как на ладони, но с завидным спокойствием продолжал стрелять из своей М-14 по желтомордым ублюдкам, которые лезли на них живой стеной. С поразительной скоростью он выпускал пулю за пулей, в то время как Боб, скатившись со склона холма, карабкался к безопасной вершине крутой каменистой возвышенности, где мог скрыться от града свистевших вокруг него пуль. Не останавливаясь и не оборачиваясь, он безумно палил в воздух, все время слыша щелканье не попавших в него пуль. Наконец он добрался до вершины, и они вместе упали за одним из камней, хохоча как сумасшедшие, потому что только что были на волосок от смерти и каким-то чудом сумели избежать ее. В этом заключался весь смысл их снайперского труда, и чувство предельной опасности, когда смерть по несколько раз в день проходила мимо них и оставляла в живых, придавало удовольствию, получаемому от этой игры со смертью, необычайную остроту и вызывало азарт, захватывало.

– Господи, Боб, тебе надо было бы посмотреть на свое лицо, когда ты взбирался вверх. Я от смеха чуть не обоссался, – сказал тогда Донни.

– Слушай, сукин сын, какого хрена ты поперся вниз? Зачем было рисковать еще и твоей задницей?

– Черт, Боб, стоило умереть, чтобы посмотреть на твою перепуганную рожу. – И он весело рассмеялся.

Боб снова вспомнил о своей сокровенной мечте: он, Донни, его красивая молодая жена Джули, несколько собак и немного виски, старого, доброго арканзасского виски. Они живут в горах Уошито, вдали от городской суеты, заботятся о своих винтовках, охотятся каждый день, а по вечерам спокойно потягивают виски. Теперь он понимал, что это была бредовая идея, можно сказать, несбыточная.

Уже в момент своего возникновения она была неосуществимой, потому что этот мир никогда не позволит тебе такую роскошь. Но он был слишком молод и глуп, когда мечтал об этом.

Потом он вспомнил госпиталь, как к нему в палату зашел майор, с грустью посмотрел на запакованную в гипс, висящую на противовесах ногу и сказал:

– Мы даже не могли предположить, что у них есть такие снайперы. Это был отличный выстрел. И чертовски сложный.

Да, он был прав, выстрел действительно был отличный.

“Он нужен мне, – думал Боб. – О Господи, как я хочу его заполнить!”

За год до того, как он восстановился и снова смог держать в руках винтовку, до него дошли слухи, что это действительно был белый человек. Специалист. Профессионал. Приглашенный специально только для этого выстрела. Но к тому времени война для него уже закончилась.

Он чувствовал, что вот-вот расплчется. Теплый, шершавый язык Майка скользил по его рукам, постепенно возвращая его из воспоминаний к реальности. Боб встряхнул головой, пытаясь отбросить от себя грустные мысли, и подумал о том, что стал слишком сентиментальным. “О, русский! Как я хочу тебя наказать за то, что ты мне сделал!”

Но он сдержался. Постепенно успокоившись, он снова стал тем Бобом, который в своей жизни общался только с тремя или четырьмя людьми в Блу-Ай – Сэмом, доктором Ле Мьексом, шерифом Теллом и теперь уже покойным Бо Старком, естественно, когда тот бывал трезвым. Он опять стал тем Бобом, который делал, по крайней мере, сто выстрелов в день, независимо от того, была ли в горах солнечная погода или лил дождь; который посвящал все свое время только винтовкам и мог так прожить всю оставшуюся жизнь, не заботясь ни о чем другом.

Он чувствовал себя снова в форме, у него была работа, которую надо было сделать, и это было прекрасно. Он был готов. Сидя за чашечкой кофе без кофеина, Боб постепенно вырабатывал свой собственный план. Он работал по восемнадцать, двадцать, двадцать два часа в день, склонившись над кухонным столом, на который падал либо тусклый свет электрической лампочки, либо серый свет

январского дня, и прерываясь только для того, чтобы утром выйти прогуляться с Майком или поспать несколько часов. Боб работал медленно и внимательно, никогда не спешил и никогда не задерживался на ненужных деталях; он скрупулезно просматривал карты, планы и схемы, вычерчивал для себя диаграммы, делал необходимые расчеты на калькуляторе, изучал архитектурные конструкции зданий, приходя в результате всего этого к определенным выводам. Он был настоящим снайпером джунглей, привыкшим жить вдали от шумной суеты городов. Тем не менее сейчас ему казалось, что города – это своего рода тоже джунгли и поэтому здесь можно использовать кое-что из старого опыта. Любому стрелку, перед тем как сделать выстрел, необходимо одно и то же условие – он должен чувствовать, что все предметы вокруг него находятся на своих местах. Только зная это, он идет на выстрел.

Прежде всего надо, чтобы в секторе стрельбы не было никаких помех для обзора цели. Этому Боб придавал больше значения, чем даже полосе стрельбы. Ему нужна была чистая линия визирования цели, вместе с тем он хотел, чтобы было как можно меньше зданий, чтобы не было непредсказуемых порывов ветра и каких-нибудь энергетических полей, способных повлиять на траекторию полета пули, которая ближе к цели уже потеряет большую часть скорости. К моменту выстрела солнце должно светить в спину, чтобы исключить вероятность того, что солнечный свет, отразившись в линзах оптического прицела, будет замечен кем-нибудь из тех, кто будет вести наблюдение. А Секретная Служба наверняка будет осуществлять такой контроль. И только потом была дальность. Расстояние до цели. Так называемая “зона вероятной опасности”, определяемая Секретной Службой, к сожалению, не существовавшая в 1963 году, сейчас составляла уже практически полмили – восемьсот восемьдесят ярдов, где не разрешалось открывать ни одно окно, где на каждой крыше сидело полным-полно полицейских и над которой постоянно висели вертолеты, контролируя обстановку. Этот русский будет где-то на расстоянии одной тысячи ярдов, хотя он может выстрелить и с двух тысяч. Место, откуда он будет стрелять, может находиться в радиусе трех четвертых мили. Это должно быть безопасное место, со свободными, неконтролируемыми входом и выходом, гарантирующими пути отступления после выстрела. Оно должно быть

на определенной высоте, чтобы хорошо была видна цель, но все-таки не очень высоко. При стрельбе сверху вниз всегда можно ожидать, что пуля выкинет какой-нибудь трюк, особенно на большом расстоянии, потому что существует определенная точка, после которой, потеряв значительную часть своей скорости, она становится очень чувствительна к малейшим изменениям ветра, энергии или чего-нибудь еще. В конце концов Боб пришел к выводу, что Соларатов выберет позицию где-то на третьем-четвертом этаже, но ни в коем случае не выше пятого. Еще одним важным моментом была температура воздуха. Влажный и сырой климат обязательно повлияет на траекторию полета пули, но холодная погода еще опаснее, чем теплая. Близкая к нулю температура делает винтовку какой-то жесткой и нечуткой. При такой температуре происходят практически незаметные изменения в молекулярной структуре деревянных частей приклада и в металле ствола, не говоря уже о руке того человека, который нажимает спусковой крючок. Боб слышал сотни разных историй от бывалых охотников, которые, сделав порой точный выстрел по прекрасному оленю-самцу, с ужасом наблюдали за тем, как пуля, не причинив ему никакого вреда, пролетала в десяти ярдах сбоку, а животное в это время исчезало в лесу, оставляя охотника один на один с разочарованием и холодом. Он считал, что русский не будет стрелять при холодной температуре, впрочем так же, как и в условиях жары и влажности, потому что в этом случае возникало слишком много “если” и слишком много “вдруг”. Если вы собираетесь сделать что-нибудь так, как это должно быть сделано, чтобы все было на высшем уровне, то вы будете это делать там, где вам максимально удобно, где каждый камень будет вам знаком и где климат, земля и солнце будут на вашей стороне. Он искал место для выстрела между пятидесятой и семидесятой параллелями, чтобы погода была не очень солнечной, больше пасмурной, но тем не менее это должен быть какой-нибудь город у моря, где сила ветра смягчается прибрежной полосой и не так опасна, как в районах холодных открытых равнин Среднего Запада или в районах замерзших озер.

Теперь надо было разобраться с шумом. Независимо от того, какой тип винтовки выберет Соларатов на этот раз, ему все равно придется стрелять без глушителя, потому что при использовании глушителя начальная скорость полета пули не превышает скорость звука, а ему

надо, чтобы она была более двух тысяч футов в секунду, причем пуля должна весить не менее ста пятидесяти гран или, скорей всего, где-то около двухсот гран, если он хочет попасть в голову или верхнюю часть тела с расстояния двух тысяч ярдов. Его помощникам придется построить для него что-то типа звуконепроницаемой камеры или комнаты, своего рода стрелковый бункер, сделанный из звукопоглощающего материала, с одним-единственным отверстием, из которого он сможет только прицелиться и выстрелить. Но ему нельзя будет слишком далеко высовываться из этой щели, потому что звук выстрела будет очень сильным. Несмотря на то, что он почти полностью поглотится звуконепроницаемым материалом стен, какой-то шум все-таки будет слышен из-за стрелковой щели. Но он будет настолько неопределенным и рассеянным, что этого окажется явно недостаточно, чтобы точно определить, откуда был произведен выстрел. Боб думал о том, какой должна быть конструкция этого ящика, как в нем должно быть марко и неудобно. Исходя из этого, он пришел к выводу, что вся конструкция будет сделана не на скорую руку, скорей всего, они работают над ней уже сейчас. Это должно быть какое-то необычайно сложное и очень компактное сооружение, которое при необходимости будет несложно разобрать на составные части и которое, при всем этом, должно быть достаточно крепким и надежным. Они могут использовать любую винтовку, начиная от 308-го калибра и кончая специальной снайперской винтовкой 50-го калибра, о которой ходят невероятные слухи – говорят, что она находится на вооружении только в суперсекретных снайперских подразделениях. Конечно, русский отдаст предпочтение 50-му калибру. Все остальные винтовки стреляли максимум на тысячу семьсот ярдов, а у этой прицельная дальность стрельбы была намного больше.

Боб застонал – такое случалось с ним редко. Работы, казалось, был непочатый край. Голова буквально раскалывалась от боли. Он поднял глаза и не смог определить, что сейчас, день или ночь. Посмотрев на свои часы “Сейко” тропического образца, которые он купил за двенадцать долларов еще в 1971 году, Боб понял, что скоро наступит полночь. Он вздохнул и снова принялся за работу.

Патрон, время, расстояние и винтовка. Это были координаты его “компаса”, по которому он должен был определить место нахождения снайпера. Изучая документы и проверяя сотни мест, из которых можно

было сделать выстрел, Боб чувствовал, что пока работает впустую. Ему приходилось начинать все сначала, детальнее прорабатывая все варианты и глубже вникая в подробности. Он пытался представить себе, как этот человек лежит на мешках с песком в маленькой темной комнате, расположенной в миле от цели, и спокойно наблюдает в оптический прицел за президентом Соединенных Штатов, который, ничего не подозревая, в этот момент с кем-то разговаривает, и вдруг... голова президента в одну секунду превращается в какую-то красную бесформенную тряпку, и от нее ярко-красным фейерверком разлетаются в разные стороны куски черепа, мозги, кровь... Если снайпер будет стрелять с расстояния мили, то потребуется несколько недель, чтобы найти эту комнату. А ведь они могут ее никогда не найти.

Он снова, и снова, и снова прорабатывал все возможные варианты решения, не спеша, спокойно и вдумчиво погружаясь в обстановку. Иногда он так увлекался какой-либо идеей, что с трудом заставлял себя вернуться назад. Где же решение? Можно ли его найти? Где все это искать? Он же не...

О-о!..

Склонившись над своими таблицами, Боб смотрел, как все вырисовывалось само собой, без его помощи, образуя цельную и стройную картину действий предполагаемого снайпера.

В этот момент Суэггер понял, как это все произойдет, как это должно произойти. Теперь он знал, где это все случится. Было уже далеко за полночь.

“Ну что ж, сволочи, хорошо, – думал он, – вы, наверное, считаете, что все будет так же, как и в 1972 году в Дананге, за тысячу четыреста ярдов от проволочного ограждения, когда снайперская группа “Альфа” спускалась по склону насыпи.

Нет, этого не будет.

Потому что на этот раз я уже буду готов”.

Глава 9

– Ники, Ники, – сказал Томми Монтойа, – мальчик мой, на тебя это так не похоже.

Монтойа был кубинцем, имевшим самое непосредственное отношение к разведке; выполняя задания для различных агентств и управлений, а порой и для индивидуальных заказчиков, он иногда по некоторым профессиональным вопросам сталкивался с Мемфисом. Монтойа считался одним из тех профессионалов, которые всегда работают на грани и которым их собственный ум зачастую идет во вред. Таких, как он, обычно в один прекрасный день находят либо в болоте Биг Мадди, либо в озере Поншартрен с чугунным грузом, привязанным проволокой к ноге, и с глубокой раной в грудной клетке, в которой уже плавают целые стаи мелких рыбешек. А пока Томми Монтойа лизал ракушку устрицы и улыбался. Раскрыв створки, он положил обе половинки на ладонь, и его толстый язык стал быстро орудовать в них, выуживая беззащитные тельца устриц. Он смаковал их подолгу во рту, растягивая удовольствие. Ник старался не смотреть на него. Господи, как вообще можно это есть? Он придерживался мнения, что если та пища, которую вы собираетесь есть, в момент приготовления не была красной от своей собственной крови, то ее ни за что нельзя брать в рот. Но у этого кубинца были свои привычки. К тому же он был для него полезен, потому что знал такие вещи, какие больше никто здесь не знал... например, кое-что в сфере бизнеса.

– Ники, – снова начал Томми, – значит, ты хочешь докопаться до источников... УБН имеет приоритетное право на получение таких высококлассных подслушивающих устройств, которыми ты интересуешься... э-э...

– Ну давай же, Томми, – нетерпеливо прервал его Ник, желая побыстрее преодолеть длинное вступление Монтойа, потому что во второй половине дня уже прибывал Хауди Дьюти и Ник хотел быть в курсе всего до того, как старый Бэйс будет здесь. Если в отношениях с Ютеем оступишься и сделаешь неверный шаг, то потом будет очень тяжело реабилитироваться. И Ник знал это лучше, чем кто бы то ни было. Он очень нервничал и никак не мог с этим справиться. К тому

же в этом баре, расположенном на набережной реки, было темно и полным-полно каких-то импозантных личностей. В своем голубом поплиновом костюме “Стэй Преет” и белоснежной рубашке он чувствовал себя так, как будто у него на лбу было написано огромными буквами: “ФБР”, к тому же он знал, что из-под пальто предательски выпирает длинная ручка его “Смита 1076”.

Он решил форсировать разговор, стараясь по возможности не выдавать своих истинных интересов:

– Скажем, мне надо устроить небольшую проверку и я должен кое-что записать на магнитофонную пленку. У меня наклеывается большое дело, но я опасаясь, что идет утечка информации. Либо через УБН, либо через нас. Я хочу приобрести самое современное подслушивающее устройство, чтобы результат стоил вложенных средств, которые я, скажем, достал из кармана одного неудачного торговца наркотиками, то есть я могу заплатить по тем ценам, которые сейчас существуют. Итак, с чего мне лучше всего начать?

– Слушай, ты еще не устал мне лапшу грузить, дружище? Не пытайся изнасиловать педераста или обмануть жулика – все равно ни хрена не выйдет. Ты всегда был симпатичен мне тем, что казался довольно-таки открытым и честным парнем.

О Томми говорили, что он вместе с 2506-й бригадой принимал участие в неудачном вторжении на Кубу, после чего два года провел в тюрьмах у Кастро; говорили, что у него вся спина в шрамах, как изгородь забора. В нем были эти традиционные качества латиноамериканцев – суровость и строгость в сочетании с решительностью. Все его тело было буквально заряжено энергией, он был резок, однако эти качества не переходили в нервную маниакальность творить зло и насилие.

– Да нет, я чист, старина, все так и есть. Просто мне надо узнать, как некоторые люди умудрились пару дней назад пустить в ход очень мощное подслушивающее оборудование и где они его раздобыли. Причем раздобыли очень быстро, и только для того, чтобы убрать одного-единственного человека.

– Это тот парень, у которого все внутренности были выпущены?

– Да, он.

– О-о-о... Ники, это очень странный случай. Ты же знаешь, что практически всегда можно узнать, кто конкретно замешан в том или

ином деле. Когда происходят подобные случаи, почти всегда известно, кто за кого и кто в какой команде играет. Почти всегда, но не на этот раз. Ники, дружище, поверь, я об этом даже ничего не слышал. К нашему городу это не имеет никакого отношения, так же, как и к вам. Поверь мне.

– Может, и имеет. Тут есть кое-что личное. Ну скажи, Томми. Я просто сейчас проигрываю вариант с этими устройствами. У меня есть источники, которые гарантируют, что он был двойным агентом в Сальвадоре, и я сам слышал, что он работал на ЦРУ. Но ЦРУ отрывается от него. Понимаешь, все его документы настолько подозрительно чисты, что у меня невольно возникает вопрос, как это может так случиться, чтобы человек прожил целую жизнь и ни разу не был оштрафован за неправильную парковку автомобиля.

Томми скорчил рожу и опустошил еще одну ракушку.

Ника всегда удивляло, как этот толстый человек мог есть этих маленьких моллюсков, с поразительной скоростью и ловкостью доставая их языком из мерзких ракушек.

– Я пытаюсь понять, как эти люди попали внутрь комнаты и грохнули его там. Они слышали, что он пытался дозвониться до меня. Стопроцентно слышали. Благодаря какому-то прибору. Так вот, где они могли взять такую вещь, у кого?

– Ладно, – наконец сказал Томми, – я думаю, то, что ты ищешь, – это “Электроток 5400”. Это портативный параболический микрофон направленного действия, очень высокой чувствительности, очень известный благодаря своей способности проникать даже через специально зацементированные звуконепроницаемые стены. Они все на счету. Насколько я знаю, выпущено было всего семь штук: четыре – для УБН, два – для ЦРУ и один – для одного иностранного клиента, очень, очень таинственного.

– Из какой страны? – спросил Ник.

– О, мне бы не хотелось говорить об этом, дружище... Они все время играют там между собой в банановые войны.

– Сальвадор! Точно. Ах ты сукин сын...

У него перед глазами постепенно вырисовывалась вся картина. Это было как раз то, чего ему не хватало, то магическое связующее звено, объединяющее все разрозненные части этого дела в единое целое.

Он быстро прикидывал в уме: “Электроток” попал в Сальвадор в каком году? Скажем, где-то в конце восьмидесятых, когда мы еще оказывали им какую-то помощь. Ладно, этот Эдуарде Ланцман явно занимался там разведкой, но что он там искал? Скорее, что нашел? Что-то серьезное, значительное и опасное? Так, это его испугало. Поэтому он думает, кому можно позвонить, не рискуя при этом собственной жизнью. Наверняка там что-то было связано с большими секретами и разведкой, но Ланцман не хочет сообщать об этом своим старым коллегам в ЦРУ, правильно? Потому что он еще не выяснил все до конца, плюс точно не знает, кто, что и для кого делает, на чьей стороне играет тот или иной из его коллег. Я-то знаю, насколько там все запутанно и туманно. Поэтому ему нужен кто-нибудь со стороны, какой-нибудь нейтральный человек, который был бы вполне безопасен и которому он мог бы доверять... чтобы рассказать все, что знает. Потом он вспоминает о своем старом коллеге из УБН, у которого в принципе кто-то из подходящих людей может быть на примете, и в этот момент у него в памяти всплывает имя агента ФБР, чей телефон этот самый приятель из УБН ему когда-то дал. Ланцман садится в самолет и улетает. Однако его преследователи узнают о его исчезновении. Он, видимо, петляет и двигается то в одном, то в другом направлении, пытаясь сбить их со следа. Но те, что за ним следят, каким-то образом все равно узнают, что ему надо в Новый Орлеан. Это дает им время на то, чтобы перебросить сюда своих людей и установить наблюдение за аэропортом. Тут-то они его и вычислили. Когда он прилетел, они спокойно следуют за ним. Подслушивающее устройство уже у них. Узнав, в каком номере остановился Ланцман, сальвадорцы, следящие за ним, при помощи этой электроники начинают его прослушивать. Услышав мое имя, они через какое-то время стучатся в номер, тот открывает, и убийцы делают из бедного Эдуарде бифштекс”.

Томми посмотрел на него:

– Ник, у тебя такой вид, будто ты сдвинулся на религиозной почве. Ты случайно не с Девой Марией сейчас разговаривал?

– Что-то в этом роде, – ответил Ник.

Хоть он никогда не был склонен к сильным религиозным переживаниям, сейчас у него произвольно возникло желание осенить себя крестом в память об Эдуарде, который открыл дверь

своего номера, ожидая увидеть перед собой Ника, а вместо этого получил три удара в лицо и умер такой мучительной смертью, какую могли придумать только эти “банановые” палачи... Но даже на грани смерти что-то очень важное продолжало его сильно волновать, потому что он смог в таком состоянии собрать свою волю в кулак и доползти до линолеума в ванной, чтобы написать свое последнее послание. А ведь это было уже после того, как убийцы ушли, искромсав и изуродовав до неузнаваемости его тело, а потом он лежал и чувствовал, что шок от ужаса, который сначала затмил боль, теперь начинает проходить и безжалостные, страшные предсмертные муки накатываются на него, как девятый вал!

РОМ ДО.

РОМ ДО?

Что же это все-таки значит? В чем здесь загвоздка?

– У меня тут для тебя еще одна любопытная штучка есть. Перед смертью он на полу написал своей кровью послание. РОМ ДО, заглавными буквами. С чем у тебя эти РОМ и ДО ассоциируются, Томми? На следующий день я тринадцать часов проторчал в библиотеке, закопавшись в книги о преступлениях и шпионаже и пытаясь хоть что-нибудь в них найти... Я спрашивал об этом и наших головастых мужей в Куонтико – из Отдела исследований мотиваций и особенностей человеческого поведения. Ты же знаешь, это наши интеллектуалы. Но они так ни к чему и не пришли. У тебя есть какая-нибудь идея по этому поводу?

– РОМ ДО? Что бы это могло значить?.. – Он нахмурился, а потом рассмеялся: – Смешно, черт побери, но это кое-что мне напоминает.

– Неплохое начало. Расскажи!

– Но это глупо.

– Чем глупее, тем лучше, приятель. Ты же знаешь, это мой стиль работы.

– Ты, наверное, слышал, что в шестьдесят первом я побывал на Кубе? Бухта Кочинос, может быть, слышал. Эх, дружище, было дело! По-нашему это означает Залив Свиней.

– Да, кое-что слышал.

– Ну так вот, мой батальон первым высадился на Ред-Бич, это около Плайя Ларга. Естественно, мы пользовались фонетическим алфавитом сухопутных войск. В принципе такой же был во всех

вооруженных силах США. Все мы верили в великую Америку и в слюнтяя Кеннеди. Мы любили его и верили в нашу маленькую авантюру. – В его словах звучала нескрываемая горечь. Но он взял себя в руки: – Короче, позже они ее изменили. Да, ее изменили и сделали более современной, как во всем мире. Я имею в виду “Д”.

– Подожди, о чем ты говоришь?

– “Д” стало обозначать Дельта”. Не “Дог”, как это было раньше, а “Дельта”. Если ты выходишь на связь и у тебя позывной “Д”, то это значит, что ты – “Дельта”. Рота “Дельта”, авиазвено “Дельта”, эскадра “Дельта”, группировка войск “Дельта”, ну и в таком духе. Ну вот все это и было сделано в начале шестидесятых. До этого “Д” означало “Дог”. А “Р” – “Ромео”. Это были такие позывные. Я служил во Втором батальоне 2506-й бригады – Ла Бригада, – так вот у нас были позывные “Ромео Дог Два”, а еще были “Ромео Дог Три”, “Ромео Дог Четыре” и “Ромео Дог Пять”. А у того, кто руководил всей операцией, он, кстати, был на корабле, позывные были “Ромео Дог Шесть”. “РОМ ДО”? Этот человек слишком торопился это написать, у него плохо соображала голова, он умирал. Это было послание из прошлого. “Ромео Дог”. Понял?

– “Ромео Дог”? Ни черта не понял, – ответил Ник, со всех сторон пытаясь осмыслить полученную информацию. Что же, черт побери, это “Ромео Дог” значит?

Хауди Дьюти не изменился. Он принадлежал к той категории людей, которые никогда не меняются. Но и Ник тоже не изменился. Ник никогда не изменится: он так и будет всегда специальным агентом. Стать инспектирующим агентом ему не светит. Он все это прекрасно понимал, потому что где-то в глубине души чувствовал, что ему не дано командовать и что его не интересуют власть и шикарный дом в городских предместьях Вашингтона. Но наличие в его личном деле отметки о запрещении дальнейшего продвижения по службе навсегда лишало его возможности попасть в серьезные подразделения, где работа действительно была интересной и захватывающей, не говоря уже о возможности попасть работать в Вашингтон. Ему как своих ушей не видать легендарного Взвода по борьбе с терроризмом, который считался самым известным и престижным подразделением. Эта группа быстрого реагирования состояла из прекрасно

подготовленных, тренированных специалистов своего дела; у них на вооружении находилось самое лучшее оружие, и все их действия отрабатывались по специальной тактике СВИТ. Их деятельность пересекалась с работой других не менее интересных организаций и учреждений. Нику также никогда не попасть и в Группу по спасению заложников. Сейчас те, кто служил в этой группе, считались элитой: когда подходило время идти напролом, они выбивали двери и выкуривали преступников из их убежищ. Не стоит ему мечтать и об Управлении по борьбе с организованной преступностью. Это было крутое место, его сотрудники боролись с мафией, внедряясь в ее извращенный, но чем-то привлекательный мир. Если вы работали здесь, то вы действительно что-то делали. То же самое можно было сказать и об Управлении по борьбе со шпионажем, чья работа заключалась лишь в том, чтобы вылавливать кубинцев вокруг Вашингтона и подслушивать телефонные разговоры в посольствах. Но это было тоже интересно. Увы, Нику навсегда суждено остаться за бортом и влачить свою жизнь в филиалах второразрядных городов. И Балтимор, и Ричмонд, и Фредерик находились от Вашингтона на одинаковом расстоянии – чуть меньше чем сто миль, – но в то же время между ними лежала целая пропасть, потому что заявки на должностные перемещения Ника из одного города в другой утверждались, но... без разрешения остаться для работы в Нью-Йорке, Майами или Лос-Анджелесе (даже в этот город Нику никогда не светит получить направление). Все эти новые назначения были лишь имитацией служебного роста, фикцией... потому что, по неписаным правилам ФБР, реальное повышение по службе для Ника было просто невозможно. Но, несмотря на все это, он не питал ненависти к Хауди Дьюти. Ютей просто столкнулся с трудным решением: как преподнести тот инцидент в Талсе наверх, чтобы это было максимально выгодно для Бюро и не повредило его собственному авторитету. Все произошло так, как и должно было произойти. В принципе, Ник этого и ожидал. Поэтому, встречая Ховарда Д. Ютея в аэропорту Нового Орлеана, Ник не чувствовал никакого напряжения или неловкости. Они оба друг друга понимали.

Ховард стоял на тротуаре рядом с конечной остановкой автобуса и пытался остановить машину. В этот момент он увидел Ника в сером

правительственном “форде”. Бросив вещи на заднее сиденье, он даже слегка улыбнулся:

– Привет, Ник. Слушай, старина, ты прекрасно сохранился, даже прическа не изменилась.

– Да, Ховард. Волосы почему-то никак не хотят выпадать. Даже не знаю, что делать.

– Ник, я так сожалел, когда услышал о Майре. Она хоть не мучилась перед смертью?

– Нет. Она очень долгое время провела в коме. У нее остановилось дыхание. Это был легкий конец. У нее была тяжелая жизнь, зато смерть не была мучительной.

– Да... слава Богу за то, что хоть в последние дни ниспослал ей свое милосердие.

– Спасибо, Ховард, – скучно ответил Ник, все время следя за тем, чтобы не назвать его Хауди. Порой такое случалось, однако Ютей, который прекрасно знал свое прозвище, всегда делал вид, что ничего не замечает. Хауди Дьюти был маленького роста, немного похожий на хорька, но отнюдь не глупый и не заторможенный. Просто он всего себя посвятил работе в Бюро, взбираясь по служебной лестнице с яростным терпением бедного парня. Несомненно то, что в этом у него был определенный талант, но надо признать, что и работал он максимально много.

– Меня по-прежнему называют Хауди Дьюти, Ник?

– К сожалению, да, Ховард, – отозвался Мемфис, когда они выезжали из зоны аэропорта.

– Ладно, все будет нормально до тех пор, пока это будет за моей спиной и пока я не узнаю, что это дошло до Секретной Службы. Тогда мне придется расценивать это как акт вероломного предательства не по отношению ко мне лично, а к Бюро в целом. Кстати, Ник, тебя все любят, куда ни пойдешь – везде к тебе относятся с симпатией, поэтому кое-кому ты оказал бы неоценимую услугу, распространив эту информацию. Я же знаю, что неофициально распространенная информация иногда намного эффективней, чем официальные меморандумы и директивы. Надеюсь, ты понимаешь?

– Да, Ховард, – сказал Ник. В этом был весь Ховард. Он сам устанавливал правила и сам по ним играл... пока ему не приходила охота их изменить.

– Так вот, Ник, большая часть предстоящей работы в ближайшие несколько недель будет посвящена налаживанию связей. У тебя снова появится возможность вернуться в команду. Ты обладаешь прекрасным качеством – умением ладить с людьми. Не думай, что этого никто не заметил. Но теперь тебе понадобится вся твоя любезность, понимаешь? Вся. Полностью.

– Конечно, Ховард. Ну и что мне надо будет сделать? Я слышал, что прези...

– Да, да. Ник. Первого марта утром президент прилетит из Вашингтона, чтобы выступить с речью в центре Нового Орлеана. Он собирается вручить архиепископу Джорджу Роберто Лопезу орден Свободы. Ты должен знать: это архиепископ из Сальвадора, ему была присуждена Нобелевская премия.

Конечно, Ник знал, о ком шла речь. Архиепископ Роберто Лопез заслуженно считался великим человеком, он был наследником замученного архиепископа Оскара Ромеро. Лопез не покладая рук старался примирить враждующие стороны и уговорить их прекратить войну, которая особенно усилилась после кровавой бойни, учиненной батальоном “Пантеры”.

Ник вспомнил фотографию с обложки журнала новостей: епископ Роберто Лопез идет среди мертвых детей на берегу реки, в своей длинной черной рясе, со скромным серебряным крестом на шее, и сквозь маленькие круглые очки в тонкой проволочной оправе видны полные слез глаза. Поэт, эксперт по средневековой алхимии в Латинской Америке, он был абсолютно вне политики и обладал такой любовью к человечеству в своем сердце, что говорил: “Я не питаю ненависти к тем, кто это сделал. Я люблю их и прощаю. Ненавидеть их и требовать их наказания значит заранее знать, что весь этот ужас повторится”.

– Со времени окончания войны популярность президента покачнулась, Ник, – продолжал говорить Ховард. – Я думаю, что он хочет привлечь епископа Роберто Лопеза на свою сторону, чтобы победить на выборах. Естественно, ничего плохого это ему не принесет.

– Может быть, он просто восхищен им, – предположил Ник. – В принципе многие им восхищаются.

– В любом случае ты вряд ли представляешь себе всю картину. – Ник понял, что он имеет в виду его уровень. – Недавно отношения между Бюро и Разведслужбой снова осложнились. В Чикаго три месяца назад у нас пересеклись интересы по одному делу. В министерство финансов попали фальшивые деньги, и мы провели расследование по этому поводу. Никто из нас даже подумать не мог, что еще кто-то занимается этим делом. Результаты ареста были плачевные: кто-то из наших попал в их человека. Нет, не насмерть. Они говорят, что месяцев через шесть он встанет на ноги. Но от всего этого остался неприятный осадок.

Ник покачал головой. Только этого не хватало. С Разведслужбой никто не любил работать, особенно когда это касалось вопросов, связанных с обеспечением безопасности, в которых эти крутые парни в затемненных очках были полнейшими профанами. Однако по неписаным законам они в любой ситуации брали командование на себя. Отношения всегда накалялись до температуры кипения. Естественно, что те, кто проработал в ФБР по десять лет и более, не очень любили выполнять то, что им говорили двадцатитрехлетние юнцы в солнцезащитных очках, с торчащими из ушей наушниками плееров, с разноцветными значками на лацканах пиджаков и короткоствольными “узи” в маленьких дипломатах. Тем не менее всегда все происходило по одному и тому же сценарию.

– Все по тому же сценарию, Ник. Секретная Служба обеспечит людей и максимальную безопасность. Все предварительные мероприятия и подготовку они проведут сами. А мы, как всегда, будем их подстраховывать, сдерживать местное население, чтобы оно не мешало им работать, и выполнять кое-какие мелкие задания, которые не вошли в официальный перечень мероприятий.

“То есть быть на побегушках”, – мрачно подумал Ник.

– Сейчас директор очень суров, – продолжал Хауди.

– Нам надо будет кое-что сделать, чтобы наладить дружеские отношения. В конце концов, это наша работа – улаживание споров и проблем. И ты и я, Ник, мы оба с тобой своего рода миссионеры. Через тебя я буду передавать сообщения в Секретную Службу прямо из нашего Управления в Новом Орлеане, мы ведь тоже будем представлять из себя определенный элемент структуры безопасности к моменту появления Флэшлайта. Это прекрасный шанс, Ник. Я думаю,

что тебе это понравится, и, если все пройдет хорошо, я обязательно отмечу в докладе твою особую роль. Тебе придется пустить в ход всю свою любезность и учтивость. В этом плане ты волен делать все, что тебе угодно. Кто знает, жизнь так изменчива. Может, это и вытащит тебя из твоей трясины.

– Может, Ховард. Благодарю за поддержку.

Но Ник понимал, что Ховард поступает с ним, как с самой последней дворнягой. Это был способ работы Ховарда, точно так же работала вся система ФБР. Приблизительно то же самое произошло в Талсе. Теперь все повторяется.

– После смерти Майры тебя здесь уже ничего не держит. Ну как, ты готов рвануть куда-нибудь на новое место? Кстати, Хэп Фенкл сказал, что у тебя ко мне есть какое-то дело, которое тебя очень беспокоит. Это правда?

– Да, в общем-то... Просто кое-что непонятно в одном маленьком дельце. Тут было совершено одно убийство... да, так вот оно было совершено при помощи специального устройства, сделанного по самым современным технологиям. Знаешь, как это ни странно, но тот, кого убили, был сальвадо...

– Нам не здесь сворачивать?

Они как раз проехали знак, который указывал, что поворот налево ведет к центру города.

– Что?

– Я остановлюсь в “Хилтоне”. Разве нам не здесь надо было к нему свернуть?

– Э-э... ну-у... нет, Ховард, не здесь. В это время дня обычно быстрее проехать по Шестьдесят первой улице, а потом свернуть на Девяностую, понимаешь?

– Да, конечно. Это твой город. Но я все-таки свернул бы там, – сказал Хауди Дьюти.

“Он не хотел, чтобы я заметил в его голосе недовольство”, – подумал Ник.

Глава 10

Во всех четырех городах он представлял из себя одну и ту же картину: высокий, долговязый человек в голубой хлопчатобумажной рубашке, отглаженной и застегнутой на все пуговицы. Сверху было длиннополое пальто. По-прежнему те же замшевые ботинки фирмы “Тони Ламас” и черная, широкополая шляпа фирмы “Стетсон”.

Во всех городах он останавливался в центре, в каком-нибудь второсортном отеле. Из аэропорта всегда ехал на такси. Ел он мало и скромно, никогда не пил спиртного и после детального изучения карт в номере осторожно шел осматривать предполагаемые места для стрельбы. Он все время делал пометки в блокноте, измеряя расстояния, определяя угол падения света и зависимость между изменением тени и движением солнца по небу в определенные часы дня. В некоторых местах он измерял температуру воздуха и старался определить основное направление ветра, наблюдал за городским движением в самом городе и на окраинах, внимательно рассматривал те места, где будет выступать президент в момент предполагаемого выстрела. Бесконечно бродя вокруг зданий, заходя во всякие подворотни и закоулки, он никогда не торопился и не пытался попасть в те места, куда его не пускали. Единственным странным предметом, смысл и назначение которого многие люди просто не понимали, был очень мощный фотоаппарат, сделанный по специальной технологии. На самом же деле это был оптический дальномер призматической конструкции с двумя сильными, удаленными друг от друга на восемь сантиметров линзами. Благодаря этому устройству Боб мог определить расстояние до любого предмета с идеальной точностью. Он заметил, что в Балтиморе, в районе порта, постоянно дует назойливый ветер. Балтимор никогда не ассоциировался у него с ветрами, поэтому такая информация вызвала у него удивление. Ни в одном справочнике не говорилось об этом проклятом ветре, но чайки, висящие в небе, как боевые вертолеты над горящей деревней, сказали ему больше чем надо. Он представил, как пуля, попав в этот воздушный поток на излете, начнет менять свою траекторию полета и, может быть, даже не долетит до своей цели.

В Вашингтоне ему бросились в глаза деревья. В этом случае русскому придется стрелять между ними. Надо было признать, что в это время года видимость обычно бывает прекрасной. Но Боб подумал, что пуля в момент полета может зацепить маленькую веточку или сучок, потому что стрелять между деревьями – это все равно что стрелять в лабиринте, так как даже самое маленькое препятствие на пути у крупнокалиберной пули, мчащейся в штопоре со скоростью почти три тысячи футов в секунду, может послать ее в самом непредсказуемом направлении. К тому же в Вашингтоне все позиции, пригодные для стрельбы, были очень неопределенные и сомнительные. Здание министерства юстиции располагалось ближе всего, но угол между задней лужайкой Белого дома и этим зданием был настолько острым, что если бы Соларатов все-таки стрелял отсюда, с расстояния 450 ярдов, то ему была бы видна только лишь одна четвертая часть всей поверхности цели. Такой тип выстрела необычайно труден, хотя Боб несколько раз в своей жизни делал нечто подобное. На расстоянии мили от Белого дома находилось здание министерства сельского хозяйства, отсюда для снайпера открывался более ясный обзор. Тут цель уже была видна сбоку, а не сверху, она представляла из себя более широкий объект, который не станет дергаться из стороны в сторону, как было бы при стрельбе сверху, а четко зафиксирован в прицеле неподвижным пятнышком. И еще... этот выстрел с крыши правительственного здания, видимо, был бы самым длинным и сложным по сравнению со всеми другими, по крайней мере, с технической точки зрения.

Новый Орлеан был южным городом, поэтому Боб его очень любил. Воздух здесь благоухал самыми нежными ароматами, и ветры всегда были мягкими и спокойными. Из всех южных городов Боб предпочитал именно этот. Только один квартал не вписывался в общую структуру города – район Бурбон-стрит, где снимались все известные фильмы. В целом же город был немного сонливым и каким-то бесформенным, и чернокожее население еще вело себя здесь с той элегантною вежливостью и огромным достоинством, которые возможны были только на настоящем Юге.

Но в Новом Орлеане существовала проблема с воздухом, в котором были сильные соляные испарения богатой солями воды и едкий, плотный мускусный запах гниения, порождаемый бесчисленными

болотами. Климат тут был практически такой же, как и в джунглях, и, хотя в такой атмосфере все-таки можно было выстрелить точно – в конце концов, Боб ведь делал такие выстрелы, – в данной ситуации создавался дополнительный риск – возможность небольшого отклонения пули, которое тоже пришлось бы учитывать во время подготовки к выстрелу. Это уже становилось интересным. Если они собираются стрелять с расстояния мили из винтовки 50-го калибра здесь, в Новом Орлеане, то тогда им надо построить себе здесь же стрельбище для тренировки, потому что каждое болото имеет свою экосистему, свой особенный, неповторимый микроклимат, зависящий от плотности соленой воды, плотности испарений и преобладающих ветров. К выстрелу в Новом Орлеане невозможно подготовиться ни в Ираке, ни даже в России – там просто невозможно правильно учесть все мельчайшие особенности реальной обстановки. Чтобы определить, как плотность воздуха и другие особенности повлияют на траекторию полета пули, надо вычислить закономерность в соотношении погодных условий с временными промежутками.

“Было бы интересно прикинуть...” – подумал Боб.

Через десять дней его путешествие закончилось. Боб прилетел в Арканзас и вернулся в свой трейлер. Все по-прежнему оставалось нетронутым. Майк так же, как и в прошлый раз, бросился ему навстречу, искренне выражая свои чувства. Боб потрепал его за шею, погладил и, к неопишуемому восторгу пса, почесал у него за ушами. Обычно Боб редко баловал животное чрезмерным вниманием, но Майк так долго ждал своего хозяина...

Пожалуй, на этот раз он отсутствовал даже дольше, чем когда бы то ни было раньше. В радостном взгляде и теплом быстром дыхании собаки он чувствовал горячую и преданную любовь. Пес упирался в него своими передними лапами и повизгивал от блаженства и удовольствия.

– Ну что, малыш, вернулся твой старый хозяин? – спросил Боб Майка, удивляясь собственной сентиментальности. Да, теперь он чувствовал себя намного лучше. Побывав в том мире, проверив себя на прочность, он сумел вернуться сюда целым и невредимым. Работа была очень интересной и доставляла ему удовольствие. Он хотел заниматься ею и дальше.

Боб подошел к холодильнику, достал из морозильной камеры замороженных в брикеты цыплят и бросил их на плиту. Затем он быстро принял душ и надел чистые джинсы и рубашку. Теперь надо было прогуляться с Майком мили три – четыре. К тому времени, когда они вернулись, цыплята были уже готовы. Боб любил, когда они подрумянятся. Он ел быстро, но спокойно, запивая еду холодным чаем из огромной кружки. В чай он обычно добавлял чуть-чуть пива, и эта холодная смесь доставляла ему огромное удовольствие, когда он запивал ею горячую пищу.

Он чувствовал себя уставшим. Пройдя в другой конец комнаты, он взял пишущую машинку, которая была в их семье с тех пор, когда его дед еще в двадцатых годах имел должность шерифа графства Полк, и стал медленно и аккуратно печатать.

Боб всегда удивлял посторонних своей грамотностью. Они все считали, что, когда дело дойдет до букв, бывший сержант морской пехоты окажется самым настоящим болваном, что, скорее всего, он не знает, чем отличается прописная буква от строчной, что такое абзац, какая разница между точкой и двоеточием или – самый сложный вопрос – для чего нужна запятая. Но он все это знал. Более того, врожденная способность выражать свои мысли четко и ясно доставляла ему немало удовольствия. Именно этим он теперь и занимался. Это был доклад на двадцати двух страницах, в котором Боб излагал свои выводы, сделанные в результате посещения четырех городов, и давал собственную аргументацию возможных выборов позиций для стрельбы. В конце он кратко обосновывал свое мнение и убедительно доказывал, почему Т.Соларатов выберет именно одно из этих мест. Он знал, откуда будет сделан выстрел, потому что сам сделал бы его именно оттуда. Теперь его это не волновало, потому что он видел, насколько это легко было осуществить. Боб знал, что, несмотря на все достижения в технике, которые произошли в мире после 1963 года, несмотря на то, что человечество вступило в эру всеобщей паранойи и начало отчаянно бороться за всемирную безопасность, все равно невозможно остановить человека с винтовкой, который любит и умеет ею пользоваться.

Документ представлял из себя не красноречивое описание событий, а четкое, написанное в соответствии с военными требованиями изложение доводов:

Я считаю, что объект, скорее всего, попытается сделать выстрел по Президенту 1 марта в парке Луи Армстронга в Новом Орлеане. Выстрел будет произведен патроном пятидесятого калибра с 750-грановой пулей в медной оболочке с расстояния приблизительно 1200 ярдов. В момент попадания в Президента скорость полета пули составит более 1500 футов в секунду, благодаря чему пуля с такой массой пробьет любой надетый на Президента бронежилет. Выстрел должен будет прозвучать ближе к концу выступления Президента, которое предположительно начнется в 11.30 и продлится сорок пять минут. Это произойдет по трем причинам. Во-первых, в день выступления Президента то место, с которого он будет говорить, будет находиться в тени с 10.30 утра до 2.15 дня (возможна поправка в несколько минут в ту или иную сторону). В тот момент, когда Президент уже произнесет большую часть своей речи, контраст между светом и тенью будет минимальным. При стрельбе на обычные расстояния этот фактор можно было бы не учитывать, но, принимая во внимание то огромное расстояние, которое в данном случае будет между объектом и целью, следует учесть этот немаловажный момент. Во-вторых, середина дня, согласно метеосводкам, самое спокойное время; максимальная скорость ветра и порывистость наблюдаются, как правило, в утренние часы. Русский наверняка должен об этом знать, если он внимательно изучает обстановку. Из всех четырех вариантов практически только в Новом Орлеане Президент будет выступать в самое спокойное время дня. В этом смысле Цинциннати, который идет вторым после Нового Орлеана, проигрывает очень сильно. И наконец, в Новом Орлеане существуют, по крайней мере, три надежные и безопасные, с точки зрения возможности последующего отхода, позиции. Если он будет стрелять с колокольни кафедрального собора – из Французского квартала, который расположен в 1200 ярдах от места выступления, то в этом случае он использует какое-нибудь (я думаю, небаллистическое) шумопоглощающее устройство и потом без всяких проблем спустится по ступенькам через черный ход на улицу, смешается с толпой и исчезнет. Маловероятно, что укрытие, из которого будет произведен выстрел, ввиду его удаленности от места выступления Президента, удастся обнаружить за несколько минут (или даже часов). Прямо из собора он может очень быстро спуститься к Миссисипи, которая находится от него в полумиле, а затем, сев в

лодку, скрыться в запутанной системе байю. В таком случае определить его местонахождение будет практически нереально. Также возможен вариант, что он поедет на машине вниз по улице Декатюр, главной магистрали города, на которой несложно затеряться в огромном потоке машин в это время дня. И наконец, третий вариант – это когда могут возникнуть непредвиденные обстоятельства. Тогда он вполне может улететь на вертолете прямо с площади Джексона, расположенной напротив собора.

После этого Боб изложил свои рекомендации:

1) Необходимо как можно раньше проинформировать Разведслужбу о намечаемой попытке покушения на Президента и попытаться таким образом объяснить им ситуацию, чтобы они согласились с нашими доводами. Видимо, придется приложить немало усилий, чтобы убедить их в том, что цель проводимой операции будет заключаться не только в обеспечении безопасности Президента, но и в том, чтобы своевременно арестовать и допросить всех членов советско-иракской группы и подразделений поддержки.

2) Должна быть установлена четкая и бесперебойная радиосвязь, конкретно распределены сферы полномочий и заблаговременно поставлены задачи, чтобы Разведслужба четко знала круг своих обязанностей.

3) Надо немедленно установить наблюдение за кафедральным собором в Новом Орлеане. Не возникает никаких сомнений в том, что группа по подготовке и оборудованию позиции для стрельбы начнет работу там задолго до первого марта. В это же время Служба наблюдения должна вести максимально осторожный контроль, ничем не выделяющийся и незаметный, чтобы “не спугнуть птичку”. В связи с тем, что подразделение обеспечения противника произведет самый тщательный осмотр самого места, предназначенного для стрельбы, и всех близлежащих помещений, не рекомендуется использовать какие-либо приборы открытого визуального или звукового наблюдения, вмонтированные в стены здания. Они будут мгновенно обнаружены. Самым удобным способом наблюдения, возможно, был бы способ контроля за ситуацией с “Ф-4 Джи”, находящегося на высоте 20 000 футов, при помощи установленных на нем приборов инфракрасного и

теплового наблюдения, как это делалось ВВС США во время войны во Вьетнаме при наблюдении за тропой Хо Ши Мина.

4) В самые кратчайшие сроки необходимо установить наблюдение на всей территории новоорлеанского байю с целью выявления места подготовки русского. Для того чтобы определить особенности климатических условий в данном районе в конце зимы – начале весны группа обеспечения наверняка попытается осуществить несколько пробных выстрелов в каком-нибудь месте, так что Соларатов будет уже точно знать, какие моменты ему придется учитывать здесь первого марта.

5) Президент, конечно, должен быть предупрежден заранее, и если он действительно такой отважный и решительный, каким он показал себя во время войны в Персидском заливе против Ирака, то он не выставит вместо себя двойника и не отложит выступление, а просто согласится принять участие в этой операции и активизировать действия команды по подготовке стрелковой позиции. Его участие во всем этом необходимо.

6) В день выступления специально сформированная группа снайперов должна быть рассредоточена на указанных позициях, как это обозначено на карте. Удаление позиций от места выступления Президента – около шестисот футов, направление – от центра. Все снайперы должны быть вооружены ремингтонами модели 40-A1, на которых установлен десятикратный оптический прицел “Уперта”. Винтовки должны быть заряжены 7,62 мм патронами “Мач Экью-рэси Лейк-Сити Арсенал М852”, принятыми на вооружение в НАТО. Это должно быть сделано на случай, если им придется открыть огонь по советско-иракской группе (мне бы хотелось возглавить одно из снайперских подразделений). Считаю наиболее удобной позицией место, обозначенное на карте звездочкой. Если, учитывая слишком большой риск, которому будет подвергаться Президент, руководство сочтет необходимым дать мне соответствующие указания, я могу вывести из строя всю советско-иракскую группу до того, как она сможет причинить хоть какой-нибудь вред. Даже в толпе я смогу попасть тому, кто будет стрелять, и его корректировщику (при наличии такового) в левую часть груди; после этого группа быстрого реагирования должна сразу же оказаться рядом с террористом и нейтрализовать его, чтобы тот, придя в себя после ударного шока, не

покончил с собой (он является весьма ценным источником информации).

7) Обработка захваченного группой БР русского и/или группы по обеспечению выстрела должна начинаться немедленно, с тем чтобы мы могли сразу же начать осуществлять оперативное воздействие на их разведку; во Вьетнаме полученная во время допросов информация зачастую теряла свою ценность потому, что мы действовали слишком медленно.

Он закончил и оторвался от машинки.

Теперь все.

Вроде бы ничего не забыл.

Естественно, существовала еще одна особенность, но это была такая вещь, которую не мог предугадать ни один человек в мире. Это была удача. На нее можно только надеяться, и, может быть, она тебе улыбнется... а может, и нет. Боб взглянул на часы. Пора спать; завтра утром он отошлет доклад тем людям, которые, как он теперь был уверен, представляли Центральное Разведывательное Управление. Боб устало встал и потащился к кровати. Майка он уже привязал, потому что эта огромная глупая лохматая собака частенько любила прийти и улечься с ним рядом, мешая ему спать.

В четыре часа утра он проснулся, снова сел за стол и перечитал весь документ. Вроде бы неплохо. Сон почему-то не шел. Он понимал, что это глупо, но у него было такое ощущение, что за ним наблюдают, что он все время у кого-то на мушке. Откинувшись на стуле, он еще раз попытался разобраться в своем отношении к новым "работодателям". Он просто не доверял им. И это все. Других улик у него против них не было.

А потом ему вдруг пришла в голову мысль, что не мешало бы как-то подстраховаться самому, оставить и себе запасной шанс на случай, если произойдет что-то непредвиденное и эти люди захотят просто убрать его с дороги. Он попытался что-нибудь придумать, но в голову ничего подходящего не приходило.

Глава 11

Это было оскорбительно. Сплошное унижение. Ник превратился в самого настоящего мальчика на побегушках, в клерка и идиота. Он носился по коридорам с кассетами, дисками, кофе и пончиками, как образцовая прислуга. Хауди Дьюти практически не предоставлял ему возможности общаться с людьми из Секретной Службы, взяв эту деликатную миссию полностью на себя. Ник фактически оказался в роли выполняющего мелкие поручения самого Хауди Дьюти.

– Эй, Мемфис, ты стал похож на загнанную лошадь, не рви так себе жопу, – заорал Нику вдогонку его бывший напарник Мики Сонтаг, когда тот вылетел из файлоотеки и помчался в архивную комнату, на дверях которой теперь красовалась новая табличка: “Совместная группа Секретной Службы и ФБР”. В ней федеральные телохранители и лицемерный Ютей устроили себе координационный центр.

– Да ладно, отстань, – огрызнулся Ник, чувствуя, что безнадежно опаздывает. Он ужасно злился на Джинни Финн, работницу файлоотеки, которая не смогла достаточно быстро найти досье на некоего Кларка Кларксона, известного под кличкой Белый Рыцарь, из местного отделения ку-клукс-клана в округе Лафайетт.

– Как они над тобой издеваются, старый, добрый Ник!

Нику было всего лишь тридцать четыре, и за слово “старый” это дерьмо стоило бы поставить на место. Но “да ладно вам...” это все, что он мог ответить в данной ситуации.

В комнате главный представитель Разведслужбы Фил Мюллер, как всегда, орал на всех, как генерал Паттон на свои войска, в том числе и на Хауди.

– Это, наконец, последний?

– Он говорит, что да, – ответил Ютей за Ника еще до того, как тот успел рот открыть.

– Все, даже недееспособные, завязавшие, находящиеся в заключении и мертвые?

– Да, все, Фил.

– Итак, в соответствии с вашими файлами, согласно вашей информации и информации алфавитного указателя Отдела учета

преступлений, что же мы имеем? Что там у нас, всего около двухсот пятидесяти человек? Все они для меньшего риска в работе и лучшего контроля сведены в три группы по категориям преступлений: Альфа, Бета и Чарли. Как идет работа? Вы проработали группу Альфа?

– Э-э, Фил, – начал один из представителей Разведслужбы, – мы очень много над ними работаем, но... Я бросил на них три группы, то есть по шесть человек на каждые пятьдесят шесть преступников. Мы уже подключили и группу Бета – это на вторую категорию преступников. В ней сто двадцать четыре человека. Все остальные в Чарли.

– Как распределено время и когда будет закончена работа?

– Я думаю, что с Альфой можно было бы разобраться без проблем, если бы мы подбросили туда еще несколько человек. С большей частью из тех, кто попал в группу Бета, мы сможем справиться своими силами. Мы работаем почти без перерыва. Но вот эта проклятая группа Чарли, она беспокоит нас больше всего. Я даже не знаю, что делать, у меня нет лишних людей, а остальные так быстро освободиться не смогут.

– Э-э... – задумчиво протянул Мюллер.

– Есть идея, Фил, – прервал его Хауди Дьюти. – С группой Чарли вполне мог бы поработать и Ник. Он мог бы позвонить по всем номерам, проверить наличие...

– Гм-м... – снова промышчал тот.

– Он просто горит желанием, не так ли, Ник?

Ник от неожиданности чуть на задницу не шлепнулся. Вот это новость! То, что делали люди из группы Чарли – а они делали это всегда перед прибытием Самого, – заключалось в том, что они в тесном контакте с федеральными службами и местными подразделениями по обеспечению законности скрупулезно проверяли весь список чокнутых, сдвинутых, умственно неполноценных, всяких право- и левоцентристских мудозвонов и прочих эгоцентричных элементов, представляющих потенциальную угрозу спокойствию. Специальные группы занимались их поиском, определяли местоположение на настоящий момент и то, как они живут. Если поступали хоть какие-нибудь сигналы об отклонениях от нормы или о дестабилизирующих элементах в поведении, то за ними устанавливалось наблюдение. Но чаще всего этих людей просто

бесцеремонно хватали, запугивали до полусмерти и отпускали на все четыре стороны. Это была очень кропотливая, невыносимо скучная и к тому же никому не нужная работа. В этом, собственно, и заключался стиль работы Секретной Службы перед прибытием Самого: знать, как говорится, в каком лукошке какие орешки лежат.

– Но материалы... – начал было Ник.

– Могут подождать, – грубо закончил за него Мюллер. – Приступаешь к обработке группы Чарли. Все ясно, Мемфис?

– Да, ему все ясно, – подтвердил Ютей. – Ник, ты же не против того, чтобы поработать побольше, а?

О чем тут говорить? Настоящий фэбээровец, даже если ему что-то не нравится, никогда ничего не скажет против. Он никак не проявит своих чувств, просто кивнет головой, подчинится и вольется в команду, чтобы выполнять поручение.

Именно так Ник и поступил, сдержав раздражение и недовольство тем, что никто не спросил его мнения. Однако эти люди действительно были профессионалами, и ему хотелось посмотреть, как они работают, ведь о них ходили целые легенды. Они всегда отвечали за обеспечение безопасности в том месте, где собирался выступать президент, и когда дело доходило до проверки близлежащих районов, то можно было не сомневаться в том, что там будет наведен идеальный порядок и ни один подозрительный предмет не останется незамеченным. Десятки собак будут вынюхивать все закоулки в поисках взрывчатки или электронных наружных приборов, спектрометры проверят все радиосигналы, чтобы не было зафиксировано каких-либо необычных радиоволн, при помощи которых можно было бы инициировать детонацию капсулы дистанционного взрывателя, и уж тем более ни одна замаскированная снайперская площадка или “нора” не укроется от внимательного взгляда сотрудников Разведслужбы.

В конце концов, это была работа не в скучном кабинете мрачного здания, и если бы он смог принять в ней участие, то это позволило бы ему снова вернуться к нормальной жизни, лишенной всякой политической чепухи, и стать опять человеком, а не мальчиком на побегушках. Дело в том, что Ник страшно не любил сидеть в Управлении и вообще терпеть не мог любую работу, связанную с необходимостью долго находиться в этом унылом здании. Он знал, что порой допускает небольшие ошибки, но все это из-за того, что он

недостаточно скрупулезен и дотошен в бумажной работе. Он проклинал себя за тот неудачный выстрел в Талсе, в результате которого его жизнь так резко изменилась, стала скучной и однообразной. Все эти мысли быстро пронеслись в голове Ника, в то время как лицо его по-прежнему оставалось спокойным и непроницаемым.

Когда совещание закончилось, Херм Слоан, в принципе неплохой парень, подошел к нему и сказал:

– Да, влип ты. Небось собирался завтра куда-то слянуть, а теперь по уши завяз в этом дерьме.

– Ничего страшного, – ответил Ник, пытаясь скрыть свое раздражение и сохранить видимость хорошего настроения. Он всегда так поступал, когда ему приходилось сталкиваться с неприятностями.

Слоан подошел к полке с дискетами, которые стояли в отсеке, предназначенном для группы Чарли. Ник обвел их печальным взглядом. Впереди были долгие часы изнурительной работы. Теперь он понимал, что его надежда заняться убийством Эдуарде Ланцмана погибла окончательно и бесповоротно.

Перед ним мелькали какие-то безликие имена и фамилии; проглядывая досье, он видел одни и те же признаки безысходности и ненависти, одинаковые скупые данные и характеристики. В этих маленьких людях было слишком много ненависти и злобы, они были зажаты в тиски повседневной реальности, и с ними приходилось иметь дело только лишь потому, что они могли или уже имели оружие.

И тут Ник увидел имя своего героя: “БОБ ЛИ СУЭГТЕР”.

“Боб Снайпер, – подумал он, – о Господи!”

Работая по четырнадцать часов в день, Ник за три дня умудрился обработать всю группу Чарли. Из семидесяти человек пятьдесят шесть он полностью отбросил. Работа была ужасно утомительной и мучительно нудной. Ему приходилось не сходя с места звонить то в одно управление, то в другое, разыскивать то одного, то другого служащего, искать в телефонных справочниках номера, обзванивать все тюрьмы штата, беседовать с полицейскими, юристами и служащими многочисленных окружных моргов. Из этих пятидесяти шести ровно половина – двадцать восемь – были уже на том свете. По непонятно какой причине они все-таки попали в составленный Секретной Службой список подозреваемых. У Ника закралось

подозрение, что этот список был составлен слишком давно. Уж очень много в нем было мертвецов. Еще шестнадцать человек мотали свой срок в тюрьмах. Пятеро находились в клиниках для умалишенных. Это были самые настоящие сумасшедшие, чьи постоянные нелады с законом в конце концов сделали их неизлечимыми. Теперь они наслаждались живописными видами новоорлеанского байю, где находились эти специализированные заведения. Еще шесть куда-то испарились, покинув город и штат, где до этого жили, и исчезнув в неизвестном направлении. Создавалось впечатление, что они вообще исчезли с лица Земли. К счастью, теперь они были головной болью для кого-то другого. Оставалось четырнадцать человек, которых надо было вычислить, определить их местоположение и поведение. Это была нелегкая работа, но Ник принялся за нее с огромным упорством.

Плюс еще оставался Боб Снайпер. Впервые Ник узнал о самом знаменитом снайпере Корпуса морской пехоты США где-то в начале восьмидесятых, прочитав в каком-то журнале типа “Солджер оф форчун” целую статью, посвященную его службе. Ему запомнилось суровое молодое лицо на глянцевого обложке журнала, камуфляжная форма и внимательные глаза, а также великолепный ремингтон и надпись внизу страницы: “САМЫЙ ОПАСНЫЙ ИЗ ЖИВУЩИХ НА ЗЕМЛЕ ЛЮДЕЙ”.

Истории были одна невероятней другой. Рассказывали, будто стрелял он без промаха на любые расстояния и всегда убивал наповал. Сообщалось, что, по официальным данным, он убил во Вьетнаме восемьдесят семь человек – кое-что говорилось о том, что там же он выполнял некоторые задания и для ЦРУ; венцом его снайперского искусства был случай, когда он в течение двух дней сдерживал батальон северных вьетнамцев, пытавшихся уничтожить окруженный лагерь “зеленых беретов”. За эти два дня он убил более тридцати человек и спас жизнь нескольким “зеленым беретам”, принадлежащим к войскам специального назначения.

Все это было тогда, когда Ник сам еще горел желанием стать первоклассным стрелком, когда он служил в подразделении СВИТ и когда еще не произошел тот несчастный случай с Майрой в Талсе. Вспоминая прошлое, он думал, что оно, пожалуй, было безоблачным и безмятежным. Натренированный, сильный и выносливый, он сражался с преступниками, и лишь по причине того, что сам был, как он считал,

таким хорошим, а они – такими плохими, не задумываясь выпускал в них пулю за пулей. Это было в те времена, когда он душой и телом был предан своей винтовке, когда, если можно так выразиться, был настоящим служителем культа винтовки, хоть и недолго... Ник даже передернулся, вспомнив собственное тщеславие тех дней и то, к чему привела его непомерная гордыня в Талсе. Тем не менее, на протяжении всех этих лет он хранил в своей душе глубокое уважение к Бобу. Боб никогда не колебался и никогда не отступал от уже принятого решения. Он проверил себя в тяжелых и суровых испытаниях Вьетнама. Ник же один только раз попытался совершить настоящий поступок – и так позорно промахнулся. Он послал свою пулю как раз туда, куда меньше всего хотел, чтобы она попала.

Теперь, столкнувшись с необходимостью выследить Боба Снайпера, Ник чувствовал себя так, как будто к нему снова вернулась молодость, с ее ошибками, надеждами и чаяниями.

Воспоминания прошлого всплыли из глубин памяти и растревожили душу.

Найти Боба, то есть его следы, оказалось несложно. Он зарегистрировался в отеле “Роберт Оливер” во Французском квартале третьего февраля, а выехал оттуда четвертого. Два дня. Никто его особенно и не запомнил. Единственное, что он понял из туманных рассказов, так это то, что Боб был высоким, европейского типа мужчиной, очень поджарый и жилистый, который никогда ни с кем не разговаривал, все время был погружен в себя, целый день отсутствовал в отеле и потом выехал без всякого шума и суеты. У него был прекрасный фотоаппарат, скорее всего, какой-нибудь японский последнего выпуска.

“Наверное, какие-то дела, связанные с бизнесом”, подумал Ник. Он слышал, что Боб вынужден был уволиться из морской пехоты по инвалидности после тяжелого ранения. Может, теперь он стал коммивояжером или кем-нибудь в этом роде, может, стал арканзасским фермером и приехал в большой город повеселиться, погулять несколько дней на всю катушку, купить пару картин, как это делают все туристы, и потом укатить к себе домой, за 40-ю параллель? Но тут Ника неожиданно осенила совсем другая мысль: почему этот человек вдруг попал в список подозреваемых? Кто его туда внес? По каким причинам? Он запросил данные по Суэггеру в компьютерной сети

ФБР, но там на него не было никаких ссылок, по крайней мере никаких преступлений он не совершал. Потом Ник запросил Национальный каталог учета всех преступлений и снова остался ни с чем. Позвонив в министерство военно-морских сил, он узнал, что Боб уволился в звании командер-сержанта; причина увольнения – физическая неспособность; срок службы – двенадцать лет действительной и около трех лет госпиталей и усиленной физиотерапии. Никаких негативных замечаний в его послужном списке не было. В УПДБВ ему сообщили, что Боб никогда не обращался за советом и ни разу не проходил психологического тестирования. Казалось, что за ним ничего не водится. Но почему же тогда он оказался в этом списке? И кто осуществлял за Суэггером наблюдение, когда тот был в Новом Орлеане?

Ник позвонил Херму Слоану.

– Эй, Херм, – начал он.

– Ник, у нас тут работы неувпроворот, это срочно? Что там?

– Всего лишь один вопрос. Вот эти, из группы Чарли, где вы их берете? Как они вообще попадают в этот список?

– Короче, Альфа – это обычно те, что числятся в списках ЦРУ, те, что проходят по группам чрезвычайной опасности в ФБР, некоторые – из каталогов министерства юстиции, досье УБН и из разведисточников. Э-э... Бета – как правило, те, у кого в прошлом было несколько несерьезных преступлений, те, что представляют вероятную угрозу общественному порядку, страдают комплексами неполноценности и стремятся привлечь к себе внимание других. А твои Чарли – это писмописцы. Мы собираем все письма, которые получает президент и в которых содержится хоть какая-то угроза или намек на угрозу. Понятно?

– Тут есть один человек... Меня удивило, что он попал...

– Послушай, Ник, позвони Тому Марбелле из министерства финансов. Он составляет все эти файлы и, наверное, объяснит тебе что к чему.

Через несколько минут Ник сумел пробиться к Марбелле, и тот ответил, что, когда разберется с этим вопросом, то непременно позвонит ему. И действительно через некоторое время – в конце следующего дня – Марбелла позвонил Нику.

– О’кей, сейчас у меня на экране компьютера как раз этот файл. Интересующий тебя человек, по всей видимости, возомнил, что заслужил орден Почета конгресса США, – сказал Марбелла.

– Гм-м-м... – протянул Ник, показывая этим, что он не бросил трубку, но тем не менее сказать ему по этому поводу нечего.

– Три недели назад он написал президенту письмо, в котором заявил, что в Корпусе морской пехоты его не наградили орденом Почета, который он по праву заслужил во Вьетнаме. Точно такой же орден был вручен его отцу. Теперь он хочет, чтобы ему вручили его награду, и просит президента сделать это.

– И поэтому он попал в список подозреваемых Секретной Службы?

– Послушай, дружище, за всю твою жизнь что-нибудь да найдется, что позволит занести тебя в такой список. Мы не рискуем. Мы никогда не рискуем.

– В письме содержится какая-то угроза?

– Ну, в принципе наш штатный психиатр говорит, что да. Это не явная угроза, а скорее тон угрозы. Вот, послушай:

“Сэр, единственное, чего я прошу, – это чтобы нация дала мне то, что принадлежит мне по праву, потому что я заслужил это, образцово исполняя свой долг по отношению к ней. Для меня необычайно важно получить этот орден (восклицательный знак). Он принадлежит мне (восклицательный знак). Я заслужил его (восклицательный знак). Двух мнений по этому поводу быть не может, сэр, этот орден – мой (восклицательный знак)”.

Ник задумался над человеческой природой. Да, как и многие, многие другие, великий Боб Снайпер, завоевавший репутацию непревзойденного стрелка во Вьетнаме, настоящий снайпер от Бога, тоже жаждал призывания. Ему тоже было не чуждо тщеславие. Он больше не мог просто так жить и оставаться в неизвестности, зная, что он единственный, кто тогда мог делать невозможное возможным. В своем окружении Боб, как и многие другие, хотел известности, внимания и официального признания. Хотя, может быть, и нет. Это, возможно, было нужно в первую очередь ему самому. Человеку всегда хочется иметь больше, чем он имеет в действительности, причем он желает получить это незамедлительно, ибо считает, что в своей жизни он уже ждал достаточно долго и теперь наконец пришла его очередь.

Ник постоянно сталкивался с проявлениями подобного неудовлетворенного самолюбия на улицах. Как-то постепенно и незаметно в Америке исчезло то, на чем раньше базировались такие понятия, как “мы”, “чувство локтя” или “семья”; им на смену пришло другое понятие – “самоисключительность”; она-то и сделала людей сумасшедшими. Им хочется слишком многого. Они думают, что каждый из них представляет из себя необычайно важную персону, на самом же деле все они остаются хоть и повзрослевшими, но все же детьми, которых так легко обидеть... И все-таки это было как-то не похоже на Боба.

– Мне кажется, что это звучит довольно безобидно, – сказал Ник.

– Все дело в восклицательных знаках. Целых четыре. Согласно нашей теории, восклицательные знаки символизируют определенную тенденцию к проявлению жестокости. Не склонность, а всего лишь тенденцию, потенциальную возможность такого поступка. В данном случае это теория, хотя, честно говоря, мы пришли к выводу, что те, кто пишет письма, практически никогда не берутся за оружие. Им это просто не надо. Для большинства из них весь смысл заключается в самом процессе написания письма. Это их вполне удовлетворяет. Хотя этот человек, видимо, прекрасный стрелок, или, по крайней мере, когда-то им был, он поставил четыре восклицательных знака. И у нас действительно есть запись, что он побывал в Новом Орлеане...

– Да, я убедился, что...

– Поэтому мы включили Суэггера в группу Чарли. Ты можешь вычеркнуть его у себя и передать в группу Бета...

– Я так и сделаю.

– Я знаю, что в группе Чарли одно отребье, не заслуживающее внимания. Поэтому никто и не хочет браться за эту грязную работу. Обычно это делают те, кому не нашлось другого дела. Ты, э-э... немного староват для Чарли.

– Да, но я делаю то, что мне сказал мой босс, вот и все.

– Мы это ценим. Я рад, что мы получаем помощь со стороны ФБР.

– А как вы узнали, что он был в Новом Орлеане?

– Что?

– Ты сказал, что он был в Новом Орлеане, значит, у вас есть об этом сообщение. Как вы узнали об этом?

– Да, – ответил Марбелла, – такая запись есть...

– Но откуда поступила эта информация в файл? Я имею в виду, получена ли она от вашего наблюдателя, из другой какой-то конторы, из полиции, Пентагона или УПДБВ?

– Знаешь, тут об этом ничего не сказано. Информация поступает из самых различных источников, причем не вся она достоверная. А что, это имеет какое-то значение?

– За Суэггером кто-то следит!

– Слушай, что ты пристал? Я в этой цепочке самый последний человек. Об этом тут ничего не сказано. Просто стоит дата. Информация не всегда является достоверной, пойми, Мемфис. Некоторая – точная, некоторая – нет. В твоей власти вычеркнуть его из этой группы, понимаешь, дружище?

– Да, конечно. Огромное спасибо, – сказал Ник и повесил трубку.

“Ну и что же я должен сделать? Ведь что-то я все-таки должен сделать?”

Ник позвонил в справочную службу штата Арканзас и очень быстро получил ответ, что за Бобом Ли Суэггером не числится какой-либо зарегистрированный или незарегистрированный телефонный номер. Дозвонившись в полицейское управление штата, он узнал, что Боб никогда не был ни под судом, ни под следствием. Там же он узнал его адрес: Рурэл-Рут, 270, Блу-Ай. В конце концов он позвонил Вернону Теллу, шерифу графства Полк, штат Арканзас, и, назвав телефонистке опознавательный код ФБР, сразу же вышел на прямую с ним связь.

– Боб Ли? Боб Ли просто живет себе в горах один-одинешенек. Вот и все.

– Он не вызывает у вас никаких проблем?

– Нет, сэр. Более спокойного человека я еще не встречал, сэр. Боб Ли замкнут и не любит, когда его тревожат посторонние. Но он очень хороший человек. Он с честью служил своей стране во Вьетнаме, и его отец безупречно служил ей, и его дед, Лукас, тоже: он был шерифом здесь в двадцатые годы. Они все коренные жители графства Полк и принадлежат к той категории людей, которые никому не причинят вреда, если их не тронут первыми.

Но Ника волновало другое: Боб жил один, вдали от общества, вместе с десятками своих винтовок. Описание совпадало и вряд ли могло быть случайным.

– Пьет или еще что-нибудь употребляет?

– Мистер Мемфис, поверьте мне, я бы солгал, если бы не сказал вам, что несколько лет назад у Боба Ли были проблемы с алкоголем и некоторое время его положение было не из легких. У него вся жизнь – сплошная боль, вы же знаете, ведь он был ранен на войне. Но я верю, что Боб Ли окончательно вышел из кризиса и нашел себя. Единственное, что ему надо в жизни, так это свобода и чтобы его оставили в покое.

– А как насчет наград? Он никогда не говорил о наградах? Они для него играют очень важную роль?

– Для Боба Ли? Позвольте мне кое-что вам сказать, молодой человек. Вы когда-нибудь были на войне или участвовали в чем-нибудь подобном?

– Нет, сэр, не был.

– Ну так вот, молодой человек, те, что интересуются медалями, всегда стремятся пробиться вверх по служебной лестнице. В 1943 и 1944 годах я вместе с солдатами генерала Меррилла прошел всю Бирму из одного конца в другой, и единственный среди нас человек, который стремился к получению наград и проявлял при этом немало усилий – он даже стал губернатором штата Колорадо, – впоследствии предстал перед судом за государственное преступление. Нет, молодой человек, Боб Ли Суэггер абсолютно не интересуется наградами, ему на них просто наплевать. Я раз или два бывал там, где он живет, и, поверьте, в его жилище трудно найти хоть малейший намек на то, что этот человек считает себя самым храбрым и отважным героем, который когда-либо родился в нашей стране.

Ник было приятно это слышать.

Вечером, зайдя к нему в кабинет, Херм спросил:

– Ник, у тебя есть кто-нибудь из Чарли, кого бы стоило перекинуть в Бету или Альфу?

Ник ответил:

– Да, – и назвал ему фамилии трех человек, которые, может быть, и представляли какую-то опасность, но тем не менее никогда бы, по его мнению, не решились на активные враждебные действия.

Наконец-то он вырвался из Управления. На самом деле он, конечно, все равно оставался в этом вонючем фэбээровском болоте, но по крайней мере сейчас был вне стен здания Управления.

Вместе с Хермом Слоаном и его напарником Джефом Тиллом, которого все звали просто Тилл, Ник сидел в заднем отсеке специального автомобиля Секретной Службы, беспорядочно крутя ручки приборов и проклиная все на свете. Эта чертова машина была буквально напигована электронным оборудованием.

– Ну и зараза, – сказал Тилл.

– Ты уверен, что она работает на прием? – спросил Слоан.

– Не уверен, – несколько нервозно ответил Тилл. – Все индикаторы красные, мы работаем в направленном излучении, но, веришь, я не слышу ничего, кроме шумов и потрескиваний. Это просто выводит меня из себя.

Ник предоставил двум приятелям по очереди проклинать электронное оборудование и пульт управления, который слабо освещал их своими тускло мигающими лампочками.

За окном машины не было ничего, кроме байю и стрелоподобных кипарисов, между которыми раздавалось хлюпанье болотной воды, по которой шлепали какие-то маленькие мерзопакостные твари. Где-то в трехстах метрах впереди – так, по крайней мере, предполагалось – должна была находиться небольшая ферма, которая одновременно служила штабом экстремистской расистской группы “Белый маяк расовой чистоты”, о которой говорили, что она отличается необычайной жестокостью среди всех новоорлеанских организаций подобного типа. Она состояла из толстопузых татуированных белых, вооруженных их любимыми “Раджер Мини-14”, причем в своих взглядах они резко расходились с организациями ку-клукс-клана, в свое время вышли из него и считали его политику слишком “мягкотелой”. Все это, возможно, так и было, при условии, правда, что сама организация существовала. У Ника сложилось такое впечатление, что все это – плод воспаленного воображения, полицейские выдумки, частенько служившие, надо сказать, легким выходом из сложных ситуаций. Обычно какое-нибудь очень неудобное или запутанное преступление списывалось на “Белый маяк” и таким образом сразу попадало в файлы нераскрытых преступлений еще до того, как к его раскрытию кто-нибудь прикладывал свои силы, время и энергию. Ник один раз потратил целую неделю, пытаясь докопаться до истины, но в конце концов пришел к выводу, что все это было не более чем фантазией, рожденной сплетнями и ненавистью и постоянно

подпитываемой неправдоподобными слухами. Тем не менее, по совету одного детектива из новоорлеанского Отдела по контролю за бандформированиями, Слоан, его напарник и Ник Мемфис, в качестве представителя местных служб ФБР, ровно в полночь сели в этот напичканный сложной электронной аппаратурой автомобиль и приехали сюда, чтобы прослушать фермерский дом – никакого ордера не требовалось, если прослушивание осуществлялось при помощи параболического микрофона, – а также, чтобы узнать, что эти парни из “Белого маяка” замышляют, если, конечно, эта ферма была их местом встречи. Ник мог назвать, по крайней мере, трех местных детективов, которые, опрокинув стакан-другой, с удовольствием погоготали бы над тем, как им удалось послать трех белых дураков с Севера в болота ночью только лишь для того, чтобы те послушали там стрекот цикад. Но он ничего не сказал.

– Не может же быть, чтобы везде было одно и то же, – сказал Тилл. – Это просто хлам, а не техника, старье одно. Даже к компьютеру не подсоединены.

– Может быть, излучение не проходит сквозь деревья?

– Скорее всего, эта техника – просто откровенное старье, – проворчал Тилл.

Однако Ник чувствовал себя так, будто находится на борту космического корабля “Энтерпрайз” – настолько все тут было суперсовременным и напичкано техникой самого высокого класса.

– А что не так с оборудованием? – спросил он. – У нас, например, чтобы проверить какое-нибудь крупное дельце, надо обращаться за разрешением и специальным оборудованием аж в Майами.

– Да мы тоже уже несколько лет бьемся, чтобы получить новые приборы, – сказал Тилл. – Хлам вроде этого всегда прибывает на место за две недели до того, как появится Сам. А ведь этот микрофон был сконструирован еще в шестидесятых и уже давно далек от совершенства. Хоть из пушек пали – все равно ничего не уловит! Хлам и рухлядь!

– Вам надо бы “Электроток 5400”, – задумчиво протянул Ник.

– Конечно! – воскликнул Тилл. – Но у меня миллион долларов на дороге не валяется, чтобы я его мог выбросить на такое дело. Хотя, черт побери, мои обязанности – это защита и охрана жизни президента Соединенных Штатов, вот так-то! Слушай, а откуда ты знаешь об

“Электротоке”? Этот микрофон суперсекретный и почти никому не известен.

– Да так, один друг сказал. Вроде бы их всего семь штук в мире...

– Нет, пять или, может быть, шесть. Да, было бы неплохо и нам таким разжиться. А теперь придется полазить по этим гадским болотам. Надо будет где-нибудь припарковаться и настроиться стационарно.

– Они только в ЦРУ и УБН, да?

– И еще у некоторых клиентов за границей с очень-очень крутыми связями.

– Я слышал, что такие микрофоны были кое у кого в Сальвадоре.

– Меня это не удивляет. Ни одна группа уничтожения без них не обходится, в то время как те, что работают ради сохранения жизни, типа нас, вынуждены пользоваться вот таким хламом тридцатилетней давности. Ну-ка подожди, дружище, мне кажется, что у меня в наушниках плещется какая-то рыбка.

Ник сразу же затих и молчал, пока Тилл возился, подстраивая громкость и частоту.

– Я что-то нашел, – наконец сказал он.

– Пленка пишет?

– Пленка пишет классно. Э-э... одну секундочку, сейчас я попробую усилить и вывести звук на твои наушники.

Ник услышал шум голосов, что-то невнятно бормочущих вдалеке:

– Ты знаешь, у них, э-э... они будут, ты знаешь, э-э... они все красться в деревьях... там, где все собратся, э-э... дай сказать тебя... э-э... они красться... ты в болота... конечно, паря, тык в них, как огни... ты знаешь, ты же знаешь, что я говорить... огни, как и... когда они подойти близко все да, ты шмяк, да, бах! ты знаешь...

– Не хочу показаться невежливым, – сказал Ник, – но мне кажется, что это совсем не “Белый маяк”.

– Черт, – произнес Слоан.

– Слушай, ну а о чем они говорят? – удивленно спросил Тилл.

– Охота на аллигаторов, думаю. Эти старые неотесанные негры выходят на охоту поздно ночью и приманивают их светом. Когда те подползают, они бьют их по голове обухом топора. По закону это запрещено, но они едят их мясо, а шкуру и зубы продают.

Браконьерствуют. Да, это браконьерство. Ну что, может, хотите взять их с поличным? От трех до пяти лет по федеральным законам.

– Черт, – выругался Слоан. – Я точно помню, как этот человек говорил, что ферма находится в тридцати милях от округа 547 и налево от грязной дороги на тринадцать миль.

– Знаешь, я думаю, что этот твой человек – большой хохмач, – сказал Ник. – Ведь эти луизианские полицейские любят какую-нибудь шуточку отколоть.

– Да я разнесу ему всю задницу в клочья! – Слоан перешел на крик.

– Не советую тебе этого делать. Скорее всего, он тебя, конечно, надул, но ведь ты не сможешь ничего доказать. А если поднимешь шум, то будешь выглядеть так, будто тебе разнесли задницу в клочья, а не ему. Послушай, я сам в первый год службы однажды провел полночи в поле, охотясь на диких гусей. Здесь это считается чем-то вроде спорта – кто кого надует. А сами они сейчас, наверное, сидят в задней комнате “Аллигатор клуб” и животики надрывают от смеха – я тебе гарантирую. Но ведь ты выполняешь свою работу, не так ли? Ну, вот это и есть для тебя самое главное.

– Черт побери, Мемфис, ты просто ходячий учебник, дающий невероятно ценные знания о том, как строить отношения с людьми и как научиться прощать их маленькие слабости.

– Прощать намного легче, чем быть грубияном. Особенно в их собственном городе. Я научился с ними ладить, потому что выполняю свои обязанности так, как надо, и никогда не жалею.

– Ладно, пошли отсюда, – сказал Тилл.

– Только представь себе, Тилл, каким бы идиотом ты себя чувствовал, если бы приехал сюда с миллионным “Электротоком 5400”.

Оба агента разведслужбы рассмеялись, затем Тилл с горечью заметил:

– Не видать мне “Электротока” как своих ушей до тех пор, пока я не попаду в Рэм-Дайн.

– Рэм-Дайн? – переспросил Ник.

– Ты что, никогда не слышал о Рэм-Дайн?

– Нет.

– О, это настоящий рай. Ты всех трахаешь направо и налево, тебя тоже частенько трахают, но зато ты чувствуешь себя настоящим

человеком и в твоей жизни все просто классно. Рэм-Дайн дает тебе задания, ты их выполняешь, получаешь кучу денег и катаешься как сыр в масле. Тебе приходится делать все то же самое, что обычно делают в ЦРУ. Да, это интересная работа!

– А, чушь, – возразил Слоан, – ничего этого на самом деле нет. Я тоже слышал, что кто-то говорил о существовании подобной конторы, хотя не видел своими глазами ни одного, кто бы имел к ней хоть какое-то отношение.

– Это конечно, но так приятно помечтать о больших деньгах, ты согласен? – задумчиво протянул Тилл.

Глава 12

Боб поднялся на возвышенность и посмотрел вниз на мокрое гудронированное шоссе. На расстоянии мили он заметил трейлер и небольшой автомобиль. Ветер продувал куртку насквозь, поэтому Боб закутался в нее плотнее и втянул шею. Рядом с ним, крепко сжав челюсти и оскалив клыки, стоял Майк, напряженный и взбудораженный. Из его горла вырывались сдавленные угрожающие звуки.

– Ну-ну, малыш, успокойся, – сказал Боб, пытаясь хоть как-то смягчить напряжение собаки. Он потрепал его за шею, ласково погладил по бархатистой шерсти и почесал за ушами. Майк оторвался от незнакомцев и трейлера и, повернув голову к Бобу, посмотрел на него своими бездонными, как два горных озера, глазами.

– Все в порядке, малыш, – прошептал Боб. – Это свои.

Когда он произносил последнее слово, в его голосе непроизвольно прозвучала саркастическая нотка. До этого дня его часто интересовал вопрос, когда же они все-таки дадут о себе знать. День был сырой и промозглый – погоду испортили горные ветры; над землей низко проносились свинцовые облака, мелкие градинки сыпались с неба, как пули. Летя не прямо, а под углом, они больно секли кожу и, падая на землю, собирались в небольшие кучки, которые гонял с места на место свистящий в кронах деревьев ветер.

Было холодно. Боб зябко передернул плечами и пошел вперед.

Полковник сидел в машине и читал газету. Пайн стоял, прислонившись к крылу автомобиля.

– Привет, Пайн.

– Здорово, Боб. Отличная собака.

– Собаки не бывают отличными, Пайн. Они либо хорошие, либо плохие, то есть либо злые, либо безразличные. Майк – злой.

Пайн взглянул на Суэггера и ничего не сказал, но на его угрюмом, мрачном лице промелькнула недобрая улыбка. Боб чувствовал его враждебность, но ему было на это наплевать: Пайн его не беспокоил.

– Как ротик? – спросил Боб.

– Отец, бывало, бил меня и сильнее. Причем всегда без предупреждения. – Пайн улыбнулся, обнажив в улыбке новые вставные зубы.

– Ладно, – сказал полковник, выходя из машины. Пайн сразу же отступил назад. – Залезай внутрь и жди меня там.

– Да, сэр, – Пайн послушно забрался в машину.

– Привет, Суэггер, как дела? – обратился полковник к Бобу.

– Отлично, – ответил тот.

– Хорошая собака, – заметил полковник.

– Да, неплохая.

– Что-то типа гончей?

– Помесь гончей с кем-то еще.

– Все равно хорошая... Нам надо поговорить.

– Входите.

Боб открыл ворота, и Майк, как послушный пес, сразу же нырнул в будку. Боб пропустил полковника вперед. Они сели за стол, и полковник положил перед Бобом его аккуратно отпечатанный доклад.

– Хочу вам сказать, что вы прекрасно выполнили свою работу. – Боб кивнул головой. – Вам, наверное, будет интересно узнать, что независимо друг от друга мы пришли к одним и тем же выводам. Вдобавок мы получили кое-какую дополнительную информацию о Соларатове. Думаю, нас скоро заинтересуют достопримечательности города Хуарте. Почему уделяется такое большое внимание именно этому городу? Дело в том, что он находится в такой же заболоченной местности, так же расположен относительно моря и имеет такие же показатели плотности и влажности воздуха, как и Новый Орлеан. Поэтому подготовка к выстрелу может производиться там, и, по всей вероятности, именно так и будет, как вы понимаете.

– Да, я понимаю.

– Мы согласны с вами, что, скорее всего, выстрел будет сделан в Новом Орлеане.

Боб только кивнул головой. Потом спросил:

– Вы позволите мне в этот день взять с собой винтовку?

Полковник посмотрел ему прямо в глаза. Боб уважал людей, которые не тянут кота за хвост и без всяких сюсюканий, оправданий и сожалений говорят правду в лицо, даже если она очень неприятная.

– Нет. Не позволим. Об этом забудьте.

Боб ничего не ответил.

– Так решили наверху. Его надо взять живым, при этом необходимо проявить максимум осторожности, чтобы ни в коем случае не испортить дело поспешными или необдуманными действиями. Соларатов представляет собой слишком ценный источник информации – а это уже большая политика. Дело же нашей чести – достойно выполнить поставленную перед нами задачу.

Боб снова кивнул.

– Я знаю, что вам хочется его укокошить. Нам всем этого хочется. Но мы должны быть профессионалами. Здесь речь идет не о правосудии и справедливости, а о том, чтобы выполнять то, что надо.

– Этого парня будет не так-то легко схватить.

– Об этом уж пусть беспокоятся ФБР и Секретная Служба. В этих делах они профессионалы.

– Ладно, я вне игры. Это все, что вы хотели мне сказать?

– Вы свою работу сделали. И мы вам очень благодарны.

Боб что-то невнятно промычал в ответ. Все произошло почти так же, как тогда во Вьетнаме, когда он стал им не нужен, мол, спасибо, и пошел ты...

– Чек будет выписан.

– Деньги не главное. Главное – честь.

– Может быть, вам покажется этого мало, но мы не хотели вас обижать. Здесь месячное жалованье командер-сержанта.

– Спасибо. Очень признателен.

– Суэггер, когда я выйду отсюда, все должно остаться по-прежнему. Никто не должен знать о нашей совместной работе. Надеюсь, вы понимаете?

– Да, сэр.

– Говоря вам так много, я рискую... очень рискую. Вы знаете: такие вещи не должен знать ни один простой смертный. Мы вынуждены доверять вам.

– Понимаю.

– Суэггер, если вы появитесь в этом месте с винтовкой, если вы сделаете какую-нибудь глупость, пытаясь уничтожить Соларатова, то вы испортите все. Вы можете погубить себя, провалить всю нашу операцию и дать возможность улизнуть этому ублюдку.

– Да, сэр.

– Это значит, что надо сидеть тихо и не дергаться. Вы понимаете меня? Вы же можете быть профессионалом?

– Я всегда был профессионалом, сэр.

В их беседе возникла напряженная пауза. Полковник, явно чем-то озабоченный, смотрел вдаль. Боб не сводил с него глаз, почти физически чувствуя движение времени. Ему надо было выпить. Впервые за долгие годы ему ужасно захотелось откупорить бутылочку виски и с каждым сделанным глотком уноситься вдаль, чувствуя медленное покачивание окружающей жизни и не задумываясь о том, где он окажется следующим утром, на следующей неделе – в чьей-то постели или, может, в тюрьме... Дьявол!

– Но я не...

– Что?

– Какие секреты могут быть у этого человека? Он ведь просто стрелок, и все. Ему дали задание убить президента. Если бы я был там, то смог бы выбить его пулей 308-го калибра с пустым наконечником. И это как раз то, чего он заслуживает.

Полковник поднял на него глаза:

– Я скажу вам, почему он нужен нам живым, почему для нас взять его живым является самой главной задачей. Может оказаться, что вы с Донни были не единственными американцами, которых он убил. К тому же...

– Он раньше бывал во Вьетнаме?

– Да, он был до этого несколько раз во Вьетнаме. Восемнадцатого ноября 1963 года мы его четко засекли в Мехико, Суэггер. Это даже заснято на пленке. Наши люди выследили его, но в аэропорту потеряли. В этот день из Мехико было три рейса. В Даллас, штат Техас. – Полковник многозначительно посмотрел Бобу в глаза. – Мы работаем над этим очень, очень долго, Суэггер. Нам нужен этот человек, чертовски нужен. Он старый, матерый волк, и нужен нам, потому что тогда мы сможем найти ответы на некоторые очень интересные вопросы.

– Я понимаю, – согласился Боб. – Выхожу из игры и приношу свои извинения.

– Ладно, – сказал полковник, – официально меня зовут Раймонд Дэвис. Я старший офицер Отдела планирования Центрального Разведывательного Управления, в чем, полагаю, вы не сомневались.

Кодовое название этой операции “Красный дракон”. В ней задействовано более трехсот человек. Вы понимаете, что все, что я вам сказал, в высшей степени секретно?

– Да, сэр.

– Нам нужны выдержанные корректировщики и стрелки, которые без лишней суеты спокойно смогут сделать все так, что Соларатов окажется в наших руках. Нам нужен очень хороший наблюдатель. Я думаю, никто не сможет в этом сравниться с вами.

– Полагаю, вы правы.

– Но никакой винтовки. Нам нужны только ваши глаза и ваш мозг. Вы будете в нашей команде. Никаких самовольных выходов. Вы работаете вместе с нами, чтобы поймать этого человека. Так вы оплатите ему за Донни и за всех остальных. Таким способом вы сможете наказать его гораздо сильнее, чем просто послав в него пулю. Ну что, договорились?

– Да, – ответил Боб.

Это была еще одна ужасная бессонная ночь. Утром он долго лежал в постели, в скомканных и мокрых от пота простынях, чувствуя дикую боль в бедре и слабость во всем теле. Перед глазами стояла одна и та же, на всю жизнь запомнившаяся картина: падающий Донни и меркнувший свет в его глазах.

Чтоб ты сдох, думал он, представляя себе человека, который охотился на него так же, как сам он охотился на других.

Боб чувствовал, как желание отомстить овладевает его разумом, всеми его чувствами, и понимал, что это может довести его до безрассудства, поэтому он хотел найти хоть какой-нибудь способ защитить себя – не от них, кем бы они ни были, а от себя, от этой растущей в груди жажды мщения и от неуклонного желания отдаться во власть этому чувству.

Неожиданно ему в голову пришла оригинальная идея. Все было так просто: требовалось всего несколько минут сварки, кое-какие приспособления, и... он будет защищен по крайней мере от своих новых хозяев, если они вдруг вздумают играть против него самого.

Закончив работу. Боб рассмеялся. Такая маленькая штучка, ерунда... Он разобрал ремингтон 308-го калибра, протер его “Стелсом”, чтобы удалить влагу, и аккуратно положил в чехол для

винтовок. Хотелось бы посмотреть, как будет выглядеть тот, кто потянет за спусковой крючок.

После этого он спокойно и беззаботно уснул.

Глава 13

Ниже Группы охраны президента и Группы подготовки места, на самых дальних подступах гигантской пирамиды системы национальной безопасности, располагалась такая расплывчатая организация, как “Сотрудничающие управления”, состоящая из дополнительных групп. Эта расплывчатость была тем хороша, что позволяла спокойно сидеть в автомобиле с чашечкой холодного кофе, с небольшим красненьким микрофоном на лацкане пиджака и думать только о проблемах подчинения по службе и смотреть в окно, что в принципе и делал Ник Мемфис в 9.30 утра в день прибытия президента в Новый Орлеан для произнесения речи. Он был одним из тех семи тысяч полицейских, агентов ФБР и военнослужащих, которые вынуждены были отказаться от своих выходных в связи с тем, что президент, озабоченный снижением своей популярности в странах Латинской Америки, которая была так высока в этом регионе сразу после войны в Персидском заливе, решил вручить орден Свободы сальвадорскому архиепископу Джорджу Роберто Лопезу. Ник пребывал в одиночестве, что, кстати, ему не очень нравилось. За то, что он в течение предыдущих трех недель так мужественно и упорно вкалывал на Секретную Службу, а также за то, что преданно и послушно, как собака, с неизменной улыбкой на лице выполнял самые невероятные просьбы и прихоти Хауди Дьюти, – за все это Ник, конечно, был вправе рассчитывать на нечто большее, чем получил в действительности. Хотя Ник понимал, что в моменты максимального напряжения все направлено на то, чтобы избежать столкновений и ссор, но в то же время ему было обидно обнаружить, что Разведслужба не желала, чтобы ФБР даже приближалось к зоне ее действий, предпочитая, чтобы их деятельность вообще никак не пересекалась. Именно поэтому его и сослали на самый удаленный пост этой империи системы безопасности. Хуже того, его друг и напарник Мики Сонтаг заболел, и теперь Ник был вынужден весь день провести в одиночестве.

Он находился в добрых четырех кварталах от того места, где пролегал маршрут эскорта президента, и от самого места выступления.

Его автомобиль был припаркован в двух кварталах от сияющего Бурбона^[1], на улице Святой Анны во Французском квартале, вдалеке от толп любопытных туристов. Его окружали старинные кирпичные здания, привлекательные своей необычной архитектурой, разрисованные пастелью, с закрывающимися ставнями на окнах. Далеко впереди виднелась нелепого вида арка из ковки мягкой стали, которая символизировала собой вход в парк Луи Армстронга. Кстати, одной из причин, по которой Белый дом выбрал именно это место для выступления президента, было как раз то, что вход в парк был ограничен его воротами. После войны в Персидском заливе все еще беспокоились о возможных террористических актах. Яркое светило солнце, и вокруг то и дело проходили люди, надеющиеся найти здесь более удобное место для того, чтобы посмотреть на эскорт президента и его выступление. Ник тупо слушал рацию, настроенную на 21-й канал, канал их группы, когда Фил Мюллер обратился ко всем находящимся на связи постам со своего центрального поста Разведслужбы, расположенного прямо над местом выступления президента – на крыше Муниципальной аудитории.

– Докладывает Аэропорт, Флэшлайт приземлился, самолет направляется к ангару.

– Вас понял, Аэропорт. Это Бэйс-Шесть.

Ник сразу же узнал командный голос Мюллера. Он знал, что Хауди Дьюти обязательно стоит рядом с ним, причем больше для саморекламы и прессы – чтобы поддержать марку ФБР, а не из каких-то интересов обеспечения безопасности. Ник попытался разобраться в своих чувствах к Ютею. Нет, к этому человеку у него не было ни капли ненависти, даже несмотря на то, что произошло в Талсе много лет назад.

– Все группы уже на местах. С минуты на минуту ожидаем его выхода.

– Спасибо, Аэропорт. Подтвердите, пожалуйста, когда Флэшлайт выйдет из самолета и эскорт выедет из аэропорта.

– Вас понял, Бэйс-Шесть.

– Всем! Всем! Приближается момент начала операции. Я хочу произвести последнюю проверку готовности постов, чтобы убедиться, что все на месте. Итак, докладываем. Все по порядку.

Одно за другим подразделения выходили на связь и докладывали хриплыми, скучными голосами по строго установленному образцу. Рация трещала без умолку, докладывали все, потому что Мюллер был в этом отношении педант. Доложили все три вертолетных экипажа, более пятидесяти человек с постов на крышах и где-то семьдесят пять полицейских постов из различных структур и служб, рассредоточенных вдоль всего маршрута движения эскорта президента, посты наблюдения с мощными средствами теле- и радиоконтроля, которые располагались в непосредственной близости от места выступления президента, и, естественно, “цепные псы”, как их все между собой называют, из Группы безопасности президента, заранее занявшие свои места. Когда настала очередь Ника, он прокашлялся и включил прием:

– Бэйс-Шесть, это Бюро-Четыре. Нахожусь на Святой Анне. Э-э... движение нормальное, проблем нет. На крышах и в окнах движения не наблюдаю.

– Вас понял, Бюро-Четыре. Не спускай глаз, Ник, будь внимателен, – сказал Мюллер.

Нику было приятно, что его выделили персонально, это было уже неплохо.

– Четвертый доклад закончил, – сказал Ник и отключился. После этого он стал следить за тем, что происходит вокруг, но вокруг практически ничего не происходило. Он чувствовал себя немного неудобно, потому что “Смит 1076”, выдаваемый служащим ФБР, неудобно давил ему в бок чуть выше правой ягодицы. Он был совсем не такой, как револьвер, и Ник к нему не привык. Многие агенты, разъезжая по городу, втайне хранили свои пистолеты в отделении для перчаток, но Ник считал, что всегда надо играть по правилам, и поэтому терпел и позволял “Смиту 1076” причинять ему неудобство.

Сидя в машине, расслабившись и отключившись от внешней системы связи, Ник постарался собраться с мыслями и обдумать дело Эдуарде Ланцмана – ему хотелось приступить к его детальному расследованию сразу же после отъезда Флэшлайта. Поступившие из Сальвадора сведения принесли только разочарование: национальная полиция Сальвадора ничего сообщить о нем не могла, в ее списках Ланцман не значился. Ник попросил, правда, кое-кого в Отделе исследований ФБР разузнать для него, что представляет из себя

подразделение, называющееся Рэм-Дайн, о котором он случайно узнал от Тилла, и думал, что... Но тут вдруг резко прозвучал вызов по рации:

– Бэйс-Четыре. Флэшлайт выгрузился и эскорт вот-вот тронется.

– Хорошо, вас понял, смотрите в оба, – ответил Бэйс-Шесть. – Операция началась.

– Бэйс-Четыре. Флэшлайт выгрузился, и эскорт вот-вот тронется, – услышал Боб по рации. – А потом: – Хорошо, вас понял, смотрите в оба. Операция началась.

– Боб, ты слышал? Смотри в оба, представление началось.

Это уже был голос Пайна, сидящего у него за спиной.

– О'кей, – ответил Боб, – я тебя понял. Слежу за объектом.

Он пожалел, что в этот момент у него не было с собой винтовки, и подумал, что, вероятно, выглядит как настоящий болван.

От него до места выступления президента было добрых тысяча четыреста ярдов. Сам он находился на четвертом этаже старого дома на улице Святой Анны. Боб смотрел не на парк, а в направлении Французского квартала. Сидя на столе, он внимательно смотрел в оптический прибор “Унертл” 36-кратного увеличения, направленный в сторону колокольни кафедрального собора, расположенного на удалении тысячи ярдов от этого места. Вместе с ним были одетый по форме представитель новоорлеанской полиции Тиммонс и Пайн, который сидел на рации.

Постоянно из рации слышались доклады групп по обеспечению безопасности:

– Бэйс-Шесть, на связи Альфа-Один, движемся по десятой магистрали, скорость – около сорока пяти километров в час, РВП – приблизительно 11.30. Прием.

– Вас понял, – ответил Бэйс-Шесть. – Группы десять и двенадцать, сразу же информируйте о продвижении президента через ваши районы.

– Проинформируем, Бэйс-Шесть, пока у нас все нормально.

Боб подумал, что все это похоже на проведение аэромобильной операции во Вьетнаме, когда подгонка и приведение в соответствие всех элементов проводятся заранее, когда все эти элементы работают в синхронном режиме и без сбоя, тоже под единым руководством и сообщаясь между собой по рации. И сейчас, когда Флэшлайт проезжал

через зоны ответственности различных групп, по рации поступали такие же доклады.

– Бэйс-Шесть, докладывает Красный Дракон-Два. В нашей зоне ответственности пока все спокойно, – услышал Боб голос Пайна.

– Вас понял, Красный Дракон-Два. Ваш доклад принят. Наши группы подготовки находятся на запасных позициях в состоянии постоянной готовности.

– Как там дела? – спросил Тиммонс. Это был высокий, крупный, суровый мужчина с большим, выпирающим под формой животом. Казалось, он начал немного нервничать.

Боб по-прежнему смотрел в бинокль. Несмотря на то, что собор был очень далеко, он все же мог разглядеть ветхие сводчатые проемы под куполом колокольни, которые были плотно закрыты пыльными и грязными ставнями. Казалось, что к ним уже целую вечность не прикасалась рука человека.

– Среднее окно, – спокойно подсказал Пайн.

– Я сам знаю, какое окно, – ответил Боб. Какого черта они так много трещат по рации? – Никакого движения не видно.

– Может быть, он еще не пришел? – влез в разговор Тиммонс.

– Не-е-т, он здесь. Времени слишком мало. Он здесь.

“Если он и есть где-нибудь, – подумал Боб, – то только здесь. Он затаился как мышь и, хотя мы его и не видим, уже наверняка готовится к выстрелу. У него, наверное, все уже отработано сотни, и даже тысячи раз. Если бы я оказался на его месте, то делал бы все точно так же. Он, возможно, немного нервничает. Ему надо остаться одному и успокоиться, если же в комнате вместе с ним находятся еще какие-то люди, то они должны сидеть максимально тихо и дать ему возможность сосредоточиться”.

По словам полковника Дэвиса, специально подготовленная команда ФБР по установке дистанционных подслушивающих устройств провела тщательно спланированную операцию, в результате которой в колокольню были вмонтированы светочувствительные датчики, передававшие информацию о том, что ежедневно, с четырех до пяти часов утра, в комнату входила группа из пяти человек и проводила там необходимые приготовления. Боб предполагал, что они покрывают стены звуконепроницаемым материалом и оборудуют стрелковую площадку. Непосредственно перед самым выстрелом одна или две

створки в проеме откроются, и прозвучит выстрел. Он точно прицелится и даст команду, а те, кто будет у него на подхвате, быстро откроют и закроют проем. Щель, в которую можно было бы выстрелить и попасть в него, будет открыта не более десяти секунд.

– Красный Дракон-Шесть, мы начинаем маневр с целью подготовки захвата.

– Проводите его с максимальной осторожностью, слышите, группа захвата? – Боб узнал голос полковника Дэвиса, который руководил этой операцией и нес всю ответственность за благополучное прибытие президента на место и его безопасность.

– Проклятая группа Альфа, – сказал Пайв, – они собираются схватить этого скота.

Боб посмотрел на часы: всего лишь 11.15 утра, еще целый час до того времени, когда прозвучит выстрел.

– Слушай, надеюсь, твоя фэбээровская команда не подведет и сделает все как надо. У этого парня отличная интуиция... к тому же характер достаточно стержневой. Он может сам вести корректировку, чтобы быть уверенным в том, что его не собьют.

– Конечно, эти люди – профессионалы высокого класса, – ответил Пайн. – Они тренировались специально для этого случая. И очень долго. Но сегодня им придется вернуть кое-кому старые долги, потому что как ни крути, а пришло время расплачиваться за свои прошлые грехи.

Что-то мелодраматическое и наигранное в голосе Пайна неприятно поразило Боба.

– Красный Дракон-Два, у вас самый лучший угол наблюдения за объектом, что вы можете сообщить?

– Он обращается к тебе, Суэггер.

– Пока ничего. Но если они уже здесь, то пришли сюда наверняка поздно ночью. Поэтому-то там так тихо. Передай им это. Мы так и предполагали, что не будет никаких признаков движения.

– Красный Дракон-Шесть, на связи Дракон-Два. Наблюдатель докладывает, что никаких признаков активности объекта не замечено.

– Он уверен?

– Черт, – вспыхнул Боб. – Скажи ему, что они уже точно там и что я дам знать, когда замечу малейшее движение. Пусть он лучше

побеспокоится о том, чтобы его люди оказались там как можно быстрее.

Сейчас уже не было времени сомневаться в правильности сценария. Все они верили в него, потому что вчера всю вторую половину дня спокойно и рассудительно обсуждали все его тонкости.

– Да, уверенность стопроцентная, Дракон-Шесть, – доложил Пайн.

Такая вот минутная, непонятно откуда взявшаяся слабость и на мгновение промелькнувшая тень сомнения всегда действуют как удар хлыста, именно они приводят к гибели людей на поле боя, к срыву операций, к краху. Именно сомнение лишает людей уверенности в себе, превращает их в мечущихся глупцов. Боб так часто видел это в своей жизни! И это было то, чего ни в коем случае не мог себе позволить снайпер.

– Возможно, нам придется начать выдвижение заблаговременно, – сказал Красный Дракон-Шесть.

– Если вы это сделаете, то получите дулю с маслом, – возразил Боб. – Он уже здесь. Черт побери, я чувствую его. Он уже здесь вместе со своей винтовкой и готовится к выстрелу.

Как он жалел, что у него сейчас тоже не было винтовки!

– О'кей, группа Альфа, говорит Бэйс-Шесть, РВП Флэшлайта – пять минут.

– Бэйс-Шесть вызывает Альфу. Флэйлайт уже находится в вашей зоне.

– Бэйс-Шесть, мы следим за Флэшлайтом, все в порядке.

– Группа на крышах, на связи Бэйс-Шесть. Доложите об обстановке. Наблюдаете какое-нибудь движение?

– Ничего не замечено, Шестой. Все чисто. Никого, кроме наших людей.

– Группа на крышах, постоянно информируйте меня. Сейчас мы максимально уязвимы.

– Вас понял, Шестой.

– Всем группам! Условия максимальной опасности! Всем находиться в состоянии полной боевой готовности!

Находиться в полной боевой готовности! Ха, вот она, твоя жизнь, Ник Мемфис. Он одиноко сидел в своей машине, припаркованной настолько далеко от происходящих событий, что казалось, будто он

живет в другом мире или остался один на Земле после окончания страшной атомной войны, как это показывают в научно-фантастических фильмах. Где-то там толпились туристы и зеваки, чтобы поглазеть на президента, а он был здесь, на обочине жизни.

И тут он увидел их. Вдалеке появился кортеж, он свернул вниз по Северному Валу, и в тот же момент открылись ворота парка, пропуская трехмиллионный “линкольн” Флэшлайта, сделанный из специальной пуленепробиваемой стали, шестнадцать полицейских на мотоциклах, микроавтобус с группой быстрого реагирования из Группы безопасности президента и два автомобиля с репортерами и прессой. Все они исчезли за воротами парка.

“Все-таки я нахожусь не так уж и далеко”, – подумал Ник. Хотя бы из уважения к обычаям и традициям службы он пытался сосредоточиться и быть внимательным, и большой “смит” в круглой кобуре под плащом в какой-то степени ему в этом помогал. Он постоянно напоминал о себе, и Нику это даже нравилось.

Тем не менее, в глубине души Мемфис все-таки испытывал некоторое чувство вины. Ему достался легкий объект. Он хорошо знал, что представляют из себя те сорок минут “условий максимальной опасности”, когда президент остается практически незащищенным. Это самое ужасное и самое напряженное время, особенно для агентов Секретной Службы, которые руководят всем этим спектаклем.

– Альфа-Четыре вызывает Альфу-Респонс. У меня тут подозрительный в четвертом ряду слева. К нему надо побыстрее выслать группу. Как можно быстрее.

Это был взвод по работе с толпой.

– Альфа-Четыре, это человек испанского типа, правильно? В черном плаще? – раздался голос Мюллера, сидящего на крыше Муниципальной аудитории как раз над подиумом, расположенным напротив бассейна.

– Вижу этого подозрительного. Взгляд хитрый, бегающий, руки постоянно в карманах. Я тоже не уверен, что он пришел сюда просто так.

– О’кей, Альфа, мы мчимся.

Взвод по работе с толпой мгновенно нейтрализовал того человека, которого они классифицировали как “подозрительного”, а значит, представляющего вероятную угрозу. Ник позавидовал тем, кто сейчас

выполнял эту акцию, даже несмотря на то, что она, как и 999 подобных акций из тысячи, была абсолютно необоснованной и бесполезной.

– О'кей, Альфа-Четыре, этот чокнутый просто поднял свою дочку на плечи, чтобы получше видеть президента. Тут с ним еще трое его детей.

– Отбой, Альфа-Четыре, хорошо сработано.

Ник слышал, как по улице легким эхом пронесся веселый гул и смех – президент сказал какую-то шутку. Он взглянул на часы. Они чуть-чуть отставали. Планировалось, что президент начнет свое выступление в 11.45, но сейчас уже почти полдень, а президент все еще был в пути. Ник снова посмотрел на место для выступления и поразился, как все правильно и точно было рассчитано. Группа безопасности президента за несколько дней до его прибытия даже несколько раз отрепетировала сценарий выступления, разобрав все варианты передвижения, перемещения машин, людей и технических средств с тем, чтобы, если случится что-нибудь непредвиденное, можно было бы мгновенно исправить ситуацию.

По плану Ник помнил, где будет стоять Флэшлайт, а где архиепископ, окруженный своими собственными телохранителями. Все остальные стояли чуть выше, там же, где и “тела” Секретной Службы, два помощника президента и мистер Футбол, как они называли полковника штаба ВВС США, который всегда следовал в десяти шагах от президента с пристегнутым к руке пресловутым “атомным дипломатом”, в котором находились коды на случай начала ядерной войны. Ник вполне ясно мог представить себе этих двух счастливых людей, окруженных вниманием и любовью толпы, людей, которые правят этим миром и которые в старости вряд ли вспомнят именно этот день.

– Чоппер-Четыре, это Бэйс-Шесть. Не могли бы вы сделать круг вправо в радиусе где-то полмили? Новоорлеанская полиция докладывает, что там на крышах замечено какое-то движение. По координатной сетке это квадрат Л-13-Т. Полицейский из этого квадрата докладывает, что он вроде бы что-то там видел. Моя контрснайперская группа сообщает, что пока ничего не замечено, но все-таки взгляни, что там и как, хорошо?

– Вас понял, нет проблем, Альфа-Шесть, – донесся хриплый голос, и Ник тотчас услышал над головой шум вращающихся вертолетных

лопастей.

– Бэйс, у меня все чисто. У твоего полицейского, наверное, глюки начались.

– Хорошо, Чоппер. Спасибо.

– Альфа-Шесть, я улетаю.

Треск лопастей переместился куда-то в сторону, и все затихло.

Ник снова остался один, и ему на минуту показалось, что место, где он сейчас находится, – вовсе не Земля, потому что в этот момент своим безлюдьем и тишиной оно скорее напоминало чужую и совсем необитаемую планету.

– Время? – спросил Боб, но ответ потонул в шуме работающих лопастей прилетевшего вертолета. Когда “птичка” улетела, он снова повторил вопрос.

– Одиннадцать пятьдесят шесть, – прозвучал ответ Пайна.

У Боба участилось дыхание, он сделал глубокий вдох и сразу же понял, что совершил глупый поступок, потому что это нарушило его визуальное восприятие. Он моргнул и потерял изображение. Наведя бинокль на объект, Боб обнаружил, что половина визирного окна представляет из себя черное пятно, образовавшееся в результате сбившейся наводки. Сердце забилося еще чаще.

“Черт бы тебя побрал! – сказал он сам себе. – Возьми себя в руки”.

Злополучная арка колокольни снова оказалась в поле зрения. Он мог разглядеть мельчайшие детали ее конструкции на фоне мрачного уныния собора. Он всматривался в нее, как бы пытаясь проникнуть внутрь, чтобы увидеть то, что по всем расчетам и должно было там быть, – застывшего в ожидании на расстоянии тысячи четырехсот ярдов от цели первоклассного снайпера Т. Соларатова.

Ну где же ты там, зараза? Где ты прячешься, сволочь? И тут он его увидел. Он увидел снайпера.

Это было какое-то едва уловимое изменение в положении створок, почти невидимая игра света и тени, по которой он определил, что это началось. Его мозг усиленно сравнивал то, что он видел сейчас, с тем, что видел мгновение назад. Наконец, Боб понял, что где-то в пятнадцати футах позади створок находится снайпер, он практически видел, как тот устраивается на стрелковой площадке и готовится к выстрелу. В течение следующих нескольких секунд все стало на свои

места, и он четко представил себе всю картину. Он чувствовал важную, церемонную медлительность других людей в той комнате под куполом, которые делали свою работу, практически не передвигаясь; он видел корректировщика с биноклем, который сидел рядом со снайпером, и еще двух человек, которые стояли спиной к окну. Затем он заметил, как бесшумно, будто в немо кино, отворились створки ставен. Ширина образовавшейся щели составляла всего три дюйма. Он увидел, как там что-то зашевелилось. Боб очень тихо произнес:

– Пайн, он здесь. Я его вижу. У него около минуты до выстрела. Посылай людей, черт тебя побери, посылай их туда! Он здесь, здесь!

– Красный Дракон, мы засекли его, вперед, вперед, вперед... – передал по рации Пайн.

– Ты его увидел, – закричал Тиммонс. – Ты его увидел!

– Да быстрее же посылай туда людей, быстрее! – процедил сквозь зубы Боб. – Он уже устанавливает винтовку.

Господи, ну почему у него нет винтовки! Это был его выстрел. Это был выстрел, который заставлял его жить все эти годы, он надеялся благодаря этому выстрелу расквитаться с этим ублюдком за Донни Фенна, за свое искалеченное бедро, за то, что эта сволочь убила в нем тогда что-то очень важное, что заставляло его радоваться жизни. Он хотел выстрелить в него из ремингтона прямо сейчас, он знал, что попадет. Указательный палец на правой руке начал конвульсивно сжиматься, и Боб представил себе отдачу винтовки после выстрела. Он бы медленно выбрал курок и послал свой гостинец 308-го калибра прямо в этого ублюдка, чтобы тот побыстрее отправился в ад, разбрызгав спинной мозг и кровь сердца по всему Новому Орлеану...

– Черт, ну где же они? Давай их туда побыстрее. Он собирается...

– Всем подразделениям! Выдвижение к цели! Красный Дракон, вперед, вперед, вперед, – не уставая передавал по рации Пайн.

Где же они, где? Там сверху должен быть вертолет, из него должны уже были высадиться одетые в черное группы СВИТ ФБР, да вообще, черт побери, уже все группы захвата, находящиеся вокруг собора, должны были оказаться там и молниеносно обезвредить...

– Где они? – Боб увидел вспышку огня из ствола винтовки Соларатова.

– Боб!

Он обернулся, и Пайн выстрелил ему в грудь прямо с шести футов.

Ник зевнул и...

Он четко услышал звук выстрела.

У него по спине пробежал холодок. Казалось, что разорвалась целая Вселенная, его сердце превратилось в камень...

И тут взорвалась криком рация:

– О Господи, президент упал!

У Ника перехватило дыхание. Выстрел прозвучал где-то поблизости.

– Мы на подиуме. Находимся в зоне огня. Президент ранен и лежит. О Господи!

– Альфа-Действие, Альфа-Действие, всем подразделениям, Альфа-Действие!

“Действие” было специальным кодовым словом. Оно означало, что кто-то стреляет или уже выстрелил в президента.

– Врачей, срочно пошлите за врачами и уберите к черту оттуда всех людей!

– Медэвак, это Альфа-Четыре. Нам срочно нужна ваша помощь. Президент ранен. Лежит на подиуме. О Господи! Быстрее! Немедленно схватить стрелявшего, он может выстрелить еще раз! О Господи!

– Альфа-Четыре, ответьте. Группа Медэвак выслана. Вы все еще находитесь под огнем?

– Альфа-Шесть, стрельбы нет. Думаю, было два или три выстрела. Я не... о Господи, здесь повсюду столько крови!

– На связи Бэйс-Шесть. Всем подразделениям разрешено открывать огонь по любой подозрительной цели. Это касается вас, контрснайперская группа.

– Где эта группа полудурков Медэвака? У нас тут море крови, и есть пострадавшие!

Ник с ужасом слушал эти переговоры.

– Можете вы определить место, откуда был произведен выстрел?

– Это был очень длинный выстрел, Фил. Стрелял снайпер. Я думаю, он стрелял откуда-то из района Северного Вала, из тех старомодных развалюх. Может, из того высокого...

– Группы СВИТ, приступайте к поиску.

– У вас ничего не получается. Это Бэйс. Черт побери, вам придется посадить вертолет и вывезти им президента.

“А как же я? – подумал Ник. – Я, наверное, должен идти. Я должен что-то делать”. Он вышел из машины, проклиная себя за те пять секунд, которые уже потерял. Как-то сам по себе “смит” оказался у него в руке. Большой палец соскользнул вниз и опустил предохранитель. Ник пошел в том направлении, откуда прозвучал выстрел. Это был большой дом на улице Святой Анны, дом 415.

Пайн затащил его в другую комнату. Боб чувствовал, как по груди течет теплая кровь. Слишком много крови. Казалось, что наступил его последний час.

Руки и ноги обмякли, голова сильно кружилась... Почти теряя сознание, Боб вдруг заметил в лучах солнца стрелковую площадку, собранную из кирпичных блоков и растрескавшихся деревянных брусков. Наибольшую же важность представляло то, что лежало сверху. Отливая темным светом стали, на мешках с песком лежала длинноствольная винтовка, “Ремингтон 700” с 10-кратным прицелом “Леопольд Ультра”.

Полицейские Нового Орлеана наперебой что-то трещали по рации. Тиммонс кричал:

– Бэйс-Шесть, на связи Виктор-Семьдесят Два. Выстрел был совершен каким-то белым из дома пять-один-четыре по улице Святой Анны. Вышлите поддержку. Повторяю: подозреваемый в совершении выстрела находится на последнем этаже дома пять-один-четыре по улице Святой Анны. Вышлите, пожалуйста, поддержку...

Боб смотрел на винтовку. Это была его винтовка.

– Я ранил того, кто отсюда стрелял, – продолжал Тиммонс. – Быстрее вышлите людей. Здесь нужна “скорая помощь” и врачи.

– О’кей, добей его, – сказал полковник, выходя из тени. Боб медленно сполз на пол. – И давай побыстрее убираться отсюда.

Боб приподнялся и сел, чувствуя то же самое, что и тогда, на земляном валу, когда прилетевшая издалека пуля превратила его бедро в тысячи мелких осколков. Он чувствовал шок, ненависть, боль, но больше всего в этот момент он ненавидел себя за свою собственную глупость. Его тело наливалось невыносимой тяжестью. Дыхание становилось прерывистым и хриплым, как стук колес сошедшего с рельсов поезда, который катился теперь по насыпи. Все системы организма постепенно прекращали функционировать, и волны шока,

нахлынувшие на него после выстрела, стали стихать. Ему казалось, что в легкие поступает кровь. Боли не было, было только какое-то щемящее чувство утраты, безразличной слабости и постепенного угасания жизни.

Потом в нем вдруг что-то щелкнуло: Нет, ты не позволишь этому случиться... В тебя уже не раз стреляли раньше... Ты можешь пройти через это и победить... Ты из морской пехоты.

Он набрал в легкие побольше воздуха и, собравшись с духом, встал. Он был удивлен той силе ненависти к подставившим его подонкам и силе чувства гордости и уважения к самому себе, которая заставила его держаться на ногах. Странно, но боли он совсем не чувствовал. Боб еще раз удивился, когда понял, что идет к дверям ровной и уверенной походкой.

– Черт, смотри, эта сволочь встала! – услышал он истошный крик полицейского, и еще одна пуля, взвизгнув, впилась ему в левое плечо, пробив мягкие ткани, но не задев кости. Это было похоже на сильный толчок, после чего все вокруг поплыло красными пятнами. Однако Боб был уже за дверью, в двух шагах от окна, поэтому он отчаянно бросился вперед, прямо на окно, и, чувствуя, как стекла разлетаются на мелкие кусочки, полетел вниз, неизвестно куда и неизвестно на что, в окружении ярко блестящих на солнце осколков.

Ник в недоумении и растерянности осмотрелся вокруг. Он стоял во внутреннем дворике какого-то большого кирпичного дома. По словам полицейского, вышедшего на связь, это был тот дом, в котором должен был находиться стрелявший в президента, которого, в свою очередь, он потом ранил. Однако он назвал номер 514, а это был дом номер 415. Над головой трещали вертолеты, доносилось завывание сирен. А он стоял в лучах солнечного света и думал, стоит ли вернуться обратно на улицу и уточнить адрес. Нет, видимо, он все-таки ошибся. Здесь был настоящий лабиринт домов, ветхих, грязных и обшарпанных, буквально вжавшихся друг в друга. Господи, да любой из них вполне мог быть местом, откуда прозвучал сигнал.

Он неподвижно стоял, размышляя, что же ему теперь предпринять, куда идти... и вообще, что он должен делать? Кто должен отдавать ему приказы? Ситуация была идиотская, плюс еще так сильно светило солнце, что он пожалел, что не взял с собой солнцезащитные очки.

И тут вдруг где-то вверху, над головой, он услышал очень странный звук, напоминающий звон тысяч кусочков льда, падающих на стальной лист. Он поднял глаза и посмотрел прямо на слепящее солнце. Какой-то сумасшедший выбросился из окна четвертого этажа и теперь падал вниз вместе с осколками разбитого стекла. Ник увидел, как падающее тело с ужасной скоростью приближалось к земле, но вдруг, не долетев до нее каких-то пятнадцать футов, столкнулось с навесом выступающего из стены окна, подняв при этом целое облако пыли, после чего как-то боком скатилось с этого навеса и снова полетело вниз. На этот раз несчастному каким-то чудом удалось совладать со своим телом, и с поразительной ловкостью он приземлился точно на ноги. Теперь он стоял на деревянных ступеньках лестницы, ведущей в дом. Через несколько секунд этот человек, слегка покачиваясь, тронулся с места.

Ник ошарашенно смотрел на него.

Тот выглядел как мертвец: вытянутое бледное лицо, безжизненные светлые волосы, глаза полузакрыты... На нем были голубые джинсы, голубая рабочая рубашка и ботинки. Все было залито кровью. Он попытался устоять на ногах, но не удержался и упал на спину. Затем поджал под себя ноги и, шатаясь, встал. Ник дослал 10-миллиметровый патрон в патронник и заорал:

– Не двигайся, не шевелись, ФБР! Не шевелись, черт побери!

Человек бессильно стал опускаться на колени, его раны сильно кровоточили, голова упала на грудь, и казалось, что он уже умер. Ник бросился вперед, отстегивая от пояса наручники. Подбежав к человеку, он схватил его сзади и защелкнул их на одной его руке; несмотря на то, что тот человек истекал кровью, дрожал и хрипел, Ник продолжал держать “Смит 1076” на изготовку.

– Меня подставили... – Он еще мог говорить! – Меня подставили, жестоко подставили, меня подставили, подставили... – В его голосе угадывались хриплые нотки выговора жителей южных штатов, так похожие на фальшивую игру на банджо. Подняв пристегнутую к наручнику руку задержанного, Ник засунул оружие обратно в кобуру и потянулся за другим запястьем этого человека, чтобы надеть ему наручники как полагается – на обе руки. Ник уже думал, что поймал его, как вдруг мир перед его глазами зашатался и человек под Ником провернулся с такой неожиданной силой, что Мемфис сначала

растерялся, а еще через секунду почувствовал, что теряет равновесие и опору. Ник упал прямо на спину, больно ударившись о пистолет. Кто знал, что этот человек окажется таким вертким, ну просто как гадюка?

Мир раскололся на две части. У Ника перехватило дыхание от удара легкими о землю. Он попытался исправить ситуацию, но все, что он мог видеть, был лежащий на нем человек, закрывающий собой весь горизонт. Было в нем что-то, напоминающее кавалериста с саблей, но вместо сабли была бровь, которая упиралась ему в скулу. В следующую секунду Ник сквозь шум и боль в голове почувствовал, как по нему шарит чья-то рука. Он попытался перехватить ее, но в этот момент ощутил, как пистолет выскользнул из его кобуры.

– Нет! – заорал он, хватая за руку истекающего кровью человека, но, к сожалению, было поздно.

Тот стоял над ним, целясь из пистолета ему прямо в голову. Голодный жадный ствол оружия уже был готов выплюнуть в него пулю и пламя, и после этого наступит конец.

Ник уже был мертв; он уже смирился со смертью, чувствовал, как она охватывает все его тело... Он поднял глаза на своего победителя и был поражен: на измученном лице раненого, похожего скорее на мертвого, чем на живого, были написаны лишь страдание и боль, и только выражение какой-то страшной решимости застыло в его серых глазах.

“Это сострадание”, – подумал Ник, но не мог в это поверить, потому что этого просто не могло быть. Но это действительно было обычное человеческое сострадание.

Затем человек повернулся и довольно быстро стал убежать, оставляя за собой следы крови.

Ник вскочил, чтобы догнать его, но в этот момент рядом с его ухом просвистела пуля, выпущенная откуда-то сверху; она взметнула облачко пыли возле ног убежавшего. Потом прозвучало еще два выстрела – оба мимо. Беглец в этот момент был уже за воротами и сажился в машину Ника. “О Господи”, – в ужасе подумал Мемфис. В спешке он совершенно забыл вытащить ключ зажигания.

Машина тронулась, набрала ход и исчезла из поля зрения.

– А, черт! Я промахнулся. Сволочь. Два раза выстрелил, черт.

Ник обернулся и увидел сбегавшего по ступенькам тучного неуклюжего новоорлеанского полицейского, который что-то кричал на

ходу и размахивал “береттой” в толстой руке.

– Я из ФБР! Сообщите об этом, – заорал Ник, заметив у него рацию.

– Бэйс-Шесть, где же ты, черт побери, это Виктор-Двадцать семь. Я дважды ранил его, но он, сволочь, все еще жив. Свалил тут одного человека и забрал его машину. Какой у машины номер, дурень?

А, черт! Ник не знал номера. Он взял автомобиль только сегодня утром из общего автопарка агентств по выполнению этой миссии.

– Это “форд”. Бежевый. Я думаю, “форд-торес”. Номер не известен. Надо уточнить в парке. Но в машине есть рация, и он все слышит. А вы кто такой?

– Тиммонс, Управление дорожного движения. Я заметил, что на четвертом этаже под крышей что-то движется. Вызвал вертолет, но они ничего не обнаружили. Войдя внутрь, я услышал выстрел и сразу же увидел этого человека. Он бросился на меня, и если бы я не выстрелил ему в грудь и не сбил с ног, то он бы убил меня. Но через две минуты он вскочил и побежал. Я выстрелил еще раз и попал ему в плечо; тогда он выбросился в окно. После того, как он грохнул тебя о землю, я выстрелил еще три раза, но промахнулся.

Ник встряхнул головой. Он пытался все это осмыслить, но единственное, что понимал хорошо, так это то, что оказался в весьма трудной ситуации. Да еще утеря оружия, которое к тому же попало в руки уже дважды раненного убийцы президента, – все это было чревато серьезными последствиями для его карьеры.

– Слушай, я, кажется, влип, – сказал он в порыве жалости к себе.

– Чепуха, не волнуйся, – попытался успокоить его полицейский. – Я уже не раз видел, как с такими расправляются. Они в него даже стрелять не будут, а просто через десять минут выпустят ему кишки. Считай, он уже мертв. Он и полумили не проедет, как из его машины сделают консервную банку, а из него самого мясной фарш.

– Нет, – сказал Ник, понимая, что и на этот раз судьба не будет к нему милостива. – Нет, с этим так не получится. – Он отвернулся. – Все не так-то просто. Это Боб Ли Суэггер. Из Блу-Ай, штат Арканзас. Служил в Корпусе морской пехоты США.

– Ты его знаешь? – спросил полицейский.

– Да, – ответил Ник, внезапно почувствовав невыносимую боль во всем теле, но это была даже не физическая боль. Ник чувствовал себя

уничтоженным; по всему было видно, что в ближайшем будущем его не ждет ничего хорошего. – Да, я знаю его.

Боб мчался в машине в полубессознательном состоянии, перескакивая из левого ряда в правый, не замечая, как мелькают вокруг дома и улицы, и думая только о вертолете. Он знал, что если тот сядет ему на хвост, то тогда все, можно не дергаться – он уже больше не жилец. От “птички” ему никогда не отвертеться.

Но вертолетов не было. В следующую минуту он понял почему. Включилась рация:

– Бэйс-Шесть, группа медэвакуации погрузила президента и всех раненых на вертолеты. Полностью очистите воздушное пространство, чтобы мы могли немедленно осуществить программу АСАП “Травма”.

– Вас понял. Всем вертолетам приземлиться, пока президент не будет доставлен в госпиталь. Что-нибудь еще, Альфа?

– Море крови – вот все, что я могу сказать, Бэйс-Шесть.

Затем стали поступать другие сообщения и весь эфир превратился в сплошную мешанину предположений, догадок, слухов и непонятных криков о помощи и поддержке. Пару раз Боб слышал сообщения о доме “пять-один-четыре на улице Святой Анны” и об убегающем убийце. Это сбивало его с толку, ведь он находился в доме 415, а дом 514 находился через квартал, на другой стороне улицы. Откуда они откопали этот номер? Что там происходит? И тут он понял. Конечно же, это все было просто спланировано заранее. Тиммонс специально дал неправильный адрес, как будто бы случайно ошибся от волнения. Все сразу бросились к дому 514, расположенному в квартале от того места, где Суэггер в действительности находился, а за это время полковник и Пайн успели улизнуть.

Боб мчался вперед по безлюдным улицам. Неожиданно его мысли снова стали возвращаться к Вьетнаму. Он пытался бороться с этим, но тщетно: его сознание раздваивалось, и он не знал что делать. В нем сейчас были как бы два человека: один безвольный, который хотел вернуться во Вьетнам, а другой сильный, запрещающий ему это делать. Во Вьетнаме его тоже ранили... Он на секунду отключился, потеряв ориентацию во времени, и умершее прошлое отчетливо встало у него перед глазами. Сейчас он был сплошным сгустком боли, но

чувствовал, что ее начало лежит далеко в его прошлом. Боль была адская. Бедро ныло, как в день ранения.

Все навалилось как-то сразу. Боль оглушала и парализовывала. Но с этой болью он мог еще как-то совладать. Хуже было другое – боль, которую несли с собой воспоминания прошлого. От нее вроде бы и не болело ничего и одновременно болело все сразу. Боб мотнул головой, пытаясь отогнать от себя мысли о Вьетнаме и сосредоточиться на Джеке Пайне и счастливом блеске его свинячьих глаз, когда тот нажал на спусковой крючок. Боб чувствовал, что впадает в состояние невесомости и тупости. Он ненавидел себя за ту беспомощность, которая овладела им в тот момент, когда его пытались убить. Болван, тупица, идиот! Им все так легко удалось именно потому, что он так хотел наказать этого проклятого Соларатова. Да, так все и было. Прекрасно сработано, ничего не скажешь! Они сыграли именно на этом его желании. Эти сволочи из ЦРУ разузнали все о нем и Донни, о том, как их подстрелил такой же, как и Боб, снайпер; они использовали это против него, сыграв на самом сокровенном в его душе. Эти чертовы цэрэушники, участвуя в каком-то темном, сложном и запутанном деле, сделали ставку на его глупость, уязвимость и желание отомстить за друга.

“Сейчас мне надо остановить кровь – или я умру”, подумал Боб и посмотрел вокруг себя. Рядом с ним на сиденье лежала сумка, на которой было написано “Данкин Донате”. Он открыл ее и вытащил оттуда кусочек вощенной бумаги. Скатав из нее шарик, Боб засунул его себе во входное отверстие от пули на груди, которое очень сильно кровоточило. Вот так. Нормально. Правда, не совсем то, что было бы нужно, но это все, что оказалось у него под рукой. Боб хорошо знал район, в котором находился. Лишь бы сознание не затуманилось, и тогда он выберется. В конце концов, он точно знал, что у него есть шанс уйти от погони, если он будет двигаться в этом направлении. Оставалась только одна маленькая загвоздка, которая заключалась в том, что он... умирал. Или все-таки нет? Может, ему не стоит умирать именно сейчас? По каким-то непонятным причинам пуля прошла навылет, хотя Боб считал, что она была похожа на разрывную. Ему казалось, что она не задела никаких жизненно важных органов и не зацепила ни одну артерию. Правда, еще одна пуля попала ему в плечо, и он чувствовал, как эта часть тела постепенно начинает неметь, но

здесь хоть рана не так сильно кровоточила, как на груди. Кости вроде все были целы, по крайней мере, так казалось Бобу. Он успокоился и ехал не спеша. Вокруг не было никакого шума. Теперь главное – как можно быстрее избавиться от машины, потому что машина – это явная улика и по ней его легко можно обнаружить. Машина – это смерть. Боб свернул по направлению к воде. Так было безопасней.

– Внимание всем подразделениям! Сообщаем точные данные: автомобиль из автопарка правительственных управлений, цвет бежевый, “форд-торес” 1988 года выпуска, номерные знаки Сьерра-Догги один-пять-девять-лима, повторяю: Сьерра-Догги один-пять-девять-лима. Объект вооружен и очень опасен. Белый. Около сорока лет. Ранен, но все равно опасен. По предварительной идентификации это Роберт Ли Суэггер. Повторяю еще раз всем подразделениям: объект вооружен и очень опасен. Приближаться с максимальной осторожностью! Всем приближаться с максимальной осторожностью!

“Вот сволочи”, – подумал Боб.

И тут он увидел воду.

Автомобиль свернул с дороги и, оставляя за собой целые облака пыли, поехал через сорняки и бурьян. Неожиданно перед ним открылась широкая полоса иссиня-черной воды Миссисипи, могучей и сильной реки. Боб потерял слишком много крови, и теперь сознание отказывалось подчиняться ему. Он не мог заставить себя сосредоточиться и принять правильное решение. Машина медленно двигалась вперед, он же наслаждался свободой и легкостью полуобморочного состояния. Почти то же самое он чувствовал, когда летел из окна. Вдруг он неожиданно оказался в полной темноте, рядом что-то булькало. Боб сидел в кабине и безразлично наблюдал, как уровень воды в машине повышается. Он поднимался вместе с водой до тех пор, пока его затылок не уперся в потолок салона. Затем внезапно Боб почувствовал, как мощные потоки воды с силой врываются в автомобиль через открытые окна, и отчетливо понял, что может сейчас умереть и так и остаться навсегда здесь, погребенным под этой темной толщей воды.

И на этот раз ему помогло то же чувство злости и ненависти к подставившим его ублюдкам. Он собрался с силами и, заставив на какое-то время свое онемевшее тело повиноваться, ногами выбил в машине дверь. Похоже, он и впрямь родился в рубашке... Вода была

теплой и зеленой. Боб поднимался вверх, навстречу солнечному свету. Через мгновение он вынырнул на поверхность и вдохнул свежий воздух. Машина находилась где-то в пятнадцати футах под водой. В небе жужжали вертолеты, и их шум чем-то напомнил Бобу операцию “Духи”, которую когда-то проводили вертолеты “Хьюи” во время празднования Тета во Вьетнаме. Но сейчас они были слишком далеко и не могли его заметить.

Боб перевернулся на спину и поплыл в направлении берега. Он плыл очень медленно и даже сразу не заметил, как оказался среди зеленых тростниковых стволов и бревен, плывущих вниз по реке. Баржи, сплавляющие лес, курсировали где-то в миле от него и казались малюсенькими лодочками на поверхности огромного спокойного озера. Боб совершенно выбился из сил, намокшие волосы все время падали на глаза, мокрая рубашка мешала плыть, все тело изнывало от усталости и изнеможения. Он не верил, что еще жив и способен передвигаться. Это было похоже на чудо. Боб подплыл к какому-то гнилому бревну. Остаться здесь? Но тогда он умрет или его схватят. А если его схватят, то он не сможет отправить к праотцам ни Пайна, ни полковника, ни Соларатова, из-за которого все это и произошло. Если, конечно, это был Соларатов. А если нет, то он убьет того, кто это сделал. Да, теперь у него появилась цель.

Снимая ремень, Боб вдруг, к своему удивлению, обнаружил, что у него остался отобранный у полицейского пистолет. Слава Богу, что он сделан из нержавеющей стали. Что же касается патронов, то он точно не знал, поддаются они коррозии или нет. Боб сунул пистолет глубже в карман джинсов, затем обмотал ремень вокруг бревна и плотно засунул под него руку. После этого он медленно стал выгребать на середину реки. Там бревно уже подхватило течение и понесло куда-то вниз. Боб чувствовал себя на удивление хорошо. То и дело в стороне пролетали вертолеты, но за бревном головы Боба совсем не было видно. С наступлением темноты он стал ориентироваться по горящим вдоль берега огням. Так он проплыл вместе с бревном оставшуюся часть дня и всю ночь, а когда на небе заиграли первые краски рассвета, он уже был там, куда и стремился. Он был в болотах.

Глава 14

Хотя все центральные официальные издания, естественно, оплакивали “уход из жизни великого человека”, однако это не помешало им достаточно быстро перейти от этой печальной темы к проблеме обвинения. Кто и за что? На следующий же день в “Вашингтон пост” была опубликована статья под заголовком: “ИТАК, ОН ВОЗВРАЩАЕТСЯ, ЭТОТ ОБИЖЕННЫЙ НА ЖИЗНЬ ЖАЛКИЙ ЧЕЛОВЕЧИШКА СО СВОЕЙ ВИНТОВКОЙ”. В статье говорилось, в частности, следующее:

“Чувство неудовлетворенности никак в нем раньше не проявлялось; особенным этого человека сделала винтовка 38-го калибра. Как таинственный призрак из самых ужасных ночных кошмаров он вернулся и сам вписал свое имя в историю. Окажется ли виновником вчерашней трагедии в Новом Орлеане, как заявляет Федеральное Бюро Расследований, Боб Ли Суэггер, герой вьетнамской войны, переживший немало трудностей и озлобленный из-за того, что страна не наградила его орденом Почета конгресса США, или им окажется кто-нибудь другой, у кого будут свои тщеславные амбиции и обиды, в принципе это уже не важно. С 1963 года важным становится то, что в этой стране история может писаться при помощи точных выстрелов из стрелкового оружия. И все потому, что это оружие доступно всем. Маленький, никому не известный человек в одно мгновение может стать знаменитым благодаря тому, что ему доступно оружие. В случае с Ли Х. Освальдом речь шла о дешевой, оставшейся после войны итальянской винтовке. Во вчерашней трагедии виновата американская мощная дальнобойная винтовка, собранная на заводе “Ремингтон”. Но опять же и это не важно. Проблема в том, что винтовки всегда производятся с одной целью – убивать, и они убивают так часто, что создается впечатление, будто это стало “американским” видом спорта. И после ужасных событий этой второй кровавой американской трагедии, можно сказать, типичной американской трагедии, которая объединила оружие и надежду, понятия сами по себе несовместимые, возникает вопрос: не настало ли для нас время

приложить все усилия, чтобы приблизить тот день, когда оружием будут владеть только полицейские, солдаты и несколько лесников?”

“Нью-Йорк таймс” для контраста преподнесла все с геополитической точки зрения:

“Произошедшие вчера в Новом Орлеане события лишний раз подтверждают, что наша нация еще не полностью избавилась от синдрома такого глобального катаклизма, как вьетнамская война, даже несмотря на бескровную победу над Саддамом Хусейном в прошлом году. Ветеран войны во Вьетнаме, награжденный орденами и медалями, питающий огромное уважение к равным себе людям, скорее всего, впал в такое подавленное состояние под влиянием славы, доставшейся американским солдатам в последней войне, в то время как сам он не был удостоен такого почета. Ненависть ослепила его до такой степени, что он оказался в состоянии совершить это ужасное деяние, опорочив тем самым свой героизм и то, ради чего он так мужественно сражался двадцать лет назад. Хочется надеяться, что Роберт Ли Суэггер, командер-сержант Корпуса морской пехоты США, неоднократный чемпион по стрельбе из снайперской винтовки, записавший вчера на свой счет восемьдесят восьмое убийство, все-таки будет пойман живым и мы узнаем истинные причины его жестокости. Прежде всего нас волнует справедливость. Если сержант Суэггер действительно виновен в совершении этого преступления, то он должен быть наказан. Но мы надеемся, что в наказании будет место и милосердию. Как и многие другие, сержант Суэггер – продукт своей эпохи. Те раны, которые кровоточили у него в душе на протяжении последних двух десятилетий, были нанесены ему его собственной страной и тем огромным безразличием, с которым она относилась к его прошлому и прошлому тех, с кем он служил. Вот почему, несмотря на то, что жертвой оказался не он, его жизнь тоже представляет собой сплошную трагедию. Когда его арестуют, если он, конечно, еще не умер, как считают, исходя из характера полученных им ранений, некоторые офицеры из Отдела по обеспечению законности, тогда, наверное, мы сможем получить ответы на все эти вопросы. А может быть, и нет. Но в конце концов самым лучшим было бы, если бы Боб Ли Суэггер сам пришел с миром. Если это произойдет, мы как нация тоже отнесемся к нему подобающим образом. Тогда, видимо, мы

наконец признаем, что наши действия во Вьетнаме были самым настоящим злом и наша позиция в мире, когда мы навязываем другим нациям свой взгляд на вещи, отличается убожеством и примитивизмом. Эта наша позиция, которую мы сейчас называем “американский образ жизни”, еще раз продемонстрировала, что это позиция смерти”.

“Балтимор ивнинг сан” начинала с вопроса:

“Кому нужна дальнобойная штурмовая винтовка, из которой можно убить человека с расстояния больше четырехсот футов? Естественно, не тем тысячам ни в чем не повинных детей, которые ежегодно становятся жертвами таких специально предназначенных для ведения боевых действий винтовок, и, конечно же, не тем тысячам незащищенных взрослых, которые гибнут от многозарядных и дальнобойных винтовок и автоматов, при помощи которых торговцы наркотиками выясняют свои отношения на улицах наших городов. Как подтвердила вчерашняя трагедия в Новом Орлеане, такое оружие нужно только могущественным владельцам заводов по производству этого оружия, торговцам наркотиками, сумасшедшим, которые ради забавы убивают животных, или тем, кто покушается на жизнь президента. Конгресс должен немедленно прореагировать и принять закон, запрещающий продажу многозарядных штурмовых винтовок дальнего радиуса действия, оснащенных мощным оптическим прицелом. Только так мы сможем дать жизни хоть какой-то шанс”.

На обложках журналов “Тайм” и “Ньюсуик” фактически ни разу не появилось лицо президента. Зато они пестрели фотографиями Боба. За считанные минуты он стал знаменит на весь мир; во-первых, из-за совершенного им покушения, во-вторых, благодаря своему внезапному исчезновению и, в-третьих, из-за созданного ему имиджа: замкнутый, чудаковатый, немного со странностями, любящий винтовки человек из Дикси, долгое время воевавший во Вьетнаме снайпером и ставший теперь на скользкий путь. Он был одновременно Ли Х. Освальдом, Джеймсом Орлом Реем и Бироном де ла Бекуит, таким угрюмым белым оборванцем, охотящимся за людьми вроде Флема Сноупса, знаменитого героя романов Фолкнера.

ФБР быстро раскручивало дело. Оpozнание Ником Мемфисом подозреваемого через несколько минут после выстрела только ускорило этот процесс, и средства массовой информации совместно с

компьютерной системой полиции действовали намного быстрее и намного опытнее, чем в 1963 году.

Номер винтовки, например, сразу же был проверен в системе ГМВТС ВМФ США, откуда сообщили, что сама винтовка была приобретена в 1975 году офицером из ГПС Корпуса морской пехоты США в качестве подарка по поводу увольнения в запас командер-сержанта КМП США Боба Ли Суэггера. Была даже найдена расписка в получении с собственноручной подписью Боба. После этого определили, что новый ствол, сделанный из нержавеющей стали, был установлен оружейных дел мастером из Литл-Рока по имени Дон Фрэнк. Фрэнк сверился со своей книгой учета и подтвердил, что эта работа была им выполнена для Боба Ли Суэггера в 1982 году.

Получив эту информацию к восьми часам вечера, агенты местного отделения ФБР в Литл-Роке выехали с ордером на обыск прямо в Блу-Ай, где вскрыли все ящики и замки на дверях, перевернули все содержимое трейлера и отнеслись к каждой вещи с огромным вниманием.

Там они обнаружили усугубляющие дело доказательства: карты, схемы, чертежи, вычисления и заметки на полях карт тех четырех городов, в которых, как предполагалось, президент США должен был выступить в период с февраля по март. Заметки были явно аналитического характера, например: “Ветер. Какой силы ветер?” “Какое время лучше всего для выстрела?” “Какое расстояние? Стрелять издалека или попытаться подойти поближе?” и: “308P50?”. Что это еще за “308” и “50”? Также были найдены билеты на самолет и квитанции о проживании в гостиницах, свидетельствующие о том, что он побывал во всех четырех городах. Другая группа агентов немедленно проверила все на местах. И наконец они нашли оптический дальномер “Барр энд Страуд”, предназначенный для точного определения расстояния до цели, бесценный прибор для любого снайпера. Потом в оружейном шкафу были осмотрены принадлежащие Бобу тридцать две винтовки и семнадцать пистолетов, среди которых было пустое место для “Ремингтона 700”, который уехал вместе с ним в Новый Орлеан, и найдены около десяти тысяч патронов. Возле трейлера они обнаружили еще одно печальное свидетельство, которое долго обсасывалось в прессе. Это была узкая могилка, в которой лежало мертвое тело Майка. Его голова была

прострелена патроном 12-го калибра. Как сказал один из руководителей расследования, “он знал, что уже никогда не вернется назад, а здесь никто, кроме него, не позаботится о Майке, который, наверное, был в этом мире единственным живым существом, которого Боб любил”.

Однако в вопросе с собакой было одно “но”, которое высказал друг Боба, бывший адвокат и герой войны Сэм Винсент, который ни на секунду не сомневался, что Майка убил не Боб.

– Я вам вот что скажу, – заявил он репортерам, которые разыскивали его, чтобы взять интервью, – тот, кто так поступил с Бобом, долго готовился и проделал большую работу. Этот человек ловко сфабриковал дело, ложно обвинив Боба, обернув его репутацию против него самого, поставив его вне закона и сделав его самым ненавистным человеком не только в Америке, но и во всем мире. У этого человека, вне всякого сомнения, достаточно людей, которые будут лгать в журналах, газетах и по телевидению. Повторяю, он тщательно все продумал и проделал большую работу, но допустил одну ошибку: убил собаку Боба. В наших местах собак считают членами семьи, поэтому дело приобретает уже личностный характер, а такой поступок абсолютно противоестественен для Суэггера.

Это заявление Винсента четко прозвучало в вечерних новостях, но никто не придавал ему должного значения, потому что никому не хотелось вникать в слова заблуждающегося, как все считали, старого человека, тем более глубоко переживающего за судьбу Боба и считающего его абсолютно невиновным.

Также были найдены и другие люди, которые знали Боба прежде и могли порассуждать о его феномене. Из памяти компьютеров были извлечены на свет данные о героизме отца Боба, погибшего на 67-й магистрали ночью 23 июля 1955 года. Все узнали о том, что Орл Суэггер был сержантом арканзасской полиции и одним из семи проживающих в Арканзасе обладателей ордена Почета конгресса США за участие во второй мировой войне. Появление в телепрограмме целого ряда старых арканзасских знаменитостей сделало ее довольно интересной и привлекательной для зрителей.

– Трудно поверить, что сын Орла Суэггера мог совершить такое, – говорил один из них. – Он был одним из самых храбрых, смелых и в то же время вежливых людей, живущих среди нас. Мы все считали Боба

честным и искренним, хотя, конечно, никогда точно не знаешь, кем может оказаться человек на самом деле...

Также разыскали несколько бывших снайперов КМП США, раньше служивших с Бобом, но по телевидению показали только одного, который рассказал кое-какие “интересные” подробности, при этом его лицо было все время закрыто. В настоящее время он занимался продажей автомобилей.

– Боб был великим стрелком, но от него все время веяло холодом, – рассказывал он. – Это был холод сердца, которым веет от настоящего убийцы. Из всех нас, а в составе нашего взвода за три года побывало более пятидесяти человек, он, несомненно, был лучшим. Но, насколько я знаю, теперь все, кто воевал тогда с нами во Вьетнаме, вернулись к нормальной гражданской жизни и твердо убеждены, что во Вьетнаме служили своей стране так, как это было надо... Большинство из них живет сейчас вполне нормально.

Потом он стал вдаваться в подробности о том, как трудно его психике бороться с живущим в нем злом, которое выражается в любви к жестокости. При подготовке к программе его то включали в основной блок, то выключали из него, когда он начинал рассказывать длинную историю о том, как долго он боролся с алкоголизмом, и все-таки смог вернуться к нормальной жизни. Лишь позже, когда обнаружилось, что он – подставное лицо, все отказались от его услуг и эта история прозвучала только в “Энтертеймент тунайт”.

На третий день ФБР представило результаты баллистической экспертизы. Они были малоутешительными. Прежде всего, пуля, которая пробилась кость и мозг навывлет, затем изменила направление полета и попала в какой-то твердый предмет на подиуме, скорее всего, в гвоздь. Поэтому классифицировать ее тип было невозможно. Тем не менее, предварительные результаты анализов металлической структуры пули показали, что ее состав полностью соответствует составу проб, взятых из ствола принадлежавшего Бобу ремингтона. Внутри ствольной коробки были обнаружены два слабых отпечатка пальцев. В архиве КМП США их сразу же классифицировали как отпечатки пальцев Боба Ли Суэггера. Найденная на полу пустая гильза действительно была выстрелена из ремингтона. Оставленные на ней механизмами винтовки следы точно соответствовали устройству патронника ремингтона. Сама гильза была идентифицирована как

гильза от патрона 308-го калибра “Винчестер Мач Никель Плэйтид”, партия № 32В 0424, выпущенного “Федерал картридж компани”, Анока, штат Миннесота. Боб заказывал их почтовой пересылкой в Нью-Бронфелсе, штат Техас. Точно такие гильзы – некоторые снаряженные пулями, некоторые еще не распечатанные из упаковок – были обнаружены в его мастерской. И наконец, дело дошло до его письма. Полное боли и отчаяния, написанное в немного неуклюжей и наивной манере, оно быстро стало самым знаменитым письмом во всей Америке. В нем Боб пытался объяснить президенту, что стремится получить орден Почета конгресса США лишь на том основании, что заслужил его. Это было именно то письмо, из-за которого он попал в группу Чарли в списке подозреваемых Секретной Службы и на которое бестолковый агент ФБР не обратил никакого внимания. Это было то письмо, которое могло спасти жизнь человека. Именно оно было первопричиной случившегося.

И ни у кого, кто готовил подобного рода сообщения, а также другие репортажи и статьи, не возникало сомнения, что командер-сержант в отставке Боб Ли Суэггер из Блу-Ай, штат Арканзас, виновен в покушении на жизнь президента Соединенных Штатов и что именно он первого марта совершил тот злополучный выстрел в Новом Орлеане, штат Луизиана. Как завершающий аккорд прозвучали слова, сказанные на четвертый день после трагедии миссис Сьюзен Суэггер Прис – бывшей женой Боба Ли Суэггера, а ныне владелицей магазина скобяных изделий в Хайленд-Джанкшн, штат Северная Каролина, – которую удалось выследить одному из репортеров телевидения.

На вид это была маленькая сердитая женщина; лицо почти полностью скрывалось под шарфом и большими солнцезащитными очками. Репортер остановил ее как раз в тот момент, когда она, выйдя из “кадиллака” своего мужа, стремительно направлялась в контору юриста.

Нет, у нее нет ни малейшего представления о том, где сейчас находится Боб, и она очень сомневается, что он вообще остался в живых, а если и остался, то вряд ли захочет связаться с ней. На этом она посчитала разговор законченным, потому что, как она выразилась, у нее нет времени; при этом она добавила, что жизнь слишком коротка, чтобы еще раз связывать ее с Бобом Суэггером.

Потом она внезапно остановилась и высказала свою последнюю мысль:

– Одно я могу сказать точно: если уж Боб Ли Суэггер вбил себе в голову, что ему надо убить президента Соединенных Штатов, то можете быть уверены – он убил бы его. Но, я повторяю, убил бы президента, а не сальвадорского архиепископа. Вы говорите, что Боб Суэггер целился в одного человека, а попал в другого? Так вот, запомните: за всю свою жизнь – и это чистой воды правда – Боб Ли Суэггер ни разу не промахнулся, потому что это совершенно не в его духе.

Глава 15

Это видели уже миллионы людей, однако Ник Мемфис просмотрел запись случившегося только на третий день, да и то случайно.

Он работал сейчас в отделе, организованном специально для поиска Суэггера. В царящей вокруг деловой атмосфере он занимался сортировкой поступавших сообщений и не отрывал головы от бумаг. Все настолько были заняты поиском снайпера, что, казалось, не обращали никакого внимания на такую мелочь... как он. Но он знал, что его родное Бюро найдет время и для него. От судьбы все равно никуда не денешься. Топор упадет на него... И очень скоро...

А пока он был по горло занят подробностями ежеминутных докладов и отчетов, поступающих из семи штатов. Боб был везде. Боб был на Аляске. Боб был в Калифорнии. Боб стал настоящим братом Ли Х. Освальда. Он был владельцем газовой станции в Таскалусе, штат Алабама, и в то же время учителем танцев в Нью-Хейвене, штат Коннектикут. Одно из сообщений о нем поступило из самого невероятного места – из Эверетт-Спрингс, штат Джорджия. Бывший морской пехотинец, знавший Боба по совместной службе, сообщил, что видел его на одной из троп в горах Блу-Ридж. Ник никак не мог понять, каким образом Боб с двумя девятимиллиметровыми отверстиями в теле смог добраться из Нового Орлеана до Эверетт-Спрингс, расположенного в этих проклятых Блу-Ридж.

Однако, несмотря на поступающие сообщения, мало что было ясно. Например, машина просто растворилась. Ее нигде не было. Разосланные наблюдатели ничего не сообщали, и приложенные усилия пока никаких результатов не дали. В воздухе над всеми дорогами и магистралями кружили вертолеты, и тысячи дополнительных агентов были задействованы для того, чтобы попытаться обнаружить следы Боба. Тысячи контрольных постов на дорогах и десятки тысяч разосланных фотографий пользы пока не принесли. Куда же подевался этот подлец? Внезапно в комнату вошел Хэп Фенкл:

– Послушай, Ник, мы только что получили запись “Си-би-эс”. Не хочешь ли посмотреть?

– Э-э-э... – протянул Ник. Ему почему-то совсем не хотелось смотреть эти кадры, даже если оператору “Си-би-эс” удалось в цветах и красках заснять сам момент попадания пули в цель и даже несмотря на то, что, хотя эти ублюдки с телевидения с нескрываемым презрением и относились к совместной работе с фэбээровпами, отвечающими за поиск так внезапно скрывшегося Боба, и “Эн-би-си” и “Си-би-эс”, и еще три канала новоорлеанского телевидения, успевшие заснять на пленку момент попадания пули в цель, все же передали свои пленки им сразу после проявления. Короче, несмотря на все это, Ник не выражал особого энтузиазма пойти и посмотреть эти кадры, потому что события, запечатленные на них, каким-то образом перекликались с его собственной неудачей, напоминали о трагизме его собственного промаха, допущенного много лет назад. Все это повторилось вновь, только не с ним, а с другим человеком. Где-то в глубине души Ник все еще никак не мог поверить в то, что великий Боб Снайпер, герой Вьетнама, имевший на своем счету восемьдесят семь официально зарегистрированных попаданий, неоднократно выходивший “на охоту” в Джунгли и воевавший с врагом один на один, человек, который никогда не промахивался, в данном случае по каким-то совершенно непонятным причинам вдруг... промахнулся. Возможно, у Боба Снайпера и были какие-то серьезные проблемы, но ведь он был великим стрелком и никогда еще его пули не пролетали мимо цели – в этом Ник был полностью согласен с бывшей женой Боба и еще двумя-тремя его коллегами.

– Пойдем, старина, у тебя есть прекрасный шанс посмотреть то, о чем все сейчас только и кричат. Пойдем, все равно рано или поздно тебе придется на это посмотреть. Давай поднимайся. – Хэп сказал это достаточно резко, что, впрочем, совсем не означало, что он хотел быть с ним грубым, скорее, наоборот, таким не допускающим возражений тоном он стремился разрядить обстановку, хоть как-то снять напряжение, висевшее вокруг Ника, потому что все знали, что дела у него – хуже некуда. В такой ситуации Нику было трудно отказаться от полученного приглашения.

Когда он спустя несколько минут вошел в темную комнату для просмотра, со всех сторон раздались свист и улюлюканье. Работая третий день по восемнадцать часов в сутки, все до того вымотались,

что поиздеваться над Ником оказалось для всех необходимой разрядкой и сущим наслаждением:

– Эй, герой, ты где прятался, почему тебя не было видно?

– Ники, почему ты не грохнул этого мудака, когда у тебя в руках была пушка? Я уже третий день не могу добраться до жены. Если так дальше пойдут дела – звание рогоносца мне обеспечено.

– Ники, не позволяй этим ослам трахать себя. Ты сделал все классно, ну, подумаешь, упустил какого-то засранца; это уже мелочи!

– Ладно, ладно, – парировал Ник, – то, что вы неплохие клоуны, я уже заметил, а вот что касается вашей работы – тут у меня большие сомнения. Прошло уже три дня, а о ваших профессиональных успехах я что-то не слышал. Такое впечатление, что вы с Суэггером играете в жмурки.

– О-о-о-о! Смелые слова, сказанные покойником перед тем, как отправиться в мир иной...

– Ну ладно, джентльмены! – вмешался Хауди Дьюти, который сам назначил себя главным в Управлении по розыску Суэггера. – Давайте посмотрим, что там у нас. Начинай, Хэп.

– О'кей, ребята, – сказал Хэп, – эта еще не попавшая на телевидение лента была любезно предоставлена нам нашими “друзьями” из “Си-би-эс”, этими болванами, которые, в отличие от нас, гребут деньги лопатой и от которых повсюду одни убытки. В правом нижнем углу экрана вы увидите счетчик времени. Он сделан специально для монтажа на телевидении, но для нас он тоже оказался очень полезным. Первые кадры начинаются приблизительно за тридцать секунд до первого выстрела, причем на этот момент мы еще точно не знаем, будет сделан один выстрел или два.

На вспыхнувшем экране появился президент. Его приятное, доброе и спокойное лицо пыталось отразить несуществующий энтузиазм, которым должна была сопровождаться эта речь.

Изображение было в полный кадр; президент продолжал петь панегирик знаменитому латиноамериканцу, который, как сказал Флэшлайт, приложил огромные усилия, чтобы устранить напряженность “между нашими двумя великими державами”, и который без устали трудился во благо “примирения, признания и приведения в норму межгосударственных отношений”.

В связи со всем вышесказанным, подвел итог президент, ему очень приятно вручить архиепископу Джорджу Роберто Лопезу самую высшую награду, которая только существует в этой стране для гражданских лиц, – орден Свободы.

Пленка крутилась вперед, и вот Его Преосвященство, скромно одетый во все черное, с застывшей на лице блаженной улыбкой, начинает подниматься на подиум с правой стороны от президента, чтобы пожать ему руку и преклонить колени для принятия награды – яркой шелковой ленточки с небольшим кружочком золота, которую президент вот-вот должен повесить на его толстую шею. Он поворачивается к публике спиной, начинает наклоняться, а президент в этот момент поднимает над его головой эту...

– Прежде всего, – начал Хэп Фенкл, когда изображение на экране замерло, – нам надо выяснить то, над чем сейчас многие ломают головы, а именно: как так получилось, что Боб не стал стрелять в президента в момент произнесения им своей речи, то есть когда он стоял анфас и выстрел в голову не представлял труда. Почему он ждал, когда президент повернется к нему правым боком и этот латиноамериканец тоже попадет в линию прицеливания? Итак, ваши версии, ребята?

Вокруг царило молчание. Но Ник знал почему.

– Хэп?

– Да, Ник.

– Причина заключается в том, что выстрел в голову – вещь очень рискованная, тем более... Сколько там ярдов было, пятьсот? Он не стал стрелять не потому, что не попал бы; ты-то знаешь, что он тебе даже в дырочку члена попал бы с такого расстояния. Все дело в том, что голова – самая подвижная часть тела, все движения начинаются именно с головы. Поэтому она практически никогда не бывает в покое. Мышцы шеи устроены так, что время между импульсом, посылаемым мозгом, и действием тела почти равно нулю. Поэтому в голову никто не стреляет, по крайней мере профессионалы. В то же время, обратите внимание, снайпер учитывал тот факт, что на президенте может быть надет бронежилет, а значит, нет стопроцентной гарантии попадания в тело, даже если бы он сделал выстрел по корпусу. Смотрите, он подождал, пока президент повернулся к нему боком и поднял руки. В этот момент ему и надо было выстрелить в существующее в самом

бронежилете отверстие для руки. Под углом сорок пять градусов он все равно попадал в грудь через это отверстие для подмышки. Входя в тело под таким углом и вращаясь справа налево, пуля будет расширять отверстие и разорвет все внутренности к чертовой матери. Несчастный и глазом моргнуть не успеет, как будет мертв. Кстати, на Флэшлайте в этот день был надет бронежилет?

– Секретная Служба об этом ничего не сообщала. Молодец, Ник.

– Как жаль, что ты уже умер, – тихо произнес кто-то в темноте.

От двойного смысла этой шутки все расхохотались и даже Нику пришлось улыбнуться.

– О'кей, перейдем теперь к душещипательным подробностям, – сказал Хэп. – Сейчас смотрим попадание в голову.

Как-то странно дернувшись, архиепископ неожиданно выпрямился, как будто у него по спине вдруг прошла судорога, и Ник подумал, что именно в этот момент в него и попала пуля. Но это было не так, хотя оставалось непонятным, почему без всяких на то видимых причин архиепископ, вместо того, чтобы опустить голову для принятия награды, вдруг поднял ее, оказавшись из-за этого в зоне поражения пули Суэггера и получив, таким образом, несколько грамм свинца прямо в затылок.

Человек – такое хрупкое создание. Подожги его – и он сгорит. Топи его – и он утонет. Выстрели ему в голову – и голова разлетится на маленькие кусочки.

Казалось, что голова просто исчезла, забрызгав все вокруг яркой радугой крови. Создавалось впечатление, что каждый атом двигается в произвольном направлении, причем с сумасшедшей скоростью. Еще бы, ведь это была 200-грановая пуля 308-го калибра, врезавшаяся в черепную коробку архиепископа на скорости тысяча четыреста футов в секунду. Пробив череп, она сделала из него тюльпан и, с безумной скоростью намотав на себя извилины серого вещества Его Преосвященства, вылетела через левый глаз, забрызгав при этом смесью из мозгов и крови перепуганное лицо президента Соединенных Штатов.

– В момент попадания он был похож на тряпичную куклу, – заметил Хэп.

В комнате висело тягостное молчание, вызванное трагедией и величием смерти, которая кадр за кадром прошла перед ними на

экране.

– Слушай, Хэп, – сказал кто-то в темноте, – под таким углом стрелять не так-то уж и легко. А мы точно уверены, что объектом нападения был именно президент? Господи, у меня такое ощущение, будто он попал прямо в меня.

– Хватит, мне такие разговоры не нравятся, – оборвал говорящего Хауди Дьюти, впервые подавший голос и сразу же решивший подавить всякое инакомыслие в зародыше. – Первый раз эта глупая мысль была высказана в 1963 году и до сегодняшнего дня смущает умы некоторых. Конечно, президент был объектом атаки. Вы все прекрасно видели что голова архиепископа случайно оказалась на линии огня.

Ник сидел и смотрел на экран, где был запечатлен момент смерти священника, когда его мозги серо-красными волнами начали разлетаться в разные стороны, попадая прямо в лицо президенту, который еще не успел среагировать на случившееся. Мемфис часто думал о выстрелах с больших расстояний. Когда-то это было смыслом его жизни, пока не произошел тот случай с Майрой... В те времена тщеславие говорило ему, что он сможет делать это очень хорошо и, спасая жизнь граждан, станет настоящим героем. Но тут что-то прервало его раздумья и заставило напрячь внимание. Ник попытался сосредоточиться на имеющейся информации...

– Ник! Ник! Эй, кто-нибудь там, растолкайте Ника, он уже заснул.

– А? Что? Прости, Хэп, что случилось?

– Ник, ты некоторое время служил в группе СВИТ в качестве снайпера. Как ты думаешь, он что, действительно не хотел попасть во Флэшлайта?

– Э-э... – замялся Ник.

– Ну, Ник, – повторил Хауди Дьюти.

– У вас есть сейчас данные о том, под каким углом пуля вошла в тело и каков наклон сделанного ею отверстия относительно точки попадания, и можете ли вы, исходя из этих данных, сделать заключение, что выстрел был произведен именно из этого дома?

– Нет. Мы только что получили доклад из Вашингтона. Они заложили данные в ЭВМ и пропустили их через свои самые мощные аналитические программы по баллистике. Самое большее, что они смогли сделать, это узнать, что место, откуда стреляли, расположено в секторе, угол которого равен приблизительно семи градусам. В этом

районе у девятнадцати зданий окна выходят в эту сторону. Мы обошли их все, одно за другим, и только в одном на полу лежала винтовка, было море крови и пустая стреляная гильза. Да, это как раз тот дом, где Боб Снайпер получил две пули по девять миллиметров и отобрал у тебя “Смит”, – закончил Хэп.

– Да, ну и что дальше? – небрежно ответил Ник, стремясь найти причину своего сомнения и уже не опасаясь навлечь на себя гнев Хауди Дьюти.

– О’кей, пойдем дальше, – сказал Хэп.

Изображение на экране вновь оживило: пуля ударила с такой силой, что архиепископ завалился на президента и они оба растянулись на подиуме.

– Архиепископ Роберто Лопез падает прямо на президента, заливая его своей кровью и мозгами, а пуля в этот момент уже прошла навылет и врезалась в деревянное покрытие подиума, – продолжал комментировать Хэп, – откуда потом ее и извлекли наши специалисты по баллистике. Но она была в таком ужасном состоянии, что провести с ней баллистическую экспертизу было практически невозможно. Вот так, два человека сбиты с ног одной пулей, летевшей со скоростью тысяча четыреста футов в секунду. Просто невероятный выстрел.

Драма продолжала разворачиваться дальше. В мгновение ока вокруг президента оказались люди из группы Альфа. Они непонятно откуда повытаскивали свои “узи” и окружили Флэшлайта таким плотным кольцом, что теперь в него уж точно не попала бы ни одна пуля. Вокруг подиума царила паника, но группа Альфа сохраняла спокойствие и хладнокровие.

– Да, эти парни из Альфы знают, как действовать, – сказал Хэп.

– Но, к сожалению, всегда с небольшим опозданием, – прозвучал голос какого-то шутника.

Теперь на экране уже появилась другая картина. Все замелькало, свет сменялся тенью, изображение слилось в какое-то сплошное пятно смешанных красок. Очевидно, боевики из Альфы стали выталкивать операторов из зоны, что и отразилось на качестве изображения. Когда же оно восстановилось, вокруг президента уже сгрудились люди и было только видно, как он отчаянно пытается встать на ноги. Архиепископ Роберто Лопез лежал у него на коленях, и его голова скорее была похожа на лопнувший надувной шарик, чем на череп

человека. Вокруг бегали люди Секретной Службы, потом подросли врачи. Они быстро влетели на подиум и склонились над президентом. Через несколько секунд изображение зарыбило и почти исчезло, на этот раз из-за того, что прилетели медвертолеты. Забрав тело архиепископа и президента, они лениво поднялись в воздух и унеслись прочь. Камера еще снимала подиум, где оставались два человека из вспомогательного медперсонала и люди из группы Альфа. Шум, крики, смущение. Это напомнило Нику игру в баскетбол, даже скорее тот момент в игре, когда все игроки сгрудились под кольцом и каждый из всех сил пытается овладеть мячом. Все было так же беспорядочно и глупо.

И тут он понял, что именно его так насторожило в этом выстреле.

– Можно перемотать назад, на выстрел? – спросил он.

– Ты что, садист?

– Нет, Хэп, просто хочу кое-что уточнить.

Кое-где раздалось недовольное ворчание, но Хэп перемотал пленку на начало и нажал кнопку пуска. На экране снова начала разворачиваться кровавая драма. Вот вздрогнул и выпрямился старый священник, вот неожиданно появилась похожая на бутылку пуля, вот разлетаются мозги и кровь... Ник же в это время думал о своем собственном выстреле.

“Я перебрал, – думал он. – Я знал, что при стрельбе сверху вниз отклонение пули по вертикали будет не таким сильным, как при стрельбе на стрельбище. Это особенность углового эффекта. Перебрав, я выстрелил ниже и попал в Майру. А этот Суэггер знает все особенности стрельбы как свои пять пальцев. Он точно знает, куда попадет пуля. А это значит, что отклонение пули могло происходить только по вертикали, и если снайпер метился в подмышку президенту, то пуля могла попасть ему либо в шею, либо в голову, а если ниже, то – в ребра или бедро. Эта же ошибка была допущена в горизонтальной плоскости! Выстрел был произведен на уровне подмышки президента, потому что архиепископ стоял на коленях, это точно была горизонтальная ошибка, которая не имела ничего общего с самым сложным аспектом при стрельбе на такое огромное расстояние – с расчетом отклонения пули по вертикали в зависимости от угла полета пули. Боб просто не мог выстрелить в сторону, потому что он был настоящим профессионалом. Таким образом, пуля могла попасть либо

выше, либо ниже, но отклониться вправо или влево она не могла... Может быть, неожиданный порыв ветра отклонил ее от цели в самый последний момент?

Ник вспомнил, что первого марта была на редкость спокойная погода и, по данным метеосводок, скорость ветра составляла не более пяти километров в час. Теоретически это было, может быть, и вероятно, но практически – невозможно. Неожиданно Нику пришло в голову, что никакой ошибки в прицеливании не было. Это могло случиться с кем угодно, только не с Бобом.

Ник сглотнул слюну. Невольно он пришел к выводу, что если Боб Ли Суэггер и стрелял, то стрелял только в архиепископа. Потом до него дошло, какие сложности и неприятности после такого вывода могут быть у тех, кто занимается расследованием этого дела, потому что в настоящее время существовала только одна-единственная версия всего происшедшего, которая заключалась в том, что этот засранец из Дикси, этот недоумок Боб Ли Суэггер стрелял именно в президента. В принятой на данный момент интерпретации событий это имело смысл. Тогда все сходилось – он виновник... но лишь в том случае, если стрелял в президента. А если Суэггер не стрелял в президента... то тогда открывались головокружительные возможности для предположений. Ник находился в каком-то странном состоянии, он чувствовал, что близок к истине и...

Ник понял, что Суэггер был невиновен. Он вспомнил выражение сострадания и жалости в глазах стоящего над ним с огромным “смитом” снайпера. Чувство совести и чести не позволили Суэггеру выстрелить в невинного человека, а Ник, глупо моргающий и что-то мямлящий, был тогда для Боба именно таким.

– Ник! – Это был Хауди Дьюти. – Ник, думаю, мне надо тебе кое-что сказать. Зайди ко мне сегодня. Хорошо?

“А, черт”, – подумал Ник.

Корове было наплевать на полковника Шрека. У нее были громадные, с поволокой глаза, такие глупые и безразличные. В этой ее глупости было что-то нежное и трогательное.

Она медленно жевала жвачку, стоя одним копытом в сене, и то и дело наклоняла свою огромную голову к кормушке, чтобы подхватить шершавым языком очередную охапку сена.

– Выстрели в нее, – сказал полковник Шрек.

Хатчер встал на колени, подняв 9-миллиметровую “беретту”, выстрелил корове в грудь, целясь при этом в нарисованный там краской квадрат.

Добблер вздрогнул от выстрела даже несмотря на то, что на нем были надеты специальные звуконепроницаемые наушники. Он вдруг почувствовал легкую тошноту, хотя не ел со вчерашнего вечера. В конце концов он заставил себя оглянуться на животное. Он еще никогда не видел, как кто-нибудь умирает, медленно истекая теплой кровью.

Но корова, казалось, совсем не интересовалась тем, что ей надо умирать. В момент попадания пули она дернулась и продолжала дальше стоять с таким же тупым видом. Пуля прошла навылет, и из черного пятнышка раны медленно потекла тонкая струйка крови. Потом она подняла голову и стала так же лениво жевать сено, безразлично глядя на стоящих вокруг людей.

– У нее, несомненно, есть одно преимущество, – заметил Хатчер, поднимаясь с колена. – Она не способна ничего понимать. Она просто не в состоянии охватить умом, что это произошло именно с ней. Суэггер, естественно, увидев пистолет, сразу понял, в чем дело. Этим и объясняется его реакция, он был в шоке. А с физиологической точки зрения, все произошло точно так же. Выстрел в Боба был произведен точно с такого же расстояния, таким же патроном, под таким же углом и точно в центр груди.

Добблер наблюдал за животным. Оно тоже в свою очередь некоторое время наблюдало за ним. Потом корова наклонила голову и взяла еще сена. Добблер чувствовал, что его вот-вот вырвет. Он пытался сдержаться, сконцентрироваться, липкие струйки пота медленно текли у него по лицу.

Добблер видел, как Шрек уставился на корову и не сводит с нее глаз. Полковник, казалось, стремился изо всех сил вытянуть из животного жизнь, жадно пожирая глазами рану на его теле и не испытывая при этом никакой жалости, только одно любопытство. А животное не обращало на него никакого внимания.

– Она ранена, пуля прошла через грудную клетку и вышла с другой стороны, – сказал Хатчер. – Но это не убило ее, не оторвало от обычного занятия и никак не повлияло на ее настроение. Все

случилось слишком быстро. Может, вы помните знаменитый выстрел в Майами, в мае 1987 года, когда некий Майкл Платт был ранен десять раз, один выстрел при этом попал в легкие. Все выстрелы были сделаны из девятимиллиметровых винчестеров с полым наконечником, а он при этом довольно долго продолжал оказывать сопротивление, убив двоих и ранив пятерых агентов ФБР.

– Я думал, что пули с полым наконечником, – вмешался в разговор полковник Шрек, – должны разрываться внутри и разносить к чертовой матери все внутренности.

– Эта, видимо, не разорвалась, – сказал Хатчер. – Если бы это случилось, то он не добежал бы до машины и не повалил бы агента ФБР. Из отчета Пайна мы знаем, что на спине у Суэггера он видел кровь. Значит, пуля прошла навылет и не разорвалась внутри.

– Почему не разорвалась? – спросил Шрек. Хатчер немного помолчал и ответил:

– Проведя исследования, мы обнаружили целый ряд причин, повлиявших на это. Девятимиллиметровые патроны “Сильвертип” являются, по сути дела, представителями первого поколения боеприпасов. Впервые их начали выпускать в середине семидесятых. Проблемы начались сразу же, пули не разрывались. В последующем был изменен диаметр пули и уменьшена толщина медной оболочки, покрытой свинцом. После этого результативность возросла. Семьдесят пять пуль из ста разрывались при попадании. Но Тиммонс был вынужден взять свой пистолет из полицейского департамента. В противном случае возник бы реальный повод для подозрений. Мы полагаем, что патроны этой партии были приобретены полицией довольно давно, где-то в 1982 году. Но нам пришлось пойти на поводу у них, потому что если бы он использовал несанкционированные патроны, то это могло бы привести к очень опасным последствиям. Мы просто доверились ему и Пайну, который клялся и божился, что выстрелит так, как надо. Последний выстрел должен был сделать он. Если бы он попал в сердце, то сейчас никаких проблем бы не было. Даже если бы он не попал в сердце, но пуля разорвалась внутри, то все равно с ним было бы покончено. К сожалению, он не попал Суэггеру в сердце, и пуля, тоже к сожалению, не раскрылась.

– Черт, – сказал полковник. – А почему Пайн не попал в сердце?

– Вам лучше спросить это у Пайна, полковник Шрек.

– Хорошо.

– Учтите только то, что в структуре грудной клетки сердце представляет из себя довольно сложную мишень, – уточнил Хатчер. – Оно намного меньше, чем считают люди, и находится немного правее, чем они думают. Я говорил с ним об этих анатомических сложностях, но в той маленькой комнатке было темно, к тому же такое напряжение...

Закончить предложение Хатчеру не дали.

– Теперь вы, доктор Добблер. Каковы ваши прогнозы? Что вы думаете как врач? – спросил полковник.

Добблер ждал этого вопроса и готовился к нему. Он прокашлялся, прежде чем ответить:

– Суэггер мог умереть от потери крови или попавшей в организм инфекции. Но возможен вариант, при котором пуля прошла навылет и не задела при этом никаких жизненно важных органов. Тогда он остался цел и невредим. Если у него хватило ума заткнуть кровоточащее отверстие сразу же после ранения, что он, скорее всего, и сделал, потому что не раз бывал ранен во Вьетнаме, то он выздоровеет и, если не была занесена инфекция, встанет на ноги где-то через две недели.

Казалось, что Шрек вот-вот засмеется.

– А теперь, – сказал Хатчер, – позвольте мне продемонстрировать вам, как действуют девятимиллиметровые пули последних годов выпуска. Для разнообразия.

– Конечно, – ответил Шрек.

– Это 147-грановая пуля “Федерал Хайдре-Шок” с небольшой распоркой в середине полости, способствующей мгновенному разрыву. Думаю, вы увидите более печальные результаты.

Неожиданно Добблер снова почувствовал сильный позыв рвоты. Ему не хотелось смотреть, как человек убивает животное, а потом спокойно обсуждает вес пули, угол входного отверстия раны и степень причиненного ею повреждения. Ему казалось это неприличным. Как ни крути, это было убийство, бесцельное, необоснованное и неоправданное, только лишь для того, чтобы удовлетворить чье-то бестолковое любопытство. Добблер отвел взгляд в сторону. Где-то там, вдалеке, через щель приоткрытой двери, он мог видеть круглые вершины холмов Виргинии.

– Секундочку, – сказал полковник. – Доктор Добблер, не могли бы вы уделить нам немного внимания?

Добблер виновато улыбнулся и повернул лицо в сторону животного. Раздался выстрел. Корова внезапно резко дернулась. Было странно видеть такой взрыв энергии в таком флегматично-равнодушном теле. Потом она два раза мотнула головой. В ней что-то непонятно изменилось, когда ворвавшаяся в тело пуля разорвалась, подобно сверхновой звезде и раскаленный металл впился ей в сердце. Колени подкосились и она завалилась на бок. Огромная, добродушная голова как-то неуклюже вывернулась в сторону и так и осталась лежать с широко открытыми глазами. Под животным быстро росла большая лужа густой темной крови.

Добблер беспомощно и жалко улыбнулся, опасаясь, что может ударить лицом в грязь перед полковником Шреком, и в глубине души надеясь, что тот ничего не заметил и все будет нормально. И тут его вырвало прямо на одежду.

Но Шрек вел себя так, как будто ничего не произошло. Он по-прежнему смотрел на умирающее животное. Потом повернулся к Хатчеру:

– Теперь-то я знаю, что им сказать.

– Э-э-э... – грустно протянул Хауди Дьюти. Он посмотрел на Ника поверх сдвинутых на нос очков, и тот заметил, как сильно у него осунулось от усталости лицо. Он работал, как и все остальные, по восемнадцать часов в сутки шесть раз в неделю и выглядел совершенно измотанным. Ник знал, что терпение у Дьюти на пределе, но он подавит свое раздражение и будет, как всегда, вежливым.

– Входи, Ник. Садись.

Ник сел. Из-за ламп дневного освещения в офисе лицо Хауди Дьюти казалось каким-то серым. На фоне обострившихся скул сильно выделялись глубоко запавшие глаза. В целом у него был немного растерянный и даже, можно сказать, жалкий вид.

– Ну и что нам теперь с тобой делать. Ник?

Ник не знал, что сказать. Он всегда подозревал, что ему не добиться сияющих высот в Бюро, потому что он не умел бегать на задних лапках перед начальством и быстро формулировать остроумные ответы на те риторические вопросы, которые это

начальство задавало всегда в самое неподходящее время. Поэтому он, как обычно, ничего не ответил и, опустив свое грузное тело в кресло, взволнованно дышал.

– Короче, Ник, расскажи мне сначала о группе Чарли. Секретная Служба, как всегда, создает проблемы. Ты же знаешь, какой скотиной может быть Мюллер.

– Хорошо, – начал Ник, сглотнув, – кажется, я действительно вляпался. Но, черт побери, Ховард, там было более шестидесяти фамилий, и каждой надо было уделить внимание, которого они совсем не заслуживали. Ребята из Секретной Службы сами это говорили. Естественно, они теперь в этом не признаются, но они сделали бы все точно так же. Я действительно все добросовестно проработал, Ховард. Их сотрудник, Слоан его зовут, сказал мне, что я сделал все просто отлично. Я разыскал большинство из них и навел по ним справки. Трех я рекомендовал для перевода в группу Бета, ребятам оттуда, кстати, это не понравилось, потому что такой поворот дела прибавлял им работы.

– Но ты же упустил Боба Ли Суэггера?

– Не совсем. Я выделил его и навел подробные справки, позвонил шерифу Теллу в графство Полк, чтобы узнать, были ли у него с ним какие-нибудь проблемы. Тот сказал, что Боб ведет себя нормально и живет уединенно, сам по себе. Говорят, что люди подобного типа проявляют себя за несколько дней до того, как начнут действовать. С его стороны никаких таких признаков не было. Он никак себя не проявил, тем более за него поручился шериф. Единственной причиной, из-за которой он попал в список Чарли, было его письмо президенту с четырьмя восклицательными знаками. Четыре восклицательных знака! Мне это показалось довольно безобидным. Не думаю, что из этого можно делать серьезные выводы.

– Ладно, Ник. Я считаю, что ты сделал все вполне компетентно. Мы не можем обращать внимание на какие-то знаки, работая по двадцать четыре часа в сутки шесть раз в неделю. Короче, Ник, мне кажется, что я смогу спасти твою задницу от Секретной Службы, хоть им сейчас и очень хочется, чтобы на жертвенный алтарь был принесен кто-нибудь из Бюро. В конце концов, это была их операция и обосрались в ней они, а не мы.

– Конечно, они.

– Но... я говорил с руководством, и мы полагаем, что наша позиция в этом вопросе должна быть жесткой. Они могут обвинить нас в том, что мы плохо сделали свою работу, а мы можем обвинить их в том, что они были так плохо готовы к проведению операции, что у них не хватило сил разобраться даже с группой Чарли. Я думаю, что они в конце концов отступят. Ну а тебе. Ник, я вынужден сказать, что ты отстранен от работы. Слишком, слишком плохо все вышло, ты провалил это дело.

– Я понимаю, Ховард. Я влип по уши.

– В газетах все преподносится вообще ужасно. В самом Бюро тоже относятся к происшедшему, мягко говоря, недоброжелательно. Мы считаем, что разрешить эту проблему можно только так.

– Я не знаю, что тебе сказать, Ховард. Ситуация была просто ужасная. Может быть, я... я... я просто не знаю, Ховард.

– Ник, такая же ужасная ситуация была у тебя в Талсе в 1986 году. Тогда ты тоже не справился с поставленной перед тобой задачей.

Ник молчал. Потом через силу он все-таки сказал:

– Ховард, я хочу быть просто агентом ФБР. Больше мне ничего не надо.

– Ну, Ник... мне надо узнать мнение руководства.

Ник ненавидел, когда ему приходилось кого-то о чем-то просить. Но он попытался представить свое существование без того последнего, что осталось у него в жизни после смерти Майры, – без ФБР, и не смог этого сделать. Он, конечно, жил сейчас без Майры, но представить себе жизнь без Бюро было выше его сил.

– Пожалуйста, не увольняй меня, Ховард. Я знаю, что в последнее время был недостаточно поворотлив. Но я только что потерял жену, всего лишь несколько месяцев назад, такое горе, это...

– Ник, сейчас нам очень нужны люди. Мы задыхаемся от работы. Мне придется, видимо, оставить тебя на неделю без жалованья, окончательное же решение по твоему поводу будет принято только через месяц.

Ник кивнул головой. Это означало, что через месяц его зашлют куда-то в захолустье, откуда он вряд ли когда-нибудь выберется. Ему снова потребуются годы, чтобы попасть на то же место в Новый Орлеан. Но все-таки это хоть и неточно, но означало, что он, возможно, останется в Бюро.

- Надеюсь, что потом меня переведут...
- Ник, ты же сам знаешь, как работает эта система. Мне, видимо, придется сделать отметку в твоём служебном файле.
- Да.
- Ник, мне бы не хотелось...
- Ничего, Ховард.
- Я попытаюсь как можно меньше внимания уделить твоей нерасторопности.
- Спасибо. Я очень тебе признателен, – пробормотал Ник.
- “Спасибо! Я тебе признателен! Скотина! Если бы шесть лет назад ты держал свою варёжку закрытой, то я посадил бы тому ублюдку пулю прямо между глаз и уже сидел бы на твоём месте”.
- Так что в Бюро ты останешься, Ник.
- Я очень тебе признателен, Ховард.
- Но учти, Ник, никаких ошибок. Ты понимаешь: больше поблажек не будет.
- Такого больше не повторится. Обещаю тебе, Ховард.

Глава 16

Когда Боб вылез из воды, уже был рассвет следующего дня. Голова раскалывалась от боли, а сердце от ярости, и воспаленное воображение рисовало перед ним самые невероятные картины. Тело онемело и стало таким же негнущимся, как и то бревно, с которым он плыл всю ночь. Оно немного разбухло и стало рыхлым и мягким от долгого пребывания в воде. От него несло соляжкой и отработанным машинным маслом, которое баржи, без усталости бороздившие этот участок реки ниже Нового Орлеана, в неограниченном количестве выплевывали за борт. Прикинув в уме, Боб пришел к выводу, что проплыл около пятидесяти миль; вокруг него до самого горизонта тянулись низкорослые сосны, перемежающиеся болотными топиями и густыми зарослями кипарисов. Вокруг сновали какие-то маленькие животные, где-то вдалеке жалобно закричала птица, потом все стихло и наступила тишина. Ты не умрешь, подумал он.

Вокруг ничего не было, только болота и скрюченные деревья, безжалостно вззирающие на то, как он умирает. Но скоро здесь появятся люди, которые будут охотиться только на него, Боба.

Все вернулось на круги своя, ты кончил тем, с чего начинал. Только теперь ты слабее и старше. Спотыкающейся походкой он прошел несколько футов и упал на колени. Когда же он ел в последний раз? Наверное, вчера, в завтрак. С двумя пулевыми ранениями, собрав последние силы, он все-таки ушел от них и целых восемнадцать часов, полностью погрузившись в воду так, что только две ноздри торчали над поверхностью воды, жадно глотая воздух и с трудом держась за бревно, плыл по этой мутной реке...

Сейчас вопрос стоял по-другому: если он в ближайшее время не найдет себе пищу, то умрет голодной смертью. И будет уже неважно, попала инфекция в раны или нет: если не съест чего-нибудь, то точно отдаст концы и болота проглотят его в считанные часы.

Ничего, я бывал и в более сложных переделках! Нет, не бывал. Здесь его не будет ждать эвакуационный вертолет, готовый забрать его, если только Боб сумеет сделать для него посадочную площадку. Здесь не было ничего, кроме болот, и в этих болотах все было против него.

После рассвета, наверное, прошло совсем немного времени. Воздух был очень сухой и чистый, он пах свежестью и детским дыханием. Солнце еще не полностью взошло. Он знал, что очень скоро наступит время, когда животные начнут искать, чем утолить свой голод.

Боб почувствовал, как что-то твердое давит ему в ногу. Он вспомнил, что это ощущение было у него всю ночь, пока он плыл. Рука медленно достала пистолет из кармана джинсов. Это был огромный смит-вессон 45-го калибра автоматического действия, сделанный из нержавеющей стали. Новая модель 4506. Нет. Не он. Это новый фантастический 10-миллиметровый пистолет, который только недавно поступил на вооружение в ФБР. Интересно, а что у него за патроны? Он доверял свою жизнь патронам 45-го калибра, потому что в свое время выпустил сотни тысяч пуль такого калибра из различных видов кольта. Но что представляет из себя эта новая 10-миллиметровая модель? Этого он пока не знал.

Человек без оружия не имеет шансов выжить, подумал Боб. Но если у него появляется оружие, то у него появляется и шанс. Большим пальцем руки он отжал стопор магазина и вытащил его из рукоятки. Магазин был полностью снаряжен новыми пулями с полым наконечником, которые напоминали по виду маленькие пасхальные яйца. Он бросил взгляд на патронник, интересуясь, в каком состоянии тот находится, но блеск металла не вызвал у него никаких вопросов. Будет ли он стрелять после такого купания?.. Боб вставил магазин обратно, защелкнул стопор и, сняв с предохранителя, дослал патрон в патронник.

Сев на землю, он пожалел, что у него нет сил выбрать более удобную позицию для стрельбы. У него не было ничего, кроме пистолета. Над головой сквозь густые заросли деревьев пробивались тонкие лучи восходящего солнца. По всей вероятности, еще не было даже восьми часов. Тени были слишком нечеткие и расплывчатые. Или это у него плывет перед глазами? Может, он потихоньку впадает в беспамятство, как истекающий кровью олень, в которого выстрелила дрожащая неопытная рука?

У него снова начались галлюцинации. Странно, на этот раз в его воображении появился Донни Фенн и вспомнились все те ужасные моменты, которые им пришлось пережить во Вьетнаме, когда Донни,

чувствуя, что наступает хреновое для них время и можно не выйти из переделки живыми, начинал смеяться тихим истерическим смехом.

Донни, как бы ты смеялся, если бы увидел, что стало сегодня со стариной Бобом, который сидит сейчас мокрой задницей в болоте и ждет, что придет раньше – смерть или какое-нибудь животное.

Самому Бобу, однако, было не до смеха. Он пытался успокоиться и сосредоточиться. Ему казалось, что это очень похоже на ту ночь, которую он провел без движения на сыром и холодному ветру, поджидая Тима, белохвостого оленя с двенадцатью ответвлениями на рогах. О, это было долгое и трудное ожидание! Но что это была за охота! Одно удовольствие! Он вспомнил, как медленно выплывал из зарослей кустарника Тим, как осторожно спускался вниз, чем-то напоминая привидение, как винтовка уперлась в плечо, прозвучал выстрел и... Боб тогда понял, что попал туда, куда надо. Тогда он тоже ждал всю ночь, не так ли? А потом попал Тиму чуть выше позвоночника самодельной пулей, сделанной из эпоксидки. Сама пуля весила не более 25 гран и при ударе о тело разлетелась на мелкие кусочки, ударный же шок лишил Тима сознания на добрых пять минут.

Потом он припомнил, как отпиливал ему рога.

“Теперь уже никто не станет охотиться за тобой, чтобы повесить твои рога на стену”, – подумал он.

Ну давай, беги, парень!..

Боб снова вспомнил, как рванулся сломя голову вперед Тим, радуясь облегчению и жизни, и рассмеялся. Да!.. Уж они-то обязательно попытаются повесить мои рога себе на стену.

Боб поднял глаза и замер. В таких дремучих и болотистых местах не может быть людей, а значит, не может быть и страхов. Но сейчас Боб об этом не думал. Он услышал хруст веток, кто-то шел, потом различил неясное цветное пятно. Нарушителем тишины оказалась полосатая свинья. Боб наблюдал, как она мелькает между деревьями на расстоянии приблизительно семидесяти пяти ярдов. Выглядела она мерзко и отвратительно, но, увидев ее, Боб чуть не заплакал второй раз в своей жизни. Первый раз это случилось, когда к ним пришел майор Бевсон и сообщил о смерти его отца около Форт-Смита.

Но сейчас Боб не плакал. Он готовился к выстрелу.

Эта чертова пушка была совсем нового образца и явно отличалась от того старого автоматического кольта, из которого он привык

стрелять. Суэггер обхватил рукоятку пистолета двумя руками так, чтобы большой палец левой руки лежал на большом пальце правой; потом он сжал коленями локти, и теперь его фигура со стороны напоминала равнобедренный треугольник. Боб отчаянно боролся с дрожью кистей, которая могла подвести его в самый последний момент.

Выровнять мушку, мушку, мушку... Вот так. Это был тот камень, на котором держалось все здание: при стрельбе из пистолета надо четко видеть мушку, а цель при этом должна оставаться в виде расплывчатого пятна, движущегося где-то впереди на большом расстоянии. Если сделать все наоборот и смотреть только на цель, четко видя ее контуры, а мушку видеть расплывчато, то ничего хорошего из этого не выйдет. Никогда. Мушка, мушка, мушка...

Мушка в прорези прицела, четкий вид, а на фоне какая-то сплошная стена, огромная и незыблемая, Боб целится в нее, а свинья, это расплывчатое пятно плоти, практически не видна на таком расстоянии, ее контуры стерлись, и только некоторые движения на фоне плотной зеленой массы выдают ее местоположение.

Лишь бы этот проклятый полицейский хорошо пристрелял свой пистолет! И дай Бог, чтобы вода не разъела гильзы и не испортила порох и капсюль.

Боб настолько сконцентрировался на подготовке к выстрелу, что, когда он прозвучал, совсем не услышал его звука. Он даже не почувствовал отдачу, когда пистолет резко дернулся назад. Единственное, что он видел, так это свинью с простреленным позвоночником. Пуля пробила тело и разорвала позвоночник. Животное визжало, чувствуя приближение смерти. Тело дергалось в предсмертных судорогах. Свинья попыталась встать, отчаянно дергая ногами, но из-за простреленного позвоночника ее координация была полностью нарушена. Потом, взвизгнув в последний раз, она успокоилась.

Боб с трудом оторвался от земли. Насквозь промокший, чувствуя неимоверную слабость во всем теле, которое можно было назвать живым лишь наполовину, он, сцепив зубы, поплелся к животному. Не различая ничего перед собой, он шел только на запах сгоревшего пороха, который так хорошо знал, что мог ориентироваться по нему в пространстве. Дойдя до свиньи, он как подкошенный рухнул на землю.

Она весила около сорока фунтов и была длиной где-то три фута. От нее пахло навозом и гнилью. Ее пяточок был настолько нежным, что казалось, был создан ангелом. Такими же нежными были ее веки, покрытые легким пушком волос.

Пулевое отверстие было маленьким, но под ним образовался огромный вздувшийся волдырь. Картина была отвратительная. Однако крови почти не было. Она просто не вытекала из раны, как это случилось с Бобом после того, как в него выстрелил Пайи. Вот почему он выжил, а свинья умерла сразу. Спасибо Пайну за то, что стрелял маленькими 9-миллиметровыми пулями. Он нарушил одно старое доброе правило: стреляй только из настоящего оружия.

В один прекрасный день, Пайн, я выстрелю в тебя из настоящего оружия!

Он быстро достал из кармана джинсов свой “Кейс ХХ”, который пребывал там в целости и сохранности все это время, и поблагодарил Бога за то, что на протяжении долгих лет этот маленький нож безотказно служил ему, постепенно превратившись в такой же неотъемлемый атрибут его одежды, как ботинки и носки. Перевернув животное так, чтобы его мягкий живот находился вверху, Боб внезапно почувствовал, что теряет сознание. Казалось, на какую-то долю секунды его уставшая душа покинула свое несчастное тело. На Боба вновь накатила волна галлюцинаций, и он забыл обо всем. Придя в себя, он недоуменно посмотрел на нож в своей руке, потом на мертвое животное. После этого быстро разрезал свинью и...

Бобу нужна была печень. Он нашел ее под ребрами и осторожно вырезал это сокровище, напоминающее сгусток запекшейся крови. Она была еще теплой, и в ней было много обогащенной кислородом крови.

Печень была самым питательным и самым лакомым кусочком для Боба. В ней было все для того, чтобы он выжил. Он оторвал кусочек и поразился его упругости и нежности. У него закружилась голова. Он стал энергично жевать, яростно работая зубами; потом оторвал еще, поражаясь тому, насколько он голоден и как сильно его организм нуждается в пище. Боб ел до тех пор, пока от печени не осталось ничего.

“Теперь я жив”, – подумал он.

В этот момент он услышал звук работающих лопастей вертолета и припал к земле. “Хьюи” пронесся вдоль берега реки, пригибая деревья воздушными потоками работающих лопастей. “Они ищут меня”, – понял Боб и с сожалением подумал о своей сложной и запутанной жизни. Потом взвалил себе на плечи тушу свиньи и зашагал в глубь болот.

Глава 17

Отсутствие полковника Шрека по той или иной причине всегда пугало Добблера. Работавшие в Рэм-Дайн люди были грубы и невоспитанны, как солдаты или полицейские, а те, которые отличались меньшей неотесанностью, держались слишком надменно и снисходительно, напоминая самовлюбленных болванов, работающих со сложным оборудованием. И те, и другие относились к грузному, мягкотелому психиатру соответственно их профессии: либо с презрением, либо с безразличием. Поэтому, когда Шрек отсутствовал и защитить его в этом странном мире было некому, доктор предпочитал сидеть в своей обшарпанной маленькой конторке.

Офис Рэм-Дайн – хотя “офис” совсем не подходящее для его характеристики слово – располагался среди грузохранилищ и складских помещений международного аэропорта Даллеса на юге Вашингтона, округ Колумбия. В целом это была немного убогая, неказисто выглядевшая конструкция возведенных на скорую руку помещений и пристроек, надежно упрятанных за двумя рядами “Циклонов”, которые были обмотаны двойными спиралями острой бритвоподобной проволоки и тщательно охранялись вооруженной охраной. Табличка на контрольно-пропускном пункте гласила: “ХРАНИЛИЩЕ ТОВАРОВ”. Больше никаких пояснительных знаков на ней не было. Все было как-то просто и обыденно, и даже у охранника, который всегда смотрел на Добблера с неприязнью и вел себя с ним так, как будто видел его в первый раз, хотя тот проработал здесь уже целый год, постоянно было серое, безразличное лицо. Кабинет Добблера представлял из себя запущенный чулан, совсем не подходящий для работы ассистента профессора младшего колледжа в Айдахо. Благодаря бетонным полам и старой мебели из офицерской кают-компания он выглядел как какое-то убогое жилище незадачливого учителя, который никак не может выбиться из нужды и обречен всю жизнь зависеть от прихоти директора школы. Все в этом кабинете представляло из себя хлам: начиная с покосившихся книжных полок и заканчивая обшарпанным столом, в углу которого, там, где располагался потайной сейф для конфиденциальных

документов, были выгравированы какие-то странные инициалы. Возле окна находился небольшой бар, который для Добблера был скорее насмешкой над его положением, чем необходимостью. Лампы дневного света мигали и постоянно, независимо от вашего положения в комнате, отбрасывали тени. Но это совсем не значило, что кабинет Добблера был самым плохим помещением в здании. У полковника Шрека в соседнем корпусе была точно такая же комнатуха, только немного больше по размерам, и у окна там стоял изъеденный молью диван, сидя на котором можно было наблюдать за совершающими посадку или улетающими вдаль самолетами. Нельзя было сказать, что этот диван был больше, чем тот, который стоял у Добблера. Нет, он был точно такой же: затертый и продавленный, и доктора часто интересовало, не одной и той же ли они конструкции. Добблер сидел в своем кабинете и пытался сосредоточиться на стоявшей перед ним проблеме. Царившая в здании тишина казалась ему зловещей, будто таинственное исчезновение Боба Ли Суэггера вдруг заколдовало его. Да, странное исчезновение Суэггера... Именно эта проблема сейчас и стояла перед Добблером.

Последние слова Шрека, обращенные к нему, были очень просты:

– Доктор, займитесь опять документами. Вы должны рассказать мне, куда подевался этот засранец.

Добблер, как всегда, осторожно спросил:

– В-в-вы с-считаете, что он не умер?

– Конечно, нет. Сейчас мне надо уехать в город на несколько дней, – сказал Шрек. – А к моему возвращению постарайтесь представить подробный отчет. Я доверяю вам больше всех.

Факты бессмысленно мелькали в сознании Добблера.

“Ты должен бороться с мыслями! – приказал он себе. – Человек вынужден бежать. У него нет друзей. Куда он пойдет? Куда он может пойти? Кто может ему помочь?” Перед ним лежали материалы, собранные Отделом исследований при их первоначальной оценке ситуации, и его собственные доклады.

Тяжело дыша, он начал в них искать то, что ему было нужно. Создавалось впечатление, что жизнь Боба до призыва на службу состояла только из двух вещей – из его винтовок и долгих прогулок по горам Уошито. Добблеру казалось, что Боб скрывался от мира, чувствуя себя по какой-то причине недостойным жить в нем.

Отрывочные сведения о жизни Боба говорили о том, что у него не было тесных дружеских отношений за пределами графства Полк. Его единственным другом был тот старый своенравный Сэм Винсент, который помог ему в тяжбе с журналом “Месенери”. Если Боб жив, то вполне вероятно, что он может попытаться вернуться в графство Полк, где, скорее всего, обратится за помощью к Сэму. Однако сейчас, зная, что его преследуют, куда бы он мог направиться сейчас? В этом плане не было никаких намеков: у Боба не было ни сестер, ни братьев, ни старых друзей по Корпусу морской пехоты, у него не было даже женщины – вообще никого! Это был замкнутый человек, настоящий воин – на ум сразу пришел сидящий в своем шатре хмурый Ахилл, – и ему не надо искать чьей-то дружбы или расположения. Даже финансовые документы, предоставленные кредитным агентством, свидетельствовали об этом. Из них следовало, что Боб жестко контролировал свои финансовые расходы и жил на четырнадцатитысячную пенсию, предоставленную ему правительством. Все его расходы были очень маленькими, он не нуждался в комфортных условиях и, выбирая одежду, интересовался только ее функциональным предназначением. Он никогда не путешествовал и не тратил деньги на развлечения. У него была кредитная карточка Первого национального банка Литл-Рока, однако она была приобретена скорее для экономии времени и сил. Благодаря ей он заказывал по телефону необходимые компоненты для загрузки новых патронов и необходимое стрелковое снаряжение, избавляя себя тем самым от долгой процедуры выписывания заказов. Одежду он покупал в Гандер-Маунтин, штат Висконсин, а порох – в Мид-Саус-Шутерз-Сэплай и еще в кое-каких других местах. Он жил для того, чтобы стрелять, вот и все, хотя Добблер предполагал обратное: что он стрелял для того, чтобы жить. Мог ли он укрыться у стрелков?

Добблеру было кое-что известно об их мире, и он попытался представить себе эту ситуацию. Но, учитывая то, что он о них знал, в их среде Бобу места не было. Эти люди предпочитали оставаться замкнутыми консервативными американцами. Они бы ни за что не посочувствовали человеку, который, как они думали, пытался убить президента Соединенных Штатов. Который лишил... После нескольких часов самого тщательного изучения материалов Добблер так ни к чему и не пришел. Было уже поздно. В здании царила тишина.

В голове было пусто. Ответ никак не находился. Он уже был готов все бросить к чертовой матери. Может быть, завтра...

И тут у него вдруг мелькнула мысль... Он зажмурился от неожиданности, потом открыл глаза и снова посмотрел на лежащую перед ним бумажку. Все было так просто. Такая маленькая вещь, почти ничего. Не может быть...

Это была квитанция за телефонный разговор Боба в 1990 году, во время которого он делал заказ по кредитной карточке. То место, куда он звонил, называлось “У Вилейта”, Литл-Рок. Телефонный номер был указан. Это казалось... очень знакомым.

Он еще раз посмотрел кредитные счета в поисках такого же корешка квитанции за телефонные разговоры. Ничего не было. Не было до самого... декабря 1989 года. “У Вилейта”. Добблер быстро разыскал квитанцию за декабрь 1988 года... Тоже “У Вилейта”. Обе квитанции были абсолютно идентичны – ровно по семьдесят пять долларов. Итак, что такое “У Вилейта”? Набрав номер, он подождал, пока “АТ энд Т” соединила его через сеть промежуточных станций и спутник с данным номером и где-то далеко, на другом конце провода, раздался тихий звонок. Потом кто-то поднял трубку.

– Здравствуйте, “У Вилейта” слушает. Чем могу служить ? – услышал Добблер явный акцент жителя Литл-Рока.

– Э-э... Гм-м-м... А что вы продаете?

– Что? Что мы продаем? – спросил голос.

– Ну да. Каким видом деятельности вы занимаетесь?

– Мы продаем цветы, сынок, понимаешь? Торгуем цветами.

– А-а... – протянул Добблер и повесил трубку. Так, теперь оставалось узнать, кому Боб Ли Суэггер каждый год в декабре посылал цветы. Может, рождественский подарок или поздравление? Нет, Боб не был человеком, способным заниматься рождественскими рассусоливаниями.

Отдых не доставлял Джеку Пайну никакого удовольствия. Как и двое других, находящихся в этой комнате, он приходил в ужас при одной только мысли о возможности воскрешения Боба Ли Суэггера из мертвых. С того злополучного дня, когда они так обосрались, упустив Суэггера, Джек избегал встречаться с полковником, хотя знал, что рано

или поздно ему все равно придется ответить за свой промах. Интересно, промахнулся бы он сейчас или нет?

Кто-то из ребят в группе сказал ему, что эта проклятая “Сильвертип”, скорее всего, не разорвалась внутри, а прошла навывлет, и только поэтому Боб смог прийти в себя и подняться. Все-таки он был морским пехотинцем, а морские пехотинцы – крутые парни.

Нет, здесь должно быть что-то еще. Может, это злой рок, который преследует его всякий раз, когда он берет в руки пистолет? Черт, как он ненавидел пистолеты! Именно поэтому он всегда носил с собой укороченный ремингтон, который был заряжен спаренными патронами 12-го калибра и никогда не подводил. Во время своего первого приезда во Вьетнам – тогда еще он был молодым капралом – Джек, направляясь в один прекрасный день в уборную опорожнить кишечник, вдруг поднял глаза и в ужасе увидел приближающегося к нему желтолицего. В руках у него была старая однозарядная французская винтовка, а в глазах – зверское желание убивать. Как назло, Джек где-то оставил свой карабин. Он выхватил из кобуры пистолет 45-го калибра и выпустил одну за другой семь пуль. Все семь были мимо. Увидев это, он упал на колени и стал ждать смерти. В следующий момент случилось невероятное: какой-то парень, находящийся от него в тридцати ярдах, разрезал желтолицего на две части из своего огнемета... И Джек остался жить, чтобы увидеть восход следующего дня. Но с тех пор в нем на всю жизнь осталась неистребимая ненависть к пистолету, из-за которого он в тот раз порядком испачкал штаны, когда, стоя на коленях и ожидая возмездия, не стесняясь, валил в них то, что не донес до уборной. Тогда он думал, что настал конец, и охватившая его внезапная слабость заставила тело подчиниться инстинкту, отказавшись слушать голос разума.

– Эй, капрал, ты бы засунул себе в штаны пару пеленок, – крикнул ему командир, и весь взвод залился веселым смехом. То, что он пережил в эти минуты, он запомнил на всю жизнь – чувство страшного унижения. И тогда Пайн поклялся, что никогда не возьмет в руки пистолет и никому больше не позволит над собой издеваться.

А этот Суэггер унизил его дважды.

“Ладно, – сказал сам себе Пайн. – Я выстрелю в тебя еще раз, но на этот раз я выпущу в тебя два, три, может быть, даже все шесть спаренных патронов, ублюдок. Некоторые сопляки из группы думают,

что у тебя давно уже произошел сдвиг по фазе. Но я так не думаю, Суэггер. Пара выстрелов из двух стволов пойдет тебе на пользу, и мы будем квиты” Затем, что-то вспомнив, Джек рассмеялся: “Моя первая шутка в твой адрес оказалась, пожалуй, достаточно остроумной: ведь это я убил твоего проклятого пса”.

Тысячи докладов... и тысячи раз ничего. Этот человек просто растворился. Ник теперь был больше похож на самого обыкновенного клерка, чем на офицера Федерального Бюро Расследований. Он просиживал в своем кабинете по двенадцать часов в день в поисках хоть каких-нибудь следов, но каждый доклад оказывался пустой писаниной, а все следы Суэггера чистым вымыслом.

Ник заметил, что ребята из Управления не любили, когда их видели разговаривающими с ним. Сами они, естественно, это отрицали, но Ник заметил, что, когда во время коротких перерывов он подходил к какой-нибудь группе болтающих или курящих сотрудников, они один за другим постепенно расходились и он оставался в гордом одиночестве. Только Салли Эллиот всегда без страха здоровалась с ним, но она была очень красивой девушкой и пользовалась слишком большим успехом у мужчин, чтобы вообще обращать внимание на такие мелочи. По крайней мере, на ее карьере это никак не могло отразиться. А однажды она даже сказала ему, что очень сожалеет, что у него такие неприятности.

– Я уверена, что твоей вины в этом нет, – заключила она.

– Нет, есть, – ответил он.

– Я слышала, что тебя, возможно, переведут в другое Управление.

– Да. Ну, наверное, не сразу, подождут, пока все это не закончится. Им сейчас никак нельзя без мальчика на побегушках. Кто-то же должен мыть чашки после кофе. Но, может быть, еще не все потеряно. Я думаю, что дела не так уж и плохи. В Новом Орлеане ничего хорошего не получилось. Ну что ж, начну где-нибудь в другом месте все с самого начала.

– Я уверена, что у тебя все будет хорошо, Ник.

Он улыбнулся. Салли была очаровательная девушка.

Тем временем все в Управлении ставили восемь против одного, что Боб уже давным-давно мертв. Еще ни один человек в истории не был в состоянии так быстро и настолько надежно спрятаться, чтобы даже

мощная и широкомасштабная операция, проводимая федеральными службами, оказалась абсолютно безрезультатной. Тем более, что в данном случае речь шла о человеке, у которого в этом мире, согласно докладам, не было ни друзей, ни союзников, ни просто сочувствующих. В этом мире он был абсолютно одинок. А Ник в это время работал в качестве клерка и был на подхвате у тех, кто еще вчера был с ним на одной служебной ступеньке, а сегодня вдруг стал намного важнее его. Он стойко переносил всю унижительность своего положения, и, может быть, именно благодаря тому, что в один прекрасный день он как раз был занят тем, что мыл за кем-то кофейник, ему и пришла в голову совершенно блестящая идея.

“Не делай этого, – сказал он сам себе. – Ты и так уже по уши влип... Послушай, старина, они, конечно, выпрут тебя отсюда в шею, если поймают за руку... На тебя так не похоже, чтобы ты пошел против течения...”

Но... это была такая блестящая идея.

И, как все блестящие идеи, она была невероятно проста. Ник никак не мог выбросить из головы мысли о том человеке, которого он обнаружил зарубленным топором в гостинице за три месяца до убийства Джорджа Роберто Лопеза. Дело в том, что этот человек тоже был сальвадорцем, как ему сказал Уолли Дивер, хотя, согласно документам и расследованию ФБР, он был идентифицирован как Эдуарде Лакин из Панамы. И все это не было случайностью, потому что, по крайней мере один человек знал его как Ланцмана. Это Дивер, живущий сейчас в Бостоне. Он познакомился с Эдуарде в 1990 году в Картахене, в Колумбии, когда президент Буш принимал там участие во встрече на высшем уровне, посвященной борьбе с наркотиками. Почему же Уолли не приехал в морг, чтобы опознать труп? Таким образом, получается, что если...

Он все время старался уловить взаимосвязь между убийством сальвадорского секретного агента и покушением на столь нелюбимого режимом этой страны архиепископа. От этих мыслей у него в конце концов разболелась голова и он снова принялся за мытье посуды.

Генерал наклонился вперед и, обнажив в улыбке белые зубы, произнес тост. Его глаза сияли от радости.

– За нашего друга, полковника Раймонда Шрека. За замечательного человека! За настоящего мужчину!

Он поднял бокал, в котором играло дорогое вино. Генерала звали Эстебан Гарсия де Раджиджо. Этот скользкий, все время улыбающийся человек тридцати восьми лет, который побывал в ряде серьезных боев, был сначала командиром Четвертого батальона (воздушный спецназ), потом Первой бригады и Первой дивизии (“Атакатл”) сальвадорской армии. Неофициально его подразделение называли “Лос гатос негрос”, или батальон “Пантеры”, потому что все они носили черные береты.

– Благодарю вас, сэр, – на испанском ответил Шрек.

Он сидел, не поднимая глаз, на нем была его старая униформа с петлицами подразделений рейнджера, на рукаве – яркая нашивка “Войска Специального Назначения”, на ногах – начищенные до блеска полуботинки, в которые были заправлены форменные брюки. Сложенный вдвое зеленый берет он носил под погоном. Несмотря на возраст, форма сидела на нем просто прекрасно и была так идеально отглажена, что казалось, о стрелки на брюках можно порезаться, как о лезвие бритвы. Среди украшающих его грудь орденских планок на первом месте была медаль за участие в боевых действиях в составе сухопутных войск США, потом – крест “За выдающиеся заслуги”, затем следовали “Пурпурное Сердце” и орден Серебряной звезды с двумя дубовыми веточками. Все это были его награды.

Шрек, генерал и еще какой-то мужчина сидели за обеденным столом в большом зале дома, который располагался на двух тысячах акров превосходной земли между холмов, немного севернее сальвадорского порта Акахутла. Этот дом генералу не принадлежал, во всяком случае пока еще не принадлежал. Это был дом отца генерала, который тоже был де Раджиджо. Династия де Раджиджо вела свою историю с 1665 года, когда испанцы впервые ступили на эту землю и покорили ее народ.

Сидевшего рядом с полковником Шреком третьего человека звали Хью Мичам. Он был небольшого роста, веселый, учтивый и воспитанный, бывший работник Управления планирования ЦРУ. После внезапного увольнения из ЦРУ в 1962 году работал в Вашингтоне в Институте внешней политики Баггинса, и если генерал был “эль гато негро”, то Хью Мичама, этого знатока трубок, вин и

анекдотов, можно было сравнить разве что с “эль горрион”, что в переводе значит “воробышек”.

– Генерал тобой очень доволен, Раймонд, – заметил Мичам. – Он не может быть не доволен, ведь ты же спас ему шкуру.

– Вот именно, шкуру, – подтвердил генерал. Он получил в свое время хорошее образование: учился в Национальном военном институте Сальвадора, затем в Национальном военном колледже в Вашингтоне, округ Колумбия, и, наконец, в Академии для лиц высшего офицерского состава в Форт-Ливенуорсе, штат Канзас. – Нелегкая эта вещь – убить священника, – сказал генерал. – Даже если это коммунистический священник.

– Генерал считает, что архиепископ Джордж Роберто Лопез был коммунистом, – добавил Мичам. – Он искренне в это верит.

Шрек знал, что люди подобного типа всегда удивляли Мичама, который втайне поражался их необузданному варварству. Они были способны на все, и требовались огромные усилия, чтобы удержать их от проявления бессмысленной жестокости. Они могли убивать тысячами. Генерал сам убивал тысячами.

– Великолепная операция, – сказал де Раджиджо. – Я восхищен. Мир будет вам благодарен за то, что какой-то сумасшедший американец, целясь в президента Соединенных Штатов, вдруг случайно попал в его благочестивого соседа. И никто не узнает, что истинное правосудие в том и заключалось, чтобы убить коммунистического священника.

У генерала было рябое лицо и темные усы. Он был одет в смокинг. В наплечной кобуре он носил сделанный из нержавеющей стали 10-миллиметровый кольт “Дельта Элит”. Шрек заметил его рукоятку, отделанную слоновой костью, когда генерал наклонился, чтобы подлить вина.

– Это была очень дорогостоящая операция, – заметил Шрек.

– Сколько бы она ни стоила, это не имеет значения.

– Она была проведена очень кстати, – добавил Хью Мичам. – Этот архиепископ как раз хотел возобновить расследование по деятельности батальона “Пантеры”. А президент бы к его голосу прислушался. Да, для многих людей то, что произошло, выглядело ошеломляюще.

– Это было просто прекрасно, – сказал генерал. – Согласитесь, полковник Шрек, что это был отличный выстрел. Я бы даже сказал

идеальный выстрел, не так ли?

– Да, выстрел отличный, – ответил Шрек.

– Разве кто-нибудь из ваших людей смог бы сделать такой?! Просто первоклассный выстрел! Я восхищен!

– Я тоже, – согласился Шрек. Он очень сожалел, что не знал, кто именно был тем легендарным стрелком. Но кто бы это ни был, он стрелял, наверное, лучше, чем сам Боб Ли Суэггер. Шрек взглянул на Мичама, который как-то странно подмигнул ему, как будто выпил лишнего.

– Когда-нибудь в будущем, – генерал поднял свой бокал, я сочту за честь пожать руку этому человеку.

“Я тоже”, – подумал Шрек.

– Мы передадим нашему снайперу ваши пожелания и чувства, – сказал Хью Мичам.

– Я восхищен, – признался генерал. – Превосходно. Он номер один.

Шрек чуть не добавил: “Только вот этот засранец убежал”. Но Мичам предупредил его, чтобы он не затрагивал эту тему – генерал очень переживал по поводу случившегося прокола.

Шрек быстрым взглядом обвел обеденный зал дома де Раджиджо. Прямо перед выходом из комнаты раскинулся огромный сад; волнистым рисунком посадок и аллей он плавно спускался по холмам к небольшому озеру, которое по форме представляло из себя правильный овал, и, когда солнце вечером склонялось к горизонту, его лучи отражались от стеклянной поверхности воды яркими брызгами света. Сразу за озером начинался густой лес, а еще дальше, где-то в двух милях от них, виднелась узкая полоска моря.

– Вы должны знать, полковник Шрек, что для нас все это прошло не так уж гладко.

– В смысле? – спросил Шрек.

– Вы только не волнуйтесь.

– Вот это да! – сказал Хью Мичам и отпил еще глоток вина. – У нас оказался изменник. Да, да, предатель.

Шрек выжидающе смотрел на генерала, думая о том, что же еще могло случиться.

– Он узнал о наших приготовлениях и скрылся.

– Печально, – сказал Хью Мичам. – Очень печально. Кое-кому это может не понравиться.

– Уже можно не беспокоиться, – ответил генерал.

– Но почему, сэр? – спросил Шрек.

– Этот изменник сам себя выдал. Он скрывался в Панаме и, когда уже думал, что все успокоилось и он находится в безопасности, вылетел в Новый Орлеан. Он хотел обратиться за помощью к ФБР. Но мы его ждали. Помните ту прекрасную разведмашину, которую ваша организация любезно предоставила нашей разведслужбе?

– Естественно.

– Так вот, благодаря ей мы его и выследили. Мы убедились, что это был наш Эдуарде, и убрали его так, как убираем всех, кто что-то лишнее знает о нас или о наших намерениях.

Шрек кивнул головой.

– Ну а теперь я бы выпил, – заключил генерал, – за моих храбрых друзей и славное будущее наших народов.

– Спасибо, – произнес Хью.

“Пошел ты...” – подумал Шрек.

Следующим утром, ожидая вертолет, который должен был доставить его в аэропорт, откуда он собирался лететь обратно в Соединенные Штаты, Шрек стоял на лужайке перед большим домом до Раджиджо и смотрел на море. День был серый и хмурый, дул промозглый, сырой ветер, обжигая кожу непривычным для тропиков холодом. Эта промозглая сырость напомнила ему о Корее, где он был еще совсем безусым юнцом и мерз по утрам, как ребенок.

Именно там он поклялся себе, что сделает все, чтобы только никогда так не мерзнуть по утрам.

Но сегодня ему было холодно.

– Полковник, с вами все в порядке?

Это был генерал де Раджиджо. На нем была камуфляжная униформа и черный берет. Никелированный автоматический кольт по-прежнему торчал из кобуры под его левой рукой.

– Со мной все в порядке, сэр, – ответил Шрек.

– Вы выглядите довольно хмурым, в соответствии с погодой, полковник.

– Нет, сэр. Все нормально.

– Ну хорошо. У меня есть для вас небольшой подарок. Из моих собственных архивов.

Он щелкнул пальцами, и слуга мгновенно принес дипломат. Генерал открыл его и вытащил оттуда черный пластиковый прямоугольник, в котором Шрек сразу же узнал видеокассету.

– Я снял на пленку все операции моего батальона, – пояснил де Раджиджо. – В учебных целях. Это копия одной из них, на которой засняты наши военные действия на реке Сампул. Думаю, мастерское выполнение нашими подразделениями своих боевых задач покажется вам интересным и поучительным.

Первым желанием Шрека было заехать генералу прямо в рожу. Но он скромно улыбнулся и взял кассету.

– У меня таких много, – сказал генерал, – поэтому я дарю вам одну из них.

– Да, сэр. Огромное спасибо.

Генерал улыбнулся с чувством внутреннего превосходства, отдал честь и, когда Шрек в ответ тоже отдал ему честь, повернулся и пошел в глубь дома.

Шрек посмотрел на часы. Вертолет задерживался. В этой проклятой стране ни черта нельзя сделать вовремя.

– Полковник, вы, кажется, сегодня чем-то особенно расстроены?

Естественно, это был старый Хью, который никогда не напивался так сильно, как это иногда казалось со стороны, хотя уже сейчас, в одиннадцать часов утра, держал в одной руке джин, а в другой – тоник и на лице у него играл розовый румянец.

– Эта сволочь только что всучила мне пленку с мясорубкой на реке Сампул. Я думаю, что этим он хочет лишний раз намекнуть на то, что мы все там замешаны, в большей или меньшей степени – не важно, но все. Если он влипнет, то пленка попадет к кому-нибудь наверху, и тогда нас всех убьют.

– Генерал очень практичный человек.

– Меня тошнит от того, что такой ублюдок, как де Раджиджо, думает, что он держит нас на крючке. Он напоминает мне тех желтолицых сытых толстожопых генералов в тропической униформе, которые в семьдесят пятом закончили войну с полными карманами баксов. Каждый тогда уволок в мешке по двести миллионов.

– Раймонд, я всегда ценил ваше чувство такта. Вы обычно никогда не говорили всего того, что думаете, не так ли?

– Мне платят не за то, чтобы я думал, мистер Мичам. Я не учился в Йельском университете, как вы. И вы это прекрасно знаете.

– Конечно, вы правы. Генерал – ужасный человек, настоящий военный преступник, и для него все это – вполне обычные вещи. К тому же он главный поставщик кокаина... Но за действия батальона “Пантеры” на реке Сампул несет ответственность не только он один. Мы там тоже были. Вы, полковник, тоже, кстати. Да, вы там были. На поле боя действовали вами подготовленные люди. И если мы считаем себя вполне взрослыми и ответственными людьми, то должны довести это дело до конца.

Такое объяснение событий, однако, не устроило полковника Шрека.

– Все, что мы делали, – сказал он, – мы делали в здравом уме и рассудке, прекрасно сознавая последствия, риск и цену содеянного. Мы делали это потому, что верили, что это спасет гораздо больше людей, чем погубит.

– Да, мы верили. Это именно то, за что они платят нам деньги, не так ли? На этом же принципе строилась и последняя ваша операция, так успешно проведенная в Новом Орлеане. Она стоила нам двух людей – умного архиепископа с удивительно стойкими моральными принципами и потрепанного войной и жизнью героя Вьетнама, который оказался довольно крепким орешком. Если же мы не используем в своих целях создавшуюся ситуацию и восторжествует воля архиепископа – я имею в виду, если что-то всплывет о батальоне “Пантеры” и о том, кто совершил это покушение и почему, – то и “правые” и “левые” в этой Богом забытой убогой стране поднимут невероятный шум и никогда между собой не договорятся. Никакого договора и в помине не будет. Опять начнутся сплошные перестрелки и войны, и по-прежнему будут продолжать умирать тысячи и тысячи людей...

– Ладно, мистер Мичам, пусть это вас сейчас не волнует. Вас должно волновать то, что здесь могут победить “левые”, даже несмотря на то, что коммунизм сейчас во всем мире разваливается, а кое-где уже совсем развалился, а также несмотря на то, что мы разнесли все в пух и прах в Персидском заливе. Вот на что вам надо обратить сейчас внимание.

Старик улыбнулся одной из своих загадочных озорных улыбок, но тут же поспешил спрятать ее под маской безразличия и скуки:

– Хорошо, Раймонд, верьте в то, что вам нравится, и в то, во что по каким-то непонятным причинам вам так хочется верить. Но вам придется согласиться со мной в одном – в том, что этот Суэггер должен быть пойман и уничтожен.

– Мы найдем его.

– Кстати, по этому поводу у меня возникла одна идея. “Электроток 5400”. Необычайно сложная конструкция и суперсовременный прибор, не так ли?

– Конечно, вы это и сами знаете.

– Я думаю, не стоит оставлять его в Новом Орлеане до тех пор, пока генерал найдет способы протащить его через таможню. Мне пришло в голову, что его можно достаточно эффективно использовать в поиске этого Суэггера.

– Черт, вы, как всегда, правы – согласился полковник.

– Да, я знал, что вам понравится эта мысль. Понимаете, Раймонд, несмотря ни на что, мы все равно должны заботиться и думать о самих себе и своей безопасности. Мы всегда так делали... И всегда будем так делать. Поэтому на вашем месте, – Мичам выдержал небольшую паузу, – я бы уничтожил эту кассету.

– Хорошо, я ее уничтожу, – сказал Шрек, задумчиво глядя на проклятую коробку в своих руках.

Глава 18

Автомобиль Боба буквально пронзал яркий, ослепляющий свет, льющийся на него со всех сторон. Ярким было все. Солнце неистово палило, заливая землю своим огненным сиянием, и белый песок, не впитывая в себя этот свет, сразу же отражал его в разные стороны. Боб вел машину с полуприкрытыми глазами, потому что у него не было солнцезащитных очков. Зная, что его лицо является сейчас самым известным лицом в Америке, он старался нигде не останавливаться и ехал все время прямо и без остановок. Питался он одними булочками и кокой, которые покупал в торговых автоматах на старых объездных заброшенных автозаправочных станциях. Слава Богу, что у него в бумажнике оказалось двести долларов. Он гнал машину, не обращая внимания на боль и сдерживая гнев, он приказывал себе ехать и, сцепив зубы, выполнял собственный приказ. Становилось очень жарко. Кругом была пустыня.

Огромные кактусы с длинными и тонкими колючками выглядели так, будто хотели кинуться на него и заколоть. В глубине души, в той ее части, которая сохраняла в себе остатки религиозности, эти кактусы сейчас ассоциировались у него с распятиями, хотя он никогда не был католиком, а скорее чем-то вроде баптиста, особенно пока был жив его отец. Лежащая перед ним дорога, по мере того, как взгляд устремлялся по ней вдаль, постепенно расплавлялась и таяла, превращаясь в жаркое, плавно колышущееся в воздухе пятно. То и дело появлялись какие-то миражи и казалось, что пыльные чертики перебегают с одной стороны дороги на другую. Он ехал только вперед.

Стрелка спидометра все время указывала на цифру семьдесят – ровно на пять миль в час больше, чем положено на этом участке дороги. Это была уже третья украденная машина, “меркури-бобкэт” 1986 года выпуска. Перед тем как украсть машину, Боб всегда менял на ней номера, снимая их с какого-нибудь другого автомобиля, – это был старый трюк, о котором он услышал на острове Паррис от одного чернокожего юноши, наверное, давным-давно погибшего во Вьетнаме. Бобу выпали тяжелые испытания. Он пробирался через топи и болота, мокрый и злой, еле живой от усталости и потери крови, охотясь на

животных только для того, чтобы выжить, и стреляя только в тех случаях, когда наверняка был уверен в том, что попадет; а когда у него остался последний патрон, который он в конце концов был все-таки вынужден использовать, ему повезло – он наткнулся на следы цивилизации. Тогда Боб выбросил пистолет и угнал машину, а потом было долгое восемнадцатичасовое путешествие, которое и привело его в пустыню. Десять часов в Техасе. Нью-Мексико был короче. Сейчас он находился в Аризоне. И, хотя Техас остался далеко позади, путешествие по этому штату было очень и очень длинным и трудным. Он знал, что уже почти достиг цели. Но что его ждет там? Может быть, ничего. А может быть, как раз то, что ему сейчас надо. Все равно выбора нет; может, он все это выдумал? Нет, не выдумал, просто сейчас в мире нет другого места, в котором бы они не искали его, и, если он не поедет туда, его обязательно схватят. Его ищут везде... только не здесь. У него был еще один шанс.

Машина ехала в гору. Прямо впереди показался маленький городишко, затерявшийся в жаркой пустыне. Разбросанные вдоль дороги редкие строения ярко сияли на солнце своими жестяными крышами. Там тоже, наверное, были какие-то представители закона, но Боба это сейчас мало волновало. Где-то вдалеке, на самом горизонте, виднелись нежно-фиолетовые вершины гор. Но сейчас его интересовали только эти маленькие домики в пустыне. Он снизил скорость. Город быстро приближался.

На дорожном указателе было написано: “АХО, АРИЗ., НАС.7567”.

Он ехал по городу, прикрыв глаза рукой, чтобы не так слепило солнце. Банк, стриптиз-бар, продуктовый магазин, две бензозаправочные станции, главная улица, представляющая из себя ряд трактиров с надписями “Макдоналдс”, “Бургер Кинг”, еще одна заправка, школа и, наконец, “Санбелт трейлер парк” – небольшой жилой квартал с маленькими аккуратными домиками.

Боб медленно въехал в него. Прodelать такой длинный путь ради этого захудалого местечка? Гм-м... Всего-то, наверное, сотня трейлеров да сотня пальм. Хотя он все именно так себе и представлял.

Он чуть не потерял сознание прямо здесь, у самой цели. В глаза ударила дикая волна боли, и все тело сначала напряглось, а потом внезапно расслабилось, безвольно обмякнув на сиденье автомобиля. Ему казалось, что вся кожа вдруг начала гореть огнем, как будто у него

была какая-то страшная кожная болезнь. То место, где пуля прошла навывлет рядом с соском, представляло из себя эпицентр боли и мук; оно вздрагивало в такт ударам сердца, и волны боли распространялись от него по всему телу.

“Стоит ли это делать?” – спросил он сам себя.

Он ездил по узким, маленьким улочкам между трейлерами и наблюдал за людьми, которые были похожи на героев мультиков, толстые, дородные американцы в шортах, их жены с аккуратными прическами и множество предоставленных самим себе детей.

“Надо осмотреться и быть поосторожнее, – подумал Боб. – Я, наверное, обращаю на себя внимание”.

Но никто даже не смотрел в его сторону, потому что все слишком глубоко были погружены в свои собственные дела.

И тут он увидел ее имя на почтовом ящике, рядом с которым были две буквы “Д.М.”, указывавшие на ее профессию.

Суэггер помнил адрес наизусть. Все конверты возвращались обратно нераспечатанными, письма – непрочитанными, просто заклеенными в большие по объему конверты. А цветы, которые он посылал каждый год к четырнадцатому декабря?.. Она, наверное, их просто-напросто выбрасывала. Ни разу ни одного знака благодарности в ответ. Да, женщины всегда так поступают. Джули Фенн не изменила свою фамилию и даже никогда не пыталась этого сделать. Скорее всего, она просто не позволит ему переступить порог ее трейлера... Прошлое должно оставаться в прошлом, потому что возвращение к нему, как правило, приносит людям слишком много боли.

Боб сидел в машине и смотрел на ее жилище: трейлер был старенький, но аккуратный и ухоженный, с маленькими чистенькими окнами и стоящими за ними цветами. Женщины всегда живут в уюте и чистоте. Сам трейлер был коричневый, по углам обшитый белым пластиком. Аккуратно, очень аккуратно.

А если, предположим, ее нет сейчас дома? Но рядом с трейлером стояла машина, которая, скорее всего, принадлежала ей. И имя тоже было ее, как раз то, которое он помнил. А вдруг она там не одна? Почему бы и нет? Ведь она женщина, почему бы ей не иметь мужчину?

Но он чувствовал, что мужчины там нет.

Выключив двигатель, он нетвердой походкой направился к двери. Подойдя, негромко постучал.

Раньше Боб никогда не видел эту женщину, только на фотографии. Но, когда она открыла дверь, он сразу же ее узнал. Тогда, во Вьетнаме, глядя на ее фотографию, он старался угадать, какая же она на самом деле. Тогда Джули она была молодой и красивой; сейчас же перед ним стояла не такая молодая, как тогда, но по-прежнему на редкость красивая женщина.

Выражение ее лица было упрямым, кожа смуглой, с тоненькими лучиками разбегающихся от уголков глаз морщин, которых, впрочем, было очень мало; серые глаза смотрели на него сквозь стекла очков с неописуемым изумлением. Волосы были светлые, почти как у блондинки. Стоявшая перед ним высокая, стройная женщина молча смотрела ему в глаза, которые сейчас можно было сравнить разве что с безжизненной пустыней.

На ней были джинсы и какой-то пуловер, на лице не было даже следов косметики, и красивые густые волосы были собраны на затылке в хвостик. В руке Джули держала книжку, скорее всего, какой-нибудь роман.

– Да? – вопросительно протянула она, и по лицу ее пробежал легкий испуг. У него не было ни малейшего представления о том, что надо говорить. Он не общался с женщинами уже в течение долгих лет.

– Простите, – сказал он, – простите за беспокойство, мэм, и за мой внешний вид. Меня зовут Суэггер. Боб Ли. Я знал вашего мужа по службе в морской пехоте. Мы были большими друзьями.

– Вы... – начала она. А потом снова повторила: – Вы?

Сказав это, женщина замерла, и на ее лице промелькнула гримаса боли. Он видел, как тщательно она его рассматривает: его небритое, заросшее, покрытое потеками грязи лицо, неряшливую, оборванную рубашку с темно-бурыми пятнами запекшейся крови, его воспаленные красные глаза; он сам чувствовал исходящий от него острый, кислый запах мужского пота – да, последнее время ему было не до гигиены. Вероятно, она заметила не только это, но и то, что он выглядел абсолютно беспомощным. Боб знал, что сейчас полностью отдал себя в ее руки. Его опять начал бить озноб, он закачался...

– О Господи, как вы ужасно выглядите!

– Да, за мной охотится весь мир, причем за то, чего я совсем не делал. Я ехал двадцать четыре часа без остановки. Я приехал к вам, потому что...

Она пристально посмотрела на него, как бы говоря: “Хорошо, если это так”.

– ...потому что он говорил, что рассказывал вам обо мне в своих письмах. Это были самые приятные моменты в моей жизни, и если вы верили тому, что писал вам ваш муж с войны, то, может быть, поверите и мне, если я скажу, что все, что обо мне говорят, – неправда, а я действительно нуждаюсь в вашей помощи. Это мой последний шанс. Вы можете впустить меня, а можете вызвать полицию. Так или иначе, но мне больше деваться некуда.

Джули все так же внимательно смотрела на него.

– Вы поможете мне, миссис Фенн? Мне больше некуда идти...

После непродолжительной паузы она наконец произнесла:

– Вы... Я знала, что вы придете. Когда я услышала об этом, я сразу поняла, что вы придете.

Боб вошел в трейлер. Она уложила его в постель, отбросив в сторону покрывало и простыни. Весь мир куда-то провалился.

– Пойду отгоню машину куда-нибудь подальше, – сказала она, и это было последнее, что он слышал, прежде чем провалился в пустоту.

Бобу приснился Пайн. Он увидел его как раз в тот момент, когда прозвучал выстрел Соларатова и Пайн окликнул его по имени. Боб повернулся прямо на вспыхнувшее пламенем дуло, всю комнату осветило, раздался дикий грохот, и он понял, что больше им не нужен и на прощание они дарят ему эту пулю в грудь. Ему снилось, как он падает на колени, весь кипя от ярости и бессилия, а потом – на пол.

Сон снова и снова прокручивался у него в голове: пламя выстрела, падение и понимание того, что игра уже проиграна. Он чувствовал, что кричит. Наконец он проснулся.

Судя по всему, уже было утро. Он чувствовал себя намного лучше, его раненая рука была туго прибинтована к груди. Все тело было чистым. Кто-то обмыл его губкой. Он был без одежды. Натянув повыше шерстяное одеяло здоровой рукой, он ощутил себя еще более уязвимым. Боб зажмурился, сглотнул слюну и внезапно почувствовал, что ужасно хочет пить. Ноги ныли, голова раскалывалась, на руке

почему-то тоже были бинты, она болела. Черт, его ведь сюда тоже ранили, а он совсем об этом забыл.

Боб огляделся, изучая комнату: звукопоглощающий потолок с ровными и аккуратными рядами дырочек, какие-то занавесочки, сквозь щели в которых пробивалось солнце, хотя, если не принимать это во внимание, комната была достаточно темной и маленькой. Рядом с ним на столе стоял графин с холодной водой. Он приподнялся и, налив себе целый стакан, выпил его одним глотком.

– Как вы себя чувствуете? – Она тихо проскользнула в дверь.

– Спасибо, хорошо. Похоже, мне еще суждено пожить на этом свете. Сколько я...

– Сегодня третий день.

– О Господи!

– Во сне вы кричали, плакали, умоляли. Кто такой Пайн? Вы все время вспоминали Пайна.

– Пайн... э-э... понимаете... Этот парень, который сыграл со мной очень злую шутку.

– Мне всегда казалось, что в мире найдется немного людей, которые рискнули бы так с вами поступить.

– Может быть. Но он один из них.

– В газетах пишут что вы – убийца с психопатическими отклонениями, настоящий сумасшедший с винтовкой в руках. Они считают, что вы не в Новом Орлеане, а в Арканзасе. Или уже мертвы. Некоторые действительно думают, что вы уже умерли.

Боб ничего не ответил. Голова просто раскалывалась от боли.

– Я не убивал президента.

– Президента?!

– Я бы никогда не убил прези...

– Но это был не президент. Президент жив. Неужели вы не слышали по радио?

– Мэм, я целую неделю промотался по болотам, убивая раз в два дня какого-нибудь зверя, чтобы не умереть с голоду. А в машинах мне было не до этого, я ехал.

– Это был не президент. Говорят, вы целились в президента, но попали в архиепископа.

– Я еще ни разу в жизни не промахнулся. Тем более из той вин...

Тут он остановился.

– Донни тоже так говорил. И я в это верю. Но там приводятся доказательства: отпечатки пальцев, экспертиза винтовки, проба пороха и всякое такое...

– Ну, это еще ни о чем не говорит. Может быть, они и не так умны, как думают. Может быть, и я не так глуп и беспомощен, как они меня изображают. Вы говорите, епископ?

– О Боже, вы что, действительно ничего не знаете? Либо это правда, либо вы самый великий лжец в мире.

– Я бы ни за что не выстрелил в священника. Я дал себе слово больше никогда не стрелять в людей и не делал этого уже больше десяти лет. – Боб угрюмо покачал головой.

“Выстрел в священника, – подумал он – так вот ради чего все это было! Они заставили меня выследить его, просчитать все наилучшим образом, они заставили меня работать на них, а потом повернули все это против меня самого... из-за какого-то священника?!”

Вдруг ему в голову пришла неожиданная мысль. Он глубоко вздохнул:

– Скажите, пожалуйста, а не было ли в газетах чего-нибудь о моей собаке?

– О! – воскликнула Джули. – Вы разве не знаете?

– Они убили ее?

– Говорят, что это сделали вы сами.

– То, что говорят, и то, что произошло на самом деле, две совершенно разные вещи, – сказал Боб. Но ему было неприятно, что люди могут думать о нем так плохо. Он видел, что женщина наблюдает за ним. – Ублюдки. Убить такого старого и такого доброго пса! Ну и сволочи!

– Удивительно. За вами сейчас охотится буквально вся Америка, а вы спрашиваете меня о своей собаке. И, когда узнаете, что она умерла, расстраиваетесь почти до слез.

– Этот старый пес искренне любил меня, и я сейчас сожалею, что порой был с ним слишком суров. Он не был кастрирован, но, несмотря на это, никогда не убегал и всегда оставался со мной. Он заслужил гораздо больше, чем получил.

– Так происходит со всеми. Послушайте, вам надо хорошенько отдохнуть. Вы пережили слишком много, к тому же у вас большая потеря крови. То, что случилось с вами, убило бы кого угодно. Я знаю

некоторых индейцев, которые могли бы все это вынести, но я практически не знаю белых, которые могли бы пройти через этот ад и остаться в живых.

Боб снова погрузился в сон, но на этот раз уже без сновидений. Когда он проснулся, Джули все так же была рядом. Немного поев, он задремал. Проснувшись в третий раз, он заметил, что она по-прежнему находится здесь и молча смотрит на него.

– Который сейчас час?

– Час? Сегодня вторник, вот который час. Вы проспали восемнадцать часов.

– Мне кажется, что я никогда не смогу встать на ноги.

– Нет. Я думаю, сможете. Вам очень повезло. Пуля прошла навылет и почти не причинила вреда. Вы поступили достаточно умно, заткнув пулевое отверстие кусочком вощенной бумаги. Вероятно, именно это вас и спасло. Все сейчас только и делают, что высказывают предположения по поводу мотивов вашего поступка. Говорят, что вас могло толкнуть на это желание отомстить за отца или, например, раздражение от того, что вы не стали таким же знаменитым героем, как – я не знаю, правильно ли я произношу его имя, – Карл Хач... Хатч... Хачко...

– Хичкок. Карл Хичкок.

– Да. Так и говорили.

– Это все пустые разговоры. Никто из них не знает главного. Мой отец был настоящим героем. И меня никогда не интересовали награды. Они не волновали ни его, ни меня. Это все чушь. – Он с горечью смотрел в пустоту. Отец... Люди не имеют права втягивать в это дело его отца.

– Вам не следует так серьезно ко всему этому относиться, – сказала она.

– Они устроили из случившегося цирк. Хотя в таких случаях они, как правило, всегда именно так и поступают.

Он смущенно забормотал:

– Я должен вас поблагодарить. То, что вы делаете, это...

– Нет, не надо благодарить. В какое-то мгновение я поняла, что вы не могли выстрелить ни в президента, ни в архиепископа. Если бы вы были способны на такое, Донни увидел бы это еще тогда, во Вьетнаме. От него бы это не укрылось.

Боб был не в силах поднять на нее глаза. Ее слова произвели на него странное впечатление. Он вдруг почувствовал себя маленьким, слабым и неловким. Он должен был сказать ей правду.

– Если Донни говорил вам, что я самый настоящий герой, то это не совсем так. Я должен признаться вам, что... десять лет был алкоголиком и даже приобрел привычку бить женщину, которая, единственная в этом мире, любила меня. Я разрешил себе опуститься на самое дно, и это, пожалуй, хуже всего. К тому же я позволил этим подонкам обмануть себя и в результате превратился в существо, мало чем похожее на человека.

Выражение ее лица говорило о том, что она не совсем понимает его.

– Кто эти подонки? – продолжал Боб. – О, вы знаете кто. Они всегда вокруг нас, эти умненькие мальчики, у которых на все есть ответы, они всегда подскажут вам, что такое хорошо и что такое плохо и почему вам должно быть стыдно за ваш поступок. Но хуже всего то, что я дурак. Я позволил этим умникам пробраться в мою жизнь и обвести меня вокруг пальца. Да, они действительно умны. Они разузнали все мои слабости и так ловко пролезли в мою душу, что я даже этого не заметил. Они надули меня. Сделали из меня полного идиота. Господи, превратить меня в самого преследуемого человека в стране! Но я выжил. И теперь пришла моя очередь. Мне очень хотелось бы остаться здесь до тех пор, пока я не почувствую себя лучше и не придумаю, каким будет мой следующий шаг. Прошу прощения за то, что причинил вам столько беспокойства, но никакая другая дверь не открылась бы для меня. Поэтому я прошу вас: пожалуйста, позвольте мне остаться здесь и прийти в себя. Всего лишь на несколько недель, максимум – на месяц. Дайте мне возможность все обдумать, взвесить и решить, что делать дальше. К сожалению, мне нечего вам предложить, кроме своей благодарности. Вы ее примете?

Она бросила на него грустный взгляд. Потом на ее лице вдруг засветилась улыбка.

– Господи, – сказала она, – как прекрасно, когда в доме есть мужчина!

Глава 19

Получивший недавно повышение детектив Леон Тиммонс напился и пребывал теперь в наипрекраснейшем расположении духа. У него все было хорошо, и жизнь казалась сплошным счастьем.

– Эй, Пайн, эй, черт... парень, мы... мы прокрутили это дело, а, не так ли?

Пайн фыркнул. Они сидели в ресторане “У Большого Сэма”, в квартале Бурбон. На сцене колыхалась полногрудая девица. Пайну она напоминала кусок сырой говядины, качающийся на крюке в мясном магазине.

– Черт, – сказал Тиммонс, – черт, старина, крутая телка, а? Как тебе, Пайн?

– Да, крутая, – ответил Пайн, – круче просто не бывает.

– О-о-о!!! – выдохнул Тиммонс, и в его глазах вспыхнул огонь.

Пайн не спеша отхлебнул пива “Дикеи”. Это была единственная вещь, которая нравилась ему в Новом Орлеане. Больше в этом городе его ничто не привлекало. Кто-то незаметно поставил перед Тиммонсом еще одну кружку пива.

– В чем дело? – повернулся он.

– Леон, дорогой, – сказал официант, – вон те джентльмены выражают тебе свою благодарность за то, что ты почти что убил человека, который чуть не убил президента, в общем...

Приветственным жестом Тиммонс поднял бокал с пивом в направлении своих почитателей, которые оказались группой дантистов из Дэйтона. Освещенные темно-красным светом ламп, они поаплодировали ему, подняв над головой руки, а потом снова стали посмеиваться над танцующей на сцене красоткой Бонни Клайд с длинной сигаретой в зубах.

– Ты настоящий герой, – сказал Пайн.

– Клянусь, ты прав. Знаешь, Пайн, ведь этот президент, черт, как его там... ну ладно, так вот, он должен пригласить меня в Белый дом. Он должен выписать мне пригласительный билет, и чтобы мое имя было написано им собственноручно и большими буквами прямо по всему билету. Как ты думаешь?

– Естественно, должен, – поддержал Пайн. – Ты же спас ему жизнь. Ведь это ты удержал Боба Ли Суэггера от следующего выстрела и чуть его не прихлопнул. Ведь ты чуть не грохнул самого Боба Снайпера!

– Да, ты прав, – сказал Тиммонс, который к этому времени уже окончательно поверил в то, что так все и было и что он действительно чуть не убил Боба. Поэтому он снова рассказал Пайну эту историю во всех мельчайших подробностях и, конечно, значительно все приукрасив. Пайн слушал со скучающим видом. Наконец Тиммонс выдал такую фразу:

– Знаешь, а ведь я бы мог стать полицейским года.

– Тебе стоит подумать о том, чтобы продать эту историю для киносценария.

– Здесь я тебя опередил, Пайн... У меня уже есть агент... в Голливуде. Очень большой человек. Мы заколотим с ним кучу бабок.

– Тебе не нужен никакой агент. Ты и так уже получил целый мешок денег.

– У меня не так много денег, как ты думаешь... – сказал Тиммонс. – И потом, денег никогда не бывает много, их все время мало.

– Да уж, – согласился Пайн.

Глаза Тиммонса снова вернулись к телу красотки Клайд. Он облизал губы. В эту минуту все его лицо выражало невероятное удовольствие.

– Думаю, ты смог бы снять себе эту девочку, – бросил Пайн. – Мне кажется, она будет невероятно счастлива провести время в компании с героем-полицейским из Нового Орлеана, который почти что убил того человека, который чуть не убил президента, который... ну, короче, сам знаешь.

– Видимо, ты прав, – кивнул Тиммонс. Подозвав самоуверенным жестом управляющего, он быстро объяснил ему, что хочет.

– Все будет сделано, – ответил тот.

– О-о... сегодня, чувствую, будет жаркая ночь, – мечтательно протянул Тиммонс.

– Знойная девочка. Стены будут трястись так, что потолок в конце концов грохнется на пол, – заметил Пайн.

После того, как красотка Клайд ушла со сцены и ей на смену вышла мисс Сюзи Кью с просто необъятной грудью, к ним снова подошел управляющий.

– О'кей, все в порядке, – сказал он. – Она согласна и призналась, что делает это исключительно для сержанта-детектива Тиммонса. Но, понимаете, она попросила об одном одолжении. У нее есть дружок, отвратительный ублюдок-негритос. Так вот, она хочет, чтобы вы были осторожны и сделали все очень тихо. Чтобы до Бена ничего не дошло и он не рассердился, потому что Бен ей голову оторвет, если поймает с другим мужчиной.

– О'кей, – согласился Тиммонс. – Ну и как мы это устроим?

– Подходите к служебному входу ближе к полуночи. Этот негр работает пожарником, поэтому уходит на смену в одиннадцать тридцать. Там вы ее встретите, и она отведет вас к себе в комнату, где вы и протрете ей ее “запотевшее стеклышко”. Она вам понравится, она всем нравится, только будьте осторожны.

– О, меня это так возбуждает... – воскликнул Тиммонс.

– Конечно, придется немножко подождать... – елеиным голосом пропел управляющий, который весь казался каким-то скользким и напоминал прилизанную крысу с тонкими прямыми усами.

Итак, Пайн и Тиммонс продолжали ждать назначенного часа, изо всех сил стараясь прикончить все существующие запасы фирмы “Дикси Бруэри”, а если это не удастся, то, по крайней мере, “работать” на пределе всю ночь. Они напоминали двух закадычных приятелей-моряков, которые ушли в море в 1960 году и сейчас впервые с тех пор сошли на берег. Дорогостоящая и тщательно выполненная прическа Тиммонса, на фоне которой как-то странно выделялись его густые героические брови, блестела от лака. Он весь был в ожидании жаркой ночи. Пайн же все больше и больше погружался в собственные мысли. К полуночи Тиммонс был уже в стельку пьян. Пайн встал, показал на часы. Тиммонс послушно поднялся и, тяжело волоча ноги, поплелся за ним.

– Все в порядке, – хрипло сказал он.

– Ну что ж, тогда пойдем, малыш, – ответил Пайн и потащил его через узкий проход между столиками к выходу, на свежий воздух Бурбон-стрит.

На улице было полно народу, и вся эта круговерть создавала впечатление какой-то безудержной вечеринки в аду. Ученики колледжа из Оле Мисс, туристы с севера страны, множество матросов, несколько человек аристократического типа в ярких куртках и военные в форме

цвета хаки в сопровождении своих бледных и почти бестелесных женщин. Курили практически все. Вверх и вниз по улице толпились очереди: некоторые стояли, чтобы попасть на стриптиз-шоу, некоторые – на транссексуальные представления, другие хотели купить в красочных сувенирных магазинах футболки на память, кто-то стремился прорваться в фешенебельный ресторан “У Антония и Арнауда”. Несколько несчастных дам, оставшихся без кавалеров, печально смотрели с нависающих над улицей балконов на все это зрелище.

– Ну и что делать дальше? Куда теперь? – спросил Пайн, оглядываясь в этой суматохе. – Что-то мне не верится, что я смогу пробраться через эту толпу, не зацепив какого-нибудь громадного негра.

– Пали тогда в него, – сказал Тиммонс, – нечего церемониться. Не бойся кого-нибудь огорчить. Может, это даже к лучшему – тогда для тебя освободится его подружка. Или ты хочешь протащить с моей телкой, естественно, после того, как я кончу?

– А сколько ты будешь кончать? Секунд двадцать?

– Ха! Я смогу палить эту кобылу хоть полночи!

– Ну хорошо, тогда я пас. Быть вторым, тем более после такого специалиста, как ты, – это не для меня.

Пробираясь через кипящую толпу, они наткнулись на матросов. Пайн ненавидел их еще с армии, где для всех, кто служил в сухопутных войсках, просто полагалось ненавидеть матросов. Он почувствовал, что сейчас может влезть в драку. Ему так хотелось со всей силы ткнуть кулаком в одну из этих мерзких рож и посмотреть, как получивший удар рухнет на землю, отплевываясь зубами и кровью. Но вместо этого он продолжал двигаться вперед. Ночь была какой-то печальной. Полная луна освещала разрисованные пастелью здания квартала, и ее ровный свет наводил на грустные размышления. Это напомнило ему город в джунглях. Почти как в Сайгоне. Только вот желтолицых нет. Слишком много негров, толстых парней и милых девушек, много шума и движения, но желтомордых нет. Ему вдруг вспомнилось то смешанное ощущение войны, безумия и какого-то даже приподнятого настроения – ведь в любую минуту они могли все умереть, – которое охватило его, когда, наглотавшись амфетамина, их боевой отряд целый месяц, показавшийся им вечностью, сдерживал

фронтальные атаки в проклятых джунглях Вьетнама. Охваченный меланхолией, Пайн грустно вздохнул.

Казалось, сегодня здесь собрался весь город. Люди заполнили почти все узкие улицы и, разгоряченные спешкой и эмоциями, так и искали, с кем бы столкнуться. Но только не он. Сегодня Джек Пайн отличался от всех них, потому что у него было более серьезное дело.

Рядом с ним шел одержимый похотью Тиммонс. Говорили, что он мог прийти в любой публичный дом в Новом Орлеане и его бы с готовностью там обслужили по высшему разряду, но здесь было совсем другое – другие чувства, другие ощущения. Поэтому он весь буквально сгорал от страсти и нетерпения.

– Она очень знойная женщина, – снова заговорил он.

– Да, да, – согласился Пайн. – Ну и куда ты теперь прешься?

– Чуть-чуть вверх, потом направо, за самым рестораном надо повернуть налево и спуститься по переулку. Она выйдет через служебный ход, там, где танцплощадка.

– Да, ты классно знаешь этот город.

– Прилично знаю, я бы так сказал, – произнес Тиммонс, что-то напевая от нетерпения. Сейчас он чувствовал себя абсолютно счастливым.

Когда они прошли Бурбон, толпа стала редеть и рассеиваться. Здесь, в боковой части одной из улиц, они увидели небольшой проезд шириной с машину, который уходил в темноту между старыми обветшалыми зданиями. Когда они свернули в него, им в ноздри ударил запах мочи и гниющих отходов. Впереди замаячили какие-то фигуры; казалось, эти люди ссорились. Что там было точно, определить было трудно, но в общем это выглядело так, как будто большой чернокожий избивал маленькую белую женщину.

– О-о, – протянул Пайн, – я уверен, что тут совершается преступление. Посмотри.

– Вот дерьмо, – сказал Тиммонс. Он засунул руку под мышку и вытащил из кобуры знаменитую беретту. Двигаясь вперед развязной полицейской походкой, он заорал:

– Руки вверх! Полиция! Ну ты, черная скотина, прекрати немедленно!

Пайн смотрел, как глупо спешит вперед Тиммонс, и не испытывал ни сожаления, ни печали, потому что в душе он питал к этому

человеку только глубокое омерзение. Парочка распалась, и теперь они уже поодиночке смотрели на человека, который спешил к ним с пистолетом в руке.

– Черт тебя побери! Я же сказал, прекрати, – заорал Тиммонс.

Он выстрелил в воздух и еще решительней направился вперед, немного удивленный тем, что чернокожий не убежал, как это обычно бывало. Заметив, что у негра неизвестно откуда в руке вдруг тоже появился пистолет, Тиммонс на секунду остановился.

– Ну-ка пре... – начал было Тиммонс, но в это мгновение первая пуля попала ему в горло, а через секунду вторая точно под левый глаз. Это были пули 25-го калибра, выпущенные из какого-то полуигрушечного пистолета, из которого нельзя было вести прицельный огонь более чем на десять футов. Но между ними было семь.

Тиммонс умер, схватившись за маленькую ранку на лице, из которой, как из прорвавшейся канализационной трубы, хлестала кровь.

Задержавшись только на секунду – чтобы перемигнуться с Пайном, – чернокожий сразу же скрылся. Все прошло точно по плану. Это был Морган Стэйт, по крайней мере, так его называли в группе. Он был правой рукой Пайна, прекрасно стрелял и имел за плечами немалый опыт хладнокровных убийств в подобных ситуациях. В таких делах он был незаменимым человеком. Сейчас его здесь уже не было. Туристка, к которой он приставал, как и было предусмотрено заранее, стала кричать и плакать, как бы от побоев и вида крови, хотя на ней не было ни единой царапины. По плану она должна была изображать невинную жертву и быть свидетельницей всего произошедшего. Главное – чтобы был свидетель.

Завизжали сирены, и уже через несколько минут в переулок влетела первая полицейская машина. Пайн незаметно растворился в темноте.

Она скупила все журналы, все газеты и вообще все, что только можно было найти из прессы в Ахо, не привлекая к себе внимания.

Через десять минут чтения Боб наткнулся на заметку о смерти Майка. “Странно, что такого рода информация попала в официальные сообщения”, – подумал он.

Боб медленно отложил журнал в сторону и задумчиво уставился в окно. До самого горизонта лежала освещенная ярким светом пустыня,

над ней висело раскаленное небо, которое приковывало взгляд своей бесконечностью.

Он так и просидел большую часть утра, размышляя над тем, кто же мог убить Майка. Он пришел к выводу, что это мог сделать только один человек. Естественно, для того, чтобы взять его винтовку из трейлера, им надо было убить Майка. Майк ни за что не пустил бы их внутрь. Что бы ни случилось, он бы стоял до последнего, а если бы они попытались его отравить, то могли бы остаться нежелательные следы или какие-нибудь другие улики.

Он прочитал предложение еще раз:

“Вполне очевидно, что, зная о том, что он не сможет вернуться после своего “подвига” домой и позаботиться о собаке, Суэггер выстрелил животному в голову патроном 12-го калибра, а затем похоронил его в небольшой могиле”.

“Ладно, – подумал он, – жалеть будем потом, а сейчас надо действовать”.

Но боль утраты не отпускала его. Он чувствовал, что в глубине души у него еще теплится какая-то глупая надежда на то, что когда-нибудь он вернется домой и старый Майк, с радостным визгом бросившись ему навстречу, вскинет на него свои грязные передние лапы и, счастливый от того, что вернулся его хозяин, будет преданно заглядывать ему в глаза и лизать в щеки.

“Ладно, – снова подумал он, – ты убил моего пса. Теперь пришла твоя очередь платить по счету”.

Он не спеша прочитал все статьи, которые только могла найти Джули. Он прочитал их не торопясь, с начала до конца, несколько раз. Лицо его не выражало никаких эмоций. Он закрыл глаза и увидел себя голым. Его препарировали, разобрали по косточкам и вывернули наизнанку. Для них он был не более чем игрушкой. Каждый считал своим долгом высказать свою теорию, идею, замечание или просто мнение по поводу его поступка. Он понял, что ничего личного у него больше нет. У него забрали его собственное “я”, и теперь это “я” навсегда перестало существовать.

Они были правы, но... как они ужасно заблуждались! Они все пытались разглядеть его настоящее лицо, а видели лишь отражение в кривом зеркале.

“Полученный Суэггером крест “За службу в ВМС” свидетельствует о его агрессивности и безрассудном желании убивать. И одно только это могло служить предостережением о возможности трагических событий, произошедших первого марта”,

писал “Тайм”.

Это была вторая высшая награда в стране. Тогда, в долине Ан-Лок, он спас сотни жизней, а теперь они выставляют его как преступника.

“Жестокость вообще была присуща всему семейству Суэггеров. Отец Боба, Орл Суэггер, однажды утром уничтожил три пулеметных расчета. Это было во время его службы на “Айво Джима”. Затем он вернулся к такому же образу жизни в подразделениях по обеспечению законности, где постоянно участвовал в жестоких столкновениях, кульминацией которых стала кровавая перестрелка, в которой он убил двух человек, но и сам тоже был смертельно ранен на 67-й магистрали возле Форт-Смита”.

Они не обошли стороной даже его отца, который честно выполнял свой долг перед страной и штатом, превратив его в какого-то помешанного на убийствах маньяка. О том, что за Джимми и Боба Пайя его отец в тот трагический вечер отдал собственную жизнь и тем самым спас жизни многих других людей, не говорилось ни слова.

Еще одна статья была посвящена его тяжбе с журналом “Месенери”, который поместил на своей обложке его фотографию с надписью о том, что он самый опасный человек в Америке. В ней рассказывалось, как хитрая старая лиса Сэм Винсент выудил из их карманов тридцать тысяч долларов, тем самым громогласно предупредив все остальные имеющие отношение к оружию издания о том, чтобы они воздержались от подобных поступков. В конце статьи “Тайм” сухо ставил точку: “Весьма сомнительно, что сегодня Суэггер выиграл бы свое дело”.

Прочитав все это, он покачал головой, думая, какими все-таки извращенными могут быть люди. Какие они непостоянные. Откуда они такие взялись? Что их сделало такими? Откуда они узнали все эти подробности? Откуда они вообще все это взяли?

Неужели есть такая школа, которая всему этому учит? Кто, черт побери, дал им право склонять вдоль и поперек чужую жизнь и обсасывать все ее подробности так, как им хочется? Ничего не

упустили, везде засунули свой нос. Сфотографировали все внутри его трейлера. Пролистали все его книги, удивленно заметив при этом, что среди пороха, гильз и патронов, среди классических изданий по стрельбе и устройству винтовок обнаружили Сассун, Оуэн и Грейвс. Но и здесь они оговорились: в сборниках якобы была поэзия, посвященная только военной тематике. На фотографии был изображен его стеллаж для винтовок, где каждая винтовка стояла на своем месте, почищенная и смазанная. Репортеры выразили недоумение и разочарование по поводу того, что среди них они не обнаружили, как они их называли, “штурмовых винтовок”. В диаграмме была представлена дальность стрельбы его основной винтовки. В мельчайших подробностях были разобраны две его победы по стрельбе в соревнованиях, проводившихся в Арканзасе. Ниже он увидел схематическое изображение того выстрела, который, как считалось, он сделал в Новом Орлеане из дома номер 415 по улице Святой Анны возле парка Луи Армстронга. Оно было разбито на участки и проанализировано. В мельчайших подробностях давались физические и баллистические характеристики полета пули, ее траектория была разбита пунктирными линиями на квадратики до того крестика, который обозначал столкновение пули с целью. Все выглядело убедительно, но все это было чушью. Он еще раз просмотрел кадры киноплёнки, на которых были запечатлены поэтапно восхождение на подиум, падение и неподвижное тело того человека, которого, как считалось, он убил, хотя в действительности он никогда в своей жизни даже не слышал об этом архиепископе. Целостность и завершенность картины поразили его. Все было прекрасно продумано и великолепно исполнено, но хуже всего было то, что они сумели его разгадать.

Не те паршивые репортеры, которые ни черта во всем этом не понимали, а другие – люди из ЦРУ. И уже не имело значения, кто они и что из себя представляют. Они знали его изнутри. Причем иногда даже казалось, что они либо прожили его жизнь, либо думали его головой.

– Ты выглядишь ужасно измученным, – сказала Джули.

– Эти люди узнали обо мне слишком много, – признался он. – Меня порой просто пугает, сколько они знают. Они сумели понять, как я думаю...

Он снова мысленно вернулся к тому моменту, когда эти подонки пришли к нему и он не смог им отказать. Этот русский снайпер

Соларатов, как он теперь понимал, скорее всего, вообще не существовал. Да, прекрасно сработано. Они знали все его чувства и мысли и без труда подцепили на крючок.

Потом из “Ньюсуик” он узнал, что тот человек, которому он свалился на голову на улице Святой Анны, был Ником Мемфисом из ФБР!

В этом имени Бобу почудилось что-то очень знакомое, с чем он совсем недавно сталкивался. Мемфис... Мемфис... где он мог слышать это имя раньше? Оно не давало ему покоя, мучая его воображение и память, пока он наконец не вспомнил все до мельчайших подробностей: Мемфис была фамилия того парня, который в Талсе промахнулся, стреляя в грабителя банка, и попал в спину девушке. Боб должен был повторить его выстрел, он даже прослушал пленку с записью того, что тогда произошло в Талсе, и узнал, почему Мемфис допустил такую грубую ошибку. Боб вспомнил свой точный выстрел и то, как эти парни изображали восторг, дурача его своими штучками из липового “Экьютека”.

Интересно, был ли Мемфис задействован в этой операции? Боб вновь увидел ошеломленное, изумленное выражение его широкого лица, круглые глаза, еще не успевшие испугаться от неожиданности, то, как легко выскользнул из кобуры 10-миллиметровый “смит”, когда он бросил его на землю, и как сам он тогда с пистолетом в руке в нерешительности какую-то долю секунды замешкался над поверженным фэбээровцем. Если бы он был из тех, кого теперь Боб просто называл одним словом “они”, то тогда, по предположениям Боба, Ник Мемфис был бы готов к его появлению и ждал бы его совсем в другом месте. Кроме того, он ни за что не оставил бы свою машину незапертой, да еще с ключами в замке зажигания. Здесь же была его фотография на фоне здания местного управления ФБР в Новом Орлеане. Под ней была подпись, которая гласила: “Агент Мемфис, потеряв работу, спешит к машине”. Да, это был именно он, явно расстроенный и взволнованный, на этот раз с каким-то стыдливым выражением на лице.

“Да, ты вляпался по уши, ничего не скажешь, а они постараются окунуть тебя в это дерьмо с головой, после чего спокойно умоют руки. Ты влип, пожалуй, не меньше, чем я”, подумал Боб.

Он стал читать дальше, стараясь найти ответы на свои вопросы. Но повсюду были только вопросы.

Глава 20

“Ну вот я и в Арканзасе!” – подумал Ник.

Он сидел во временно образованном участке в Мене, штат Арканзас, который размещался в отеле “Холидэй”, и разгребал целое море бумаг, связанных с перемещением из Нового Орлеана в графство Полк оперативной группы. При этом он не слишком расстраивался по поводу недавней смерти Леона Тиммонса, убитого грабителем в Новом Орлеане в темном переулке два дня назад. Ему было стыдно, что смерть Тиммонса была ему в какой-то степени даже приятна, и он хотел, чтобы броские заголовки типа “ГЕРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ СРАЖЕН ПУЛЕЙ НЕИЗВЕСТНОГО БАНДИТА” побыстрее закончились, потому что его собственная некомпетентность была составной частью всех этих историй.

– Слушай, Ник, может, это ты уколошил бедолагу Тиммонса в Новом Орлеане? – как всегда, с иронией спросил Хэп Фенкл. – Знаешь, накрашил лицо черной ваксой, взял маленький, незаметный пистолетик и – пиф-паф?

Все рассмеялись, потому что никто не сожалел о смерти Тиммонса, причинившего Бюро столько неприятностей.

Ник грустно улыбнулся и ничего не ответил; он чувствовал, что необратимо уже превратился в общего козла отпущения и стал постоянным объектом для шуточек. Вдалеке за окном в мягких лучах послеполуденного солнца убегали к границам Оклахомы нахмурившиеся зеленые горы Уошито. Он вернулся к своему документу, который был свидетельским показанием, доставленным из полицейского управления штата Нью-Мексико. Какой-то мототехник сообщал, что видел Боба Снайпера за рулем “мерседеса” 86-го года выпуска. Сам Боб, по словам техника, был громадных размеров и со страшным лицом. Это был общий для всех докладов элемент: все почему-то считали, что Боб был настолько наглым и самоуверенным, что мог позволить себе спокойно разъезжать по дорогам при дневном свете. Эти люди смешивали в одну кучу свое собственное представление о Бобе и те факты, которые они черпали из прессы. В результате же получались иногда совершенно нелепые вещи.

На всю комнату зазвонил телефон, и кто-то поднял трубку.

– Эй, Ник, это тебя.

Ник подошел к телефону:

– Ник Мемфис слушает.

– Ник, это Уолли Дивер.

Ник почувствовал, что сердце в груди забилося чуть быстрее:

– Привет, Уолли, как твои дела? Ты получил фотографии?

– Да-а... – протянул Уолли, и Нику не понравилась какая-то новая интонация, появившаяся в его голосе.

– Это что, не он? – быстро спросил Ник. – Я имею в виду... не тот человек, с которым ты разговаривал в Картахене? Разве это не Эдуарде Ланцман из Национальной полиции Сальвадора?

– Черт, Ник. Тут такая дьявольски неприятная вещь. Мне жаль, что я не могу это хоть как-то объяснить... Я не могу рассказать тебе... но... я не знаю... Я виделся с Эдуарде только один раз на этой встрече, которая длилась всего день или два. Многие знакомились на обеде, уже достаточно выпив... поэтому я не могу сказать, что знаю его хорошо. Мы просто обменялись визитками, ну, ты знаешь, полицейские всегда так делают. Ну, а эти фотографии...

– Что?

– Ник, смерть... она никого не щадит. Может быть, это и он, а может, и нет. Все может быть. Вероятность всегда сохраняется... Может быть, да... Но... может, нет. А фото на паспорте?

– Там он не совсем похож на себя.

– А что с побочными уликами?

– Ничего. Он нигде не числится, нигде не проходит, по крайней мере в тех источниках, до которых мы можем добраться. Ты же знаешь, что у меня нет денег, чтобы съездить туда разобраться. Сальвадорцы сообщают, что вообще его не знают. Плюс еще все запросы делаются через наши официальные каналы, то есть через госдепартамент, в котором слишком много лентяев и лжецов.

– Да, именно поэтому я оттуда и свалил, Ник. Слишком много лжецов. Послушай, Ник, честно говоря, эта старая дохлятина не проходит ни по каким каналам. По совести... я, видимо... не смогу встать перед большим жюри и...

– Хорошо, я понял.

– Ну и прекрасно.

– Но скажи мне только одну вещь: могло случиться так, что это был именно он? Ну хоть как-то это мог быть он? Без всяких, только для меня.

– Да, Ник, да. Мог быть.

– Спасибо, Уолли.

– Но только знаешь. Ник, я не советую тебе раздувать это дело.

– Конечно, – ответил Ник, – не буду.

Но он понял, что уже не сможет отказаться от своей затеи.

Она сидела рядом и накладывала ему новые бинты.

– Вы, наверное, незаурядный человек, сержант Суэггер. Мне иногда кажется, что на земле нет такого оружия, которое бы не испробовали на вашей шкуре. Вряд ли кто еще смог бы пережить все это.

– Да, меня немножко пощекотали, мэм.

– Я насчитала... э-э, четыре пулевых ранения. Это, наверное, старые раны. А вот эти две раны – новые. Сколько же на вас всего таких отметок? Пять? Шесть? Семь? Вы напоминаете мне кусок швейцарского сыра, сержант.

– Я был ранен всего три раза. Дважды – в первый свой приезд во Вьетнам, ни разу – во второй, и третье ранение я получил во время своего третьего, последнего, пребывания во Вьетнаме. Оно было самым тяжелым. Пуля попала в бедро и превратила его в щепки. Мне склеили его каким-то чудом. Даже не знаю, как им это удалось. Я уже думал, что всю оставшуюся жизнь буду прикован к инвалидной коляске. А вот эта старая дырка – это не от пули.

– А от чего?

– Вы даже не поверите: это от карниза для занавесок.

– О, это уже новое оружие. Его применила, мне кажется, ваша жена. Клянусь, вы дали ей для этого достаточно поводов.

Он рассмеялся:

– Моя тетя. Сестра моей матери. Хорошая женщина. Я помогал ей как-то по хозяйству на ферме. Это было в 1954 году. Мне было тогда восемь лет. Тетя вешала занавески в комнате. Внезапно она потеряла равновесие и, падая, воткнула карниз прямо мне в бок. Больно почти не было. Крови было много, а вот боли совсем не чувствовалось.

– Да, я это уже поняла.

– Это произошло как раз перед смертью моего отца. Где-то за год. Помню, это был для нас очень счастливый год... Позвольте мне вас спросить, как вы думаете, сколько еще времени я проваляюсь, прежде чем смогу встать на ноги? Чем дольше я здесь нахожусь, тем больше навлекаю на вас неприятностей.

– Думаю, недели две-три. Не беспокойтесь. Соседи уже не раз видели живущих здесь мужчин. Я многим нравлюсь в этом квартале, но живу как-то все равно сама по себе.

Он грустно кивнул головой. Эта фраза ему явно не понравилась, но он изо всех сил старался показать, что все это его совсем не касается.

– Ну и как долго вы вот так были?..

– В смысле? – поинтересовался Боб.

– Вы что, не понимаете, о чем я говорю? Не прикидывайтесь! Я имею в виду женщин. Когда вы последний раз были с женщиной? Женским полом!

– А-а, это! Не помню.

– Месяц? Год? Десять лет?

– Ну, не десять лет. Может быть, чуть больше года. Правда, я не уверен.

– И вы так легко могли без этого обходиться?

– У меня были другие дела, которым я уделял больше внимания, чем этому.

– Я вам не верю.

Он на минуту задумался, оценивая ее слова.

– Я не нарываюсь на комплименты, но говорят же: “Будь проще, проще...”

– Энн Ландерс?

– Нет, – ответил он, – это сказал старик Тороу из Вальдена. Он тоже, как и я, жил и бродил по этому свету в одиночестве. Вот так. Я тоже хотел жить проще. Никаких желаний, никаких беспокойств, никакого сексуального голодания. Только винтовки. Теперь я понимаю, что это было полным сумасшествием с моей стороны.

– Итак, вы уединились и стали Генри Тороу, но уже не из Вальдена, а из Арканзаса? – спросила Джули.

– Когда у меня в руках была винтовка, я чувствовал себя прекрасно. Я всегда любил винтовки. Поэтому я решил жить таким образом,

чтобы винтовки составляли основу моей жизни и были единственным, в чем бы я нуждался. И я должен сказать, что в общем жил неплохо.

– И вы были счастливы в своем трейлере там, в горах, без людей и общения?

– Тогда я этого не понимал. Теперь, видимо, я понимаю. Меня вырастили, воспитали, а потом приучили к тому, чтобы я не думал о том, как я себя чувствую.

Шел третий день с тех пор, как он пришел в себя. На землю опускались сумерки, и солнце заполняло комнату золотисто-оранжевыми переливами мягкого света. Он был настолько нежный и плавный, что все предметы, на которые он падал, приобретали какой-то необыкновенный, даже можно сказать волшебный, оттенок. В лучах этого ровного света ее серьезное лицо казалось еще более красивым. Ему нравилось то, что она своим поведением как бы невзначай, мягко и в то же время лукаво заставляла его почувствовать, каким незащищенным он сейчас выглядел. Казалось, ей нравилось выступать по отношению к нему ангелом-хранителем, и ее глаза настолько сильно излучали это чувство, что он не мог долго выдерживать ее пристального, настойчивого взгляда и, вместо того, чтобы смотреть ей в глаза, смотрел в раскрытое окно, туда, где на самом краю земли острые, как зубы старого злого медведя, горы упирались своими вершинами в голубое небо. Он вспомнил, как смотрел на ее фотографию там, в джунглях Вьетнама. Донни всегда носил ее с собой.

– Почему такие люди, как вы, всегда стремятся остаться в одиночестве? – спросила она. – Почему вы хотите быть такими независимыми и сами выдумываете ситуации, в которых могли бы один на один пойти против всех, чтобы еще раз доказать, какие вы умные, сильные и храбрые?

Боб ничего не ответил.

– Неужели вы не понимаете, что этим вы ужасно мучаете нас, – продолжала она, – нас, женщин? Потому что все остальные нормальные мужчины безумно хотят быть похожими на вас. Они узнают о вас из всевозможных кинофильмов и боевиков, а потом начинают вести себя так же, как и вы, проникаясь вашей манерой поведения и вашими привычками; все это напоминает хемингуэевский стоицизм. Они пытаются создать себя по вашему образу и подобию, но у них просто кишка тонка, им не хватает вашего упорства, вашей силы

воли и вашего характера. Поэтому они просто ерепенятся, когда видят вас, и делают вид, что они такие же, как и вы, а мы, женщины, из-за этого постоянно их теряем. Знаете ли вы, что Донни всю свою жизнь был просто-напросто трусишкой? Он был очень пугливый. Он был совсем не герой, но он верил в вас.

– Не важно, что он был пугливый. Он делал свою работу. Вот и все. Это делало его настоящим мужчиной. И он всегда был настоящим мужчиной.

– Я бы предпочла иметь рядом более слабовольного мужчину, но который был бы жив и мог бы со мной спать в постели, который был бы отцом тех детей, которых у меня никогда не было и теперь уже, вероятно, никогда не будет. То, что он был настоящим мужчиной, ничего хорошего мне не принесло. Это точно такая же степень сумасшествия, как и та, которая заставляет бедных индейских юношей кастрировать друг друга в их национальный праздник. Ну и какую радость, спрашивается, они от этого получают в своей дальнейшей жизни?

– Это невозможно объяснить, – сказал Боб. – Да, мэм, это может быть просто глупостью и, возможно, не имеет никакого смысла. Но, во-первых, меня учили не причинять боль никому, кроме тех, кто причиняет боль мне и моим близким, – я так воспитан. И во-вторых, я просто выполняю свой долг так, как я его понимаю. Если я придерживаюсь этих двух принципов, то у меня, как правило, не бывает никаких проблем.

Наступило такое глубокое молчание, что можно было подумать, что это последняя секунда жизни перед взрывом атомной бомбы, которая окончательно уничтожит жизнь на всей планете. Но вместо взрыва атомной бомбы за железными стенами трейлера раздался крик ребенка.

На ее лице застыло какое-то непонятное ему выражение, в глазах появилось совсем незнакомое, новое выражение, которого он никогда раньше не видел. Это была боль.

– И знаете, весь парадокс в том, что никого из нас не интересует такой тип мужчины, я имею в виду тот тип мужчин, которым хотите быть вы. Нам нужен тот, кто никогда не уйдет, не оставит нас в одиночестве и утром, когда мы проснемся и откроем глаза, будет рядом. Который будет стричь траву на газончике, приносить домой

зарплату... Да, именно такой мужчина... Я понимаю, как смешно все это сейчас звучит... – призналась она, и вместе с этой фразой неожиданно прорвалась наружу вся ее боль. – Вы приходите... и я помогаю вам, выхаживаю вас, забочусь о вас, прячу вашу машину и собираю на свою голову массу неприятностей, из которых никогда уже, наверное, не выберусь, у меня теперь никогда не будет нормальной жизни... а вам все равно. Вам, видите ли, надо идти. И быть настоящим мужчиной.

Спустя некоторое время Боб сказал:

– Я бы ни за что не пришел сюда, если бы меня не вынудили обстоятельства. Но еще я пришел сюда потому, что хотел прийти. Давным-давно, во Вьетнаме, когда Донни показывал мне фотографию своей юной жены, случались моменты, когда я начинал ненавидеть его за то, что его ждала такая красивая женщина. Какая-то часть моей души страстно желала, чтобы вы принадлежали не ему, а мне. Но все это прошло, когда я увидел, какой он отличный парень, и понял, что он заслуживает в этом мире самого-самого лучшего. Теперь я вижу, что у него это было.

Она прикоснулась к нему. Уже долгие годы ни одна женщина не касалась его так, чтобы в этом прикосновении чувствовалось ее желание. Скорее всего, так, как она, его еще не касалась вообще ни одна женщина. О, сколько лет прошло!

– Чего вы от меня хотите, сержант? – спросила она.

– Не знаю, – ответил он. – Возвращаться в прошлое всегда так больно и трудно... Хотя, должен признаться, я все эти долгие годы думал о той прекрасной женщине, которая ждала Донни Фенна.

– Поэтому вы мне и писали все это время?

– Думаю, да. А вы просто брали и отсылали письма назад, даже не распечатав.

– Я знала, что если я их открою, то погибну.

– А сейчас вы не погибли?

– Нет, по крайней мере, я думаю, что нет. Я знаю, на что я иду. Остановиться я уже не в силах. Этот путь, скорее всего, приведет меня к катастрофе, но у меня нет никакого желания что-нибудь изменить.

Он прижал ее к себе. Поцелуй принес небывалое ощущение блаженства. Он почувствовал, что куда-то летит, все дальше и дальше, растворяясь в тепле, истоме и целительном счастье. Бобу казалось, что

это волшебное состояние будет длиться всегда, до тех пор, пока он не умрет. Он был буквально сокрушен этим гигантским потоком наслаждения. В ней все доставляло наслаждение. Она сама была сплошным наслаждением. Он никогда не мог себе представить, что женщина может быть такой великолепной. В завершение всего, как гигантский взрыв, который невозможно скрыть и невозможно остановить, наступил оргазм.

Он вывернул Боба наизнанку и закончился серией опустошающих спазмов. Он летел по направлению к твердой земле, падая сквозь этажи, задерживаясь на каждом из них на долю секунды и падая на следующий, а потом еще на следующий, и так бесконечно. Он все летел и летел, удивляясь тому, как далеко он оторвался от самого себя.

– О Боже! – произнес он.

– О Боже мой! – сказала она.

Шли дни. Днем она дежурила в больнице, и в это время он оставался в трейлере один, читая то, что она приносила ему каждый раз после посещения семи книжных магазинов и газетных киосков в Тусоне. Он просил ее покупать все, и она так и делала. Он читал. Сначала события двухнедельной давности, потом – трех-, четырех-... Он прочитал о покушении на Кеннеди и обо всех других знаменитых покушениях на президентов. При этом он делал какие-то заметки и записи, стараясь проанализировать прочитанное и выделить из всей этой массы информации главное. Когда он узнал, что герой-полицейский из Нового Орлеана Леон Тиммонс был убит в одной из этих глупых, бессмысленных стычек в густонаселенных городах, причем, как сообщалось, был убит грабителем и насильником в тот момент, когда пытался предотвратить совершение преступления, это абсолютно его не удивило. Он просто глубоко вздохнул. Тиммонс был обречен и, естественно, должен был умереть. Эти люди постепенно заматали следы, не оставляя официальным представителям власти никакого шанса даже заподозрить их в чем-то, не говоря уже о том, чтобы узнать о существовании их организации.

Это были профессионалы. Теперь Бобу уже незачем было ехать в Новый Орлеан – там ему нечего делать. Но куда?.. Этого он еще не знал.

Однажды вечером “Эн-би-си” показала специальный выпуск, посвященный событиям в Новом Орлеане. Он записал всю передачу на ее видеомэгнитофон, делая при этом кое-какие пометки. Потом он просматривал кассету снова и снова: все эти диаграммы, интервью и предположения. Но особенное внимание он уделил тому ужасному моменту, когда пуля со страшным визгом вылетела неизвестно откуда и, казалось, сбила президента с ног, хотя в действительности его просто увлекла за собой сила падения другого человека, архиепископа Роберто Лопеза, который упал на президента, когда пуля разорвалась у него в голове, разбрызгав мозги и кровь в разные стороны.

Боб подумал, что это был превосходный выстрел. До этого проклятого купола собора более тысячи двухсот ярдов, каким бы хорошим ни был прицел, фигура все равно выглядит расплывчато, угол выстрела необычайно сложен. Учесть надо было слишком много обстоятельств, и тот, кто стрелял, учел их все.

“Вот это да, – подумал Боб, – классная работа!” Такой выстрел могли бы сделать всего пять или шесть человек в мире, причем любой из них рисковал бы достаточно сильно. Боб понял, что этот стрелок был одним из них. К тому же, он был именно тем ключиком, которым Боб смог бы открыть потайную дверцу.

Весь этот план, тщательно продуманное обольщивание и обольщение Боба, манипуляции, увертки, отговорки – все это имело смысл лишь при наличии абсолютной уверенности в том, что этот стрелок сможет сделать точный выстрел.

“Отличный выстрел”, – подумал Боб. Он думал о том человеке, который сидел тогда под куполом собора перед прикрытыми ставнями и спокойно ждал своей минуты. “Смог бы я сделать такой же выстрел?” – подумал он.

В этом он не был уверен, потому что такое мастерство было как раз на самой грани его собственных возможностей. Кто бы это ни был, он все равно был великим стрелком.

Бобу припомнились те отличные патроны 308-го калибра так называемой фирмы “Экьютек”, которые они показали ему в Мэриленде, когда так долго и упорно водили за нос. Это были очень дорогие патроны, выполненные с большой точностью и знанием дела. Все, что касается “Экьютека”, естественно, было ложью, но патроны были настоящие. Тот, кто их делал, знал, как надо собирать гильзу,

порох, пулю и капсюль в целый патрон, чтобы он соответствовал мировому стандарту и обладал высокой точностью при стрельбе на большие расстояния. Это знали немногие: производство таких патронов требовало невероятно тонкой обработки и терпения; нужны были специальные станки для выполнения некоторых высокоточных операций; затворы должны были ходить внутри винтовок как часы, а стволы так отполированы и выверены, что скорее напоминали бы бриллианты, чем оружие. Тот, кто делал такие патроны, входил в элиту стрелков мирового класса. То есть не больше двадцати человек в мире знали, как это делать.

Теперь винтовка. Где можно взять такую винтовку, у которой бы при стрельбе на тысячу двести ярдов 200-грановой пулей 30-го калибра отклонение составило бы не более четырех дюймов? То есть можно говорить о вертикальном отклонении в 333 минуты на каждые полмили. Он знал только одного оружейного мастера, который мог бы сделать винтовку, способную на такие чудеса; но для кого? Потом он вспомнил ту 70-ю модель, из которой стрелял в последний день на стрельбище “Экьютека”, когда ему пришлось повторить приблизительно такой же выстрел, каким был убит Донни. Это была винтовка с таким жестким и твердым прикладом, что создавалось впечатление, будто тот сделан из пластика, а не из дерева; затвор ходил так гладко, а спуск курка был настолько плавным, что, казалось, достаточно было неосторожного выдоха, чтобы винтовка выстрелила сама.

Он вспомнил ее номер – 100 000. Это была именно такая винтовка. Из всех 70-х моделей винчестеров было всего лишь две или три... или, максимум, четыре винтовки на миллион, которые были бы сделаны на таком высоком уровне качества.

Кто мог владеть такой винтовкой? Потом он вдруг вспомнил, что кто-то там, на стрельбище, сказал ему, что хозяин этой винтовки выиграл с ней чемпионат страны по стрельбе на тысячу ярдов. Чем больше он думал над этой проблемой, тем больше его волновал один неразрешимый вопрос, который постоянно ускользал от него и никак не поддавался разгадке. Он единственный не вписывался в построенную схему. Это была пуля. Если они собирались убрать только архиепископа, то они должны были знать, что полиция найдет пулю. Пуля имеет отпечатки ствола, из которого она была выстрелена.

И эти отпечатки являются такой же неотъемлемой частью характеристики пули и ствола, как отпечатки пальцев у человека. Предугадать то, что пуля попадет в гвоздь и расплющится до неузнаваемости, они не могли. Это был один шанс из тысячи. Почему их это не волновало? Ведь это могло свести на нет всю операцию и провалить их план. Если бы пуля оказалась несоответствующей стволу винтовки Боба, то все тщательно возведенное здание подделки рушилось. Как-то же они все-таки умудрились найти способ справиться с этой проблемой, и он с ней справился.

“Пуля”, – подумал Боб.

Тайна этой загадочной пули волновала его так же, как в свое время взволновало всех знаменитое покушение на Кеннеди, когда пуля размером 6,5 мм прошла через тело одного человека, потом через грудь другого, пробив ему при этом еще и кисть, и после всего этого на ней все равно нашли не подлежащие сомнению отпечатки ствола винтовки Ли Харви Освальда.

Что-то общее было в обоих этих случаях...

“У них были пули, – подумал он. – У них были пули от моей винтовки”.

Он сам отдал им шестьдесят четыре пули, которые выпустил из своей винтовки во время стрельбы по мишеням на стрельбище “Экьютека” в Мэриленде.

Он откинулся на спину.

– Боб...

– Тс-с-с...

– Боб, что э...

Он взял ее за руку, чтобы успокоиться.

Постепенно все прошло.

– Черт побери.

– Что?

– Я же сам...

И тут ему в голову пришла невероятная мысль. Да, это вполне могло быть. Он еще ни разу не слышал, чтобы кто-то прибегал к этому способу, потому что, наверное, ни у кого не было в этом надобности, но... это вполне могло быть. Уже выстреленную пулю 308-го калибра просто выкапывают из песка целой и невредимой, со следами отпечатков ствола и в то же время с теми же самыми баллистическими

характеристиками, как и у новой пули. Пулю 308-го калибра можно заново вставить в гильзу магнума “Эйч энд Эйч” 300-го калибра, которая немного больше по размерам и имеет больший объем для пороха, а следовательно, и большую дальность полета пули. Но на этой чертовой пуле как-то надо было сохранить следы другого ствола. Это сбивало Боба с толку до тех пор, пока он не вспомнил один старый способ под названием “бумажный лоскуток”, благодаря которому можно сохранить отпечатки ствола. Пуля заворачивается во влажную бумагу перед тем, как ее вставить в гильзу, при этом бумага играет роль защитного покрытия. Проблема остается лишь в том, чтобы найти винтовку с чуть большим стволом, где-то 318-го калибра. Но и это было не сложно, на винтовке можно было просто заменить “родной” ствол на нужный и заново выстрелить пулей Боба. “Бумажный лоскуток” не меняет баллистических характеристик, а когда происходит выстрел, бумага просто сгорает в атмосфере. Таким образом пуля Боба, выстреленная из другой винтовки, сделала свое ужасное дело.

“О, ты действительно гений, – подумал о нем Боб, – но... если ты такой умный, то почему именно я должен был рыскать как пес и вынюхивать все это для тебя? Меня привезли туда не просто как подставку; я действительно все это продумал, осмотрел все города и спланировал операцию. Но почему? Почему ты не мог этого сделать? Почему ты не мог объехать все эти города сам и увидеть то же самое, что увидел я?”

В один из дней, приведя в порядок отросшую за время болезни бороду и надев солнцезащитные очки, Боб поехал в Тусон, чтобы зайти в старый оружейный магазинчик в мексиканском районе города. Даже не посмотрев на висевшие на стене винтовки, он сразу же прошел в глубь магазина, к полке, на которой, как обычно во всех оружейных магазинах, лежала большая стопка старых журналов, посвященных оружию: “Ганс энд аммо”, “Шутинг таймс” и “Америкэн райфлмен”. Все эти журналы были ему практически не нужны, потому что в них были в основном картинки и фотографии новых винтовок. Но здесь был еще один журнал, который мог быть ему действительно полезен, – “Экьюрэси шутинг”, в котором были данные о соревнованиях, об особенностях стендовой стрельбы и о скучных и занудливых оружейных мастерах, умеющих собирать такие винтовки,

из которых можно было хоть целый день посылать пулю за пулей в одну и ту же точку. Он сам выписывал этот журнал с конца семидесятых, но эти были еще более раннего выпуска, где-то середины шестидесятых. Стендовая стрельба была своего рода лабораторией НИОКР для всех стрелков. Если вы действительно серьезно относились к этому делу, то никак не могли обойтись без стрельбы по мишеням. Потому что все в конце концов упиралось именно в это – точность стрельбы. И если он и опробовал свои патроны в каких-либо соревнованиях, то, скорее всего, это были соревнования по стендовой стрельбе. Из журнала он узнал, что свое существование “Экьюрс шутинг” начал в качестве информационного бюллетеня всеамериканского клуба стендовой стрельбы, который был образован в начале пятидесятых на севере штата Нью-Йорк, являясь как бы продолжением дела Уоррена Пэйджа, Харвея Доналдсона и П.О. Аклея, начатого ими в двадцатых-тридцатых годах. Эти люди занимались тем, что создавали единые таблицы стрельбы, потратив ради этого долгие месяцы на изнурительные подсчеты и анализы стрелковых соревнований прошлых лет, извлекая на свет давно забытые имена великих стрелков и такие вышедшие из употребления калибры, как 222,5 и 7X61 “Шарп энд харт”.

Он скупил все журналы и в тот же вечер засел за чтение. Когда он наконец-то дочитал последний журнал, то уже знал об интересующей его проблеме чуть больше, чем раньше. После этого он решил перечитать их еще раз, но теперь уже более внимательно. Боб буквально охотился за старыми номерами этого журнала, выискивая их по всем магазинам, торгующим подержанными вещами. Если ему удавалось найти еще один такой журнал, то он сразу же прочитывал его, пытаясь найти в нем что-то, чего и сам еще пока точно не знал.

“Я все равно найду тебя, сволочь ты старая!” – думал он, теперь уже почти точно зная, что тот, кого он ищет, был человеком старым. Так стрелять может только старый человек, потому что для этого нужны опыт, практика и огромные навыки, которых нет у молодого стрелка. Только один еще не старый человек – Боб имел в виду себя – мог сделать такой выстрел, и то это скорее была иллюзия, чем реальность. Боб попытался отбросить ненужные мысли, мешающие ему сосредоточиться.

“Это не Соларатов, – сказал он сам себе. – Нет, это не он”.

По вечерам они занимались любовью. Они занимались ею часами, как бы наслаждаясь сейчас тем счастьем, которого у них не было раньше. Порой он чувствовал себя поршнем в вечном двигателе.

Сейчас, после нескольких оргазмов, после того как он пролетел все свои этажи и упал на землю, Боб чувствовал себя настолько уставшим, что не мог даже пошевелиться. Тело совершенно расслабилось и, казалось, растворилось в вечности.

– О Боже, – сказала она, – ты, наверное, все это время специально копил силы для меня?

Он хмыкнул.

– Кажется, я делаю все правильно.

– Я и говорю.

Они лежали, обессиленные любовью.

Самым ужасным для нее было то, что она позволила в своей душе взойти зерну надежды. Она поняла, что есть совсем другая, более яркая и радостная жизнь. Боб же в этот момент думал о том, что жить в затворничестве, наверное, неправильно, нельзя ненавидеть весь мир, нельзя жить только винтовками, подобно какому-то сумасшедшему иезуиту, нельзя жить в маленьком трейлере высоко в мокрых, ненастных горах и встречать каждого посетителя и гостя недоверием и подозрением.

Мир полон вещей, которыми можно наслаждаться. Надо просто увидеть их, объединить в своем сознании и радоваться жизни. Разве это сложно? Для Боба понятие “удовольствие” почему-то всегда ассоциировалось с водой. Он видел себя и ее на пляже, где-нибудь в Митрл-Бич, на юге Южной Каролины, или в Билокси, или, может быть, в Гальвестоне... Короче: солнце, воздух и вода... и больше ничего не надо.

– О чем ты сейчас думаешь? – спросила она. – Ты даже улыбаешься. Ты что?

Он знал, что если расскажет ей об этом, то все пропало. Он уже никогда не выкарабкается из этой нежной томности и сладкой вялости. Он лежал и чувствовал, как страсть к ней нарастает вновь. Он хотел полностью раствориться в этой женщине. Боб смотрел на нее и ощущал, как огромное желание вновь накатывает на него горячей волной.

– Так, кое-что о морской пехоте, – ответил он.

– Это ложь, – возразила она.

– Естественно. Я думал о том, как все это мне ужасно нравится. Может быть, это обойдется мне слишком дорого, а может, наоборот, даже поможет выдержать все. Я должен уметь расставаться с самым приятным в моей жизни. Это похоже на заключение сделки: если я хочу выиграть в главном, я должен уметь при необходимости в любой момент отказаться от всех остальных, даже самых соблазнительных предложений. Я должен быть готовым умереть в любую секунду, иначе я проиграю. Любой, кто воевал, скажет тебе то же самое. Надо всегда быть готовым отдать свою жизнь. Если ты думаешь о том, как ее спасти, то считай, что ты уже потерял преимущество.

Она задумчиво посмотрела на него своими серыми спокойными глазами.

– Я была права. Я так и знала. Ты сначала дашь мне почувствовать, что такое счастье, а потом оттолкнешь прочь, чтобы уйти в свой проклятый крестовый поход. – Она усмехнулась. – Жаль, что я не смогу тебя ненавидеть, Боб. Ты самый настоящий сукин сын, но ненавидеть тебя – все равно что ненавидеть погоду. Это бессмысленно.

– Послушай... Это было самое лучшее время в моей жизни. Самое прекрасное. Это было что-то особенное. Еще немного – и я уже никуда не смогу от тебя уйти.

– Нет. Это ложь. Ты все равно уйдешь. Я знаю таких, как ты. Вы всегда уходите.

– Ты права, – сказал он. – Я уйду. Мне просто надо уйти.

Она горько усмехнулась:

– Ну и стервец же ты!

Боб кивнул головой. На его серьезном, мрачном лице почти ничего не отразилось.

– И когда?

– Думаю, завтра.

– Так скоро?

– Да. Уже пора. У меня возникли кое-какие идеи. Я бы сказал – даже план.

– Я не думала, что это случится так скоро.

– Чем скорее уйду, тем скорее вернусь.

– Ты снова лжешь, Боб. Назад ты уже не вернешься. Через неделю ты уже будешь мертвым.

– Ну, не так быстро, – ухмыльнулся он. – У меня есть хитрый план. И думаю, что благодаря ему мне кое-что удастся. Но прежде мне надо сделать одно дело.

– Что? – спросила она, пытаясь скрыть рвущуюся из глубины души боль.

– Я должен добраться до своего тайника в горах и вынуть оттуда спрятанные там тридцать тысяч долларов и несколько винтовок – тогда я буду в состоянии оплатить все свои расходы и в какой-то степени защитить себя. Ну а затем, – он вздохнул, – затем надо вернуться домой и похоронить своего пса.

Глава 21

Шрек никогда не умел спокойно, как все люди, входить в двери; он в них врывался, подобно гранате, сильным ударом чуть не срывая злосчастную дверь с петель, и, наклонив корпус вперед, широкими шагами влетал в комнату.

Услышав шум, Добблер поднял глаза, но Шрек уже стоял перед ним, в два шага и меньше чем за полсекунды преодолев десять футов, что были между порогом и столом.

– Полковник Шрек, я... – чувствуя себя так, словно у него сейчас будет произведена неожиданная проверка или инспекция, Добблер сделал слабую попытку приподняться, но стоявший перед ним суровый человек бесстрастным жестом приказал ему сидеть.

– Я немного задержался, Добблер, поэтому зашел просто так.

– О Боже, полковник, с вами все в порядке?

– Устал. Очень устал.

– Самолет задержался? Укачало? Вам надо было бы снять ботинки и походить босиком по ковру...

– Доктор, я просил вас заняться таинственным исчезновением Суэггера. Вы сейчас можете изложить мне свои мысли?

– Конечно, конечно, – засуетился Добблер. Раньше Шрек никогда не приходил в его кабинет, он всегда вызывал Добблера к себе по телефону.

Добблер начал постепенно излагать все, что к этому моменту сделал: как он случайно открыл закономерность в этих странных чеках, приходивших раз в год от продавцов цветов из Литл-Рока, как позвонил туда, узнал, что это за организация, потом попытался разузнать адрес, куда доставляют цветы, но продавцы цветов, оказывается, не делают никаких записей, а в их компьютерную систему без них проникнуть нельзя. Последнее, что он предпринял, – это попросил одного из компьютерных гениев в Отделе исследований войти в компьютерную сеть ФТД в надежде, что хоть так сможет обнаружить то загадочное место, куда Суэггер посылал цветы. Но где-то на половине своего рассказа Добблер вдруг понял, что полковник Шрек почти не слушает его.

– Да, это, конечно, многообещающее начало, но мне надо знать, что творится у него в голове. Что он собирается делать?

– О! – сказал Добблер, разочарованно откинувшись назад и поняв, что заслуженных комплиментов ему не дожидаться. – Ну, Пайн говорит, что ФБР перенесло свой штаб в Арканзас, в его родной штат. Они считают, что он придет именно туда.

– А что думаете вы?

– То же самое, – рассеянно ответил Добблер.

– Почему вы так считаете?

– Потому что ему надо наказать нас, – улыбнулся Добблер. – Я имею в виду то, что им движет это желание. Он тщеславен и самолюбив и очень хочет не просто выжить, но и одержать победу. Чтобы наказать нас за наше временное превосходство, он должен доказать нам, кто есть кто и кто из нас лучше.

Шрек кивнул, оставаясь поглощенным своими мыслями.

– Ну а если ФБР поймает его? Что он сможет им рассказать?

– Э-э... я, честно говоря, сомневаюсь, что его вообще можно взять живым. Он для этого слишком умен и расчетлив. Давление на него оказать практически невозможно. Он...

– Ну а если все-таки его возьмут?

– Если же его возьмут живым, то, скорее всего, он окажется в результате в сумасшедшем доме. Никто не поверит ни единому его слову, потому что ловушка уже захлопнулась. Все было разработано и спланировано без малейшей ошибки. Я даже не знаю, сможет ли он вообще остаться в живых, учитывая все обстоятельства и потрясения, которые выпадут на его долю.

Внимательно посмотрев на него, Шрек сказал:

– Ну ладно, хорошо. Это очень полезная информация. Спасибо.

– Не за что, спасибо вам, полковник Шрек, – ответил польщенный Добблер.

– Как приятно, – продолжил Шрек, – иметь в своей организации выпускников Гарварда, доктор Добблер. Учитывая ваш профессионализм, я всегда могу быть уверенным в логичности ваших выводов, хотя сами вы – откровенное дерьмо от пяток до ушей, Добблер, причем всегда. И полностью. Но это тоже талант, Добблер.

Добблер был ошеломлен:

– Я...

– Вы просто глупый болван; неужели вы не понимаете, как работает у человека башка? Неужели вы не знаете людей типа Суэггера? И не понимаете, в чем смысл всей этой игры? Подумайте, мы спланировали его смерть, но, кто знает, может быть, тем самым мы вернули ему жизнь. Мы дали ему работу, мы заняли его. Он снова повернулся лицом к жизни и вышел на тропу войны, где его способности и таланты могут раскрыться во всей своей полноте. Да, его положение ужасно, но чем дальше, тем больше ему нравится его роль, тем сильнее и серьезнее он становится. И, смею вас уверить, он свое дело знает. Он хочет отплатить нам за то, что мы подставили его, и мы сами даем ему сейчас шанс полностью раскрыться, показать, на что он способен, даем ему тот шанс, которого у него не было со времен войны по Вьетнаме.

Наступило утро того дня, когда они должны были расстаться. Джули проснулась в четыре часа и приготовила завтрак к пяти, когда Боб обычно просыпался. Но еда его не интересовала. Он снова прижал к себе ее тело, они слились в объятиях, и мир вновь показался им чудесным и добрым.

Потом он принял душ, и она перевязала ему раны.

– Слушай, на тебе все как на собаке заживает, – удивилась она. – Я еще никогда не видела, чтобы стреляные раны заживали так быстро.

Рана на руке была отвратительной: рваный, еще не совсем заживший рубец тянулся от плеча до середины бицепса, не доходя где-то трех дюймов до сгиба локтя. Кусок некогда прожженного и разорванного мяса заживал сейчас без всяких осложнений. Входное и выходное отверстия на туловище превратились в две небольшие корочки запекшейся крови. Они со временем сойдут и оставят после себя два круглых шрама размером с двадцать пять центов каждый.

– Не больно?

– Я могу потерпеть.

– Ну, это я уже знаю.

Бороду Боб не сбрил. Теперь это был высокий загорелый мужчина с широкой грудью, шевелюрой светлых, почти соломенных, волос. В глазах светились решительность и серьезность. Плотные сжатые губы образовывали жесткую линию рта. Он был одет во все голубое. Накануне он сходил в магазинчик “Гэп” в Тусоне и купил там за

наличные три пары голубых джинсов и три пары голубых джинсовых рубашек фирмы “Левис”, плюс еще три пары черных джинсов. Все это он тщательно выстирал. Кроме того, он приобрел пару коричневых ботинок “Накона” и двадцать пар белых носков фирмы “Пик энд Сэйв”. Все эти тряпки он засунул в вещмешок и забросил на заднее сиденье угнанной машины.

– Боб...

Он сделал последний глоток кофе.

– Знаешь, ты можешь здесь остаться навсегда. Просто так. Прямо сейчас. Мы переедем. Мы бы узнавали, что они хотят предпринять, и опережали бы их. Переезжали бы с места на место.

На суровом лице Боба появилась слабая улыбка:

– Спасибо тебе за все, Джули. Ты же знаешь, что, даже если бы я пришел прямо сейчас к ним и сказал: “Эй, ребята, вы охотитесь не за тем, кем надо” – и даже если бы они ответили мне: “Черт, Суэггер, ты прав, извини”, – даже в этом случае я бы не остался. Потому что это бы означало, что я не смогу выполнить свой долг, не сделаю того, что должен сделать, а это очень плохо. Я прекрасно себе представляю, что значит жить с долгами и не иметь возможности их заплатить. Понимаешь? Но на этот раз я непременно заплачу по счету, и сполна.

Он обернулся и через плечо посмотрел на нее. В этот момент Джули увидела в его глазах какой-то странный, полный внутренней силы свет. Она вдруг поняла, что теперь это уже не тот мужчина, которого она видела месяц назад, – окровавленный, доведенный до отчаяния, полусумасшедший беглец, постучался тогда в дверь ее дома.

Этого человека она еще не знала. Это был именно тот Боб, которого так любил Донни. Он был предельно сосредоточен, и его внутренняя сила чувствовалась даже сейчас, когда он сидел на кровати в спальне и застегивал пуговицы на рубашке. Такой он ее немного пугал.

– Послушай, Джули, – сказал Боб. – Когда я уйду, протри, пожалуйста, все поверхности предметов в этом доме раствором аммиака, потому что только он способен уничтожить кожный жир и отпечатки пальцев. Не забудь про тарелки, стаканы, вилки и ложки. Ну, вроде бы все. Ты знаешь, что делать дальше?

– Да, – ответила она.

– Ну-ка повтори еще раз.

– Через пять дней я сажусь в машину и еду по любой дороге в любом направлении ровно четыре часа, потом останавливаюсь возле первого попавшегося телефона-автомата и набираю междугородный код – э-э... три-три-один-четыре-пять-два-шесть-семь-восемь-три – и говорю со своим южным акцентом: “Алеу, здорово, тут одна девчонка, Эльвис, звонит вам, вот. Я тут перед представлением Эда Салливана в баре в Тупело подцепила одного...”

– Хорошо, – улыбнулся он.

– Затем я прошу позвать Мемфиса. Агента Мемфиса.

– Да.

– Говорю с ним...

– Они попытаются тебя проверить. Если спросят, как звали мою собаку, – а во всех газетах ее называют Пэт, – то скажи, что пса звали Майк. И что убит он был не одним выстрелом в голову, а двумя. Ты обязательно должна сказать им это.

– Я знаю. Ну и потом я сообщу им все то, что ты велел.

– Хорошо.

– Затем я вешаю трубку и уезжаю домой.

– Сколько ты говоришь по телефону?

– Не более двух минут.

– Не забудь остановиться где-нибудь и намять побольше мелочи для автомата. Тебе понадобится, по крайней мере, десять долларов по двадцать пять центов.

– Хорошо.

– Потом ты возвращаешься сюда. Я не думаю, что они каким-нибудь образом смогут тебя выследить. Но на всякий случай запомни: ты меня не знаешь и никогда даже не слышала обо мне. Я для тебя не существую.

– А затем наступает финальная часть, – горько усмехнулась она. – Тебя убивают. ФБР просто-напросто убьет тебя где-нибудь в придорожном доме в Арканзасе.

– Может быть. Но и я им приберег кое-что напоследок.

– Ох, Боб.

Где-то вдалеке, на самом востоке пустыни, озаряя небо ярко-оранжевым светом, поднималось огромное солнце. На какое-то мгновение Джули вдруг показалось, что всю комнату залило кровью. Кровь была везде – красная, блестящая и липкая, а местами даже

черная. Кровь была и в глазах Боба Ли Суэггера. Она вздрогнула и попыталась отогнать от себя эти мрачные мысли.

– Ник!

Это был голос Ховарда, и, судя по интонации, ничего хорошего он не сулил.

– Э-э... да, Ховард?

– Ты бы не мог ко мне зайти?

– Конечно, сейчас.

Ник бросил на стол шариковую ручку и направился в маленький офис, из которого Ховард осуществлял руководство операцией.

– Ник...

Ховард не предложил ему сесть, и это тоже было дурным предзнаменованием.

– Ник, скажи-ка, ты чем сейчас занимаешься?

– Ну, ты же знаешь, в основном отслеживанием и разбором докладов о передвижении Боба, по мере того как они поступают сюда из Вашингтона и из других мест. Устанавливаю связь с местными властями, кроме того, поддерживаю контакт с нашими группами поиска, рассредоточенными на местности, контролирую готовность групп быстрого реагирования... Ну ты же знаешь, Ховард, стараюсь быть послушным и примерным, чтобы...

– Мне только что позвонил глава Коуинтелпро прямо из Бэн-Прайна, округ Колумбия, и очень сердитым тоном выразил свое неудовольствие.

– Э-э...

– Он говорил о запросе, посланном отсюда, из этого здания, на получение из базы данных ФБР информации о тайной организации Рэм-Дайн. Запрос был санкционирован мною. Но я ничего не санкционировал. Ты об этом что-нибудь знаешь?

Ник никогда не умел лгать, глядя в глаза. Он почувствовал, что у него в горле начались спазмы и перед глазами поплыли мутные круги.

– Ну, это... чтобы сэкономить твоё время, Ховард. Я же знаю, что тебе некогда заниматься такими мелочами, тебе надо заботиться о всей операции, поэтому я и послал запрос из твоего офиса и от твоего имени... э-э-э... ну это просто как...

Ему не хватало слов. Ховард не отрываясь смотрел на него.

– Ник, что ты себе позволяешь? Ты в своем уме? Ты понимаешь, в какую игру играешь?

Ник начал что-то лепетать о своем расследовании убийства Эдуарде Ланцмана, о том источнике, который сообщил ему, что Ланцман был сальвадорцем, о своем предположении, что при проведении этой операции использовалось специальное суперсовременное подслушивающее устройство, на которое, как он думал, может быть выход у такой организации, как Рэм-Дайн, о том, как он чисто случайно узнал о ее существовании, и все прочее. Он туманно стал излагать свою версию того, что сальвадорский агент, возможно, был убит сальвадорской секретной полицией, что это убийство произошло за несколько недель до подозрительно “случайного” убийства сальвадорского архиепископа, столь нелюбимого вполне конкретными элементами в его собственной стране. Но потом он увидел, что говорит впустую: Ховард его практически не слушал.

– Я перепробовал все обычные каналы и ничего не получил. Почти ничего. Поэтому я решил проявить немного инициативы и... – Ему не хватило слов, и он замолчал.

– Ник, – сказал Ховард, изобразив на лице глубокую печаль, – я в тебе разочаровался. Очень. Почему ты не пришел ко мне со всеми этими проблемами?

– Да, Ховард, действительно, э-э... но ведь я подходил к тебе, и ты сказал...

– Ник, нам надо довести до конца дело с этим Бобом Ли Суэггером. Мы знаем средства, которые использовались при покушении, мотивы преступления и, наконец, возможности самого Суэггера. У нас есть конкретные баллистические доказательства. У нас есть свидетели, включая, я повторяю, тебя самого. И чем в это время занимаешься ты? На чьей стороне ты играешь, Ник?

– Ховард, по поводу баллистических характеристик я должен тебе кое-что объяснить, потому что там, с технической точки зрения, возможно...

– Все ясно, Ник. С этого все начинается. Младшие агенты начинают вести себя так, как им того хочется, при этом они даже не докладывают о своих действиях старшему начальству. Несанкционированные выступления перед прессой... Это начало

конца дисциплины во всем Федеральном Бюро Расследований, что в свою очередь является началом конца самого ФБР.

– Ховард, я...

– Да, ты прав, Рэм-Дайн имеет к этому самое непосредственное отношение. У наших коллег в Лэнгли полдюжины подобных секретных организаций. Они выполняют много таких заданий, которые просто нельзя организовать по официальной линии. Порой это выглядит и не так уж хорошо, иногда сомнительно и непонятно, потому что они делают маленькое зло, чтобы предотвратить большие неприятности. Их секреты очень тщательно охраняются. И если ты копнешь под них или узнаешь что-нибудь выходящее за рамки допустимого, то это может привести тебя к печальному концу, не говоря уже о том, что пострадает еще немало других людей. Ты понимаешь, о чем я?

– Да, сэр.

– Ник, тебе не дано видеть все происходящее в большом масштабе. Это входит в обязанности других людей. Тебе же дано быть только исполнителем и выполнять ту работу, которую тебе поручают. Позволь нам решать, что надо делать. Ты на неверном пути.

– Да, сэр.

– Ник, мне больно идти на это. Я думал, что после того, как ты уже один раз ошибся, ты начнешь новую жизнь и все изменишь. Возможно, у меня даже был соблазн избавиться от записи в твоём личном деле и снять с тебя ограничение в служебном росте. Но ты не исправился. Я отстраняю тебя от дела. Ты немедленно возвращаешься в Новый Орлеан и, если хочешь, можешь там проводить свое расследование. Прости, но я должен так поступить. Несколько лет назад ты оступился. Я думал, что ты немало поработал и искупил эту ошибку. Но ты продолжаешь ошибаться и не делаешь никаких выводов. На тебе можно ставить крест, ты потерянный для нас человек. Ты не командный игрок, Ник. Ты хочешь всего и сразу.

Ник понял, что это конец. Такого удара он не переживал с момента смерти Майры. И нанесен он был ниже пояса.

– Все, что ты ни делаешь, Ник, ты делаешь не так, как все, и не так, как надо. Если бы ты перевел Суэггера в группу Альфа, если бы ты засадил его в тюрьму, если бы... – У Ховарда не хватило дыхания. – О Ник, сколько глупостей ты наделал! Мы так хотели тебе помочь, а ты

обернул все это и против себя, и против нас. Ну что ж, как говорится, сожалею, но...

– Прошу прощения, Ховард, – тихо произнес Ник, ошеломленный всем происшедшим. – Я не думал, что это все так серьезно. Я просто пытался выполнить свою работу как можно лучше и не оставлять никаких неяснос...

– Ник, все, что я хотел тебе сказать, я уже сказал. А теперь я хочу, чтобы ты...

– Ник! – В дверь просунулась голова Хэпа Фенкла. – Прошу прощения, Ховард, – сказал он, – но нам тут позвонила одна женщина, которая утверждает, что знает, где сейчас находится Боб Суэггер. Она желает говорить только с Ником Мемфисом.

– Черт побери, Фенкл, – раздраженно выпалил Ховард, – это, наверное, еще одна...

– Она говорит, что у него на теле есть пулевые ранения. Эту информацию мы через прессу не пускали.

Возникла долгая пауза.

В конце концов Ховард с большой неохотой сделал знак Нику, чтобы тот поднял трубку.

– Она сейчас на четырнадцатом канале, – пробормотал Хэп.

– Ник Мемфис, ФБР. Чем могут быть полезен?

– Мистер Мемфис, – донесся до него женский голос; выговор звонившей напоминал чем-то фальшивую песенку крестьянского запада. Что-то в нем было не так, слишком наигранно. – Мистер Мемфис, я была с Бобом Ли, у нас с ним был... э-э... роман... а теперь он от меня ушел.

– Кто это говорит? – спросил Ник.

– Это не важно, – ответила она. – Но я видела вашу фотографию в журнале, и если вам интересно все-таки поймать Боба Ли, то готовьтесь, потому что он скоро придет.

– Когда?

– Он ушел сегодня. И будет у вас дня через три. Он на машине. Помоему, у него крыша поехала, ну... вы сами знаете. Я умоляла его не уходить.

– Но как я могу вам ве...

– Он сказал, что его собаку звали не Пэт, а Майк. Он говорил, что газеты лгут.

Собаку специально называли в прессе неправильно, чтобы на этой подробности легче было выбраковывать бестолковые звонки патриотичных граждан с воспаленным воображением. Ник глубоко вздохнул и сделал Хэпу знак, чтобы тот включил запись и произвел определение номера.

– Он сказал, что ему надо съездить домой, чтобы похоронить своего пса, – продолжала женщина. – Он, видите ли, должен похоронить его, даже если ради этого ему придется кого-то убить.

– Я...

– Не трогайте его, мистер Мемфис, дайте ему похоронить собаку, и он никому не причинит вреда.

После этого она повесила трубку.

На столе зазвонил телефон службы безопасности. Шрек поднял глаза на тех, кто находился в его кабинете.

– Всем выйти, – приказал он. Только после того, как все вышли, он поднял трубку: – Шрек слушает.

– Здравствуй, Раймонд, – прозвучал в трубке старческий голос. – Как ты сегодня себя чувствуешь?

– Мистер Мичам, не думаю, что вас волнует, как я себя чувствую. Что вам нужно?

– Я хотел, чтобы ты первым услышал хорошие новости. Только что от одного человека я узнал, что министерство юстиции передало сальвадорцам через госдепартамент, что на официальном уровне было принято решение не начинать повторное расследование тех зверств, которые совершил в Сальвадоре батальон “Пантеры”. Архиепископа нет, а больше это никому не нужно.

Новость несколько приободрила Шрека.

– Хорошо. Это уже кое-что.

– Да, да. И генерал де Раджиджо, и его коллеги, естественно, будут без ума от счастья. Теперь кое-кто в некоторых наших управлениях сможет вздохнуть свободно. Это, можно сказать, первый день отдыха в нашей жизни. Должен еще раз поблагодарить вас за все, полковник. Вы сделали невозможное. Великолепно.

– Спасибо, мистер Мичам.

– Остался, правда, один небольшой промах, который надо исправить. Но это пустяк, я думаю.

– Мы работаем над этим, мистер Мичам.
– Ну вот и хорошо, – сказал старик, – я знал, что на вас можно положиться.

– О'кей, – распоряжался Ховард, – я хочу, чтобы снайперов немедленно разместили вон на тех двух зданиях, понятно? Уже сегодня с четырех часов вечера они должны посменно находиться там. Завтра они должны быть на месте в течение всего дня, даже если он не придет до послезавтра. Сейчас ничего нельзя сказать наверняка.

– Хорошо, Ховард, – согласился Хэп Фенкл, – мы разместим там надежных ребят. Ник, тебе тоже, наверное, придется принять в этом участие. Ведь он самый лучший стрелок, Ховард.

– Нет. Ник останется со мной. Ты слышишь, Ник?

– Да, слышу, – ответил Мемфис, в душе все еще лелея надежду на то, что ему когда-нибудь удастся стать членом оперативной группы быстрого реагирования. Вот так вот, его ссылка в Новый Орлеан откладывалась сейчас из-за возможного появления Боба, и он сам мог бы принять в этой операции непосредственное участие... Если бы не Ховард.

Они стояли перед новым медицинским комплексом графства Полк, в котором размещался центральный морг графства. Там сейчас хранилось тело собаки Боба – Майка. В ярком свете полуденного солнца на них в мрачном зеленом спокойствии смотрели горы Уошито. Их группа находилась где-то в миле от Блу-Ай, как раз на 270-й магистрали, где та ближе всего подходит к 71-й и сразу поворачивает к Мине. На дороге было оживленное движение.

– Кроме того, я хочу, чтобы еще несколько снайперских групп были на запасных позициях в полной готовности, – продолжал Ховард. – Где-то пять-шесть групп по четыре человека в каждой. Все на безопасном удалении.

– Хорошо, Ховард, – сказал Хэп. – А какие патроны? Спаренные с дробью или охотничьи с пулями неправильной формы?

– Гм-м-м... – задумался Ховард.

– Я думаю, спаренные с дробью, потому что они бьют не так далеко и не придется слишком усердно целиться, чтобы попасть с близкого расстояния. Понимаешь, Ховард, если взять охотничьи с пулями, то при выстреле ты получишь кусок свинца 70-го калибра,

летающий со скоростью две тысячи футов в секунду, и если он, не дай Бог, попадет в кого-нибудь из мирных жителей, то потом пресса поднимет такую вонь, что проблем не оберешься.

– Скорее всего, на нем не будет бронежилета, – сказал Ховард. – Так что лучше возьмите спаренные с дробью.

– Ховард, не хочешь ли связаться с шерифом? – спросил Хэп. – У старого Телла больше прав на проведение этой операции.

– Я так не считаю. Это наша операция, и все происходящее в рамках компетенции федеральных органов, а не штата, поэтому мы здесь и находимся. Мы известим шерифа после того, как арестуем Боба. Ник!

– Да, Ховард, – отозвался тот. Мемфис в это время стоял за его спиной, в небольшой группе агентов, ждущих следующих распоряжений.

– Ник, я хочу, чтобы ты оставался на командном посту и отвечал за связь. Или, может, у тебя на сегодня другие планы?

– Нет, Ховард, я буду выполнять все, что надо, пока...

Но Ховард уже не слушал его.

– Еще я хочу, чтобы наши люди были в самом медицинском комплексе – на входе и в помещении морга. Мне нужен наблюдательный пост рядом со снайперами, чтобы иметь возможность лично идентифицировать каждого, кто будет входить в здание или выходить из него.

– Если мы его опознаем, то “зеленый свет” получим сразу?

– Да.

На короткое время наступила тишина. “Зеленый свет”... Нажать на курок... Стрелять, чтобы убивать без предупреждения... Эта операция проводилась в необычайных условиях, которых раньше никогда не было.

– Лучше, если мы возьмем его на площади перед зданием, а не внутри, – продолжал давать указания Ховард. – Суэггер очень опасен. Он может уложить дюжину человек, да так, что и глазом моргнуть не успеешь, и тогда здесь крови будет больше, чем в Майами.

– Ховард, – Ник заранее знал, что говорит напрасно, – в Новом Орлеане он мог преспокойно убить меня из моего же собственного пистолета, но, когда я думал, что мне уже конец, он просто ушел прочь. Его нельзя считать виновным в...

– Ник, ты действительно разочаровываешь меня.

– Да, Ник, – вмешался в разговор Хэп, – Ховард прав. Если будет шанс, парня надо брать живым или мертвым.

Ник с сожалением покачал головой. А что, если он невиновен? Но он понял, что теперь это уже не играет никакой роли.

– Итак, Хэп, рассадись своих людей вокруг, но очень тихо. Я не хочу, чтобы они слишком светились. Не надо привлекать внимание. Может случиться так, что у Боба в этих краях есть сочувствующие и его успеют предупредить.

– Ховард, он ведь тоже не дурак и все обнюхает здесь, как гончая, прежде чем сунуться внутрь, – сказал Ник. – Он всегда так делает, это его стиль работы. Он очень осторожен. Тебе действительно надо хорошо подумать над тем, как спрятать своих людей. Этот человек чует капкан за милю.

– Ник, запомни, мы тоже профессионалы, – перебил его Хэп. – И мы работаем так, как надо. Он даже знать не будет, кто его кокнул. Если, конечно, он вообще появится.

– Ник, ты сейчас пойдешь со мной, – распорядился Ховард. – Мне надо встретиться с администратором и объяснить ему, что внутри здания не должно быть никого, когда появится Суэггер. Возможно, мне понадобится твоя дипломатичность.

Ник и Ховард вошли в вестибюль – огромное, мрачное помещение, пахнущее новизной и пластиком, потому что с момента постройки прошел всего год, – в котором бледно-бежевая мебель стояла вдоль бежевых стен. В углу, возле стола администратора, какой-то бородатый чудаковатый человек с ужасным арканзасским акцентом что-то втолковывал возражающей ему девушке в белом халате.

Ховард отвел Ника в сторону, и они стали вежливо ждать, когда эта деревенщина, горец или черт его знает кто закончит костерить правительство вообще и местные порядки в частности, причем девушка, слушавшая его вполуха, то и дело повторяла:

– Простите, но документы еще не готовы.

Скорей всего, она решила не спорить с ним и просто дала ему возможность выговориться. Спустя некоторое время мужчина, кажется, немного успокоился и отошел в сторону.

Заметив это, Ховард решительно двинулся к столу, протянув свое удостоверение администратору и представившись как Ховард Д.Ютей,

заместитель директора Федерального Бюро Расследований.

Только сейчас Ник удосужился поднять глаза на этого странного посетителя. Их взгляды столкнулись, и, несмотря на светлую бороду и темную загорелую кожу, он узнал в нем что-то до боли знакомое и вдруг понял, что смотрит в серые спокойные глаза Боба Снайпера.

Глава 22

Ник среагировал очень быстро, но Боб оказался быстрее.

– Не надо дергаться, малыш, – сказал он, покачивая дулом непонятно откуда взявшегося кольта 45-го калибра перед грудью Ника. Поразительно, но голос Боба был невероятно спокойный и серьезный.

Рука Ника успела только лечь на торчащий из кобуры “смит”, и пальцы уже почти наполовину обхватили его рукоятку. По нормативам ФБР он среагировал очень быстро, но по нормативам Боба он был бы уже мертвым, если бы тот этого захотел. Суэггер просто опередил бы его на три десятых секунды.

Ник медленно поднял руки вверх.

– Эй, что там... – начал было Ховард, но, увидев Ника и Боба, сразу замолчал.

– Не надо ничего делать, просто расслабьтесь, ребята. Вы, милая девушка, тоже отдохните немного. Я пришел сюда лишь затем, чтобы похоронить старину Майка, поэтому, думаю, было бы глупо убивать кого-нибудь из-за такого пустяка, как убитый несколько месяцев назад пес. Ты согласен со мной, Мемфис?

В его голосе появилась какая-то неожиданная живая интонация.

Девушка за стойкой плюхнулась на стул и с перепугу таращила на Боба свои огромные голубые глаза. А Ховард все никак не мог понять, что же случилось.

– Кто вы...

– Ховард, это он, Суэггер. Он переиграл нас, нет, скорее, просто поджидал. Не так ли?

– Эй, ты, постарше, не делай глупостей, хоть ты и выглядишь как дурак. А сейчас... спокойно оба вынули левой рукой свое оружие и положили его на стойку. Я кому сказал!

– Мистер Суэггер, здесь повсюду федеральные агенты...

– Делайте то, что вам сказали, уважаемый, и все будет хорошо.

Ника поразило спокойствие Боба.

Девятнадцатая модель Ховарда предстала перед глазами окружающих и медленно легла на стойку.

– Милая девушка, возьмите оба пистолета за ствол и положите их в корзину для мусора.

Трясаясь от страха, она сделала все так, как ей велели.

– А теперь, милая девушка, мне бы хотелось, чтобы вы легли прямо на пол возле стены и зажали руками уши. Оставайтесь здесь и никуда не выходите. Если услышите стрельбу, продолжайте лежать на полу и не шевелитесь. С вами ничего не случится, если вы не будете отсюда никуда выходить.

Юная блондинка с вытянутым от страха лицом ничего не говоря тихо опустилась на пол.

– Суэггер, – сказал Ховард, – немедленно прекратите. У вас ничего не получится. Если мы не схватим вас сегодня, то мы схватим вас завтра. В этой операции задействованы тысячи человек.

– Заткните пока ваш ротик, сэр, – оборвал его Боб. – Сейчас вы оба пойдете со мной и будете улыбаться, как старые друзья. Идти будете немного впереди. На всякий случай помните, что я могу выпустить в каждого из вас по три пули, причем третья вылетит из ствола в тот момент, когда первая еще не успеет долететь до вас. Ну а теперь пошли. Нам надо пройти назад три холла, а потом повернуть направо. Затем ты, Мемфис, постарайся объяснить вон тому человеку – мне кажется, это доктор Нивенс, – что пришло время забрать тело пса и отослать его в Вашингтон для дальнейших анализов. Ты возьмешь тело Майка, и мы спокойно направимся к моему грузовичку. Затем я уеду, и в результате никто из-за моего бедного пса не пострадает. Достаточно ясно?

– Суэггер, у нас в этом районе шесть групп быстрого реагирования, по восемь человек в каждой. Плюс в трех минутах ходьбы отсюда находится группа СВИТ. У нас вертолеты и собаки. Тебе ни за что с этим не справиться. Все, это конец.

– Я вернулся, чтобы похоронить моего старого пса, и никто не помешает мне это сделать. Пошли!

Все втроем они не спеша направились к дверям.

– Здесь налево. Это правильно, что вы поместили его в человеческий морг, хотя он был гораздо лучше многих людей, поверьте мне.

Наконец они вошли в помещение морга.

– Ну вот мы и пришли, Мемфис. Постарайся на этот раз не допустить ошибки, как ты это сделал когда-то в Талсе. Хотя тогда ты стрелял в первый раз. Да, весьма неудачно.

Ник залился краской. Стыд за прошлое заставил учащенно биться сердце. Откуда он узнал?

– Ну же, – подтолкнул его Боб.

– Да, я вас слушаю, – сказал человек в белом халате.

Это был Нивенс, главный судмедэксперт графства, который присутствовал при вскрытии собаки.

– Э-э... доктор Нивенс, меня зовут Ник Мемфис, ФБР, – представился Ник. Он вытащил из внутреннего кармана свое удостоверение и протянул его стоящему перед ним низкорослому человеку.

– Мы, э-э... вот, мы решили отослать тело собаки в Вашингтон для проведения дальнейших анализов и...

– О Боже, Боб, только не стреляй!..

Нивенс узнал его.

Суэггер опустил кольт и обратился к доктору:

– Не делайте никаких глупостей, док. Я пришел только затем, чтобы похоронить свою собаку. Отдайте ее тело вот этому молодому балбесу.

Но, увидев оружие, Нивенс совершенно растерялся. Он упал на колени и начал умолять Боба не убивать его, потому что у него трое детей и больная жена.

– Где собака, черт бы тебя побрал? – повысил голос Боб. Нивенс начал что-то мямлить про седьмой номер, и Боб указал стволом пистолета Нику на бокс с надписью “№ 7”. Ник медленно направился туда. В соответствии с новой инструкцией ФБР у него на лодыжке в легкой кобуре был пристегнут небольшой “кольт-агент” 38-го калибра. Инструкция разрешала ношение дополнительного оружия на случай непредвиденных обстоятельств при проведении чрезвычайно сложных и опасных операций. Однако вся сложность заключалась в том, что лодыжка была самым неудобным местом для хранения пистолета. Прежде чем он нагнется и дотянется до кобуры, расстегнет ее, возьмет этот кольтик в свою огромную лапу и займет удобную позицию для стрельбы, Боб успеет выпустить в него несколько десятков пуль. Но Ник знал, что у Ховарда на лодыжке есть точно такой же пистолет, и

боялся, что тот под влиянием стыда и обиды и переживая за то, что так легко попался и теперь его карьера висит на волоске, не учтет всего этого и попытается достать пистолет, что, естественно, закончится смертью не только его одного, но и всех остальных, находящихся в этом холле.

Ник потянул на себя железную дверь бокса. Внутри было холодно. Посередине ярко освещенной подставки лежал пластиковый мешок для хранения трупов. В нем был Майк. Мемфис осторожно поднял мешок за один конец.

– Отлично, – удовлетворенно сказал Боб, одновременно наблюдая за ним, за доктором и за несчастным Ховардом. – А теперь неси его сюда.

– Суэггер, хватит, – опять принялся за свое Ховард. – Пора прекращать этот цирк, пока кто-нибудь не пострадал.

– Вам, сэр, – Боб был предельно вежлив, – лучше подумать сейчас о чем-нибудь своем, и тогда с остальными не случится ничего непредвиденного. Я хочу всего лишь похоронить свою собаку.

Вдруг до них донеслись звуки полицейских сирен.

– Полковник! – Это был один из людей Пайна, бывший полицейский, который неожиданно столкнулся со Шреком в коридоре.

– Ну?

– На связи Джек. Он сейчас работает с “Электротеком 5400” в Арканзасе и пока только прослушивает все доклады и переговоры ФБР в Блу-Ай. Они поймали Боба Ли Суэггера в медицинском комплексе графства Полк. Только что они дали команду своим группам СВИТ и снайперам; все полицейские силы штата и местной полиции, а также все подразделения, отвечающие за обеспечение законности, стягиваются сейчас к месту событий.

Шрек вытаращил на него глаза от изумления:

– Подключитесь немедленно к их радиопередачам, войдите в их радиосеть. Через короткие волны выведите это на динамики. Я сейчас подойду. В кабинете никого не должно быть. Я хочу прослушать все сам, чтобы мне не мешала болтовня остальных членов группы. Включите параллельную запись.

– Есть, сэр.

– Действуй, – сказал, уходя, Шрек. Он практически ничего не чувствовал: ни возбуждения, ни щемящего чувства радости, ни облегчения – ничего. Он был профессионалом. Но где-то в глубине души он все-таки на мгновение ощутил что-то похожее на удовлетворение, но и то не более чем на секунду. По всей видимости, дело близилось к концу.

Он быстрым шагом направился в Отдел управления и координации.

– А теперь, – обратился Боб к Ховарду и доктору, – вы ляжете на пол и прижметесь к нему своими головами. Постарайтесь не делать никаких глупостей. Ну а ты, Мемфис, пойдешь со мной, будешь нести собаку.

Они быстро прошли через скрипящие двери, оставив Ховарда и доктора Нивенса в морге в полном изумлении.

– Держи крепче, – приказал Боб. Сам он на секунду остановился и, прислушавшись, вернулся к дверям. Через две секунды они распахнулись и перед ними предстал Ховард со своим миниатюрным 38-м калибром. Боб, ничего не говоря, просто ударил его между глаз тяжелым набалдашником рукоятки своего 45-го калибра. Это было ужасное оскорбление, как пощечина, нанесенная со страшной силой, и Ховард с грохотом рухнул на пол. Его маленький пистолетик отлетел далеко в сторону.

– Он что, действительно такой дурак? – спросил Боб Ника, который в изумлении наблюдал за происходящим. – Ладно, давай сюда. – И Боб показал ему дулом пистолета, куда идти. В это время снаружи надрывно ревели сирены.

– За твоей задницей съехались все группы СВИТ штата, – сказал Ник.

– Послушай, твое дело тащить собаку, поэтому советую тебе закрыть рот и помолчать.

Повсюду, где они проходили, они наталкивались на мечущихся в ужасе людей, которые с криками и воплями разбежались в разные стороны. Но ни одного офицера ФБР в здании еще не было. Видимо, Ховард решил не размещать там своих людей, пока не будет произведена эвакуация всех сотрудников центра, находящихся внутри.

Ник чувствовал, как трясется у него в кобуре на лодыжке маленький “кольт-агент”. Но ему никак не подворачивался случай его

достать, хотя он знал, что, если бы ему это и удалось, Боб все равно оказался бы быстрее и послал его к праотцам на несколько мгновений раньше, чем сам он успел бы выстрелить.

– Куда мы идем? – спросил Ник.

– Заткнись, – рявкнул Боб.

Неожиданно по холлам здания разнесся звук из громкоговорителя:

– Леди и джентльмены, ФБР просит вас всех оставаться на своих местах. В здании находится преступник.

– О Господи, – сказал Ник, – сейчас они тебя грохнут.

Мимо припаркованного на придорожной автостоянке автомобиля с “Электротоком 5400”, направляясь из Мины в сторону комплекса, промчалась на полном ходу полицейская машина. Она проехала по 71-й автомагистрали с включенной сиреной. Через некоторое время за ней проехала еще одна, потом еще. Затем в ту же сторону прострекотал вертолет.

Эдди Николетта, бывший полицейский, которого все звали просто Эдди Никлс, глядя на все это из кабины неподвижно стоящего автомобиля, произнес:

– Да, теперь ему крышка.

Джек Пайн ничего на это не ответил. Он сидел и слушал, как разворачиваются события там, где подразделения по обеспечению законности готовились сейчас к проведению операции. Его лицо не выражало никаких эмоций. В наушниках постоянно трещали позывные и доклады радиообмена:

– Центр, ко мне только что прибыли три группы полиции штата.

– О’кей, Виктор-Майкл-Пять. Разместите их вокруг себя и обеспечьте связь с нашими снайперскими постами.

– Десять-Четыре, Центр. Даете “зеленый свет”?

– Нет, Виктор-Майкл-Пять. Офицер ФБР взят в заложники, повторяю, офицер ФБР – заложник. Я сразу же дам знать, когда можно будет стрелять, когда придет время.

– Ну а если он окажется в прицеле один, можно его снять?

– Еще раз повторяю, Виктор-Майкл-Пять, нет, – ответил командный голос.

– Ну эти фэбээровцы и сволочи, – сказал Николетта, – сначала схватят, а потом не знают, что делать. Помню один раз, когда я работал с наркотиками...

– Заткнись, Никлс, – рявкнул Пайн. Потом повернулся к Пони, инженеру связи из батальона “Пантеры”, настоящее имя которого было Пинто, и спросил: – Ты уверен, что прием хороший и нас слышат в Управлении?

– Все громко и четко, – ответил сальвадорец. – Я же говорил тебе, что это оборудование может заменить целую радиостанцию.

Над головой протарахтел еще один вертолет. “Как бы я хотел быть сейчас там”, – подумал Пайн, чувствуя, как это желание неожиданно заставило его сердце биться быстрее.

Но внешне его эмоции никак не проявились, он не пошевелился и продолжал спокойно слушать радиообмен.

– Не трогай эту частоту, – только и произнес он.

Боб остановился и потрогал замок на двери с табличкой: “ТОЛЬКО ДЛЯ ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛА”. Как ни странно, дверь оказалась открытой.

Они зашли в небольшую комнату. Боб наклонился и быстро открыл крышку расположенного здесь люка. Ник заглянул внутрь и увидел ведущие вниз металлические ступеньки.

– Вот билет на поезд, который вывезет нас отсюда, – сказал Боб. – Опускай туда свою толстую задницу и спускайся. В самом низу ложись на пол, прямо на живот, и вытягивай руки и ноги. Если ты сделаешь какое-нибудь неосторожное движение, мне придется оставить твою тушу гнить здесь, не заботясь о твоих похоронах. Будет глупо, если такой мамонт, как ты, умрет, лежа на трупе моей собаки.

Ник начал спускаться вниз, держа в руке мешок с Майком. Он каким-то шестым чувством ощущал, что Боб спускается сразу за ним, целясь ему в макушку из своего 45-го калибра. Причем Суэггер держал этот огромный, тяжелый пистолет с такой легкостью, как будто родился вместе с ним.

Спустившись вниз, Ник поднял глаза, но Боб уже стоял рядом, оперев ему в грудь ствол пистолета. Так же, как и Боб, Ник послушно опустился на пол и с трудом стал продвигаться вперед, таща за собой по железной решетке тяжелый мешок.

– Теперь сюда, – приказал Боб.

Ник вынужден был подчиниться. Он был чрезвычайно удивлен тому, что Боб прекрасно знал расположение этого места. Суэггер оставил рядом с телефоном ту девушку, заранее зная, что та непременно позвонит полицейским, после чего поднимется шум и начнется страшная неразбериха. Он знал, что сможет выйти отсюда один. Но с собакой он вряд ли смог бы уйти, поэтому ему пришлось прихватить кого-нибудь посильнее и помоложе, чтобы тот тащил Майка, в то время как он сам будет устранять на их пути все препятствия.

Рекогносцировка, вспомнил Ник. Настоящий снайпер перед операцией всегда проведет рекогносцировку на местности. Он никогда не пойдет наобум. Он узнает, где что находится, спланирует пути отхода, варианты маневра и прочие кое-какие мелочи. У настоящего снайпера всегда есть план.

В самом конце узкого туннеля они наткнулись на еще одну железную лестницу. На этот раз Боб полез вверх первым, спиной к ступенькам, держа пистолет в направлении Ника. Ник последовал за ним. На ступеньках у него возникли проблемы с подъемом мешка, но Боб даже не выразил желания хоть как-то ему помочь. Пыхтя и потя, Ник наконец вылез наверх.

– Проклятая псина, слишком тяжела, – сказал он.

– Интересно было бы на тебя посмотреть в джунглях, в сто двадцать градусов жары по Фаренгейту, и чтоб на спине у тебя висел ранец с боеприпасами и продовольствием весом в семьдесят фунтов. Поэтому лучше заткнись. Эта часть нашей программы, возможно, самая интересная.

Они находились сейчас в какой-то тесной и темной комнате. За ее стенами слышались хриплые сигналы радиосвязи, какое-то движение и голоса серьезных мужчин.

– Смотри не вздумай бросить мешок с собакой, – прошептал Боб.

Затем он открыл дверь, и они оказались в каком-то гараже, в добрых семидесяти ярдах от здания медицинского комплекса. Ник заметил, что по периметру здания стояли три полицейские машины. Сами полицейские рассыпались вокруг них и, прячась за колесами и другими частями машин, держали наготове пистолеты и винтовки с оптическими прицелами. Но Боб и Ник не попадали в этот периметр.

– Так, сейчас мы выйдем отсюда и пойдем не спеша прямо, – скомандовал Боб. – Здесь всего около сотни ярдов. Там будет генераторная будка. За ней стоит красный пикап. Вот туда нам и надо. Если ты сделаешь хоть одно неосторожное движение, малыш, ты сам знаешь, что тебя тогда ждет.

– Да уж, – согласился Ник.

– Ну, тогда вперед.

Они вышли на яркий солнечный свет и, не оглядываясь назад, спокойно пошли в направлении трансформаторной будки. Проклятая собака с каждой секундой становилась все тяжелее и тяжелее. У Ника ужасно ныли руки. Они уже приближались к будке, и Ник думал о том, когда же наконец Ховард придет в себя и сообразит, что происходит, а потом даст снайперам “зеленый свет” для того, чтобы открыть огонь по двум одиноко идущим мужчинам. Тогда со всех сторон засвистят пули и... Они чувствовали позади себя нарастающие возбуждение и нервозность. Над головой висели два или три вертолета, и казалось, что сирены со всего мира вдруг одновременно завывали в Литл-Роке, как будто тут проходил съезд всех полицейских штата.

Однако им все-таки удалось добраться до трансформаторной будки. За ней действительно стоял красный пикап.

– Положи собаку в багажник, – сказал Боб, открывая кабину и доставая оттуда винчестер с укороченным стволом и рычажным механизмом затвора. – Ну а теперь залезай внутрь. Ты будешь вести машину, а я буду держать у тебя на брюшке эту игрушку. – И он небрежно сплюнул.

– Господи, мы что, собираемся отсюда как-то выехать? И чтобы никто не заметил? Здесь около пятисот человек!..

– Мы выедем по объездной дороге через холм.

– Какая объездная дорога? Здесь нет никакой объездной дороги!

– Думаю, ты будешь приятно удивлен, малыш. Ну а теперь двигаем. Заводи мотор, а я буду помогать тебе этим пугачом.

Машина взметнула в воздух столбы пыли. В этот момент они увидели, что прямо над ними завис вертолет.

– Эй вы, в грузовичке, – раздался голос из громкоговорителя, – немедленно выходите, или мы открываем огонь.

– Черт, – выругался Ник.

– Гони, – процедил сквозь зубы Боб.

Чувствуя необычайное возбуждение, Ник рванул пикап вперед. Машина с поразительной легкостью понеслась по дороге, оставляя за собой шлейф пыли.

За ними неотступно следовала тень вертолета. Завыли сирены. Со всех сторон здания вдруг появились полицейские машины и помчались в их направлении.

– Теперь левее, левее! – заорал Боб. Но дороги нигде не было. Виднелся только непонятного вида забор.

В Отделе управления все сидели тихо. На лицах была написана серьезность. Никто ни на кого не смотрел. У каждого были свои наушники, и все они могли, таким образом, следить за тем, как развиваются события в Блу-Ай.

– Всем подразделениям! Всем подразделениям! Объект в красном пикапе находится в зоне заграждения. Черт побери, клянусь, это он!..

– Говорит Центр, говорит Центр! Всем подразделениям оставаться на своих местах. Объект преследует полиция штата. Вам понятно, Виктор-Майкл-Пять? Следуете только за ними.

– Вы даете “зеленый свет”? “Зеленый свет”?!

– Только если вы сможете сделать точный выстрел, без промаха. Всем подразделениям! Объект вооружен и очень опасен, у него есть заложник!

– Заложник представляет какую-нибудь ценность?

– Вы не должны позволить объекту уйти, это приказ всем подразделениям!

– О Господи! – сказал один из сидящих в Отделе управления. – Тот, кто руководит операцией, только что дал команду “вперед” и приказал при необходимости убрать своего собственного человека. Да, фэбээровцы действительно имеют зуб на этого парня!

“Они еще про меня не знают”, – подумал Шрек.

– Левее, – заорал Боб, сам хватаясь за руль. Ник почувствовал, как грузовик резко развернуло влево. Впереди было проволочное заграждение. Ник понимал, что это препятствие им не преодолеть, но оно промелькнуло мимо со скоростью ветра. Ник успел только заметить, что двадцать футов заграждения в какой-то момент были буквально в миллиметрах от борта пикапа, а теперь остались позади.

Он понял, что Боб спланировал все это заранее и рассчитал, где они смогут проехать. Пикап вылетел к холму. Здесь Нику инструкции были не нужны. Он выжал педаль газа до упора, переключил передачу, и грузовик стал медленно карабкаться вверх сквозь мелкий кустарник и камни. Он напоминал собой космический корабль, который при выходе на орбиту преодолевает силу гравитации. Нику казалось, что машина движется почти вертикально и в любую секунду может опрокинуться назад, но пикап потихоньку пыхтел и все полз и полз вверх. Вдруг, совсем неожиданно, они оказались на самой вершине и, перевалив через нее, выехали на пыльную дорогу.

– Давай, давай, жми, сукин сын! – надрывался Суэггер.

– О-о-о-о... Дьявол! Чтоб эти мудаки там, внизу, и остались!

Полицейские машины и спецпикапы действительно отстали – у них не было таких мощных пониженных передач. Ник успел увидеть, как одна или две машины попытались взять высоту, застряв, однако, на полпути, а остальные направились в объезд по окружной дороге.

Но вертолеты были везде. Два, три, четыре – они висели над ними, выдавая их местоположение, как птицы на охоте.

– От вертолетов нам так просто не избавиться, – прокричал Ник.

– Ты крути баранку, а об остальном позабочусь уже я, – приказал Боб. Он выглядел почти счастливым.

Вдруг раздался выстрел и пуля с визгом ударила в капот пикапа.

– Вот сволочи! Они еще и стреляют! – возмутился Ник.

Боб немного опустил боковое стекло и наполовину высунул в образовавшуюся щель ствол своего карабина. Вертолеты сразу же отлетели в сторону.

– Молоко еще на губах не обсохло, – сказал он, убирая карабин. – Кишка тонка!

Они мчались вниз по дороге, преследуемые по пятам вертолетами, когда вдали появились полицейские машины с ярко горящими сигнальными огнями. Рядом с ними неслись грузовики с группами быстрого реагирования.

– Давай, парень, жми. Восемьдесят мало, надо за сто.

– Мы и так на пределе. У меня педаль газа уже на полу. Они вот-вот нас настигнут!

– Еще милю, малыш, и все будет в порядке.

Эту милю они пролетели за несколько секунд, хотя полицейские машины неслись под горку быстрее, чем по ровной местности, и очень быстро сокращали расстояние. В зеркало заднего вида Ник увидел, что из машины, ехавшей за ними, высунулся человек с пистолетом, готовясь выстрелить, когда они подъедут поближе. Он долго выбирал положение, но дорога была слишком неровной, а пыль – слишком густой.

– Отлично, малыш, теперь готовься! – прокричал ему в ухо Боб. – Вот мы и приехали.

Ник в ужасе повернулся к Суэггеру и увидел, как тот, в радостном возбуждении, схватился за руль и резко крутанул его вправо. Нога Ника автоматически нажала на тормоз, но было слишком поздно: пикап на скорости шестьдесят миль в час слетел с дороги и теперь мчался почти по отвесному склону горы.

Весь мир за лобовым стеклом сумасшедше закрутился и, казалось, превратился в сплошной растительный покров. Повсюду были стебли и листья высокой травы. Она яростно хлестала по корпусу пикапа, когда тот несся вниз, то и дело подскакивая на естественных ухабах и трамплинах и пролетая в воздухе по несколько метров. Потом его колеса снова касались земли и он опять мчался сквозь густые заросли кустарника и травы. Ник отчаянно пытался хоть как-то управлять машиной при помощи руля, но у него мало что получалось. Внезапно он увидел перед собой деревья и услышал свой собственный крик, потом все исчезло – потерял сознание. Мир вздрогнул. Лобовое стекло напряглось и задрожало, покрывшись мелкой паутинкой трещин. Через секунду оно лопнуло, и Нику на голову обрушился целый водопад осколков. Он чувствовал, как куда-то летит, потом в ноздри ударил запах пыли и выхлопных газов и он с силой стукнулся головой об угол двери. Наконец-то они остановились!

Нику потребовалось буквально секунда или две, чтобы осознать, что он остался в живых. Он слышал монотонный звук работающего двигателя сквозь дикую боль в голове. Он чувствовал соленый привкус стекавшей в рот крови. Открыв глаза, Ник обнаружил, что лежит наполовину в машине, наполовину на земле.

Пикап в конце концов обрел покой, остановившись в густых зарослях деревьев, у самого подножия горы. Ник видел наверху полицейские машины и столпившихся вокруг них людей с оружием в

руках. Кое-кто пытался спуститься самостоятельно по склону вслед за пикапом. Над головой появился вертолет, затем другой, но уже ниже, буквально оглушив Ника шумом работающих лопастей. Он обернулся и увидел, как через травяное поле прямо на них мчится целая кавалькада полицейских машин. Еще три минуты – и они будут здесь. Где Боб? Ник, привстав, помотал головой, пытаясь прийти в себя. Рука скользнула к колену, и через мгновение он уже держал “кольт-агент” 38-го калибра. Ну где же Боб?

Тут до него донеслось чье-то натужное сопение и, обернувшись, Ник сквозь заднее стекло пикапа увидел, как Боб достает из багажника мешок с телом Майка. Опустив его на крышку багажника, Боб на секунду остановился, и Ник успел заметить на его лице такую нежность, какой он никогда прежде не видел у этого человека.

Взвалив мешок на плечи. Боб поковылял прочь. Ник прицелился.

– Стой! – Он держал свой 38-й калибр двумя руками, чувствуя упругость маленького курка указательным пальцем. В барабане блеснули гильзы патронов с мелкой дробью фирмы “Глэйзер”. На таком расстоянии они обеспечивали поражение цели с одного выстрела в семидесяти трех случаях из ста. – Черт побери, стой!!! – снова заорал Ник. Он выскочил из машины, вытирая рукавом кровь, заливавшую ему глаза, и дрожа, как ребенок, неожиданно попавший под проливной дождь. Он лег на покатый капот пикапа и, уперев локти, совместил мушку пистолета с целью. Он отлично прицелился: корпус Боба находился как раз посередине. Мушка в прорези прицельной планки почти не шевелилась, можно было стрелять. Ник заметил, что и Боб был весь в крови, еще больше, чем он.

– Брось собаку на землю, руки за голову и становись на колени, Суэггер! Еще несколько шагов – и, клянусь, я стреляю! Это “глэйзеры”!

– Черт бы тебя побрал, малыш, – сказал Боб, – если ты собираешься в меня стрелять, то лучше это сделать прямо сейчас.

И в довершение всего этот сукин сын еще ему подмигнул! Потом спокойно отвернулся и быстро зашагал прочь, обхватив одной рукой мешок с собакой, а другой держа винчестер. “Стреляй!” – приказал сам себе Ник. Курок упрямо давил на указательный палец, и ему ужасно хотелось, плавно нажав на него, раз и навсегда покончить со всеми своими неудачами.

Однако для того, чтобы выстрелить в человека, необходимо хотя бы одно условие из двух: или ужасный, сметающий все барьеры страх перед собственной смертью, которого Ник еще никогда в жизни не испытывал, или твердая уверенность в своей правоте. В этот раз получилось, что у него не было ни того, ни другого.

“Он не мог промахнуться по горизонтали, не мог. Только по вертикали”, – думал Ник, наблюдая за тем, как шаг за шагом Боб уходил все дальше и дальше.

Боб дошел до поля, в ста ярдах от которого находилось такое же, как и на всех стандартных открытках, живописное деревенское кладбище: старые могилки прятались в тени густых высоких деревьев, а неподалеку стояла покосившаяся деревянная церквушка. Ник видел, как Боб отвалил один могильный камень, который ничем не отличался от других неровных почерневших могильных камней, положил в видневшуюся под ним свежевырытую яму мешок с собакой и, достав лопату, которая наверняка была там припрятана заранее, быстро закопал новую могилку. В следующую секунду он уже двигался в сторону церкви, небрежно держа в правой руке свой карабин.

Ник слышал шум быстро приближающихся машин, но преследователи явно не успевали. Боб зашел в церковь, и оттуда сразу же высыпала целая орава маленьких негритят, которые, визжа, разбежались в разные стороны. В этот момент из первой подъехавшей машины выскочили вооруженные магнумами и винтовками полицейские и, целясь в направлении церкви, спрятались за корпусом машины. Прошла секунда, две, три, десять, потом двадцать. Через минуту вокруг церкви уже было плотное кольцо из полицейских машин и подразделений по обеспечению законности. Все они были готовы открыть огонь и ждали, пока из церкви выйдет последний прихожанин. Самым последним вышел сутулый старый чернокожий священник.

“Ну вот и все. Теперь ему крышка”, – подумал Ник. И только тут услышал, как кто-то кричит ему в ухо:

– Ты не выстрелил! Ты же целился в него, сволочь!

Ник обернулся. Голос не был ему знаком. Перед ним стоял какой-то сержант полиции, высокий и на вид крепкий. Из-за плеча полицейского выглядывал его коллега, на лице которого было написано нескрываемое презрение.

“Похоже, мне придется заплатить еще и за это”, мелькнуло в голове у Ника.

– Черт побери, – сказал один из полицейских, доставая из машины кольт Боба 45-го калибра, – в нем нет ни одного патрона!!!

Ник услышал, как по громкоговорителю передали приказ о сдаче. Секунду длилось молчание, потом в воздухе прозвучали выстрелы, и Ник в ужасе повернулся к церкви. Подразделения по обеспечению законности закидывали церковь гранатами со слезоточивым газом. Он молча наблюдал за тем, как тяжелые болванки влетали в окна и через разбитые стекла выползали белые струйки ядовитого дыма. Сначала из одного, а потом и из всех остальных окон появились клубы дыма и пламя. Через несколько секунд вся церковь уже была объята огнем.

Стоя рядом с машиной, Джек Пайн смотрел в бинокль. У него над головой пролетел вертолет телевидения, и буквально следом за ним по направлению к церкви пронесся фургон с надписью “ТВ”. До Джека доносились голоса переговаривающихся в машине полицейских:

– Черт, хорошо занялась, видно дерево сухое.

– А он не появлялся?

– Нет, может быть, мне надо...

– Нет, Виктор-Майкл-Тридцать Три. Вы остаетесь на месте и продолжаете наблюдение. Ни на секунду не отвлекайтесь. Кто-нибудь видел этих проклятых фэбээровцев?

– Вон, только подъезжают, Чарли.

В этот момент Джек заметил четыре черные машины, подъехавшие к церкви с другой стороны.

Но было уже слишком поздно. Джек видел, что потушить пламя невозможно: черные столбы дыма слились в один, и церковь превратилась в пылающий факел.

– Ух!.. – раздался знакомый голос. За ним стоял Эдди Никлс. – Черт, они сожгли его живьем. Наверное, он там неплохо поджарится, а? Даже с корочкой.

– Заткнись, – сказал Джек. Он не знал почему, но в этот момент чувствовал себя так омерзительно, словно поучаствовал в убийстве ребенка.

Глава 23

Шрек смотрел, как горит церковь. Когда она сгорела дотла, он нажал перемотку и начал смотреть все с самого начала. Телевизионный комментатор всякий раз взволнованным голосом сообщал одни и те же новости:

– Позади меня сейчас горит погребальный костер пресловутого Боба Ли Суэггера, в марте месяце покушавшегося на жизнь президента Соединенных Штатов. Преследуемый полицией штата Арканзас и агентами ФБР, он после неудачной попытки выкрасть труп своей собаки, укрылся в этой сельской церквушке. В ответ на требования властей выйти и сдаться Суэггер открыл по ним огонь. Гранаты со слезоточивым газом явились причиной возгорания этой старой постройки. Церковь горела в течение двух часов. К утру, согласно докладам официальных представителей, местность достаточно остынет, чтобы на ней можно было произвести своего рода раскопки и попытаться найти в этих горах пепла сгоревшие останки Боба Ли Суэггера.

Шрек наблюдал за холокастом. Языки пламени охватили нижнюю часть здания и теперь уже подбирались со всех сторон к крыше, жадно облизывая ее сухие деревянные доски своими огненными щупальцами. Казалось, что они вытанцовывают сумасшедший танец, переплетаясь в бешеном ритме с черными клубами дыма.

Он снова нажал перемотку.

В комнате было темно. Здесь сидели еще три-четыре человека из группы Джека Пайна и Добблер, который обычно старался не выходить из своего маленького, похожего на келью, кабинета.

– Посмотрим еще раз, – сказал Шрек.

По данным ФБР и из радиообмена по полицейским каналам было ясно, что телевидение сработало эффективнее всех: оно засняло горящую церковь со всех сторон. С вертолета это выглядело как погребальный костер: церковь находилась как бы в благочестивом и священном окружении полицейских машин, немного в стороне от старой рожи и заброшенного кладбища. Слышен был треск горевшего дерева.

– Живым оттуда никто бы не выбрался, – раздался в темноте чей-то голос.

– Да, похоже, он действительно сгорел, – сказал кто-то еще.

После этого заговорил Шрек:

– Пока не будет найдено тело и мы не получим заключение судмедэкспертизы, все это ничего не значит.

Тем не менее он снова включил запись. Даже на пленке ощущался прекрасный солнечный день, контрастирующий с ужасной картиной: на фоне молчаливых гор прямо посреди огромного луга яркие языки пламени пожирали старое ветхое строение, окрашивая все вокруг в нежные оттенки оранжевого цвета.

– Думаю, это конец, сэр, – сказал кто-то. – Видимо, его уже можно списать со счета.

– Но почему Суэггер так глупо поступил со своей собакой? Этот человек действительно способен на непонятные поступки, но глупым его назвать нельзя. – Шрек был явно удивлен.

– Просто он был одержим этой идеей, – тихо произнес Добблер в темноте. – Собака значила для него слишком много. Для него, в отличие от нас, это не было глупостью. Для него это было так важно, что даже заставило вернуться назад.

– Я поверю в смерть Суэггера, только когда мне принесут его зубы, – сказал Шрек.

И его глаза снова уставились в телевизор. Он нажал перемотку.

Хэп нашел его на следующий день.

– Эй, эй, вот он, смотрите, – позвал он остальных, сняв маску-фильтр, которую носили практически все, чтобы защитить легкие от попадания в них частиц пепла. Его слова были обращены к двадцати агентам ФБР и пятидесяти полицейским штата Арканзас, которые, стоя на коленях, разгребали и просеивали то, что осталось от баптистской церкви Авроры. Вокруг церкви, отгороженные тремя рядами веревочных заграждений и полицейской цепью, дежурили готовые к съемке репортеры. Со стороны казалось, что здесь происходит какое-то карнавальное представление.

Ник с трудом протиснулся сквозь толпу полицейских и агентов ФБР. От полученного вчера удара у него сильно болела голова, и он

боялся, что у него могут не выдержать швы на ране, но он должен был это увидеть.

То, что осталось от Боба Ли Суэггера, представляло собой довольно неприглядное зрелище. Лицо практически целиком сгорело, и в глаза резко бросались только почерневшие зубы, ослепительный блеск которых при жизни покрылся в огне черным налетом так же, как и все остальные части тела. Позвоночник был какой-то скрюченный. Он походил на лук индейца из племени апачей – неровный, как бы сморщившийся, с большим количеством зарубок по всей длине. Все остальное представляло собой отдельные части тела. Черные как смоль, они были разбросаны невдалеке друг от друга.

Одного из агентов стошнило.

Сдернув маску, Ник стоял в облаке невесомого пепла и смотрел на останки Боба. Он почти видел, как это все случилось: в последние мгновения своей жизни, чувствуя непереносимый жар, Боб дополз до алтаря, и здесь его охватило пламя. Он выполнил свой долг. Он все-таки похоронил своего пса. Для него это было очень важно... Настолько важно, что ради этого стоило умереть. Что это было: благородство или безрассудная глупость? Трудно сказать. Но это было то, что составляло основу всей жизни такого человека, как Боб Суэггер. Решившись на это, он не оставил себе выбора. Все то, что за долгие месяцы не смогли с ним сделать его самые заклятые, вооруженные до зубов враги, сделала за несколько секунд граната со слезоточивым газом. Легко ли он умер? Нет. Слишком много боли. Смерть в огне была не просто переходом в мир иной. Она была мучительной, как распятие, только здесь раскаленные гвозди прожигали каждый квадратный сантиметр его тела.

– Какая жуткая смерть, – сказал кто-то. – Дурак или не дурак, все равно ужасный конец, прямо мурашки по коже бегают.

– Кто будет его упаковывать в мешок?

– Только не я, – первым громко отозвался Ник. Он не хотел видеть, как все это закончится, тем более что хорошо знал, что его финал – во всяком случае финал его карьеры – тоже не за горами. Кроме того, собирать кости он физически не мог, его сразу начинало тошнить.

Ник вышел из зоны, где оставались руины сожженной церкви. Как приятно снова почувствовать под ногами твердую почву и не лазить больше по зыбкому пеплу и обгорелым деревяшкам.

Он уходил оттуда, куда теперь ринулись все. Интересно, неужели все было точно так же и в 1934 году, после убийства знаменитого Диллинджера, когда каждый стремился увидеть его, окунуть палец или обмакнуть платок в кровь великого гангстера?

Репортеры почуяли находку и забеспокоились. Ник заметил, как они устремились вперед и натянули веревки. Перед ними стоял Ховард и что-то успокаивающе говорил. Ник видел, как вокруг него сжалось кольцо репортеров, постоянно щелкавших фотоаппаратами. Потом он заметил двух санитаров из морга, которые несли в пластиковом мешке то, что осталось от Боба. Ради приличия они несли его останки на носилках, направляясь к машине судмедэкспертизы. А ведь могли просто волоком протащить по земле, как мешок в день Хэллоуина.

Чувствуя, что вот-вот заплачет, Ник подумал: какое счастье, что они наконец-то закончили это дело.

Для него тоже все закончилось. Денег он накопить не сумел, потому что, когда была жива Майра, все уходило на ее лечение. Вскоре он лишится работы... Но уж лучше быть живым и без работы, чем...

И тут Ник увидел нечто такое, от чего у него помутилось в голове. Он быстро побежал к кладбищу.

– Что вы делаете? – закричал он.

Два негра извлекали из могилы собаку, которую похоронил Боб, а на их фоне позировали репортеры; их снимали операторы с телевидения.

– Я вас спрашиваю: что вы делаете?..

Чернокожие посмотрели на него как на идиота.

– У вас есть разрешение на раскопку могилы? Это собственность штата.

– Послушайте, командир, – сказал один из репортеров, направляясь к нему, – не стоит так волноваться. Мы просто делаем свою работу, так же как и вы вашу. Вы ведь из ФБР? Ну так вот, расскажите, пожалуйста, что вы чувствовали, когда этот “враг общества номер один” горел в церкви?

К нему немедленно придвинули микрофон и направили на лицо кинокамеры и фотоаппараты. Краем глаза он успел заметить, что к нему со всех ног спешит Ховард, чтобы перехватить инициативу. Застывшее на его лице испуганное выражение говорило само за себя.

– Ник, – задыхаясь, сказал он, – Ник, вам запрещено давать интервью телевидению. Мистер Баркер, я вынужден попросить вас...

Ник отвернулся, но микрофон по-прежнему был здесь, огромный, как кулак, прямо перед носом, отвратительный и ненавистный. На лице стоявшего перед Ником репортера было слишком много косметики, а волосы были уложены лаком в идеальную прическу. Он все еще ничего не понимал и продолжал спрашивать Ника без всякого стеснения, что чувствовал сам Ник, когда видел, как горела эта цер...

– Ник, не...

Он услышал голос Ховарда, когда было уже поздно; его кулак со всей силы врезался в зубы улыбающегося репортера.

Давно он не испытывал такого удовольствия! Наверное, впервые за несколько месяцев он поступил так, как ему хочется, и это оказалось приятно.

Напомаженный клоун неуклюже шлепнулся на задницу с разбитым ртом и выбитыми зубами. Вся репортерская братия сразу же отхлынула назад, образовав вокруг Ника пустое пространство.

Дав выход своей ярости, Ник повернулся к могильщикам и заорал, чтобы они убирались ко всем чертям. Те сразу же испарились. Он постоял еще секунду, – и вокруг него вообще никого не осталось. “Посмотри на меня, Майра, вот я какой! Равных нет!” – мысленно обратился он к жене.

Потом к нему подошли Ховард и еще несколько агентов; все они дружно навалились на него, причем один полицейский явно переусердствовал и проявил больше рвения, чем это было необходимо на самом деле. Первый раз в жизни Ник почувствовал, как его, фэбээровца, ненавидят полицейские. Проведя накануне почти всю ночь в госпитале, после всевозможных зашивании и накладываний скоб, нудных рентгенов и процедур он еще не совсем хорошо себя чувствовал. Да, он держал Боба на мушке, но так и не смог нажать на спусковой крючок. А тут какой-то полицейский штата воображает себе, что чуть не поймал Боба Ли Суэггера, самого опасного и до зубов вооруженного снайпера в мире! Да если бы Боб только захотел, то даже при помощи своего старого ковбойского карабина смог бы значительно увеличить количество вдов в штате Арканзас.

– Ник, черт тебя побери, да успокойся ты, успокойся, – шептал ему в ухо Хэп, крепко держа его под руки. – Что за дьявол в тебя вселился?

Господи, ты же расквасил этому репортеру всю рожу. Тебя могут арестовать за применение физического насилия, а арканзасская полиция, как ты понимаешь, будет явно не на твоей стороне.

– Да, да, – тихо повторял Ник, изображая понимание.

Полицейский не спеша повернулся и пошел прочь, как бы провоцируя Ника броситься на него сзади. Ховард продолжал успокаивать репортеров, объясняя им, что агент Мемфис “просто очень перевозбужден”.

Ник чувствовал себя совершенно разбитым. Он не понимал, что с ним происходит. Если бы он мог заснуть на пару столетий, а потом проснуться и оглянуться назад, тогда, не исключено, все это еще могло обрести хоть какой-то смысл.

К нему подошел Ховард. От гнева и ярости он просто лишился дара речи, хотя по натуре был скорее мягким, чем грубым. Но сейчас он был в бешенстве. Ник прочитал это в его сузившихся холодных глазах и по узкой ниточке плотно сжатых губ.

– Ховард, я приношу свои извинения. Я даже не знаю, как это все получилось. Я действительно...

– Мемфис, все кончено. Это конец. С этой минуты я официально освобождаю тебя от твоих обязанностей. Ты выведен из состава данной группы и больше не занимаешься этим делом. Отправляйся в отель, прими душ и упаковывай вещи. Я скажу, чтобы тебя отвезли в аэропорт. Можешь лететь куда тебе угодно. Меня ты больше не интересуешь. Я извещу тебя, когда комиссия по пересмотру дела соберется и примет о тебе решение. Но все равно можешь считать, что с этой минуты ты официально уволен без выплаты жалованья и пенсионного пособия.

– Ховард, я хочу...

– Мемфис, заткнись. Твое участие в деле привело к ужасным результатам. Это была моя самая большая ошибка. А теперь пошел вон отсюда! Я не желаю тебя видеть!

– Хорошо, Ховард. Прости. Я всего лишь хотел быть хорошим агентом ФБР. Жаль, но и это у меня не получилось.

Ник повернулся и направился к своей машине. Он чувствовал, что у него раскалывается голова и все вокруг качается. Ему показалось, что его вот-вот стошнит. Рядом с машиной стоял Хэп.

– Я подкину тебя, Ник. Мне кажется, что ты просто не в состоянии сейчас вести машину. Это, скорее всего, постстрессовый синдром.

– Мне только что дали под зад, Хэп.

– Я знаю, Ник. Мне действительно очень жаль.

– Ты не мог бы подбросить меня в аэропорт? Я имею в виду – после душа?

– Конечно. Здесь уже нечего делать, разве что разгребать и увозить эти развалины. Осталось ждать заключения судмедэкспертизы.

По пути в отель они почти не разговаривали. Ник быстро принял душ, побросал все свои вещи в одну сумку, и через двадцать минут они тронулись. По дороге он заснул. Когда они подъехали к зданию аэропорта, Хэп разбудил его. Часы показывали 5.45.

В самолете он тоже спал. Рейс прибыл в семь часов. В здании аэропорта практически никого не было; естественно, никто его не встречал. Пройдя через пустые коридоры на улицу, он взял такси. Это стоило ему девятнадцать долларов. Без Майры дома было ужасно пусто. Ник старался как-то собраться, убеждая себя, что он все-таки еще довольно молод, или, по крайней мере, не стар, плюс ко всему хороший полицейский, хотя, наверное, не на федеральном уровне, но у него ничего не получалось.

“Просто не дано тебе работать в таких серьезных организациях”, – с горечью подумал он. Потом достал из холодильника банку пива и выпил ее, сидя у телевизора. Но такого удовольствия, как бывало раньше, он не получил.

“Си-эн-эн” транслировала все то, что Ник видел своими глазами. Они даже показали, как негры извлекали из могилы тело собаки все в том же мешке, наполовину раскрытом, который Ник, надрываясь, тащил к багажнику пикапа в тот странный, сумасшедший день. Трудно поверить, что это произошло всего сорок восемь часов назад. Казалось, что все эти события взяты просто из другой эры.

– А теперь, – сказал комментатор “Си-эн-эн”, суровый, хорошо сложенный негр, который гораздо лучше выглядел бы на капитанском мостике эсминца, чем на экране телевизора, – сообщаем, что судмедэкспертиза ФБР по анализу зубов подтвердила, что труп, найденный в руинах баптистской церкви Авроры в Блу-Ай, штат Арканзас, является останками Боба Ли Суэггера, бывшего героя морской пехоты, который предположительно стрелял в президента

Соединенных Штатов, но убил архиепископа Сальвадора и в течение пяти месяцев скрывался от властей. Причина смерти – выстрел в голову из винтовки через рот. Выстрел был произведен в тот момент, когда пламя охватило церковь.

“Вот так все и произошло, – подумал Ник, – ты вставил себе в рот ствол карабина и нажал на спусковой крючок”. Было установлено, что никто Боба Снайпера к этому не принуждал и что он сделал все это собственноручно, навеки унеся с собой все свои тайны.

– Итак, – сказал Ник, обращаясь в пустоту комнаты, в которой не было ничего, кроме настенных часов, банки пива и комментатора телевидения, – мы избавились от него. Ай да мы, нечего сказать!

Джули Фенн старалась держать себя в руках и кое-как сумела пережить этот день. У нее в душе все еще теплилась слабая надежда на то, что это неправда. Она ехала домой, почти не замечая великолепия южных красок Аризоны, и думала о Бобе. Но, когда вечером она прочитала опубликованные данные заключения судмедэкспертизы, то поняла, что это конец. Вот и все. Все закончилось.

Как-то незаметно прошел и следующий день. Ей было нелегко, но она была сильной женщиной, в течение долгих лет научившейся хорошо скрывать свои чувства в глубине души и не показывать их посторонним. Наутро она позвонила в клинику и попросила дать ей день или два по семейным обстоятельствам. Доктор Мартин сказал, что не возражает, хотя по его голосу было ясно, что он говорит неправду и ему очень хочется ответить “нет”. Но ее это мало волновало. Доктору Мартину было двадцать шесть лет. И Джули была нужна ему в клинике намного больше, чем он ей. Джули неподвижно сидела на кровати в своем трейлере. Ей хотелось плакать, но слез не было. Она не могла заплакать и поэтому не чувствовала облегчения. Такой развязки и следовало ожидать, причем с той самой секунды, когда раздался тот злополучный стук в дверь и она увидела на пороге человека, который ей снился и которого она одновременно любила и ненавидела все это долгие годы своей одинокой жизни.

Ее могут арестовать за соучастие, или укрывательство, или еще за что-то в этом роде. Самое меньшее, что ей грозит, так это тот отвратительный вид современной славы, когда о тебе начинают печатать пошлые статейки, на обложках журналов появляются твои

фотографии и даже самый последний подонок, лапая твоё изображение своим липким взглядом, влезает в интимные подробности твоей личной жизни, тем самым раздевая тебя донага и как бы выворачивая наизнанку. И никто, ни один человек, не заговорит с тобой и не скажет, что все эти фотографии и статьи – самая настоящая чушь, которая не имеет к тебе никакого отношения. Ты тот свежий кусок мяса, на который набрасываются изголодавшиеся по сенсации обыватели.

Но, даже когда ты знаешь, что с тобой ничего не случится, потому что мертвые говорить не умеют, всё равно не легче. Ей просто нужен Боб, её Генри Тороу с винтовкой, который так весело ей когда-то сказал:

– Он так же, как и я, жил и бродил по этому свету в одиночестве.

Тогда её немало позабавило это странное, сделанное с чувством гордости и собственного достоинства замечание о трансценденталисте Новой Англии, которое прозвучало из уст самого опасного человека в Америке.

Как хорошо, когда в доме есть мужчина!

Было время новостей, и она включила телевизор. Шли новости “Эн-би-си”. Том Брокау выглядел сегодня серьёзным и взволнованным. Он уже в который раз рассказывал трагическую историю о Бобе, герое морской пехоты, который был сыном тоже героя морской пехоты, о том, что он, к сожалению, настолько замкнулся в себе, что пошёл по неверному пути, приведшему его к смерти. Однако умер он с таким донкихотским рыцарством, что в душе каждого наверняка найдётся место для восхищения его поступком. Вся история была преподнесена в свете большой любви Боба к своей собаке. Это принесло ему такую небывалую известность, что если бы он был сейчас жив и его действительно разыскивали, то скорее не как преступника, а как национального героя.

– Так получилось, – продолжал Брокау, и в его голосе теперь появились пошловато-ироничные нотки, свойственные дикторам телевидения, – что этот жестокий человек, убивший, как считают, сальвадорского архиепископа, сам умер ради того, чтобы выполнить последний долг по отношению к своему безвинному животному.

Теперь на экране замелькали уже другие лица. Клуб любителей собак написал петицию и собрал подписи, с тем чтобы убедить власти

похоронить собаку именно там, где хотел ее похоронить Боб. Потом было интервью с одним сальвадорским генералом, который выразил удовольствие по поводу того, что убийца архиепископа заплатил сполна за свое преступление; однако он был весьма огорчен и недоумевал, почему этому человеку уделяется столько внимания, которое возводит его почти в один ранг со святыми. И это всего лишь за его любовь и доброту к собственной собаке, которую этот убийца-профессионал сам же и убил. Генералу задали вопрос о батальоне “Пантеры”, и он ответил, что они добились больших успехов в расследовании этого дела.

Сразу после этого “Эн-би-си” переключилась на Блу-Ай; здесь показали интервью с адвокатом Сэмом Винсентом, который вполне резонно спросил, на каком основании ФБР и полиция штата Арканзас убили Боба, ведь никто перед этим не доказал официально в суде, что Боб действительно виновен во всех вменяемых ему в вину преступлениях. Но репортера это не интересовало, и он все время старался вернуться в своих вопросах к собаке и к тому, как сильно ее любил Боб.

– Ну хорошо, – в заключение сказал Сэм, – я допускаю, что Боб мог это сделать. Но Суэггер был очень практичный человек, поэтому я совершенно не понимаю, зачем он это сделал. – Старый адвокат, прищурившись, посмотрел в камеру. – Он был не дурак, и такая глупость не в его характере, вот чего вы никак не хотите понять. – Он сплюнул прямо на землю и пошел прочь.

Джули тоже сбивало с толку то, что Боб мог так поступить со своей собакой, и она думала над этим весь вечер, пытаясь найти в его поступке хоть какой-то смысл. Джули проворочалась всю ночь и так и не смогла заснуть, беспрерывно прокручивая в памяти воспоминания прежних дней.

– Боб? Боб Ли? – позвала она в темноте. Ответа не последовало. Она слышала тиканье часов, какой-то тихий, непонятный шум в комнате, звуки проезжающих по дороге автомобилей и где-то далеко-далеко в пустыне протяжный вой койота. Но больше ничего. Или все-таки что-то было? Она определенно чувствовала чье-то невидимое присутствие, ей чудилось, что за ней кто-то наблюдает. Она вздрогнула и достала из-под кровати смит-вессон 32-го калибра, но этой ночью ничего не произошло.

Напившись до чертиков и ничего абсолютно не видя, Ник просидел у телевизора весь вечер. Ближе к одиннадцати, уже слегка протрезвев, он поплелся к кровати. Этой ночью ему приснился сон. В нем все смешалось: и Боб Ли Суэггер, и Майра, и этот сумасшедший спуск по склону горы, когда зеленые щупальца хлестали по лобовому стеклу, пока оно не разбилось. Затем перед его глазами мелькнул угол двери, и он со всей силы ударился об него головой. “Майра! – закричал он во сне. – Майра, я не хотел этого!” Потом он вылез из кабины, достал свой миниатюрный 38-й калибр и тут увидел, что Боб Ли Суэггер и Майра – почему-то босиком – танцуют на зеленой траве. Она была веселой и радостной, на лице ее было написано удовольствие. “Прекратите, или я стреляю!” – закричал Ник, крепко сжимая в руке пистолет. Потом он нажал на курок. Он выстрелил во сне так же реально, как и в жизни; Майра резко откинулась назад, и на спине у нее стало расплываться алое пятно крови. Падая, она закричала: “Ник, ты попал мне в спину, ты попал мне в спину!” Здесь же оказался и Хауди Дьюти, который начал рассказывать всем им, какую ужасную вещь совершил Ник и что теперь его карьере конец. А Боб, медленно танцуя, уплывал вдаль в языках пламени.

Ник, проснувшись, сел на кровати. Он весь был покрыт потом. В ушах стоял чей-то дикий крик. Это был его крик. Заснуть после этого он долго не мог, хотя легкая дремота, сменяющаяся недолгими пробуждениями, продолжалась до самого восхода солнца. Проснулся он в восемь тридцать утра, чувствуя себя полностью разбитым и измочаленным. Голова раскалывалась. Надо было побриться. Начиналась жизнь вне ФБР. Впереди был еще один бесцельный день. У него не было никакого желания что-нибудь делать, но он решил не отступать от привычек и принял душ, потом выпил чашечку кофе, а затем надел белоснежную рубашку и легкий летний костюм – все так же, как и в обычный день, когда надо было идти на работу в Управление.

“Схожу в офис”, – решил он. Надо было разобрать стол с бумагами и заодно попрощаться кое с кем. Это было единственное место, где он чувствовал себя по-настоящему счастливым, и, хотя сейчас он понимал, что сегодня счастье это будет фальшивым, все равно не мог себе в нем отказать. “Ладно, схожу, ничего со мной не станет, –

подумал он. – Все равно придется рано или поздно туда идти. Может быть, сегодня даже лучше”.

Ник приехал в центр города, припарковал машину на той же стоянке, где и всегда, вошел в здание и поднялся по тому же самому эскалатору. Господи, все так до боли знакомо! Он никак не мог поверить, что больше никогда не придет сюда снова. Он пересек фойе, толкнул дверь с надписью “ТОЛЬКО ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ” и прошел дальше по коридору. Как обычно, все уже были чем-то заняты. Клерки работали с файлами или компьютерными терминалами, секретарши печатали, а специальные агенты деловито сустились. Ник знал ритм жизни этого заведения в мельчайших подробностях. Он точно знал, какой запах стоял в комнатах и кто из работающих в баре готовит кофе лучше всех. Он знал, когда шеф бывает на своем рабочем месте, а когда его нет и сколько времени ему требуется для ленча; как кто ведет себя, когда шеф в офисе, и как – когда его нет; кто на этой неделе давал показания в суде, а кто – нет. Он знал, как отсюда быстрее всего выйти; где хранятся карабины и винтовки М-16 для группы СВИТ, кто назначен командиром группы СВИТ в команде быстрого реагирования на этой неделе (это была сменная обязанность); он знал, кто был в Управлении новичком, кого скоро должны были повысить или перевести на другую работу, кто старался хоть что-то сделать, а кто – нет (хотя между теми и другими было, сказать по правде, мало разницы).

И тем не менее он любил всю эту суету и не мыслил без этого свою жизнь.

Он вошел в огромную комнату, в которой обычно сидели агенты, каждый за своим столом. В полицейском участке она обычно называется “дежурным помещением”, но все почему-то называли ее “шариковой ручкой”. Сегодня здесь было на удивление пусто, потому что Хауди Дьюти почти всех агентов срочно вызвал на проведение операции в Арканзас. Ник сел за свой стол, достал ключ и открыл ящик.

В обычный день Ник вынимал из кобуры пистолет и клал его в верхний правый ящик стола. Но сегодня у него пистолета не было.

Он открыл большой центральный ящик. Да, маловато вещей. Несколько файлов с делами, которые он для кого-то просматривал с тем, чтобы сделать свои замечания, несколько карандашей, пара

блокнотов. Вот и все. Не густо. Прямо перед ним, на невысокой перегородке, висела фотография Майры пятилетней давности. Она была снята крупным планом, и на ее красивом лице сияла радостная улыбка. По этой фотографии не скажешь, что она тяжело больна. Молодая, цветущая женщина, у которой впереди еще целая жизнь.

На столе лежали “Телефонный справочник с примечаниями” и огромный зеленый том “Правил и норм Федерального Бюро Расследований”; чуть дальше – разложенные по стопочкам бланки для регистрации происшествий и докладов, специальные формы для сообщений о ходе расследования, бланки ордеров на арест без печатей и подписей, несколько формуляров об увольнении, просмотрев которые вряд ли можно было бы обнаружить что-нибудь стоящее.

– Ник!

Он поднял глаза. Это был Фред Сэндфорд, молодой парень, еще один специальный агент. Ник не очень хорошо его знал. Фред не участвовал в операции в Арканзасе и поэтому был здесь.

– Привет, Фред.

– Знаешь, Ник, я хочу сказать, что мне было неприятно услышать все, что с тобой произошло. Я уверен, что ты все равно ничего не смог бы изменить.

– Я сделал все, что было в моих силах, – вздохнул Ник, – но ничего хорошего из этого не получилось.

– Я просто хотел сказать, что у меня брат работает в полицейском участке в Ред-Ривер, штат Айдахо. Ты ведь всегда был хорошим детективом, Ник. Я бы мог ему позвонить. Он наверняка подыскивает себе кого-нибудь.

– Спасибо, Фред. Знаешь, я не уверен, что в будущем свяжу свою жизнь с подразделениями по обеспечению законности. Пашешь как вол, а удовлетворения никакого, да еще и денег мало платят.

– Ну ладно, тебе виднее. Если передумаешь...

– Ну, смотри, как хочешь.

Фред ушел, и Ник остался один. Затем он снял с перегородки фотографию Майры и забрал свою дискету с несостоявшимся делом Ланцмана. Это был еще один прокол. Причина жестокого убийства того бедолаги в отеле так и осталась никому не известной. Было ли данное преступление делом рук Рэм-Дайн или кого еще, так и не выяснилось. Жаль, что человек погиб из-за этого, думал Ник. Очень

жаль. Пытался дозвониться до меня, но кто-то взял и перекрыл ему кислород, воспользовавшись тем, что имеет такое супердорогое подслушивающее устройство; в результате дело закончилось неудачей, как и семьдесят один процент нераскрытых преступлений в стране. И в этой ситуации абсолютно ничего нельзя сделать.

Потом в комнату вошла секретарша Хэпа, официальная и деловая Дорис Дребней. В ее глазах не было ни капли сочувствия, однако в них не было и осуждения. В них просто вообще ничего не было.

– Вам надо подписать кое-какие бумаги, – сказала она.

Сам не зная почему, Ник ее слегка побаивался.

– Вы имеете в виду...

– Увольнение, да. Поэтому, когда пойдете обратно, задержитесь, пожалуйста, у моего стола. – Резко повернувшись, она вышла из комнаты.

Ник посмотрел ей вслед. В ее манере передвигаться было что-то напряженное и безрадостное. Дорис принадлежала к той категории людей, которые позволяли ФБР проникнуть в их плоть и кровь, заменить им душу, что в результате влияло даже на их внешний вид и индивидуальные качества. ФБР проникало в их личность, и они становились настоящим олицетворением ФБР. Эта женщина была осуждена на пожизненное заключение в этой системе, и возвращение к нормальной жизни, не связанной с выполнением ее служебных обязанностей, было уже невозможно.

“Ну, слава Богу, хоть этого со мной не произойдет, – подумал он. – Случиться, конечно, может всякое, но только не это”.

И тут внезапно Ник почувствовал, что ничего не в состоянии делать.

Он беспомощно посмотрел на скудное содержание своего ящика с канцелярскими принадлежностями. Потом оглянулся в надежде увидеть кого-нибудь из своих друзей, коллег кого-нибудь живого, чтобы переброситься с ним парой фраз или хотя бы взглядом. Ему надо было убедиться, что его по-прежнему любят и что он еще жив! Но все агенты в офисе, казалось, были очень заняты своими делами. На него со всех сторон нахлынуло безмолвие.

“Все понятно, что тут скажешь”, – подумал он.

Ник встал и направился к Дорис Дребней, неестественно прямо сидевшей за своим столом.

– Да, да, вы должны... э-э... секундочку, дайте вспомнить... ах да, вы должны подписать вот это и это... о да, и еще это.

Он в полном молчании подписывал бланки. Один был связан с выплатой кредита по государственному займу, другой – с его страховым полисом в ГЕИКО, действие которого прекращалось ровно через три дня, а третий просто требовал официального ознакомления с тем, что “агент Мемфис отправлен в неоплачиваемый отпуск вплоть до тех пор, пока комиссия по пересмотру дела не примет по его делу специального решения”, и тому подобная чепуха.

– Это все?

– Да, все. О слушании дела вас известят.

“Вот я и сошел со сцены”, – подумал Ник.

– Жалованье за последний месяц не будет вам выплачено до тех пор, пока вы не вернете пистолет.

– Что?!

– Ник, тот смит-вессон, модель 1076, который был вами утерян во время последнего инцидента. Это государственная собственность. Помните, вы подавали рапорт о списании? Так вот, вам отказали. Я послала вам ответ в Арканзас. С вас будет удержано за пистолет четыреста пятьдесят пять долларов.

Ник молча смотрел на нее.

Может быть, пистолет уже превратился в бесформенный слиток, расплавившись на костях Боба Суэггера, а может, лежит в каком-нибудь булькающем болоте, или в океане, или там, где был до своей смерти Боб.

Он повернулся, чтобы уйти.

– О, еще... еще вам надо повидать Салли Эллиот из Отдела регистрации.

О, Салли! Это была стройная, красивая девушка, типичная южанка, о которой все говорили, что она “девушка что надо”. У нее были сотни поклонников, но она их меняла как перчатки, не останавливаясь ни на одном из них подолгу. Салли всегда ему чем-то нравилась, хотя в то же время чем-то и пугала.

Интересно, зачем он ей понадобился?

– А зачем? – обратился Ник к Дорис.

– Не имею ни малейшего представления, – отрезала она.

Итак, надо пройти еще и через это. Он не спеша пошел разыскивать молодую женщину, которой, естественно, на месте не оказалось. Ему пришлось ждать около получаса, пока она вернется из бара. Причем все это время он чувствовал себя полнейшим идиотом. Наконец она появилась, радостная и веселая, слегка покачивая плечами при ходьбе. “У нее свидания, наверное, семь раз в неделю, без выходных, – подумал Ник. – А субботние вечера, скорее всего, похожи на безумное празднество. Ее, наверное, приглашают на свидания каждый час”. Глядя на нее, он все глубже и глубже погружался в депрессию.

– О, привет, Салли. Мне тут передали...

– Ник? Привет! О Боже, прости. Эти эксперты по отпечаткам, они просто не давали мне прохода и четверть часа не выпускали из бара.

Черт побери! Он тут дергается как рыба, выброшенная на лед, уже полчаса на виду у всего Управления, а эти бездельники приятно проводят время с Салли. Да, он новый трофей Ховарда.

– Вот посмотри, – начала она, – что у меня есть для тебя. Это пришло сегодня утром. А где ты был? Я звонила вчера в Арканзас, но они сказали, что ты уже уехал домой, однако вчера вечером тебя дома не было.

– Да так, просто решил немножко расслабиться и отблагодарить самого себя за старания. Ну, ты же знаешь, как всегда, когда работа завершилась удачей. Рок-н-ролльчик там...

– Тсс-с! Не говори так громко. Кто-нибудь может услышать и не понять, что ты шутишь.

– Я выше мелочных обид. Меня это не заденет. Все, что...

– Ну ладно, ладно. Не надо так официально. Я просто хотела тебе кое-что сказать. Я... я просто восхищена тем, как ты относился к своей жене. Какой ты был мужественный и внимательный! Именно так. Не многие мужчины способны на такое.

– Знаешь, – сказал Ник, – ты говоришь так, словно тебе по должности надо это сделать. Знаешь, я не люблю отступать перед трудностями. Я люблю их преодолевать. Вот так. Да, я упрямый. Может быть, глупо этим гордиться, но я упрям... как осел.

Она рассмеялась:

– Очаровательно. Таких, как ты, немного. А ведь многие от тебя отвернулись.

– Гм-м-м... – промычал Ник, как будто со всего размаху ударился лбом о стену. – Да... Гм-м-м...

– Послушай... – Она минуту помедлила, и после паузы уже стало ясно, что сейчас она скажет то, ради чего он был ей нужен: – А почему бы нам как-нибудь не сходить вместе на ленч или не выпить чего-нибудь?

Оторопев от неожиданности, Ник замялся и ничего не ответил. Салли сразу же перевела разговор на другую тему, как будто и не говорила предыдущей фразы:

– Знаешь, я думала, что тебе будет интересно узнать, что пришел ответ.

У нее были огромные, необыкновенно красивые глаза. Да, она действительно была прекрасна. Его злило то, что она так хорошо выглядит в последний день его служебной карьеры да еще говорит о каких-то непонятных вещах. Он не сразу сообразил, о чем это она.

– Что ты говоришь?

– Ну как – что? Неужели ты не помнишь, о чем мы говорили с тобой в последний раз?

Ник абсолютно ничего не понимал.

– Ты хотел получить из Вашингтона этот файл, но они не могли его выслать, потому что ты не прошел допуск.

– Ну и что?

– Что-что, я отправила твои документы на допуск.

– Ты отправила? – недоверчиво спросил он. – Но для этого необходима подпись инспектирующего агента и вышестоящих инстанций. Я ведь имел в виду...

– Ну, мистер Ютей подписал. Его абсолютно не интересовало, что это такое, потому что он был очень занят. Тем более я знала, что ты у него правая рука, поэтому никаких причин для отказа не было.

И тут до него дошло, что Салли Эллиот, будучи самой красивой девушкой в Управлении, была настолько занята совсем другими делами, что еще не успела узнать о его увольнении. Она снова улыбнулась.

– Допуск ты получил. Все нормально.

– Э-э... ну... да... – промямлил он, еще не совсем понимая, к чему это может привести.

– Смотри, они прислали вот такую информацию. Я только что принесла ее из распечатки.

И Салли протянула ему толстую пачку отпечатанной на компьютерном принтере бумаги.

Ник открыл первую страницу.

Это были сведения о Рэм-Дайн.

Глава 24

Шрек сидел один в своем кабинете. Он не ощущал ни удовлетворения, ни радости. Это напомнило ему ощущения от первой военной операции, которые он испытал в Корее в 1953 году. Тогда ему было семнадцать лет. Ни облегчения, ни огорчения – просто усталость и вялость. Он понимал, что это было классическое проявление стресса после боевых действий: истощение как моральное, так и физическое. И когда организм начинает восстанавливаться, тело находится в состоянии оцепенения.

Но такое с ним было всего лишь один раз, да и то потому, что он был слишком молод. Во всех последующих операциях, независимо от того, заканчивались ли они победой или поражением, Шрек всегда чувствовал себя по-прежнему сильным, ловким, бодрым и способным на все. Этот Суэггер действительно был как заноза под ногтем. Серьезный соперник, опасный, способный уничтожить все, что стоит у него на пути. Когда зазвонил телефон, напряжение уже спало. Добблеру без труда удалось установить контакт с ФБР и получить отчет судмедэкспертизы, дополненный рентгеноскопическим анализом.

Доктор звонил прямо оттуда; он совсем не контролировал себя, говоря слишком громко, дополняя информацию какой-то идиотской чепухой. Чувствовалось, что его трясет от волнения. Но суть была ясна. Рентген подтвердился. Все шло как надо. Боб был мертв. Все закончилось.

Шрек почувствовал, что ему стало чуточку легче, но все-таки не намного. Мало что по-настоящему доставляло ему удовольствие. Только служба и боевые задания. Однако это действительно был самый большой триумф в его жизни. В этот уик-энд, пожалуй, можно будет съездить в тир – немного пострелять. Может быть, он купит себе новую машину. Но больше всего он хотел...

Раздался звонок. Звонил телефон службы безопасности. Он долго смотрел на него, слушая этот надрывный звон, потом взял трубку.

– Шрек!

Он узнал голос Хью Мичама.

– Спешу сообщить вам, полковник, – сказал тот, – у нас проблема.

“ТОЛЬКО ДЛЯ ИМЕЮЩИХ ДОПУСК КОМИТЕТА ЛАНСЕРА. ЕСЛИ ВЫ НЕ ИМЕЕТЕ ДОПУСКА КОМИТЕТА ЛАНСЕРА, НЕМЕДЛЕННО ЗАПЕЧАТАЙТЕ ЭТОТ ОТЧЕТ В КОНВЕРТ, ЗАКЛЕЙТЕ ЕГО И ВЕРНИТЕ ПО АДРЕСУ ОТПРАВИТЕЛЯ. В СЛУЧАЕ ЕСЛИ ВЫ СЛУЧАЙНО СТОЛКНУЛИСЬ С ТЕМ, ЧТО ЭТОТ ОТЧЕТ БЫЛ ИСПОЛЬЗОВАН В НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫХ ЦЕЛЯХ, СРАЗУ ЖЕ СООБЩИТЕ В КОМИТЕТ ЛАНСЕРА”.

Ник молча пробежал глазами написанное. За долгие годы работы в ФБР он не раз сталкивался с довольно-таки странными приказами и директивами, но никогда их не нарушал. Он перечитал директиву вновь, но предупреждение не исчезло. Напечатанное большими буквами, оно оставалось на прежнем месте и, казалось, давило на Ника тяжестью своих букв. Он чувствовал, что делает что-то недозволенное. Всю свою сознательную жизнь Ник старался не нарушать никаких правил, предписаний, приказов, директив, ограничений скорости, юридических законов – вообще ничего. Тем не менее сама мысль о том, что он собирался сейчас сделать, доставляла тайное удовольствие и заставляла бешено колотиться сердце. У него даже перехватило дыхание и заболела голова – правда, в месте удара о дверь пикапа. Был вечер, стрелки часов уже ушли далеко за цифру девять, и после целого дня ожидания он наконец поднялся к себе наверх, включил свет и уселся в старое кресло-качалку. В воздухе пахло сыростью, деревом и маслом. Под потолком тускло светила лампочка без абажура. Здесь не было ни одного лишнего звука.

“Лансер”, – глубоко вздохнув, подумал он.

Лансер? Он знал, что за долгие годы явно непростого сосуществования ФБР и ЦРУ не раз сталкивались лбами. Иногда под чьим-то очень жестким контролем ЦРУ выполняло некоторые операции, которые шли вразрез с законом. Следовательно, Комитет Лансера должен был представлять собой некую элитную группу высшего руководства ФБР, которую постоянно информировали обо всех этих нарушениях и предупреждали, чтобы ни один оперативный работник ФБР не предпринимал никаких агрессивных мер против нарушителей и не пытался их арестовать, то есть чтобы ни капли грязи

не упало на репутацию ЦРУ и чтобы не был скомпрометирован ни один его сотрудник. Вот что, по его мнению, должен был представлять из себя Комитет Лансера.

Глядя на лежащий перед ним документ, Ник видел, что Комитет Лансера с самых первых страниц заявлял о своей власти.

“КОМИТЕТ ЛАНСЕРА РЕКОМЕНДУЕТ НЕ ПРЕДПРИНИМАТЬ НИКАКИХ ДЕЙСТВИИ В ОТНОШЕНИИ ДАННОГО ВОПРОСА. ЗДЕСЬ ЗАТРАГИВАЮТСЯ ИНТЕРЕСЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (СМ. ПРИЛОЖЕНИЕ Б)”

такой была первая запись, сделанная в 1964 году, когда агенты ФБР в Лос-Анджелесе обнаружили в помещении огромного заброшенного склада тысячу пятьсот винтовок “армалит”, которые предназначались для президентской гвардии такой “грязной” страны, как Южный Вьетнам. Читая дальше, Ник обнаружил, что склад принадлежал некоей организации под названием Рэм-Дайн, центр которой находился в Майами. Он присвистнул. Ему было известно, что “армалит” – это первоначальное название винтовки М-16, которая стала так называться после того, как была принята на вооружение в сухопутных войсках и Корпусе морской пехоты Соединенных Штатов Америки. Тот, кто мог получить эти винтовки в таком количестве еще до того, как они поступили в регулярные войска, во-первых, знал, что они наверняка будут приняты на вооружение, и, во-вторых, должен был выложить большую сумму денег за них. Кто бы это мог быть?

Ответ был только один.

Выходит, Рэм-Дайн – это ЦРУ.

Или все-таки нет?

Он стал читать дальше. Надпись:

“КОМИТЕТ ЛАНСЕРА РЕКОМЕНДУЕТ НЕ ПРЕДПРИНИМАТЬ НИКАКИХ ДЕЙСТВИИ В ОТНОШЕНИИ ДАННОГО ВОПРОСА. ЗДЕСЬ ЗАТРАГИВАЮТСЯ ИНТЕРЕСЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (СМ. ПРИЛОЖЕНИЕ Б)”

начала встречаться все чаще и чаще. Рэм-Дайн и Комитет Лансера очень тесно сотрудничали друг с другом в конце шестидесятых и начале семидесятых. Рэм-Дайн постоянно выдавались разрешения на беспрепятственные грузовые перевозки из Бангкока в Манилу, и,

насколько понял Ник, не для перевозки почты. У Рэм-Дайн был контракт на поставку вооружения какой-то непонятной организации под названием “Специальная оперативная группа”, дислоцированной возле лаосской границы. В Республике Тайвань Рэм-Дайн закупила десять тысяч карабинов М-1 и переправила их в Пномпень, в Кампучию. Цель не указана. Для полиции Сайгона Рэм-Дайн закупила две тысячи наручников “Хайетт”. Рэм-Дайн предоставила кампучийским ВВС пятьдесят устаревших тренировочных самолетов Т-28. Чем больше было войн, тем больше процветала Рэм-Дайн. Но уже ближе к концу семидесятых она начинает действовать и в другом регионе. Листая страницы, Ник с удивлением узнал, что у Рэм-Дайн были выходы и на Ближний Восток. Например, она выступала в качестве посредника при поставке на Ближний Восток винтовок М-16 с укороченным стволом, которые потом неожиданно оказались в руках израильских коммандос в Энтеббе, а также сложного электронного оборудования для израильских ВВС. Кто же они такие? Он видел, что все мероприятия, осуществляемые Рэм-Дайн, велись под видом обеспечения национальных интересов Америки, поэтому для их проведения требовались огромные суммы денег, которые шли на снаряжение, обучение и подготовку... неужели войны?

Нет, видимо, не совсем так. Все-таки деятельность Рэм-Дайн была ориентирована не только на войну, хотя, по сути, все, чем она торговала, было предназначено именно для осуществления боевых действий. Вряд ли она занималась и проведением в жизнь военной доктрины государства. Это было нечто другое, более глобальное, более тонкое и опасное. Рэм-Дайн занималась поддержкой нужных правительств по всему миру в соответствии с государственными интересами Америки. Рэм-Дайн торговала силой. Она продавала пушки, винтовки, карабины, пытки, муки, допросы, полицейские методы работы, денежные переводы, авионику – короче, все, что представляет силу. Вот почему непопулярное правительство могло остаться у власти, неуверенное, ослабленное внутренними противоречиями – вдруг консолидировалось и собиралось с силами, а находящееся в осаде врагов, численно в несколько раз его превосходящих, неожиданно разбивало неприятеля наголову. Рэм-Дайн никогда не боялась использовать силу.

Но что же такое Рэм-Дайн? Она не может быть ни самим ЦРУ, ни его ответвлением. Слишком много денег, слишком непонятные и темные дела. Ник видел, что порой Рэм-Дайн помогала ЦРУ в осуществлении его целей, причем сама при этом неизменно оставалась независимой. Между ними существовали какие-то странные взаимоотношения. Одна организация как бы плавно перетекала в другую, но ею не становилась.

Что же такое Рэм-Дайн?

Единственный ключ к ответу, который содержался в документе, отсылал в другое место и усиливал любопытство:

“ИНФОРМАЦИЯ О РЭМ-ДАЙН СОДЕРЖИТСЯ В ПРИЛОЖЕНИИ Б; СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО; РАССЫЛАЕТСЯ ТОЛЬКО ОГРАНИЧЕННОМУ КРУГУ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ, ДОПУЩЕННЫХ К ОЗНАКОМЛЕНИЮ С МАТЕРИАЛАМИ ТАКОГО РОДА”.

Снова это Приложение Б. Черт, как все-таки хочется заполучить это проклятое Приложение. После Ближнего Востока следы Рэм-Дайн вели в Центральную Америку, куда она проникла в начале восьмидесятых.

“КОМИТЕТ ЛАНСЕРА РЕКОМЕНДУЕТ НЕ ПРЕДПРИНИМАТЬ НИКАКИХ ДЕЙСТВИЙ В ОТНОШЕНИИ ДАННОГО ВОПРОСА. ЗДЕСЬ ЗАТРАГИВАЮТСЯ ИНТЕРЕСЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (СМ. ПРИЛОЖЕНИЕ Б)”.

Эта надпись предваряла сообщение о поставках кассетных боеприпасов в Гватемалу, скорее всего, с целью передачи их контраст для борьбы с сандинистами. В Нью-Йорке в аэропорту Кеннеди при взлете разбился самолет; оказалось, он был до отказа загружен ящиками с кассетными бомбами. Экспорт кассетных боеприпасов был в то время категорически запрещен; это было новое суперсекретное оружие. Пластиковые шарики при просвечивании тела рентгеном не обнаруживались, поэтому извлекать их хирургическим путем было невозможно. Раны, естественно, не заживали, люди умирали, и вся медицинская служба сандинистов, таким образом, оказалось совершенно беспомощной. Вся партия экспортировалась Рэм-Дайн под видом медицинского оборудования. Следующей была поставка

электродов для проведения допросов, узких железных клеток, ковриков с острыми шипами, простых резиновых дубинок и усовершенствованных электрических ПР-24. Все это направлялось в Пакистан. Однако на таможне груз задержали и сообщили об этом в ФБР.

“КОМИТЕТ ЛАНСЕРА РЕКОМЕНДУЕТ НЕ ПРЕДПРИНИМАТЬ НИКАКИХ ДЕЙСТВИЙ В ОТНОШЕНИИ ДАННОГО ВОПРОСА. ЗДЕСЬ ЗАТРАГИВАЮТСЯ ИНТЕРЕСЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (СМ. ПРИЛОЖЕНИЕ Б)”.

Какой-то груз был послан Рэм-Дайн из города Сент-Пол, штат Миннесота.

Ник Мемфис перевернул следующую страницу. Тут уже Рэм-Дайн предстала в своем классическом проявлении, и он наконец понял, что это за организация. Здесь шла информация о причастности Рэм-Дайн к операциям элитного батальона сальвадорских воздушно-десантных войск под названием “Лос гатос негрос”. Подробно излагалось, чем торговала Рэм-Дайн в данном случае. Как он понял, это было не только оружие. Или, можно сказать, в самом начале это было оружие, но потом оно превращалось в нечто совсем другое.

Читая о батальоне “Пантеры”, он заметил, что плачет.

Был прекрасный светлый и радостный день. Добблер уже давно не бывал на свежем воздухе, давно не гулял с таким удовольствием. Уже больше десяти лет. Он жил как отшельник и сам себе напоминал вампира, который питается только информацией и светом дневных ламп.

С того момента, как произошли события в Новом Орлеане, он так и не был на улице. Сегодня он вышел впервые. По небу плыли пушистые облака, оранжевый диск солнца медленно склонялся к горизонту. Это время дня всегда было наполнено какой-то тайной и особой красотой. Буквально за несколько минут до наступления полной темноты на окружающий мир накатывалась волна необыкновенной ясности и волшебной чистоты, которая как бы избавляла его от всех присущих ему недостатков. Наслаждаясь мягкостью и свежестью воздуха, доктор глубоко вздохнул. Лучи заходящего солнца нежно ласкали его лицо... Он шел по самому берегу реки, протекавшей в стороне от мемориала

Джефферсона, вокруг которого, подобно солдатам на параде, вытянулись вверх тысячи японских черешен, тихо шурша большими зелеными листьями. Вода была темно-серая, спокойная. Вдали виднелся мемориал Линкольна. В другой стороне на таком же расстоянии стоял памятник Джорджу Вашингтону – взметнувшийся ввысь белоснежный шпиль.

Но Добблер думал сейчас не об умерших президентах, не об их мемориалах и обелисках и даже не о японских черешнях. Он не смотрел ни на заход солнца, ни на оживленное движение на улицах – ни на что, обращающее на себя здесь хоть малейшее внимание. Он думал только о зубах. Ах эти замечательные зубы! Зубы, которые никогда не лгут. Которые просто не могут лгать. Они не умеют лгать. Теперь они лежали у него в дипломате и уже никуда не могли деться.

Естественно, в его дипломате лежали не сами зубы. Там был подробный отчет судмедэкспертизы о сравнении рентгеновских снимков зубов Боба Суэггера, взятых у его дантиста в Блу-Ай, штат Арканзас, с рентгеновскими снимками почерневших челюстей, найденных в теплом пепле сгоревшей баптистской церкви Авроры. Его провели надменные и самоуверенные, но, несомненно, одаренные эксперты из лаборатории судмедэкспертизы Федерального Бюро Расследований, которая находилась не более чем в миле ходьбы от того места, где гулял сейчас Добблер. Но ни доктор, ни полковник Шрек не доверяли никаким экспертам. Они терпеливо ждали своего часа, и вот, когда он наступил, полковник сделал всего лишь один магический звонок по телефону – Добблер даже знать не хотел кому, – после чего его сразу же направили в Вашингтон. Он получил здесь два пакета снимков; их детальное сравнение должно было состояться в Рэм-Дайн. Не в силах побороть любопытство, он забрался в одну из кабинок общественного туалета и, наложив гибкие пластиковые мембраны друг на друга, поднес их к лампе дневного света. Сходство было полное. Да, да, три пломбы с левой стороны: во втором коренном, на клыке и на резце. Так, у первого зуба пломба по конфигурации напоминала звезду, у второго она была поменьше и слегка походила на песочные часы, а в третьем была точной копией карты Сицилии. Нижняя челюсть слева была чуть деформирована как раз там, где три зуба по каким-то непонятным причинам внутреннего строения были немного утоплены внутрь, причем средний был кривоват.

Это были основные элементы сходства, но он видел еще уйму более мелких черт. При наложении двух снимков было заметно микроскопическое различие в масштабе – один был немного больше, – однако в том, что это снимки одного и того же рта, сомнения не возникало.

Вот и все. Человек может солгать своему психоаналитику, своему доктору, своей жене, своему работодателю, Богу и даже матери, но его зубы расскажут все. Они не умеют лгать. Они расскажут обо всех секретах. Они сознаются во всем. Их нельзя истолковать двусмысленно.

Добблер сразу же позвонил полковнику Шреку, а затем пошел прогуляться по тенистой аллее в сторону пруда. Настало время радоваться жизни, теперь перед ним открывался целый мир невероятных возможностей. Он манил его всеми своими мыслимыми и немыслимыми удовольствиями. Добблер был очень, очень счастлив.

– Доктор Добблер!

Добблер повернулся на голос, удивленный, что кто-то здесь знает его по имени, но ничего не заметил, кроме серого, ничем не примечательного автомобиля. Присмотревшись, он увидел в нем такого же ничем не примечательного человека, который слегка напоминал полицейского. В нем Добблер узнал одного из людей Рэм-Дайн.

– Доктор Добблер, за вами послал полковник Шрек. Вы нужны ему.

– Но... – Добблер поднял свой дипломат, как бы стараясь им защититься от незнакомца. “Понимаете, здесь все, – хотел сказать он, – абсолютно все, здесь все доказательства... Все закончилось, доказательства внутри”.

– У нас возникли очень большие проблемы, – произнес человек, и Добблер увидел в его глазах страх.

Официально это был Четвертый батальон (десантное диверсионно-разведывательное подразделение) Первой бригады (десантная диверсионно-разведывательная часть) из состава элитной дивизии “Акататл”, однако все называли его батальоном “Пантеры”.

Ник продолжал читать. В апреле 1991 года с целью подготовки к ведению антипартизанской войны и прохождения специального курса психологической подготовки с линии фронта было снято

подразделение в составе 250 человек, входящее в состав вооруженных сил Сальвадора. Это были настоящие головорезы, прошедшие специальную целенаправленную подготовку ведения боевых действий в джунглях. Война в Персидском заливе только закончилась, и пресса выражала огромное сомнение по поводу дальнейшего роста популярности президента. Поэтому со стороны американских военных было бы цинично оказывать военную помощь каким-то другим странам по официальным каналам.

Естественно, ни министерство обороны, ни ЦРУ не могли заключить контракт на оказание военной помощи. Благодаря невероятно сложным махинациям с огромными неучтенными суммами денег Рэм-Дайн удалось заключить контракт. В течение месяца в специально подготовленном лагере в джунглях бывалые рэмдайновцы – ветераны самых известных, самых громких специальных операций в истории – обучали неопытных латиноамериканцев технике проведения допросов, технике контроля и учета населения, методике сбора разведданных; объясняли, как устраивать засады и какие меры предпринимать против засад противника, как бороться с вражескими снайперами, обучали снайперским навыкам, методике выживания в сложной боевой и небоевой обстановке, а также преподавали целый курс так называемой “проверки на вшивость”.

Вызывало недоумение, с какой легкостью и быстротой был создан этот лагерь.

“По поступившим неофициальным сообщениям, – говорилось в докладе ФБР, представленном сенатской комиссии по расследованию этого дела, – американские инструкторы мучили молодых солдат шаманскими ритуалами, жестоким контролем не только дисциплины, но и образа мысли, а также жертвоприношениями, которые выходили далеко за рамки профессиональной военной подготовки”. Далее шли характеристики семи инструкторов, принимавших участие в подготовке сальвадорских солдат. Просматривая эти досье, Ник не находил для себя ничего удивительного. Все инструкторы были из различных отборных американских подразделений, которые выполняли секретные миссии по всему свету еще со времен вьетнамской войны. Ими руководил подполковник десантно-диверсионных войск, так называемых “зеленых беретов”, по имени

Раймонд Шрек из Потстауна, штат Пенсильвания, заслуженный ветеран корейской войны, получивший за нее не одну награду. В девятнадцать лет он стал самым молодым мастер-сержантом сухопутных войск США; потом, в звании майора, он был самым молодым “зеленым беретом”, который помогал готовить добровольцев на Кубу, в Залив Свиней. Это было в начале шестидесятых. Три раза был во Вьетнаме, принимал участие в самых сложных и опасных операциях, но в 1968 году был осужден военным трибуналом за убийство подозреваемого вьетконговского агента. Правда, ЦРУ все-таки позаботилось о нем. В следующем году он уже был в составе Рэм-Дайн. Его правой рукой был мастер-сержант Джон Д.Пайн (агентурные клички – Джек, Пайн-О) из Нью-Йорка, бывший сержант войск специального назначения, который тоже имел за плечами большой опыт боевых операций во Вьетнаме. Однако после войны этот самый Пайн никак не мог вернуться к нормальной жизни, и в один прекрасный день был схвачен на месте преступления, когда пытался обчистить гарнизонный магазин и унести из него несколько тысяч долларов. Тем не менее, вместо судебного осуждения и позорного разжалования его просто уволили со службы в начале 1978 года. “Вы оба порядочные убудки. Два сапога пара, – подумал Ник. – Прямо под стать друг другу”.

Вполне возможно, что именно Пайн и Шрек, споткнувшись в своей военной карьере и имея незаурядный опыт боевых действий, а также умение делать любые, даже невозможные вещи, были истинными виновниками всех последующих событий. Нет, скорее всего, не одни они. Виновато было и истеричное правоцентристское правительство Сальвадора; не обошлось здесь и без ошеломляющей победы “левых”, когда батальон правительственных войск, разместившись на ночлег, не выставил охранников, а наутро в жестокой перестрелке потерял двадцать восемь человек, причем все происходило на глазах у американских кино- и фоторепортеров, которые это засняли. Виноваты были и те силы, которые постоянно требовали от Вашингтона результатов, результатов и еще раз результатов, чего-нибудь такого, что продемонстрировало бы американскую политику в действии. И естественно, виноваты были гнев, ужас и бравада самого батальона “Пантеры”.

Восьмого июня 1991 года с целью проведения широкомасштабной операция против партизан, батальон “Пантеры” был переброшен по воздуху в долину Окалупо, находившуюся в трехстах милях от их тренировочного лагеря. Но когда “Пантеры”, называемые так за свои черные береты и черно-зеленую камуфляжную форму, вошли в деревню Куэмбо, они угодили под сильный снайперский огонь, который велся из окружавшего деревню леса. Их командир, бригадный генерал Эстебан Гарсия де Раджиджо, выслал в Куэмбо взвод разведки. Углубившись в деревню, взвод попал под мощный перекрестный огонь. Погибли все до одного. Затем партизаны изувечили трупы и скрылись.

Именно деревня Куэмбо и вызвала ярость у батальона “Пантеры”. Более поздние (правда, вновь неофициальные) источники сообщали, что батальон “Пантеры” в Куэмбо сопровождали американские инструкторы. Однако эти данные не были подтверждены. Зато вообще не требовало подтверждения другое: на следующий день, 9 июня 1991 года, батальон “Пантеры” за два часа убил более двухсот человек мужчин, женщин и детей. Их согнали к берегу реки Сампул и расстреляли из пулеметов и автоматов. Трупы убитых детей плавали после этого по реке еще несколько дней. Лицо Ника исказила гримаса отвращения, и, сам не понимая от чего, то ли от ярости, то ли от ужаса, он снова заплакал.

Дрожащей рукой он открыл следующую страницу. Нет, это не было злосчастное Приложение Б, которое, наверное, надежно спрятано то ли в здании ЦРУ, то ли в Пентагоне, а может, в штаб-квартире ФБР или в Лэнгли. Тем не менее, здесь тоже было кое-что интересное.

Это была копия заказа на “Электроток 5400”, электронный прибор проникающего целенаправленного действия, который предназначался для военной разведки Сальвадора; через таможеню его переправила организация Рэм-Дайн. Это был именно тот прибор, благодаря которому удалось подслушать Ланцмана в отеле, когда он звонил ему, Нику Мемфису, агенту ФБР в Новом Орлеане. Потом они просто зашли и убили Ланцмана топором.

“КОМИТЕТ ЛАНСЕРА РЕКОМЕНДУЕТ НЕ ПРЕДПРИНИМАТЬ НИКАКИХ ДЕЙСТВИИ В ОТНОШЕНИИ ЭТОГО ДЕЛА. ЗДЕСЬ ЗАТРОНУТЫ ИНТЕРЕСЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (СМ. ПРИЛОЖЕНИЕ Б)”.

Ник тяжело вздохнул.

Это уже было серьезное военное совещание. Шрек, какой-то крутой негр, которого все называли Морган Стэйт, и насупившийся Хатчер сидели в комнате и ждали только его.

– Полковник Шрек, я...

– Сейчас вы слушаете меня, Добблер. Мне нужна быстрая оценка ситуации. Попробуйте не допустить ошибки.

Лицо Шрека вытянулось и окаменело. Сейчас он был похож на статую того средневекового немецкого рыцаря, который в детстве так сильно поразил воображение Добблера в оружейном зале музея “Метрополитен”.

– За несколько минут до гибели Суэггер какое-то время пробыл в пикапе с этим агентом ФБР один на один. Теперь мне надо знать, была ли между ними беседа? В процессе разбора операции выяснилось, что вместе они провели не более четырех минут, причем все четыре минуты прошли в крайне тяжелой психологической обстановке. Может ли случиться, что в течение этого короткого промежутка времени Суэггер взял да и рассказал этому агенту что-нибудь такое, что изменило бы его отношение к этому делу?

– Э-э... – мялся Добблер, стараясь оттянуть время ответа. Потом вдруг резко ответил: – Нет, нет. Этого не может быть. Суэггер индивидуалист, очень замкнутый и неконтактный человек. Мы все это видели. Он не смог бы довериться первому встречному, тем более, что он не знал, кого взял в заложники. Нет, на него это не похоже.

– Может, он все-таки шепнул ему пару слов напоследок? – спросил Морган Стэйт.

– Полковник Шрек, у нас не было прямой связи. Мы действовали согласно этим проклятым инструкциям и не оставили никаких следов. О чем мог говорить с ним Суэггер? – Добблер нервничал.

Полковник едва заметно кивнул головой.

– Позвольте спросить, что все-таки произошло? – спустя минуту спросил доктор.

– Расскажите ему, – сказал Шрек Хатчеру.

– У нас есть информация о том, что специальный агент ФБР по имени Николас Мемфис – тот, которого Суэггер взял в заложники, – сделал запрос в базу данных ФБР о всех документах, касающихся Рэм-

Дайн. Именно от таких вещей нас и защищает Комитет Лансера. Но по какой-то случайности – не знаю, из-за глупости ли или из-за бюрократических путаниц, – вышло так, что он получил разрешение. И у него был файл о Рэм-Дайн. Он знал Суэггера и знал все о Рэм-Дайн.

– О Господи... – тихо произнес Добблер, чувствуя, как в него заползает ужас. – Он может обратиться к прессе? Или к политикам? Или к...

– Это не так уж важно, – бесстрастно сказал Шрек, поворачиваясь к Моргану Стэйту. – Найди Пайна. Прикажи ему взять этого Мемфиса, допросить и вытащить из него все секреты. Потом может его убить. Ясно?

Глава 25

Зазвонил телефон. Ник перестал вытирать вымытую после завтрака посуду и снял трубку.

– Ник?

– Я слушаю, – отозвался он.

Голос был женский и очень знакомый:

– Ник, это Салли Эллиот из регист...

– А-а! Привет, как дела? Случилось что-нибудь?

– Ник, из-за тебя у меня огромные неприятности, – прошептала она.

– А, из-за этого файла...

– Я же не знала, что тебя уволили.

– Да, да, с моей стороны было преступлением не сказать тебе об этом. Виноват, прошу прощения. Это, конечно, было нечестно. Просто я вел это дело и хотел разобраться... Ну понимаешь... это звучит, конечно, глупо, но я подумал, что раз меня уволили, то теперь я смогу полностью отдаться этому делу.

– Ник, я получила приказание немедленно вернуть этот файл со специальным курьером.

– О Господи! Надеюсь, они пока ничего серьезного не предприняли?

– Мне надо вернуть этот файл. Ты же не имел права покидать с ним здание Управления.

– Да, но поскольку я не мог больше оставаться в здании, то, выходит, не мог и прочитать его там, согласна? В любом случае, Салли, мне очень жаль, что все так получилось и что я подвел тебя. Сейчас же соберусь и через десять минут выйду. Через час буду уже у тебя. О'кей? И пусть это останется нашим маленьким секретом. Я имею в виду то, что я его вообще видел, хорошо?

– Конечно. Это и должно остаться секретом. Я же не могу сказать им, что ты покинул здание вместе с файлом. Поторопись, пожалуйста.

– Уже бегу.

Ник быстро принял душ и надел серый костюм. Странно, но ему было приятно, что он еще что-то должен сделать в этой жизни, пусть

даже это всего лишь пустячная поездка, чтобы передать файл.

По дороге он прокручивал в голове всю полученную информацию. Ему снова припомнилось то странное послание, оставленное на полу в ванной приползшим туда из последних сил Эдуарде Ланцманом, который, возможно, действительно работал в секретной полиции Сальвадора. Кровавая надпись “РОМ ДО” через мгновение была поглощена растекшейся лужей крови. Могло ли это быть началом слов “Ромео Дог”, которые в 1962 году, во время Залива Свиней, служили в фонетическом алфавите обозначением двух букв – “Р” и “Д”? “Р” и “Д”. Рэм и Дайн. Рэм-Дайн.

Это было уже кое-что. И в то же время это было очень мало. Почему он не написал “РЭ ДАЙ” или еще что-то, почему “РОМ ДО”? Что здесь было общего с Заливом Свиней и фонетическим алфавитом того времени? И вообще, брало ли оно начало оттуда? Ник чувствовал, как ужасно начинает болеть голова. Теперь он уже был полностью уверен в том, что Рэм-Дайн причастна к убийству Эдуарде Ланцмана и, похоже, к убийству архиепископа Джорджа Роберто Лопеза тоже. Однако у него пока не было никаких улик и доказательств. Он понимал, что пускается в опасное приключение, что весь мир вокруг него предстанет Королевством Кривых Зеркал и что в конце концов все может закончиться паранойей и психушкой. Все его существо противилось этому, подсказывая, что это не его ума дело.

Но... мысль о том, что эти люди, выполняя свои задания, постоянно находятся где-то поблизости, не давала ему покоя. Кто их контролирует? Кто им платит? Шреку, Пайну и всем остальным? Для кого они выполняют эти задания? Для Комитета Лансера? Кто его основал? Откуда они вдруг появились в 1964-м, такие богатые и влиятельные, что смогли заполучить в свои руки полторы тысячи винтовок “армалит”? Кто они такие? Обо всем этом ему может сказать только Приложение Б.

“Я должен найти это чертово Приложение Б”, – подумал он.

– Вон он выходит, – сказал Томми Монтойа, сидя в автомобиле напротив небольшого домика, расположенного на окраине города, – вот он, мой маленький Ники.

Джек Пайн наблюдал в бинокль, как Ник Мемфис закрыл двери дома и подошел к светлomu “доджу”.

– Пайн-0, давай брать сейчас! – Томми охватывал азарт.

– Нет. Его ждут. Пусть сначала вернет этот проклятый файл, а на обратном пути мы его и возьмем тепленьким. Обработаем как положено. Мне кое-что нужно в его квартире. Я имею в виду, у него там должен быть пистолет. Ну если не пистолет, то какой-нибудь кухонный нож или бритва. Надо это взять: пригодится, когда придет момент в конце нашей душещипательной беседы отправить его на тот свет его же руками.

– Джек, это не трудно, домом могу заняться я, – сказал один из членов их группы.

– Хорошо, Пони, приступай. Мы тебя подождем.

– Следить за ним не будем? – спросил водитель Эдварде, которого все почему-то называли “мистер Эд”.

– Нет. Пусть Пони заберется в дом и принесет нам какую-нибудь веселую игрушку. Не оставляй никаких отпечатков, Пони! Понял?

– Конечно, Джек, все ясно.

– О’кей, тогда с Богом, малыш.

Пони быстро вышел из задней двери автомобиля с “Электротоком 5400”, припаркованного вблизи дома Ника Мемфиса. Джек наблюдал за тем, как он переходил улицу. Со стороны Пони совершенно не привлекал внимания. Подойдя к дому, Пони постучал в дверь, а потом быстро обошел его вокруг.

– Он заберется, – сказал Эд. – Я не раз видел, как он работает с замками. Не работа, а просто загляденье! В этом деле он настоящий гений.

– Отлично, – отозвался Пайн.

И вправду, Пони вернулся к машине через тридцать минут. Его трофеем в этот раз был маленький “кольт-агент”. Натянув резиновые перчатки, Пайн вынул барабан, осторожно вытащил оттуда один патрон и радостно воскликнул:

– О-о-о-о! Это “глэйзеры”!

У него на ладони лежала пуля с голубым наконечником, заключенная в блестящую гильзу. Пайн знал, что внутри пули, как косточки в виноградине, спрятаны свинцовые дробинки.

– Эта штука сделает из него спагетти, – удовлетворенно заявил он.

– О Ники, – сказал Томми Монтойа, – теперь тебе, мой друг, крышка.

– Привет, я...

– Тсс-с! – прошептала Салли и, стараясь скрыть гнев, тихо скомандовала: – Клади сюда!

– Пожалуйста. – Ник положил на стол дискету с файлами и тихонько придвинул к ней. Она делала вид, будто не смотрит на него. Он стоял, чувствуя, что ему что-то надо сказать:

– Салли, я...

И тут она подняла на него глаза.

На ее лице было написано страдание. Ник только сейчас увидел, какую боль он ей причинил. Боль? Ей? Но ведь он даже не знал ее! Внезапное чувство какой-то душевной близости одурманило и поразило его. До него вдруг дошло, что эта красивая, стройная девушка ведет себя так потому, что она его любит, и это, черт возьми, произошло явно не месяц и не два назад. Ник даже представить себе не мог такого поворота событий, а когда это произошло, от смущения не знал что сказать. Он чувствовал себя так, будто невольно узнал ее самую сокровенную тайну; и эта тайна ошеломила его. Он никогда бы не подумал, что может для нее хоть что-то значить.

– У тебя были проблемы? – прервав молчание, спросила она. – Я имею в виду – на входе?

– А, ты об этом. Нет, не было. Смешно звучит, но даже несмотря на то, что у меня нет документов, они по привычке продолжают пропускать меня в здание. Знаешь этого охранника на входе – как его... Пол, по-моему, – так вот, он даже честь мне отдает, как это делал все последние четыре года. Я думаю, просто не до всех еще дошел приказ о моем увольнении.

– Скоро дойдет.

Наступившее молчание становилось с каждой минутой все более неловким. Ник тихо стоял, не зная, как его нарушить.

– Прости, – наконец выдал он из себя. – Мне надо было сразу все тебе рассказать. Понимаешь, это дело меня очень волновало... Оно не имело ничего общего со всем тем, что произошло со мной в последние два месяца. Я просто очень не люблю, когда дело остается незавершенным, даже несмотря на угрозу для своей карьеры. Поэтому, когда ты дала мне этот чертов файл, у меня не хватило сил отказаться от него.

Она подняла глаза на Ника:

– Я виновата в том, что они вытворяют с тобой. Это все только из-за меня. Я уверена, твоей вины в этом нет.

– Нет, есть. Мне казалось, что я самый умный, но это было заблуждение. Я все время допускал промахи. Поэтому мне надо уйти отсюда, пока мое присутствие не причинило тебе вреда. Надеюсь, что у тебя все будет в порядке.

– Я тоже так думаю. Мне надо вернуть им это до завтра. И еще подписать формуляр, в котором сказано, что файл не выносился из Управления.

– Тебе придется лгать из-за меня?

– Да.

– Знаешь, Салли, мне всегда везло с женщинами. Я преступник по отношению к тебе. Приношу самые искренние извинения. Могу ли я чем-нибудь загладить свою вину? Ты, надеюсь, не откажешься пообедать со мной?

– У меня сегодня свидание.

– А-а, понимаю, О'кей. Еще раз прости. Ну, теперь мне пора...

– Но завтра я свободна.

– Отлично. Можно, я встречу тебя, скажем, в шесть у выхода из Управления? Сходим в “Квотер” и отведаем устриц, пока туда еще не набились туристы.

– В шесть, – сказала она. – И не беспокойся о том, что мне придется солгать. Это не так уж страшно.

– Спасибо, Салли. Огромное спасибо.

На улице был чудесный день. Ник не спеша шел вдоль многоэтажных зданий в центре Нового Орлеана. Делать ему теперь было нечего, разве что просто убивать время. Привыкший всю жизнь выполнять поставленные перед ним задачи и достигать намеченных целей, он вдруг почувствовал себя необычайно легко и свободно. Хорошее настроение придавало сил: он шел и думал о том, что может прямо сейчас отправиться в “Квотер”, прекрасно пообедать, а затем вернуться домой и немного подремать. Депрессию как рукой сняло. У него назначено свидание с красивой девушкой; он молод и здоров; он разбирается в людях; у него все будет нормально. Может быть, еще по крупному повезет. Денег у него хватит еще недели на две – две с половиной... Ничего, еще поживем, Ник! Не всю же жизнь работать в ФБР. А вдруг у них с Салли что-нибудь получится? Что будет, то будет,

чего тут гадать. Перед ним только сейчас открывается весь мир. Он шел и с удивлением думал: все-таки какой очаровательной может быть улыбка женщины и какие она может творить с вами чудеса. Погруженный в свои размышления, Ник сам не заметил, как оказался в толпе служащих, идущих в кафе и рестораны на ленч. В этот момент он услышал, как кто-то его окликнул:

– Ники! Эй, Ники, Ники!

Он обернулся и увидел своего старого знакомого Томми Монтойа, который излучал зажигательную латиноамериканскую жизнерадостность. На шее у него, как всегда, сияла толстая золотая цепь.

– Томми! – обрадовался Ник. – Томми, черт бы тебя побрал! Какая встреча! Знаешь, собирался уже тебе позвонить, но вот увидел, по счастью, здесь. Есть пара минут? Мне тут надо у тебя кое-что спросить.

– Конечно, Ники. Какие проблемы?

Ник шагнул навстречу Томми, но в этот момент на него с разных сторон навалились трое и стали грубо выкручивать ему руки.

– Эй, что за дья...

Нападавшие явно не шутили. Он рванулся, заехал одному из них локтем по физиономии, но они грубо скрутили его и придавили к земле. В этот момент ему показалось, что сквозь костюм что-то легонько укололо его в бок, и сразу же весь мир зашатался и поплыл у него перед глазами, вращаясь все быстрее и быстрее, пока ему ужасно не захотелось спать. Ему казалось, что его куда-то тащат, а потом он летел, летел...

Когда Ник очнулся, было уже темно. Он лежал на грязном полу в автомобиле. Снаружи до него доносилось стрекотание кузнечиков и сверчков. Ник сразу же ощутил мерзкое зловонное дыхание болотных зарослей. Он попытался сесть, но не смог – мешали наручники. Чувствовал он себя просто отвратительно: было такое впечатление, будто кто-то через ноздри накачал ему в голову шесть тонн пластиковых отходов.

– Пайн-0, смотри, он пришел в себя.

– Отлично. Привет, Ники, ну как, ничего? Этот натриевый пентосал неплохо бьет по башке, а?

– Кто вы?

– Да так, трудяги-бродяги, сынок. Ну-ка подними его!

– Есть, Пайн-0.

Пайн-0. Это имя было очень знакомо. Две пары грубых рук рванули Ника вверх. В глаза ударил яркий свет. Голова просто раскалывалась. По теням он смог определить, что их было четверо.

– Ты же знаешь, о чем мы будем сейчас говорить, не так ли? Все зависит от тебя и от того, насколько быстро ты поймешь нас и согласишься с нами сотрудничать. Что касается меня, то я считаю, что такой образцово-показательный бойскаут, как ты, должен достаточно быстро понять, что он серьезно ошибался и что теперь настало время исправлять свои ошибки. Вот Томми, например, утверждает, что ты довольно-таки упрямый подонок и промучаешь нас всю ночь. Но знаешь что, Ник? Это не важно, потому что у нас много времени и мы никуда не торопимся. И запомни: у нас говорят даже мертвые! Героев в этом мире нет!

– Томми, какая же ты сволочь!

– Ники, ты мне всегда нравился.

– Ты самый настоящий ублюдок! – орал Ник.

– О, наш Ник крутой парень, не так ли? – вступил в разговор плотный коротышка. Нику бросились в глаза многочисленные татуировки на его толстых жилистых руках. Он вспомнил файл о Рэм-Дайн. Пайн-0.

– А ты Пайн, да? “Зеленый берет”, устроивший кровавую бойню на реке Сампул? Да, ты действительно можешь гордиться собой, ты чистокровная сволочь.

– О Ник, Ник, Ник... Это было прекрасное дело. В тот день мы убили двести коммунистов. А все для того, чтобы такие толстожопые пердуны, как ты, могли спокойно жить в своей ленивой стране и ни о чем не думать... – Он сардонически рассмеялся. – Ник, это наша работа. Ты же знаешь, что кто-то должен этим заниматься. Не ты же.

– Пайн-0, тебе бы не следовало говорить ему...

– Ну почему же, мы доверяем Нику все наши секреты, не правда ли, Ники?

– Пошел ты на... – сказал Ник, всем телом чувствуя необычайное облегчение от действия наркотика. – Дай только вырваться из этих проклятых наручников, я тебе голову живо сверну. Эй ты, специалист по расстрелам детей. Я все прочитал. Знаешь, что я тебе скажу,

подонки, я бы очень хотел посмотреть, как бы ты воевал против фэбээровской группы СВИТ, а не против женщин и детей. Ты бы у нас быстро узнал почему фунт лиха. Тут бы ты уже не фразерился как пижон. – Ник сорвался на крик.

Пайн рассмеялся. Томми тоже.

Ник оглянулся: его окружали лишь темнота и молчание луизианских байю. Черт его знает, где они сейчас находились. От цивилизации их отделяли долгие мили пыльной дороги. Ждать помощи или милосердия было неоткуда. Невдалеке он увидел свою машину. Теперь он понял, что это значило. Это значило только одно: эти сволочи убьют его так, чтобы это максимально походило на самоубийство, а машина была им нужна только для того, чтобы объяснить, как он сюда попал.

– Ну вот, Ники, теперь все зависит от тебя: либо это будет происходить быстро и безболезненно, либо долго и мучительно. Ну, что ты выбираешь?

– Мне безразлично, что ты тут мелешь, недоносок.

– Не торопись, – сказал Томми. – Когда мы продемонстрируем тебе, как работают в системе национальной безопасности, ты сразу же захочешь присоединиться к нам. Мы делаем то, чего нельзя не делать. И ты знаешь это лучше, чем кто бы то ни было в этой идиотской стране. Чем-то мы даже похожи на римских центурионов. Попытки нам ни к чему, мы же не варвары, правда, Пайн-0?

– Абсолютная правда. – Пайн с готовностью кивнул головой. – Такие сволочи, как вы, всегда говорят, что делают все это для страны.

– Вы самые обыкновенные негодяи и подонки! – Собравшись с силами, Ник смачно плюнул Пайну в лицо. Ужасная, отвратительная гримаса исказила лицо Пайна. Даже в темноте Ник заметил, как засветились в его глазах злоба и ярость. Казалось, Пайн сейчас разорвет Ника на части. Но, как настоящий профессионал, он сдержался.

– Пайн-0, – обратился к нему один из его “коллег”, – похоже, по доброй воле он совсем ничего не хочет рассказывать.

Глаза Пайна сузились:

– Черт, ты, кажется, прав. Ну-ка вколи ему. Пора ускорить этот процесс. Хватит заниматься мушкетерством.

Ник почувствовал, что ему закатывают рукава.

– Ну вот, Ник, доигрался. Сейчас мы быстро развяжем тебе язык. У нас есть для этого прекрасное средство.

Ник почувствовал укол иглы, ее тонкое жало впилося ему в вену, и минуту спустя невероятная усталость и тяжесть разом навалились на него.

– Отлично, Ник, теперь расслабься, пусть оно разойдется, – посоветовал Томми.

Ник отчаянно пытался сопротивляться.

– Это отличная штука, фенотарбидат-Б. Сложносоставное, специально разработанное для допросов в системе ЦРУ средство. Поэтому давай, дергайся. Чем больше будешь сопротивляться, тем больше расскажешь.

Сначала Ник ничего не чувствовал. Но потом началось. Зажигались и выключались огни. Перед глазами все плыло. Его била дрожь. Он понял, что воля покидает его. Она просто потихоньку испарялась. Ощущая лишь собственную слабость, неспособность и огромный страх, он желал только одного – полностью отключиться.

– Ник, – откуда-то издали до него донесся знакомый голос, – Ник, Ник, Ник. Расскажи нам все. Пони, включил пленку?

– Да, уже крутится.

– Ник, когда ты впервые услышал о Рэм-Дайн?

Ник попытался найти в себе хоть какие-то силы не отвечать, но в конце концов ему показалось это очень глупым. Почему бы не рассказать им все то, что им нужно? Ведь все рассказывают.

– Я... я...

– Ну-ну, давай...

– Я был на патрулировании с людьми из Секретной Службы, – начал Ник. – Как раз накануне визита Флэшлайта. Да... Так вот, один из агентов упомянул о Рэм-Дайн в связи с тем, что она переправила одному центральноамериканскому правительству самое совершенное подслушивающее оборудование. А я как раз искал пути...

И тут его понесло. Ник говорил, говорил, говорил. Он просто не мог остановиться. Информация извергалась из него ниагарским водопадом. Это был настоящий словесный понос. Все, что он знал об этой организации, все его сомнения по поводу причастности Боба Ли Суэггера к убийству архиепископа, все его страхи, ужасы и надежды, все самое худшее, что было в глубинах его души, и все, что ему только

чудилось, он добросовестно выложил перед ними. Нику казалось, что он говорил несколько дней, даже лет.

В конце концов он так извел их своей болтовней, что они больше не могли его слушать.

Наступил рассвет. Давно уже смолкли сверчки и кузнечики. Он переговорил даже их. Где-то вдалеке поднималось солнце, окрашивая окружающий мир в бледно-зеленые тона. Все кругом было зеленым – какое-то безумное торжество зеленого цвета. Они стояли около речки, а может, болота. Вокруг были одни деревья. На дороге лежал толстый слой мягкой серой пыли. Все здесь хранило пыльное молчание. Он устал. Очень устал. Единственное, чего ему сейчас хотелось, это заснуть.

Но они не отпускали его.

– Я очень хочу спать, – сказал Ник.

– Может, тебя еще и в ванную сводить? – спросил Томми.

– Нет, я просто хочу спать.

Как сквозь сон слышал он, о чем говорили его мучители:

– Черт, прогуляйся с ним.

– Ты считаешь, что уже все, Пайн-0?

– А ты что считаешь – я что-то забыл? Этому ублюдку уже давно пора петь вместе вон с теми пташками в небе.

– Ладно, что дальше?

– Дальше все как обычно. Вы же знаете, не раз делали. Томми, он твой лучший кореш, вот ты и кончай его. Пони, останешься здесь вместе с ними. Дождитесь, пока ему приспичит поссать. А нам надо отвезти эту дурацкую пленку, причем как можно скорее.

– Хорошо.

Все еще находясь под действием наркотика, Ник тем не менее потихоньку начал понимать, что здесь происходит и что его ждет. У него уже не было ни силы воли, ни гордости.

– Что вы собираетесь со мной сделать? – спросил он.

– А ты как думаешь, а? – в свою очередь поинтересовался Пайн. – Ты слишком далеко зашел. Ты узнал то, чего тебе совсем не надо было знать, и поэтому, видимо, придется прогладить тебя утрамбовочным катком. Не бойся, я шучу, все будет проще. Кто-то же должен в этом мире делать настоящие дела, которые не под силу таким сосункам, как ты. Можешь уже ни о чем не беспокоиться. У тебя было время сделать

выбор. Ты его сделал. Никто тебя за яйца не тянул. Теперь пора платить по счету, сынок.

– “Здесь затронуты интересы национальной безопасности. Комитет Лансера рекомендует не предпринимать никаких дальнейших действий в отношении данного дела. Смотри Приложение Б”, – с горькой иронией в голосе попытался пошутить Ник.

Два рэмдайновца сели в машину и укатили в неизвестном направлении. Ник смотрел, как машина удалялась, оставляя за собой густой шлейф серой пыли.

Он оглянулся. Это было действительно красивое место. Никаких построек, никаких людей, только река да болота, которые окружали ее с обеих сторон желто-зеленым покрывалом растительности. В нескольких сотнях ярдов отсюда деревья уже росли сплошной стеной, а земля превращалась в жидкую грязь. Здесь, в лучах восходящего солнца, она была твердой и надежной. Рядом стояли две машины – его и Томми.

Ник отвернулся. Томми и второй рэмдайновец не спускали с него глаз. Он дернул наручники, но они не поддавались. Даже если бы он смог сейчас побежать, бежать все равно было некуда. В какую сторону можно рвануть отсюда в надежде спрятаться, было совершенно непонятно.

– Это какая-то ошибка, – сказал он. – Я ведь ничего не совершил.

– А здесь об ошибках никто и не говорит. Дело не в ошибках, а в том, что ты слишком много стал знать. А как дальше все происходит, ты и сам догадываешься. Так ведь всегда бывает: если много знаешь, значит, пора убивать, – отозвался Томми. – Хочешь коку или чашечку кофе? Мы взяли с собой термос. А, Ники?

– Нет.

– Ники, мне очень не хотелось бы говорить это, но... ты простой смертный и рано или поздно тебе все равно придется открыть краник и отлить пару литров из своего аквариума. Такова уж природа человека. Все мы так устроены.

– При чем тут моя моча?

– Сейчас в ней слишком большая концентрация фенobarбитала-Б. Ты пописаешь, и она снизится до допустимого уровня. Вот поэтому мы сидим тут и ждем, пока ты уссышься. Только, ради Бога, не плачь и не умоляй ни о чем.

– Скотина! Не дожدهшься, чтобы я плакал или умолял тебя!

– Ну, обычно все так поступают. – Пони был невозмутим. – Все.

Ник терпел до тех пор, пока его мочевой пузырь все-таки его не предал. Хочешь не хочешь, а опорожниться придется. Видя его сопротивление, Томми сказал:

– Ник, ну что ты мучаешься? Это же не играет никакой роли, поверь. Просто смысла нет. Понимаешь?

В конце концов Ник не вытерпел:

– Пора. Освободи руки.

– Прости, но этого я сделать не могу. Пони, расстегни ему штаны. Только не прикасайся к нему. Пусть все будет как можно натуральнее.

Боже, как он их ненавидел! В том, как они выполняли свою работу, чувствовались долгий опыт и профессионализм. Пони, молодой и сильный латиноамериканец, расстегнул ему брюки. Теперь он мог закончить начатое дело сам, и последняя в его жизни струя, образуя вокруг себя небольшую радугу, зажурчала по зеленой болотной траве, разбрасывая вокруг брызги, которые красиво переливались в ярких лучах солнца.

– Сволочи, – закончив, процедил Ник. – Мудаки вонючие! Ненавижу!

Они застегнули ему брюки, а потом подвели к реке, где земля превращалась в сплошную грязь. Здесь его опустили на колени.

Он чувствовал, как к его кисти привязывают ремень. Потом вдруг на левой руке защелкнулся новый наручник, прикрепленный к ремню. Черт! У них даже для этого есть специальные приспособления! До чего же все продумано и отработано! Они хорошо попрактиковались в этом деле. Наверное, каждый по несколько тысяч раз!

Какой-то небольшой предмет тупо ткнулся ему в руку. Он сжал кулак. Пальцы сразу же почувствовали знакомые очертания “кольт-агента”. Ник попытался нажать курок, но тот не поддавался. Они вставили туда что-то вроде клина. Потом суставов коснулась липкая изолента, которая все плотнее и плотнее стала прижимать пистолет к его руке.

– Откинь ему голову назад, Пони, – руководил Томми. Тот добросовестно запустил пятерню в волосы Ника и дернул их назад. У Ника в глазах поплыли фиолетовые пятна. Чертовски больно.

– Сволочи, – заорал он, – не делайте этого со мной! Не надо! Томми, Господи, прекрати! Прошу тебя, мы же с тобой были друзьями!

– Нет, Ник. Ты всегда был просто фэбээровцем. Ничем не могу тебе помочь. Так же, как и ты, я делаю свою работу. Расслабься, наслаждайся утром. Ни о чем не думай. Это совсем не больно. Ты не волнуйся.

Ник услышал, как за спиной у него что-то щелкнуло и наручник на правой руке раскрылся, но в тот же момент Томми Монтойа, стоявший справа, со всей силы схватил его руку.

– Теперь, Ник, осторожно, не сопротивляйся. Это всего лишь одна секунда.

– Пожалуйста, не надо, – умолял Ник.

– Итак, Ники, начинаем. – И он начал поднимать руку Ника по дуге к его виску. Ник понял, что его собственная рука стала теперь его заклятым врагом. Он сопротивлялся, как мог, но двое склонившихся над ним мужчин все равно были сильнее. Он видел, как его рука, направляемая двумя мускулистыми руками Томми, медленно поднималась к голове. Теперь было ясно, как все должно произойти. Его руку будут поднимать до тех пор, пока дуло не коснется виска. Затем Томми вытащит клинышек из-под курка и нажмет Нику на палец (в каталоге Рэм-Дайн, который она любезно предоставляла секретным службам латиноамериканских стран, этот предмет шел под номером 4332 и назывался “имитационно-суицидный стопор многоразового использования”). Одного “глэйзера” из пистолета Ника было достаточно, чтобы от его мозгов не осталось и следа. Его выловят в камышах где-нибудь у берега: в застывших руках, естественно, будет зажат его пистолет, а на берегу будет стоять его машина. Никаких других улик не будет. Они все продумали. Чертовы профессионалы!!!

– О Господи, не делайте этого, прошу вас! – Ник почти кричал, по-прежнему пытаясь опустить руку.

– Так, так, уже почти на месте... Да не дергайся ты, идиот, все испортишь! – приговаривал Томми, поднося все ближе и ближе к виску Ника злосчастный ствол пистолета.

Наконец дульный срез коснулся кожи и замер. Было такое чувство, будто кто-то прижал к виску монету. Краем глаза он видел, как Томми спокойно и тщательно занимается пистолетом, взводит собачку,

аккуратно сжимает его руку своей рукой в резиновой перчатке и готовится к тому, чтобы вынуть стопор.

– Осторожно, Пони, – сказал Томми, предупреждая своего напарника, чтобы тот поменьше забрызгался. – У меня все готово. Начи...

В это мгновение пуля разнесла голову Томми Монтойа. Через долю секунды до них докатилось эхо выстрела. За рекой в воздух взметнулась целая стая растревоженных белых птиц. Согнанные с насиженных мест, они недовольно кричали.

Ник увидел, что теперь количество его врагов уменьшилось ровно наполовину. Он повернул внезапно освободившуюся голову к другому своему мучителю, к Пони, который с глупым видом поднял на него глаза, еще ничего не понимая.

Но Ник уже понял все.

– Теперь и тебе крышка, – сказал он, и не успел он договорить последнего слова, как пуля, ударив Пони в грудь, попала ему прямо в сердце. Тот упал, заливаясь кровью. По-прежнему недовольно крича, в воздухе кружились птицы.

Постепенно усиливался ветер. Ник откинулся назад. Ужасно ныла рука. Ему очень хотелось побыстрее сбросить этот проклятый пистолет, но тот был туго примотан к руке изолентой, а он не мог даже пошевелиться. Распутать или сорвать ленту мешала вторая рука, а ключи от наручников, думал Ник, наверняка лежат у одного из этих ублюдков в кармане.

Оглянувшись, он заметил переходящего вброд реку человека. Мужчина был высокий, широкоплечий, с загоревшим лицом и теперь уже без бороды, в голубых джинсах и джинсовой голубой рубашке. На голове у него была бейсбольная шапочка с надписью “Рэйзорбэкс”. Спокойные серые слегка прищуренные глаза смотрели насмешливо-снисходительно и безжалостно. В них не было страха. Рот было плотно сжат. Издалека он казался невероятно высоким. В руке у него был длиннотвольный ремингтон с неимоверно длинным оптическим прицелом. Он нес его как человек, который знает в винтовках толк. Наконец он подошел к Нику.

– Привет, малыш, – коротко бросил ему Боб Снайпер.

Глава 26

Ошеломленный Ник смотрел на него, совершенно ничего не понимая.

– Что-то ты плохо выглядишь, малыш, – начал Боб. – Напоминаешь мне связанного поросенка. Эти сволочи, наверное, хотели сделать из твоей задницы фарш для пирожков себе на завтрак.

Ник смотрел, как Боб тщательно обыскал оба трупа и взял документы и ключи. Из внутреннего кармана Томми Монтойа он достал два ключа от наручников и, подойдя к Нику, быстро их снял и отложил в сторону.

– Черт побери, – с отвращением сказал Суэггер, – у них есть приспособления даже для имитации самоубийств.

Он начал не спеша разматывать изоленту с правой руки Ника. Ник непонимающе смотрел на него, не в силах пошевелиться. Наконец “кольт-агент” выпал из руки на землю. Суэггер наклонился и поднял его.

– Надеюсь, на сей раз ты не будешь целиться в меня из этой глупой игрушки, а, малыш? В прошлый раз я не был в тебе уверен. – Ник в ответ только замотал головой. – На, не теряй. Теперь давай поднимайся. Надо скинуть эти образчики человеческого дерьма в воду и по возможности привести место в божеский вид. Ты же не хочешь, чтобы за тобой начала охотиться вся луизианская полиция? Лично я не хочу. С меня уже хватит и полиций, и всяких других глупостей.

С этими словами он положил свою винтовку на капот автомобиля Ника и подошел к одному из тел. Когда он наклонился, Ник увидел, что из его набедренной кобуры торчит автоматический кольт 45-го калибра.

Сделанный на заказ, с низким прицелом и пластиковой рукояткой, это был пистолет для настоящего мужчины. На другом бедре в специальной кобуре “Спаркс” лежали еще три запасных магазина.

Боб оттащил оба тела к берегу реки и без излишних церемоний сбросил вниз. Они с плеском погрузились в воду, и их сразу подхватило течение; на поверхности воды остались только пузыри воздуха и ярко-красные полосы крови.

– Думаю, сегодня у аллигаторов будет праздник, – сказал Боб. – Ну а теперь вставай, нечего сидеть здесь, как жаба на дороге. Давай шевелись!

Но Ник по-прежнему пребывал в прострации и совершенно не реагировал. Остановившимся взглядом он смотрел на Боба, обыскивавшего автомобиль рэмдайновцев. Не найдя ничего интересного, Боб вставил ключ в замок зажигания, завел двигатель, сел в машину и направился в сторону большого болота. Выскочив на ходу из кабины, он рукой нажал педаль газа и отпрыгнул в сторону. Рванувшись вперед, машина с шумом врезалась в камыши и, фыркнув, плюхнулась в грязную тину.

Вскоре на поверхности остались одни пузыри и масляные пятна. Боб подошел ближе:

– Ну а теперь твоя машина, малыш. Нельзя оставлять улики. Лучше я потом куплю тебе новую, хорошо?

Ник в изумлении смотрел, как Боб все то же самое повторил и с его маленьким “доджем”, которым он так гордился. Теперь и “додж” “отдыхал” глубоко под водой.

Боб продолжал:

– Ну, малыш, давай-ка бросим последний взгляд, чтобы ничего не оставить для полиции. Вставай, что ты расселся, шевелись. Сидишь, будто за твоего дятла в штанах кто-то ухватился. Черт побери, в жизни не встречал такого бестолкового лентяя!

К этому времени Ник уже кое-как пришел в себя и поднялся на ноги, однако все так же молча, всем видом давая понять Бобу, что предоставляет ему руководить своими действиями.

Они прошли где-то с полмили по дороге и нашли за деревьями спрятанный белый пикап. Ничего не говоря, Ник забрался в кабину. Боб достал с заднего сиденья чехол для винтовки и заботливо спрятал туда свой ремингтон. Еще раз все проверив, он осторожно положил его назад и сел на место водителя.

– Пристегни ремень, балбес, – сказал он. – Я не хочу, чтобы на каком-нибудь повороте ты вылетел из машины через лобовое стекло.

Ничего не замечая, Ник тупо смотрел вперед. Постепенно болота и заросли сменились пашнями и лугами. Теперь они уже ехали по Луизиане, оставив далеко позади топи Нового Орлеана. Наконец Боб спросил:

– Хочешь есть? На заднем сиденье бутерброды и термос с кофе.

– Спасибо, пока не хочется, – ответил Ник. Это были его первые слова.

Час спустя, переехав границу штата Арканзас, они остановились пообедать в какой-то придорожной забегаловке в городе Анналисл.

– Надо поесть, – сказал Боб, – что-то я проголодался.

Он вышел из машины и направился к кафе. Ник смотрел ему вслед. Этот человек никогда не оглядывался, он всегда смотрел только вперед. В глаза бросались его широкие плечи и прямая походка. Ник наконец пришел в себя и тоже вылез из машины. Боб сидел за столиком в дальнем углу. Вскоре к ним подошла девушка, и они заказали гамбургеры с кофе для Боба и омлет для Ника.

Ник почувствовал, что может говорить.

– Спасибо. Фантастический выстрел.

– Да, пришлось немного подождать, пока солнце взойдет повыше. Не хватало освещения, – пояснил Боб. – Я хотел, чтобы солнце было у меня за спиной. Правда, я боялся, что эти чертовы птицы в любой момент могут взлететь и выдать меня с потрохами. Но ничего, обошлось.

– Как вам удалось так быстро передернуть затвор?

– Тренировка, сынок. Я стреляю из винтовки уже не первый год.

– Но я же своими глазами видел, как вы... как горела церковь. Я был там, когда нашли обгоревший труп.

– Сынок, на волосок от смерти я был только тогда, когда ты держал меня на мушке у кладбища. Ты был единственным человеком, который реально угрожал тогда моей жизни.

– Я не...

– Я пробыл там три дня. Найденное вами тело принадлежало одному бедолаге по имени Бо Старк, застрелившемуся в гараже в Литл-Роке. Вместе с преподобным отцом Харрисом мы похоронили его на кладбище при баптистской церкви Авроры. Это произошло всего за несколько месяцев до того, как все это началось.

– Но зубная судмедэкс...

– Боб ходил к тому же дантисту, что и я, к доктору Ле Мьексу. Ночью, накануне случившегося в медицинском комплексе, я забрался к нему в кабинет и поменял рентгеновские снимки. Это было несложно, потому что доктор Ле Мьекс на все снимки наклеивал бирки. Спасибо

ему за аккуратность. Вот так старина Бо впервые принес пользу, хотя на самом деле ушел из этой жизни намного раньше.

– Но пламя... Вы же были в...

– Нигде я не был, Мемфис. Когда загорелась церковь, я уже был на двадцать футов ниже и на сто футов западнее, в каменной пещере. Попивал себе кока-колу и заедал ее пирогом. Под алтарем есть подземный ход, который построили еще тогда, когда некоторые люди помогали рабам бежать на Север. Правда, потом об этом узнали и всех наказали. Я слышал эту историю от своего дедушки. Я наперед знал, что церковь сгорит, что ей долго не жить. Мне было известно, что преподобный отец Харрис получил деньги на постройку новой церкви. А теперь все довольны и счастливы. А ваши-то фэбээровцы и подавно. Понимаешь, когда вы нашли тело, то прекратили дальнейшие поиски и наконец успокоились.

– Вот черт, – только и мог сказать Ник.

– Я очень осторожный человек, парень.

– Черт, – снова произнес Ник.

– Мне нужна была свобода действий, чтобы кое в чем разобраться. Я не придумал ничего лучше, чем умереть. Таким образом мне удалось кое-что спокойно обдумать и рассчитать. Потом я понял, что мне нужен помощник. Единственный человек, которому я мог доверять, был ты, потому что ты имел реальную возможность меня убить и все-таки не убил. Вот я и решил навестить тебя. Когда я подъехал к твоему дому, то заметил в твоей машине какого-то человека. Он был среди тех, кого я видел на стрельбище в Мэриленде несколько месяцев назад. Там Пайн был?

– Да.

– Так я и думал! – сказал Боб. – Его следы видны повсюду. Пайн стрелял в меня в Новом Орлеане. Потом он убил мою собаку в Блу-Ай. Ладно, все равно рано или поздно придет время свести с ним счеты.

Девушка принесла еду. Ник с удивлением обнаружил, что чертовски голоден.

– Ну и кто они такие? – спросил Боб. – Ты не знаешь?

Ник почувствовал, что настала его очередь гордиться. Пожалуй, на Боба Ли Суэггера это может произвести впечатление.

– Это подразделение называется Рэм-Дайн.

– Из ЦРУ, что ли? Я так и думал, что оттуда. Только они могут работать так профессионально.

– Нет, они не из ЦРУ. Это нечто другое. Возможно, что они были созданы ЦРУ в 1964 году, несомненно, находятся под защитой ЦРУ и предназначены для оказания ему помощи в некоторых несанкционированных операциях. Однако с того времени они превратились в совершенно самостоятельную организацию и гордятся тем, что могут делать невероятные вещи, причем очень профессионально. По сути, это настоящие выродки. По уши в дерьме. Пока вы воевали, они продавали во Вьетнам всякие инструменты для пыток и оружие для секретной полиции.

– Ты знаешь их имена?

– Ну, Пайна вы уже знаете. Мастер-сержант из “зеленых беретов”. Главный у них – полковник из “зеленых беретов”...

– А-а, внешне такой суровый и неприступный, лет под пятьдесят, с глубоко посаженными глазами?

– Я его никогда не видел. Его зовут Шрек. Много воевал, но в 1968 году был осужден военным трибуналом за убийство одного секретного вьетконговского агента.

– Ну, в это я могу поверить. Я с ним встречался. Не человек, а камень.

– Но Рэм-Дайн существовала еще до Шрека. Может быть, он ею сейчас и управляет, но создана она была задолго до его прихода туда. Это... это нечто такое, что... не принадлежит к какой-то определенной организации. Я даже точно не могу сказать, с кем они связаны. А вы?

Боб рассмеялся:

– Есть кое-какие соображения.

– Пожалуйста, расскажите мне. У вас никогда не будет более внимательной аудитории.

– Ладно, – согласился Боб. – Дай допить кофе, по дороге все расскажу.

Они заплатили за обед и вернулись к пикапу. Боб выехал на дорогу, ведущую на север, и начал свой рассказ. Он рассказал ему почти все. Ник был прав: более внимательной аудитории у Боба еще не было. Ник ловил каждое слово.

Боб говорил часа полтора. Время от времени Ник перебивал его вопросами:

– Какие это были патроны? Точно соответствующие заводским стандартам?

– Ха! Заводские стандарты им в подметки не годятся! Намного лучше. Лучше, чем мои. Тот, кто их делал, знал определенные секреты создания патронов с повышенной точностью стрельбы.

– Вы знаете, кто бы это мог быть?

– Да так, пара идей есть, – и Суэггер сразу перешел к другим деталям.

– Неужели вы не знали, что в Новом Орлеане вас подставят? Я имею в виду, вы же знали, что игра ведется совсем другая, что они совсем не те, за кого себя выдают.

– Ты прав. Я как дурак верил, что это действительно Т.Соларатов, это меня и подвело. Я думал о нем все эти годы, и все эти годы хотел встретиться с ним и свести счеты. Поэтому я и был так невнимателен. Моя неосторожность уже погубила не одного человека и чуть не убила меня самого.

– А Соларатов существует? Вообще, в реальности?

– Честно говоря, не знаю. Единственное, что я знаю наверняка, так это то, что изучали меня, как под микроскопом, причем очень долгое время. Это еще раз говорит о том, насколько эти мерзавцы умны и хитры. Они выбрали ко мне подход, как подбирают ключ к замочной скважине. Мне даже сейчас не по себе становится, когда я вспоминаю, как они меня обдурили. Такое чувство, как будто меня вывернули наизнанку.

– Скорее всего, они провели на вас психологическое исследование. ЦРУ сейчас сильно в психиатрии. Это их доктрина. А Рэм-Дайн взяла на вооружение слишком много принципов работы ЦРУ. Вот так.

О том, где и как он лечился, Боб не сказал ни слова. Даже не намекнул, кто ему помог. Однако Ник сам догадался. Наверняка это была та женщина, которая позвонила Нику по телефону... У нее еще был сильный, немного наигранный акцент. Ничего он не рассказал и о своих приключениях после того, как раненный в грудь и плечо, сбежал из Нового Орлеана.

– Да, – задумчиво заключил Боб, – не раз думал, что мне уже конец. Но, вот видишь, каким-то чудом все-таки выжил.

Ник улыбнулся, подумав, насколько все-таки странно переплелись их судьбы и как часто они сталкивались друг с другом, даже не

подозревая, что это закончится их сегодняшней встречей.

– Знаете, – вздохнул он, – я хотел вам сказать, что, если вас когда-нибудь арестуют, я практически ничем не смогу вам помочь. А если бы эти люди были такие профессионалы, как вы говорите, то они не допустили бы так много ошибок. Этот цирк в Мэриленде. Это же...

– Да, ты прав, – согласился Боб. – Это был первый пункт, которым я занялся после своей так называемой смерти. Никаких следов этого стрельбища и в помине нет. Трейлер, в котором был их штаб, естественно, куда-то перегнали. Оказалось, что они по дешевке приобрели старое стрелковое оборудование клуба – якобы для продажи его потом на аукционе. Вгрохали в это дело двадцать пять тысяч долларов, а потом списали. Меня это, правда, не удивило.

– Но, с другой стороны, существуют еще заключение судмедэкспертизы и отчет баллистической экспертизы. Они все против вас. Я же читал отчет ФБР по этому делу. Они нашли вашу винтовку, на которой были ваши отпечатки пальцев, кроме того, ваша гильза от вашего же патрона, ну и... пуля. Они не смогли разобрать на ней следы от канала ствола, потому что она была до неузнаваемости расплюсчена и...

– Да, я уже читал об этом в газетах. Именно поэтому они больше и не проводили никаких пробных выстрелов из винтовки.

– Конечно. Ведь, если дело дойдет до суда, может выясниться, что следы-то и не совпадают. Этого делать нельзя. Это выставит их перед присяжными в дурном свете.

– Понятно.

– Но они провели очень серьезный анализ металлических частиц, оставшихся в канале ствола. Результаты показали, что пуля, убившая архиепископа, была выпущена из вашей винтовки. Тут уже невозможно спорить.

– Я думал над тем, как они это сделали, или, по крайней мере, как это могло быть сделано. – И Боб выложил Нику свою концепцию.

– О'кей, – сказал Ник, – все ясно. Точно такая же пуля, немного длиннее ствол, пуля в бумаге... Но... вам надо подумать о том, как убедить жюри присяжных в своей невиновности. Они не будут все это слушать, тем более проверять. Они прочитают отчет о нейтронной экспертизе, и все, мистер Суэггер, вы превратитесь в жареную индейку на электрическом стуле.

Боб кивнул головой:

– Да, они действительно немало потрудились. Но может оказаться, что они не так уж и умны, как о себе думают.

– Позвольте, я выскажу вам все начистоту, – возразил Ник. – Самое лучшее для вас сейчас – это нанять хорошего адвоката. Я могу позвонить кое-кому в Бюро, и мы выработаем какой-нибудь план действий. С моими свидетельскими показаниями...

Боб внимательно посмотрел на него:

– Сынок, мне кажется, ты меня не понял. Эти люди убили мою собаку.

– Но сейчас же двадцатый век! Вы просто не в состоянии начать войну с людьми, тем более в Америке! Тем более...

– Послушай-ка меня, Мемфис. Даже если бы я прямо сейчас мог, выйдя из машины, оказаться свободным, не обвиняемым ни в чем человеком, то я бы этого не сделал. Эти люди сейчас скроются, изменят свою внешность и документы и таким образом ускользнут и от меня, я от правосудия. Ты уже никогда не узнаешь, кем они стали. Нам никогда их не поймать. Они слишком скользкие. А через год или два, когда все уляжется, они снова всплывут на поверхность и займутся своим грязным делом. Знаешь, что я хочу? Поиграть с ними в кошки-мышки. Они будут думать, что ловят мышку, а мышка сама заманит их в мышеловку. Кто мышка? Естественно, я. Я эта проклятая мышка. Вот только нельзя забывать, что у мышки тоже есть зубки и она может очень сильно укусить. Так что впереди слишком много сложной, напряженной работы, Мемфис. Придется немного пострелять, и для кого-то выстрел может оказаться роковым. Да, это не очень приятное занятие, тем более что мы будем совсем одни. На нашей стороне никого не будет. Это война. Не я ее начал, видит Бог, но мне придется ее закончить. Ну что, малыш, выбирай, за кого ты.

В памяти Ника возникли самодовольная рожа Пайна, рэмдайновцы с их вседозволенностью, муки, которые он испытал меньше суток назад и от которых чуть не умер; он думал о том, насколько все-таки эти люди сильны, какими средствами и возможностями они обладают, и понимал, что скрыться от них практически нельзя. А потом вспомнил прочитанный им документ о Рэм-Дайн, вспомнил, как хладнокровно и целенаправленно рэмдайновцы планировали военные

преступления, с каким спокойствием и удовольствием расстреливали женщин и детей в Сальвадоре.

И вдруг Ник почувствовал щемящее ностальгическое желание снова оказаться в группе СВИТ. Он сжал зубы.

– Ладно, решено. Я с вами.

В глазах Боба мелькнул какой-то странный металлический огонек, похожий на яркий желтый блеск патрона, который в последний раз ловит на своей гильзе отражение солнца перед тем, как затвор дошлет его в канал ствола и прозвучит выстрел.

– Знаете что? – сказал Ник. – У меня тут есть кое-какие соображения по поводу Приложения Б. Мне кажется, что...

– Потерпи чуть-чуть. Сначала нам надо найти одного человека, который знает кое-что об интересующей нас винтовке.

Глава 27

“В байю найдено расчлененное тело”, – говорилось в заголовке статьи.

– Прочитайте, – сказал Шрек. Добблер, прокашлявшись, начал читать:

“Округ Лафайетт. Вчера неподалеку от Спенсервилла, округ Лафайетт, в зарослях камыша был обнаружен расчлененный труп мужчины. Помощник шерифа сообщил, что тело жертвы, идентифицированное по отпечаткам пальцев как Томас Гарсия Монтойа, постоянно проживающий в Мак-Донафвилле, скорее всего, в результате долгого пребывания в воде подверглось нападению аллигаторов, так как нижняя часть тела полностью отсутствовала. Тем не менее причина смерти была определена как пулевое ранение в голову.

Монтойа, кубинский эмигрант, в анкетах, отвечая на вопрос о роде занятий, называл себя “консультантом”, но в полиции и других подразделениях по обеспечению законности Нового Орлеана он числился платным осведомителем. Возраст – 54 года.

Помощник шерифа высказал предположение, что Монтойа мог стать жертвой вновь разгоревшейся на территории штата войны между воротилами наркобизнеса за передел сфер влияния, а также за приоритетный контроль над районами городов. Скорее всего, эта война шла между коренными, местными, продавцами наркотиков, и новичками, представляющими кокаиновые картели Центральной Америки.

Монтойа был убит выстрелом в голову из крупнокалиберного оружия.

– Только пуля очень большого калибра, причем из винтовки центрального боя, могла оставить такое отверстие, – высказал свое мнение производивший дознание следователь округа Лафайетт Роберт К. Ла Дойн. – Судя по пулевому отверстию и разрушению мозга, этот человек был убит пулей со срезанной головкой 30-го калибра или даже более.

Власти округа предположили, что это может означать появление нового типа профессионального убийцы на арене кокаиновой войны.

– Бандиты и грабители предпочитают обычно 22-й калибр с глушителем, потому что это оружие ближнего боя, – заявил шериф Эд П. Ст. Этьен. – Колумбийцы вообще любят маленькие по размерам пистолеты, да и в перестрелке они, как правило, выпускают по жертве не одну сотню пуль. Стрелявший в этот раз представляет собой нечто абсолютно новое для нас”.

– Ну а для нас здесь ничего нового нет, не так ли, Добблер? – сказал полковник.

– Да, – подтвердил доктор, судорожно сглатывая слюну. – Но как же? Он же умер! Мы же сами виде...

– Добблер, – перебил его полковник, – слушайте меня.

Добблер поднял голову и увидел в глазах полковника дикую ярость.

– Томми Монтойа был наш агент, которого мы использовали при проведении операции на Юге. Он был с Ником Мемфисом. Он должен был его убрать. Сейчас он мертв. Убит снайперским выстрелом. Это может означать только одно, и вам лучше побыстрее это понять и не задавать глупых вопросов. Понятно?

– Да. – Добблер снова нервно сглотнул. – Понятно.

– Суэггер жив. Как и почему, я не знаю. Но меня это даже и не интересует, потому что это уже не важно. Важно теперь то, что он вошел в контакт и действует заодно с человеком из подразделения по обеспечению законности, который, учтите, прочитал о нас материалы и теперь слишком много знает. Он знает больше, чем кто бы то ни было из простых смертных. – Шрек сурово посмотрел на Добблера. – Если вы до сих пор не поняли этого, доктор, то нам придется взять дело целиком в свои руки. Этот ублюдок хочет выследить нас и уничтожить. Мы должны убрать его раньше, чем он нас найдет. Вы меня слышите, вы, хваленый гарвардский выпускник? Ошибок быть не должно. Мы должны незаметно его выследить, приставить к виску дуло и разбрызгать его вонючие мозги по всей округе. Или он то же самое сделает с нами. – Полковник впери́л в него испепеляющий взгляд.

У Добблера пересохло во рту, он отвел глаза:

– Что вы хотите, чтобы я...

– Мне надо от вас только одно – вы должны нас сориентировать, как действовать. Какие у них будут взаимоотношения? Смогут ли они притереться друг к другу? Что предпримут? Будут ли они лезть на рожон или пойдут на хитрости? И вообще, на что они способны в одной команде?

– Э-э... – протянул Добблер, явно не готовый дать сразу исчерпывающий ответ. – Боб явно сильнее характером, да и по возрасту старше. Он будет руководить молодым напарником. С Мемфисом у нас проблем не будет. Он прошел подготовку в ФБР, сильный и выносливый. Но мыслит однотипно. А Суэггер тем-то и опасен, что мыслит нестандартно. Он попытается выйти на нас так, как подсказывает ему интуиция, с сумасшедшими импровизациями. Он будет...

– Куда они поедут?

– Боб поедет домой. Он приезжал в Новый Орлеан, чтобы встретиться с Мемфисом и спасти его, забрав в свои родные горы Уошиито. Это единственное место, где он чувствует себя в полной безопасности. А чувство безопасности для...

– Наши шансы проникнуть туда равны нулю. На его территории этим заниматься бесполезно. Ладно... – Шрек наклонился вперед. – Позвольте мне задать вам один вопрос: вы когда-нибудь увлекались охотой?

– Охотой? Боже упаси, нет, конечно. Я считаю, что это... это... варварство. – На лице Добблера промелькнуло брезгливое выражение.

– А теперь представьте себя на время охотником. Ваша задача – придумать, как нам заманить этого негодяя и его нового приятеля в ловушку. Поохотьтесь за ним, Добблер. Вам не надо будет его убивать, об этом уже позаботимся мы. Ваше дело выследить его.

Добблер подобострастно кивнул. И вдруг он заметил нечто такое, чего раньше никогда еще не видел: Шрек был испуган.

Спустя несколько дней Ник Мемфис пребывал уже совсем в другом настроении.

– Ну и что теперь? – спросил он. – Какого черта мы...

– Слушай, малыш, ты мне гораздо больше нравился, когда сидел как грудной младенец с раскрытым ртом и молчал. Теперь тебя просто не остановить. Все время говоришь и говоришь, как баба. Хватит,

помолчи немного. Говорить буду только я. Понятно? Я не хочу, чтобы ты случайно что-нибудь ляпнул этому старому еноту и тот упал без сознания.

Голос Боба был предельно жестким. Через пыльное лобовое стекло он внимательно рассматривал необычайной красоты дом, расположенный на самой окраине города форт Сэпплай, штат Оклахома.

– Тебе лучше...

– Когда зайдем, просто улыбайся. Этот старик не любит задаром делиться с другими своими знаниями. Тем более с чужими. Но он знает о том, что нам нужно, намного больше, чем любая живая душа в мире. Пошли.

Боб первым вылез из пикапа. На нем был соломенный “Стетсон” и серая куртка, из-под которой виднелась голубая джинсовая рубашка. Выглядел он довольно странно, напоминая чем-то героя ковбойских фильмов.

– Все-таки я не совсем...

– Заткнись же ты наконец! Все поймешь на месте.

Они поднялись по ступенькам. Наверху, на небольшом балкончике, в кресле-качалке сидела пожилая женщина. Неторопливо обмахиваясь веером, она посмотрела на них, но никак не прореагировала. Было очень жарко и пыльно. В раскаленном воздухе солнце медленно опускалось в облака над вершинами холмов.

– Здравствуйте, мэм, – вежливо сказал Боб.

– Что вы хотите? – спросила женщина.

– Нам надо увидеть полковника.

– Последние дни полковник никого не принимает.

– У меня есть информация об одной винтовке 270-го калибра до 1964 года выпуска, которая принадлежала одному очень известному человеку. Я просто думал, ему будет интересно...

– У него слишком много винтовок и без этой.

– Такая винтовка никогда не бывает лишней, мэм. Простите за откровенность.

Женщина окинула его подозрительным взглядом с головы до ног и, с трудом поднявшись, скрылась где-то в глубине дома.

– Рэйт? Рэйт, ты здесь? Тут какой-то молодой человек хочет поговорить с тобой об одной винтовке, – донеслось до них.

– Пригласи его, пожалуйста, дорогая.

Боб пошел первым. Ник за ним.

Комната была огромных размеров. Тот, кому она принадлежала, в свое время убил немало хищников, и теперь их головы молча взирали со стен на своего победителя. Это был крепкий мужчина лет семидесяти. Сидя в кресле, он читал – Ник не поверил своим глазам – “Нью-йоркское книжное обозрение”. Навстречу гостям он не встал. Звери молча смотрели на них со стен своими стеклянными глазами. Большая часть мебели была сделана из дерева и украшена резьбой; видно было, что мебель очень дорогая. Повсюду висели индейские маски и амулеты. И еще здесь было множество книг: сотни и сотни томов. И еще винтовки. Ник никогда в жизни не видел так много винтовок в одном месте.

– Ну и кто же вы такие, джентльмены? – спросил хозяин дома. Откинув со своих колен покрывало, под которым оказался хромированный семидюймовый ствол шестизарядного револьвера, он смотрел на них открытым, спокойным взглядом. В его глазах не было и тени страха. Ника поразили его невозмутимость и бесстрашие.

– Меня зовут Боб Дженнингс, я из Арканзаса. Занимаюсь продажей оружия. А это мой компаньон Ник.

– Послушайте, мистер Дженнингс, я с уверенностью могу заявить, что знаю большую часть продавцов оружия в этой стране, так как потратил в их магазинах немало денег, но вот вашего имени я что-то никогда не слышал.

– Я совсем недавно занимаюсь этим делом, сэр, – сказал Боб. – Практически только начал. Вы знаете того человека, которого недавно убрало ФБР, я имею в виду Боба Суэггера?

– Это тот, который стрелял в нашего президента, а вместо него попал в несчастного священника?

– Да, именно он.

– Слышал кое-что.

– Ну так вот, у него была винтовка, выпущенная до 1964 года, 270-го калибра; “родной” ствол был заменен стволом “Дуглас”, а приклад – на английский орех фирмы “Лорен Эклес” из Чисолма, штат Вайоминг. Серийный номер у нее был 123453, что говорит о том, что сделали ее приблизительно в 1949 году. Винтовка отличная. Этот человек, Суэггер, разбирался в винтовках и очень любил их.

– Ну, в это я верю. Кое-кто вообще говорит, что, если бы он хотел убить президента, того бы уже давно не было на белом свете.

– Кто его знает, сейчас трудно об этом говорить. Но так случилось, что все его имущество, конфискованное ФБР несколько месяцев назад, будет передано мне, потому что у его отца Орла была сестра Летиция, которая является моей матерью. Боб Ли был моим двоюродным братом, однако мы не виделись уже много лет. Насколько я помню, в детстве он был очень честным малым. Так вот, как единственный оставшийся в живых родственник, я скоро получу все его винтовки, и, зная, как вы цените 70-ю модель, я мог бы показать ее вам.

Старик смерил Боба умным, внимательным взглядом.

– Мне кажется, я даже замечаю какое-то семейное сходство, – усмехнулся он. – Боже, жизнь действительно полна сюрпризов.

– Но поскольку никто в мире не знает о 70-й модели больше вас, то я не вижу человека более достойного, сэр, чем полковник Рэтфорд Мэрин О’Брайен, автор книги “Классическая винтовка”, самый опытный и именитый охотник в нашей стране и наш самый главный эксперт по 70-й модели винчестера – самой лучшей модели, смею заметить!

– Звучит так, что не заинтересоваться нельзя. Один только Бог знает, сколько денег я потратил на винтовки. Будь у меня чуть меньше нефтяных скважин, возможно, я не был бы так расточителен. К сожалению, я уже слишком стар, чтобы интересоваться женщинами, поэтому единственным моим утешением и развлечением на старости лет остались винтовки и технические придумки нью-йоркских интеллектуалов. Ну и сколько вы просите?

– Сэр, это не будет вам стоить денег, – сказал Боб. – Я отдам вам эту винтовку за информацию. Мне надо просто немного поговорить.

– Говорят, что тот, кто мало просит, на самом деле берет слишком много.

– Может быть, и так, сэр, а может быть, и нет. Но я точно знаю, что Боб Ли Суэггер думал о вас, как о великом американце и ему было бы приятно, если бы его винтовка хранилась в вашей коллекции. Он бы считал это прекрасной сделкой.

– Ладно, так уж и быть. Спрашивайте, черт с вами. Одно то, что эта винтовка может пойти на самом большом аукционе в Лас-Вегасе за пятнадцать тысяч долларов, уже делает меня сговорчивее.

– Меня интересует десятый “черный король”.

О’Брайен посмотрел на Боба и с пониманием закивал головой. Потом перевел взгляд на Ника, но, заметив, что тот абсолютно не интересуется этим вопросом, снова повернулся к Бобу.

“Что за чертовщина тут происходит?” – думал Ник.

– Да, мой друг, – сказал полковник О’Брайен, – десятый “черный король” – это тайна, покрытая мраком.

Добблер больше не мог оставаться в помещении. Ему казалось, что на него давят стены, его мозг отказывался работать. Он часами просиживал за столом, пытаясь придумать хоть какую-нибудь уловку, чтобы поймать Боба, но в результате у него ничего не получалось.

Выйдя на свежий воздух, доктор решил прогуляться вокруг здания Рэм-Дайн, периодически втягивая голову в плечи при взлете или посадке очередного “Боинга-747”. Он знал, что время от времени его подсознание само находило ответ на сложные вопросы, но только в том случае, если сознательная часть мозга насильственно на него не воздействовала. Это происходило само по себе, незаметно и спокойно. И сейчас он молил Бога, чтобы вдохновение побыстрее посетило его. Но тщетно: перед ним было только голубое небо, самолеты и светло-серые здания.

Подойдя к большой пристройке гаражного вида с тыльной стороны здания, он увидел табличку: “ОБЪЕДИНЕННЫЙ АВТОПАРК ОПЕРАТИВНОЙ ГРУППЫ. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН”.

Почему он туда вошел? Потому что ему так захотелось. Добблер проскользнул внутрь, и его никто не остановил. Стоя в темноте, он зажмурился и несколько раз поморгал глазами, чтобы они хоть чуть-чуть привыкли. Это оказался небольшой гараж, в центре которого несколько человек, склонившись над верстаками, что-то сосредоточенно делали. В воздухе витали пары бензина, масла и каких-то химических растворителей. До ушей Добблера доносились звон и скрежет металлических инструментов. Он улыбнулся одному из рабочих, но тот равнодушно отвернулся и продолжал работать.

Только теперь он увидел, что здесь делали оружие.

Пулеметы или штурмовые винтовки, сложные, внешне красивые, но опасные. Рабочие щелкали спусковыми крючками, проверяли затворы, смазывали винтовки и не спеша переходили с ними с места на

место. Здесь же были и патроны, целые ящики с патронами. Их заряжали в магазины и вставляли в винтовки и автоматы. Все эти люди походили на настоящих убийц. Для них не существовало слово “милосердие”, и в них было то же сочетание грубости и суперменства, которое так пугало Добблера в Расселле Айсендлуане. Рабочие отличались только прическами: у одних были короткие стрижки, у других – стянутые резинкой на затылке хвостики, но было и что-то общее: у всех у них были плохие зубы и на руках виднелись татуировки. Они были просто влюблены в свои чертовы винтовки и пулеметы.

Между этими людьми и их оружием существовало невиданное взаимопонимание и, можно даже сказать, человеческие взаимоотношения. Добблер никогда еще не видел ничего подобного. Они просто обожали это оружие!

“Чертовы винтовки”, – подумал Добблер.

– Мне кажется, – начал полковник О’Брайен, – что вы хотите разыскать эту проклятую Богом и людьми винтовку и заработать на ней полмиллиона долларов. Друзья, поверьте мне, вы гоняетесь за призраком. Я думаю, что она похоронена вместе со своим последним хозяином в какой-нибудь неизвестной могиле.

Боб не мог сказать ему, что сам стрелял из нее в Мэриленде в январе этого года.

– Итак, вы знаете, что все десять “черных королей” были супервинтовками 70-й модели, предназначенной для стрельбы по мишеням. Эту модель называли еще “бычьей” – за ее очень тяжелый, необычайно длинный ствол, и компания планировала выпустить такие винтовки в 1950-м году как подарочные. У всех этих винтовок серийный номер был от 99 991 до 100 000. Приклады делали из черного американского ореха, который выращивали специально для этих целей в Сейлеме, штат Орегон. Неизвестно почему, дерево действительно было черного цвета. Видимо, оно было настолько старое и хорошее, что почти ничем не отличалось от черного дерева. Собранные винтовки оказались так хороши, что кто-то предложил назвать их “черные короли”. Некоторые из них я держал в руках. Поверьте, это действительно красивые винтовки. Потом эти винтовки были преподнесены разным знаменитостям и сейчас хранятся в музеях

по всему свету. Кроме последней, серийный номер которой был 100 000, а калибр...

– Трехсотый, “Холэнд энд Холэнд” магнум, – подсказал Боб.

– Да, вы правы. Она была подарена Арту Скотту, который в течение многих лет считался лучшим стрелком в стране. Арт был действительно великолепным стрелком. Он выиграл кубок Уимблдона и соревнования по стрельбе на тысячу ярдов в Бислее в Англии, потом чемпионат страны в Кэмп-Пэрри и был несколько раз чемпионом НРСВ. Возможно, он вообще был самым лучшим стрелком, который когда-либо появлялся на свет в этой стране, правда, до тех пор, пока не появился этот человек из Вьетнама.

– Вы, наверное, имеете в виду Карла Хичкока? – спросил Боб.

– Да, его.

– Ну а дальше, полковник? – продолжал выпрашивать Боб. – Что потом случилось с десятым “черным королем”? В своей книге вы об этом ничего не написали. Там всего лишь одна фраза: “Когда-нибудь трагическая история десятого “черного короля” станет известна всем, но до тех пор, пока она не закончилась, я ничего о ней не расскажу”.

– Это печальная история. Десятый “черный король” был из тех винтовок, что регулярно использовались для участия в соревнованиях. Его затвор был отлит из специального сплава новой шведской стали, которая была очень хорошо закалена и выдерживала большое давление пороховых газов и высокую температуру при стрельбе патронами с большим количеством пороха. Из нее стрелял не только сам Арт, который к тому времени уже перешагнул шестидесятилетний рубеж и немного сдал, но и его сын Лон. Лон Скотт, выпускник Йельского университета, был очень талантливый молодой человек, сильный и красивый, отличный стрелок. Впереди у него была вся жизнь. В 1954 году он поступил в Гарвард на юридический факультет. Он имел практически все, включая десятого “черного короля” и богатый опыт стрельбы своего отца, который тот по наследству собирался передать сыну. В определенных вещах отношения отцов и детей становятся чем-то намного большим, чем просто семейные отношения. Можно сказать, чем-то святым. Вы сами стреляете, молодой человек?

– Время от времени, – ответил Боб.

– Надеюсь, вы понимаете, что суть стрельбы заключается не в том, чтобы прицелиться и нажать курок?

– Да, я имею представление, – сказал Боб.

– Ну так вот, в 1954 году Лон Скотт был четвертым в чемпионате страны по стрельбе на тысячу ярдов. Сезон закончился. У него оставалось еще несколько патронов, и они с отцом решили их дострелять. Но вы же знаете эти причуды винтовок! Когда вы уже думаете, что достигли высшего мастерства, винтовка может жестоко наказать вас за ваше зазнайство и за одну секунду уничтожить все, чего вы достигали кропотливым трудом в течение долгих лет. Вот так и произошел один из тех глупых несчастных случаев, когда грубо нарушается основной закон безопасности – относиться к любой винтовке так, будто она заряжена. У этой винтовки был очень мягкий, чувствительный спусковой крючок, а кто-то положил ее в чехол, не поставив при этом на предохранитель. В результате Арт Скотт, который нес чехол, случайно выстрелил своему сыну в спину и попал в позвоночник. Нижнюю часть тела Лона парализовало, и он оказался на всю жизнь прикованным к инвалидной коляске. Парень пролежал в госпитале на лечении целых два года. Все, о чем он мечтал в этой жизни и о чем мечтал для него Арт, вдруг ушло. Через неделю после несчастного случая Арт выстрелил в себя из этой же винтовки. Его мозги так и остались на стенах его кабинета в фамильном доме в Вермонте. Из-за секундной небрежности юноша потерял сразу все: ноги, жизнь и отца.

– А что с ним стало потом?

– Позже, когда Лон уже смирился со своим увечьем, он не уничтожил винтовку. Вы, наверное, подумали, что он должен был ее разломать? Но он решил иначе, потому что считал, что оружие – это всего лишь игрушка и оно ни в чем не виновато. Лон не забросил стрельбу. Как только представлялся удобный случай, он усиленно тренировался. В течение пяти лет он совершенствовал свое мастерство и в итоге стал одним из лучших стрелков страны в стрельбе на тысячу ярдов. Естественно, он мог стрелять только из положения лежа. За это время он дважды выиграл чемпионаты страны – в 1956 и 1957 годах. Плюс ко всему он был еще прекрасным стендовиком. И все-таки, я вас спрашиваю, во что может превратиться молодой, полный сил и энергии юноша после того, как его жизнь так безжалостно исковеркана всего лишь одной пулей?

Ник, который все время молчал, вдруг востепенно:

– Я знаю во что. Я был женат на женщине, которую парализовало в результате несчастного случая. Тоже выстрел в позвоночник. Если вы до этого были таким же добрым, как моя Майра, то после этого несчастья вы бы стали еще добрее и лучше. Но если в природе вашей были заложены злоба и ненависть, то это могло бы превратиться в нечто ужасное и непредсказуемое. – Ник тяжело вздохнул. – Пока Майра проходила еженедельный сеанс физиотерапии, я обычно разговаривал с ее докторами. Как-то раз они мне сказали, что нет ничего страшнее, чем сильный, жестокий и обозленный мужчина, прикованный к инвалидной коляске.

– Ну а что же все-таки произошло с Лоном Скоттом? – спросил Боб.

– О, мне бы не хотелось говорить на эту тему, – нахмурился полковник. – Пусть это останется между ним и Богом.

– А что он сделал?

– Он все бросил и скрылся. Никто не знает, куда он уехал. Но что Лон Скотт был настоящим гением – это бесспорно. Одним из первых он добился положительных результатов при испытании новых суперточных патронов. Точность была просто поразительная. В 1963 году, когда он последний раз принимал участие в чемпионате страны на озере Эри, штат Огайо, максимальное расхождение в его серии на триста ярдов составило всего лишь 0,289 градуса. Этот результат был превзойден всего лишь несколько лет назад, с введением высокоточных технологий обработки металла и выпуска патронов. Рекорд в соревнованиях на точность стрельбы продержался более тринадцати лет! Такого не было за всю историю Америки! После этого его больше никто не видел.

– Но, наверное, были какие-то слухи о том, где он и что с ним? – поинтересовался Боб.

– А, как всегда, сплошная чушь! Он появлялся то тут, то там. Скорее всего, как мне кажется, он выбрал уединение и спокойно доживает остаток дней. Весьма прозаическое завершение. Вот и все. Но его винтовка по сегодняшним ценам стоит не менее полумиллиона долларов. Это точно.

– Вы говорили, Лон Скотт был гением?

– В своем деле – безусловно. Он знал, как добиться от винтовки невозможного. Я сам это видел. Это могли лишь единицы: он, Уоррен

Пэйдж, П.О. Экли, Поп Эймер и некоторые другие.

– Хорошо, спасибо вам большое за все, полковник О’Брайен. Вы мне очень помогли. Даю вам слово, что вскоре вы получите винтовку Боба Снайпера.

– А этот Боб Снайпер тоже очень интересный случай. Никак не могу понять, как такой человек, как он, мог совершить подобный поступок?

– Может быть, его просто использовали другие люди в своих целях?

– Хотелось бы верить, что так. Не люблю, когда герои нарушают закон. Вы когда-нибудь читали “Отелло”, джентльмены?

– Я пьес не читаю, – сказал Боб.

– А мы вроде проходили во время учебы, – неуверенно произнес Ник.

– Ну так вот, этот Боб напоминает мне Отелло. Великий воин и прекрасный человек. Но Яго вертит им, как хочет и использует его в своих целях. Эта трагедия – одно из самых прекрасных произведений Шекспира. Точно так же, как жизнь этого бедолаги Боба – величайшая трагедия Америки.

– Как мне помнится, – ухмыльнулся Боб, – мистер Шекспир не слишком был склонен давать своим произведениям счастливый конец, а вот Боб Ли Суэггер, насколько я его знаю, хоть и отличался ужасным упрямством, но никогда не был дураком. Думаю, это ему как-нибудь поможет. До свидания, мистер О’Брайен.

– Надеюсь, поможет, – согласился полковник, и в его голосе прозвучали радостные нотки, – а то я уже слишком стар для трагедий. В моем возрасте гораздо приятнее переживаются счастливые концы.

По дороге назад Ник чувствовал себя необычайно возбужденным и взволнованным. В конце концов, не сдержавшись, он дал волю своим чувствам:

– Ради чего вся эта катавасия? Какого черта мы три дня гоняли пыль по дорогам?..

– Видишь ли, мне были известны имена самых лучших стрелков конца пятидесятых. Лон Скотт был среди них первым. Я долго гадал, кому из них принадлежит эта черная винтовка. Любой из пятерых мог

быть ее владельцем. Тогда я понял, что единственным человеком, который может навести нас на след, является этот пожилой полковник.

– Ну и что мы уз...

– Неужели ты до сих пор еще не понял, малыш? Эти люди не просто подставили меня в Новом Орлеане. Нет, малыш. Я должен был объехать для них все предполагаемые места выступлений президента, проверить все стрелковые позиции, вычислить углы наклона, определить реальную роль ветра и выбрать место, с которого им удобно будет стрелять. Я должен был преподнести им все это на блюдечке. Зачем? Настоящий стрелок никогда не доверит другому человеку произвести все эти расчеты, если... если он способен их сделать сам. А если не способен? Почему он не мог сделать все это сам? Да потому, что он сидит в инвалидной коляске, понятно? А я был его ногами!

Вот оно что! Наконец-то до Ника дошло, в чем дело.

– Только что мы узнали имя человека, который убил Джорджа Роберто Лопеза в Новом Орлеане, – продолжал Суэггер. – Черт побери, неужели ты не понимаешь, что все, что эти мелкие сошки делали на протяжении стольких месяцев, было направлено только на одно – на подготовку убийства? Почему они все были так убеждены в безошибочности этого выстрела? Только лишь потому, что в их распоряжении был стрелок мирового класса. Если бы у них не было человека, который мог из ста выстрелов сто раз поразить неподвижную мишень на расстоянии тысяча двести ярдов, как это и было в Новом Орлеане, то они ни за что бы не стали разрабатывать такую сложную и рискованную операцию! Да, выстрел был просто фантастический! Дай Бог, чтобы во всем мире набралось семь-восемь человек, которые бы с уверенностью могли сказать, что сделают такой выстрел.

– Но для суда все эти твои логические выкладки ни черта не значат! – запротестовал Ник. – Тем более, что у нас нет ни малейшего представления, где этот Лон Скотт сейчас находится. Жив ли он вообще? Ни черта не известно! Даже тот старый полковник не смог сказать нам, где сейчас скрывается этот калека-снайпер. Говорил же тебе: давай лучше займемся поисками Приложения Б! Вот где мы смо...

– Ты самый занудный и брюзгливый человек, которого я когда-либо встречал. Наверное, если тебе кто-нибудь бесплатно протянет налитую на девять десятых кружку пива, ты небось сразу же начнешь всем плакаться, что тебе недолили. Послушай, раз у нас есть имя, значит, мы сможем отыскать и то место, где он сейчас скрывается. Стрелки наверняка знают что-нибудь. Стрелковый мир очень тесен. Он не мог не наследить, это точно. А когда мы найдем его, сразу же разыщутся и его хозяева, которым он служит, вот увидишь! Все они связаны одной веревочкой. Поэтому теперь наша задача номер один – найти этого Скотта.

Молча они продолжали путь по неровной, ухабистой дороге.

Глава 28

Пальцы доктора Добблера почернели от типографской краски газет и журналов, которые ему пришлось перечитать за последнее время. В одиночестве он просиживал в своем закутке до поздней ночи и, листая страницы, пытался сосредоточиться. Вокруг него были целые горы журналов – от дорогих, с яркими блестящими обложками, до самых простых и примитивных. Но после долгих раздумий и поисков он понял, что вот они-то как раз и являются картой поисков Боба Ли Суэггера.

Это были в основном дешевые издания, напечатанные на плохой бумаге и плохой краской, которая теперь уже намертво въелась в его кожу, с массой грамматических ошибок. Фразы в них составлялись косноязычно, а на сочетаемость и порядок слов в предложении вообще никто не обращал внимания. Создавалось впечатление, будто издатели пытаются вместить максимальный объем информации на минимальной площади. На помещенных в них фотографиях трудно было что-либо разобрать. Это был какой-то совсем чужой и непонятный Добблеру мир.

Он перевернул еще одну страницу, чувствуя, что все глубже и глубже погружается в неизвестность.

“Токарев” военного образца ТУ-90. Бесплатные боеприпасы, 119 долл. кажд. Фирма “Бангер”, лучший поставщик кольтов в Америке, предлагает вам кольт “Голд Кап Тен” – 669,99 долл. кажд., два и более – 649,99 долл. кажд. Подписывайтесь сейчас на “Мэшин Ган Ньюс” – льготные цены. “Парагон” облегчает вам покупку боеприпасов. Мэриленд, графство Ховард, ярмарка-продажа оружия, ноябрь 10 – 11. Оружие со склада – цены ниже рыночных”.

И так далее... целых 195 страниц. Сборник назывался “Шотган ньюс”, хотя стрелковое оружие было представлено в нем весьма скудно. Если выпускалось что-то такое, что стреляло или имело хоть какое-то отношение к стрельбе или методике и способам стрельбы, то все это можно было найти в “Шотган ньюс”, своего рода дайджесте стрелковой субкультуры.

Добблер был просто в шоке. Оружие, оружие, оружие, повсюду одно только оружие различных форм, размеров и видов, на любой вкус, на все случаи жизни. Дешевое и дорогое, аккуратное и уродливое, неуклюжее и величественное. Добблер думал о тех людях, которые буквально боготворили эти винтовки, пулеметы и автоматы: их жизнь была либо полностью подчинена изучению сложнейших конструкций такого оружия, либо эти люди были абсолютно свободны благодаря безграничным возможностям этих смертельных “игрушек”.

Что здесь можно было обнаружить?

Прежде всего безумную страсть к порядку и дисциплине. В этом мире оружия было слишком много маленьких винтиков, колесиков, механизмов и систем, которые объединяли все воедино. Сразу в этом разобраться было просто невозможно. Добблер с удивлением для себя открыл, что, оказывается, даже существовали целые структуры, которые занимались только продажей отдельных частей устаревшего оружия. И все-таки в лабиринте головоломок чувствовалась какая-то гармония, которая для постороннего человека казалась сплошным хаосом, а для посвященного настоящим порядком. Может быть, в оружии заключалась власть? Да, у этих проклятых “игрушек” было весьма недвусмысленное предназначение, поэтому здесь и мелькала особая тень власти. Но при этом еще и тень красоты. Ему было приятно обнаружить, что некоторые из них были просто шедеврами искусства. Особенно ему понравилась винтовка “лагер”, иногда называемая “нью фронтье простого действия”.

И естественно, здесь должна была быть свобода, или, по крайней мере, ее иллюзия, хотя бы в самом минимальном своем проявлении. Для Добблера определение свободы носило интеллектуальный оттенок, однако он предполагал, что для кого-то – в более примитивном мире – свобода имела в основном оттенок физический: свобода передвижения, свобода от внешних раздражителей, свобода неподчинения и свобода поступка, которая всегда будет гарантировать спокойствие, если кто-то захочет дать тебе коленом под зад. Абсолютная свобода. И человек, который держит в руках оружие, должен чувствовать ее особенно сильно. Если у тебя в руках винтовка, никакое правительство тебе не указ. Последнее слово всегда останется за тобой.

И еще здесь можно найти мужское начало. В винтовках нет ничего нежного и женственного: они слишком прямолинейны и слишком жестоки. Объяснять безумную страсть к винтовкам, опираясь на столь соблазнительную фаллическую фрейдистскую теорию казалось ему делом бесперспективным. Если эти винтовки внешне и напоминали члены, то их хозяев это интересовало меньше всего.

Плюс, конечно, информация. Для него эти винтовки так и оставались просто оружием, но для этих людей винтовки представляли собой бесконечный источник информации: об истории, о введении новых правил, о появлении специальных инструкции, о том, как связаться с компанией (обычно это была целая корпорация компаний), о различных стрелковых традициях, о целой иерархии специальных терминов, а также их производных, которые вполне можно было бы уже объединить в какой-нибудь рунический код. Чтобы разбираться во всем этом, обычного умения стрелять было явно недостаточно. Здесь требовалось нечто большее, чтобы суметь разобраться в этой головоломке вещей и понятий. Было слышно, как мирно тикают настенные часы и мягко шуршат переворачиваемые страницы. Добблер наконец отложил в сторону еще одну стопку рекламных проспектов об оптовых продажах оружия всех видов и в любых количествах. Положив перед собой новый журнал, он от удивления даже приподнял очки и широко открыл глаза. Колонка к колонке, набранные очень мелким шрифтом, здесь были напечатаны какие-то совсем обескураживающие объявления, предназначенные уже явно не для тех, кто читал предыдущие издания. Это было “Нью-Йоркское книжное обозрение”, печатавшее только частные объявления, содержащие сугубо специфическую информацию, в которой Добблер вообще почти ничего не понимал.

“Ремингтон 25”, винтовка в отл. сост., 25-20, 99% естествен, цв., отл. “родной” ствол, СН 26827, прикл. из хор. дерева, работает как часы, всего за 895 долл. До 1964 г. вып., М70 220 СВИФТ, суперкласс, в общ. 98%, отл. темн. дерево, часть затвора и экстрактора украш. драг. камнями, фабр. работа, ствол в великолеплн. сост., 1595 долл. Каталог “Лагер” с указателем цен, 200 + высококач. прил. “лагеров” и вкладыши для покуп. кажд. издания. Вышлите 1 долл. за образец или 5 долл. за годовую подписку. Военные винтовки Японии, 1989. Третье издание, 37 долл. Высыл. по почте. Скидка для опт. покуп. На вашего

дилера или Фреду Овикату, 6731, Палм-Фронд-Виллидж, штат Флорида, 33411. Скидка на книги о винтовках. Бесплатная доставка. “Великол. нов. книга”, “Винчестер”, “Американская легенда”, “Уилсон”, 58,50 долл. Энциклопедия: “Кольт”, т.11, Кокраа, 58,50 долл. Скидка на книги о винтовках, почт. отд., аб. ящик 762. Нескопек, штат Пенсильвания, 18635”.

Разгадка была где-то здесь, среди этих объявлений о продаже старых винтовок, новых книг, составных частей патронов, магазинов для пистолетов, которые не выпускались с конца первой мировой войны, и Добблер почувствовал, что ответ вот-вот будет найден.

Они углублялись все дальше и дальше в лес, давно уже сойдя с дороги и петляя по каким-то едва заметным тропам. Наконец перед ними появился маленький охотничий домик, явно построенный много лет назад из толстых, грубо обтесанных бревен. Боб быстро подстрелил трех белок из своей “Мини-14” и стал обдирать шкурки, собираясь поджарить тушки на костре.

– А мне что делать? – спросил Ник.

– Старайся никому не попадаться на глаза, – пробурчал Боб.

– Но я думаю, что нам надо...

– Мемфис, не надо мне ничего объяснять. Хорошо?

Ник злился и на себя, и на Боба, который привычно молчал и, казалось, совсем не проявлял интереса к нормальному человеческому общению. Ник еще никогда не видел более замкнутого – даже внешне – человека с таким безучастным и равнодушным лицом. Но это было совсем не то бездеятельное равнодушие, с которым он сталкивался у других людей, скорее, это была обманчивая иллюзия отдыха и расслабления, которая, как теперь понимал Ник, являлась всего лишь маской, благодаря которой ее хозяин отгораживался от внешнего мира, чтобы решить какие-то сложные проблемы.

– А где мы находимся? – поинтересовался Ник.

– В горах Уошито, – ответил Боб. – Здесь нас никто искать не станет. Естественно, пока мы этого сами не захотим.

– А-а, – с умным видом протянул Ник, на самом деле совсем ничего не понимая. – Ну а что, ты думаешь, мы будем делать теперь?

Боб молча продолжал снимать шкурки с белок.

– Еще не придумал, – ответил он минуту спустя.

– А я уже давно придумал! – сказал Ник.

– О-о! – только улыбнулся Боб.

– Я все думаю об этом Приложении Б. Это ключ к разгадке нашей тайны. Но где он находится, этот ключик? Скорее всего, в Вашингтоне. Все в Вашингтоне. Туда-то нам и надо отправиться как можно быстрее. Разнюхаем что к чему и, может быть, нападём на след. А потом...

Что будет после “потом”, он не знал.

– Ты не допускаешь мысли, что все это они могли уже предугадать? – спросил Боб.

– Ну...

– Я знаю только одно. На войне нельзя идти туда, где тебя ждут. Потому что там тебя уже наверняка поджидает приготовленная могила.

– Ну что тогда?..

– Мы пробудем тут еще несколько дней, пока не утихнет вся эта шумиха. Нам обоим надо отоспаться. Завтра я застрелю оленя, так что мясо у нас будет. С голоду не помрешь. Ну а там я что-нибудь придумаю.

– Подожди, я хочу сказать тебе, как профессиональный следователь с двенадцатилетним стажем, что мы просто не...

– Мой юный мистер Мемфис! Я не удостоился чести служить в какой-нибудь правительственной организации; единственное место, где мне пришлось учиться и работать, – это университет под названием Вьетнам. О том, как вести расследование, я понятия не имею. Но зато я точно знаю, что вся загвоздка сейчас в этой редкой черной винтовке, которая по крайней мере один раз, но использовалась для убийства человека. Я знаю, что ее владелец самый лучший стрелок в Америке, что он самый лучший специалист по баллистике и еще – что он почти сорок лет провел в инвалидной коляске. И еще, я не сомневаюсь в его сотрудничестве с Рэм-Дайн. Это единственная надежная карта, которая есть у меня на руках, и я собираюсь ее разыграть. Поэтому дай мне время над этим хорошо подумать. Пойди проветришь чуть-чуть или займись чем-нибудь... только не мешай. Но смотри не заблудись! У меня нет времени еще ходить тут тебя разыскивать.

Доктор Добблер облизал губы и пару раз нервно сглотнул. Только после этого он постучал.

– Да? – услышал он голос из-за двери.

– Полковник Шрек, к вам можно?

– Да, входите, доктор.

Добблер осторожно, стараясь не шуметь, вошел в кабинет Шрека. Пайн и полковник вели между собой серьезную беседу.

– В чем дело, доктор?

– Э-э, у меня возникла... возник план.

Полковник внимательно посмотрел на Добблера. Точно так же смотрел на него когда-то и Рассел Айсендлуан: в его глазах было больше жалости, чем чего-нибудь еще. Вообще, в чем-то Рассел и полковник были очень похожи. Они оба руководствовались принципом – брать то, что им нравится. И Добблер чувствовал, что сейчас, как и тогда, ему ужасно хочется угодить.

– Ладно, говорите, – сказал полковник после небольшой паузы.

– Боб слишком хитер и подозрителен, чтобы его можно было взять так, как нам хочется. Он всегда начеку. Мы должны его победить его же оружием. То есть терпением. Мы должны предложить ему нечто такое, что его заинтересует, но так, чтобы о нашем плане не узнал никто в мире. Мы должны все время подсовывать это ему под нос и отходить в сторону, подсовывать и отходить. Пусть он проверяет и перепроверяет, пока в конце концов не убедится, что здесь все чисто. Мы должны вести его по этому пути тихо, не спеша и очень осторожно, соблюдая максимальную дисциплину и выдержку, причем мы в любой момент должны быть готовы отступить и подготовиться снова, если обстоятельства будут складываться не в нашу пользу. Мы должны набраться терпения. Тогда и только тогда...

Шрек оказался очень нетерпеливым:

– Все это хорошо. Но теперь скажите мне, как это сделать.

– Сейчас, сэр, – начал Добблер, – пожалуйста. Мне кажется, что в файлах нашей организации нет никакой информации о человеке, который сделал тот знаменитый выстрел. Это наверняка снайпер. Причем экстра-класса. Ведь не мог же им быть простой смертный.

Шрек и сам думал об этом, но решил пока помолчать, сказав только:

– Продолжайте.

– Я уверен, что этот снайпер наверняка заинтересует Боба. Он его просто заворочит. Боб, скорее всего, теоретически уже предполагает, что такой человек есть, и пытается выяснить его имя и место жительства. Конечно, Боб знает и о той винтовке, из которой стрелял этот снайпер. Кстати, а не из нее ли он стрелял на стрельбище в Мэриленде?

– Из нее.

– Я считаю, что лучшее, что мы можем сделать, – это дать Бобу имя этого человека.

– Ну и каким же это способом?

– Есть такой журнал, “Шотган ньюс”, он выходит три раза в месяц. В каждом номере рекламируются тысячи простых и редких винтовок, а также множество составляющих элементов патронов, снаряжения и запасных частей. Среди прочего здесь есть и реклама новых книг. Меня это больше всего поразило. Но это правда. Люди, которые любят свои винтовки, естественно, как-то стремятся увековечить их или выразить свою любовь к ним на бумаге. Они создали, можно сказать, отдельный литературный жанр. И пока вся прочая литература находится под влиянием идеологических противоречий между “правыми” и “левыми”, они развиваются по-своему, хотя и у них есть свои “правые” и “левые”. Помимо официальных изданий выходит куча подпольных брошюр и самиздатовских журналов. Я был очень удивлен, когда прочитал объявление о пересылке по почте книги о японских военных винтовках. За тридцать семь долларов! Представьте себе! Ну допустим, что есть кто-то, кто настолько восхищен японскими винтовками, что берется за написание о них книги! И вот, когда он, преодолев тысячи препятствий, связанных с ее публикацией, добивается успеха, оказывается, что находится еще тьма таких же сумасшедших, которые готовы выложить тридцать семь долларов за пересылку...

– Ближе к делу, доктор, черт побери!

– Да, простите. Так вот, почему бы не выпустить книгу? Маленькую брошюру о той редкой винтовке, из которой Суэггер стрелял в Мэриленде. Опубликована она будет каким-нибудь никому не известным исследователем, который будет проживать в каком-нибудь спокойном городишке. Потом дать рекламное объявление в “Шотган ньюс”. Боб обязательно его прочитает. Потом он задумается:

“Раз этот человек знает что-то о винтовке, которую помнят уже очень не многие из ныне живущих, то в его архивах может найтись какая-нибудь зацепка, которая приведет меня к этому снайперу”. Так он выйдет на нашего “исследователя”. А там его можно заманить в какое-нибудь укромное, безлюдное место и...

– На какую-нибудь вершину, к примеру, – впервые вмешался Пайн. – Заманить его на вершину, откуда ему просто некуда будет деться. Некуда. А там добить его при помощи большой группы людей.

– Да, заманить и уничтожить при помощи большой группы людей. Такой большой, что ему не справиться.

– Но где мы возьмем так много новых людей? – спросил Пайн.

– Этим уже займусь я, – ответил Шрек.

Они засиделись у входа в хижину допоздна. Создавалось впечатление, что Боб просто растворился в воздухе. Только теперь Ник понял, что он никогда раньше точно не понимал значения слова “сосредоточиться”. То, как умел внутренне сосредоточиться Боб Суэггер, не походило ни на что, виденное им раньше. Ник даже боялся с ним говорить. Сидя у костра, Боб невидящим взглядом смотрел на пламя. Сухие дрова тихо потрескивали внутри, выбрасывая вверх маленькие искорки, которые, пролетая мимо его смуглого вытянутого лица, таяли в глубоком мраке ночи. Его глаза смотрели куда-то внутрь, на одному ему понятные картины. Предоставленный в эти минуты самому себе, Ник попытался сконцентрироваться на Приложении Б.

Как можно проникнуть в базу данных ФБР, когда сам ты уже оттуда уволен, а твой единственный источник информации в его системе скомпрометирован? Очень непросто. Но он был убежден, что если бы ему удалось найти правильный подход к этой проблеме и придумать надежный план, то все бы получилось. Возможно, в их систему мог бы проникнуть какой-нибудь компьютерный умник, например какой-нибудь вундеркинд из молодых. Они все время суют нос куда не надо. Таких случаев полно. Или, может, ему обратиться к кому-нибудь вроде Хэпа Фенкла, выложить перед ним все начистоту, и тогда Хэп, наверное, обратится через голову Ховарда Д.Ютея, а может, и еще выше... но, чем больше он поднимался в своих фантазиях вверх, тем больше понимал, что это нереально. Хэп был не таким подлым, как Ховард, но все равно они с Ховардом были заодно: их объединяло ФБР.

Да, они люди старой закалки, того ФБР, которое нерушимо следовало непробиваемым бюрократическим законам, и, хотя, взятые в отдельности, его сотрудники зачастую были добрыми и порядочными людьми, у них и мысли никогда не возникало нарушить инструкцию или предписание. К Хэпу идти нельзя до тех пор, пока у него на руках не окажется это чертово Приложение Б.

Ник недовольно фыркнул. Он должен его найти. Но не здесь, сидя в заброшенной хижине в лесу, сражаясь с каким-то призрачным, непонятным ему врагом. Приложение Б – вот где находится ключ к разгадке. Он был в этом уверен. Приложение Б на все даст ответ.

Где-то в темноте закричало и затихло какое-то животное. Костер уже почти догорел, а Боб все сидел возле него, погруженный в свои далекие мысли, старомодный и суровый, как герои популярных вестернов. Жаль, что рядом нет сейчас Майры, чтобы все обсудить, подумал Ник. Она бы что-нибудь придумала или, по крайней мере, с охотой выслушала бы его. Большая потеря. Теперь Ник чувствовал, как ему ее не хватает.

– Мемфис!

Он вздрогнул. Боб строго смотрел ему прямо в глаза.

– А? Что?!

– Мемфис, ты, кажется, хотел заняться чем-то действительно серьезным? Я имею в виду тяжелую, пыльную, скучную работу. За которую больше никто, кроме тебя, не возьмется. Сможешь ли ты работать неделю по двенадцать, нет, по восемнадцать часов в день?

Ник чуть не подпрыгнул от радости. Это была его особенность, можно даже сказать, талант: упрямый как бык, он мог упереться лбом и долбить стену до тех пор, пока не упадет либо он, либо стена. Настойчивости ему не занимать.

– Да, конечно.

И тут Ник увидел нечто такое, чего ему за все время их общения ни разу не доводилось видеть: Боб Снайпер улыбался в отблесках огня.

– Ну, тогда он у нас в кармане, – сказал он, и его глаза хитро сузились. – Мы найдем его. Того, кто нажал курок в Новом Орлеане. Мы хорошенько прищемим ему хвост.

Президент-великомученик в мраморной задумчивости сидел на своем троне в окружении дорических колонн и двухсот пар топающих

по полу кроссовок. Крики и смех гулким эхом отдавались под высокими арками свода. Восьмой класс пришел на экскурсию к мемориалу Линкольна. Все призывы к порядку растворялись в детском шуме, который явно не свидетельствовал даже о видимости уважения к президенту. Юнцы резвились.

– Варвары, – процедил Хью Мичам, погружаясь в очередное облако дыма своей выдавшей виды трубки. – Не имеют ни малейшего понятия о приличиях. – Старик насупился, но Шрек ничего не ответил. – Надо найти способ как-нибудь хирургическим путем удалять у детей языки еще до того, как они научатся говорить, – продолжал Хью. – Потом, после окончания колледжа, когда они хоть чем-то зарекомендуют себя в работе, можно будет предоставить им право написать петицию о возвращении языка на прежнее место.

– Не думаю, что это выполнимо, мистер Мичам, – заметил Шрек.

– Черт побери, полковник, нечего надо мной смеяться. Я очень не люблю, когда надо мной смеются. Итак, вы назначили эту встречу. Я так понимаю, что новости не очень хорошие. Наверху не будут вами довольны, полковник. Я вам честно говорю – не будут. Ну ладно, что там?

Преследуя группу бегущих подростков, мимо промчался измотанный учитель.

– Дело в том, что узелок развязался, – сказал Шрек. – Надо опять соединять концы.

– В каком смысле? – спросил Хью, делая еще одну глубокую затяжку. Над ним висело целое облако белого дыма.

– В том смысле, что Боб Ли Суэггер не умер. Он очень даже жив! И теперь охотится за нами. Это означает, что он охотится за нами всеми.

Хью покачал головой и, сунув руку в карман, достал оттуда небольшую фляжку.

– Выпьете, полковник?

– Нет, спасибо.

Хью быстрым движением опрокинул фляжку. Видимо, это доставило ему немало удовольствия. Шрек продолжал:

– У нас есть план. Он прост и выглядит многообещающе.

– Любопытно.

– Но у меня возникли две проблемы.

– Всего-то?

– Одна простая. А вот вторая... – Шрек сделал паузу.

– Итак, проблема номер один? – перешел сразу к делу Хью.

– Проблема номер один – живая сила. Я больше не хочу рисковать. Мне надо много людей. Он может убить двадцать или пятьдесят, поэтому я хочу намного больше пятидесяти, чтобы уже наверняка стереть его в порошок. У меня нет столько новых людей. Плюс ко всему нет и времени, чтобы их искать.

– Но, полковник, вы вряд ли в этом можете рассчитывать на нас. Вдобавок риск...

– Нет, нет, люди у меня есть. Просто они не здесь. Мне надо разрешение на самом высоком уровне на беспрепятственный перелет “геркулесов” на юг и обратно без всяких таможенных досмотров. Ведь это можно обеспечить, не так ли? Как вы полагаете, ваших коллег можно уговорить на такую малость? Они слетают туда, возьмут моих людей, те сделают свое дело и улетят обратно. Они пробудут здесь не более недели, клянусь. Никто их не увидит.

Хью ответил не сразу:

– Думаю, это выполнимо. А кого вы сюда привезете, полковник Шрек?

– Мне нужны надежные, проверенные исполнители, которым бы я мог доверять, мистер Мичам. Единственное место, в котором есть такие люди и из которого их можно быстро перебросить сюда, – это Сальвадор.

Хью поднял на него глаза.

– Я хочу привлечь к этой операции, – продолжал Шрек, – тот батальон “Пантеры”, который мы тренировали. Они перед нами в большом долгу. Пусть они уберут Боба Ли Суэггера.

– Хорошо, – сказал Хью Мичам. – Думаю, это реально. О деталях договоримся потом. А что за проблема номер два?

Шрек на секунду замялся. План Добблера внушал ему некоторые опасения.

– Ну, давайте, давайте, – бесстрастно выпрашивал Хью.

– Мои люди никогда еще не видели того человека, который стрелял в архиепископа, – начал Шрек. – Мы даже не имеем ни малейшего представления о том, кто он и чем занимается. Единственное, что мы знаем, – это то, что он стреляет, пожалуй, лучше всех в мире. Еще мы знаем, что он не мобилен, потому что ему пришлось обрабатывать те

отчеты Суэггера по оценке местности, которые он не мог сделать сам. Еще есть подозрение, что когда-то он был очень знаменит, по крайней мере, его хорошо знали в стрелковом обществе. Значит, за всем этим кроется какая-то история. Мы проверяли его винтовку. Из этой винтовки не раз выигрывались чемпионаты страны.

Хью не отрываясь смотрел на Шрека. Потом заметил:

– Да, среди прочего она использовалась и для этой цели. Но в наших делах важнее всего безопасность. Она должна быть на первом месте. Есть вещи, о которых вам не надо знать. Я же говорил вам, что эту часть операции я проводил лично. Сам. Не привлекая ни вас, ни ваших людей. Разве не так? Ну и зачем тогда вы затронули эту тему, полковник?

– В нашем плане нужна приманка. Этот Суэггер весьма противоречивая личность, но у него есть свои слабости. На одну из таких приманок он и попался, когда мы подставили ему якобы советского снайпера Соларатова, который убил его друга и ранил его самого. Мой штатный психиатр Добблер сумел его раскусить, и тогда это сработало, мистер Мичам. Суэггер был, как говорится, уже у нас в кармане, но... Но мы его упустили.

– Ну, это уже известно.

– Теперь Добблер считает, что Суэггер догадался о существовании другого снайпера и захочет узнать о нем все, что только можно. Поэтому я решил сам предложить его Суэггеру. Это не сложно, но все должно выглядеть очень естественно и ненавязчиво. Мне надо, чтобы этот человек вошел в наше положение и согласился на сотрудничество.

– В качестве приманки?

– Да. Без всякого морального ущерба. Нам нужно только его имя, биография, кое-какие общие сведения, короче, такого рода инфор...

– Хорошо, для вашего сведения, мы давно с ним знакомы. Мы с ним даже вместе ходили в школу. Он прожил... замечательную жизнь, полковник! Поэтому все, что касается его личности, я держу в большом секрете.

– Если мы сейчас не уберем Суэггера, мистер Мичам, он убьет нас всех.

Хью размышлял.

– Я спрошу этого человека сам, – сказал он наконец. – Без его согласия я не могу пойти на это. На карту ставится слишком много.

Шрек с облегчением вздохнул.

Глава 29

Ник и Боб не спеша подъехали к дому. Они находились в городе Сиракузы, штат Нью-Йорк. Вечерело, сгущались сумерки. На Нике теперь был костюм, белая рубашка, галстук и туфли – все это совсем недавно было куплено на оставшиеся от тридцати тысяч долларов деньги, которые Боб всегда носил с собой в поясном ремне. Боб тоже купил себе костюм и галстук и теперь выглядел более цивилизованно. Ник обернулся, а потом со вздохом сказал:

– О Господи, неужели добрались?

Его уже порядком укачало, и он чувствовал себя так, будто у него в животе лежит огромный ледяной шар.

Боб лениво пожевывал зубочистку, глядя сквозь лобовое стекло взятого напрокат “бьюика”.

– Пора, Мемфис, на выход!

Ник несколько раз глубоко вдохнул в себя свежий воздух:

– Послушай, Боб, я захожу слишком далеко, пересекая границу закона, который в принципе чту.

– Если ты сейчас не перейдешь эту грань, то они обязательно угрожают тебе в обход всех твоих законов.

– Звучит не слишком утешительно, – заметил Ник. – Не могу сказать, что это вдохновляет меня и придает мне силы.

На нормальном языке “перейти эту грань” означало “совершить преступление”. С тех пор как Боб выложил перед ним свой план, мысль о преступлении, о нарушении закона не покидала Ника и он мучительно боролся со своей привычкой поступать как велит закон. Но другого пути не было.

– Ну так что, все-таки идти надо?

– Боюсь, что да. Другого способа получить то, что нам нужно, за такой короткий срок просто нет. Сам посуди, тебе-то терять уже нечего. Один раз эти рэмдайновцы уже чуть не вытрусил твою задницу из штанов, поэтому если сейчас ты не пойдешь, то через пару дней они из-за угла уронят тебе на голову кирпич. Позвоночник рассыплется, и голова упадет в штаны. Глаза будут на уровне члена.

Ну как, тебе это нравится? – Боб по-дружески улыбнулся и похлопал его по спине.

– Черт с тобой, – сказал Ник. – Давай попробуем.

Он понимал, что еще ни разу в жизни, даже несмотря на все последние события, он не делал ничего незаконного, хотя и знал: закон обслуживает того, кто его создал. Но сейчас было совсем другое дело. Ему предстояло выступить в роли федерального агента, хотя на самом деле он им уже не был. Такое явное нарушение инструкции ФБР, пункт 28-02.4, влекло за собой наказание от трех до пяти лет. Хотя он, если его поймают на этом, отделается всего шестью месяцами, но обратной дороги в Бюро ему уже точно не видеть.

– Ладно, пошли, – согласился он.

Они постучали в дверь и подождали. Им открыла маленькая девочка. Ник показал ей свое удостоверение.

– Добрый день. Меня зовут Николас Мемфис, – представился он. – Я специальный агент Федерального Бюро Расследований. Могу ли я увидеть твоего папу, крошка?

Девочка отступила вовнутрь, и через несколько секунд перед ними появился высокий худощавый мужчина в “кардигане”.

– Слушаю вас, – сказал он, приложив к уху ладонь.

– Мистер Портер, я Николас Мемфис, специальный агент Федерального Бюро Расследований. А это мой коллега, специальный агент Фенкл.

Боб сделал полшага вперед.

– Неужели я?.. – Мужчина выглядел испуганным.

– Нет, нет, сэр, – быстро заговорил Ник. – Если мы не ошибаемся, то именно по этому адресу проживает издатель информационного сборника “Экьюрэси шутинг”?

Портер сглотнул:

– Э-э... да, вы правы. Я главный учредитель, к тому же и сам занимался стрельбой более пятнадцати лет. Это издание досталось мне по наследству лет десять назад. И мне эта работа очень нравится. Правда, я вложил сюда уйму денег, да и времени тоже... Зато приобрел немало новых друзей.

– Да, сэр. Мы вас понимаем, – кивнул Ник.

– Мистер Портер, – продолжил разговор Боб, – мы ищем человека, который, возможно, принимал участие в ряде крупных соревнований.

– О Боже!..

– По нашим данным, он является одним из лучших стрелков в стране.

– О нет! – воскликнул Портер. – Тот, кто занимается стендовой стрельбой, на такое не способен. Здесь не стреляют из таких пушек, как АК-47, или чего-то подобного. Эти люди совершенно безобидны, они просто любят время от времени поиграть со своими вполне безобидными винтовками, тем более что стреляют они очень мало. Господи, да они просто просиживают часами за разговорами и изредка выходят пострелять, вот и все. Это самый скучный вид стрелковых состязаний, если вы его когда-либо видели. Да, он требует необычайной концентрации, но наблюдать за ним...

– У нас очень точная информация, мистер Портер. Вы же знаете, в большой семье не без уroda.

– Господи, но это же так безобидно, – пробормотал Портер. – Мне очень неприятно читать те издания, в которых пишут, что стендовая стрельба служит прекрасной подготовкой для будущих снайперов и...

– Мистер Портер, смеем вас уверить, что с прессой мы будем разговаривать в самую последнюю очередь. В этом вы можете не сомневаться. Единственное, чего мы хотим, это проверить ваши подписные корешки. Интересующий нас человек уже стар, он занимался стендовой стрельбой еще в конце пятидесятих, и мы думаем, что если он выписывает ваш информационный сборник, то с очень давних времен. Насколько мы знаем, публикация журнала началась в начале шестидесятих, вместе с открытием стрелкового клуба?

– Да, именно так. Вам нужно имя?

– Нет, сэр. Он, естественно, живет теперь под псевдонимом. Но у нас есть некоторые данные, и если мы сможем найти у вас несколько имен, то сравним их и таким образом сможем отыскать то, что ищем. Уверяю вас, что вся полученная нами здесь информация будет держаться в строгом секрете.

– А если я скажу “нет”, вы что, подадите на меня в суд?

– Мистер Портер, – Ник держался крайне вежливо, – это скорее дружеский визит, чем официальный или враждебный. Если вы захотите вызвать своего адвоката и проконсультироваться с ним, то мы не будем вам препятствовать и подождем.

– Нет-нет, – сказал Портер. – Нет, входите. Может быть, выпьете чашечку кофе?

– Нет, сэр, спасибо, – отказался Ник.

Портер провел их через аккуратно убранные комнаты в свой кабинет, где на столе стояли персональный компьютер “Ай-би-эм” и принтер “Эпсон”. Вдоль стен тянулись длинные полки, до отказа забитые книгами. Ник узнал много классических работ по баллистике, по обработке патронов, а также “Преступление и наказание”, “Жалоба портного”, “Первая мировая война и современная память” – все те книги, которые он когда-то планировал прочитать. На одной из стен висело несколько обложек “Экьюрэси шутинг”.

– Компьютер я приобрел два года назад, – сказал Портер. – Набор журнала занимал слишком много времени. А теперь каждый номер можно сделать в тысячу раз быстрее. Очень помогли, конечно, добровольные пожертвования. Ну и моя жена помогает мне иногда с набором. Это прекрасная работа, и мы оба ее очень любим.

– Да, сэр, – вежливо согласился Ник. Боб отступил, предоставив Нику вести дальнейшую беседу. “Ну и черт с ними, со всеми этими условностями, – подумал Ник. – Я и так уже по уши в дерьме, и назад мне из этой помойки не вылезти”.

– Сейчас у меня около двадцати семи с половиной тысяч подписчиков, мистер Мемфис. Вы хотите, чтобы я распечатал вам их полный список?

– Сэр, а можно ли как-нибудь сделать это с учетом хронологии? То есть сначала первые подписчики, потом более поздние и так далее? Мы просто убеждены, что он выписывает ваш сборник с самого начала и его имя должно быть среди первых подписчиков.

– Гм-м-м... – задумался мистер Портер. – Знаете, у меня, видимо, нет программы, чтобы сгруппировать их по такому показателю. Дело в том, что я загонял их всех в компьютер по алфавиту. Поэтому, когда у меня появляется новый подписчик, я просто запускаю его имя в компьютер, а программа сама ставит его по алфавиту куда положено.

– Ясно.

– А как вообще можно подписаться на ваш сборник, мистер Портер? – спросил Боб.

– Ну, я дал сначала рекламу в “Шотган ньюс” и в ряде подобных журналов. Естественно, в каждом номере вместе с рекламой есть и

бланк для подписки.

– Понятно, это сейчас. А в самом начале, когда сборник только начал издаваться, как на него подписывались? Первый год, кажется, был 1964-й? Ну так вот, как это было в шестьдесят четвертом?

– Ну, насколько я знаю, все начиналось неформально, это был как бы сборник результатов стрелковых соревнований. То там, то здесь появлялись маленькие статейки. Тогда все было проще, людей было мало, все друг друга знали. Каждый старался выписывать то, чем интересовался. Кто интересовался стрельбой тот выписывал статьи о стрельбе, кто экспериментами – статьи об экспериментах. Чтобы получить статью или брошюрку, они присылали почтовую карточку или уведомление об оплате. В принципе так было до того, пока наш сборник не превратился в нормальный журнал.

– Вот эти первые карточки нам и нужны. Скажем, первая тысяча штук. Как вы думаете, что с ними стало? Где их можно найти?

– О Боже, неужели я их выбросил? Они перешли ко мне от Милта Омахандро, все были аккуратно сложены. А, черт... нет, не помню. Подождите, мне кажется, несколько картонных ящиков с этими карточками я видел у себя в гараже.

– Можно на них взглянуть?

– Естественно! Вот сюда, пожалуйста.

Он привел их в гараж, где возле одной из стен стояли один на другом огромные картонные ящики.

– О Боже, я не...

– Мистер Портер, – сказал Боб, – знаете что? Если вы предложите мне сейчас чашечку кофе, от которой так неосмотрительно отказался этот молодой человек, то я с огромной радостью сам просмотрю все эти ящики. Клянусь вам, что, когда мы закончим, здесь будет так же чисто, как и до начала работы. Ну как?

– Пожалуй, это самое лучшее предложение за долгие годы моей службы, – ответил Портер.

Боб с Ником сразу принялись за дело. Боб работал просто остервенело. Ник за ним едва поспевал. Работа спорилась, и вскоре уже несколько просмотренных ящиков аккуратнейшим образом были сложены в стороне.

“А ведь он бы мог быть отличным полицейским, – подумал Ник. – Ему бы просто не было равных”. Наконец перед ними остался

последний ящик, и Боб принялся за него. Это были самые первые подписные бланки на “Экьюрэси шутинг”, ветхие и пожелтевшие от времени. Многие представляли из себя просто письма, на которых стояли старые почтовые штампы, но в основном они обнаружили почтовые карточки и открытки. Нормальных, стандартных бланков оказалось всего несколько штук. Это был ящик похороненных в пыли воспоминаний. Трудно было представить, что такая ничем не примечательная вещь, как ящик со старыми письмами и бланками, может содержать в себе ответ на вопрос, кто же убил архиепископа Джорджа Роберто Лопеза в Новом Орлеане.

– Ну и ну, – задумчиво промолвил Портер. – На меня это навеяло ностальгические воспоминания. Даже не думал, что у меня еще хранится все это барахло. Я-то о нем давным-давно забыл.

– Сэр, – обратился к нему Ник, – единственное, чего бы нам хотелось, так это, если можно, взять у вас этот ящик и кое-что из него выписать. А когда мы закончим наше расследование, мы все вам вернем в целостности и сохранности.

– О, я даже не знаю. Ведь если бы я сам нашел эти бумажки, то уже давным-давно бы и выбросил. Знаете, если вы заберете их с собой, это будет еще лучше, потому что вы тем самым избавите меня от необходимости выбрасывать все это.

– Спасибо, сэр, но мне кажется, что все-таки лучше написать расписку в получении...

– Нет-нет. Берите и идите. Мне и без этого есть чем заниматься.

На следующий день, строго следуя всем инструкциям, Шрек проехал Виргинию и въехал в Северную Каролину. Здесь, в сени благородных гор Блу-Ридж, как раз на границе штата, он обнаружил частную дорогу и, проехав по ней чуть более мили, уперся в электронные ворота. Шрек вышел из машины и, подойдя к воротам, нажал кнопку звонка.

– Да? – раздался голос.

– Меня зовут Шрек, – ответил он.

– Понятно.

Двери плавно раздвинулись в разные стороны, и Шрек проехал еще двести ярдов вперед. У подножия шестисотфутового холма стоял красивый загородный дом. Он был открыт. Шрек всегда жил в

квартирах, аскетично и неприхотливо, как монах. Поэтому, увидев этот дворец на фоне как будто нарисованного пейзажа, он немного опешил. Это было действительно красивое место, и, если бы у него когда-нибудь появилась возможность приобрести себе дом, он бы хотел иметь похожий на этот. Кем бы ни был владелец, у него должны быть большие деньги, подумал он. Припарковав машину, Шрек вышел и оглянулся. Бетонированная дорожка вела к дверям, состоящим из двух створок. Он заметил, что здесь не было лестниц и ступенек.

Полковник пошел по дорожке и обнаружил, что двери не заперты.

– Я в мастерской, – раздался голос из невидимого громкоговорителя.

Шрек прошел через весь дом, осторожно открывая его незапертые широкие двери, и вышел на освещенную солнцем террасу. Немного в стороне, за домом, он увидел огромное стрельбище, где на склоне холма ярко белели аккуратно выставленные мишени.

Наконец он дошел до самого конца дома и открыл последние двери. Перед ним, скрючившись в кресле, сидел человек, который по виду был лет на десять старше самого Шрека. Прямо возле калек стоял металлообрабатывающий станок, в котором он одной рукой придерживал гильзу от патрона, а другой направлял какой-то зажатый в патроне инструмент, по форме похожий на гаечный ключ.

– Здравствуйте, полковник Шрек.

– Здравствуйте, мистер Скотт.

Лон Скотт носил короткую прическу, которая очень шла к его худому, с темными глазами, продолговатому лицу. Греческий профиль сразу говорил о его благородном происхождении. На мускулистых руках виднелись вздувшиеся дорожки вен. Но все тело его было как-то ужасно перекручено: позвоночник напоминал лук, а безжизненные ноги неуклюже свисали с кресла. Он давно уже не мог тренировать свое тело, поэтому оно в большей части заплыло жиром и из-под широкого ремня торчал необъятных размеров живот. Некогда прекрасный юноша превратился теперь в скрюченного старика. Шрек попытался скрыть отразившийся в первый момент у него на лице ужас, но почувствовал, что ему это не совсем удалось и Скотт это заметил.

– Не очень приятное зрелище, да? Вот что может сделать с молодым здоровым человеком попавшая в позвоночник пуля, полковник.

– Простите, сэр. Я просто...

– Не волнуйтесь, я это как-нибудь переживу. Итак, мой друг Хью Мичам сказал мне, что у вас для меня плохие новости. Ну давайте выкладывайте, полковник. По вам не скажешь, что вы легко поддаетесь на угрозы.

– Да, сэр, – ответил Шрек. – Это неприятная история. Хотя, по сути, это действительно пустяк, но все же с этой мелочью нельзя не считаться. Он преследует нас с самого Нового Орлеана. Я имею в виду того человека, которого мы тогда подставили.

– Этот морской пехотинец?

– Да. Он у нас играл роль приманки. По какой-то нелепой случайности этот человек, его зовут Боб Суэггер, выжил после двух пулевых ранений: одного в грудь, другого в плечо. Пуля прошла буквально в миллиметре от сердца. Теперь он вернулся вместе с одним бывшим агентом ФБР.

– А этот морской пехотинец, он что, стоящий человек?

– Это боец в полном смысле этого слова.

– Такой же, как и вы? Мне кажется, вы настоящий солдат.

– Он лучше.

– Гм. У вас есть план?

– Да, есть. Мы считаем, что он очень чутко реагирует на все события, происходящие в стрелковом мире. Особенно сейчас. Например, мы уже не сомневаемся, что он наверняка знает, кому принадлежит та винтовка, из которой он стрелял в Мэриленде. Мы предлагаем дать в “Шотган ньюс” рекламу небольшой книжки, скорее всего, частного издания, как это обычно принято в стрелковом мире, о знаменитой винтовке, или стрелке, или еще о чем-нибудь в этом роде. Когда он прочитает ее, я имею в виду рекламу – а он не может ее не прочитать, – то обязательно захочет увидеть автора. Тут мы его и возьмем.

– А зачем вам надо мое благословение?

– Сэр, в этом деле, нам кажется, чем реальнее все будет выглядеть, тем лучше. Мы не можем эту историю выдумать. Нам нужна легенда, которую Суэггер мог бы проверить сам, по своим каналам. Это очень осторожный человек. Поэтому нам нужна информация... и ваше разрешение.

Лон Скотт кивнул головой.

– Мое прошлое? Моя семья? Что-то типа этого?

– Да, сэр.

Казалось, что это немного позабавило Скотта; он издал какой-то странный звук, то ли смешок, то ли фырканье, что-то среднее между смехом и карканьем.

– Мой отец, – наконец произнес он. – Мой бедный старый отец...

– Сэр... У нас есть альтернатива, – сказал полковник и усилием воли заставил себя посмотреть в лицо старику. – Мы можем спокойно переждать, пока Суэггер и его друг из ФБР не угомонятся или их не угомонят другие. Мы хорошо умеем замечать следы, но... они в своих поисках не останавливаются. Черт, в конце концов они могут на что-нибудь натолкнуться, и тогда уже будет слишком поздно. У меня доктрина всегда одна – это решительное и стремительное наступление. Я считаю, что, выбирая наступление, вы экономите в конечном итоге больше жизней, чем теряете.

Лон ловил каждое слово полковника, лишь на мгновение оторвавшись, чтобы отхаркаться и сплюнуть в плевательницу, которую до этого Шрек даже не заметил, отвратительный комок слизи.

– Конечно, во всем этом есть доля риска. Во-первых, мы должны обратить его внимание на ваше имя. Я понимаю, что ваши личные проблемы...

– Мое имя не появлялось в печати где-то с начала шестидесятых, как раз, когда я покинул стрелковый спорт. Я уверен, что теперь обо мне даже никто и не вспомнит. Ваше предложение меня, конечно, немного пугает... Такая мелочь... может привести к непредсказуемым последствиям... знаете, одно за другое начнет цепляться... Ну, кто знает, чем тогда все это закончится. Это же ящик Пандоры...

– Да, сэр. Но я считаю, что у нас нет другого выбора. Все остальное Суэггер сможет раскусить. Он будет преследовать нас до самой смерти. Мы не сможем ни на минуту расслабиться. Мы должны его уничтожить – или все пропало.

Скотт вздохнул. Казалось, что его тоже охватила меланхолия.

– Ай-ай-ай, – покачал он головой. – После всех этих лет...

– Да, сэр.

– Я так понимаю, что если этого человека не остановить, то он поставит под удар и Хью?

– Да, сэр.

– Перед Хью я в неоплатном долгу, полковник. Это великий человек. Сколько вы его знаете?

– С 1961 года, сэр, когда мы в Гватемале тренировали добровольцев для Залива Свиней. С тех пор он постоянно следит за моей карьерой.

– Да, вот такой он, Хью. Он за все отвечает. Его все волнует. Он все знает. Он помогает вашему таланту превратиться в то, во что он действительно должен превратиться. Без него бы я уже давным-давно погиб от отчаяния. У нас с Хью Мичамом очень много общего, и мы оба этим довольны. Поэтому я с вами. Все, что вы скажете, все, что вы потребуете, будет сделано как нельзя лучше. Я с вами.

– Спасибо, сэр. Как я уже говорил, мистер Скотт, ваше имя, ваша семья, это...

– Ну, здесь вам действительно повезло. Мой отец был очень знаменитый человек, звезда тридцатых годов. История о том, как ему достался десятый “черный король” и к чему это все привело, могла бы послужить прекрасным материалом для самой популярной в Америке книги. В стрелковом мире его имя знают до сих пор. Да, я смогу сообщить вам кое-какие данные, которые вы найдете для себя очень полезными.

– Спасибо, сэр.

– Но мне кое-что нужно от вас взамен.

– Да, сэр?..

– Я хочу участвовать в этой операции. Если я выступаю в ней в качестве приманки, то пусть он и придет ко мне. Прямо сюда. Мы проведем с вами всю операцию. Я сыграю свою роль. Тем более что здесь вполне подходящее для этого место. Глухомань, никого нет, вокруг горы – ну, все, что вам нужно! Ваши люди могут вывести его прямо на Боун-Хилл. – И он показал через плечо назад, где чернело предгорье Блу-Ридж. – Я считаю, что он вполне мог бы умереть на этом холме.

Это было именно то, чего Шрек так долго добивался и на что даже не смел надеяться. Великий Лон Скотт снова попал в цель.

– Это намного облегчит задачу, сэр, – сказал Шрек.

– Ну и теперь что? – спросил Ник. – У нас тут тысячи имен, и только одно из них может быть фальшивым или псевдонимом того

человека, который скрылся от всех более тридцати лет назад. Ну как ты предполагаешь, мы вдвоем со всем этим справимся?

– Запомни, Мемфис, он может изменить имя, адрес, внешность, манеру говорить – все... Только одну вещь он все равно изменить не сможет. Он не сможет заменить свои ноги.

Мемфис внимательно посмотрел на Боба. Тот сидел к нему вполоборота. Его лица не было видно, потому что на него падала тень.

Ник был вынужден признать, что Боб прав, но он хотел знать, что делать дальше.

– Может быть, есть какая-то система записи инвалидов, принимающих участие в соревнованиях, о которой я просто не знаю? Ведь не можем же мы обзвонить несколько тысяч человек по адресам тридцатилетней давности и каждому задать вопрос, не парализован ли он?

– Правильно! Мы разобьемся по штатам и составим для каждого свой список. Ты будешь звонить по соответствующим департаментам и узнавать, кому и когда были выданы инвалидные коляски. Там везде стоят компьютеры, так что они смогут быстро тебе ответить.

– Черт побери! – воскликнул Ник. – Ты тысячу раз прав! Тогда после пятидесяти звонков у нас останется всего несколько человек, которых мы сразу всех и проверим.

– Молодец, малыш! Ставлю доллар, что уже завтра мы обнаружим, что один из них Лон Скотт. Очень интересно будет узнать, где и как он скрывался эти тридцать лет и каким образом его знаменитая винтовка попала в руки людей, которые занимаются убийствами важных политических деятелей по всему свету.

На следующее утро Ник, не откладывая, начал обзванивать все штаты из небольшого номера с двумя телефонами в отеле на окраине Сиракуз. Пользуясь своим фэбээровским кодом, который относил его к числу лиц первоочередного обслуживания, он меньше чем за два часа обзвонил шесть штатов. Но это была изнурительная и изматывающая работа, и Ник был немало удивлен, когда обнаружил то, чего раньше за собой никогда не замечал – его клонило в сон. Он видел себя идущим по дороге и сам себе казался похожим на Боба; шел так же смело, свободно, ни от кого не завися. Он вдруг подумал: “А смог бы я придумать себе какую-нибудь другую жизнь, если бы мне ее не

придумало ФБР?” Ведь он действительно обладал очень многими достоинствами и вполне бы мог сам быть в этой жизни себе хозяином.

Тем временем Боб отвечал по соседнему телефону на те звонки, которые Ник заказывал раньше.

– Агент Фенкл, Федеральное Бюро Расследований, – говорил он, стараясь смягчить свой арканзасский акцент. – Да, сэр... Но агент Мемфис сейчас на другой линии. Может быть, я смогу записать вашу информацию, а потом передать ему?.. Да, мэм. Произнесите по буквам, пожалуйста. Так это адрес, да?.. О! Спасибо. Вы нам очень помогли.

На все это потребовалось три дня. В итоге у них осталось семь имен, то есть семь человек, которые были среди первых подписчиков “Экьюрэси шутинг” и которым департаменты транспортных средств штатов, в которых они проживали, выдавали инвалидные коляски с 1964 года по настоящее время.

– Уф! – вздохнул Ник. – Столько работы ради каких-то несчастных семи имен. Будь я сейчас в Бюро, следующим моим шагом был бы звонок в местное отделение каждого штата, и в течение тридцати минут мне бы выдали о них самую подробную информацию. Но ты, как я понимаю, собираешься проверить каждого в отдельности?

– Да. Потому что я не знаю, как выглядит настоящий Лон Скотт. Я знаю, что он фактически исчез где-то в 1963 году и о нем до сих пор ничего не было слышно. Поэтому мне кажется, что первым делом нам надо определить возраст каждого из этих семи инвалидов. Потом мы сможем отбросить тех, кто к 1962 году не был инвалидом и кто к 1962 году не вписывался в рамки двадцатилетнего возраста. Тогда картина больше прояснится.

– Нет, ну-ка подожди минутку! – сказал Ник. – Нет, так действовать нельзя! Вот посмотри, что я придумал. Тот человек, которого мы ищем, настоящий Лон Скотт, имеет одну отличительную особенность – он имеет новое имя! Самый лучший и, пожалуй, классический способ изменить имя и фамилию – это приобрести себе документы на имя ребенка, родившегося приблизительно в этом же году, что и ты, и умершего вскоре после рождения. Понимаешь, ведь никто не станет сверять свидетельство о рождении со свидетельством о смерти! Смотри, ты берешь и находишь на кладбище или в какой-нибудь газете с некрологами имя ребенка, который умер в достаточно раннем возрасте, и после этого пишешь письмо в государственный

департамент по регистрации новорожденных, в котором указываешь, что у тебя есть его копия свидетельства о рождении и что ты – это на самом деле он. Вот тебе и новая фамилия!

Все было правильно. Боб кивнул головой, и впервые на его лице появилось выражение удовлетворения.

– Ну а дальше? – спросил он.

– Мы позвоним в те графства, где проживают эти семеро человек, и узнаем по журналам регистрации смертей, кто из них уже умер. Если мы найдем такого человека, значит, кто-то использовал его имя для изменения личности. А вдруг да получится, а, Боб?

Боб посмотрел на него долгим внимательным взглядом.

– Наконец-то ты сказал что-то стоящее, но объяснениями своими ты дохлую лошадь замучить можешь. Давай заниматься делом.

– Объявление опубликуют сегодня, – сказал Добблер, – в “Букс энд мэгэзинс”, это последний раздел в “Шотган ньюс”. Всего несколько строчек. Вот сигнальный экземпляр.

Он протянул журнал Шреку.

“АРТ СКОТТ – АМЕРИКАНСКИЙ СТРЕЛОК. Правдивая история о легендарном стрелке тридцатых годов, который четыре раза выиграл чемпионат страны по стрельбе на тысячу ярдов в тридцатых и сороковых годах и два раза в пятидесятых со своей знаменитой винтовкой, известной как десятый “черный король” 70-й модели, 300-го калибра, “Холэнд энд Холэнд” магнум. В книге есть блок фотографий из семейного архива и хронологический указатель. Наложением платежом по почте 49,50 долл. или заказ на имя Джеймса Томаса Олбрайта, л/о, а/я 511, Ньютсвилл, штат Северная Каролина, 345-555-0967; “Виза”, “Мастеркард”.

– Но здесь нет никакого упоминания о Лоне Скотте, – заметил Шрек.

– И не будет. Это было бы слишком явно. А ведь у нас все должно выглядеть естественно! Если мы сразу напечатаем имя, Суэггер почувствует, что здесь пахнет жареным, и ни за что не пойдет в ловушку. Он же знает о десятом “черном короле” и знает, кому принадлежит эта винтовка! Я гарантирую вам это! Здесь ни в коем случае нельзя форсировать события!

Добблер уже почти сорвался на крик, совсем позабыв, с кем он говорит. Шрек сделал шаг назад:

– Откуда мы можем знать, что Суэггер на это клюнет?

– Мы должны в него верить! Он, может быть, найдет это объявление не сразу: не сегодня и не завтра. Но, переезжая с места на место, он неизбежно столкнется с людьми, которые уже будут знать об этой книге. Таким образом и он узнает, если, конечно, не прочитает объявление сам. Он обязательно клюнет! Я обещаю вам! А потом последует тем инструкциям, которые даны в объявлении.

Зазвонил телефон, и сразу же включился автоответчик. Шрек продолжал слушать Добблера.

– Из этого объявления следует, что им надо оставить номера своих кредитных карточек: либо “визы”, либо “Мастеркарда”. Или написать свои адреса, – не замолкал Добблер. – Поэтому они позвонят, и голоса их останутся на пленке. Это для нас очень важно. Понимаете, у нас есть оригинальные записи голосов и Мемфиса, и Суэггера. Голос Мемфиса был записан в болотах под Новым Орлеаном, а Суэггера во время вашей с ним беседы в Мэриленде. Поэтому мы можем закодировать их голоса и ввести в компьютер. Каждый звонок будет автоматически пропускаться через компьютер, где будет проверяться и сопоставляться с оригиналами. Как только будет найдено соответствие, нам сразу же сообщат.

– А потом?..

– А потом мы заманим его в ловушку. Медленно, не спеша, доверяя только нашим инстинктам и интуиции, а также опыту общения с Суэггером. Мы заманим его туда и уничтожим. Это похоже на то, как ловят хищников на приманку. Эта приманка является иллюзией того, что он сможет там что-то найти и свободно уйти.

Шрек кивнул головой.

– Все ясно, – решительно сказал он. Добблер посмотрел на Шрека и впервые за все время понял, что уже его не боится.

В течение этой недели Боб и Ник уже столько раз почти приближались к цели, что были близки к помешательству. Целыми днями они сидели на телефонах и теперь, прозвонив последние несколько западных штатов, вышли на улицу немного развеяться и где-нибудь перекусить. Они представляли собой довольно-таки странную

пару: высокий худощавый мужчина средних лет, все время погруженный в себя, и крепкий, приветливого вида молодой человек с длинными светлыми волосами и добрыми карими глазами. Между собой они почти не разговаривали, будь то обед или прогулка. Казалось, им гораздо приятнее сохранять молчание, чем что-то говорить.

Однажды вечером Боб спросил его о кресле:

– Слушай, а что чувствует человек, сидящий в нем? Каково ему на этом стуле?

Поначалу Ник подумал, что его спрашивают об электрическом стуле, и сразу вспомнил, как за недолгую карьеру в ФБР ему раз или два приходилось присутствовать при приведении в исполнение высшей меры наказания. Но потом он понял, что Боба интересует совсем другое – то, что он услышал от полковника О’Брайена. Стул, кресло, инвалидная коляска.

– А-а! В общем, хреново. Мне кажется, я ненавижу эту коляску еще больше, чем она. Потому что это было постоянным напоминанием о моей вине. Однажды вечером я лежал и не мог заснуть. Я слышал, как она дышит. И в отблесках лунного света была видна эта проклятая коляска! У меня было такое чувство, будто кто-то надо мной жестоко посмеялся.

– Ты себя представлял в нем? Ну, допустим, если бы ты случайно туда попал не из-за своей ошибки, а из-за ошибки твоего отца, который потом бы взял и снес себе крышу из винтовки. Как бы ты себя чувствовал?

– Не знаю, – признался Ник.

– Подумай над этим и обязательно расскажи мне. Мне надо знать, почему Лон Скотт стал заниматься такими делами.

– Возможно, от отчаяния или обиды. Эти чувства могут искалечить тебя так, что ты не только станешь ненавидеть весь мир, но и захочешь его уничтожить. С Майрой этого, конечно, не произошло. Она слишком отличалась от других и была очень доброй. Ну, а с кем-либо другим, даже не знаю, что бы это могло сделать. Естественно, человек может обратиться в такой ситуации за помощью к оружию, чтобы в нем почувствовать ту власть и силу, которых лишилось его тело. Оружие может усилить комплекс неполноценности и сделать человека очень и очень опасным. С другой стороны, в мире полно убийц с

ненормальной психикой, но они же не калеки? Что тут особенного в этом случае?

Боб с глубоким сожалением посмотрел на Ника:

– Неужели ты еще до сих пор не понял, малыш?

– Не понял – что?

– Ладно, пора возвращаться. Завтра еще надо будет кое-куда позвонить.

Однако время шло, а результатов от многочисленных телефонных звонков не было. Разделив штаты на секторы, они пытались найти несоответствия в свидетельствах о рождении и смерти, чтобы вычислить, какое из семи имен фальшивое. Но, к сожалению, ничего не получалось.

– Думаю, что нам надо просто съездить к каждому из этих семерых калек, а там уже на месте посмотрим на них своими глазами, – сказал Боб, просматривая последний номер “Шотган ньюс”, который за полчаса до этого купил в газетном киоске гостиницы. Он повторял эту глупую процедуру каждую неделю, чем постоянно поражал Ника до глубины души. Это было серое, невыразительное издание с бесконечными колонками набранных мелким шрифтом объявлений и неясными, расплывчатыми фотографиями винтовок. Боб в шутку называл этот журнал “промокашкой”. В нем не было никаких статей или рассказов, одни лишь краткие сообщения о всевозможных видах оружия.

– Знаешь, меня все больше и больше начинает мучить вопрос: не будет ли поиск Приложения Б более целесообразным и полезным для нас в этом деле? Если подключить Салли Эллиот, то, я думаю, элементарно можно было бы влезть в базу данных компьютерной сети ФБР. Она славная девушка. Кстати, я ей нравлюсь. Мне кажется...

– Тебе просто хочется трахнуть эту юную девушку, да? Почему бы тебе не признаться в этом сразу, не прикрываясь какими-то “приложениями”?

– Нет, она очень хорошая девушка. Я просто...

Зазвонил телефон.

– Агент Мемфис слушает.

– Мистер Мемфис, это Сьюзен Джеремиа из графства Кларк, штат Северная Каролина. Отдел регистрации, помните?

– О да, конечно. Я разговаривал с вами несколько дней назад. По поводу семи фамилий...

– Да-да.

– Вы можете нам что-то сообщить?

– Нет, сэр. Но я задумалась над одной проблемой, сэр. Одна из фамилий в вашем списке была Олбрайт. Джеймс Томас Олбрайт. А у меня в книге регистрации смертей с 1935-го по 1945-й нет никакого Джеймса Томаса Олбрайта.

– Да, вы мне это уже говорили...

– Тем не менее я вспомнила, что Олбрайт все-таки был. Роберт Пэрриш Олбрайт, который умер в 1938 году в возрасте двух лет, причем прямо здесь, в графстве Кларк.

– Понятно, – сказал Ник.

– Сходство имен запало мне в голову, и я уже не могла избавиться от этой мысли. Поэтому я пошла и проверила все данные по регистрации. Вы знаете, что если у вас есть оригинал, а не копия свидетельства о рождении, то можно написать прошение в суд об изменении вашего имени или фамилии?

– Ну конечно!

– Представляете, как я была удивлена, когда обнаружила, что в июне 1963 года Роберт Пэрриш Олбрайт подал прошение в суд об изменении своего имени на другое – Джеймс Томас Олбрайт?! Требование было удовлетворено, потому что никому в голову не пришло проверить свидетельство о рождении по свидетельствам о смерти. И никто даже не догадывался, что настоящий Роберт Пэрриш Олбрайт умер в 1938 году.

Лоб Ника покрылся испариной. Он чувствовал, как постепенно поднимается тайная вуаль, заботливо наброшенная на прошлое чьей-то очень опытной рукой. Для него это было сравнимо с тем моментом, когда расследование, вроде бы уже зайдя в тупик, после долгих неудач и провалов, ошибок и разочарований вдруг выходит на правильный путь и превращается в настоящее дело. Он почувствовал, что не в силах совладать с волнением:

– Огромное спасибо, миссис Джеремиа. Мы вам очень признательны. – И он повернулся в Бобу, стараясь как можно лаконичнее и короче изложить суть звонка: – Я нашел этого человека. – Голос Ника выдавал его волнение.

– Прекрасно, – ответил Боб. – Джеймс Т. Олбрайт из Северной Каролины. Я его тоже нашел. – Он протянул Нику журнал: – Этот подонок решил написать книгу!

Неизвестность просто угнетала. Звонки были со всех концов Соединенных Штатов. Добблер уже перестал удивляться их количеству.

– Здравствуйте, с вами говорит Уолтер Мирбах из Шерман-Оукс, штат Калифорния. Меня очень заинтересовала ваша публикация о десятом “черном короле”. Номер моей кредитной карточки “виза”...

И еще десятки таких же звонков за несколько дней; к концу недели счет уже велся на сотни. В итоге было зафиксировано более 350 звонков. Все они были от реальных лиц, но ни один голос, согласно данным компьютера, не соответствовал записям голосов Боба или Ника.

– Думаю, что это уже не сработает, – сказал Шрек.

– Сработает, – упрямо ответил Добблер. – Я знаю Боба. Я наблюдал за ним около года. Он клюнет. Это единственный путь. Он клюнет.

Шрек отвернулся. Он был явно недоволен.

Итак, они продолжали ждать. Прошел без перемен еще один день, потом другой. Добблер сидел в своей квартире, перелистывая старые номера “Америкэн райфлмэн”, когда неожиданно зазвонил телефон.

– Добблер слушает.

– Доктор Добблер, говорит офицер оперативного отдела. Кажется, мы получили положительный ответ при сравнении голоса клиента, звонившего семь минут назад. Компьютер выдал информацию, точно идентифицировав голос Мемфиса.

– Под каким именем он записался?

– Э-э... так и сказал: “Специальный агент Николас Мемфис, Федеральное Бюро Расследований”.

“Алло, говорит специальный агент Николас Мемфис, Федеральное Бюро Расследований. Нам нужен мистер Олбрайт. Мы бы хотели взять интервью у Дона Скотта, сына Арта Скотта. Может быть, мистер Олбрайт располагает какой-нибудь информацией о том, где он находится. Телефон: четыре-четыре-два-три-один-два-три-ноль-восемь-ноль. Добавлю, что отказ от сотрудничества является основанием для судебного разбирательства по федеральным законам”.

С пленки звучал действительно голос Ника Мемфиса.

– Поздравляю, – хмыкнул Шрек. – Ну а теперь расскажите, как, по-вашему, нам надо действовать дальше?

– Спасибо, полковник, – отозвался Добблер, в глубине души пытаюсь скрыть, что он ужасно польщен. – Теперь надо выработать принципы операции. Хотя, по большому счету, принцип всегда один. Никакого давления и спешки. Ничто не должно указывать на ловушку. Начнем действовать активно только тогда, когда наступит подходящий момент. Боб интуитивно чувствует подвох. Он сам всегда готов нападать, чтобы отразить нападение. На его внутреннем светофоре постоянно горит желтый свет, он никогда до конца не расслабляется. Он всегда смотрит на горизонт в поисках туч. Его радар осторожности не спит даже ночью. И если он почувствует угрозу, то сразу же унесет ноги. Так что никакой спешки! Никого не должно быть видно. Ловушка должна быть надежно спрятана. Никакой самоуверенности, никаких ошибок! И начинать действовать надо немедленно. Кто будет ему звонить?

– Вы, – спокойно ответил Шрек.

Настырно зазвонил телефон.

– А, черт, – недовольно проворчал Ник.

– Возьми трубку, – сказал Боб.

– Черт, – повторил Ник. С того момента, как они позвонили Олбрайту, прошла почти целая неделя.

– Ну, давай, – торопил Боб.

– Агент Мемфис слушает. – Ник поднял трубку.

– Алло, это Джеймс Олбрайт. Я получил ваше послание на прошлой неделе, но вот только сейчас сумел прослушать пленку. Так в чем конкретно дело?

– Ну, прежде всего спасибо за то, что вы ответили на мой звонок. – Ник старался говорить как можно официальнее. – В наше поле зрения попало объявление о том, что вы опубликовали книгу об Арте Скотте, спортивном стрелке. Это соответствует действительности?

– Да. Я знал Арта при жизни. Я видел, как он выиграл свой последний чемпионат страны по стрельбе. Он был прекрасный...

– У нас есть основания подозревать, что винтовка, принадлежавшая сыну мистера Скотта, Лону Скотту, могла быть

использована при совершении серьезного преступления...

– Десятый “черный король”? Вы знаете, где он находится?

– Э-э... – замялся Ник, не зная, что ответить. – Нет, не знаем. Но мы надеялись, что вы сможете нам кое-что рассказать.

– К сожалению, вряд ли. Такая винтовка сегодня стоит десятки тысяч долларов.

– Э-э... поэтому мы пытаемся найти мистера Лона Скотта, который исчез около тридцати лет назад.

– Да, это большая тайна. Жаль, что я ничем не могу вам помочь.

– Гм-м-м... Да... В вашей рекламе указано, что у вас есть какие-то фотографии и личные вещи Арта Скотта.

– У меня есть его стрелковые записные книжки, его записи по обработке и перезарядке патронов, результаты его экспериментов, много медалей и призов. Но из его личных вещей у меня ничего нет, разве что пара дневников, на которые я никогда не обращал особого внимания.

– Понятно. Мистер Олбрайт, нам обязательно надо найти либо Лона Скотта, либо его родственников. Мне кажется, что в дневниках его отца могла сохраниться какая-нибудь полезная для нас информация. Если вы не против, я бы прислал к вам людей, чтобы просмотреть материалы, хорошо?

– Это и есть все, что вы хотите? Конечно, приезжайте или присылайте кого-нибудь. Буду рад предоставить вам эти материалы.

– Огромное вам спасибо.

– Не за что.

Человек на другом конце провода дал ему какие-то указания, и Ник ответил, что приедет к нему через два дня, во вторник, к девяти тридцати утра. Мистера Олбрайта это вполне устроило, потому что в этот день, по его словам, он никуда не собирался.

– Неплохо, – сказал полковник.

– Я не переборщил? – поинтересовался Добблер.

– Нет. – Полковник задумчиво уставился в одну точку. – Вы хорошо вошли в роль, а потом спокойно из нее вышли, умело симитировав Лона Скотта. Они сделали еще один шаг по направлению к ловушке. Но это не последний шаг. А пока единственное, что нам остается делать, – это ждать. Они сами придут.

Для Пайна, который всегда был человеком действия, не было ничего хуже ожидания. Не получив никакого приказа, он отправился в Виргинию, на тренировочный полигон Рэм-Дайн.

Туда-то и прибыли его старые товарищи по оружию из батальона “Пантеры” для подготовки к операции по ликвидации “непобедимого Боба”.

Когда он приехал, те уже отрабатывали план нападения. Пайн наблюдал, как они выпрыгивали из вертолетов и рассыпались цепью вдоль холма, который был точной копией Боун-Хилл – предполагаемого места проведения операции. Сжимая вокруг холма жесткое кольцо, они простреливали его вершину из всех видов имевшегося у них стрелкового оружия, Боб же предположительно должен был отстреливаться только из своего знаменитого кольца, с которым, как известно, он никогда не расставался.

Даже бригадный генерал де Раджиджо прибыл сюда, чтобы принять участие в операции.

– Не слишком ли много людей, сержант? – обратился генерал к Пайну. – Тем более на одного человека. – Вопрос был логичный. Вместе с неподвижными огневыми точками и огнем передвигающихся в пешем порядке основных сил батальона, которые будут поливать вершину свинцом, как пожарные – горящее здание водой, общее количество пуль, выпущенных за две минуты стрельбы, составит где-то десять-одиннадцать тысяч штук. – Это, наверное, какой-то сверхчеловек, – добавил он.

– Ему конец, – ответил Пайн. – Его все равно достанут, даже из преисподней. Здесь ему спрятаться будет негде.

Эта показуха явно доставляла ему удовольствие. Пули, громко свистя, улетали вдаль, превращая склоны холма в сплошное месиво камней и пыли. Спрятаться на самом деле некуда. Поверхность холма была ровной и голой.

План был прост. Три взвода из роты по борьбе с повстанцами, входящей в состав батальона “Пантеры”, – всего около 120 человек, вооруженных израильскими штурмовыми винтовками “гадил” калибра 5,56 мм, – должны были высадиться и затаиться на небольшом каменном плато в двух километрах от дома Лона Скотта. Их присутствие оставалось в этом случае полностью незаметным для объекта. Когда появится Боб, то тот, кто выступит в роли Лона Скотта

— еще не было точно известно, кто именно, — должен будет подать сигнал. Ему не придется нажимать ни кнопок, ни ручек, ни рычагов. Он просто уберет руку с подлокотника инвалидного кресла — и дневной свет попадет на фотоэлемент, который сразу же пошлет сигнал в место дислокации основных сил. Через несколько секунд четыре вертолета с боевыми группами уже будут в воздухе, а еще через две минуты здесь уже высадится весь десант. Через четыре минуты эти же вертолеты вернутся со второй группой. Таким образом, их будет уже 120 человек. Переброшенные по воздуху войска вместе с рэмдайновцами высадятся возле дома Скотта, поэтому Боб, увидев ловушку, почти наверняка рванет в другую сторону, через бассейн и стрельбище к Боун-Хилл, к этим шестистам футам низкорослых елочек, колючего кустарника, небольших уступов и мелких рытвин. Снайпер должен выбрать только этот путь. Пусть он поднимается повыше... до тех пор, пока уже некуда будет идти.

Глава 30

Лон упорствовал. А он умел быть упрямым, целеустремленным и настойчивым.

– Мистер Скотт, я не могу, – сказал Шрек. – У нас есть гораздо более подходящие люди для таких вещей. Это не для вас. Это слишком, слишком опасно.

– Это мой дом. К тому же я – приманка, – не сдавался Скотт. – Поэтому я должен быть самим собой.

– Как только Суэггер увидит вас в этом инвалидном кресле, он сразу поймет, кто вы.

– Отлично. И что тут такого?

– Ну, а если он выстрелит в вас?

– Почему это? Суэггер – морской пехотинец. Он не сможет убить человека в инвалидной коляске, даже несмотря на то, что этот человек совершил преступление, и даже несмотря на то, что уже будет знать, что шум подлетающих вертолетов наверняка означает его смерть. Он не нажмет курок. Я понимаю его. В свое время я знал немало таких стрелков с Юга, еще до того, как лишился ног. Мой отец был таким же. Нет, Боб Ли Суэггер не выстрелит. Для него честь превыше всего.

Шрек чувствовал, что в целом Скотт, скорее всего, прав. Даже такой эксперт по Суэггеру, как Добблер, и тот не смог бы ничего возразить. Но ему было любопытно узнать, почему сидящий перед ним человек так стремится к роли приманки.

Калека вызывал ужас и жалость: череп его на несколько секунд как-то по-идиотски наклонился влево, потому что его владелец потерял над ним контроль, и Шрек едва нашелся, что сказать, чтобы скрыть свои чувства:

– Но зачем? Зачем вам все это нужно?

Лон улыбнулся, и от этой улыбки Шреку стало не по себе. Он почувствовал, как от взгляда этого человека у него леденеет кровь. До него доносились глухие удары ломов и отбойных молотков, которые разбивали покатую дорожку, предназначенную для инвалидной коляски, а вместо нее делали нормальные ступени. После некоторой паузы последовал ответ:

– Мне хочется воспользоваться этой возможностью и взглянуть ему в глаза. Я хочу прочувствовать этот момент вместе с ним. Я хочу, чтобы он видел меня и знал, кто я такой, чего я добился вот этими руками. Я хочу, чтобы в тот момент, когда наши глаза встретятся, между нами возникла удивительная, необъяснимая связь, которая понятна только профессионалам. Мне хочется увидеть, как он будет вести себя в последние мгновения своей жизни, зная, что скоро наступит смерть. Да, как будет вести себя великий Боб Ли Суэггер, который сам не раз ставил других перед лицом смерти. Мы должны с ним встретиться, потому что мы оба профессионалы.

Шрек подумал: да, это будет, безусловно, достойная встреча двух профессиональных убийц мирового уровня, в которой ни один не уступит другому в мужестве.

– Хорошо, мистер Скотт, только не делайте никаких глупостей! Не любезничайте тут с ним. Как только он войдет, сразу убирайте руку со светового реле. Батальон “Пантеры” будет здесь через несколько секунд, и мы не оставим от него даже мокрого места. Все, что нам надо, – это убить его, пока он не убил нас.

– Ладно, договорились, – согласился Скотт.

Разведка соблюдала все меры предосторожности. Все участвующие в операции были без раций, их заранее предупредили, чтобы они никуда не совались, просто сидели и отдыхали. Если объект проедет мимо них – хорошо, если нет – тоже ничего страшного. Оперативников расставили главным образом на дорогах и дальних подступах к дому, где были маленькие кафе, магазинчики и рестораны.

Беглецов обнаружили поздно вечером, когда взятый в аренду красный “шевроле” въехал на платную стоянку данвиллского “Шератона” и рэмдайновский наблюдатель, находившийся на крыше дома, расположенного через дорогу, увидел, как из него вылез высокий жилистый мужчина и, миновав полосу яркого флуоресцентного света перед входом в отель, исчез за его стеклянными дверями. Минуту спустя он вернулся, подошел к машине и что-то сказал, наклонившись к стеклу. Из “шевроле” вышел крупный светловолосый мужчина в костюме, и они вместе поднялись по ступенькам отеля на второй этаж, вокруг которого на всю длину здания тянулся стеклянный балкон. Наблюдатель отметил, что приехавшие заняли две соседние комнаты.

Через некоторое время они вновь появились и, сев в машину, отправились в “Пиццу Хат”, которая находилась в четверти мили от отеля. Только после этого наблюдатель позвонил в штаб.

Через десять минут автомобиль с “Электротоком 5400” уже двигался по направлению к отелю.

– Я должен проникнуть в их комнаты и установить фиксированную длину прослушивания? – спросил Эдди Никлс, настраивая микрофон.

– Нет, – сказал Пайн, до конца не веря, что это все-таки произошло и рыба клюнула. – Нет, мы еще точно не знаем, они это или кто-то другой.

Но это были они. “Шевроле” заехал на стоянку, и Пайн увидел, как в двухстах ярдах от него из машины вышел Боб Ли Суэггер. Он угадал бы эту припадающую походку везде, твердо зная, что так ходит только Боб Ли Суэггер, у которого одна нога была буквально собрана только благодаря умению врачей. Неделями изучал он эту походку и теперь знал, что не спутает ее ни с одной другой.

Господи, если бы только у него была винтовка с хорошим оптическим прицелом ночного видения! В инфракрасном излучении он видел бы свою мишень намного лучше и смог бы уложить Боба прямо здесь, на ступеньках отеля, пока они поднимались со своим светловолосым приятелем к себе наверх. Он бы всадил ему пулю прямо между лопаток! Все бы закончилось буквально в десятую долю секунды, которая требуется пуле, чтобы пролететь это расстояние. Но у него с собой был только укороченный ремингтон, который привычно упирался в левый бок, слегка выглядывая из-под легкой куртки.

– Это он? – спросил Эдди Николетта.

– Да, черт бы его побрал, – огрызнулся Пайн.

– Слушай, они так ходят, будто совсем ничего не подозревают. Мы и сами могли бы их тут укокошить, ты, я и ребята, без всяких проблем. Быстро грохнем – и заметем все следы. Я постучусь в дверь, а ты ворвешься со своим дробовиком. Опорожним по обойме – и все, дело с концом, а? Вернемся назад уже свободными от всяких проблем и еще героями будем.

– Ты думаешь, Суэггер спит без своего пистолета? Наверняка у него даже предохранитель снят. Не успеет еще открыться дверь, как мы уже все будем трупами. Эта сволочь умеет обращаться с оружием, и ты это прекрасно знаешь. Так что помолчи и дай мне немного

подумать. – Он повернулся к оператору “Электротока 5400”: – Можно прямо сейчас направить луч микрофона на их комнату?

– Нет проблем, – ответил тот. – Если не будет помех, то через минуту мы их услышим.

Неожиданно открылась дверь комнаты Ника, и сам Ник вышел на балкон. Подойдя к соседней двери, он начал стучать в нее изо всех сил.

– Всполошились подонки, – пробормотал оператор.

– Твое дело поторопиться, – отрезал Пайн. Парень напряженно крутил ручки и сверял какие-то показатели.

– Давай быстрее, – торопил его Пайн. – И не забудь подключить магнитофон.

Постепенно в динамиках сквозь шум и треск помех стали четче прорисовываться два голоса.

– ...более перспективно, я тебе говорю... – Это был голос Мемфиса. Помехи стали меньше.

– Не знаю... – Это уже был Суэггер. Его арканзасский акцент невозможно было спутать.

– Ну послушай меня хоть раз, что ты упрямишься!..

Боб молчал.

– Она сказала, что сможет быстро ввести меня в базу данных ФБР и кодовую структуру. По крайней мере, это уже кое-что! Это намного лучше, чем переться к черту на кулички и охотиться за привидениями, роясь в этих пыльных дневниках тридцатилетней давности.

– Мемфис, я не люблю лезть куда-нибудь, не зная наперед, как оттуда выйти. Понятно?

– Ну послушай же меня, Боб! Ну хотя бы раз! Если мы найдем это Приложение Б, то у нас появятся имена. Не просто какие-то абстрактные фамилии типа Пайн или Шрек. Это все пешки, маленькие сошки, которыми затыкают все дыры. Приложение Б выведет нас на крупного зверя из тех, кто не носит с собой пистолетов, а только думает и отдает приказания. Имена! Вот что важно. Адреса. Это единственный способ уничтожить их всех вместе и сразу! В противном случае мы погибли. Боб, мне надо к ней съездить и попытаться там чего-нибудь добиться.

Тут произошла небольшая заминка, почему-то пропал звук, но потом Пайн догадался, что Суэггер просто думает и не отвечает.

Наконец Боб прервал молчание:

– Терпеть не могу лезть на рожон, да еще вслепую.

– Когда ты поедешь к этому старикашке, который написал книгу о великом стрелке тридцатых годов, тебе совсем не понадобится помощник. Ты прекрасно сможешь почитать эти дневники и без меня. Там тебе потребуется просто немного терпения, чтобы перечитать всю ту муть, которую он написал. Ты угробишь на это целый день! И еще неизвестно, найдешь что-нибудь или нет. Это была твоя идея, а не моя. Давай я пока слетаю в Новый Орлеан и встречу с ней. А там мы уже посмотрим, что у нас получится с этими компьютерами. Ну а потом... потом мы могли бы пойти в ФБР. Имея на руках эти документы, мы сможем доказать нашу невиновность. Там, в суде, уже можно будет выложить все факты, которые наверняка их уничтожат. Этим мы бы, пожалуй, спасли себе шкуру. – Ник явно нервничал.

Но Боб держался по-прежнему очень спокойно и только повторил:

– Не люблю действовать вслепую. Тем более без поддержки.

– Осторожная сволочь, – высказался Никлс. – Такую хитрую лисицу еще поискать надо.

– Поэтому-то он и не делает ошибок, – отозвался Пайн.

– Я уже звонил, – не успокаивался Ник. – Я могу заказать такси, чтобы доехать до аэропорта в Ричмонде. Рейс на Новый Орлеан в восемь утра. К десяти вечера я уже вернусь.

Они продолжали обсуждать свой план. Наконец Боб решительно сказал:

– Ладно, встречаемся здесь послезавтра днем. И черт побери, будь осторожен. Ведь и у тебя не будет подмоги.

– Я просто хочу слетать в Новый Орлеан. – По голосу Мемфиса легко можно было догадаться, что он здорово влюблен.

– Господи, – испугался Эдди Никлс. – Неужто и нам надо за ним?

Пайн погрузился в размышления. Думал он недолго:

– У нас недостаточно людей. Этого сосунка мы сможем прихлопнуть в любой момент. Суэггер первый. Сначала он. Останемся с Суэггером и завтра его добьем.

Свет горел только в кабинете Добблера. Было уже поздно, далеко за полночь, и он подумал, что, может, лучше остаться здесь и вздремнуть

на диване, вместо того, чтобы идти домой. Ведь завтра утром... Впрочем, о том, что будет завтра, лучше подумать завтра, решил он. Боб приедет, его загонят на холм, и вслед за ним поднимется батальон “Пантеры”. Но Добблер был слишком взволнован, чтобы заснуть. Его мозг усиленно прорабатывал все возможные варианты развития событий. Он снова посмотрел на часы. Прошло всего семь минут. Время будто остановилось.

На столе перед ним лежали папки с материалами по Бобу Ли Суэггеру. Одна – “ОТНОШЕНИЯ И СВЯЗИ”, другая – “ЮЖНОЕ НАСЛЕДИЕ”, третья – “РОДИТЕЛИ” и четвертая – “СТРЕЛЬБА”. Однако доктор не мог заставить себя открыть их. Что можно было изучать здесь в столь поздний час? Было уже поздно – во всех отношениях. Все уже изучено. Он посмотрел на свой ящик для корреспонденции. Странно, но он раньше даже не обратил внимания на лежащий там коричневый конверт внутрислужебного оповещения. Что бы это могло значить? Он недолго любил почту внутрислужебного оповещения в Рэм-Дайн, которая обычно не приносила ничего хорошего, одни проблемы. Первым его желанием было выбросить конверт в корзину.

Тяжело вздохнув, Добблер все-таки решил его открыть. Как потом оказалось, это было правильное решение.

В небольшом металлическом сборном домике, в котором размещался штаб по проведению операции, в полном одиночестве сидел Шрек. В этом пустынном, удаленном от цивилизации месте всего в семи милях от дома Лона Скотта было тихо и спокойно. Шрек уже почти заснул, когда зазвонил телефон. Ему потребовалось некоторое время, чтобы понять тот бред, который несет Добблер. Но, поняв, он сразу проснулся.

– Вы слушаете?.. Они мучились несколько недель, чтобы влезть в компьютерную систему этих цветочников через федеральный торговый департамент, и в конце концов влезли! Короче, они создали программу, которая сама просмотрела все торговые платежи, прямо в их собственной компьютерной системе!

– О чем вы говорите, Добблер?

– Цветочники! Продавцы цветов! В течение десяти лет Боб посылал кому-то цветы. Так вот, один вундеркинд из компьютерного

отдела в конце концов пробрался в эту систему. Мы думали, что тут все уже бесполезно, но он не прекращал поиски и умудрился проникнуть в систему цветочников Литл-Рока и прочитать все их заказы. Так вот, каждый год, в декабре, к четырнадцатому числу, Боб посылал цветы, и как вы думаете кому? Женщине! В Ахо, штат Аризона. Он посылал ей розы!

– Я...

– Полковник Шрек, у Суэггера есть женщина! Это единственная женщина, которую он знает! Это та женщина, которую он любит! Ее зовут Джули Фенн. Она вдова лучшего друга Боба Донни Фенна!

– Ахо, штат Аризона? – повторил Шрек, задумавшись. Затем, немного помедлив, произнес: – Отличная работа, Добблер! – И, вызвав адъютанта, приказал: – Пайна ко мне!

Глава 31

Пайн уехал на рассвете, заказав себе билет на 10.30 из Ричмонда в Тусон. Внутри у него все кипело от возмущения. К этому времени, скорее всего, все уже закончится, и Боб будет на том свете. Куда его послали? Зачем? Эта женщина теперь была уже не нужна. Но мастер-сержант Пайн не привык задавать вопросы полковнику Шреку.

Когда он уезжал, личный состав батальона “Пантеры” уже начал готовиться к предстоящему дню. Пайн знал, как обычно происходит подготовка к бою. За последние двадцать лет он сам делал так, наверное, тысячи раз и чувствовал, что солдаты пребывают в напряжении и им хочется побыстрее начать действовать. Кто-то ругался, кто-то курил, кто-то смеялся. Кто-то лязгал зубами от утреннего холода.

В душе он радовался, что уезжает. После того узкоглазого, который лез на него со своим штыком через проволоку и в которого он не попал семь раз подряд, Пайн не боялся никого. Но Боб откровенно его пугал. Ему очень хотелось поскорее увидеть простреленную грудь этого ублюдка и бьющий оттуда фонтан крови. Он хотел убедиться, что Суэггер наконец-то мертв. Как он прикончил тех двух парней в болотах! Тут наверняка будет настоящая мясорубка, несмотря на численное превосходство сил с их стороны. Пайн боялся. Он чувствовал, что не способен на то, на что способен Боб.

Лагерь остался далеко позади, и Пайн заметил, что ему стало легче. Пусть эти крутые ребята сами разбираются с Бобом Ли Суэггером. Они из него быстро приготовят бефстроганов, потому что они вообще понятия не имеют о том, кто он такой; да их это и мало волнует. Для этих ребят он просто еще один гринго.

Суэггера все-таки подвели его глупость и самоуверенность. Его умение стрелять лучше других теперь уже наверняка подвело его к могиле.

Но Пайн знал, что до того, как умрет Боб, не один и не двое из этих парией отправятся прокладывать ему дорогу на тот свет.

Боб проснулся около половины десятого, принял душ и уселся в кресло. Ему надо было подумать. Группа прослушивания сразу же включила микрофон, но до них доносился только шум льющейся воды. На этом фоне было почти не слышно присутствие в комнате человека, который спокойно – без нервов и лишней суеты – занимался своими обыденными делами.

В 10.15 Суэггер вышел из комнаты, расплатился с гостиницей и, бросив сумку в багажник машины, поехал в ресторан, где заказал хороший завтрак: яичницу из двух яиц, три кусочка ветчины, тосты и джем. Потом купил “Данвилл курьер” и не спеша прочитал его от первой до последней страницы. Все это время в автомобиле, припаркованном в двухстах ярдах от “Пиццы Хат”, был включен микрофон направленного улавливания.

– Мэм, можно еще чашечку кофе?

– Конечно. Прекрасный денек, не правда ли?

– О, да.

– Простите, вы предыдущий кофе заказывали со сливками или с сахаром? Я просто не помню.

– Нет, мэм. Я пью кофе всегда без сахара.

На завтрак у него ушло минут сорок. Затем он вышел на улицу, где ярко светило солнце, и расправил плечи. Высокий, сильный мужчина в джинсах и голубой джинсовой рубашке, поверх которой была накинута короткая вельветовая куртка. Боб Суэггер явно обращал на себя внимание. Надев темные очки, он направился к машине.

– Bravo-Шесть, это Bravo-Четыре, объект в пути, – сообщил командир группы наблюдателей по радио. – Объект в пути.

Сидя в оперативном штабе недалеко от миллерсвиллского аэропорта, в котором стояли четыре черных вертолета “Хьюи”, Шрек хмуρο выслушал донесение.

– Генерал де Раджиджо! Пусть сержанты ваших первых четырех взводов грузятся на борт!

Латиноамериканец усмехнулся, обнажив белые ровные зубы. Потом он повернулся и отдал какой-то приказ своим людям на испанском. За несколько секунд все уже были в вертолетах. Лица этих вооруженных до зубов солдат были вымазаны черной краской, винтовки были заряжены и поставлены на предохранители, и у

каждого на поясных ремнях было до десяти запасных магазинов с патронами и другими боеприпасами. Но особенно бросались в глаза лихо сдвинутые набок черные береты. Вертолеты надрывно закашляли, вдыхая жизнь в свои двигатели, и приведенные в движение лопасти подняли с земли целое облако пыли, которое стало своего рода сигналом к началу этой сложной операции.

— Хороший денек для боя, полковник, — сказал де Раджиджо. — Мои люди просто сгорают от нетерпения. Они меня не подведут, я уверен. Скоро все это кончится.

Шрек кивнул головой, но ничего не ответил. Он все время смотрел на часы.

Бобу потребуется, по крайней мере, полчаса, чтобы проехать тридцать миль, отделяющие его от Скайтопа. Он решил связаться с Лоном Скоттом. Тот сразу поднял трубку:

— Алло?

— Мистер Скотт, Суэггер уже в пути. Через полчаса будет.

— Отлично.

— Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно. Вас там не видно?

— Гарантирую вам, что все будет о'кей. Судя по докладу группы прослушивания, ему ничего не надо, кроме этих старых желтых дневников.

— Хорошо, — сказал Скотт. — Уже не терпится увидеть его.

— Не будьте излишне любопытны, сэр. Просто помогите нам его убить, и все. Как только он войдет, сразу же уберите руку с фотоэлемента. Через две минуты первые четыре взвода уже будут на месте. Это двадцать четыре вооруженных до зубов человека. Спустя десять минут там уже будет более ста пятидесяти бойцов; они оцепят холм. Не надо с ним долго любезничать. Пусть себе бежит туда, куда мы его будем гнать.

Еще никогда в штабе не было так безлюдно. Добблеру казалось, что он остался один в этом огромном здании. Все остальные были либо задействованы в проведении операции с полковником Шреком в Северной Каролине, либо уже разошлись по домам после дежурства. У Добблера было странное чувство, будто все окружающие его люди

постепенно растворяются, исчезая в каком-то неизвестном направлении.

Добблер только что закончил печатать. Он опасался, что в эйфории окончательной победы над Бобом его вклад в это дело будет приуменьшен или забыт. Именно поэтому доктор сел за машинку и как можно подробнее изложил на девяти страницах “меморандума” значение своего вклада в эту операцию, подробно описав, какую на самом деле роль он лично играл в уничтожении Боба Ли Суэггера. В конце концов, ведь это именно он, Дэвид Добблер, поймал Боба! Именно он, и никто другой, разработал план его поиска и заманил в эту мышеловку, именно он сумел разгадать характер Боба, и опять-таки он нашел его любимую женщину! Он так хорошо все сделал! Просто прекрасно! Теперь оставалось только ждать. Добблер посмотрел на часы и увидел, что вот-вот наступит утро. Ему доставляло удовольствие знать, что дело сделано: Боб уже едет в приготовленную для него ловушку.

Поразмыслив, доктор решил, что отсылать доклад по системе внутренней рэмдайновской почты не стоит, потому что этот доклад слишком важен. Пройдя по пустынным коридорам, он вышел на улицу и направился к зданию, в котором находился кабинет Шрека. Подергав дверь и обнаружив, что она закрыта, Добблер выругался – черт знает что!

– Доктор Добблер? – раздался незнакомый голос.

– Что?! О, как вы меня испугали! – Добблер увидел, что это один из охранников. – Мне надо занести этот отчет в кабинет Шрека. У вас есть ключ?

– Доктор Добблер, полковник Шрек очень не любит, когда кто-то входит в его кабинет в его отсутствие.

– Полковник только что сам позвонил мне с этой просьбой. Ему нужен этот доклад.

Добблер в душе поражался своей двуличности и настойчивости. Он чувствовал, как непонятная уверенность нарастает в нем с каждой секундой, ведь такой уверенности в себе у него не было с самого ареста. Охранник смущенно отвел глаза. Его самого удивила властность взгляда Добблера. Он открыл дверь и впустил его, заметив при этом:

– Я подожду вас здесь.

– Не надо, я закроюсь изнутри. Мне надо еще просмотреть кое-какие бумаги.

– Хорошо, сэр, – ответил охранник.

Добблер вошел в комнату. Странно, но он почему-то не осмеливался зажечь свет. Почему-то, как только он переступил порог, у него вдруг бешено заколотилось сердце. Доктор понимал, что он нарушил неприкосновенность комнаты Шрека, и, хотя это ему ничем не грозило, нарушение запрета приятно щекотало нервы.

Комната выглядела такой же невыразительной и строгой, как всегда. Казалось, что у работающего здесь человека нет облика. Даже на вещах лежал отпечаток строжайшего порядка и дисциплины. На стенах не было никаких картин, а на столе – ни единого листочка бумаги. Чувствовалось, что здесь обитает настоящий военный. Только в одном углу на бледно-восковом линолеуме блестел в лунном свете какой-то металлический предмет. Это был единственный элемент беспорядка в кабинете.

Добблер положил доклад на гладкую поверхность стола. Полковник не сможет его не заметить. Пора было уходить, но Добблеру очень не хотелось расставаться с новым, так возбуждающим его, чувством. Он не замечал в себе такой силы уже долгие годы. Немного оглядевшись, Добблер обратил внимание на огромный, массивный сейф. В Добблере заговорили любопытство и детская шаловливость. Сейф был точно такой же, как и у него в кабинете, но Добблер обычно не утруждал себя тем, чтобы его закрывать, как положено. У него мелькнула мысль: а что, если здесь точно такая же комбинация чисел? Быстро оглянувшись, чтобы убедиться в том, что за ним никто не наблюдает, Добблер подошел к сейфу, набрал комбинацию цифр своего кода и потянул за ручку. Ничего не произошло. Он рассмеялся. Ничего и не будет. Надо же быть таким идиотом!

Он повернул ручку один раз, потом другой и снова потянул дверку на себя.

Сейф открылся.

Наблюдательный пост размещался на вершине одного из холмов, находящегося в миле от дороги на Скайтоп. На посту был молодой Эдди Николетта, который вместе с Пайном был в Блу-Ай и там тоже

проводил аналогичное наблюдение. Он сидел в специально вырытой для этого яме глубиной около четырех футов и наблюдал за дорогой в узкую щелчку, проделанную в искусственном кустарнике, посаженном по всему холму. Рядом с ним лежал “Целестрон-8”, суперсовременный восьмидюймовый телескоп, целых сорок три фунта оптики фирмы “Шмидт-Касегрэн”, который обеспечивал увеличение в 480 раз. Смотреть в эту замаскированную, стоящую на треноге трубу, которая была выставлена на специальный участок дороги и намертво зафиксирована, было делом утомительным. У Никлса уже начал болеть затылок и так ныла шея, как будто его только что вытащили из петли. “Целестрон-8” был нацелен на грунтовую дорогу, ведущую в Скайтоп; время от времени на ней появлялся то грузовик, то какая-нибудь машина. Они незаметно выплывали из дрожащего над дорогой раскаленного воздуха и постепенно материализовывались в нормальные предметы, как бы вбирая в себя пыль, солнечный свет и яркие краски трав. Господи, до них целая миля, а тут даже лица видно! Говорили, что при помощи одной из таких штук можно читать газету на расстоянии ста ярдов. Раньше Никлс не верил этой рекламе, но теперь от сомнений не осталось и следа. Каждый раз после этого ему приходилось отводить глаза в сторону, чтобы не отвлечься на что-нибудь не то. Возвращаясь потом к трубе, он снова видел пустынную пыльную дорогу где-то в полмили длиной, в конце которой стоял роскошный, окруженный зелеными деревьями дом. Уже по размерам можно было догадаться, что он принадлежит, мягко говоря, человеку не бедствующему. Рядом с домом был плавательный бассейн, от которого к стрельбищу вели бетонные дорожки (Никлса все время интересовало, почему они бетонные, а не травяные). А дальше над этой маленькой игрушечной красотой человеческого творения возвышался Боун-Хилл.

Большая часть огромного холма заросла деревьями. Выше первых трех сотен футов эти заросли превращались в мелкий кустарник и низкорослую траву – и так до самой вершины, которая была практически голой, за исключением редкой, незаметной травы и нескольких разбросанных на ней камней.

“Вот туда-то он и прибежит”, – подумал про себя Эдди Никлс. Когда прилетят первые вертолеты и высадившиеся головорезы начнут крушить все направо и налево, Суэггер как раз будет подбираться к

этим камням. Он пойдет наверх. Нет, он даже побежит наверх и будет бежать до тех пор, пока бежать уже окажется некуда. Никлс сам увидит, как все это произойдет. Это его радовало.

– Браво-Четыре! Браво-Четыре! Где вы, черт бы вас побрал?! – Это был Шрек.

– О, простите, полковник. Я... я здесь. Пока ничего не видно.

– Смотри в оба, Николетта! Он должен появиться с минуты на минуту.

– Есть, сэр, – ответил Никлс.

Он снова наклонился к трубе и увидел, как по дороге в раскаленном безмолвии пылит грузовик Кока-Колы. Кроме него вообще ничего не было. Минуты шли. Все ждали.

Сначала он заметил крышу машины, которая мелькнула на повороте, отразив яркий луч солнца. Потом силуэт стал четче и уже можно было различить, что это тот самый “шевроле”, который они видели вчера возле отеля. За рулем сидел широкоплечий мужчина в солнцезащитных очках. Больше в кабине никого не было. С нарастающим напряжением Никлс смотрел, как все четче и четче вырисовывается лицо за лобовым стеклом. Было видно, что ни в лице, ни в фигуре человека в машине совсем нет скованности или страха. Он был спокоен и уверен в себе. Даже на расстоянии мили Боб Снайпер пугал его.

– Он здесь, – заорал Никлс в маленький пристегивающийся микрофончик, позабыв обо всех мерах предосторожности и условностях радиообмена. – Я вижу Боба Снайпера!

Боб остановился у поворота на Скайтоп и вышел из машины. Захлопнув дверцу, он внимательно осмотрелся. Перед ним расстилался типичный ландшафт Северной Каролины: пологие холмы, несколько пиков взметнувшихся в небо одиноких скал и целое море буйной ярко-зеленой растительности. Осень была сухой и жаркой, и, несмотря на то, что на дворе уже стоял октябрь, листья еще даже не начали желтеть. Он глубоко вздохнул и снова посмотрел вокруг. Его опытный глаз не заметил никаких настораживающих особенностей. На нежно-голубом небе ни облачка. Солнце почти в зените. Казалось, сама природа располагает провести этот день в спокойном отдыхе и благодущии. Боб еще раз вобрал в себя этот волшебный воздух и, сев

за руль, направился по пыльной, обсаженной с двух сторон высокими тополями дороге к дому Скотта. Вскоре он въехал на широкую гравиевую площадку.

Поднявшись по ступенькам, Боб постучал в дверь.

– Открыто, – донесся откуда-то из глубины мужской голос. – Агент Мемфис? Входите.

– Спасибо, – сказал Боб, проходя через широкий холл в длинную, залитую солнечным светом комнату с огромным количеством книг вдоль стен. Открытые стеклянные двери вели к бассейну с жемчужно-голубой водой – Боб даже здесь чувствовал запах хлорки в воздухе, – за которым виднелся зеленый склон холма.

– Мистер Олбрайт! – позвал Боб. Раздался звук электрического звонка, и перед ним появился человек в инвалидном кресле.

– Меня зовут не Мемфис, – сказал Боб.

– Я тоже так думаю. Вас зовут Боб Ли Суэггер.

Боб с нескрываемым интересом смотрел на незнакомца. У него были широкие плечи, сильные руки и деформированное тело, согнутое и скрючившееся каким-то непонятным образом в этом кресле. Тонкие ноги безвольно свисали вниз.

– А вас, я полагаю, зовут Лон Скотт.

– Да, это правда.

Боб не спеша опустил руку в задний карман джинсов и достал свой знаменитый 45-й калибр. Он спокойно опустил большим пальцем предохранитель. Патрон находился в патроннике, курок был взведен, требовалось только небольшое усилие, чтобы от Лона Скотта остались одни воспоминания. Но Скотт был безоружным.

– Вы не выстрелите в меня. Я же вижу, что, несмотря на все то, что мы с вами сделали, вы не тот человек, который выстрелит в калеку, сидящего в инвалидном кресле.

– Калеку? Для калеки вы сделали слишком прекрасный выстрел в Новом Орлеане, любезный. Вы уложили того архиепископа с тысячи четырехсот ярдов, как будто стреляли в упор.

– Там было тысяча двести ярдов. Я заменил родной ствол “черного короля” на ствол 318-го калибра и вставил вашу пулю в свою гильзу с большим количеством пороха.

Боб поднял пистолет; дуло остановилось напротив огромного живота Лона Скотта. Бобу было интересно, польется ли из него гной,

если он выстрелит. Это было все равно что целиться в опухоль, или личинку, или еще что-нибудь в этом роде: такое же отвратительное и мерзкое. Он слегка нажал на курок.

Но Скотт не испугался. Он вел себя так, будто ему действительно было безразлично, нажмет Боб на курок или нет.

– Все кончено, Боб. Как только я увидел ваше лицо, я убрал руку с подлокотника – вот отсюда – и открыл фотореле, которое сразу же послало сигнал. Пока мы здесь разговариваем, они летят сюда. Их очень много, поверьте. Если вы нажмете курок, это ничего не изменит. Может, вы хотите взять меня в заложники? Давайте берите. Они сделают и из этого дома, и из меня решето, чтобы убить вас.

Боб засунул пистолет обратно.

До него донесся шум лопастей подлетающих вертолетов. На деревьях начали бешено дергаться листья, и все живое стало прижиматься к земле под сильным воздушным напором опускающихся вертолетов. Прилетели первые четыре взвода убийц. Это чем-то напомнило ему Вьетнам: быстрая посадка вертолетов, моментальное десантирование солдат и безжалостное уничтожение всего, что попадает на пути. Да, это была классическая воздушно-десантная наступательная операция.

– Боб, – сказал Лон Скотт, стараясь перекрыть шум, – через несколько секунд они будут здесь. Этих латиноамериканцев со штурмовыми винтовками ничто не остановит. Я могу вас спасти. Я могу дать вам новую жизнь. Мы же оба профессионалы.

Боб еще раз проверил предохранитель на кольте и улыбнулся:

– Не пытайтесь обмануть сами себя, ничтожество. Я солдат, а вы обыкновенный убийца. Из-за того, что вы натворили, теперь все, у кого дома есть оружие и кто по-настоящему любит винтовку, переживают тяжелые времена. Все теперь под подозрением. Я знаю, кто вы на самом деле. Но... вы все равно этого никогда не поймете.

Он резко повернулся и выбежал через раскрытые двери.

Добблер заглянул в сейф. Его содержимое было весьма прозаично. Перед ним лежал пистолет. Какой-то автоматический, не револьвер. А рядом – пачка денег, паспорт и водительские права. Документы были фальшивые. Полковнику, видимо, частенько приходилось думать о том, что может наступить момент, когда ему надо будет мгновенно

исчезнуть. Для людей его профессии это было делом заурядным. Вот и все. Никаких фамильных драгоценностей, никаких таинственных секретов, ничего даже отдаленно напоминающего компрометирующие документы. Добблер был явно разочарован. Он ожидал большего. Положив обратно паспорт и водительские права, он вдруг почувствовал, как его пальцы коснулись чего-то твердого. Вытащив этот непонятный предмет из глубины сейфа, он увидел, что это всего-навсего видеокассета без каких-либо опознавательных знаков. Добблер молча стоял посредине темной комнаты. Ему были слышны все скрипы и шорохи в здании, но человеческого присутствия он не ощущал. Со страхом он посмотрел на кассету. Большой ящик телевизора “Сони” все еще чернел на столе. Под ним виднелся видеомэгнитофон. Добблер подошел к столу и вставил кассету. Дрожащей рукой он нажал пуск.

Через открытые двери Боб вылетел к бассейну и увидел троих из них. Они как раз подходили к противоположной стороне дома, согнувшись, держа наперевес свои штурмовые “галилы”. Каждый из этих парней готов был выстрелить в любую минуту. Они тоже его заметили. Пока они еще только поднимали винтовки к плечам, Боб уже выстрелил три раза. На каждый выстрел ему понадобилось по три десятых секунды – как раз столько, сколько длится подача патрона из обоймы вверх, где он досылается в канал ствола на место только что вылетевшей гильзы. Две пули попали прямо в грудь, и получившие их были мертвы еще до того, как их колени коснулись земли. Третья попала в горло, и смертельно раненный солдат, выронив винтовку, схватился за шею и начал крутиться волчком на одном месте, разбрызгивая вокруг себя лужи крови. Не имея возможности вступить в перестрелку, не имея времени даже оглянуться назад, Боб перепрыгнул через ограду бассейна и, свалившись в низкий кустарник, быстро вскочил на ноги и побежал вверх по склону холма.

Добежав до деревьев, он сбросил куртку и дозарядил кольт. Потом, набрав в легкие побольше воздуха, рванулся через густые заросли карликовых сосен, цепляясь ногами за сухие ветки и пучки густой травы. Здесь деревья были не очень высокими, и ему то и дело приходилось на большой скорости пересекать опасные участки открытой местности, где ничего не росло. Сзади надрывно тарахтели

вертолеты, привозящие все новое и новое подкрепление. Да, это была серьезная операция. Они бросили против него все силы. То тут, то там раздавались выстрелы, явно предназначавшиеся ему. Одна пуля даже могла считаться опасной, потому что пролетела всего в нескольких сантиметрах от Боба. Попад в землю, пуля взметнула вверх целый фонтан пыли. Он прищурился, чтобы пыль не попала в глаза, и побежал дальше.

В одном месте ему пришлось остановиться, чтобы осмотреться. За его передвижением следили в трубы и бинокли, но Суэггер знал, что они все равно будут ждать, пока не придут все силы, и только потом начнут сжимать кольцо вокруг холма согласно плану операции. Он бы поступил точно так же, поэтому понимал, что эти люди – настоящие профессионалы. Он стоял и смотрел на них, зная, что может немного передохнуть, пока взводы занимают свои позиции у подножия холма под прикрытием деревьев. Внизу как на ладони был виден весь дом. Лон Скотт, сидя в своем инвалидном кресле, разговаривал возле бассейна с каким-то высоким мужчиной в камуфляжной форме. Во время беседы они то и дело показывали рукой на холм. Боб никак не мог различить лица второго человека. Но ему казалось, что он и так знает, кто это такой.

Боб посмотрел в другую сторону. Здесь заросли кончались и повсюду виднелась одна только голая земля. Спрятаться было негде. До вершины оставалось каких-то сто футов открытого пространства. Засунув кольт в кобуру, Боб прищурился. Вершина представляла собой голую каменноземляную шишку, круто выпиравшую на фоне бледно-голубого неба. Пот заливал глаза и мешал смотреть. Он несколько раз моргнул.

Ему надо было преодолеть этот участок – самую опасную часть пути, – потому что он простреливался без труда со всех сторон. Есть ли у них снайперы? Есть ли у них такой стрелок, который не промахнется в движущуюся цель на расстоянии шестисот футов? Пора узнать.

Боб оттолкнулся от зеленой травы и, набрав в легкие побольше воздуха, рванул вперед, преодолевая последние препятствия на пути к вершине. Кровь бешено стучала в висках, а в мозгу свербила только одна мысль: “На вершинах умирало немало мужчин”.

– Вон он идет, – показал куда-то вверх Лон Скотт, у которого, как и у Боба, было великолепное зрение.

В то же мгновение его заметил и Шрек. По склону холма сквозь заросли деревьев и кустарника спешил вверх одинокий человек. Полковник поднес к глазам бинокль и отчетливо увидел, как высокий, сильный мужчина быстро преодолевает последние метры открытого пространства, отделяющие его от вершины.

– Я бы мог его снять прямо сейчас, – продолжал Лон Скотт.

– Теперь это уже не важно, – отозвался Шрек. – Ему не выбраться. Теперь все закончится и так.

У подножия холма прозвучало несколько выстрелов. Это солдаты батальона “Пантеры”, заметив Боба на открытой местности, открыли беглый огонь. Вокруг него засвистели пули, с шипением впиваясь в сухую землю. В какой-то момент показалось, что Боб споткнулся и вот-вот упадет, но он, собравшись с силами и бросившись вперед, пересек линию вершины и укрылся таким образом от их глаз.

– Генерал де Раджиджо! – гаркнул Шрек. Стоявший рядом с двумя молодыми офицерами генерал быстро подошел. Офицеры остались возле переносной радиостанции. – Доложите обстановку.

– Полковник, все сто двадцать человек переброшены. Я жду доклада только от второго взвода, который должен занять свои позиции с той стороны холма. Тогда я дам команду перейти в атаку. По всей линии наступления они будут вести продольный огонь, и через две минуты я принесу вам голову этого человека.

– Мне нужен только его труп! – отрезал Шрек и, резко повернувшись к Скотту, добавил: – А пока что он показал нам только свою задницу.

– Интересно, о чем он сейчас думает, – сказал Скотт. – Было бы крайне любопытно узнать, что может думать такой человек в подобных обстоятельствах.

Шрек хмуро ответил:

– Однажды я был на вершине холма и должен был умереть. Но там об этом не думаешь. Там тебе просто становится жалко, что ты не сможешь прожить еще один день, вот и все. А этот подлец, наверное, думает о том, сколько человек с его помощью отправится прокладывать ему дорогу на тот свет. Но у меня припасено для него кое-что напоследок. Чтобы ему не так сладко умиралось.

Подошел генерал де Раджиджо и доложил:

– Полковник Шрек, подразделения готовы. Разрешите начинать?

– Одну секунду, – сказал Шрек. Потом он повернулся к Скотту: – Я не хочу облегчать ему дорогу в ад.

– Полковник Шрек, – возразил Скотт, – не стоит переходить на личные моменты. Хью очень не хотел, чтобы дело принимало такой оборот.

– К черту Хью, – огрызнулся Шрек, – это всегда будет личным!

И он поднес ко рту громкоговоритель.

Боб лежал на вершине холма. Он чертовски устал. Внизу, в четырехстах ярдах, виднелся дом. Возле бассейна сидел Лон Скотт в своей коляске в окружении нескольких офицеров. Еще три-четыре молодых офицера стояли возле переносной радиостанции у края бассейна. Ближе, среди деревьев, мелькали фигуры головорезов из батальона “Пантеры”.

Неожиданно в воздухе раздался голос Шрека:

– Боб Ли Суэггер. Боб Ли Суэггер. Ты знаешь, кто я такой. Суэггер, я хочу, чтобы ты знал, перед тем, как тебя уничтожат, что мы нашли твою женщину в Ахо, в Аризоне! Я послал за ней Пайна. Он ее и убьет. Может быть, она уже мертва.

“Вот черт”, – подумал Боб.

Он прислонился спиной к скале.

Солдатам дали команду наступать, и в этот момент он услышал свист.

Никаких проблем у Пайна не возникло. Прилетев в Тусон, он нанял машину и уже через час был в Ахо. Найти трейлер особого труда не составило. Припарковав машину, он подошел к двери. В ответ на стук Пайн услышал ее голос и спросил:

– Медсестра Фенн?

– Да... – произнесла женщина.

Такой женщины, как Джули Фенн, у Пайна никогда не было. Он трахался с проститутками во всех концах света. Вялые и апатичные мегеры со сморщенной грудью или же молодые и глупые секс-бомбы, изображающие африканскую страсть, все они не оставили у него никаких воспоминаний. Это было все равно что заниматься сексом с

самим собой. Поэтому в свое время он потерял к этому всякий интерес, и теперь желание просыпалось в нем только тогда, когда он напивался.

Но сейчас Пайна захлестнула слепая ярость, когда он подумал, что Боб обладал такой великолепной женщиной, а у него никогда и в помине ничего подобного не было.

– Так это ты была с ним? – спросил он.

– Я не понимаю...

– Не притворяйся, что не знаешь его! Боба Ли Суэггера! Того самого, который пытался убить президента в Новом Орлеане.

Ее лицо резко побледнело. Она не умела лгать.

– Я... а вы из полиция?

– Не удостоился такой чести, леди, – сказал он и вытащил из-под руки короткий ремингтон. Она в страхе отступила вглубь. Держа в руках двустволку, Пайн наслаждался своей властью над ней. Пройдя в комнату, он прижал женщину к стенке и приставил дуло 12-го калибра к ее щеке.

– Что вы...

– Просто заткнись и слушай. Твой паршивый дружок остался жив. Это так, для информации, если ты не знала. Хотя к этой минуте он уже наверняка мертв. А сейчас ты присядешь на стул и малость остынешь. Не надо так напрягаться, или, клянусь, я убью тебя сам. Изволь только заткнуться и делать все, что я тебе скажу.

– Я не...

– Заткнись, шлюха! Нам придется немного побыть с тобой вместе. Поэтому сидя и не дергайся. Неужели не понятно? Лучше поверь мне на слово, я не тот, с кем ты привыкла иметь дело. Если будет надо, я пристрелю тебя, как бешеную собаку и уйду отсюда, даже не оглянувшись на твой труп.

– Я поняла.

– Ну вот и хорошо. Суэггер тебе вряд ли поможет. Наши ребята загнали его на вершину холма, и теперь от него уже, наверное, ничего не осталось.

Джули посмотрела ему прямо в глаза и сказала:

– Боб побывал на этом холме еще до того, как вы его туда загнали, идиоты. Неужели вы этого еще не поняли? Он очень любит холмы и горы. Ведь он там родился и вырос.

Фигурки людей на пленке выглядели расплывчатыми и трудноразличимыми. Понятно было только, что солдаты жгли дома, а жители деревни разбежались в разные стороны. Все это дергалось и плясало в руках неопытного оператора.

Добблер сглотнул.

Потом он увидел полковника Шрека, Пайна и одного латиноамериканского офицера в черном берете и зеркальных очках. Все они были в камуфляжной униформе и до зубов вооружены.

Они что-то обсуждали у карты.

Добблер нажал кнопку ускоренной перемотки.

Все фигуры теперь задвигались быстрее и стали выглядеть немного комично, как в водевиле. Солдаты по-прежнему жгли хижины, и это напоминало Украину 1943 года, когда эсэсовцы при отступлении палили целые деревни. Но здесь было совсем другое, потому что эти солдаты были совсем молодые и делали свое грязное дело с необыкновенной радостью. По мере того, как развивались события, войска спустились по какому-то склону. Камера замерла, и он наконец смог увидеть, что там происходит. Жители деревни бежали к реке. Они стояли прямо в воде, а на них шли солдаты с пулеметами наперевес. Они стояли и дрожали! Добблер видел, что в основном это были женщины и дети. Он видел, как молодые солдаты подошли к самой воде.

Добблер нажал кнопку отмены быстрой перемотки.

Теперь появились Шрек и его коллега-латиноамериканец; они что-то оживленно обсуждали. Доктор услышал голос Шрека:

– Прикажите им побыстрее кончать со всем этим. Уже пора садиться на вертолеты и отправляться обратно. Живее сворачивайтесь, генерал, и эвакуируйтесь.

Генерал отдал приказ, и камера повернулась к воде.

– Нет! – заорал Добблер на всю комнату. – Нет!

Но там, на экране, его никто не слышал.

Застрочили пулеметы, и пули, вздымая вверх фонтаны воды вперемешку с кровью стали одну за одной уносить человеческие жизни.

– Нет... – повторял Добблер снова и снова. – Нет, нет, нет.

Боб услышал чей-то голос:

– Ну, я уже думал, что ты не заберешься на этот проклятый холм, старина, – сказал Ник Мемфис.

Боб перевернулся на живот и увидел подползавшего к нему Ника.

– Хотел сначала остаться там позагорать, но потом подумал, что тут больше солнца, – отозвался Суэггер. – Ну-ка, где мой...

Мемфис, в своей черной униформе с буквами “СВИТ ФБР” на груди и винтовкой “Мини-14” за спиной, с видимым усилием подтащил длинный брезентовый ранец к Бобу.

Суэггер быстро расстегнул молнию и засунул руку внутрь. Через секунду чехол от винтовки уже отлетел в сторону и на солнце заблестел “Ремингтон” 700V с 12-кратным оптическим прицелом “Леопольд”.

Большой палец привычным движением быстро снял предохранитель, мгновенно щелкнул затвор, дослав в патронник первый из пяти патронов М852, 7,62 мм, в каждой гильзе которого была зажата 168-грановая пуля фирмы “Сьерра” со сточенным наконечником.

– Ну что, пришла пора поохотиться, – проговорил Боб.

Глава 32

Шрек внимательно слушал генерала де Раджиджо.

– Все мои люди на местах, полковник. Можно давать сигнал к наступлению, – сказал генерал.

– Отлично, – Шрек был доволен. – Начинайте.

Де Раджиджо повернулся к радиостанции и взял маленький микрофон, собираясь отдать приказ. Это был высокий, сильный мужчина в пятнистой камуфляжной униформе с худым, загорелым лицом; зеркальные солнцезащитные очки скрывали его глубоко посаженные глаза. Черный берет был натянут до самых бровей; внизу, на уровне ремня, небрежно болтался маленький “узи”. Из наград у него была только яркая черная звезда на груди.

Шрек прекрасно видел, что произошло в следующую секунду. Генерал что-то решительно говорил на испанском, когда прилетевшая неизвестно откуда пуля попала ему в голову и, пробив череп на затылке, вышла через нижнюю челюсть.

Кровь яркими струйками брызнула в разные стороны и попала полковнику на лицо. Шрек с удивлением увидел, как тело с головой без челюсти рухнуло в трех футах от него. Отлетевшие в сторону очки обнажили остекленевшие глаза генерала, в которых навечно застыл ужас. Шрек почувствовал, что его сковал шок, руки и ноги словно оцепенели. Неимоверным усилием воли он переборол это состояние, прекрасно понимая, что следующая пуля будет его. Он бросился на землю и перекатился к бассейну. Падение было неудачным – он сильно ударил кисть, – но зато, спрятавшись за бетонным ограждением бассейна, оказался ниже линии огня.

Вместо него вторая пуля поразила молодого помощника де Раджиджо, стоявшего возле рации. Пуля попала майору прямо в грудь, и он упал на землю, как будто из него выпустили воздух. Третья пуля с бешеной силой врезалась в рацию и вместе с тысячей осколков сбила с ног радиста, который успел только поднять голову, чтобы спросить, что случилось. Ему не повезло: его грудь и лицо превратились в сплошное кровавое месиво, но сам он еще был жив. Самое ужасное

было лежать на траве и осознавать, что ты скоро умрешь от потери крови, потому что тебе никто не поможет.

Лон Скотт видел, что в течение двух секунд перед ним свалились три залитых кровью тела, а четвертое – полковника Шрека – благополучно вжималось в бетонированное ограждение бассейна. Полковник уже был вне смертельной зоны. Скотта охватила такая дикая паника, что еще чуть-чуть – и он бы умер на месте от разрыва сердца. Через мгновение он уже пришел в себя и резко рванул рычаг привода электродвигателя коляски. Это была большая ошибка.

Поскольку плечи его были наклонены вперед и центр тяжести оказался явно смещен, инвалидная коляска от резкого движения перевернулась и всем своим убийственным весом навалилась на нижнюю, парализованную, часть тела Скотта. Скотт был абсолютно беспомощен. Дышать стало почти невозможно. На холме разгоралась ожесточенная перестрелка. Стихнувший было страх превратился теперь в неопиcуемый ужас.

– А-а-а-а-а-а-а!!! – заорал он.

Боб лежал в классической позе. Винтовка прекрасно ходила в заданном угле на принесенном вместе с боеприпасами мешочке с песком, который Ник бросил Бобу под винтовку. Сейчас он решил сосредоточить основные усилия на лесистом участке холма, где располагалась большая часть подразделений батальона “Пантеры”. Первый же прозвучавший выстрел заставил их сразу остановиться и в недоумении посмотреть вверх. Боб навел перекрестье прицела на одного из офицеров, который, стоя в полный рост, переговаривался с кем-то по рации. Пуля прошла навылет. Перезаряжая затвор, Боб передвинул винтовку на миллиметр влево и уложил еще одного офицера. Он заряжал и стрелял, заряжал и стрелял, заряжал и стрелял. За семь секунд он убил пятерых, потом, отведя назад затворную раму, схватил из стоящего рядом с ним ящичка пять блестящих патронов и с молниеносной скоростью затолкал их в магазин винтовки через затворный проем. Затвор сразу же рванулся вперед, загоня первый патрон в патронник. Нападавшие были распяты в перекрестье его мощного прицела. Наводя его на мечущиеся тела, Боб различал их руки, ноги, головы, видел их страх, смущение, неловкость, браваду и ненужный героизм увеличенными в двенадцать раз. Он видел их всех!

И он начал их уничтожать. Эти люди выглядели такими покорными. Убивать их было так легко. Они умирали совершенно безропотно, даже не зная, что он, Боб Ли Суэггер, пришел сюда только ради того, чтобы оставить их всех здесь навечно. Но его это уже не волновало.

Он стрелял.

Под прицелом сначала были те, кто больше всех кричал, сержанты и командиры взводов, – те, кто корчил из себя героев. Один за другим они падали на сухую землю холма. Он стрелял в центр живой мишени и, пока винтовка после отдачи возвращалась в прежнее положение, успевал заметить плавное падение тела на землю, что означало точное попадание. Видел ли он тело, или только часть его, или одну голову – Боб не раздумывая нажимал на спусковой крючок. Лучше всего было судить о попадании по головам. Они откидывались назад, как футбольные мячи, разбрызгивая во все стороны кровь и мозги.

Он стрелял с такой скоростью, чтобы сорвать их атаку, потому что знал: если они не остановятся, ему конец. Он прекрасно это понимал и стрелял, стрелял, стрелял. У них выбора не было: им оставалось только быстро продвигаться вверх по склону холма, используя маневр огнем и маневр войсками, прячась за всевозможными неровностями местности и ни на секунду не останавливаясь перед потерями!

Но сегодня это не получилось, потому что уже в первые секунды кровавой мясорубки, которую им устроил Боб, они потеряли практически всех своих героев-командиров. Какой-то храбрый капрал как ящерица подполз к лежащей рядом с мертвым радистом радиостанции. Ровно через секунду у него уже не было половины спины вместе с позвоночником.

Группа автоматчиков пыталась подойти слева, чтобы открыть огонь на поражение. Боб сразу же вычислил пулеметчика и попал ему прямо между глаз. Когда заряжающий попытался вырвать из мертвых рук товарища еще дымящийся ствол, пуля попала ему в низ живота. Он так и рухнул на бок в позе треугольника. Какой-то рядовой вскочил, пытаясь пристыдить своих товарищей и поднять их в атаку. Но стоило ему только открыть рот, как в него на скорости две тысячи футов в секунду влетел 168-грановый подарок от Боба. Вместо слов изо рта полетели мозги.

– Ну, давайте, сволочи, – хрипло орал Боб, возбуждаясь от скорости стрельбы. Это была вторая Ан-Лок, забитая северными вьетнамцами

долина, а он один сидел на вершине и расстреливал их, как котят. Теперь в перекрестье его прицела, в этом круглом пространстве, которое порой кажется больше Вселенной, перепуганные солдаты покидали поле боя.

Некоторые еще метались между деревьями, как бы ожидая, когда их найдет его пуля, другие сразу, побросав свои винтовки, бросились вниз, через дорогу. Кое-кто все-таки пытался подняться повыше, чтобы подавить Суэггера более прицельным огнем. Но теперь это было практически невозможно. Боб чувствовал себя в своей тарелке: винтовка так плотно прилегала к плечу, что казалось, составляла с его телом одно целое. Он стрелял и стрелял, ничего не видя и не слыша. Это была та степень безумия, которая обычно сравнивается с Божьим гневом, его карающие пули летели все быстрее и все точнее. Только в сердце и только в голову. Если откуда-то раздавался выстрел или он краем глаза улавливал его вспышку, думать было некогда, он просто стрелял в ответ. Пусть поднимаются наверх, пусть они все поднимаются!!!

Лежа на асфальте лицом вниз Лон Скотт слышал где-то вдалеке беспорядочные сухие щелчки выстрелов. Больше всего его поразила скорость, с которой стрелял Боб. То там, то здесь, среди деревьев раздавались предсмертные крики и слышался хруст веток под тяжестью падавших вниз тел. Он понимал, что теперь это только вопрос времени. Как только Боб перестреляет их, он вернется, чтобы добить его.

Здоровыми сильными руками Скотт пытался вытащить свое немощное тело из-под мощного пресса, которым оказалась его инвалидная коляска. Боже, как он ненавидел в эту минуту собственное мешкообразное тело, отца, который сделал с ним все это, друзей, что не дали ему умереть раньше и всю свою жизнь, которая сыграла с ним такую злую шутку. Скотт заплакал. Раньше ему казалось, что он уже готов умереть, но оказалось, сейчас ему безумно хотелось жить.

– Помогите, – закричал он. Тщетно. Помощь не приходила.

– О, пожалуйста, не дайте мне умереть, – молил он.

Вдруг он услышал шаги. К нему подбежали чьи-то ноги, и пара могучих рук с силой дернула его за плечи. Потом человек побежал. Он крепко прижимал к себе тело Скотта, и эти несколько мгновений, пока

они были в зоне действия винтовки Боба, показались им обоим вечностью. Но они все-таки успели. Человек каким-то звериным движением оттолкнулся от земли, и они пулей влетели под железный навес, который мог защитить их. Лон повернул ноющие плечи и привстал на руках.

– О Боже! – воскликнул он, обращаясь к своему спасителю. – Это самый храбрый поступок, который я видел в своей жизни!

Полковник Шрек в ответ произнес только одно слово:

– Нет! – И внимательно посмотрев на вершину холма, прибавил: – Вот кто настоящий храбрец, чтоб он сдох!

Тут до них донесся звук подлетевшего вертолета.

Увидев вертолет, из раскрытых дверей которого торчали стволы пулеметов, Боб встал на колени и занял более удобную позицию, закрепив неподвижно локти и кисти рук. Ему удалось на мгновение увидеть бледное лицо пилота сквозь огромное лобовое стекло. Скорее, это было не лицо, а расплывчатое белое пятно, которое на несколько секунд появилось между деревьев, когда вертолет стал подниматься вверх по холму, распуская птиц и прижимая к земле деревья и траву.

Боб выстрелил.

“Получи, – подумал он, – Это на всех”.

Пуля попала в нижнюю часть огромной плексигласовой полусферы. В прицел Боб видел, как в мгновение ока цельная гладкая поверхность обзорного стекла превратилась в тысячи маленьких осколков и они белыми снежинками осыпались вниз. Пилот скорчился от боли и через долю секунды завалился на бок. Боб сразу же залег под покрытие камня и, установив винтовку на мешочке с песком, стал отстреливать еще не успевших убежать с холма солдат. Он заметил, что, пока он занимался вертолетом, справа, у самого подножия холма, спряталась небольшая группа пантеровцев. Они резким броском хотели преодолеть последнюю опасную зону от холма до дороги, и, когда Боб увидел, как они один за другим выскакивают из леса и огромными прыжками мчатся в сторону дороги, ему это очень напомнило стрельбу по летящим мишеням. Прозвучали пять выстрелов, и пять “летающих мишеней” упали на землю. Заряжая следующие пять патронов в свой ремингтон, он увидел, как неуправляемый вертолет врезался в деревья и перевернулся, задрал вверх хвост с маленьким пропеллером. В следующую секунду

произошел мощный взрыв и высоко в небо взметнулись масляно-черные языки безумного пламени.

Казалось, что после взрыва день сразу потускнел и беспощадное пламя высушило сочность его цветов. Но Боб этого не замечал: он был занят поиском целей. А их становилось все меньше и меньше.

“Ну что же, – думал он, – давайте, атакуйте меня! Ну, еще, еще!”

Шрек сидел, прислонившись спиной к высокому бетонному бордюру бассейна, который здесь был намного выше и образовывал ряд глубоких ниш, в данном случае очень удобных, чтобы прятаться от пуль Суэггера. Тяжело дыша, он смотрел на Скотта. Тот слишком громко всхлипывал, скорее всего, даже плакал, но Шрек этого не заметил.

Теперь от смерти его спасали шесть футов железобетона. Наконец-то он в безопасности. Ему все еще было не ясно, что же произошло. По стрельбе, а потом и по взрыву вертолета Шрек понял, что исход боя уже предрешен. Боб просто опередил Добблера и каким-то образом сам нашел Скотта. Он дал им возможность думать, будто они заманивают его в ловушку, в то время как он сам завел их в ими же придуманную западню, приведя туда, где все было на его стороне: высокий холм, защищенная площадка для стрельбы и целое стадо глупых, мечущихся из стороны в сторону и никем не руководимых мишеней.

Стрельба постепенно стихала.

Нику было видно, как на противоположной стороне холма они выбегают из-за деревьев. До них было не меньше трехсот ярдов. Для его “Мини-14” 223-го калибра это было тяжеловато. Но он знал, что если ему придется обороняться от большого количества наступающих, то лучше всего было бы начать стрельбу еще на дальних подступах, не дожидаясь, пока они подойдут ближе и каждый выстрел уже точно попадет в центр груди. Ведь, подойдя ближе, они смогут перекрестным огнем с флангов подавить любого снайпера. Он слышал, что Боб никак не может остановиться и стреляет так, как будто у него не винтовка, а автомат. Пусть стреляет, сегодня его очередь.

Ник лежал в классической позе, целясь через неловко воткнутые в землю кустики какого-то растения, которые он заранее “посадил”

здесь, чтобы обеспечить хоть какую-то маскировку. Дышал он тяжело, но внутренне был абсолютно спокоен. Боб все стрелял и стрелял, но Ник не имел ни малейшего представления о том, что же творится на той стороне холма. Спокойно прижав винтовку к плечу, он нашел линию прицеливания и дождался, пока перестали дрожать ниточки прицела. За пятном мушки виднелась фигура командира взвода. Он надеялся, что на таком расстоянии все-таки может что-то получиться.

“Мушку, держи мушку”, – повторял про себя Ник, приказывая своему глазу переместиться с цели на прорезь прицела, пока мушка не превратилась в четкий выступ; цель осталась лишь фоном. Он не знал, почему надо было всегда соблюдать это правило, но безусловно верил, что это основа основ стрельбы из любого стрелкового оружия.

Мемфис плавно нажал курок. Прозвучал выстрел. Винтовка дернулась назад, и картинка прицела сместилась. Ярко сверкнув на солнце, в сторону отлетела стреляная гильза. Когда он снова взглянул в прицел, проверяя попадание, смотреть уже было не на что.

– Черт бы тебя побрал, ты снова промахнулся! Ну-ка дай мне эту винтовку, малыш! – проорал ему в ухо Боб.

Выхватив у Ника “Мини-14”, он быстро приставил винтовку к плечу и за несколько секунд опорожнил магазин – все двадцать девять патронов. Гильзы каскадом летели из патронника через экстрактор, скорее напоминая поп-корн, чем боевые патроны. Внизу, за линией деревьев, спасались последние бойцы батальона “Пантеры”.

– Они вне досягаемости этой винтовки, – сказал Ник.

– Да что ты говоришь? Ну тогда давай попробуем из этой!

Он перезарядил свой ремингтон, щелкнул затвором и прижал винтовку к плечу. Тяжело дыша, с искаженным от ярости лицом и сузившимися глазами, он, казалось, ничего не видел и не слышал. Его щеки и лоб были в копоты пороховых газов, а руки и рубашка – в грязи, образовавшейся из смеси пота и пыли. Боб обезумел.

– Господи, – прокричал Ник, – да оставь ты их! Они же бегут! Все, они разбиты! Чего ты хочешь добиться, что ты хочешь еще доказать?!

– Разбиты, да не все, – прошипел Боб, с ненавистью глядя в сторону соседнего холма, который был от них на расстоянии мили. – Донни, там засел проклятый корректировщик! Я видел блеск линз. Он все время за нами следил. Ты помнишь баллистическую таблицу?!

– Нет, – ничего не понимая, ответил Ник.

– Ладно, не важно. Этот чертов 308-й калибр падает на восемнадцать футов каждую тысячу ярдов. Ветер – пять миль в час. Поэтому я должен взять на восемнадцать футов выше и чуточку влево, с учетом отклонения пули из-за ветра. – Боб выбрал линию прицеливания и приготовился к стрельбе. Затем он выпустил пять пуль, одну за одной, всего за четыре секунды.

– Думаю, этого ему хватит. Теперь все, Донни!

Ник схватил его за руку:

– Эй! С тобой все в порядке?

– Давай, Донни, вставай, пора пойти посмотреть, что мы сегодня настреляли. Мне еще надо узнать, что они сделали с моей женщиной.

– Боб, меня зовут...

– Вставай, малыш! На сегодня достаточно. Пора выходить из зоны.

С этими словами Суэггер встал и направился к небольшой рощице, в которой они два дня назад спрятали пикап Боба. В руке он крепко сжимал свою винтовку.

Нику пришлось его догонять.

Эдди Николетта чувствовал, что теперь уже ему надеяться не на что и он умрет от потери крови. Он практически не мог пошевелиться. Его “Целестрон-8” разлетелся вдребезги. Пуля попала прямо в линзы. Все было бы ничего, но в результате оттуда вместо пули вылетели тысячи мелких острых осколков. Сам он был ранен дважды. Одна пуля попала в голову, но это было касательное ранение – пуля не пробила череп, а вторая – в ногу, рикошетом отлетев от железной трубы; он тогда вовремя успел отскочить от телескопа, с ужасом заметив, что снайпер повернулся в его сторону и стал тщательно целиться.

Никлс понимал, что теперь надеяться не на что. Он умрет задолго до того, как прибудет помощь. А здесь помогать уже было некому. Он видел, как стрелял Боб – отлично стрелял, подлец, – и Николетте было ясно, что означает каждый его выстрел.

– Эй ты, кусок дерьма!

Он открыл глаза и увидел склонившегося над ним человека. В этом человеке Никлс узнал Боба Суэггера.

– Ты меня убил, – выдохнул он.

– Я бы так не сказал, сынок. Судя по внешнему виду, ты выкарабкаешься, если не сдохнешь от страха.

– Не убивай меня, я же просто наблюдал.

– Пайн здесь был?

– Нет. Нет, его куда-то послали. Его послали за твоей женщиной.

– Негодяи!.. – процедил Боб.

– Они ее убьют, Суэггер. Эти люди убьют кого угодно. Шрек, который всем этим руководит, способен еще и не на такие вещи!

Боб над чем-то раздумывал.

– А где Шрек?

– Был здесь.

– Если он не мертв, а я сомневаюсь в том, что он мертв, передашь ему, чтобы он оставил женщину в покое. Если ему нужен я, то я сообщу ему, где меня найти. Но он должен оставить ее в покое, или, клянусь всеми святыми, ему будет очень плохо. Очень!

– Я передам ему.

– Отлично. Скажешь ему, что он сможет найти меня в горах Уошито, потому что я там живу. Если он настоящий мужчина и у него хватит смелости прийти одному, то он всегда найдет меня там.

– Он придет не один.

– Я знаю. Но ты все равно передашь ему мои слова. Скажешь, чтобы с собой привел женщину и Пайна. Скажешь, что я жду его ровно через две недели, в воскресенье, в девять часов утра на центральной площади в Блу-Ай. Это первое воскресенье ноября. Не забудь. Там мы и встретимся.

С этими словами Боб развернулся и ушел прочь.

Глава 33

Вечером, в половине восьмого, в квартире Джули Фенн раздался телефонный звонок.

– Подойди, – приказал Пайн. – Возьми трубку.

Она подняла трубку и несколько секунд что-то слушала. Потом спросила:

– Пайн – это вы?

– Я. Давайте быстрее.

– Пайн?

– Да.

– Все плохо. Мы его не взяли. Он завел нас в западню.

Пайн в шоке слушал подробности произошедшего.

– Хорошо, – сказал он, заканчивая разговор, – в два часа. Приятного мало, чего уж там... Тебе очень не повезло, милочка, – с ухмылкой обратился он к Джули, глядя ей в глаза. – У меня был приказ убить тебя, как только они возьмут Суэггера. Я уже собирался, поговорив с ними, сделать это. Но они не сумели его грохнуть. Он их всех уложил. Твой кавалер отправил сегодня на тот свет сорок четыре человека. А это значит, что у нас с тобой начинаются большие проблемы.

Пайн нервно рассмеялся. Суэггер был не просто молодец, он был выше всякой похвалы. Он был просто великолепен. Из этого разговора по телефону Пайну показалось, что он впервые услышал в голосе Шрека страх. Сорок четыре человека убитыми! Причем в их числе – девять его лучших друзей. Они пытались убрать Боба с вертолета, а вместо этого погибли мучительной смертью в огне. Десятки раненых, которых некуда и некому эвакуировать. Оставшиеся в живых из батальона “Пантеры” разбежались по всей Северной Каролине, на ноги были подняты все полицейские силы, привлеченные столбом дыма от горящего вертолета. Что и говорить, операция с треском провалилась!

– Вставай, пошли.

– Куда?

– На восток. Твой дружок очень хочет тебя увидеть. Так что ты нам понадобишься. Тебе придется для нас кое-что сделать.

– А если я не соглашусь?

– Тогда я грохну тебя прямо здесь. Хочешь? Нет? Так вот, поедешь со мной в пустыню. Туда за нами прибудет вертолет, который доставит нас в аэропорт. Потом частным самолетом доберемся до места. Все просто.

– Выходит, я буду приманкой? Думаете, вам удастся поймать Боба только лишь потому, что вы схватили меня?

– Леди, думать – не мое дело. Я только выполняю приказы.

– Да Боб вас живьем сожрет! Он же вас с дерьмом смешает, неужели вам это непонятно?! Считайте, что вы уже все мертвецы!

Пайн снова рассмеялся. Преимущество пока было на стороне этой сучки.

– Между нами течет целое море крови, дура. Много, понимаешь, очень много крови!.. И еще больше прольется! Но теперь у меня есть одна очень дорогая для него вещичка, и это дает мне десять очков вперед!

Она с презрением посмотрела на него.

– Не соображаешь? Да у меня есть ты, сука!

Заместитель директора ФБР Ховард Д. Ютей стал широко известен не только в своей организации, но и в ряде других подобных структур системы национальной безопасности как человек, который “взял” Боба Ли Суэггера.

Эта репутация не причинила его карьере никакого вреда. Напротив, его недавнее назначение заместителем директора и переезд в великолепный угловой кабинет на пятом этаже института Дж. Эдгара Гувера на Пенсильвания-авеню в Вашингтоне, округ Колумбия, были в основном результатом этой удачной охоты за Бобом. Более того, запечатлевшийся в национальном сознании образ горящей церкви стал наглядным уроком для всех тех, кто собирался попробовать на прочность систему охраны президента Соединенных Штатов. Это был урок, продемонстрированный только Федеральным Бюро Расследований, но ни в коей мере не Секретной Службой, которая, к сожалению, ничем похвастаться не могла. Теперь повсюду, куда бы он ни смотрел, были спокойствие и благодать. На протяжении всей своей

карьеры в ФБР Ховард Д'Ютей тщательно налаживал связи, требуя от подчиненных максимальной исполнительности, закрепляя отношения с сильными мира сего и моментально отстраняясь от тех, кто ничего не мог дать ему в его карьере, – этих он отличал сразу. Он скрупулезно подбирал себе кадры, с которыми теперь работал. Они обязательно должны были быть не такими умными и способными, как он. Дураком его назвать было нельзя, потому что Хауди Дьюти понимал, какую опасность таит в себе талант. Талант всегда непредсказуем, при работе с талантом совершенно невозможно понять, как ему удастся добиваться таких поразительных результатов в такие короткие сроки. И в то же время талантливый человек – не Божий агнец, с которым легко ладить и находить общий язык. Он всегда неподатлив, резок, неуступчив, и общение с ним всегда чревато ссорами и обидами, после которых в душе остаются либо черная зависть и ненависть, либо разочарование и стрессы, неизбежно возникающие после таких переживаний. Нет, иметь возле себя талант – значит добровольно подписать себе смертный приговор. Ховард ненавидел это качество в людях всей душой и был глубоко убежден, что среди тех, кто с ним работает, нет ни одного наделенного талантом. За время своей работы в ФБР он избавился от семи одаренных сотрудников, но от одного ему все никак не удавалось избавиться полностью, от этого идиота Мемфиса, некогда многообещающего и полного честолюбивых надежд молодого человека, которого он добросовестно предавал на каждом шагу их совместной службы в ФБР и который тем не менее, так и продолжая упорствовать, не хотел покидать родное Бюро.

Наконец-то он от него избавится! Началось заседание комиссии по пересмотру дел. Все вызываемые на комиссию агенты, которые в перерывах между заседаниями два месяца находились в “добровольном” отпуске без выплаты денежного содержания, были предоставлены сами себе и должны были теперь явиться на слушание своих дел, чтобы хоть как-то оправдаться. Большинство из них понимали, что их карьера уже погибла, и поэтому спокойно подавали в отставку, получая в обмен на это хорошие рекомендации, – за то, что не выносили сора из избы. Кое-кто, конечно, пытался бороться, но победа всегда была на стороне Ховарда.

Правда, таких номеров, как Ник, еще не выкидывал никто. Он просто не явился. Ни один человек никогда еще не додумался просто-

напросто взять и проигнорировать слушания комиссии! Вдобавок ко всему, что произошло, – или, точнее говоря, исходя из того, что он натворил, – уже этого было достаточно, чтобы вышвырнуть его вон из ФБР. Ховард не мог сказать, что он ненавидит Ника. Он просто смотрел на него как на молодого человека, который так и не научился извлекать уроки из своих ошибок и так не научился работать в команде. Тогда, в Талсе, он промахнулся только лишь потому, что отказался прислушаться к нему, Ховарду. Ну, и чего это всем стоило?!

А в Новом Орлеане он как будто специально допускал одну ошибку за другой. Похоже, он совсем не понимал, что значит для его карьеры наложенный ранее запрет. Он все еще думал, что сможет всего добиться сам, благодаря лишь своей интуиции, своим способностям и настойчивости. С такими людьми нельзя создать спаянный, хорошо отлаженный механизм подчинения.

Ховард сидел и смотрел на лежащий перед ним приказ об увольнении. Не будучи человеком жестоким, желающим по каждому поводу демонстрировать свою власть, он не получал от этого наслаждения. Ему больше нравилась сама система и его мастерское управление ею. Ховард Д.Ютей искренне верил, что интересы ФБР и его собственные интересы неразделимы. Величайшим недостатком Ника было то, что он не хотел быть “командным игроком”. Он не мог действовать по инструкции, его нельзя было запрограммировать. Для него просто не существовало программ. Бедняга. Он на всю жизнь обречен быть неудачником.

Ховард занес над приказом ручку, уже готовясь его подписать... но почему-то на секунду задержался.

– Мистер Ютей.

Он поднял глаза. Это был его помощник.

– Да, Роберт.

– Э-э... – Роберт был чрезвычайно неловким, застенчивым человеком, и его главной характерной чертой была полная пассивность и отсутствие индивидуальности. Ховарду нравились такие люди.

– Да, Роберт.

– Вы помните ту странную перестрелку в Северной Каролине вчера днем?

– Разумеется.

Кто же ее не помнит, подумал Ховард. Опять война дельцов наркобизнеса. Около сорока человек убито. Этим занимались сейчас подразделения УБН, пытаясь хоть как-то прояснить картину.

– Сэр, там нашли пятьдесят пять пустых гильз от патронов калибра 7,82 мм. Прямо на вершине холма.

– И что же?

– Мы сейчас готовим технический отчет. В общем обнаружено семь четких отпечатков пальцев и четыре – частично сохранившихся. Компьютер обработал их поразительно быстро. Я подумал, что вы должны получить информацию об этом немедленно.

Ховард все еще не понимал, о чем идет речь. На своем уровне он больше не мог нести единоличную ответственность за проведение расследования. Неужели надо собирать совместную комиссию ФБР и УБН?

– Сэр, отпечатки пальцев идентифицированы положительно.

– Как чьи?

– Сэр, прошу прощения... Это отпечатки Боба Ли Суэггера.

Ховард тупо уставился на него. На его лице ничего не отразилось, но он почувствовал, как в животе возникает неприятное чувство холода.

– Наверное, это какая-то ошибка, Роберт. Суэггер мертв и давно похоронен. Труп был идентифицирован судмедэкспертизой, все совпадало...

– Сэр, я говорю только то, что выдал компьютер.

– Понятно.

– И еще, сэр, на дороге найден взятый напрокат автомобиль.

– Ну?

“Господи, – подумал он, – неужели еще какие-то плохие новости?”

– Ну, говорите, Роберт.

– Он был взят Ником Мемфисом.

“О Боже, – взмолился про себя Ховард. – Только этого еще не хватало!”

Ник проснулся в кабине пикапа, чувствуя, что его кто-то толкает в бок. Это был Боб. Нику как раз снилась Салли Эллиот... Она смеялась над его шутками... Нику очень нравилось, как она смеется. Это...

Но он уже открыл глаза и глупо моргал, с сожалением узнавая кабину пикапа в первых лучах восходящего солнца. Он даже не помнил, когда заснул.

– Пора вставать, Ник, – раздался голос Боба.

– Да-да, – ответил он. – Моя очередь вести машину? Я готов.

– Нет, – сказал Боб. – Мы уже почти приехали, скоро пора будет выгружаться.

Ник осмотрелся. Он обнаружил, что они приближаются к входу в аэропорт. Невдалеке виднелся маленький самолет, готовый вот-вот взлететь.

– Что?..

– Тебе надо кое-что сделать.

– Что-что?

– Через двадцать минут ты вылетаешь в Новый Орлеан. Вылет в семь тридцать.

– О чем ты говоришь? Я что-то никак не пойму.

– Приложение Б. Ты меня просто припек за эти полтора месяца. Пора его найти.

– Но...

– Никаких “но”. У них есть заложник. Эта женщина однажды меня спасла. Это необыкновенная женщина, такой больше нет. Они ее спрятали, и я пока ничего не могу сделать. Эти негодяи знают, что я вынужден подчиняться, и это им нравится. Это дает им сто очков вперед. Но, когда придет время встречи, преимущество должно быть у меня, или они ее убьют. Они хотят использовать ее для того, чтобы заполучить мою шкуру. Сначала убьют меня, потом – ее, после чего вернутся к себе, в свою контору, хрюкая от удовольствия, как свиньи в помойной луже. Вот ты и должен достать мне это преимущество, Ник. Что ты на это скажешь?

Ник сглотнул.

– Я... Я даже не знаю... Это тяжело. Может, оно там, а может, и в Вашингтоне...

– Ник, ты все время твердил мне, что я поступаю неправильно. Теперь я согласен с тобой, ты был прав. Я полный дурак. Все, что я умею, это убить несколько человек. Теперь пришло время для профессиональной работы. Я отхожу в сторону. Иди и найди это Приложение Б.

Ник посмотрел на Боба:

– Но оно, наверное, в Вашингтоне и спрятано в таких компьютерных файлах, к которым имеют доступ только члены Комитета Лансера.

И тут он сам замолчал. В его памяти возникли два слова: “РОМ ДО”.

Все снова возвращалось на круги своя к этим двум словам, к предсмертному посланию Эдуарде Ланцмана, которое тот оставил ему несколько месяцев назад в ванной дешевой гостиницы. Нику вновь вспомнился Эдуарде Ланцман.

“Думай, думай, – внушал он себе. – Это всплыло не просто так. Эти слова все время преследуют меня. Он не мог приехать сюда с какой-нибудь ерундой. Будучи настоящим профессионалом, который знал, что делает, он должен был привезти с собой что-то такое, что бы я мог передать в соответствующие службы для предотвращения покушения... У него должно было быть что-то. Но при нем ничего найдено не было.

Может быть, это взяли убийцы?

Нет! Зачем они его истязали и мучили? Чтобы заставить говорить. Но он оказался упрямее... потому что верил в одну вещь... В какую? В агента ФБР Ника Мемфиса. То, что у него было, он наверняка спрятал. Он спрятал это по пути из аэропорта в отель. И объяснил где. РОМ ДО. Ромео Дог. Р-Д. Рэм-Дайн”.

– Ник!

– Чего тебе?

– Ник, пора, – сказал Боб. – И запомни, ты должен вернуться до первого воскресенья ноября. Встретимся в хижине в горах. За день до начала охотничьего сезона.

“Самый абсурдный документ в мире”, – подумал Шрек. Он смотрел на доклад Добблера. С первого взгляда было ясно, что все это полная чушь. Добблер был уже безнадежен. Шрек ждал, когда появится доктор. Надо было многое успеть, а времени было в обрез. Его встреча с Хью оказалась очень неприятной. Когда надо, Хью умел быть жестким и строгим. Это был мстительный, желчный старик, который больше всего заботился о законности, праве наследования и ответственности. Он был явно недоволен тем, что полковник подверг

такой опасности бедного Лона. Слава Богу, что тот все-таки остался в живых. Лону и без того пришлось потерять слишком много. Хотя, по словам полковника, Лон прекрасно себя чувствовал там, в Виргинии, и относился ко всему происходящему как к самому настоящему приключению, постреливая, как и прежде по тысячеярдовым мишеням на полигоне Рэм-Дайв, Хью все равно был очень сердит.

“Вы оба выпускники Йельского университета, – думал полковник. – Вы прошли вместе долгий путь. И к чему вы пришли?”

Потом Хью спросил, что он может сделать для полковника. Шрек от помощи отказался, сказав, что проблема, видимо, скоро сама разрешится. Что в Арканзасе понадобится всего три-четыре человека – и то недели через две. Это будет последний этап, и либо он умрет, либо победит.

Как только операция закончится, Лон Скотт снова может вернуться к своей безвестной жизни. Шрек разыграет козырную карту: у него есть эта женщина, и поэтому он будет манипулировать Суэггером так, как ему захочется. Вертолетом специальные службы доставят Лона Скотта в выбранное им место в горах, откуда он сможет сделать максимально длинный выстрел. Еще потребуется Пайн, пожалуй, самый лучший боец за всю историю войск специального назначения. У него тоже за плечами две войны и двадцатилетний опыт работы по выполнению особых операций. Потом они с Хью поговорили о гениальных догадках Добблера. Доктор действительно доказал, что у него есть голова.

Единственное, что им было нужно, – это топографическая карта гор Уошито, сделанная со спутника.

Хью напряженно запыхтел трубкой, но в конце концов, поняв, как мало от него требуется, и чувствуя, что на этот раз он надежно защищен, согласился.

Теперь не оставалось ничего другого, как ждать. Лон будет готовиться к предстоящему выстрелу, Пайн – следить за женщиной, а Добблер – разрабатывать тактические и психологические маневры. Наступил период спокойного ожидания и отдыха перед последним боем.

– Полковник Шрек! – раздался голос по внутренней связи. Это был один из членов оперативной группы, чудом уцелевший на Боун-Хилл.

– Да, слушаю, – ответил Шрек.

– Добблер не отвечает. Я звонил три раза. Последний раз его видели два дня назад разгуливающим по корпусу посреди ночи.

– Спасибо.

Шрек посмотрел на лежащий перед ним документ. Вдруг до него дошло, что для того, чтобы оставить у него в кабинете этот доклад, Добблеру надо было сюда как-то проникнуть, и спустя мгновение он обнаружил пропажу видеокассеты.

– Ну и что мы имеем? – спросил Ютей у собравшихся.

Получить назначение на пост руководителя оперативной группы по розыску Боба Ли Суэггера было непросто, но, апеллируя в одних кабинетах к прошлым услугам, которые он в свое время оказывал то одному влиятельному лицу, то другому, в других кабинетах обещая оказать еще большие услуги в будущем, кое-где намекая, кое-где говоря прямо, Ховард все-таки добился своего и вот теперь, впервые со дня образования группы, собрал свою старую команду на первое совещание в Новом Орлеане.

– Сэр, – начал Хэп Фенкл, – прежде всего вот это. На вершине холма было найдено пятнадцать пустых коробок из-под патронов “Лейк-Сити Мач М852”, калибр 7,62 мм, серия 543-101Б. По номерам удалось проследить происхождение этих патронов. Это излишек боеприпасов, который был продан пятнадцатого августа в Таскалусе, штат Алабама, фирмой “Севайве, Инк”. Я побывал там вчера. Они продали ящик с тысячей патронов двоим покупателям. Высокому широкоплечему мужчине лет сорока, очень спокойному. И плотному коренастому блондину с короткой стрижкой, который обо всем и договаривался. Определить Боба по фотографии они не могли, а вот Ника Мемфиса опознали сразу.

– Ник, Ник, Ник... – произнес Ютей.

– Ховард, – обратился к нему Хэп, – не может ли так оказаться, что Ник работает на кого-то рангом повыше, чем мы? Я не верю, что он способен на предательство. Ник – настоящий фэбээровец, он до мозга костей наш.

– Трудно сказать, – задумчиво произнес Ховард, прервав затянувшееся молчание.

– Пожалуй, он любил ФБР больше, чем оно его, и старался быть чересчур исполнительным. Отсюда и все проблемы. Любовь может

превратиться в ненависть, вот как в этом случае. Тем не менее, о Нике я не могу сказать ничего плохого. Он был великолепный работник и отличный стрелок.

Это задело Ховарда. В команде нельзя иметь человека, который слишком эмоционально относится к жертве.

– Продолжайте, мистер Фенкл, – холодно сказал он.

– Участвовавшие в перестрелке сальвадорцы рассказывают довольно-таки странные вещи. Сами они из батальона “Пантеры”, ну вы, наверное, помните всю эту шумиху по поводу их зверств в Сальвадоре в прошлом году. ЦРУ тогда отрицало всякую причастность к этому... Так вот, на этот раз они сами утверждают, что работали на ЦРУ и в их задачу входило убрать какого-то серьезного коммунистического агента здесь, в США. Им сказали, что это настоящий супермен или Рэмбо, что-то в этом роде. Но все они получили по зубам. Вот и все, что удалось на сегодняшний день узнать. ЦРУ же по-прежнему хранит молчание.

– Гм-м... – отреагировал Ховард.

– У ЦРУ точно были связи с батальоном “Пантеры”? – спросил кто-то.

– Трудно утверждать, – ответил другой агент. – По нашим данным, с батальоном “Пантеры” постоянно контактировала организация Рэм-Дайн, которая выполняла задания ЦРУ, непосредственно не подставляя его под удар. Но все попытки получить более подробную информацию заканчиваются всегда одной и той же ссылкой на Комитет Лансера, который является связующим звеном между нами и ЦРУ. Поэтому точно нельзя сказать, кто и как осуществлял некоторые их операции. Порой они в своих действиях заходят так далеко, что теряют контроль и уже невозможно разобраться, кто кому подчиняется. Хотя, может быть, у них с самого начала не было никаких отношений подчинения.

– Итак, – в разговор снова вступил Хэп, – эти латиноамериканские командос думали, что им предстоит всего-навсего убрать какого-то паршивого красного, а вместо этого на вершине холма натолкнулись на Боба Снайпера. Холм находится на территории частного владения, принадлежащего некоему Джеймсу Томасу Олбрайту. Однако еще никто даже краем глаза не видел этого Олбрайта. В округе никто о нем ничего не знает, короче, полный ноль информации. Плюс ко всему на него нигде нельзя найти документы. Ни записей, ни отметок, ни

нарушений, ни штрафов. Известно, что он инвалид и ездит в инвалидной коляске. УБН клянется, что здесь и не пахнет наркотиками. Но мне кажется, что какая-то связь с наркотиками все-таки есть. Больше не с чем. Почему Боб объявил войну целой толпе головорезов? Или почему они объявили войну ему? Кто сказал им, что он коммунист? Кому была нужна смерть Боба? Кто знал, что он остался в живых? Мы этого не знали. Может, ЦРУ? А могло ли ЦРУ в...

– Джентльмены, – резко прервал его Ховард, стараясь, чтобы дискуссия не слишком разрасталась, – не думаю, что раскручивание тайн Центрального Разведывательного Управления или его сообщников приведет нас хоть к каким-то реальным результатам. Для нас сейчас самое главное – отыскать и поймать Боба Ли Суэггера до того, как пресса узнает, что он жив. Надеюсь, никому не надо объяснять, каким это будет для нас унижением, если факт его спасения станет широко известен. А вот когда мы его поймаем, тогда уже сможем спокойно выступить перед прессой. Всем понятно?

– Ховард, если ЦРУ... – попробовал возразить Фенкл.

– Мистер Фенкл, пожалуйста, не надо, – остановил его Ховард.

Со всех сторон раздалось недовольное бормотание, перешептывания, возгласы и хмыканье.

– Итак, какие будут предложения?!

– Сэр, – начал один из агентов, – в прошлый раз, оказавшись в затруднительной ситуации, Суэггер вернулся к себе в Блу-Ай, в родные для него горы Уошито. Мало кто, оказавшись в его положении, второй раз поступил бы так же. Но этот человек верит только в то, что знает сам. Верит в свой дом и эту местность. Если он и решил сыграть в какую-то игру, не кажется ли вам, что он будет играть в нее только на своей территории?

– Да, – заметил Ютей, – на него похоже. – Он сделал паузу. – Хорошо, начнем. Приказываю оперативной группе по розыску Суэггера переместиться в Мину, штат Арканзас. Действуем как и прежде. Мистер Фенкл, я хочу, чтобы вы связались с шерифом графства Полк мистером Теллом и полицейским управлением штата Арканзас. Мистер Брайсон, вы отвечаете за контакт с Милтом Силито из УБН, потому что нам понадобится информация из их картотеки. Вы,

мистер Нельсон, проконтролируете переброску снаряжения группы СВИТ и установите постоянную связь с лесничеством.

– Бедный Ник, – вздохнул Хэп, – хочется надеяться, что он взялся за то, что ему действительно по силам. Он ведь всегда хотел быть только агентом ФБР и ничем больше.

Глава 34

Во вторник, в 10.38 утра, Ник уже был у выхода № 24 новоорлеанского аэропорта. Из Мехико как раз прибыл рейс 554 авиакомпании “Дельта”. Как только пассажиры стали скапливаться у терминала, он встал и присоединился к ним, стараясь смотреть на все чужими глазами.

О чем он думал? Что ему бросилось в глаза? Что шевелилось в его мозгу?

Эдуарде Ланцман, если это действительно был Эдуарде Ланцман, прилетел именно этим рейсом ровно шесть месяцев назад. Он видел то же, что вижу и я, думал Ник. Этот человек был настоящим профессионалом, он постоянно оглядывался, смотрел направо и налево, вверх и вниз. Ему было страшно, потому что при нем было нечто такое, что в случае обнаружения могло означать мгновенную смерть. Еще Ланцман знал, что за ним охотятся. Да, за ним следили. Похоже, так оно и было. Теперь дальше. Это был отчаянный рывок к свободе и попытка спасти жизнь архиепископа Джорджа Роберто Лопеза. Зачем? Но ведь, даже если служишь в секретной полиции, католиком все равно быть не перестаешь. Может, убийство архиепископа тянуло за собой какую-то другую ниточку? Или, может, в тот день на реке Сампул он потерял кого-то из близких?

Сейчас это неважно. Что он видел?

Ник проследовал вместе с пассажирами через терминал. По ходу ему пришел в голову еще один вопрос: Почему он не позвонил мне прямо отсюда? Почему он ждал до самого отеля? Постепенно возник ответ. Сначала Ланцман думал, что он в безопасности. За ним никто не следил. Все было в порядке. Он наблюдал за толпой, за людьми, за машинами и чувствовал, что все отлично. Все было сделано правильно. Ник попытался представить себя на месте Эдуарде Ланцмана, когда тот выходил на улицу к стоянке такси. Это было не особенно трудно.

Ему хотелось побыстрее с этим разделаться. Что он предпримет? Он возьмет такси и поедет сразу же в ФБР, правильно? Там спросит

меня, и если надо будет подождать, то подождет, ничего страшного, время есть.

Ник подозвал такси.

– Куда едем?

– Знаете, где находится здание Управления ФБР? Семь-ноль-один, Лойола-стрит, в центре.

– Конечно, знаю. Залезай!

Ник сел в машину, и они поехали.

– По первому разу у нас? – поинтересовался водитель.

– Нет, – ответил Ник, пытаясь собраться с мыслями. Они выехали из аэропорта, свернули на Ай-10, главную магистраль, связывающую прибрежный район Миссисипи и озеро Поншартрен, на котором стоит город. Ничто не привлекало внимания Ника. Это была маленькая часть огромной, однообразной Америки.

Когда они проехали добрую половину пути, Ник заметил, что с правой стороны начался целый парад отелей. Это был уже бульвар Ветеранов.

– Стоп! – крикнул он.

– Что?

– Остановись! Я же сказал, тормози!

– Какого черта!.. – начал было лысый чернокожий детина, все время куривший сигарету, но потом подчинился. Ник обратил внимание, что на водительской карточке, вставленной в солнцезащитный экран в правом верхнем углу кабины, было написано его имя: “ДЖЕРРИ НИЛС”.

– Ну и теперь что?

– Помолчи пару минут.

Ник сидел и ждал. Автомобиль подъехал к обочине и остановился, пропуская другие машины, которые на большой скорости неслись к видневшемуся вдали городу. Нет, так далеко он заехать не мог. Если бы он собирался сразу в отель “Палм Корт”, ему надо было бы ехать по Ай-70. Но он передумал еще до того, как выехал на магистраль.

– Послушай, приятель... – занервничал водитель.

– Заткнись! – огрызнулся Ник.

Он заметил своих преследователей еще до выезда на магистраль и, испугавшись, что они просто-напросто прикончат его где-нибудь по пути, решил затеряться в каком-нибудь укромном местечке.

Он знал, сколь решительно они настроены; эти люди были готовы пойти даже на публичный скандал, лишь бы убрать его. Профессионалы предпочитают работать без шума и идут на открытое столкновение только в очень редких случаях, когда у них просто нет другого выхода, если это, конечно, не колумбийские подонки наркобизнеса.

– Возвращайся назад, проедешь еще раз по бульвару Ветеранов.

– Мистер, я не могу здесь...

– Держи, это лично тебе, на мелкие расходы.

– О'кей, но если появится полицейский...

– Я сам полицейский, – по инерции ответил Ник и пожалел, что это не так.

Водитель развернулся и поехал назад. После нескольких головокружительных маневров, сопровождавшихся возмущенными сигналами других водителей и визгом тормозов, ему удалось втиснуться в свой ряд. “Палм Корт” был третьим отелем сразу после поворота.

– Притормози здесь, – сказал Ник.

Водитель повиновался:

– Вы хотите, чтобы я...

– Подожди минутку.

Ник задумался.

За ним следили. Он знал, что они близко. Все, что у него было – документы, фотографии, – он должен был спрятать в каком-нибудь укромном месте.

Спрятать это здесь и уйти в отель до того, как они его убьют. Там снять комнату рядом с автоматами коки на случай, если у них есть электронные подслушивающие устройства, позвонить Нику Мемфису и ждать.

Он не знает, что у них есть “Электроток 5400”. Он не знает, что они слышат его телефонный разговор. Он даже не знает, что, когда прозвучит стук в дверь и на его вопрос: “Кто там?” раздастся ответ: “Ник Мемфис”, он впустит в комнату свою собственную смерть.

Так, сейчас это не важно.

Главное, он должен спрятать пакет.

Тут Нику пришла в голову другая мысль.

Эдуарде, тебя же уже убили. Можно сказать, разрубили на куски, не оставили на тебе практически живого места, а ты, непонятно откуда взяв силы, дополз до ванной и написал на линолеуме собственной кровью эти слова. Нет, это не могло быть имя убийцы. Это должно было быть что-то другое. Он написал: “РОМ ДО”.

Что это значит? Какой в этом смысл?

РОМ ДО.

– Я хочу, чтобы мы вернулись в аэропорт к тому месту, откуда поехали, и повторили весь путь еще раз.

– Шутите?

– Нет.

– Хорошо, надеюсь, у вас при себе достаточно денег, чтобы расплатиться. – Водитель резко развернулся, и мгновение спустя они уже мчались к терминалу.

– Не останавливайся, просто поезжай тем же маршрутом.

Ник смотрел, как мимо проплывает унылый пейзаж.

В этот момент, подумал Ник, Ланцман заметил, что за ним следят. Он оглянулся, увидел едущую сзади машину, совсем не похожую на такси, и запаниковал. Может быть, он узнал их лица через лобовое стекло, а может, узнал сам автомобиль. Но это произошло именно здесь, на этой пустынной узкой дороге, ведущей к автомагистрали; здесь нельзя было скрыться, свернуть, убежать и даже остановиться. Они снова подъехали к стоянке возле отеля.

– Ну как, все нормально? – поинтересовался таксист.

– Заткнись, – рявкнул Ник. Он сидел и думал. РОМ ДО. РОМ ДО.

Добблер чувствовал себя здесь не в своей тарелке. Этот убогий городишко Блу-Ай встретил его не слишком приветливо. Среди его жителей доктор чувствовал себя весьма неуютно. Никакого дружелюбия. Что произошло со знаменитым гостеприимством маленьких городов Америки? Люди смотрели на него скучными стеклянными глазами. Он стоял посреди какой-то захудалой, затрапезного вида грязной площади, рядом с памятником Конфедерации. Развешивающийся над главной улицей транспарант на весь мир сообщал: “ОТКРЫТ СЕЗОН ОХОТЫ НА ОЛЕНЕЙ!”. Охота. Добблер вздрогнул. Он чувствовал, что попал в ловушку своего

ночного кошмара, потому что вокруг были одни только горы. Они мрачно нависали над городом.

Горы его пугали. Густо заросшие соснами, окутанные утренним зыбким туманом, они выглядели так, будто собирались убить Добблера. Ему очень не хотелось туда подниматься, но выбора не было. Там был Боб. Добблер действительно не знал, что делать. Как дурак носился он с кассетой в дипломате, зная только одно: спасение здесь. Разумеется, если он найдет Боба Ли Суэггера. Их, кроме него, еще никто никогда не останавливал. Подумать только! В Америке, с такой системой ФБР и полиции, этих людей может остановить только Боб Ли Суэггер, человек с винтовкой! Если эти люди и знали что-то, то они просто не хотели ему об этом говорить. В помятом костюме, с неопрятной, неухоженной бородой он явно не вызывал доверия. Они, наверное, думали, что он педераст. Ладно, он не будет больше никого спрашивать, он будет искать их сам. И найдет. Ему только нужен план действий. Здесь без плана нельзя.

Добблер подумал, что ему непременно надо пройтись по всем уже ставшим печально знаменитыми местам Боба: первое – это сожженная церковь, потом – все еще стоящий, как и прежде, в восьми милях от города его трейлер, далее – медицинский комплекс, где Боб здорово обставил их, и ФБР, и Рэм-Дайн. Доктор обошел этим утром все три места, но безрезультатно.

Может быть, помогут винтовки? Добблер зашел в оружейный магазин на окраине города и попытался завязать разговор. Это была большая ошибка. Владелец магазина посмотрел на него, как на инопланетянина и грубо спросил, хочет ли он что-нибудь выбрать или нет.

– Вот эту покажите, – нервно сказал Добблер. Хозяин достал из ящика огромную винтовку, открыл затвор и протянул Добблеру. Винтовка была очень тяжелой.

– А Боб Ли Суэггер из такой стрелял? – спросил доктор. Человек застойкой внимательно посмотрел ему в глаза, потом ответил:

– Сэр, в этих краях люди считают, что Боб не совершал всего того, что о нем говорят. Потому что если бы Боб стрелял в президента, то у нас бы давно уже был другой президент. Так вот, эта винтовка называется “Сэвэдж 110”, 306-й калибр. Вы действительно хотите

купить эту винтовку или прикидываетесь, что вы и есть Боб Ли Суэггер?

Такая враждебность испугала Добблера. Он вернул винтовку и быстро направился к двери.

С тех пор прошло уже три часа, а он все бродил и бродил по грязным улицам, не зная, что делать и куда идти. Он здесь, думал Добблер. Он ходит по этим же улицам, он должен по ним ходить! Добблер снова посмотрел на горы. Неприветливые, таинственные, они пугали его. Это напомнило ему тот день, когда он впервые увидел внутренний двор тюрьмы в Норфолке и почувствовал неопиcуемый ужас и беспомощность. Но сейчас все будет по-другому. Он будет мужественным и смелым. Ему надо подняться в горы, да, вскарабкаться туда и найти Боба Ли Суэггера. И он сделает это завтра.

Добблер сел во взятую напрокат машину и поехал назад, в отель. Он чувствовал в душе печаль и горечь. Войдя в комнату, он понял, что первый день его поисков прошел впустую. Шреку и его головорезам не потребуется много времени, чтобы понять, куда и зачем он исчез. Но отступать уже некуда. Он уже пожалел, что не купил себе чего-нибудь поесть, потому что внезапно почувствовал себя невероятно голодным.

Добблер повернул выключатель. Вспыхнул свет.

– Здорово, приятель! – Перед ним стоял Боб Снайпер. – Думаю, нам есть о чем с тобой поговорить.

Ник опасался, что у нее может быть свидание, что стоянка напротив может оказаться занята, ну, короче, что что-нибудь будет не так. Но ему повезло, и он удачно припарковался напротив здания Управления ФБР на Лойола-стрит в 5.35 вечера. Салли вышла из дверей одна, перешла улицу, спустилась в бесплатный гараж под зданием и через минуту выехала оттуда на своей золотистой “хондесивик”.

Пристраиваясь в крайний ряд через несколько машин от нее, Ник пытался вспомнить, где она живет или, по крайней мере, говорила ли она об этом когда-нибудь в его присутствии. Когда “хонда” повернула на Ай-10, ведущую на восток, Ник оказался прямо за ней. Так они ехали до самого озера, а затем свернули под знак, указывавший дорогу на Джентилли-Вудс. Ник видел, как она остановилась у супермаркета

“Филл-энд-Сэк”. Когда через пять минут она вышла оттуда с двумя полными пакетами, он решил, что настало время действовать.

– Салли! Эй! Салли! – Он направился к ней через стоянку, стараясь идти как можно быстрее и в то же время следя за тем, чтобы это выглядело как можно небрежнее. Но как только она услышала его голос, на ее лице сразу возникло подозрительное выражение, и Ник понял, что теперь все его заранее придуманные истории о том, что он якобы натолкнулся на нее чисто случайно, бессмысленны.

– Ник! Ты пытался меня выследить? Что ты здесь делаешь? Ты преследовал меня, подумать только!

– Ну да, преследовал.

– Тебе повезло, что у меня сегодня нет свидания.

– Это точно. Ты же самая популярная женщина в Новом Орлеане. Всегда об этом помню.

– Ник, у тебя тьма проблем. Ты хочешь и меня втянуть в них?

– Ты никому не говорила о том, что я тебе рассказал по телефону?

– О чем ты? Какой телефон? Когда мы последний раз с тобой говорили по телефону? Ты звонишь по телефону только тогда, когда тебе нужен какой-нибудь суперсекретный правительственный документ. А когда тебе ничего не надо, то твои чувства благодарности и такта беспробудно спят. Ты даже ни разу со мной не встретился. Ну и как мне расценивать твое появление здесь? Как знак внимания к моему новому платью?

– Оно очень красивое.

– Или к моим новым духам?

– О, ты знаешь, даже голова кружится от такого нежного запаха.

– Или, может, ты хотел сказать, что ты по мне очень соскучился?

– Я действительно по тебе соскучился.

– Ник, что ты хочешь? Тебе же всегда что-то надо! Что угодно, только не я! Ты не хочешь поцеловать меня, переспать со мной или еще что-нибудь! Ты просто хочешь, чтобы я сделала тебе одолжение, которое будет стоить мне работы.

– Но тут нет ничего сложного. Все очень просто. Это займет у тебя всего две минуты. Я же знаю, что у тебя это получится.

– Что там опять? Выкрасть бумажник у мистера Ютея? Вынести М-18 со склада оружия?

– Всего лишь набрать для меня пару номеров. Ты это сможешь. Тебе надо будет связаться с муниципальной компьютерной системой. Вот и все.

– Я сама знаю, что я могу, а что – нет, и не тебе давать мне советы. Ник, я просто не...

– Ты думаешь, я обратился бы к тебе, не будь это так важно?

– У тебя всегда все важно. Это всегда “еще одно маленькое одолжение”. Почему бы тебе самому не пойти к Хэпу Фенклу и не объяснить все? Он к тебе хорошо относится. К тебе все хорошо относятся.

– Ну... так просто не получится, поверь мне. Салли, мне надо, чтобы ты вошла в компьютерную систему городского регистра автотранспорта. Мне нужна фамилия... или номера... я даже сам не знаю.

– О чем ты говоришь?

– О такси. Разве я еще не сказал? Такси. Я ищу... э-э... и сам не знаю, как это назвать.

– Когда?

– Что – когда?

– Когда? Когда тебе это надо?!

– Я надеюсь... Я надеюсь, что ты позволишь пригласить тебя на ужин. Ну а потом, я надеюсь, ты позволишь отвезти тебя обратно в центр. Я надеюсь, что там ты поднимешься по ступенькам. И опять-таки надеюсь, что ты сделаешь это сегодня вечером.

– О Господи, Ник, тебя надо хоть чем-то вознаградить за такое бесстыдство! Сейчас ты превзошел даже самого себя!

– Салли... Я просто не могу сказать тебе, что это для меня значит, я не могу сказать тебе, для чего это нужно и с кем я сейчас иду вместе по одной дороге... Но я прошу тебя, поверь мне! Это очень важно!

– О Господи, Ник. У тебя есть двадцать пять центов?

– Двадцать пять?

– Да. Давай сюда. Жди.

– А зачем тебе?

– У меня на самом деле сегодня свидание. Придется отменить.

– Как? Ты же сказала... – Ник опешил. – А с кем?

– С Нормом Феспером.

– Господи, с этим адвокатом... Тогда давай звони. То, что ты сделаешь, гораздо полезнее для человечества, чем это свидание.

– И я так думаю! – с улыбкой ответила она и направилась к ближайшему автомату.

Джули держали взаперти в каком-то металлическом сборном домике. В комнате воняло ржавчиной и старой краской, но было тепло и сухо. У нее даже был телевизор. Еду приносили три раза в день. В принципе есть было можно. Ей приносили журналы, и каждые три дня кто-то, кого она ни разу не видела, менял постельное белье. С одиннадцати до двенадцати и с трех до четырех ей ежедневно устраивали длинные прогулки по безлюдным полям. Гуляя, она могла видеть вдалеке горы.

Рядом всегда находились двое охранников. Оба были латиноамериканцами и никогда не смотрели ей в глаза. Их отношение к ней можно было назвать равнодушной строгостью. Джули была практичная женщина и хорошо понимала, что ненавидеть их бесполезно.

– Где мы находимся? – спрашивала она. – В Виргинии или Мэриленде? Мне кажется, что это где-то на востоке.

Ей никто не отвечал. Но Джули знала, что, скорее всего, это было так, потому что уже наступали холода. Живя все эти годы в пустыне, она уже совсем забыла, что это такое. Но сейчас холод проникал ей в душу, от него не спасал толстый шерстяной свитер, который ей давали надевать на прогулки или во время сна. Когда она просыпалась, на стеклах был иней, воздух был сухой и хрустящий, а небо – до боли голубым.

В конце концов ее привели к какому-то мужчине с безжалостными глазами. Он был похож на помощника шерифа, которого Джули однажды видела после того, как тот убил троих человек. Она поняла, что сейчас перед ней один из тех, кто вполне заслужил ее ненависть.

– Где я нахожусь? На каком основании вы так обращаетесь со мной?

– Это не мы с вами так обращаемся, миссис Фенн. Это ваш друг Суэггер так с вами обращается.

– Это полнейшая чушь. Чушь, чушь, чушь. Боб Ли никогда бы не сделал мне больно.

– Я здесь не для того, чтобы обсуждать с вами эти вопросы. Боб Ли Суэггер преступник и убийца. Мы должны его арестовать. Он опасен для страны.

– Еще большая чушь. Боб Ли никогда не смог бы совершить что-нибудь порочащее его страну. Он воевал и проливал за свою страну кровь во Вьетнаме, где был тяжело ранен. Он любит свою страну.

Мужчина терпеливо ждал, когда она закончит, потом сказал:

– Боб Ли Суэггер покушался на президента своей страны. Он крайне опасен. Его надо остановить. Мы используем вас, чтобы остановить его раз и навсегда. Это наш долг перед этой страной.

– Я не знаю, кто вы и почему вы так со мной поступаете, но, когда я слышу слова “долг” и “эта страна” из ваших уст, мне хочется плюнуть вам в лицо. Мне кажется, что вы просто-напросто банда гангстеров и вам надо спасти не эту страну, а свою шкуру.

– Вы находитесь здесь для того, чтобы помочь нам остановить Суэггера. Вот и все, что нам от вас надо. Я предлагаю вам добровольное сотрудничество. Мне бы не хотелось, чтобы вы ненавидели меня. Было бы лучше, если бы вы все-таки согласились сотрудничать со мной и с вашей страной.

– Вы и моя страна – это не одно и то же.

– Я и есть ваша страна, – возразил он. – Я – та часть вашей страны, которая выступает за то, чтобы все было сделано по закону и так, как надо.

– Послушайте, если вы думаете, что, даже используя меня, вам так легко удастся заполучить Боба Ли Суэггера, то тогда вы самый настоящий дурак.

Это была явная бравада. Джули понимала, что он далеко не дурак, и искренне жалела, что это так. Их было слишком много: ужасный отвратительный коротышка Пайн, весь в татуировках и шрамах, с маленькими поросычьими глазками, похожие на роботов латиноамериканцы и несколько белых – все вооруженные до зубов, подтянутые и сильные. Как Боб Ли Суэггер сможет противостоять всей этой силе? Он был обыкновенный человек, а она слишком хорошо знала, что случается с обыкновенными людьми в таких обстоятельствах. Они снова отнимут у нее Боба.

– Как вы меня нашли?.. – Добблер выглядел совершенно растерянным.

– У меня еще остались кое-какие друзья в этих краях, сэр. Они передали мне, что какой-то человек, похожий на педика, спрашивает обо мне на улицах. – Ответив, Боб надолго замолчал.

Они были в пути уже несколько часов. Боб увозил Добблера на своем пикапе все дальше и дальше в горы. Они ехали по пыльным безлюдным дорогам, по еле заметным тропам, чуть ли не сползая в воду по скользким берегам рек, взбирались на крутые, почти отвесные, скалы. То там, то здесь им попадались старые брошенные у дороги трейлеры или обветшалые хижины. На одном из поворотов из-за горных вершин прорвался яркий луч света и перед Добблером в цветах и красках открылся весь окружающий его мир: высокие, зеленые шапки жестоких, безжалостных гор, леса и долины. Он вздрогнул. Ужасное место.

В конце концов, он не выдержал:

– Несколько дней назад вы... вы убили очень много людей.

– Да, но они то же самое собирались сделать со мной.

– Я знаю о вас все. Я изучал вас в течение нескольких месяцев.

– Да и я вас припоминаю, – неожиданно откликнулся Боб. – Там, на стрельбище в Мэриленде. Вы все время смотрели на меня, небось думали: “Ну и типчик!” Для вас я был не больше, чем дикий невоспитанный медведь.

– Вы поразительный человек. Вас же преследовала одна из самых безжалостных и мощных разведок мира, полностью укомплектованная бывшими сотрудниками ЦРУ и военными. А вы их всех уложили. Те, кто остался в живых, элементарно могут вас уничтожить, но все равно в общем вы победили. И они это тоже понимают. Вы их разбили.

Боб плюнул в окно.

– Пока еще нет, – сказал он, – все закончится только тогда, когда я уложу в пластиковый мешок для трупов вашего полковника Шрека, а рядом с ним его приятеля Пайна. И верну себе то, что они у меня украли. Мою женщину. Кроме того, мне надо смыть позор со своего имени. Ну ладно, а теперь выкладывайте, какого черта вы сюда приперлись?

– Вообще-то, по двум причинам. Первая – потому, что их надо остановить. А вторая – потому, что вы единственный, кто может это

сделать.

– Они платили вам за вашу работу слишком долго. Не поздновато ли перебежать на другую сторону в игре?

Добблер открыл свой дипломат:

– Здесь, на этой пленке, записано все, что они натворили. Мне неизвестно, кто это записывал, но кажется, тут замешаны какие-то шпионские тайны. Меня втянули в это дело, совсем ничего не объяснив. Вы знаете, что все это значит?

– Я знаю даже больше, чем вы думаете.

– Да, конечно. Вы просто обязаны знать. Вы знали все с самого начала. Ну так вот, я просмотрел эту пленку. Этого было достаточно.

– И что же на ней?

Доктор сделал паузу, потом промолвил:

– Освенцим в джунглях.

В начале одиннадцатого Салли дала понять, что гастрономическая часть ужина закончилась.

– Ну что ж, неплохо. Ужин был просто прекрасным. Ты был очень любезен и внимателен. Я никогда в этом не сомневалась. Но тебе еще нужны эти номера, да? Ты заставляешь меня отплатить тебе за чару приятных часов, проведенных вместе. Придется сделать тебе одолжение.

– Разве я на этом настаивал? Мы говорили об одолжении?

– О-о! О чем мы только не говорили! И о твоём юридическом факультете, и о моей несостоявшейся помолвке с Джеком Феллоузом, и о том, почему я уехала из Каппы на Оле Мисс тогда же, когда расстроилась наша с Джеком помолвка, и о том, когда ты последний раз спал с женщиной, – обо всем этом мы с тобой довольно-таки приятно поговорили. А шесть минут назад, мне кажется, мы говорили о моей безумной любви к Сэму Хоксу, который в школе был футбольным защитником.

– Да...

– Итак, время истекло, и ты уделил мне все внимание, которое у тебя было отведено для этого. Да, вот он – весь ВТД Ник, Весь Такой Деловой Ник, как называют тебя у нас все женщины. Все эти годы, пока рядом с тобой была больная жена, ты даже ни разу не взглянул ни

на одну из нас! Такие мужчины, как ты, большая редкость. Это говорю тебе я. Ну ладно, пошли, проверим твои номера, ВТД Ник.

– Пошли.

Ник оплатил счет, и они вышли к зданию Управления.

– Так, и что же мне там искать?

– Я хочу, чтобы ты просмотрела все муниципальные лицензии на право вождения такси, выданные за последние два года. Сначала по номерам. Я ищу номера с буквами “Р” и “О”, потом пропуск, “Д”, “О”, что-то в этом роде.

– Гм, не так много.

– А потом просмотри по фамилиям и именам. Все лицензии. Мне нужны те, что начинаются с “Ром” или “ДО” или наоборот, на них заканчивающиеся. И естественно, все комбинации с “РОМДО” или “ДОРОМ”.

– Ник!

– Ну что?

– Ник, какого черта...

– Я думаю, что человек, который хотел меня найти, зашифровал в этих словах ответ. Первая моя мысль была, что это название какой-нибудь организации. Но теперь я понял, что это не так. Этим он хотел показать мне, где и как он спрятал то, что собирался мне передать. Единственное место, где он мог это спрятать, была та машина, которая и привезла его на свидание с собственной смертью. Поэтому он либо запомнил фамилию и имя водителя такси, либо номер самой машины. Понимаешь, он так или иначе должен был все равно запомнить эту машину, поэтому...

– Хорошо, я попробую. Но обещать ничего не могу.

Она вдруг наклонилась вперед и поцеловала его в щеку. Ник опешил.

– За что?

– За то, что ты такой зануда, – улыбнулась она и, махнув ему рукой, вошла в здание.

Ник ждал. Дважды проезжавшая мимо полицейская машина притормаживала и освещала его фарами, но его невозмутимое бледное лицо, плащ и дорогой галстук сами по себе служили для полицейских подтверждением его респектабельности, и они проезжали мимо. На улицах уже давно никого не было. Он знал, что внутри здания работа

идет, ФБР никогда не спит. Ему казалось, что он видит сквозь стены фигуру Салли, склонившуюся над компьютером, даже слышит мерное жужжание работающих электрических приборов. Ник знал, каким странным может быть спокойствие этого здания ночью – таким, наверное, бывает только вечный покой под могильной плитой на кладбище. Первый год работы здесь он часто проводил в ночных дежурствах, поэтому он как никто другой чувствовал тишину и спокойствие никогда не засыпающего здания. Наконец она появилась. Но по дрожи в ее голосе Ник понял, что результаты были неутешительные.

– Ну что, какие новости? – спросил он.

– Ник, я пыталась несколько раз. Но, по-моему, мало что получилось...

– Ты что-нибудь выяснила?

– Во-первых, с номерами вообще ничего не вышло. Все номера машин просто-напросто обозначены цифрами, там нет никаких букв. Ни один номер такси не начинается с буквы “Р”.

– Черт побери, правильно! Мне кажется, я даже знаю почему.

– Я пробовала всякие комбинации цифр... – продолжала Салли.

– О’кей. Это вопрос снимаем. Что с именами? Имена-то ты принесла?

Она протянула ему распечатку. Ник приоткрыл дверцу машины, чтобы в кабине зажегся свет.

– Не густо, – вздохнула она, – и к тому же малообещающе. Два имени и одна фамилия, которые начинаются с “РОМ” и в которых другая часть начинается с “ДО”.

– Черт, – выругался Ник, чувствуя себя полным идиотом.

– Ник, не принимай это так близко к сердцу.

– Да нет, я просто...

Но он не закончил. Он посмотрел в один конец пустынной улицы, потом в другой. Неужели еще одна ошибка?

Он снова взглянул на имена.

РОМНЕИ ДОНАХЬЮ РОМАН ДОХЕНИ Д’ОРЛИ РОБАРДС

Больше ничего не было.

– О Господи... – Ник был почти в отчаянии.

– Все плохо?

Он кивнул.

– Ты принесла мне как раз то, что я и просил. Но... почему он написал только часть имени и часть фамилии? Я просто не могу никак... – Ник замолчал.

Все его мысли и логические умозаключения по поводу последнего послания Эдуарде Ланцмана неожиданно испарились. “Ладно, – подумал он. – Здесь действительно что-то очень хитрое и непростое. Надо еще раз все проверить, просмотреть имена, сверить номера машин...”

– А остальные имена?

– Должны быть на другой стороне. Я выбрала всех водителей, чьи фамилии начинаются с “Р” или “Д”, а потом чьи имена начинаются с этих букв. Это я их разделила так. Если тебе не нравится...

– Нравится. Понимаешь, я вижу их, я вижу эти буквы на линолеумовом полу, на плитках, вижу, как они исчезают в луже крови... – Внезапно остановившись, Ник уставился на распечатку.

– Ник! Ник, с тобой все в порядке? Ник, что происхо...

– Боже милостивый! Не может быть! – Он показал ей на какое-то имя. – А если кровь слилась в некоторых местах и соединила буквы там, где они совсем не должны быть соединены? Может быть, он умер, не успев дописать?

– Я не...

– Смотри, Салли, смотри... Он написал имя, но две последние буквы слились в самом верху.

Ник чувствовал, что это именно то сенсационное открытие, которое бывает, может, раз или два за всю карьеру, когда по воле случая или в результате интуитивной догадки все сходится и становится на свои места.

– “Н” и “И” были в конце этого имени. Они слились и получилось “М”. Тогда он написал средний инициал и почувствовал, что уже не может дописать фамилию до конца. Вот теперь смотри.

Он ткнул пальцем в распечатку. Там было написано: “РОНИ Д. ОВИЦ. Сан-Кэб, штат, 5508, Сент-Чарльз-авеню”.

Это была замечательная работа. Шрек был восхищен.

Управление картографии министерства обороны создало настоящий шедевр. Воспроизведенные в пластике, перед ним были уменьшенные вершины, горы, хребты и долины Уошито. Длина макета

была двадцать футов, ширина – почти шесть. На рельефной карте, окрашенной в зеленый цвет точно в тех местах, где спутник заснял леса, длинный горный хребет, разветвляясь, образовывал целую сеть лабиринтов-головоломок. Здесь было все: Черный Шип, Ветряная Ступень, гора Штык, Долина Большой сделки...

– Ну, как вам, мистер Скотт? – спросил Шрек. Человек в инвалидной коляске наклонился вперед, и его острый снайперский глаз вонзился в стоящий перед ним макет.

– Пространство... – произнес он. – Мне нужно большое пространство.

– Попробуем поменяться. У нас есть женщина, у них кассета Добблера. Они захотят произвести обмен. Мы согласны поторговаться. Возьмем ее с собой и вытащим их при помощи этой приманки.

– Не беспокойтесь ни о чем, – промолвил Лон. – Дайте мне возможность сделать этот выстрел, и я гарантирую вам, что не промахнусь.

– Мистер Скотт, – сказал полковник, – простите меня за невоспитанность, но быть вежливым или воспитанным не мое дело. Вы будете выступать против настоящего боевого снайпера. Вы абсолютно немобильны. Простите, но у вас нет ног. Может так случиться, что вам придется стрелять под его огнем. А вы... неподвижны. Он может двигаться, а вы – нет. А что, если он нас убьет или вам придется отступить? Вы останетесь один, парализованный и беспомощный. Вам некому будет помочь. Вам ничего не останется, кроме как умереть.

Скотт выдержал долгий, пристальный взгляд полковника. Аристократическая голова и сильные плечи на столь немощном и убогом теле! Шрек до сих пор не мог к этому привыкнуть.

– Понимаете, полковник, вы подарили калеке шанс, которого не было ни у одного калеки в мире: вы дали мне шанс побывать на войне. – Он печально улыбнулся. – Вы дали мне возможность проверить себя в поединке с великим соперником. Вы дали мне шанс почувствовать себя человеком, пусть всего на несколько секунд... И я хочу этим воспользоваться.

Шрек, помолчав, ответил:

– Я не знаю, кто вы, мистер Скотт, и что вы там натворили за всю свою жизнь, но я вам честно скажу – вы мужественный человек.

В Сан-Кэбе у них чуть не опустились руки. Сначала им сообщили, что Рони Д. Овиц, израильский эмигрант, два месяца назад был ранен в шею во время ограбления. Его такси оказалось поблизости. Несмотря на касательное ранение, в общем, не принесшее ему никакого вреда, он бросил такси и ушел работать к своему двоюродному брату продавцом в престижный загородный магазин. Но его машина все еще находилась в собственности Сан-Кэба. По документам ее сразу же разыскали: она оказалась в одном из кварталов города, где на ней уже работал другой таксист.

Диспетчер, столкнувшись с двумя людьми, у которых были удостоверения ФБР и очень серьезные лица, колебаться не стал. Он вызвал машину и через минуту сообщил, что она сейчас находится во французском квартале и будет здесь через десять минут.

– Ну, что там у тебя опять, Чарли? – Таксист был настроен не очень дружелюбно.

– ФБР. Два агента ФБР. Они...

– Эй, я ничего такого не делал...

– Успокойся, старина, все в порядке, – сказал Ник как можно спокойнее. – Тебя это не касается. Это касается машины.

– Этот старый тарантас вечно приносит неудачу! Рони Овица тогда чуть не угробили, а перед этим Тима Района убили прямо в нем...

Но Ник его не слушал.

О'кей. Вот он сидит на заднем сиденье. Он знает, что его преследуют. У него всего несколько секунд. Что он сделает? Багажник? Но как он откроет багажник? Нет, в багажник он это не спрячет. Под переднее сиденье? Нет. Таксист может заметить, что он там что-то прячет, и вытащить это после его ухода. Извинившись перед Салли, Ник залез в кабину автомобиля. Это был "форд-фэрлэйн" 1987 года выпуска. Он уселся поудобнее, закрыл глаза и вдохнул запах старой краски и резины, какой-то безликий кислый дух, оставшийся здесь от тысячи других пассажиров, сильную вонь бензина и масла и, как ему показалось, легкий, похожий на медь, душок страха. Страх Рони Овица и Тима Района. К тому времени, когда они подъехали к отелю, Ланцман наверняка уже знал, что он не жилец на этом свете, поэтому здесь был запах страха и Эдуарде Ланцмана.

Он должен был быть хладнокровным. Он понимал все до своей последней минуты. И держался. Неизвестно, что им руководило –

патриотизм, вера или мужество, – все равно это было сильное и прекрасное чувство. Да, он был настоящий мужчина. Таких мало... Ник вылез из машины, решив посмотреть на нее с другой стороны. Заглянув внутрь, он оперся рукой о край сиденья и почувствовал, как упругое, пружинящее покрытие у него под рукой вдруг куда-то ушло. Не удержавшись, Ник упал сверху. Под опрокинувшимся сиденьем он обнаружил целую гору самого обыкновенного мусора. Здесь были обертки от конфет, сигаретные пачки, расчески, ручки, монеты по двадцать пять центов, значки, две игральные карты, визитки и небольшой рулон тяжелой бумаги.

– Ник, – склонилась над ним Салли, – это оно?

Ник поднял рулон. Осторожно развернув его, он увидел, что это особый тип секретной светочувствительной бумаги, которая используется при копировании фотодокументов. Он сразу же свернул рулон обратно, опасаясь, что на бумагу может попасть свет. Достаточно было поддержать эти материалы на солнце всего один час – и от них бы ничего не осталось. Скопировать их было невозможно. Этого не мог никто, разве что гении из легендарной лаборатории ФБР по обработке документов. Сначала шло письмо на испанском, адресованное какому-то генералу Эстебану Гарсия де Раджиджо. “Четвертый воздушно-десантный диверсионный батальон Первой бригады Первой дивизии (“Акататл”), Сальвадорская Армия”. Внизу стояла подпись Хью Мичама. В письме говорилось, насколько позволили понять Нику его скудные познания в испанском, что то дело, о котором они условились устно во время их последней встречи, было выполнено одной весьма серьезной организацией, с которой сам генерал очень хорошо знаком, и что в интересах обеих сторон закончить все это дело как можно скорее. Автор также брал на себя смелость и прилагал некоторые основные документы операции – совершенно секретные, – чтобы генерал мог сам убедиться в том, что этим делом занимались очень серьезные и профессионально подготовленные люди, и не предпринимал в дальнейшем никаких самостоятельных шагов, дабы не принести вред тому делу, которому они оба так свято и нерушимо служат. Ник поднес документ поближе к глазам, чтобы разобрать надпись в правом верхнем углу.

Это было Приложение Б.

Глава 35

Когда Лон не был занят стрельбой, он изучал карту. Здесь, в штабе Рэм-Дайн, который располагался в металлическом сборном доме в центре штата Виргиния, были созданы все условия для такой работы.

Начал он с тренировки памяти. Разделив весь макет на квадраты, он пытался каждый из них в отдельности проанализировать в своем мозгу. Он работал медленно, не спеша, шаг за шагом изучая все особенности гор и долин, тщательно взвешивая все “за” и “против”, прежде чем перейти к следующему квадрату. Сидя в своем инвалидном кресле, он задумчиво рассматривал пластиковый макет, легонько постукивая пальцами по своему большому животу.

Запомнив весь макет до самых последних мелочей, так, что он даже стал ему сниться ночью, Лон приступил к выбору места и просчету линий огня. Ему нужны были определенные расстояние, высота, открытая точка обзора, солнце за спиной, никаких поперечных ветров и максимум естественной маскировки. Одно за одним проверял он выбранные им несколько мест по этим показателям, сравнивая все положительные и отрицательные стороны.

Когда Лон Скотт работал, на его лице не было никаких эмоций. Это было спокойное, безрадостное лицо типичного янки из Новой Англии, лицо человека, который звал, что такое смерть, потому что сам представлял собой наполовину труп.

Наконец, после нескольких дней серьезного изучения карты, он позвал полковника Шрека.

– Вот здесь, – сказал он. – Я выбрал это место.

Его палец коснулся точки в глубине долины, расположенной в середине гор Уошито, неподалеку от города Блу-Ай.

Шрек наклонился прочитать название под пальцем Скотта, которое уползло на другой скат гребня. “ДОЛИНА БОЛЬШОЙ СДЕЛКИ” – было написано там.

Добблер был поражен тем, как просто нашел его Суэггер. По натуре самоуверенный, он полагал, что Боб будет восхищен его подвигом, засыплет его вопросами и, вообще, очень обрадуется. Но

Суэггер по-прежнему молчал, и Добблер сам стал изливать ему душу, его как прорвало. Он все говорил, говорил и никак не мог остановиться, исповедуясь Бобу во всех своих грехах, слабостях, страхах и ошибках. Даже всплакнул, радуясь в душе тому прекрасному представлению, которое сам разыграл.

Боб изучающе смотрел на него и ничего не отвечал.

– Чем я могу быть вам полезен? – приставал Добблер. – Скажите, и я все сделаю.

Боб не обратил на эту реплику никакого внимания.

– Вы мне не доверяете? – допытывался Добблер.

– Не в этом суть.

– Почему вы меня ни о чем не спрашиваете?

– Вы уже достаточно сказали. Вы сказали даже больше, чем нужно.

– Неужели вам не интересно узнать, что думает Шрек? О его отношениях с Пайном? Неужели вы не...

– Вы можете сказать мне, как их убить?

– Э-э... нет, наверное.

– Тогда вы не можете сообщить мне ничего интересного.

– Но есть еще много...

– Вам кажется, что то, что вы мне сейчас рассказали, очень важно.

Но для меня вся ваша информация не играет никакой роли, потому что она не даст мне через неделю никакого преимущества. Приберегите ее для Мемфиса, он вас выслушает. А теперь оставайтесь здесь и никуда не ходите, понятно? Вы теперь превратились в еще одну проблему, которую мне придется решать.

Это было только начало. Боб отправлялся вместе со своей винтовкой неизвестно куда на несколько часов, оставляя бедного Добблера одного в закрытой хижине. Бобу не пришлось долго объяснять Добблеру, что ходить одному в этих глухих краях значит просто добровольно подвергать свою жизнь смертельной опасности.

В хижине было холодно. Добблер дрожал с утра до вечера, но, когда он подбрасывал в огонь очередную порцию дров, Боб ему строго напоминал:

– Если вы не прекратите эти штучки, я устрою вам камин в вашей собственной голове.

Делать было нечего. Время шло. Добблер испытывал ужасный дискомфорт из-за отсутствия здесь удобств цивилизации. Он был в

отчаянии от того, что здесь нет туалета и туалетной бумаги, что ему все время приходится ходить в одних и тех же носках и в том же нижнем белье. Он ненавидел вонь своего собственного пота и поражался, почему это он всегда грязнее, чем Боб. Однажды вечером, когда в лесу уже почти стемнело, с шумом распахнулась входная дверь.

Добблер в ужасе вскочил, будучи в полной уверенности, что их накрыл один из рейдовых отрядов полковника. Но он ошибся. Перед ним стоял широкоплечий молодой человек с короткими светлыми волосами. На нем был помятый костюм и плащ, под которым, казалось, по меньшей мере, четыре пистолета. Выражение на его лице не сулило ничего хорошего. Наверное, это Мемфис, догадался доктор. Так оно и было. Добблер улыбнулся, стараясь понравиться новому человеку.

– А это что еще такое? – поинтересовался Ник, показывая на него.

– Говорит, что работал на Шрека. Перешел на нашу сторону, потому что, видите ли, раньше не знал, что эти люди – нацисты. Он притащил с собой видеокассету с записью их зверств.

– Вы кто такой, сэр? Вы действительно работали на Шрека? – обратился Ник к доктору.

– Меня зовут Дэвид Добблер. Я выпускник университета Брандейса и медицинского факультета Гарварда. Я практикующий психиатр, хотя несколько лет назад меня лишили этого права...

– Это тот умник, который еще в Мэриленде держал меня за подопытного кролика.

– А, вот оно что!

– Как я уже рассказывал мистеру Суэггеру, я совсем недавно обнаружил, что все операции Рэм-Дайн проводились не в национальных интересах, как мне это говорили, а в интересах жалкой группы бандитов и подлецов. Действительно, я почувствовал...

– Все это чепуха, сэр, – сказал Мемфис, у которого был особый дар полицейского моментально замечать слабости человека и уметь их максимально выгодно для себя использовать, – скорее всего, вы обнаружили нечто такое, за что Шрек, если бы узнал, наверняка бы вас убил... И наверное, он так и сделает.

– Да, он мог бы убить... У меня есть улика... Бойня...

– Улика, – фыркнул Ник, – мир полон улик!

– Это визуальное доказательство. Оно записано на видеокассете.

Боб кивнул на кассету, небрежно брошенную на камин.

– Он говорит, что там все заснято.

– Да, это так ужасно... – Добблер казался взволнованным. – Женщины, дети, все в воде... Из пулеметов... смеющиеся солдаты, их командиры – одни американцы...

– И что, Шрек тоже там есть? На кассете? – удивленно спросил Ник.

– Да. И коротышка Джек Пайн тоже. Они там все командуют. Там еще сальвадорский генерал. Это все...

Ник повернулся к Бобу:

– Кассета наверняка нам пригодится. Именно это и было мотивом убийства архиепископа. С этими данными мы можем надеяться, что вновь будет проведено расследование, и не исключено, что обнаружится еще кое-что любопытное.

Боб на секунду задумался:

– Поговори с ним сам. Узнай, что он действительно может предложить. Я пока выйду, а то вы, умники образованные, мозолите мне глаза, как пара свиней, которые в сухую погоду наконец-то нашли большую лужу.

Потребовалось некоторое время, прежде чем Ник и Добблер, бывшие поначалу непримиримыми противниками, нашли общий язык. Боб ушел куда-то со своей винтовкой, и, пока они тут разговаривали, где-то вдалеке раздавались одиночные выстрелы. Когда Суэггер вернулся, Ник заметил, что он явно не в духе.

– Ну и что ты узнал, Мемфис? – спросил он.

– Вот смотри, с его кассетой и моим Приложением мы вполне можем их уничтожить и доказать, что ты невиновен.

Но Боб, ничего не ответив, прошел в комнату, где у него хранились смазочные и протирочные материалы, и начал тщательно и аккуратно чистить ствол винтовки.

По его внешнему виду нельзя было сказать, что он категорически против аргументов Ника, но все-таки на лице у него мелькала тень неудовольствия.

Ник подошел к нему, держа в руках кассету и рулон:

– Вот Приложение Б. Оказывается, это просто расширенная копия файла ФБР в исполнении ЦРУ. Здесь чуть больше материалов о Рэм-Дайн и указаны все имена, которые опущены в файле ФБР. Факты все

те же самые. Рэм-Дайн была образована в 1962 году, сразу после событий в Заливе Свиней. Кто стоял у истоков создания этой организации? Думаю, это было детище кого-то из бывших сотрудников ЦРУ, активно участвовавшего в планировании и проведении вторжения на Кубу. Но, когда операция провалилась, он первый стал расправляться с неудачниками.

– Да, – поддакнул Добблер, – Залив Свиней – это явная демонстрация бессилия, проигрыша, слабости нервов. А они очень не любят проявления слабости и свидетелей...

– Естественно, – добавил Ник.

Добблер продолжал:

– Залив Свиней – это было только начало ослабления Америки. Это было начало компрометирования ее облика, изменения самого образа мысли, увиливания и обмана. Кстати, и операция против вас была спланирована не на честном противоборстве, а на использовании ваших собственных слабостей и недостатков.

– Ее название взято тоже оттуда, из Залива Свиней, – перебил доктора Ник. – Рэм-Дайн, большая “Р” и большая “Д”. Согласно существовавшему тогда фонетическому алфавиту, это означало “Ромео Дог”, что соответствовало позывным Второго батальона Двадцать шестой бригады, которая высадилась на Ред-Бич. Может быть, название Рэм-Дайн в какой-то степени символизирует прошлое и олицетворяет надежду на будущее? Кажется, так вы говорили, док?

– Это были фанатики, – сказал Добблер, – искренне верившие в это. Они надеялись восстать из руин, как Гитлер. Это было их путеводной звездой. Только непонятно к чему.

Боб молча слушал, продолжая чистить ствол винтовки. Периодически он смотрел его на свет и повторял все снова.

– Боб, мы можем их засадить. В тюрьму. Это будет вполне счастливый конец. Справедливость восторжествует. – Ник никак не мог успокоиться.

– Он прав, мистер Суэггер, допущены ужасные ошибки, – не замолкал Добблер. – Но мир все равно стремится к порядку. Для нас это вполне подходящее решение.

Боб хмуро посмотрел на них.

– Это все слова, – наконец вымолвил он. – Во Вьетнаме у нас была поговорка: “Не надейся на авось!” Сейчас как раз тот случай. Все ваши

слова не имеют никакого смысла.

Он вынул шомпол, отсоединил ствол от затвора и стал чистить газовую камеру, затворную раму, сам затвор и ударно-спусковой механизм при помощи протирки и ершика, относясь к этой процедуре самым серьезным образом.

– Но у нас же все есть! – взорвался Ник. – Или почти все! Я не знаю, какие задачи Рэм-Дайн ставила перед собой в начале шестидесятых, скорее всего, это уже теперь останется тайной истории, но потом она стала выполнять различные нелегальные задания ЦРУ по поставке вооружения и военного снаряжения в разные горячие точки. Серьезные политические операции начинаются, похоже, с момента увольнения из армии Шрека и его прихода в Рэм-Дайн с целью создания более оперативного и тренированного подразделения. Видимо, ему все-таки удалось создать нечто похожее на “зеленые береты”. Эти люди действительно воевали и кое-что повидали на своем веку. В начале семидесятых они были в Африке, в конце семидесятых и начале восьмидесятых – на Ближнем Востоке, позже довольно долго в Центральной Америке. Когда в какой-нибудь слишком спесивой банановой республике возникала необходимость в применении силы, а не мозгов, Рэм-Дайн сразу же с готовностью высылала туда своих опытных головорезов. Но таких вещей, как в прошлом году на реке Сампул, эти мерзавцы еще не вытворяли! Они об этом когда-нибудь говорили, доктор?

– Нет. У них идеальная военная дисциплина. Я сам ничего не знал до тех пор, пока не увидел кассету. А это дело с архиепископом... Они говорили, что он замаскировавшийся коммунист, который подрывает стремление мира к прогрессу и процветанию; что его надо остановить, чтобы достигнуть хоть какого-то перемирия; что он противник этого перемирия.

Ник наклонился к Бобу:

– Вот главное. Двести человек, большинство из них женщины и дети, – все были расстреляны там, что совсем не ошибка и не случайность. Это и есть тайна реки Сампул. Они сознательно планировали всю операцию. – Ник на мгновение остановился. Наконец-то ему удалось привлечь внимание Боба. – Вот чем их можно взять. Только Приложение Б достойно внимания. С его помощью можно убрать Шрека, Пайна и всех этих сволочей, неужели ты не

понимаешь? – Он протянул Приложение доктору. – Здесь есть докладная записка Шрека какому-то высокопоставленному лицу. Фамилия зачеркнута, что еще раз говорит о том, как эти тузы защищены. Датирована 2 мая 1991 года. Послана по дипломатической почте США из посольства в Сальвадоре. Читайте, доктор.

Добблер взял в руки документы.

“Только на основании наблюдений!

Вашингтон, округ Колумбия.

Место отправления: батальон “Пантеры”, тренир. база Окалупо, Сальвадор.

Генерал де Раджиджо согласен с тем, что против мирного населения должны быть предприняты решительные меры. Однако он считает, что его солдаты, набранные из таких же слоев населения, еще морально не готовы к подобной операции. Мои инструкторы изолировали два взвода батальона “Пантеры” и уже достигли реальных результатов в воспитании у них мужества и решительности. Мы выступаем в район реки Сампул в июне и проведем в этом районе первую операцию по борьбе с партизанами. Ускорьте подготовительную программу, чтобы приблизить эту дату.

Раймонд Ф. Шрек”

Наступила тишина.

– Понимаешь, – нарушил молчание Ник, – какой-нибудь кабинетный гений сидит себе размышляет, изо всех сил пытаясь придумать, как ему привлечь партизан к переговорам. Но на них никак нельзя надавить. Ничего не поделаешь. Они слишком тесно контактируют с местным населением. И тут у этого грамотея возникает идея: а не послать ли в этот район несколько боевых подразделений с заданием: деревни – спалить, а местных жителей – расстрелять. Вся эта бойня была заранее подготовлена и разыграна, как по нотам. Смысл был в том, чтобы до смерти запугать всех остальных жителей и навсегда отбить у них желание снова помогать партизанам. А тем в такой ситуации ничего не останется, как пойти на переговоры. Но самое ужасное, что вся эта система сработала! И этот подлец сидит где-то и гордится, что он такой умный, что все у него получилось. Мол, он сделал невозможное, он, видите ли, сделал мир лучше. А цена пустяковая – двести женщин и детей. Вот это и есть

Рэм-Дайн, не так ли, доктор? Я считаю, что это классическое проявление Рэм-Дайн.

– Да, они способны на все, – подтвердил Добблер. – И на пленке это все снято.

– В любом случае, – продолжал Ник, – с кассетой и Приложением Б Шреку конец. Все, их корабль, считай, тонет, и любой, кто попытается его спасти, включая тот же Комитет Лансера, на каждом шагу прикрывающийся национальными интересами, пойдет на дно вместе с ним.

Боб грустно покачал головой.

– Тут вот еще что имеет значение, – не останавливался Ник. – Эта вещь была послана в Вашингтон до операции против архиепископа. Может быть, кого-то хотели предупредить о готовящейся кровавой бойне. Но в любом случае, когда все это дерьмо всплывет, вонь такая поднимется, что Уотергейт и “иран-контрас” покажутся по сравнению с этим делом детскими забавами. И тогда ты уже будешь вне подозрений и у тебя не будет проблем... а может, и будут...

Боб был занят делом. Он взял баллон с аэрозолем “Ган Скраббер” и начал распылять раствор на внутреннюю часть ствольной коробки и ударно-спусковой механизм.

– Все это не важно, – сказал он.

– А теперь наш план, – начал Шрек. – Он очень прост. Вот как мы заманим Боба в зону огня Скотта. Скотт говорит, что сумеет выстрелить с такого расстояния, с которого это практически сделать невозможно, и никто, даже Боб, в это не поверит. Место встречи должно быть удалено на расстояние от тысячи пятисот до тысячи семисот ярдов. Где-то миля получается. Он будет стрелять на грани возможного. Так не стрелял даже Боб. В этом наше преимущество, и мы им воспользуемся.

Пайн подался вперед, чтобы лучше слышать. Шрек продолжал:

– Скотт независимо от вас прибывает в заданный район за день до нашего приезда. В Блу-Ай он не показывается, поэтому никто не увидит и не узнает, что он здесь. Никто не поверит, что инвалид сможет забраться так далеко в горы без посторонней помощи. За ночь до операции он спустится десантом с большой высоты и раскроет парашют близко от земли. Это произойдет в долине Большой Сделки.

Вместе с ним высадится Николетта с вездеходом. Николетта будет его ногами, он доставит его к горному хребту и засунет в паучью нору. Тем временем наша операция будет близиться к завершению, то есть к обмену. У нас будет женщина. У Боба – кассета. Для него эта женщина значит больше, чем для нас – кассета. Мы установим с ним контакт, как он сам назначил, в Блу-Ай и предложим женщину в обмен на кассету.

Пайн тоже выбрал бы женщину.

– Итак, мы предложим ему женщину и наши условия обмена, – объяснял дальше полковник. – Скажем ему, что это должно произойти в таком месте, где он не сможет проследить за нами. Боб сделает вид, будто согласен, но верить этому, конечно, нельзя. Потому что, если Суэггер пойдет на обмен, он потом догонит нас и убьет. Но он этого не сделает до тех пор, пока у нас женщина. Вот в чем смысл. Мы должны его опередить.

– Ну а как будет происходить обмен? – спросил Пайн.

– Скажем ему, что, хорошо зная его снайперские способности, мы очень опасаемся, что он может убить нас с большого расстояния. Не хотелось бы предоставлять ему такую возможность. Третьего ноября в десять утра мы выпустим в небо красную ракету. Боб сориентируется и через час будет возле нее. Найдя ракетницу, он выстрелит в небо ответной ракетой. Таким образом мы будем знать, где он находится. Мы выстрелим тогда еще раз. Ему опять потребуется час, чтобы дойти до этого места. Там будет следующая ракетница, и Боб снова сообщит нам, что он на месте. Таким образом мы проведем его по горам. У него не будет ни времени, ни возможности останавливаться или идти обходными путями, чтобы выследить нас. Маневрируя, мы приведем его в долину Большой Сделки. Он уже устанет. Мы будем ждать его посередине долины. Там, по идее, он почувствует себя в безопасности, потому что до ближайшей точки, с которой можно произвести выстрел, будет не менее тысячи пятисот ярдов. Сам он никогда не стрелял на такое расстояние, поэтому не поверит, что кто-то сможет сделать это. Но как мы дадим знать нашему старику Скотту, что пора стрелять? Мой план таков. За сто ярдов до встречи с нами Суэггер посылает вперед Мемфиса с кассетой, а навстречу ему идешь ты. Понял, Пайн? Когда я вижу, что с кассетой все в порядке, я нажимаю на своих часах кнопку. У Скотта будет радио, в котором в этот момент

прозвучит сигнал. Услышав его, Скотт убирает Боба. А мы с тобой будем разбираться с Мемфисом. Вот и все.

– А женщина?

– Пайн, это глупый вопрос.

– Действительно, – ответил Пайн.

Ник в недоумении смотрел на Боба. То, как Боб прореагировал на все сказанное, сбило Ника с толку. Но потом он наконец понял, что Боб имеет в виду.

– Как это – не важно?! – возмутился он. – Ты что, издеваешься? Еще как важно! Ты же невиновен! Это все доказывает твою невиновность! Ведь государственная машина может работать, только если построена на основе соблюдения законности: невиновный – свободен, виновный садится в тюрьму. Это же Америка! На карту по...

Боб отложил в сторону баллон с протирочным раствором:

– Малыш, здесь дело не просто в том, чтобы снять с меня подозрение и доказать, что я невиновен. Здесь затронуто нечто большее и совсем другое. У меня была женщина, которая сделала меня счастливым. Теперь она игрушка в руках Пайна. У меня была собака, которая любила меня так, как никто другой в мире. Теперь она убита. У меня была страна, которая сейчас думает, что все, кто был во Вьетнаме, – это просто-напросто сумасшедшие снайперы, готовые в любой момент совершить покушение на президента, и что вообще все, у кого есть оружие, – ненормальные люди. Вот счет, по которому надо заплатить. А тут еще кассета и твое Приложение. Я не хочу, чтобы эту кассету крутили по телевидению, как художественный фильм, я не хочу, чтобы на ней репортеры делали деньги и писали потом книги, посвященные этому Приложению. Нет, пока я жив, этого не будет.

– Ты хочешь, чтобы карты легли...

– Карты лягут так, как их положу я! А раскладывать их я буду здесь! Все очень просто. Мы должны покончить с этими людьми и спасти мою женщину. А потом уже я буду разбираться со всеми другими делами. Либо соглашайся со мной, либо уходи отсюда немедленно. Джули – на первом месте, Шрек и Пайн – на втором, а все, что на третьем, – меня уже не волнует. Понятно?

Ник смотрел на сидящего перед ним Боба. Тот был неподвижен, как скала. Было видно, что ничто не может поколебать его отчаянной

решимости. Он твердо знал, что сделает то, что задумал.

– Ну и упрямая же ты скотина, Боб, – не выдержал Ник. – Единственный выход – это...

– Либо ты со мной, либо нет. Все! Тебе понятно? Если я не буду уверен в тебе, то сразу же тебя выгоню. Хоть завтра возвращайся к своей девчонке в Новый Орлеан, только не мешай мне заниматься настоящим делом.

Ник не думал ни секунды. Он был “за”. Безоговорочно “за”. Ему надо своими глазами видеть, чем все это закончится. Он сам выбрал этот путь и сам решил остаться, никто его за уши не тянул.

– Конечно, я “за”, – сказал он. – Все нормально. Пусть будет по-твоему.

– Я вам еще не все рассказал, – вмешался Добблер.

Они оба повернулись к нему.

– Что делает Шрека таким сильным и неприступным? Одной из моих обязанностей в Рэм-Дайн было проведение тестов. Так вот, Шрек однажды тоже проходил тестирование, когда еще только пришел туда. Психолог, который там тогда работал, был абсолютным идиотом. Он ничего не понял. Тем не менее результаты-то были однозначными. Шрек не просто имеет сильную волю. Он один из тех редких людей, которые действительно не боятся умирать. Такие, как он, наоборот, стремятся к смерти. Пайн точно такой же. Понимаете, именно поэтому они так опасны. У большинства людей присутствует беспокойство о своей жизни. В сложных ситуациях они поступают так, как диктует им инстинкт самосохранения. Но только не эти двое. Они плевали на свою жизнь и ее спасение. Подобное самоненавистничество настолько сильно, что проявляется практически во всем.

Возникла пауза. Затем Боб сказал:

– Знаете, доктор, вы, наверное, всю жизнь провели в каком-то спокойном, беззаботном месте и смотрели на мир через розовые очки. Поэтому вы и находите эти качества из ряда вон выходящими. Всех профессиональных солдат можно поделить на две части. И в одной из них, если следовать вашему определению, будут настоящие преступники, которым наплевать и на свою, и на чужую жизнь. Это не так. По правде сказать, я сам из тех, кого вы только что описали... Я никогда не заботился о том, чтобы выжить. Но теперь у меня появилось что-то такое, ради чего жить стоит. И знаете, я ужасно

боюсь умереть. Стал ли я из-за этого слабее? – Он едва заметно улыбнулся, чем вызвал удивление Ника, так редко видевшего улыбку на суровом, серьезном лице Боба, и добавил: – Думаю, будет интересно проверить это на деле, а?

Глава 36

Ник дал слово, что все сделает как надо. Боб держался строго:

– Никаких шуток. Без героизма. Сыграешь в героя – убьешь всех нас, понятно?

– Понятно, как-нибудь справлюсь.

– Знаю, что справишься, просто еще раз напоминаю. Все, что они скажут, выслушаешь и потом согласишься. Слушаешь внимательно и соглашаешься. Понял?

Ник сел в пикап, и скоро его уже не было видно. Наступал влажный и зябкий рассвет, и над долинами причудливо клубились хлопья тумана. Нику казалось, что он едет через давно забытые места своих детских фантазий, где за высокими соснами в глубоких ущельях прятались страшные драконы. Оставив позади бесчисленное множество поворотов и спусков, он наконец выехал на ровную землю и, миновав сожженную церковь, въехал в маленький городок Блу-Ай, который, несмотря на дождь, выглядел празднично и весело. Было раннее утро. Над центральной площадью по-прежнему висел все тот же транспарант: “ОТКРЫТ СЕЗОН ОХОТЫ НА ОЛЕНЕЙ!” Все улицы были забиты пикапами и вездеходами, в боковые и задние стекла которых можно было разглядеть самые разнообразные винтовки. Повсюду Нику бросались в глаза гордо разгуливающие в камуфляжной форме люди. С завтрашнего дня начинался охотничий сезон.

Ник припарковал машину и слился с пестрой разношерстной толпой, чем-то напомнившей ему праздничный пирог. Все говорили о винтовках, патронах, способах охоты и о громадных самцах, которые даже после попадания в них нескольких пуль уносились прочь, как ни в чем не бывало. В воздухе витало всеобщее приподнятое настроение и радостное оживление. Все соглашались с тем, что благодаря влажному лету сейчас много сочной травы и поэтому оленей должно быть много, а значит, в этом году будет хорошая охота.

Однако Ник, ни на что не обращая внимания, как с ним бывало всегда, когда он выполнял задание, направился напрямик к площади и уселся на лавочку неподалеку от памятника Конфедерации. Выглядел

Ник весьма живописно: в нескладном черном пальто и с торчащей из-под левой руки “береттой”.

Ждал он долго, но ожидание не было напрасным: в какой-то момент, он даже не заметил когда, к лавке подошел мужчина и сел рядом. Все было сделано очень спокойно. Эти люди всегда все делали спокойно – настоящие профессионалы.

– Мемфис? – спросил незнакомец.

– Да, – подтвердил Ник.

– Отлично. Вон, смотри, – кивнул головой человек. – Тебе ее отсюда видно?

– Нет, – ответил Ник.

– Видишь “плимаус-вояджер”? Задняя дверца открыта. Ну как тебе?

Теперь Ник увидел. Это была худенькая женщина, уже не юная, но все еще красивая и хорошо сложенная; одета она была в джинсы и свитер. У нее был строгий взгляд. И вообще, выглядела она напряженно: в ее позе явно чувствовалось что-то неестественное.

Рядом с ней сидел Пайн. Ник помнил Пайна по событиям на болотах, помнил, как тот сначала предательски его скрутил на улице, а потом хладнокровно готовил к смерти. Еще он помнил Пайна по Приложению Б: Пайн, Шрек, река Сампул.

– Да, вижу.

– Хочешь с ней поговорить?

– Нет.

– Кассета у вас?

– И кассета тоже. У нас есть еще кое-что. Мне удалось раскопать Приложение Б.

– О! – воскликнул мужчина.

Ник присмотрелся. Перед ним был сам Шрек.

– Этого достаточно, чтобы послать тебя и Пайна электрический стул три раза подряд.

Шрек рассмеялся:

– Как-нибудь в другой раз, сынок. А сейчас тебе скажу, как все произойдет. Нам нужна кассета, Суэггеру нужна женщина. Мы же оба с тобой знаем, что Боб – это упрямый романтик.

Ник повернул голову. Он впервые видел Раймонда Шрека так близко. Но Ник не разочаровался. Он думал, что слово “крутой” можно

отнести только к литературным героям, – и ошибся. С короткой стрижкой, подтянутый и сильный, Шрек выглядел как новенькая пуля 45-го калибра. У полковника были холодные глаза, военная выправка, держался он ровно и спокойно, и от него не веяло ни сомнением, ни страхом.

– Вы прекрасно знаете, что если бы я был еще в ФБР, то разделал бы вас в пух и прах за несколько дней.

Шрек улыбнулся:

– Сынок, меня “разделявают” вот уже сорок лет подряд. Все, кто пытался, давно мертвы и лежат в сырой земле, а я, как видишь, жив. Поэтому не советую тебе запугивать меня. Сегодня это уже поздно делать.

На Шреке была камуфляжная форма “Требарк” и ярко-оранжевая бейсбольная кепочка, на которой золотыми буквами было написано: “АМЕРИКАНСКИЙ ОХОТНИК И ЕГО ГОРДОСТЬ”. Его глаза встретились с глазами Ника, и первым взгляд все-таки отвел Ник.

– Передай Суэггеру, – спокойно продолжал Шрек, – что если он попытается меня убить, то я убью женщину. Просто перережу ей глотку, подожду, пока она сдохнет, и уйду. У меня много денег и куча новых документов, чтобы спокойно спать где-нибудь в другом месте. Если мне надо будет, я исчезну в любую секунду.

– Но вам нужна кассета. И Приложение.

– Честно говоря, мне наплевать на все эти бумажки. Но на кассете есть мое лицо. Это единственная моя запись на пленке. Если это всплывет, жизнь может усложниться. А те люди, с которыми я работаю, очень волнуются о документах. Так что принеси их тоже, иначе я убью женщину. Вот по таким правилам мы и будем играть. А теперь запоминай, что надо сделать.

Ник внимательно слушал план полковника. В заключение Шрек протянул ему карту – геодезический вариант гор Уошито, – на которой была отмечена точка, где должен находиться Боб в исходное время. На расстоянии часа ходьбы в любом направлении и будет выпущена сигнальная ракета. Затем полковник передал Нику 40-миллиметровую ракетницу.

– Нам не хочется, чтобы Боб перестрелял нас, как щенят. Поэтому нам надо видеть его идущим, чтобы мы были уверены в том, что он не

сидит где-нибудь в засаде на какой-нибудь вершине. Он может спокойно убить муху с расстояния восьмьсот ярдов.

– Может быть, вы тоже кого-то приготовили, чтобы убить его, – возразил Ник.

– У нас никого нет. Кроме того, мы не можем его убить, потому что с ним может не оказаться кассеты и Приложения Б. Здесь и он застрахован, и я. Обоюдные сдерживающие условия. Мир держался на этом более пятидесяти лет. Я сделаю так, что окончательный обмен произойдет на достаточно большом пространстве, где ни до вас, ни до нас не добьет никакая винтовка.

– Гм-м-м... – Ник явно сомневался.

– Как только обмен состоится, мы с вами расходимся, – завершил изложение плана полковник, – игра на этом заканчивается. Он получает женщину и свободу. ФБР считает его мертвым. Захочет – может прожить еще одну жизнь. Да, он умеет воевать, но теперь война окончательно для него закончится. Ему пора найти себе укромненькое местечко где-нибудь в Монтане, где полным-полно оленей и антилоп и наслаждаться стрельбой и любовью со своей женщиной сколько его душе угодно.

Ближе к вечеру в этот же день от отеля в направлении небольшого аэропорта, находящегося в двадцати милях южнее Литл-Рока, отъехал маленький фургон. В нем сидели трое: один из них был Эдди Никлс, второй – странного вида человек с головой и плечами греческого бога и скрюченным телом калеки; он тихо сидел в глубине фургона в инвалидном кресле вместе со своей знаменитой винтовкой, не промолвив пока что ни слова. Никлса это раздражало. Если Боб его просто пугал, то этот снайпер внушал ему ужас, потому что от него осталась как бы половина человека. Казалось, что от него исходит дух смерти. Он напоминал Эдди мясника или палача.

– Что-то меня здорово пугает эта чертова туша, – сказал шепотом Никлс своему приятелю, третьему в их компании, такому же, как и он сам, молодому парню, случайно уцелевшему в перестрелке на Боун-Хилл только потому, что вовремя успел добежать до дороги.

В ангаре они подъехали к блестящему серебряной краской ДС-3, у которого под иллюминаторами зелеными буквами было написано: “УПРАВЛЕНИЕ ВОЗДУШНЫХ СООБЩЕНИИ АРКАНЗАСА”. На

фюзеляже, ближе к хвосту, виднелись раскрытые на три четверти дверцы грузового люка.

Никлс вышел из машины, подошел к самолету и переговорил с пилотом. Заглянув в грузовой отсек, он увидел там небольшой вездеход, смонтированный на базе трехколесной “хонды” и оборудованный специальными пружинящими устройствами под сиденьем и дополнительными амортизаторами. Все это было предназначено для того, чтобы максимально уменьшить силу удара при приземлении, а потом обеспечить плавность движения по пересеченной горной местности. Вездеход был закреплен толстыми желтыми веревками, сверху лежал огромный брезентовый мешок с тщательно уложенным парашютом.

– Ну как, командир, все в порядке? – спросил он техника, который проверял снаряжение и крепление.

– Высший класс, – ответил тот.

Никлс вернулся к фургону.

– Сэр, я должен вас погрузить на...

– Не мешайся. Опустим борт и можешь идти.

– Есть, сэр.

Никлс опустил заднюю стенку и выкатил трап.

Отойдя в сторону, он наблюдал за тем, как пожилой человек наклонился, вынул упоры из-под колес инвалидной коляски и съехал вниз. Потом он медленно приблизился к самолету.

На Скотте была черная бейсбольная шапочка, из-под которой виднелось разукрашенное черной и зеленой краской лицо. Он был одет в темную камуфляжную форму и тяжелые черные ботинки. В специальном жестком пластиковом чехле, прикрепленном к внешней стороне кресла, лежала его винтовка. В наплечной кобуре висел браунинг “Хай Пауэр”.

– О’кей, – прокричал Никлс технику, – давай ремни.

Сверху спустилось специальное приспособление, которое он продел под кресло. Потом опустил большой крючок. Все это управлялось по проводам, небрежно свисавшим из люка.

– Вот эта сетка для вас, сэр, – сказал Никлс, обращаясь к Скотту.

Скотт посмотрел на Никлса, и тот понял, какое унижение испытывает сейчас этот беспомощный мужчина. Как мучительно, наверное, находиться среди здоровых сильных молодых парней! Но он

без всяких признаков жалости к себе залез в эту упряжку, пристегнул ремни и приготовился к подъему. Сжав губы и прищулив глаза, Скотт терпеливо ждал, пока его поднимали на борт самолета, как кусок говядины.

Наконец Лон был свободен. Он падал в темноту, чувствуя, как его насквозь продувает ветер. На какое-то время он снова стал крепким и здоровым юношей, который гулял по холмам Коннектикута в двадцати милях от Нью-Хейвена вместе со своим отцом. Солнце напоминало мазок бронзовой краски на черном холсте.

Земля стремительно приближалась навстречу. Скотт посмотрел на часы. Уже почти пять. А если Никлс разбился о камни или деревья? Может быть, у него не раскрылся парашют и он врезался в землю на скорости восемьсот футов в секунду?

Лон рассмеялся. Черт побери, неплохое приключение в конце жизни!

Немного освоившись, он обнаружил, что лежит в полном одиночестве посреди живописной долины. На востоке виднелись заросшие растительностью горы. На западе, насколько можно было различить, были леса. За ними слабо просвечивали горы. Вокруг была первозданная тишина, и только парашют вездехода тихо похлопывал на ветру.

– Сэр!

Лон повернулся на голос. К нему приближался Никлс. В руке он держал винтовку.

– Где ты, черт побери, лазишь?! – рассердился Лон Скотт.

– Мой парашют раскрылся немного раньше, и меня отнесло почти на целую милю в сторону.

Лон понял, что парень просто испугался высоты и раскрыл парашют раньше времени. Но теперь это уже было не важно.

– Ладно. Заводи вездеход, складывай парашюты и давай быстрее подниматься.

– Есть, сэр.

Пайн разбудил спящую в глубине фургона Джули около четырех утра. Несмотря на ранний час, улицы города уже были полны народу.

В первый день охотничьего сезона на оленей животные должны были, по общему мнению, быть глупее и менее осторожными. Поэтому охотники заранее уходили в лес, чтобы еще до восхода солнца подготовиться к первому выстрелу.

– Держи свой рот на запоре – вот все, что от тебя требуется, – приказал Пайн. – Тебе осталось потерпеть еще один день, а потом для тебя все кончится и ты вернешься домой.

Он, конечно, лгал. Она видела их лица и понимала, что ее ждет. В их глазах мелькала с трудом скрываемая ненависть. Они могли разговаривать с ней, успокаивать ее и в то же время планировать ее убийство. Все эти дни Джули никак не могла собраться с мыслями. Она не понимала, что за наркотик ей дают. Наверное, что-то типа амобарбитала-Б, побочным действием которого является подавление воли. Ей постепенно увеличивали дозы, и она боялась, что в один прекрасный день просто не вспомнит, кто она и что с ней произошло.

Джули все время чувствовала себя такой уставшей, что ей хотелось только заснуть и проснуться свободной дома в Аризоне и ничего больше. Иногда, очень редко, у нее появлялось желание найти хоть какое-нибудь оружие, чтобы убить их. Но они отняли у нее последнее – ее волю.

Они ехали куда-то далеко в горы, мимо других машин охотников, пылящих по узким дорогам, и мимо людей, расходящихся в разные стороны в поисках оленей. Джули видела, как белым облачком парит их дыхание и длинные ружья блестят в слабых лучах восходящего солнца.

Спустя некоторое время количество охотников поуменьшилось, а потом их вообще не стало. Они же не останавливались ни на минуту. Джули сонно глядела на дорогу, и ее голова касалась прохладной поверхности бокового стекла. Еще не исчезнувшие звезды напоминали ей фейерверк. Воздух был сухой и морозный. Веяло какой-то тайной. Она могла бы раствориться в этом чудесном мире, но то и дело попадавшиеся на дороге ухабы и выбоины возвращали ее к действительности. Собрав все свои силы, Джули пыталась сосредоточиться. Ей хотелось их убить, увидеть их мертвыми. Но думать об этом долго было для нее мучительно. Она чувствовала, что мысли плавно ускользают из ее сознания и растворяются в бесконечности, чтобы уже никогда не вернуться назад.

Перед тем, как совсем отключиться, Джули вдруг с необычайной ясностью услышала собственный голос:

– Я надеюсь, что ты здесь, Боб. Я надеюсь, что ты им отомстишь.

– Все, приехали, – сказал Пайн. – К первому контрольному пункту на машине ближе не подъедешь. Надо будет пройти пару миль. У нас в запасе есть еще несколько часов. Так что можно особо не торопиться.

– Пожалуй, – согласился Шрек. – Давай одеваться.

Они вышли из машины и подошли к заднему люку. Джули сидела, неподвижно уставившись в одну точку. Пайн достал два бронежилета особой конструкции фирмы “Кевлар” и протянул один из них полковнику.

– Спасибо, – поблагодарил Шрек. Они скинули плащи и куртки и надели бронежилеты.

– Тяжелый, зараза, – заметил Пайн.

– Зато его не пробьет никакая пуля, даже 308-го калибра, – отозвался Шрек. Он застегнул последний ремешок и сказал: – Бери женщину.

Пайн забрался внутрь. Джули сидела не шевелясь, совсем отключившись, с каким-то отсутствующим выражением на лице.

– Пошли, милочка! Пришел и твой черед.

Потянув ее за руку, он с удивлением обнаружил, что она стала еще легче, чем была, и вела себя намного уступчивее и послушнее, чем в Аризоне. Казалось, что она ничего не весит или что на нее не действует земное притяжение. Ее можно было толкнуть в любом направлении – и она бы послушно пошла, пока не столкнулась бы с какой-либо преградой или не упала в яму. Господи, если бы Боб Снайпер знал, что с ней сделал Шрек! Но через несколько часов Боб уже ни о чем вообще не узнает.

– Можно идти, полковник, – сказал Пайн.

– Отлично. – Шрек достал свою маленькую “марлин” с рычажным механизмом затвора и оптическим прицелом, потом натянул бейсбольную шапочку, дорогую камуфляжную форму и теперь на любой посторонний взгляд казался самым настоящим охотником. Все это делалось на случай, если они столкнутся со службой охраны лесов, хотя это было маловероятно. Обычно инспектора службы не ходили в глубь леса в первый день охотничьего сезона. Шрек пошел первым.

Хотя жилеты и были тяжелыми, но идти было не так трудно, пока под ногами была твердая почва. Женщину приходилось изредка подталкивать сзади, когда она начинала отставать. Постепенно небо окрасилось в нежно-оранжевый цвет и солнце засветило в полную силу. Безоблачное утро обещало ясный и солнечный день. Дул свежий, ровный ветерок.

“Первый день охотничьего сезона, – подумал Пайн. – Хороший день для того, чтобы убивать”.

Далеко вдали прозвучал выстрел, и эхо сразу же разнесло его по всей округе. Кто-то уже пролил кровь. Это было хорошее предзнаменование.

– Итак, – сказал Боб. – Последний раз спрашиваю: у кого какие вопросы? Нет вопросов? Вчера мы все с вами повторили уже тысячу раз. Не забыли? Доктор Добблер, что у вас?

– Нет вопросов.

– Мемфис?..

– Выбора нет. Я еще...

– Ясно. У тебя есть идея получше?

– Ты должен быть при винтовке. Не...

– За это не беспокойся, Ник.

– Боб, ты же знаешь, что у меня получилось, когда я стрелял из снайперской винтовки в последний раз...

– Я знаю, что у тебя должно получиться в этот раз.

– Все потом оборачивается против меня...

– Приложение Б нашел именно ты. И ты, черт бы тебя побрал, один из лучших агентов ФБР. Поэтому ты все сможешь.

– Герой у нас ты, а не я.

– Здесь не идет речь ни о каком героизме. Забудь о героях, Ник. Думай только о том, что тебе надо сделать свою работу и вернуться домой. Вот и все.

– Но ты...

– Обо мне не беспокойся. Тебя это не должно волновать. Я получу то, что заслужил, О'кей?

– О'кей, – угрюмо ответил Ник.

Доктор тоже попытался что-то сказать, но слова застряли у него в горле.

– Послушайте, док, – обратился к нему Боб, – во Вьетнаме я бывал и не в таких переделках, поэтому нечего пугаться какого-то дерьма.

Добблер попытался изобразить улыбку.

– Видел бы меня сейчас Расселл Айсендлуан! – наконец вымолвил он.

– Не знаю, кто это такой, но в штаны бы он наложил – это точно! – улыбнулся Боб.

Он подмигнул Добблеру, и они все втроем вышли из хижины.

– Договорились, – сказал Шрек. – Ровно в десять, Пайн, ты готов?

– Да, сэр.

– День, похоже, будет длинным. Давай первую ракету.

Пайн поднял ракетницу и нажал курок. Прозвучал выстрел, и над их головами, оставляя за собой шлейф красновато-бурого дыма, взметнулась вверх ракета. Двадцать секунд красный огонек плавно падал вниз. Через тридцать секунд он уже лежал на земле.

Не торопясь, Шрек и Пайн подошли к маленькому шелковому парашютику с обгоревшей, черной от копоти гильзой.

– Оставь здесь одну ракету, – приказал Шрек. – Зеленую.

Пайн бросил ракету на складки парашюта.

– Теперь идем к следующему пункту. Им придется сделать приличный крюк, чтобы добраться до этого места, поэтому нам нечего торопиться. В принципе, мы даже можем посмотреть, как они будут к нему подходить.

Мужчины пустили женщину вперед и стали подниматься на склон горы. Подниматься было легко: почва была каменистой, а воздух – свежим и прохладным. Они покрыли милю за пятнадцать минут, а потом быстро спустились по другой стороне ската где-то на полмили. Там несколько дней назад Пайн спрятал в кустах небольшое каноэ. Сейчас он вытащил его оттуда, спустил на воду, и каноэ понеслось вниз по течению. За оставшееся время они проплыли около трех миль. Затем, уже высадившись, все трое поднялись на скалу. Пайн забрался в кусты и вытащил оттуда целый ворох веревок. Немного повозившись, он разложил их на самом краю обрыва. Со стороны веревки напоминали клубок змей. Одна веревка уже была привязана где-то высоко. Пайн подергал ее и убедился, что держится она прочно.

– Вот, миссис Фенн. Вам надо просто подтягивать себя вверх. Мы должны подняться с этой скалы чуть повыше. Увидите, что это намного легче, чем идти самой по такому скату.

На каждом этапе, когда заканчивалась очередная веревка, Пайн скручивал ее и прятал. Когда они добрались до вершины хребта, все трое едва дышали.

– Телескоп, срочно! – крикнул Шрек. – Они скоро должны появиться на перевале.

Пайн вытащил из своего ранца коробку и достал оттуда телескоп “Редфилд Ригл VI”, обеспечивающий чуть не шестидесятикратное увеличение. Потом раздвинул треногу и закрепил телескоп под нужным углом, установив максимальную дальность и максимальное увеличение. В телескопе четко была видна дорога через перевал.

– Готово, полковник, – сказал он.

– Что-то их долго нет. Игра только началась, а они уже опаздывают. Нехорошо.

– Им надо сделать большой крюк. Всего у них получится четыре мили, два перевала, и плюс ко всему им надо будет преодолеть реку. Сейчас они уже, наверно, в пути.

Наконец, спустя минуты три после установленного времени, в воздух взметнулась зеленая ракета.

– Отлично, стреляй быстрее. Не давай им времени для отдыха!

Пайн пустил голубую ракету. В тот момент, когда она догорела, он увидел в телескоп какую-то фигуру, которая пыталась сориентироваться по компасу на след ракеты.

– Это же так просто, малыш, – прошептал Пайн.

Через три минуты на перевале появились трое. До них было около двух миль. Увеличенные в шестьдесят раз, они походили на муравьев, правда все-таки вполне различимых. И тут им вдруг стало понятно, почему у Боба возникли трудности.

Первым шел Боб. Он выглядел так, как будто ему ничего не стоит пройти еще тысячу миль.

“Жаль, что еще не придумали двухмильную снайперскую винтовку, ублюдок, – подумал Пайн, – а то бы я тебя прихлопнул прямо сейчас своими руками”.

Посредине шел Мемфис. Пайн помнил Ника. Одет он был в форменную черную куртку, на которой даже на расстоянии Пайн смог

прочитать: “СВИТ ФБР”. Выражения его лица не было видно, потому что все оно было покрыто какой-то темной краской. Но, судя по походке и по молодой, крепкой фигуре, Ник хорошо держался и был полон сил. Вся проблема была в третьем.

Третьим был Добблер! Лицо доктора было сплошь разрисовано краской, как у настоящего коммандос! Но его легко можно было узнать по сутулой фигуре и характерной вялой походке.

– Это же Добблер! – закричал Пайн. – Полковник Шрек, черт возьми, они взяли с собой Добблера, а он уже совсем сдал!

Добблер упал на колени и так и стоял на коленях, тяжело дыша и с открытым ртом. Пайну казалось, что его хрипы слышны даже здесь. Он смачно выругался:

– Слюнтяй! Сопля ходячая! Я вижу, как он скулит. Мне кажется, даже могу разобрать, как он говорит: “Я больше не могу, я не могу идти, и зачем я только это сделал?”

– Ну-ка дай посмотреть, – попросил Шрек. Пайн с готовностью уступил ему телескоп.

– Ну и дурак же ты, Суэггер! – процедил полковник с презрением. – Тебе бы надо было его пристрелить.

В конце концов те двое поставили Добблера на ноги и двинулись дальше.

– Интересно, сколько он протянет? – прикинул вслух Шрек.

Пайн на месте Суэггера уже давно бы пристрелил Добблера, в этом он был целиком солидарен со Шреком. Если у вас нет сил идти, считайте, вы погибли. Это было железное правило. Он сам однажды был вынужден пристрелить капитана роты А, когда тот забился в бункер и жалобно плакал. Пайн мог поспорить с кем угодно, что Шрек поступил бы точно так же.

Но не Суэггер. Тот был совсем другой. Он не мог сделать то, что могли сделать Пайн и Шрек, – принять окончательное решение. Он не мог заставить других делать невозможное.

Вот почему сейчас, когда дело дошло до развязки, он проиграл. Теперь-то уж он точно проиграл!

Добблер окончательно сломался где-то к часу. Было удивительно, что он вообще столько продержался. Шрек с Пайном видели, как все произошло. Это случилось как раз напротив них, на противоположном хребте.

– Посмотрите, полковник, посмотрите! – закричал Пайн. Шрек наклонился к трубе и увидел то, что так взволновало Пайна. Где-то на расстоянии мили от них Добблер сдался. Он лежал в высокой траве, моля о пощаде. Мемфис был вне себя от ярости. Они видели, как Ник пытался поднять Добблера и поставить его на ноги, но тот сразу же падал. Натуральный мешок с дерьмом, подумал Пайн.

Отказ доктора продолжать путь был чреват последствиями. Кто теперь за ним вернется? Шрек знал, что эти-то двое не вернутся точно. Через два часа они лягут под пулями Лона Скотта. Добблер обречен теперь на ужасную смерть в горах, хотя сам этого еще не знает. Он будет бродить по этим горам несколько дней. Может быть, ему все-таки повезет и он наткнется на стоянку охотников, но в настоящий момент они забрались так далеко в дебри Уошито, что на это надеяться не приходилось.

– Если Добблер останется здесь, он точно сдохнет, – сказал Шрек.

– А если нет, думаете, есть еще шанс? Сильно сомневаюсь, – добавил Пайн.

Боб был очень спокоен. Он стоял в стороне, не двигаясь и молча смотрел на орущего Мемфиса. Потом что-то сказал ему и, резко развернувшись, зашагал прочь. Мемфис нагнулся к Добблеру и, одним движением отсоединив от ремня свою флягу, отдал ее доктору.

Минуту спустя он уже догнал Боба.

Продираясь сквозь заросли кустарника и деревья, Шрек, Пайн и Джули подошли к долине Большой Сделки с юго-запада. Они опережали Суэггера и Мемфиса почти на целый час, хотя после того, как те оставили Добблера, расстояние быстро сокращалось. Добраться до долины было непросто, потому что для этого требовалось несколько часов изнурительного карабканья по склонам и спускам. Деревья сменялись камнями, а камни кустарником, и так, казалось, будет бесконечно. Наконец перед ними открылось целое море желтого пространства. Уже в самом начале эта долина была шириной почти в милю. Представляя собой, пожалуй, одно из самых интересных природных образований во всем Арканзасе, долина Большой Сделки напоминала со стороны идеально ровную крышку огромного круглого стола среди горных вершин. Сейчас с одной стороны от них был невысокий кряж, из-за которого, однако, ничего не было видно, а с другой – лес, который вел к самой долине и дальше, вдоль нее, – к

другим вершинам. Олени обычно не поднимались на такую высоту, будучи животными лесными, а на таком огромном пространстве, кроме того, они бы чувствовали себя очень уязвимыми. Поэтому здесь в основном было царство ворон, которые как дурное предзнаменование все время кружились над головой.

– Нам надо оказаться на той стороне, – начал Шрек.

– Встреча произойдет в самом центре, на расстоянии тысяча пятьсот ярдов от ближайшего места, откуда можно произвести выстрел.

– Где он? – спросил Пайн. Снайперы всегда заставляли Пайна нервничать. Даже если эти снайперы были на его стороне.

– Прямо над нами. Можешь на него положиться, – лаконично ответил Шрек.

Настроение Лона омрачилось. Он сидел один, как сыч, в своей паучьей норе на расстоянии тысяча пятьсот ярдов от центра долины Большой Сделки с западной стороны. И тут внезапно он почувствовал, что боги не на его стороне.

Утро этого прекрасного ясного дня не предвещало ничего неприятного. Но всего несколько часов назад прямо перед ним на склоне холма появился огромный рыжий олень. Лон вспомнил, как охотился во времена своей юности, еще до того, как отец попал ему в спину. Эти воспоминания доставили ему радость. По инерции подняв винтовку к плечу, он прицелился в оленя. До животного было всего двести пятьдесят шагов, и его величественная фигура выглядела особенно впечатляюще в 36-кратном увеличении оптического прицела “Унертл”. Лон навел на оленя перекрестье прицела и почувствовал легкую дрожь в локтях, подумав о том, как бы было прекрасно, если бы, убив оленя, он смог взять себе его красоту и силу.

Олень – старый могучий самец с двумя огромными шишками вместо рогов, которые исчезли у него по каким-то непонятным причинам, – замер на секунду и взглянул прямо ему в прицел. На Лона смотрели два спокойных, задумчивых глаза. В них совсем не было страха. Нет, хуже, в них не было никакого почтения. Почтения к нему. Лону Скотту. Это привело его в бешенство. Он положил палец на курок. В эту минуту жизнь животного висела на волоске. Самец продолжал вызывающе смотреть на Скотта, как бы предлагая ему

помериться силами. Лон знал, что все это чушь: животное не может его видеть. Но олень по-прежнему надменно смотрел на него, пока Лон не пришел в себя и не почувствовал, что еще мгновение – и он нажмет на курок. Весь мокрый от пота, он медленно отпустил курок.

Олень вздрогнул, забросил назад свою красивую рыжеватую голову и легким, спокойным аллюром побежал прочь, как бы издеваясь над ним и внутренне посмеиваясь. Лону стало не по себе. Он почему-то неприятно заволновался. “Успокойся, – говорил он сам себе. – Ничего страшного”. Но он никак не мог выбросить из головы этого оленя. Шли часы. Лон уныло смотрел на дальний хребет и лесную полосу в поисках людей. Его взгляд упал на часы, наверное, в тысячный раз. Уже вторая половина дня! Пора бы начинать! А вот и они!

Он увидел, как они вышли из-за деревьев и начали спускаться к долине по склону горы. Хотя на таком расстоянии было невозможно различить лица идущих, Скотт мог догадаться, кто есть кто по их силуэтам. Высокий был Шрек. Квадратный, нескладный, маленький, неловкий, но от этого не менее опасный – Пайн. Третьей была женщина. Ее вели как приманку.

Все трое пересекли долину и остановились прямо под ним. Теперь их лица были различимы, хотя сами они его видеть не могли. Затем они вдруг засуетились и стали размахивать руками, показывая на что-то.

Вот оно что! Как и обещал полковник, в небе вдруг вспыхнула желтая ракета, которую почти не было видно в лучах яркого солнца. Догорев, она упала за линию хребта. Пайн выстрелил в ответ, показывая, куда им надо идти теперь и где разыграется последний акт этой драмы.

Лон размял пальцы и попытался чуть-чуть подвигаться затекшим телом, устраиваясь за винтовкой. Потом слегка коснулся приемничка, писк которого должен был дать ему “зеленый свет” для выстрела, любовно провел рукой по сверкающему стволу магнума 300-го калибра “Эйч энд Эйч”. В его магазине лежали конусообразные острые патроны, каждый до четырех дюймов в длину, желтые блестящие от смазки гильзы с тяжелыми, похожими на ракеты пулями.

Теперь все было только делом времени. Наконец-то он забыл и об олене, и о своем отце, вообще обо всем на свете. Сейчас в голове был один только безумно сложный, тягостный выстрел. Никто в мире не

взялся бы за такое рискованное дело, но он знал, что сможет это сделать. Он сможет! Потому что он стрелял на такие расстояния и раньше...

– Все, Пайн, – заявил Шрек, как только они оказались на противоположной стороне долины. – Теперь осталось самое легкое. Займись ею!

– Есть, сэр, – ответил Пайн. Он повернулся к Джули: – Все хорошо, милочка, осталось всего ничего.

Она посмотрела на него одурманенным взглядом. В бездонной глубине покорных глаз не было ни капли упрямства или сопротивления. На бледных губах дрожала бессмысленная улыбка.

Пайн снял ранец и стал оттуда что-то доставать. Это был его укороченный полуавтоматический “Ремингтон 1100”. В нем было шесть широких охотничьих патронов 12-го калибра, по три на каждый ствол, причем в каждом патроне было по девять дробинок 32-го калибра. Пожалуй, это самое страшное разрушительное оружие, какое он когда-либо видел. Менее чем за две секунды он мог выпустить пятьдесят четыре несущих смерть свинцовых шарика. Дальность действительного огня этой пушки составляла пятнадцать ярдов. Пайн подошел к женщине сзади.

– А теперь расслабься, – сказал он. – Ничего страшного. Не волнуйся.

Джули посмотрела на него так, как будто никогда в жизни вообще не волновалась.

Опустив на мгновение винтовку, Пайн достал из кармана моток изолянт и опытным быстрым движением поддел ее край. Прилепив его ко лбу Джули, он стал плотно обматывать изолянт вокруг головы женщины.

Она скривилась, почувствовав, как липкая резина прикоснулась к ее волосам, потом залепила глаза так, что веки не могли открываться, попала между губ – теперь она не могла говорить, затем плотно прижала ноздри – тут она чуть не задохнулась, и в конце концов сковала всю голову липкой маской. Отмотав побольше изолянта, Пайн приставил к голове Джули короткий ствол винтовки и минуту спустя ствол уже был намертво прикреплен к голове. Они как бы составляли единое целое. После этого он отрезал изолянт. Потом левой рукой

приподнял винтовку и просунул в ее ложе правую руку. Пальцы плавно легли на курок, и Пайн почувствовал его приятную упругость.

– Полковник, теперь вы... – Пайн протянул изолену Шреку. Шрек взял моток и продолжил ритуал. Примотав руку Пайна к ложу винтовки, он отвел затвор назад и дослал патрон в патронник. В момент щелчка они оба почувствовали внутри какое-то неприятное чувство.

– Ты знаешь, что делать?

– Да, сэр, – сказал Пайн. В случае непредвиденных трудностей он просто нажмет на курок. После этого он уже будет отстреливаться от нападающих, потому что после первого выстрела ни его винтовку, ни тело женщины уже ничего связывать не будет. В то же время сам он будет неуязвим. Бронежилет не пробьет ни одна пуля, а если он получит выстрел в голову, то под действием спазмов, или под тяжестью тела пальцы сами нажмут на курок и женщина умрет. С Пайном, привязанным к женщине таким замечательным способом, никто не посмеет шутить!

Все шло не так, как надо. Эти арканзасские типы не любили много говорить и совсем не интересовались тем, чтобы оказать хоть какую-нибудь помощь. Все доклады, поступавшие в штаб оперативной группы по розыску Суэггера, были какие-то однообразные и бессодержательные, если не сказать бестолковые. Так, двое охотников, готовясь к первому дню открытия сезона, шли подготовить места для засады на оленей. Вдруг они увидели в бинокль, как какой-то человек, крепит на скале веревки. Подойти поближе они побоялись, потому что внешне он очень напоминал командос. Естественно, найти это место они уже не смогут! Черт!!!

– Может, это просто какой-нибудь охотник, – предположил Хэп, – захотел пораньше взобраться на эту скалу, чтобы с самого утра уже быть в горах и начать охоту.

– Гм-м-м... – все, что мог выжать из себя Хауди Дьюти.

Потом еще какой-то почтальон, случайно проезжавший по горной дороге в один из этих дней, клялся и божился, что видел, как с Сэмом Винсентом, который когда-то судился с журналом “Месенери” для Боба, разговаривал худой светловолосый мужчина. Сэм был лучшим

другом Боба, они долгие годы охотились вместе. Мужчиной, по предположению свидетеля, мог быть Боб Снайпер.

Но Сэм Винсент был стреляный воробей и знал закон, как свои пять пальцев.

– Послушайте, сэр, – сказал он, обращаясь к Ютею и пронзая его своим знаменитым “электрическим” взглядом (работая прокурором штата в пятидесятые и шестидесятые годы, Сэм послал на электрический стул тринадцать человек), – вы прекрасно знаете, что я не стану сотрудничать с вами до тех пор, пока сам этого не захочу. И никакие угрозы и давление со стороны правительства ничего изменить не смогут. Я слишком стар, чтобы бояться, и слишком упрям, чтобы уступить. Если бы я видел Боба Ли Суэггера и не сообщил об этом вам, то по федеральным законам я бы совершил преступление. По существу, молодой человек, – и он сузил свои хитрые глаза, – вы просите меня свидетельствовать против себя самого. А это уже противоречит Конституции и законам штата Арканзас, глава Д-547, пункт 1 – дача заведомо ложных свидетельских показаний из меркантильных интересов. Надеюсь, вы знаете это?

Да, Ховард все знал, но после этого он затаил на Сэма обиду. Однако ненадолго. В течение часа пришло решение Третьего окружного суда штата Арканзас с запросом к правительству представить оправдательные документы, подтверждающие необходимость установления наблюдения за почетным гражданином штата Сэмом Винсентом, восьмидесяти одного года, и с требованием в последней части отменить и аннулировать приказ под страхом наказания в соответствии с законом в случае, если не будут представлены соответствующие факты или документы. Это было мнение закона.

А выше закона ничего нет.

Вот так развивались события, пока на столе у Хэпа Фенкла не зазвонил телефон.

Хэп поднял трубку и спустя пару минут ответил:

– Я перезвоню вам позже.

Ховард посмотрел на него.

– Может, это ничего и не значит, я не знаю, – начал Хэп, – но сейчас звонили из службы охраны лесов. Они сообщили, что трое совершенно не связанных друг с другом охотников с трех совершенно

разных мест видели сегодня утром в глубине Уошито три военные сигнальные ракеты.

– Может, это призыв о помощи? – спросил один из агентов.

– Больше похоже на сигнал, – уточнил другой.

– Но ни о каких огнях договоренностей не было, – откликнулся Хэп. – Служба охраны приказала двум планерам произвести разведывательный полет, но те никаких ракет и огней больше не видели. Как сообщается, ракеты были выпущены на территории площадью приблизительно двадцать квадратных миль.

Ховард сосредоточился на этой информации. Кто мог использовать ракеты в дневное время? Кто мог их вообще увидеть днем? Значит, кто-то их ждал и искал. Поэтому это не что иное, как сигнал.

– Они засекли координаты? – поинтересовался он.

– Да, но они говорят, что разброс выпущенных ракет очень велик. Служба сообщила, что их люди просмотрели этот район по своей карте. Им даже удалось вычислить направление движения – к северу или, скорее, северо-западу. К долине Большой Сделки.

– Отлично, – сказал Ховард. – По машинам. Всем надеть снаряжение СВИТ. Позвоните на летное поле. Мне срочно нужен вертолет. Максимум через десять минут. Хэп, позвони в службу охраны лесов и скажи, что нам срочно нужен проводник, чтобы провести нас к долине Большой Сделки.

– Смотрите, – вскрикнул Пайн. Он первым заметил их.

На другой стороне долины показались две фигуры. Шрек направил на них бинокль, но они были слишком далеко, чтобы можно было разобрать кто есть кто. Было только видно, что лица у двоих вымазаны зелено-черной краской, как у коммандос.

– Воображают, что идут на войну, – с презрением процедил Шрек, обращаясь к Пайну. Пайн встал и осторожно поднял женщину. – Сейчас, моя милая, – сказал он ей, – ты пойдешь медленно-медленно. Старайся не дергаться и не падать, а то тебе сразу крышка.

Она попыталась закричать через изоленту, но наружу вырывались только нечленораздельные звуки.

– Заткнитесь, миссис Фенн, – прошипел Шрек.

Потом обратился к Пайну:

– Черт, она пришла в себя. Сделай ей еще одну инъекцию.

– Я не могу, – заволновался Пайн. – Такой больше нет.

– Послушайте, леди, – в голосе Шрека звучал металл, – я хочу, чтобы вы знали, что дело идет к концу. Вам осталось потерпеть всего несколько минут. Мы совершим обмен с вашим Бобом, и вы спокойно уйдете с ним на все четыре стороны. Это необходимые меры предосторожности. Так надо. Винтовка даже не заряжена.

Сквозь узкую прорезь для глаз виднелись два безумных, полных ужаса зрачка.

Шреку было не до эмоций. Он сделал знак Пайну и, спотыкаясь о камни, они начали свой путь по широкой долине. Прекрасный теплый солнечный день был в самом разгаре, чистый и свежий воздух был пропитан ароматами осени. Вокруг них, переливаясь всеми оттенками зеленого цвета, подобно огромным волнам, вздымались горы Уошито.

Дыхания старого снайпера почти не было слышно. Он старался сосредоточиться на том, что было где-то там, далеко, за тысячу пятьсот ярдов. Пришло время сыграть свою роль. Настала пора “войти в зону”.

Лон Скотт чувствовал, что винтовка абсолютно послушна ему. Сейчас он наблюдал за своей целью – цель находилась как раз там, где и должна была находиться, – на самом открытом и ярком месте. Это была ни фигурка, ни пятнышко, ни даже точки над *i*. На такое расстояние ему раньше никогда не приходилось стрелять. Но Скотт все равно не боялся. Это был выстрел, к которому он шел очень долго. Теперь пришло время проверить себя.

Глаза смотрели только в одну точку, уши слушали только внутренний ритм сердца, дыхание становилось все спокойнее и тише... Он концентрировался только на одном предмете, и все постороннее, не имеющее отношения к выстрелу переставало для него существовать и вместе со всем остальным окружающим миром исчезало в бесконечности.

Скотт плотнее прижал винтовку. “Да, – подумал он, – сейчас мы неразделимы – я и моя винтовка. Из нас получился отличный инструмент для убийства”.

Устроившись возле прицела, он выбрал линию прицеливания. Щека и винтовка составляли единое целое, а пальцы мягко касались рукоятки и курка. Секрет заключался в том, чтобы всегда все делать

так же, как и в предыдущий раз. Спокойно, спокойно. Постепенно надо превратиться в ничто, раствориться, исчезнуть и стать выше всяких желаний и чувств. Ему не надо было производить расчеты. Он знал расстояние, угол, ветер, траекторию пули и ее скорость, вертикальное отклонение по дальности и на каком участке какое количество энергии она потеряет. Скотт все это рассчитал заранее и сейчас просто спокойно смотрел на свою цель в перекрестье прицела. Даже многократно увеличенный, человек все равно казался очень маленьким, размером буквально с игольное ушко. Снайпер дождался, пока визирные нити в прицеле окончательно успокоились, и теперь казалось, что они прилипли к яркой зеленой картинке пейзажа. Он ждал. Спокойствие. Вот теперь было то, что надо. Уже скоро, скоро... Уже можно было стрелять.

“Не дергайся! Сейчас нельзя! – приказал себе Ник. – Осталось совсем чуть-чуть... Смотри не промахнись. В этот раз ты просто не имеешь права”.

Он плавно выдохнул. Лон Скотт находился как раз там, где и сказал Боб: ниже дороги вдоль хребта. Там даже были видны следы осыпавшейся земли, которые оставил после себя привезший его вездеход. Он почти весь был спрятан в своей паучьей норе, над поверхностью которой виднелось только его разрисованное лицо и ствол винтовки.

Когда оставалось сто ярдов, Шрек поднял руку.

– Оружие в сторону, – прокричал он. – Оружие в сторону или женщина умрет. Понятно?!

Боб с Ником одновременно подняли руки, демонстрируя, что у них нет никакого оружия. По крайней мере, видимого.

– Вы принесли кассету и Приложение Б?

– Все здесь. – Боб приподнял над головой вещмешок.

– Отлично. Когда я проверю содержимое, мы освободим женщину. Ты видишь, к чему она привязана? Если ты сделаешь неосторожное движение, или нам так покажется, если ты вздумаешь выкинуть какую-нибудь глупость, шагнуть в сторону или назад, то, не обессудь, она сразу же вознесется на небеса. Пайн не дрогнет, ты прекрасно это

знаешь. Единственный шанс получить ее живой и невредимой – это играть по нашим правилам.

– Ну что ж, условия ставите вы, – сказал Боб. – Только будь поосторожнее с этой глупой игрушкой, Пайн.

Подняв вверх руки, Шрек и Боб медленно приблизились друг к другу.

Наконец-то Шрек смог взглянуть в лицо Бобу Снайперу.

Тот стоял всего в шести футах от него и смотрел ему прямо в глаза. Он был спокоен, как бывает спокойно озеро в тихую солнечную погоду.

– Здравствуйте, полковник, – раздался вдруг чей-то знакомый голос.

Шрек быстро перевел взгляд на второго человека, одетого в форму агента ФБР. Под форменной курткой и бейсбольной кепкой он обнаружил совсем не того молодого агента ФБР, которого звали Ник Мемфис. Несмотря на вымазанное краской лицо, он сразу узнал доктора Добблера.

Шрек вновь посмотрел на Боба и понял, что правила в их игре немного поменялись. Он нажал маленькую кнопку, посылая далекий сигнал Лону Скотту.

Откуда-то издалека донеслось эхо выстрела. Это был выстрел из винтовки.

Писк радио немного удивил Лона, внимательно следившего за передвижением Боба, который по-прежнему был в перекрестье его прицела.

“Так быстро?” – подумал он.

Он чуть-чуть вздохнул и, плавно выпуская воздух, начал потихоньку тянуть на себя спусковой крючок, целясь Бобу точно в центр корпуса...

Ник выстрелил, винтовка дернулась назад, и вся картинка в прицеле из-за сильной отдачи превратилась в расплывчатое пятно. Через полсекунды прицел снова был на месте, и он увидел, что пуля попала Скотту в голову. Это был выстрел, что называется, в яблочко. Боб тоже, наверное, его слышал.

Лон откинулся назад и сполз в свою паучью нору. Снаружи осталась видна только винтовка.

В своем укрытии на другой стороне долины Ник перезарядил ремингтон Боба и повернулся туда, где прямо посреди ярко-зеленого поля стояла группа из пяти человек. И тут на него неожиданно накатилась волна слабости.

– Господи, – подумал он, – ты ведь только что сделал выстрел на тысячу ярдов!

У него слегка задрожали руки.

Женщина закричала, но Пайн пнул ее ногой и резко дернул правой рукой, чтобы еще раз напомнить, что у нее находится рядом с виском.

Боб спокойно сказал полковнику:

– Мой человек только что убил вашего снайпера. Теперь вы остались без прикрытия.

Ни одна жилка не дрогнула на лице полковника, только на губах появилось нечто похожее на улыбку.

– Это ничего не значит, Суэггер. – Он судорожно соображал, что делать дальше. – Теперь я скажу тебе, как мы действуем. Ничего не изменилось. Единственное, что нам нужно, это уйти. Спокойно, не спеша уйти отсюда вместе с этой женщиной, кассетой и документами. Если ты начнешь нас преследовать, ей конец. Поэтому не делай никаких глупостей. Понятно?

– Я убью твою дурную бабу, Боб, – прорычал Пайн. – Ты знаешь, что я не остановлюсь ни перед чем. Винтовка примотана к ее голове изолентой. Так что без лишних шуток. Отходи потихоньку.

Боб бросил им вещмешок, но в руке у него оказался “Ремингтон 1100”, обрезанный со стороны приклада до самой рукоятки, а со стороны ствола – чуть ли не до самого патрона. Все это время он был у него под мешком.

Следующим на очереди был Шрек. Ник тщетно пытался вычислить его в группе из пяти человек, находившихся в пятистах ярдах левее от него.

Черт побери!

Теперь ему были видны только макушки голов. Такую глупую шутку сыграла с ним одна из возвышенностей, со стороны почти

незаметная, но с позиции Ника скрывавшая почти все фигуры людей.

Кто из них Шрек? Этого он сказать не мог. “О Господи, Боб...” – подумал он.

Ник оглянулся, пытаясь отыскать какое-нибудь дерево, с которого бы он мог увидеть, что творится за холмом, но, как назло, рядом не было никаких деревьев. Он забросил винтовку за спину и достал “беретту”, чувствуя бессильную ярость.

– Брось пушку, – выпалил Пайн. – Иначе я ей мозги по камням размажу.

– Брось, Суэггер, он сделает то, что сказал, – улыбнулся полковник.

“Вот мы все и в сборе, – подумал Боб. – Позади слишком долгий путь. Ну что ж, посмотрим, кто чего стоит”. Он навел короткий ствол полуавтоматического ремингтона на Пайна. Пайн, ощущая неприятный холодок в груди, смотрел в зияющую темноту ствола.

– Он не выстрелит... – Полковник явно нервничал. – Он блефует, Пайн, он не будет стрелять. – На лице Шрека возникло выражение уверенности в своих словах.

– Я не буду стрелять, – согласился Боб. – Только надо договориться. Я брошу винтовку в сторону, а вы отпустите ее. Все разойдутся. Годится?

Добблер нервно попятился назад.

– Годится, – ответил полковник. – Умное решение.

– Ну вот и хорошо, – заключил Боб. – Считаю до трех, потом бросаю винтовку. Все сохраняют спокойствие.

– Только не торопись, Суэггер, – сказал Пайн.

– Раз... – начал считать Боб. – Два... – И тут он выстрелил.

Пайн от неожиданности остолбенел. “Проклятый ублюдок! Подлая сволочь! Он все-таки выстрелил! Ну, тогда получи в ответ”, – думал Пайн. Он тоже выстрелил, послав к чертовой матери и женщину, и всех тех, кто вздумал шутить с Пайном, профессиональным солдатом и убийцей!

Все это произошло меньше чем за полсекунды. Он не смотрел на женщину, но, почувствовав, как дернулась винтовка, понял, что она уже без головы. Однако у него в ушах почему-то стоял ее дикий визг. Она визжала! Значит, она жива! И Пайн выстрелил еще, послав мощный сигнал из своего мозга через тело к руке и пальцам. Он нажимал и нажимал на курок, пока не закончились патроны. Но женщина кричала!!!

И только тут Пайн понял, что он нажимал курок несуществующим пальцем на несуществующей руке.

Выстрелив с расстояния в два фута из двух стволов своей обрезанной винтовки, Суэггер просто-напросто отстрелил ему руку чуть выше локтевого сустава. Рука все еще продолжала держать винтовку, примотанная изолентой к голове Джули.

Но Джеку Пайну она больше не принадлежала.

В ужасе Пайн смотрел на свой обрубок, из которого на нежно-зеленую траву пульсирующими толчками выливалась ярко-красная кровь. В эту секунду он почувствовал, как по его телу пробежал холодок смерти.

– Сволочь!!! – заорал Пайн. – Сволочь!

Приставив ствол своего ремингтона к стянутой бронежилетом груди Пайна, Боб всадил еще два заряда дроби в изобретение фирмы

“Кевлар”, которое смогло остановить охотничью дробь только на вылете. Пайн перестал существовать.

В этот момент, придя в себя после секундного шока и неожиданности, Шрек выхватил свою “марлин” и хотел выстрелить в Боба, но было поздно. Бобу пришлось развернуться всего на несколько дюймов, чтобы ствол винтовки смотрел в лицо уже новой жертве. Этот выстрел прозвучал почти одновременно с тем, который унес жизнь Пайна. Боб опередил Шрека всего на десятую долю секунды, но этого было достаточно. Пара охотничьих патронов сделала в бронежилете Шрека ярко-красную дыру, напоминающую кратер вулкана. Прокатившееся по долине эхо отразилось от далеких гор и вернулось назад слабым рокотом. Полковник сделал назад несколько шагов и упал навзничь. Он не чувствовал боли. Лежа на спине в зелено-желтой траве, он думал о зонах высадки воздушных десантов, о хороших парнях, которые погибают в далеких краях, о боевых пайках, о транспортном самолете С-4 и о той проклятой обязанности, о том долге, которому он всегда следовал и который никогда не предавал, выполняя самые сложные задания.

Боб склонился над Шреком. Тот закрыл глаза и почувствовал, как его руки превращаются в крылья. У него больше не было ни ног, ни тела. Ему очень хотелось пить.

Наконец через дымку сознания Шрек понял: это наконец случилось.

– Я торгую свинцом, дружище, – сказал Боб и еще раз нажал на курок. Вместе с дробью сердце полковника ушло глубоко в землю.

Боб повернулся к Джули:

– Успокойся, дорогая, все будет в порядке. Старайся пока не делать никаких резких движений. Скоро уже весь этот кошмар кончится и мы отправимся домой. Добблер, эй, Добблер, черт вас побери, быстрее сюда!

Боб пытался обмануть ее, чтобы она в испуге случайно не дернулась и не нажала таким образом сама на курок. Из-за этой дурацкой изоленды она ничего не видела, но постоянно пыталась что-то сказать. Он крепко держал ее в своих руках, чтобы она не сделала неосторожного движения.

– Ну, расслабься и ни о чем не думай. Все будет хорошо, – терпеливо уговаривал он.

Наклонившись к своему ботинку, Боб вытащил острый как бритва “Рэндолл Севайвз”. Глядя на огромное количество узлов и хитросплетений, он на мгновение растерялся, не зная, откуда лучше начать резать, потому что любое случайное движение могло стать причиной выстрела. Очень осторожно он начал срезать изоляцию с головы Джулии. Вскоре показалась большая часть ее лица. Боб отрезал все больше и больше, иногда вместе с волосами, но винтовка не поддавалась.

– Все хорошо, хорошо, успокойся. Скоро все будет в порядке. Ничего страшного не случится, не нервничай.

Аккуратно приподняв голову женщины, он просунул лезвие под очередной слой изоляции как раз под дульным срезом винтовки. Один виток изоляции сменялся другим, лезвие все резало и резало, но упрямая винтовка по-прежнему оставалась напротив виска, как будто была живым, хотя и неподвижным врагом. Боб не хотел касаться самой винтовки: он видел, что она была снята с предохранителя и мертвая рука Пайна все еще угрожающе сжимала курок.

Отрезав неизвестно какой по счету кусок изоляции, Боб почувствовал, что винтовка вроде бы поддалась и наклонилась в сторону. От волнения ему стало трудно дышать. Ему казалось, что кто-то со всей силы бьет над ухом в литавры. Наконец упал на землю последний кусок изоляции и винтовка вместе с рукой Пайна полностью отсоединилась от головы Джулии.

Он еще раз посмотрел на страшный обрубок. Сквозь запекшуюся кровь на руке Пайна проглядывала татуировка: “ВДВ – НА ВСЮ ЖИЗНЬ”.

“Ты получил по заслугам, – подумал Боб. – Жизнь кончилась”. И он зашвырнул обрубок с такой силой, что тот улетел футов на пятьдесят и скрылся в густой траве.

– О Господи, – только и произнесла Джули, когда он убрал от ее лица эту ужасную вещь.

– Видишь, все нормально, а ты боялась. Вот все и закончилось. – Он поднял женщину с земли и крепко ее обнял. Вежливо покашливая, к ним подошел Добблер.

Пощупав женщине пульс, он приподнял ей веки и посмотрел в глаза.

– Что они вам давали? – спросил он.

– Не знаю, – еле слышно ответила Джули.

– Вы сильная женщина. Как только вы все это выдержали! Боб, дайте ей вашу куртку! Сейчас ей надо согреться, тогда, я думаю, все будет нормально.

Джули надела куртку.

– Ну что, тебе лучше? Мы живы, и мы свободны, как я и обещал. Никто теперь не причинит тебе боль.

Усадив ее на траву, хотя ей очень не хотелось расставаться с ним, пусть даже на мгновение, Боб отвел Добблера в сторону. У их ног лежали два мертвых тела. Добблер в ужасе смотрел на них, не в силах оторвать глаз.

– Г-г-г-осподи! Даже не верится...

Пайн и полковник лежали в высокой желто-зеленой траве. Из безобразной культи все еще текла густая кровь. И у того и у другого бронежилеты туго стягивали тело и не давали крови слишком обильно вытекать из ран на груди. Только те места, где дробь пробила защитное покрытие, алели, словно яркие гвоздики.

– Смотрю я на них, – с трудом отходя от шока, произнес Добблер, – и все еще не могу поверить...

– Они такие же люди, как и мы с вами, – прервал его Боб. – Выстрелите в них – и они умрут. Вот так. Послушайте лучше меня, у нас не так уж много времени. Я все уже продумал заранее. – Он засунул руку под рубашку и достал оттуда какой-то предмет. Добблер увидел, что это был поясной ремень с деньгами. – Здесь семь тысяч долларов. Это все, что осталось от моих тридцати тысяч. Держите.

– Я...

– Слушайте меня. Сейчас вы уходите отсюда как можно скорее, пока не прибежали все эти стражи правопорядка и не стали вспоминать, какие у них обязанности. Видите вон ту белую сосну в дальнем конце долины?

Добблер кивнул.

– За этим деревом вы найдете ручей. Пройдете по нему семь миль, все время вниз, до самой реки. Можете идти по реке в любом направлении, это не важно. Если поторопитесь, то завтра, часам к трем дня, вы выйдете из леса прямо на 27-ю магистраль. Посигнальте тем машинам, которые будут ехать на Грейхаунд, и в четыре вы уже будете в Оклахоме. Вот деньги. Исчезните. Начните новую жизнь.

Добблер в шоке смотрел на него:

– Но... вам нужны свидетели. Вам нужен кто-нибудь, кто мог бы подтвердить, что вы...

– Не беспокойтесь обо мне, док. Вы свое дело сделали. Спасибо за помощь. А сейчас уходите. Если вы останетесь здесь, то погибнете. Я это точно знаю. Забирайте вашу свободу и идите.

– Но...

– Никаких “но”, – оборвал Добблера Боб. – Уносите отсюда ноги, пока здесь не появились эти негодяи. – Он подтолкнул доктора в спину и посмотрел, как сначала неловко, а потом все более и более уверенно тот зашагал в направлении белого дерева. Через некоторое время доктор исчез из виду.

Боб вернулся к Джули, спокойно лежавшей в траве.

Опустившись на колени, Боб наклонился и поцеловал ее в губы. Она рукой коснулась его лица.

– Отныне мы будем вместе всегда, – прошептал он. – Обещаю тебе. А теперь мне надо сделать кое-что напоследок.

Боб подошел к одиноко лежащему вещмешку, в котором были кассета и Приложение Б, достал оттуда кассету и рулон. Развернув документ, Суэггер смотрел на буквы, которым предстояло сейчас исчезнуть. Достав зажигалку “Зиппо” с надписью: “КМП США, СЭМПЭ ФИДЕЛИС”, оставшуюся у него еще с тех времен, когда он курил. Боб поднес яркое пламя к одной из страниц. Через несколько секунд от Приложения Б остался один пепел.

– Постой! Остановись, что ты делаешь! – Это был Ник.

Он бежал, задыхаясь, навстречу Бобу и отчаянно махал руками.

– Что ты делаешь?! Боже мой!

Теперь Боб взялся за видеокассету. Он положил ее на камень и со всей силы стукнул по ней ботинком. Вытащив из обломков пластика моток темной ленты, он быстро его поджег. Пленка вспыхнула необыкновенно ярким пламенем и сгорела за считанные секунды.

– Слышишь, ты, супермен проклятый, ты что наделал? – Ник подбежал к нему вне себя от гнева и ярости. – Это же доказательства! Улики! Ведь это то, что должно было спасти тебя от несправедливого наказания! Что ты натворил!!!

– Ты знаешь, что я сделал, – ответил Боб.

– Боб, я...

– Ну ладно, заткнись, парень, и слушай. Все кончилось. Эти люди уже давно там, где им и надлежит быть. Все, что они сделали в прошлом, ушло вместе с ними. Больше говорить не о чем.

– Ты пойдешь...

– Ник, ты спас мне жизнь. Теперь мы квиты. Все, теперь начинай думать своей головой и сам принимай решения. И помни: человек всегда должен заботиться о себе сам. Иначе он пропадет.

Ник ошарашенно смотрел на него.

В этот момент они слышали звук летящего вертолета. С дальнего конца долины к ним на небольшой высоте летел толстопузый приземистый “Хьюи”.

“О Боже, – подумал Ник. – Только Хауди Дьюти здесь еще не хватало”.

Глава 37

Ника поражало, что они работают с таким напряжением, когда он и так был готов совершенно добровольно все им рассказать. Без задней мысли он даже отказался от законного права вызвать своего адвоката.

– Зачем? Он мне не нужен, – заявил он, – Я же ни в чем не виноват.

Но они все равно продолжали расспрашивать и переспрашивать. Это была система работы ФБР. Его поместили в небольшой уютный домик недалеко от Нового Орлеана, на границе округа Лафайетт, возле какого-то болота. Продолжая расспрашивать об одном и том же по тысяче раз, его продержали здесь больше месяца. Первый этап его сотрудничества с ФБР проходил очень дружелюбно и спокойно. С ним беседовали Хэп Февкл и его бывший напарник Мики Сонтаг. Поначалу все это походило на старые добрые времена, когда они все вместе пили кофе и смеялись в их большой “шариковой ручке” на Лойола-стрит. Но Ник чувствовал, что за всеми этими шутками кроется вполне серьезная подоплека, и решил ничего не скрывать. Он подробно изложил всю историю с рэмдайновским файлом (только не упоминая Салли, чтобы не навлечь на нее неприятностей), потом рассказал про то, как был похищен Джеком Пайном и его сообщниками, которые хотели симитировать его самоубийство в болотах, а также все подробности их с Бобом войны против организации Рэм-Дайн.

– Тебе бы стоило посмотреть таких людей, как Боб Ли Суэггер, в деле, Хэп, – в голосе Ника одновременно сквозили и страх, и уважение. – Это лучшие солдаты, которые когда-либо были в этой стране. Не волнуются, не паникуют, всегда бьют точно в цель и никогда не сдаются. Это просто фантастика.

Они продолжали расспрашивать, и ему пришлось рассказать и о том, что в какой-то степени смущало его самого:

– Знаете, я должен тут перед вами кое в чем признаться. Дело в том, что я все время представлялся как федеральный агент, хотя меня к тому времени уже уволили. Я назывался так по телефону раз тридцать и при непосредственной встрече с разными людьми еще три раза. Меня что, арестуют за это? Черт, я же раскрутил для вас

новоорлеанское покушение и дал вам такое дело, какого вы никогда раньше не имели.

Хэп и Мики рассмеялись и все это записали. Потом ему снова мягко задавали разные вопросы, а через несколько дней приходили с новыми – и все начиналось сначала. Но сами они ему ничего не рассказывали.

– А где Боб? Что случилось с ним? – спросил он как-то.

– Ник, наверное, его тоже держат в безопасном месте и он тоже проходит через подобную систему сбора информации, – сказал Фенкл. – Поверь, я, честное слово, не знаю. Ты не против, если мы вернемся к тебе, Ник?

Разумеется, он соглашался.

Так продолжалось две недели. Затем Хэп и Мики неожиданно исчезли. Вместо них пришли двое из контрразведки. Они были жестче и хладнокровнее. Оба были следователями из группы Коуинтелпро. Эти были совсем другие, намного умнее Хэпа и Мики, держались уже на расстоянии. В их отношении не было враждебности, но в них чувствовалась профессиональная хватка. Нику они чем-то напоминали акул, потому что “ели” его живьем, задавая сложные перекрестные вопросы. Создавалось впечатление, что следователи все знали лучше его самого. Их интересовали такие мелочи, что, казалось, будто им нужен план операции, а не правда.

Но он говорил все, ничего не скрывая, охотно повторяя одно и то же по многу раз и стараясь не злиться. Его главным козырем было намерение говорить правду и только правду.

– Теперь о чеках, которые он выписывал для финансирования операции... – теребили они его.

– Да какая это была операция! – горячился Ник. – Мы просто сели и обсудили все вместе. У Суэггера оставались деньги после той тяжбы с журналом. Плюс несколько винтовок, спрятанных далеко в горах. Перед тем, как мы хотели взять его в медицинском комплексе, он, похоже, побывал у себя в горах и вернулся с деньгами. У Боба всегда были при себе наличные, и он везде сразу ими расплачивался.

– Вы не помните, какие у него были купюры? Мелкие или крупные? У него должно было быть много старых мелких купюр.

– Иметь наличные – это не преступление. По крайней мере, не считалось преступлением до последнего времени. Что у вас есть

против Суэггера? Несколько угонов машин, которые практически ничего не стоят? Да с этим ни один прокурор не пойдет в суд! Все остальное было просто самозащитой. Он не убил ни одного человека, который бы не пытался перед этим убить его. Боб имел полное право перестрелять их всех!

– А Новый Орлеан?

– Новый Орлеан! Я уже говорил вам, что Суэггера профессионально подставили, используя его пулю, чтобы выстрелить ею из другой винтовки. У них был великолепный снайпер, Лон Скотт. Он сидел в куполе собора. Вы же знаете, технически это вполне возможно.

– О'кей, Мемфис, сейчас не время для споров. Давай лучше вернемся к...

Наконец, после этих двоих появились “очень умные джентльмены”, как он их назвал. Ник прошел три графологических теста и добровольно согласился на гипноз и психотропную обработку. Его проверяли, перепроверяли, кололи ему наркотики, ловили на психологических тестах и просто изводили. Он с честью все выдержал. Заключение было единодушное: молодец, старина Ник, надежный помощник, способен к самопожертвованию, верен долгу, остроумен и вежлив. Однажды вечером ему сообщили, что к нему пришел посетитель. Ник встал с постели, открыл дверь и вышел на крыльцо.

Здесь он с удивлением обнаружил, что этот посетитель – Салли Эллиот.

– Привет, Салли! Вот здорово, что зашла! Ты выглядишь просто прекрасно! Как дела?

Салли действительно выглядела отлично.

– Привет, Ник. Как ты тут? – В ее речи все еще слышался особенный южный акцент, когда кажется, что у собеседника во рту протекает не меньше половины Миссисипи.

– О! У меня все в порядке, сама видишь. Прости, что так и не позвонил тебе, но они меня тут совсем замотали. Даже не знаю, что еще они тут придумают.

– У тебя какие-то проблемы?

– Нет-нет. Все хорошо. Я охотно работаю с этими людьми и очень хочу побыстрее со всем этим разделаться. Все будет хорошо, вот

увидишь. Думаю, что, когда вся эта свистопляска закончится, мы снова с тобой сходим пообедать в тот же ресторанчик. Классно тогда было, правда? Ну а что у тебя?

Она как-то странно посмотрела на него:

– Нормально. Ник, эти люди приходили ко мне и хотели...

– Знаю, знаю. Расскажи им всю правду. Ты не сделала ничего страшного. Вспомни, ты же была не в курсе моего увольнения, когда дала мне тот файл. Все будет нормально, не волнуйся.

– О себе я не волнуюсь, Ник. Я волнуюсь о тебе. Мне сказали, что ты нарушил некоторые законы. Один из них был очень озабочен тем, что с тобой может произойти.

– Гм-м... Ховард?

– Да. Мистер Ютей.

– Ну конечно. Его рука здесь чувствуется во всем. Меня волнует только одно – чтобы с тобой все было в порядке. Ховард мой старый приятель. Он как-нибудь позаботится обо мне. Ну, что там в мире творится?

– О, по телевидению и в газетах такой шум подняли вокруг Боба Ли Суэггера. Мне кажется, что правительство хочет закончить это дело как можно быстрее, чтобы оно ушло со страниц газет.

– А что они собираются сделать с Бобом?

– Он пока содержится в...

– В тюрьме?

– Да. У него есть свой адвокат. Но вокруг этого такая шумиха, что мне кажется, очень скоро должно что-то произойти.

Ник был в недоумении.

– Почему Боб в тюрьме? Он же герой! Он же такое сделал для...

Сочувствие и грусть на лице Салли показали Нику, что в ее глазах он сейчас похож на ненормального.

– Ну хорошо, Салли. Надеюсь, на тебе это не скажется.

– Просто меня немного напугали все эти вопросы. Но я думаю, что мне ничего не будет.

– Ну вот и хорошо. Я пытался убедить их, что во всем виноват только я, это моя ошибка. Уверен, что они все поймут.

– Я тоже думаю, что поймут. Ник, обещай, что, как только все это закончится, ты сразу же мне позвонишь! Я очень хочу с тобой встретиться.

– Ну конечно, в чем проблема?

– Если ты не позвонишь, я сама позвоню тебе.

– Позвоню, позвоню. Обещаю. Ты же знаешь меня, ВТД Ник. Я хочу знать все о том, что было после того футболиста. Как его там, Том, Терри?..

– Тед, – рассмеялась она. – О, какой ужасный человек! Даже не верится, что я была с ним помолвлена!

Это воспоминание вызвало у нее улыбку. Потом подошло время ей уходить.

После визита Салли они наконец-то оставили его в покое. С Ником было только двое охранников. Так продолжалось неделю. Ему разрешалось гулять и смотреть телевизор, поэтому он быстро узнал о всех событиях последнего месяца. Ника поразило, какую огромную историю раздули из дела Боба Ли Суэггера. Возле луизианской тюрьмы постоянно крутились репортеры, и оттуда велись бесконечные передачи. Боба держали в изоляции, пропуская к нему только одного человека – его адвоката и давнего друга Сэма Винсента, которого все обычно называли не иначе, как “старый лис”. Тем временем делом занималось уже большое жюри, и все прокуроры штата Луизиана готовились к процессу, ожидая своей очереди.

– Цирк какой-то, – сказал Ник, но ему никто не ответил.

В конце концов, как он и ожидал, к нему приехал Ховард. С ним был незнакомый молодой человек, на мертвенно-бледном лице которого было написано, что он Его Величество федеральный прокурор, и какой-то пожилой сутуловатый мужчина, похожий на профессора университета, который постоянно курил трубку.

– Ник, Ник, Ник... – повторял Ховард, обнимая Мемфиса. – Ник, я хочу познакомить тебя с Филом Келсо, который работает с большей частью наших дел. Фил прекрасный адвокат, Ник. Очень знающий юрист.

– Гм-м-м... – промычал Ник.

– А это – Хью Мичам из государственного департамента. Он присутствует здесь, чтобы объяснить нам некоторые особенности этого дела, связанные с интересами национальной безопасности. Сальвадорцы очень интересуются, чем все это закончится.

Ник бросил быстрый взгляд на “гостя”, от которого несло джином, и почувствовал, как ему в голову ударила кровь.

– Нам известно, что вы необычайно охотно и плодотворно сотрудничали с нами в ходе этого дела, – заметил Келсо. – Это очень хорошо. Это большой плюс в вашу пользу. Именно сейчас мы нуждаемся в понимании, Ник. Понимание – это главное.

– Я всегда делаю все, что в моих силах, – сглотнув, ответил Ник, демонстративно глядя в сторону. Ему очень не хотелось встречаться взглядом с Хью Мичамом.

– Вот такой у нас Ник, – сказал Ховард. – Все время вкалывает. Настоящий работяга, упорный и настойчивый. Мы могли убедиться в этом семь лет назад в Талсе, с тех пор он нисколько не изменился.

– Замечательный молодой человек, – согласился Мичам.

– Итак, Ник, как ты думаешь, чем примечателен сегодняшний день?

Ховард был необычайно возбужден. Ник замечал, что в таком состоянии он бывает только тогда, когда ему что-то надо от других. И что-то немалое.

– Не знаю, Ховард, понятия не имею.

– Ник, это первый день твоей новой жизни. Это день твоей удачи. Ты выйдешь отсюда через час, нет, через десять минут, свободным человеком, Ник. Тебе не будут задавать никаких вопросов. Единственное, что тебе надо будет сделать, это выполнить свой долг. Вот и все.

Но Ник его почти не слушал. Он думал о том письме, с которым Приложение Б было отправлено в Вашингтон и которое, по сути дела, и послужило началом всего этого. Ник по-прежнему старался не смотреть на Хью, но ему было очень трудно от этого удержаться. Все трое пытались изобразить на своих лицах доброжелательность, и Ник чувствовал, что все они заодно.

– Ник, ты можешь получить все, чего у тебя еще никогда раньше не было, – говорил Ховард. – У тебя будут деньги, карьера. Ник, что ты еще хочешь? Хочешь работать в Коунтелпро? Скажу по секрету, что ты просто поразил Дэйва и Тома. Они считают тебя отличным исполнителем. Ты же знаешь, что Коунтелпро – элитное подразделение. Ты можешь туда попасть. Или, может, хочешь в группу спасения заложников? Мы можем направить тебя в Майами или в Даллас, в их ГСЗ. Ник, это “горячие” города, где для тебя всегда будет много работы. Люди из ГСЗ быстро добиваются отличий. Оттуда самая

короткая дорога в Вашингтон. Ник, ты можешь пойти в группу по выдаче преступников другим странам. Все будет сделано быстро и без шума, люди наверху уже согласны. Будь у меня впереди вся карьера, я бы на твоём месте выбрал только этот путь. Но все в твоих руках, Ник. Ты можешь выбрать все, что тебе угодно. Больше не будет никаких переездов из одного маленького городишка в другой. Не будет ни Талсы, ни Бута, ни Бойса. Ты выбираешь сам: Сан-Франциско, Нью-Йорк, Филадельфия, Чикаго, Вашингтон.

Ник вопросительно посмотрел на Ховарда:

– В чем дело, что вы от меня хотите?

Он заметил, с каким недоумением Келсо посмотрел на Ховарда. Ховард не замолкал:

– Ник, все может развиваться по двум сценариям. Только по двум! Для нашего общего блага – твоего, моего, всего ФБР и страны – лучше, если это будет общий путь.

– Ну и какой же этот путь? – поинтересовался Ник.

Келсо и Ховард снова молча обменялись взглядами, потом оба разом посмотрели на Хью. Тот весело улыбнулся. Наконец не выдержал Келсо:

– Ник, Боб Ли Суэггер – убийца номер один. Мы выступаем за электрический стул для него.

– У тебя все нормально? – спросил Боб.

– Да, я в порядке.

– Ответь на все их вопросы. Просто расскажи им всю правду. Вот и все. Хорошо?

За стеклянной стеной комнаты для посетителей Суэггер выглядел осунувшимся и грустным. Усиленный микрофоном голос звучал очень громко. Джули Фенн положила руку на стекло, зная, что перед ней тысячи женщин точно так же прикладывали руку к стеклу, прощаясь со своими мужчинами.

– Боб, что рассказать? Эти люди не задавали мне никаких вопросов, они меня просто забрали к себе, и все. Чуть не целый месяц накачивали наркотиками и держали взаперти под охраной. Я ничего не могла сделать. Я даже позвонила шерифу Ахо, но он сказал, что у меня нет никаких доказательств. Мол, в данной ситуации они вынуждены позволить федеральным властям делать все, что те сочтут нужным.

– Джули, он дал тебе хороший совет. Нам с тобой абсолютно не о чем беспокоиться. Это просто предварительное расследование, поэтому они не могут меня выпустить. Ты же знаешь, это ФБР. Они все будут делать с пристрастием.

– Боб, я...

– Сэм все им сумеет растолковать, и я скоро выйду отсюда. Все наши проблемы исчезнут. Я хочу, чтобы мы вернулись назад в Аризону. Мне очень понравилось в этой пустыне. В Арканзасе слишком много народа. Мне бы хотелось осесть где-нибудь на юго-западе.

– Боб, я...

Он улыбнулся ей через стекло. Но, глядя на его тюремную робу и наручники, Джули додумала, что улыбка получилась не очень веселой.

– Милая, – сказал он, – нам с тобой не о чем беспокоиться. Мы можем доверять правительству Соединенных Штатов.

У Ника перехватило дыхание. Он с трудом понимал, чего от него хотят.

– Я... я... я не...

– Ник, причина только одна: он виновен! – продолжал Ховард. – Выстрел, который убил архиепископа Джорджа Роберто Лопеза, сделал Суэггер! Он должен ответить за это. Он...

– Нет! – заорал Ник. – Поймите же вы, я уже сто раз всем объяснял, это не он! Ховард, неужели ты не читал материалы допросов? Это же Рэм-Дайн! Рэм-Дайн подставила его в Новом Орлеане. Это Шрек, Пайн, Добблер и Лон Скотт. Они его просто очень ловко обманули. Скотт выстрелил его пулей. Пуля была выпущена из винтовки Боба, поэтому, естественно, на ней должны были остаться следы от ствола винтовки Боба. Скотт стрелял с купола кафедрального собора Святого Луиса...

– Ник, собор находится на расстоянии тысяча четыреста ярдов. Тысяча четыреста пятьдесят один ярд, мы измеряли, – заметил Ховард. – Ни один человек в мире не сможет поразить цель пулей такого калибра с расстояния тысяча четыреста ярдов из винтовки 308-го калибра.

– Правильно! Это был не 308-й калибр! Они взяли 200-грановую пулю Боба и вставили ее в гильзу магнума “Эйч энд Эйч” 300-го

калибра, натолкав туда целую тонну пороха. Пулю завернули в пластик или влажную бумагу и выстрелили из винтовки, у которой ствол был уже не 308-го, а 318-го калибра! Проверьте, поставьте эксперимент! Пусть это сделают эксперты! Вы увидите, что это возможно. Клянусь вам, если вы произведете обыск в доме Скотта, то обязательно найдете там этот специальный ствол. Об этом вы думали? Там вы искали?

– Лон Скотт умер в 1965 году. У нас есть свидетельство о его смерти. Того убитого на горе человека звали Джеймс Томас Олбрайт, а по первоначальному имени – Роберт Пэрриш Олбрайт.

– Нет, вы еще дальше проследите этот путь! Настоящий Роберт Пэрриш Олбрайт умер в 1938 году в двухлетнем возрасте. Это было...

– Ник, – спокойной сказал Хью Мичам, – нет ничего удивительного, что молодой человек тянется к более взрослому и опытному товарищу, особенно такому мужественному и с таким героическим прошлым, как Боб Ли Суэггер. Но пойми, Ник, вся суть в том, что выстрел совершил Боб Ли Суэггер и никто другой. В этой войне против Рэм-Дайн он, может, и проявил незаурядный героизм, мужество и храбрость, хотя это была обычная война между гангстерами. Сначала выстрелил Боб, потом Леон Тиммонс выстрелил в него. Боб убежал. Вот и все. Рэм-Дайн больше не существует. ЦРУ никак не комментирует свои отношения с этой организацией. Да и не будет этого делать. Ты никогда не сможешь привлечь к суду ЦРУ, потому что это не в интересах национальной безопасности. Полковник Шрек был сложный, порой невыносимый, но талантливый человек. Как и Боб, он когда-то был большим героем. Как и Боб, он был просто очарован властью оружия, которое он, опять же, как и Боб, очень любил. Когда империя Шрека разрушилась, ему, скорее всего, понадобились деньги для поддержания определенного материального уровня, тем более что близилась старость, поэтому не исключено, что он оказался вовлечен в какие-то махинации с наркотиками.

– У него были миллионы...

– Мы их почему-то не нашли, – продолжал Ховард. – Единственное, что нам удалось установить, так это то, что он, бывший герой войны, запятнал себя сотрудничеством с ЦРУ в семидесятые годы. Оступившись один раз, он уже не смог подняться и покатился под откос. А потом ко всем его проблемам добавились еще и серьезные финансовые трудности. Вот и все. Это была война наркомафии или

что-то в этом роде. Официальная версия его смерти будет следующей: несчастный случай на охоте в день открытия охотничьего сезона на оленей. Нас это не касается и ни в коей мере не интересует. Нас интересует совсем другое: Боб Ли Суэггер выстрелил в президента Соединенных Штатов из дома на улице Святой Анны. Дом этот находится во Французском квартале на расстоянии четырехста ярдов от парка Луи Армстронга. Он промахнулся и попал в архиепископа Джорджа Роберто Лопеза, величайшего миротворца современности, который хотел только одного – справедливости в оценке и расследовании зверств на своей родине; его кончину оплакивает весь мир. Суэггер считается теперь убийцей номер один. У него нет выбора – только электрический стул. Другого пути нет.

– Нет, – отчаянно упорствовал Ник, все еще не теряя надежду объяснить этим идиотам, что белое – это белое, а черное – это черное. – Нет, вы не понима...

– Ник, доказательства чересчур веские. Винтовка, молекулярный анализ состава пули и канала ствола, отпечатки пальцев, пустая гильза. Боб был в Новом Орлеане, у него были мотивы для этого поступка, у него была возможность, и он...

– Но это же подтасовка фактов! Они обманули его. Я же видел кассету. У Добблера была кассета с записью их зверств. У меня было Приложение Б! Я...

– Ник, Добблер скрылся. Мы объявили розыск по всей стране, но его нигде не смогли найти. Наверное, он умер, заблудившись в горах. Ник, мы даже не можем доказать, что он был вместе с вами в Уошиито! У нас просто нет таких доказательств. Только всякие нелепые теории.

– Нет, – не сдавался Ник, – послушайте, ну послушайте же меня! Это все была умелая инсценировка! Боб потом сжег Приложение Б и пленку, потому что не хотел, чтобы пресса кощунственно наживалась на этом. Он настоящий герой. Он убил тех, кто зверски расстреливал женщин и детей в этой латиноамериканской стране, и теперь он...

– Ник, спустись с небес на землю, посмотри на вещи реально, – сказал Келсо. – Мы предлагаем тебе хороший вариант. Это больше, чем я бы сам мог тебе предложить, но твой шеф и мистер Мичам настояли. Поэтому выслушай нас. Это очень опасно – не слушать других. Мы предлагаем тебе лучшее из того, о чем ты только можешь мечтать. Это идеальное предложение.

– Ник, Бобу уже ничто не поможет. Ему уже никогда не видать свободы. Он это знает. Знает это и его защитник. Тебе ничего не остается, как спасти самого себя, – не унимался Ховард.

– Я не могу... – пытался возразить Ник.

– Ник, очнись, – перебил его Келсо. – Считай, что Боб Ли Суэггер уже мертв. Его время прошло. Только идиот может не соглашаться с этим перед такой лавиной фактов и доказательств. У меня на руках доклад в сорок шесть страниц, сделанный баллистической лабораторией ФБР. Плюс письмо с угрозами президенту. У нас есть последний доклад Леона Тиммонса, где он подробно описывает, как ранил в грудь Боба Ли Суэггера в доме на улице Святой Анны в Новом Орлеане, обнаружив его там сразу после того, как тот выстрелил в президента. Более того, у нас есть ваши показания, где вы говорите, что Боб свалился вам на голову прямо из окна этого здания, сбил вас с ног, забрал ваш пистолет и угнал вашу машину. Неужели этого мало? Его дело уже решено.

– Я...

– Ник, послушай меня, – не вытерпел Ховард. – Я могу выбрать и другой путь. Но если в первом случае ты выигрываешь, то во втором ты очень много теряешь. Третьего не дано. В любом варианте Боб будет мертв. Ты меня слышишь?

Ник кивнул головой.

– Итак, первый путь. Тебя вызывают в суд как сотрудничающего свидетеля. Ты станешь героем дня. Ты будешь играть роль агента ФБР, который тайно был внедрен к Бобу Ли Суэггеру и прошел с ним под землей...

– Я... – попробовал прервать его Ник.

– Заткнись и слушай, – рявкнул Ховард и продолжил: – ...который прошел с ним под землей и под угрозой смерти участвовал в перестрелке в баптистской церкви, откуда опять через подземный ход скрылся с ним для того, чтобы совершить весь этот путь. Ты втерся к нему в доверие и пережил вместе с ним все трудности и лишения, что оказалось лучше всякой конспирации и проверки на стойкость. Это одна из самых блистательных операций ФБР за всю историю его существования, Ник. Это твоя победа... и моя. Хорошенько обдумай мое предложение, при таком раскладе мы все будем в выигрыше. Так вот, когда ты был окончательно уверен в себе, ты просто позвонил нам,

и мы его арестовали. Тем временем уже пройдет информация о том, что в ходе этой операции мы обнаружили и пресекли наркотические связи полковника Шрека и убили в перестрелке около пятидесяти латиноамериканцев из этого злосчастного батальона “Пантеры”, который и устроил бойню на реке Сампул. Это была идеальная операция, Ник. Она всем нам принесет славу и имя.

Ник молча смотрел на него. Ему казалось, что эта маниакальная страсть Ховарда к славе и успеху на мгновение даже наполнила всю комнату бесчисленными наградами.

Потом настал черед Хью Мичама:

– Прости, Ховард, а можно мне кое-что сказать Нику?

– Конечно, Хью.

– Так вот, Ник, я прекрасно понимаю, насколько сложным и запутанным было для тебя это дело, но мне кажется, что здесь есть еще сложности другого порядка, которые мне придется сейчас объяснить. Я думаю, что ты в состоянии это понять. – Мичам улыбнулся такой снисходительной отцовской улыбкой, что Нику захотелось дать ему в зубы. – Ник, я знаю, что тебе кажется, будто ты видел Приложение Б. Ты сейчас, скорее всего, думаешь, что я каким-то образом во всем этом замешан. Может быть, ты даже думаешь, что я и заварил всю эту кашу, что я руководил всей операцией, убийством архиепископа, обманом Боба. Ник, я тебе могу сказать только одно – ты сейчас находишься в очень опасной зоне. Ты сейчас попал в знаменитое Королевство Кривых Зеркал, которое называется “контрразведка”. Я видел этот документ. Два месяца назад один агент, работающий на кубинскую разведку, пытался передать его в “Нью-Йорк Таймс”. У него ничего не получилось. В сирийской прессе должен был увидеть свет перевод этого документа. Японское информационное агентство “Тораката” заплатило тридцать пять тысяч долларов за его копию, но в итоге так и не напечатало. Ник, это шпионская провокация, сделанная кубинской разведкой. А кубинская военная разведка очень умна и хитра. Вот почему так опасно, когда молодой человек вроде тебя вмешивается в подобные дела. Этот бедный Ланцман, который хотел до тебя дозвониться, мог вполне искренне верить во все это или думал, что в это поверишь ты. Ник, это не делает тебе чести.

– Послушайте, вы самая настоящая...

– Ник, если тебе от этого легче, называй меня как тебе будет угодно. Можешь даже ненавидеть меня. Это не важно. Все разрешается. Но сейчас я скажу, что тебе запрещается. У тебя действительно есть возможность спасти не одну жизнь. Тысячи жизней. Поэтому тебе запрещается оставаться посередине и со стороны наблюдать, как все произойдет. Ты прекрасно знаешь, что такое подразделение сальвадорской армии, как батальон “Пантеры”, было вовлечено в ряд террористических акций на реке Сампул. Были убиты сотни невинных женщин и детей. Я не должен тебе этого говорить, но скажу: там все-таки не обошлось и без американского влияния. Да, полковник Шрек работал с генералом де Раджиджо. Приложение Б в этом смысле кое в чем правдиво. Но американское правительство не имело к этому никакого отношения. Вот почему все это держится в строжайшем секрете, Ник. Это держится в секрете, потому что это опасно. Если все наши привычные враги – пресса, некоторые члены конгресса, воинствующие “левые” и им сочувствующие – узнают все это, если это будет опубликовано, это может отсрочить заключение мира еще на пять лет. Пять лет для этой страны! Ник, подумай, сколько детей умрет, если это произойдет! Сейчас у нас там мир. Поэтому мы не хотим рисковать.

Ник сглотнул, чувствуя, что у него голова пошла от всего этого кругом.

– Теперь о втором пути, который менее приятен, чем первый, – вступил в разговор Ховард. – Ты был захвачен в качестве заложника в постыдных, даже позорных для тебя обстоятельствах. Ты немедленно получишь уведомление об увольнении. В суде тебе зададут очень конкретные, четкие, недвусмысленные вопросы о том, какую роль ты играл в событиях, произошедших 1 марта 1991 года в Новом Орлеане. Где ты был, что ты видел, как все произошло? Потом тебя отпустят. Если защитник Боба попытается поймать тебя на каких-то перекрестных вопросах, мы не дадим ему сделать это по одной-единственной причине: потому что это не относится к событиям первого марта. На этом мы будем настаивать. Через несколько минут после того, как ты все это подтвердишь, тебя обвинят в нарушении сразу трех федеральных законов. Мистер Келсо будет на суде обвинителем, поэтому он представит суду свидетелей, которые окончательно добьют тебя, Ник. Тебе дадут, по крайней мере, лет семь

строгoго режима. И ты никак не сможешь помочь Бобу. Просто растопчешь собственную жизнь и никому ничего не докажешь. – Ховард сделал шаг назад.

– Это все? – спросил Ник.

– Нет, конечно, не все, – ответил, ухмыляясь, Келсо. – В этот же день офицеру ФБР Салли Эллиот будет предъявлено официальное обвинение в шпионаже. За выдачу секретных документов гражданским лицам.

– Ховард, какого черта...

– Заткнись! – угрюмо оборвал его Ховард.

– Ник, – продолжал Келсо, – у нее на суде обвинителем тоже буду я. Ее дело будет намного серьезнее, чем твое. Ты выйдешь на свободу через семь лет, в случае хорошего поведения – через пять, а она получит на всю катушку, двадцать лет.

Ник молча смотрел на стоящих перед ним трех человек. Потом сказал:

– Ховард, она же ничего не сделала. Она ничего не сделала. Ты не можешь так поступить...

– Так поступаешь ты, а не я. Когда-то ты усадил в инвалидную коляску Майру и мучил ее до конца ее дней, а теперь так же хочешь угробить и Салли. Ты этого добиваешься? У меня с ней была долгая беседа, во время которой Салли во всем созналась. Все это записано на пленку. Мы включим ее перед теми, кто будет выступать в роли свидетелей. Но, что ужаснее всего, эта глупая девчонка думает, что любит тебя. Ты хочешь отплатить ей за ее чувства тем, что засадишь ее за решетку?

– Ник, ты должен сам принять решение. Ты должен выбрать то, что будет лучше для тебя, для Салли и для ФБР.

– А также для твоей страны, – добавил Хью Мичам.

– И для вас, не так ли, Хью? И для тебя, Ховард?

– Ник, ты бы лучше...

Но Ник уже их не слушал. Он очень сожалел, что у него нет ничего, чем бы можно было заткнуть им всем глотки.

Всегда думай своей головой и сам принимай решения, говорил Боб. Ему стало трудно дышать. Все плыло и качалось.

– Ник, – услышал он голос Мичама, – нам надо получить от тебя согласие.

Позаботься о себе сам, вспомнилось Нику. Что ж, придется продать Боба. Все равно ему уже не поможешь. Его песенка спета. Жаль, но ничего не поделаешь. Так устроен этот жестокий мир. Такова жизнь.

– Подумай о ФБР, Ник, – прибавил Ховард. – Подумай о том, чтобы спасти честь Бюро.

Позаботься о себе сам, слышал Ник. Но когда он открыл рот, оттуда вырвалось совсем другое:

– Ховард, не тебе говорить о Бюро. Тебе всегда было на него наплевать. Ты и Бюро – не одно и то же. Ты просто обыкновенный лизоблюд и подхалим. Ты всегда всеми правдами и неправдами старался затащить наверх свою жирную ленивую задницу и уничтожишь любого, кто встанет на твоём пути. Вспомни, как ты нагадил мне в Талсе семь лет назад. Не я, а ты виноват в том, что Майра оказалась в инвалидном кресле, потому что там, в Талсе, ты обосрался от страха и никак не мог заткнуть свой вонючий рот! У меня же просто не хватило тогда смелости послать тебя на... – Он перевел дыхание. – Наконец-то я кое-что понял, Ховард. Клянусь, я наконец понял. Оказывается, ты тожеходишь в этот Комитет Лансера! Да?! Да!.. Это как раз подходящая помойка для такого политического подхалима, как ты, который все время кому-то лизал зад, заискивающе заглядывал в глаза. Все эти годы ты знал, что Рэм-Дайн выполняет все поручения ЦРУ! Вот почему ты притащил сюда этот старый высохший кусок дерьма, этого Хью, который благословил своего старого приятеля Рэя Шрека на ратный подвиг против женщин и детей, а потом помогал убивать одного-единственного человека в мире, у которого хватило смелости противостоять вам. А теперь вы решили еще раз сделать из величайшего героя Америки козла отпущения, потому что вам это очень удобно, потому что это прячет в воду все концы и помогает спасти вам ваши драгоценные задницы! Ведь если все это когда-нибудь всплывет, и вам, и вашему Комитету Лансера – крышка! – Ник в упор смотрел на них. Срываясь, он уже предчувствовал, что сейчас сделает. Набрав побольше воздуха, он выпалил: – Ну так вот, еще кое-что напоследок. На этом вы и сломаетесь. Здесь вам каюк. Знаете, что я вам скажу? Вы прете лбом на стену. Очень многие уже не раз думали, что им удалось укокошить Боба Ли Суэггера. Но, как только они заносили над ним оружие, он опережал их и спокойно отправлял на тот свет. То же самое будет и с

вами, и я своими глазами увижу, как все это произойдет. И я, и Салли выйдем отсюда, а вы сядете. Ховард, для тебя это плохие новости, конечно, но вспомни, сколько раз ты уже считал себя победителем, а оказывался по уши в дерьме? Так будет и сейчас. Но только в последний раз. Пора платить по счету. Вы все ответите и за Майру, и за Салли, и за Ланцмана, и за Сампул, и за все остальное, что вы еще успели натворить. Я увижу, как все это случится. А пока нам не о чем больше говорить.

После того, как они вышли, Ник заметил, что никак не может унять бьющую его дрожь.

Во второй половине дня два судебных исполнителя доставили Нику повестку, в которой говорилось, что через два дня он обязан явиться в здание окружного суда Нового Орлеана на предварительное слушание дела номер 44-481 “Правительство против Боба Ли Суэггера”. Внизу была сухая лаконичная приписка, гласившая, что в случае отказа явиться в суд он будет подвергнут аресту. Через полчаса позвонили из прокуратуры и сообщили, что ему запрещается покидать город и что он, Ник Мемфис, будет обвинен в нарушении трех статей федерального законодательства. Уже в конце дня, как бы в довершение всех бед, ему пришло уведомление о том, что за неявку 8 августа 1992 года на слушание своего дела в комиссию по пересмотру дел он официально уволен из Федерального Бюро Расследований и обязан до следующей пятницы вернуть все выданное ему во время службы снаряжение, иначе ему будет предъявлено обвинение в хищении государственного имущества. Непонятно почему, но это известие оказалось для него самым неприятным. Пути назад уже не было. Ховард начал потихоньку закручивать гайки.

Ник вернулся в свой маленький домик в Метайри, подстриг газон и лужайку, которые уже порядком заросли, оплатил все счета, которые пришли за это время, и погрузился в невеселые мысли о будущем. Жалованье ему не выплачивали уже три месяца...

В какие-то моменты он уже был готов взяться за трубку и позвонить Ховарду. Это было так легко и так соблазнительно. “Э-э... Ховард, знаешь, я тут поразмыслил... Я был не прав пару дней назад... – слышал Ник собственный голос.

Но потом он думал о том, как будет рад этому Ховард, и понимал: нет, это выше его сил. Он просто не может себя заставить пойти на это.

Казалось, что надо сделать над собой всего одно усилие. Надо позвонить Салли. Ник набрал ее номер.

– Привет, – сразу отозвалась она.

– Привет, это я.

– Ник... – Салли плакала. – Ник, они сказали мне, что обвинят меня в шпионаже. О, Ник, как мне быть? Я же ничего такого не сделала. Как они могут...

– Послушай, Салли, они блефуют. Они пытаются таким образом завлечь меня в одно мероприятие, в котором они будут выглядеть, как герои. На Ховарда, наверное, очень сильно давят, чтобы получился именно такой вариант, поэтому он и пошел на это. Но ты не волнуйся. Я тебе обещаю, что все будет в порядке. Поверь мне. У них ничего нет.

Говоря это, Ник проклинал себя за то, что не может набраться мужества и сказать ей всю правду, что у них есть все, что они собираются казнить Боба, а их обоих упрятать за решетку и что уже никто ничего не сможет изменить.

– Но что же мне делать? – спросила она.

– Пока ничего. Посмотрим, что будет завтра на предварительном слушании. Там защита может потребовать, чтобы правительство предоставило все факты и улики, которые бы свидетельствовали об обоснованности вынесения наказания. Поэтому может быть назначено дополнительное расследование. По крайней мере, там мы увидим, к чему все клонится.

– Ник...

– Дорогая, я знаю, что это трудно, но надо немного потерпеть. Ты не хочешь пойти завтра в суд? Я бы с радостью за тобой зашел. Это не свидание, а...

– Хочу, хочу. Очень хочу. Заходи.

Эта ночь далась Нику тяжело. Это была худшая ночь в его жизни. Гораздо хуже, чем ночь после смерти Майры. Он не мог заснуть и ворочался до трех часов, беспрестанно думая о Салли, которая проведет двадцать лет в какой-нибудь дыре, о несчастном Бобе, которого посадят на электрический стул, о проклятом Ховарде, его любимчике Келсо и о старой мрази Мичаме, которые скоро будут праздновать свой триумф. Он представлял себе заголовки газет типа: “Сенатор Ховард Д. Ютей – человек, который расправился с Бобом Снайпером”. Сама мысль об этом приводила Ника в неопишемую

ярость, и, когда он наконец заснул, ему приснилось самоуверенное лицо Ховарда, которое преследовало его всюду. Да, Ховард, ты охотился за мной с самой Талсы и вот теперь действительно загнал в угол. Какого черта ты тогда орал по рации?! Почему я тогда не попал?! Бедная Майра. Бедная Салли. Бедные женщины, которые, влюбляясь в Ника Мемфиса, делают большие ошибки.

Будильник прозвонил в семь. Ник поплелся в ванную, взглянул в зеркало на свое осунувшееся, бледное лицо. Короткая прическа отросла, волосы растрепались, а привычные ямочки на круглых щеках куда-то исчезли. Он был худой, как смерть...

Ник принял душ и спокойно оделся. Он надевал костюм впервые за последние несколько месяцев! Потом он выпил кофе и пошел за Салли. В кармане у него было одиннадцать долларов, еще двести тридцать шесть – на чековой книжке и четыре тысячи – на счете в банке. Сегодня ему предъявят обвинение по трем статьям федерального законодательства. И ему снова захотелось позвонить Ховарду. Наверное, даже сейчас еще не поздно. Ник попытался представить себе, какой была бы его жизнь после этой сделки. Да просто сказочной! Но потом ему припомнилось, как Томми Монтойа приставил ему к голове его же собственный пистолет и как в этот момент откуда-то появился Боб и спас его. Ховард никогда никого не спасал. Ховард только топил. Хью Мичам тоже топил. Ну что ж, Боб Снайпер, выбор сделан. Дороги назад нет. Теперь уже не важно, куда попадем, в рай или ад. Главное, что вместе, дружище. Даже есть надежда, что прямо сегодня.

Глава 38

– Встать, суд идет! – Пятый окружной суд начал предварительное слушание дела, условно называемого “Правительство против Суэггера” под председательством судьи Рональда О. Хьюджеса.

Ник и Салли встали вместе с двумя сотнями других присутствующих в зале людей, среди которых были десятки репортеров, половина новоорлеанского Управления ФБР, Ховард и его обвинитель Келсо, которые по какому-то странному стечению обстоятельств оказались в первом ряду прямо рядом с Ником и Салли. Их стол был придвинут почти вплотную к ним. Хью Мичам сидел за столом обвинителя в большом кожаном кресле. На нем был серый костюм-тройка и маленький широкий красный галстук, и Нику показалось, что ему на вид, по меньшей мере, лет триста.

Сэм Винсент тоже встал. Это был старый-престарый человек с похожим на грецкий орех лицом и абсолютно лысый, в костюме, строгом галстуке и массивных очках. Его длинные тонкие пальцы потемнели от трубки, которую он переставал курить, только заходя в зал заседаний. За толстыми линзами очков были видны бледно-голубые глаза, которые, останавливаясь на ком-либо, как будто увеличивались в размерах, как у акулы. Ему было под восемьдесят; он был награжден орденом Серебряной звезды за битву у Булже во второй мировой войне.

– Прошу садиться, – сказал судья Хьюджес, строгий чернокожий мужчина лет пятидесяти. – Леди и джентльмены, сразу же хочу предупредить вас, что несмотря на то, что сегодняшнее дело имеет национальный оттенок, это прежде всего юридическое дело и к нему следует относиться только так и никак иначе. Я предупреждаю всех присутствующих, особенно представителей прессы, чтобы они вели себя подобающим образом, в противном случае я моментально очищу зал заседаний. Понятно? – Его низкий голос был встречен всеобщим молчанием. Он продолжал: – Итак, сегодня, по требованию защиты, проводится предварительное слушание дела “Правительство против Боба Ли Суэггера”, в котором мистер Суэггер обвиняется в убийстве гражданина Сальвадора архиепископа Джорджа Роберто Лопеза во

время вручения ему президентом Соединенных Штатов ордена Свободы в парке Луи Армстронга 1 марта сего года. Поясню для присутствующих: это не официальное судебное разбирательство. Это слушание проводится только лишь для того, чтобы убедиться в том, что правительство имеет достаточно улик и фактов, чтобы перейти к официальному судебному разбирательству. Поэтому здесь нет жюри присяжных. Мне будут помогать два прокурора. Они оба будут поддерживать мое решение. Более того, защите не предоставляется право выдвигать свои собственные улики, она должна критиковать только улики представителей правительства. Итак, джентльмены, я хочу, чтобы все споры и вопросы были предельно ясными и четкими и чтобы никакие мелкие детали и попытки увести дело в сторону не мешали нашему продвижению вперед. Приберегите силы для взаимных нападок к официальному разбирательству, если оно будет проведено потом. И перед тем, как вы мне возразите, мистер Винсент, заметьте, пожалуйста, что я сказал, если оно будет. Если будет официальное разбирательство. Я не хочу, чтобы вы думали, что у меня заранее предвзятое отношение. Ну вот, а теперь прошу ввести обвиняемого.

В зал суда ввели Боба.

На нем была ярко-голубая тюремная роба, на руках наручники, от которых к ногам спускалась железная цепь. Ноги тоже были закованы в нечто, напоминающее кандалы. Гремя всем этим железом, он медленно вошел в зал, и все увидели его суровое бледное лицо, которое казалось еще более вытянутым на фоне коротко подстриженных волос. Но он был совершенно спокоен. Точно таким Ник его запомнил в последний раз, когда в долине Большой Сделки Боб сидел рядом с Джули, не обращая никакого внимания на окружавший его взвод СВИТ. Господи, он выглядел так... так обреченно.

– Ваша Честь, – сказал Сэм Винсент, – существует ли такая настоящая необходимость унижать моего подзащитного, который пока еще не обвинен в совершении какого-либо преступления и к тому же является героем войны, пролившим кровь за свою страну, вводя его сегодня в зал суда в цепях, как обыкновенного вора?

– Ваша Честь, – Келсо отреагировал с такой скоростью, что не дал даже опомниться судье, – мистер Суэггер имеет всем хорошо

известную склонность к проявлению насилия и бегству. Это всего лишь необходимые меры предосторожности.

– Гм-м... – задумался судья. – Мистер Суэггер, вы испытываете неудобство или унижение?

– Сэр, мне это безразлично, – ответил Боб.

– Отлично, мы снимем наручники, но оставим кандалы на ногах. Надеюсь, этот компромисс вас устраивает, джентльмены?

– Да, сэр.

– Устраивает, Ваша Честь.

– Пожалуйста, снимите наручники, – обратился судья к охране. – Итак, мистер Келсо, вам первому слово. Прошу.

– Благодарю вас, Ваша Честь. – Исполненный внутреннего достоинства, Келсо вышел в центр. – Ваша Честь, правительство очень легко может доказать, что оно имеет достаточно веские улики, подтверждающие, что ровно в 12.19 дня 1 марта сего года Боб Ли Суэггер выстрелил с последнего этажа дома номер 415 по улице Святой Анны, расположенного во Французском квартале, и, несмотря на то, что целился в президента Соединенных Штатов, попал в сальвадорского архиепископа Джорджа Роберто Лопеза. Чтобы совершить этот поступок, мистер Суэггер имел классический трехсоставной модус операнди, а именно: мотивы, возможности и средства, и мы можем все их представить суду. Это, Ваша Честь, будет сделано чуть позже.

– Благодарю вас, мистер Келсо. Мистер Винсент, пожалуйста.

У Ника даже замерло сердце, когда этот мощный старик встал на ноги и приготовился говорить, не выходя из-за стола, за которым они сидели вместе с Бобом. В глаза сразу бросался резкий контраст сильных, высоких фигур, сидящих за этим столом, и хилых, немощных тел за другим.

– Так вот, сэр, – начал Сэм Винсент, глядя в зал с высоты своих восьмидесяти лет. Его большие голубые глаза смотрели на всех и в то же время ни на кого конкретно. Старомодный мешковатый костюм видел за долгую жизнь больше курительных трубок, чем химчисток, а износившиеся черные туфли давно забыли, когда их чистили в последний раз. – Думаю, что мы будем настаивать на другом, потому что Боб Суэггер, этот герой войны и весьма достойный человек, не мог...

– Я протестую, Ваша Честь! Боевые заслуги мистера Суэггера не являются предметом рассмотрения сегодняшнего судебного разбирательства и мешают вникнуть в суть дела.

– Замечание по существу, мистер Винсент.

– Черт возьми, сэр, если они говорят, что он снайпер, то почему бы им не сказать, что стрелять его научили именно в Корпусе морской пехоты и что именно там ему вручили все его награды?!

В зале рассмеялись на удачное замечание старого Сэма.

– Хорошо подмечено, мистер Винсент. Но так как сегодня нет жюри присяжных, а я хорошо знаком с боевыми заслугами вашего клиента, то, может быть, мы воздержимся в интересах быстрого продвижения дела от дальнейших обращений к героизму мистера Суэггера?

– Согласен, сэр, – сказал Винсент.

– Ну вот и отлично. Мистер Келсо, настало время предъявить обвинение.

– Благодарю вас, Ваша Честь.

Предоставление улик Келсо начал с письма Боба, датированного 16 декабря 1991 года и адресованного президенту Соединенных Штатов, в котором он требовательно, даже в несколько угрожающем тоне, доказывал, что заслужил орден Почета конгресса США за свои подвиги во Вьетнаме.

Помощники Келсо быстро принесли переносной экран, и письмо было в увеличенном виде представлено залу.

– Ваша Честь, благодаря этому письму Боб Ли Суэггер попал в список лиц, представляющих потенциальную угрозу. По нему должно было быть проведено расследование, однако в результате нерасторопности одного из сотрудников ФБР дело закончилось трагически.

Ник закрыл глаза.

“Я возражаю, – молча протестовал он. – Необходимо сделать ссылку на то, что Боб был в третьей группе, которая содержала в себе наименьшую угрозу, и даже сотрудники Секретной Службы сказали, что на него можно не обращать внимания”.

Но Сэм Винсент и его клиент спокойно сидели за своим столом.

– Ваша Честь, вот официальные заключения четырех экспертов по почерку: из Федерального Бюро Расследований, полицейского

департамента Нового Орлеана, полицейского департамента Нью-Йорка и еще одного очень известного и уважаемого эксперта. Все они утверждают, что идентифицировали с небольшими различиями, Ваша Честь, от пятнадцати до тридцати одной подробности, – этот почерк, как почерк Боба Ли Суэггера.

– Мистер Винсент, вам слово.

Сэм Винсент встал.

– Ваша Честь, я знаю, что не имею права предоставлять доказательства, но, если бы я мог, я бы непременно представил вам заключения экспертов-графологов из Лос-Анджелеса, Лондона, Чикаго и Иллинойса, подтверждающие, что этот документ фальши...

– Возражаю, возражаю! Естественно, Ваша Честь видит, что защита пытается предоставить доказательства, которые...

– Возражение принимается. Мистер Винсент, соблюдайте правила, прошу вас.

– Сэр, приношу свои извинения. Но правда заключается в том, что при графологической экспертизе не всегда можно точно определить принадлежность почерка. Вы можете иметь экспертов больше, чем сосков у самки опоссума... – в зале раздался смех, – но вы не найдете из них хотя бы двоих, которые были бы абсолютно единодушны в своем мнении. И... позвольте мне указать еще на одну вещь. К сожалению, мистер Суэггер не имел возможности получить хорошее образование, в отличие от большинства из нас. Он закончил всего лишь самую обычную общественную школу в глуши Арканзаса в пятидесятые годы. Таким образом, как вы могли бы сами убедиться, развитие его почерка остановилось на весьма примитивном уровне. Людям образованным обычно кажется, будто это писал ребенок. А теперь я вам скажу то, с чем согласится большинство экспертов во всем мире. Почерк, который чаще всего называется “детские каракули”, является самым легким вариантом для подделки и не представляет никакого труда для опытного профессионала в этом деле.

– Хорошо, мистер Винсент, – сказал судья, – я принимаю ваше замечание. Но вы не забывайте, что вам разрешается критиковать только доказательства правительства, а не выдвигать свои собственные.

– Да, сэр.

– Как они смогут выиграть процесс, если они не будут предъявлять доказательств? – прошептала Салли на ухо Нику.

– Ему придется продемонстрировать, что их улики и их факты не соответствуют их собственным словам, – так же тихо ответил Ник.

– Но как?

– Не знаю.

Теперь уже встал Келсо:

– Ваша Честь, я нахожусь здесь не для того, чтобы участвовать в комедии или беспочвенно спекулировать фактами, как это считает противная сторона. Я присутствую здесь, чтобы отстаивать точку зрения закона. Думаю, Ваша Честь признает, что я в точности исполнил то, что от меня требует закон в части, касающейся процедуры дела, а именно: я предоставил реальное доказательство мотива. Для Секретной Службы и для ФБР этого было достаточно, чтобы начать вести наблюдение за Бобом Ли Суэггером, значит, этого должно быть достаточно для суда.

– Молодой человек, полагаю, вам не стоит учить меня моей работе, – прервал его судья Хьюджес. – Ваше замечание, возможно, не лишено смысла, хотя высказано оно было в манере крайнего неуважения к суду.

– Приношу свои извинения, Ваша Честь.

– Вы можете приступать ко второй части вашего обвинения.

– Как Вашей Чести будет угодно, – сказал Келсо. Он быстро подошел к своему столу.

– Кажется, у нас дела идут не так уж хорошо, а? – прошептала Салли.

– Боюсь, ты права. Я думал, что у этого старика будет что-то повесомее, чем соски самки опоссума.

– Ник, мне страшно.

– Потерпи. Следующая часть должна быть с моим учас...

Но Келсо уже продолжал свое выступление:

– Ваша Честь, мне бы хотелось представить суду доклад сотрудника новоорлеанской полиции Леона Тиммонса. Его нет в этом зале. Он трагически погиб, исполняя свой долг в апреле этого года. Но именно полицейский Тиммонс заметил, как Боб Ли Суэггер...

– Ваша Честь, я протестую, – возразил Винсент, положив руку на Библию. – Это доказательство было записано с пленки, поэтому его

нельзя проверить. Более того, этот герой-полицейский проходил по нескольким делам в полицейском департаменте Нового Орлеана, где его подозревали в связях с организованной преступностью...

– Ваша Честь, Леон Тиммонс трижды поощрялся за доблесть в перестрелке...

– ...и на одно из этих “поощрений” купил себе немецкий спортивный автомобиль с откидным верхом, который стоит более шестидесяти тысяч долларов, в то время как ежегодное жалованье у него было двадцать две с половиной тысячи долларов...

– Ваша Честь...

– Хорошо, джентльмены, прекратите препирательства, – поморщился судья Хьюджес и после небольшой паузы продолжил: – Мистер Келсо, у вас есть живой свидетель?

– Черт, – пробормотал Ник.

– Да, сэр.

– Тогда представьте его. А этот доклад приложите ко всем остальным документам, я ознакомлюсь с ним позже. Если при вынесении решения возникнут какие-либо сомнения, я рассмотрю вопрос о целесообразности использования такого рода информации.

– Благодарю вас, Ваша Честь. Думаю, мой следующий свидетель рассеет все сомнения в отношении обвинений правительства.

В этот момент прямо рядом с Ником вдруг возник охранник:

– Мистер Мемфис. Это вам от мистера Ютея.

Ник развернул записку:

“Последний шанс. Как ты видишь, Бобу крышка. Ты еще можешь кое-что сделать для себя и Бюро. Не бросайся своей жизнью и жизнью этой бедной девушки из-за глупости, которая никому не принесет пользы”.

– Что это, Ник? – спросила Салли.

Итак, снова выбор.

Да, все, кажется, идет к этому.

Его жизнь могла бы быть такой прекрасной! Боб уже не жилец, это ясно. Старый Сэм Винсент оказался бестолковым пустомелей. Улики были неоспоримые. Рэм-Дайн победила. Ник взглянул за спины сидящих за столом обвинителей и увидел Хью Мичама, лицо которого сохраняло безмятежное спокойствие. Он ни в чем не сомневался.

– Обвинитель вызывает мистера Николса Мемфиса.

Ник наклонился к Салли.

– Это записка от привидения, – прошептал он и, скомкав бумажку, быстро прошел к месту свидетеля, стараясь не смотреть на Ховарда.

Спокойно присягнув на Библии, Ник постарался поудобнее устроиться на маленькой деревянной скамеечке. Краем глаза он мог видеть Боба, сильного, сурового и уверенного в себе, настоящего морского пехотинца, который даже не посмотрел на него, когда Ник прошел мимо него к своему месту. Рядом с Бобом, тоже не проявляя к Нику никакого интереса, сидел кряжистый Сэм Винсент. Он невидящим взглядом смотрел сквозь Ника в дальний угол, и его рот слегка приоткрывался, когда он дышал.

– Где вы работаете, мистер Мемфис? – спросил Келсо.

– Сегодня я безработный. Впрочем, так же, как и вчера.

– А до вчера?

Ник быстро ответил про себя: “Двенадцать лет я проработал специальным агентом в Федеральном Бюро Расследований”. Вслух же сказал только:

– Агент ФБР.

– Можете ли вы рассказать нам, что входило в ваши обязанности в день 1 марта сего года?

– Это была часть задания, которое выполняла оперативная группа, работавшая в составе подразделения по охране президента Соеди...

– Мистер Мемфис, пожалуйста, отвечайте на заданный вопрос. Вы занимались этим раньше?

– Да.

– Ну вот и хорошо.

– Однако...

– Мистер Мемфис, что входило в ваши обязанности?

– Я припарковал машину на улице Святой Анны в пяти кварталах от места выступления президента в парке Луи Армстронга на Северном Валу.

– Понятно. Что вы делали?

– Э-э... В основном это была операция Секретной Службы, а не наша. Мы просто располагались по краю самого дальнего периметра в зоне охраны. Наша задача состояла только в наблюдении.

– Ясно. А теперь расскажите, что произошло ровно в 12.19 дня. Вы сидели в вашей машине и...

– Понимаете, все намного сложнее, чем выглядит со стороны. Здесь важен контекст любого события. Очень важно представить себе то, что было до этого, и то, что было после, как я все узнал, кто тут был замешан...

– Мистер Мемфис, вам задали вполне конкретный вопрос. Вы тут начинаете сочинять целое эссе на отвлеченные темы. Что произошло в 12.19 в этот день?

Ник чувствовал, как мысли путаются у него в голове. Он репетировал этот ответ десятки раз, воспроизводя весь ход событий в мельчайших подробностях.

– Ваша Честь, я должен объяснить, потому что...

– Ваша Честь, – перебил его Келсо, – я должен пояснить, что свидетель находится здесь как будущий обвиняемый. Он вызван в суд по повестке, и ему будет предъявлено обвинение по трем статьям федерального законодательства.

– Мне просто надо...

– Мистер Мемфис, вас заранее предупреждали, – сказал судья. – Законы вы знаете. Если вы захотите сделать заявление, я предоставлю вам возможность сделать его в письменном виде в конце заседания.

– Сэр, мне просто кажется...

– Ваша Честь, он должен отвечать на вопрос.

Я же его мучаю, неожиданно понял Ник. Я иду напролом, как тупица, и этим топлю того человека, которому должен помочь. Келсо это знал. Келсо сделал на это ставку. Ховард прекрасно проконсультировал Келсо по поводу слабостей Николаса Мемфиса, бывшего агента федерального Бюро Расследований.

– Мистер Мемфис, я буду вынужден обвинить вас в неуважении к суду, если вы не ответите. Не думаю, что вам захочется получить еще три месяца тюрьмы вдобавок к вашим нынешним проблемам с законом.

– Я просто хотел справедливости, Ваша Честь. Я...

– Мистер Мемфис, я вынужден предупредить вас еще раз. Отвечайте на вопрос, или я обвиню вас в неуважении к суду.

– Да, сэр. Но если бы вы позволили мне...

– Ник! – Это был Боб. – Ник, скажи им всю правду и ни о чем не беспокойся.

Его глубокий голос эхом прокатился по залу суда, как погребальный плач. Потом наступила тишина.

– Мистер Суэггер, если вы еще раз перебьете свидетеля, я обвиню вас в неуважении к суду и вас выведут из зала.

Ник увидел, как мастерски все подстроил обвинитель. Заставил Ника оправдываться, в результате встрял Боб, и они оба теперь выглядели полными дураками, которые боятся сказать правду.

– Хорошо... – Ник потух. Видит Бог, он старался... Но он проиграл. Они зашли слишком далеко. Это был конец. Бобу Снайперу пришел конец... Странно, как быстро все завершилось... – Я услышал выстрел. Вышел из машины... – И дальше все по порядку, вплоть до того, как Боб, весь в крови, выпал из окна, рухнув на крышу, а потом – на ступеньки, обливаясь кровью.

– Благодарю вас, мистер Мемфис, – сказал Келсо. – У меня все, Ваша Честь.

– Мистер Винсент, у вас есть какие-нибудь вопросы?

Наконец-то! Ник знал, что теперь пришло его время. Вот сейчас-то он все и выложит! Он сможет...

Но Сэм Винсент произнес только:

– У меня нет вопросов, Ваша Честь.

– Можете занять свое место, мистер Мемфис.

Ник смотрел на старого Сэма в полном недоумении. Он чувствовал себя как паршивый котенок, которого в дождь выбросили за дверь. Неужели все?! Это что, конец? Это же...

– Простите, только один момент, мистер Мемфис, – как бы очнулся Сэм Винсент. – Вы говорите, что полицейский Тиммонс был уже внутри дома, из которого выпал мистер Суэггер.

– Да, сэр.

– Гм-м-м. А вы видели, как он туда входил? Насколько я помню, во двор дома существует только один вход.

– Нет, сэр, не видел. Хотя я был на месте с десяти утра.

– Не кажется ли вам это странным, Ваша Честь? В своем докладе Тиммонс пишет, что заметил что-то подозрительное на крыше дома номер 415 на улице Святой Анны, вошел во двор и...

– Я протестую, Ваша Честь, – быстро произнес Келсо. – Тиммонс не присутствует на суде, вдобавок защитник сам протестовал, когда я пытался представить отчет полицейского...

– Ваша Честь, я просто человек, достаточно поживший и повидавший, поэтому мне интересно, как этот герой-детектив оказался невидимым в этот день. Вот в чем весь фокус.

– Ваша Честь, – поднялся Келсо, – позвольте заметить, что мистер Мемфис был уволен из ФБР за халатное отношение к своим служебным обязанностям и нарушение долга. Его роль в этом деле печально известна в кругах подразделений по обеспечению законности. Поэтому представлять его как некий образец профессионализма, как это делает защита, просто смешно и нелепо.

Отлично. Вот до чего дожил, подумал Ник. Вдобавок ко всем неприятностям еще и публичное оскорбление.

– Он прав, мистер Винсент. Но при дальнейшем рассмотрении дела я учту ваше замечание. Хорошо, мистер Келсо, продолжайте.

Ник с трудом дотащился до своего места рядом с Салли, буквально физически ощущая неимоверно тяжелый груз безысходности. Еще один гвоздь был забит в кровоточащую рану. Салли положила свою ладонь на его руку.

– Ты боролся...

– Катастрофа... – Слова застревали у него в горле. В этот момент судья объявил перерыв на ленч, и Ник предложил: – Давай уйдем куда-нибудь отсюда.

По пути к ним подскочила пара репортеров, но он прошел прямо сквозь них, ни на кого не обращая внимания. Однако большая часть репортерской братии толпилась сейчас возле “блистательного, гениального и одаренного” обвинителя; они ловили каждое его слово для шестичасовых вечерних новостей. Сэма Винсента нигде нельзя было найти.

– Салли, – сказал Ник после того, как они спустя некоторое время уже сидели в маленьком тихом ресторанчике в двух кварталах от здания суда и ждали заказанные на его последние одиннадцать долларов блюда, – нам надо поговорить.

– Давай.

– Я считаю, что мы не выиграем это дело. Я даже уверен, что мы его не выиграем. Может быть, Боб и является специалистом по

уничтожению бандитов и всяких крутых командос, но на этот раз... понимаешь, дело в том, что это конец. Петля слишком туго затянута, и из нее ему не вырваться.

– Ник, я...

– А когда уведут его, наступит моя очередь. После меня ты. Но все уже будет по-другому. Я хочу, чтобы ты позвонила Келсо и выразила свое согласие свидетельствовать против меня. Ты скажешь им, что я тебя обманом вовлек это дело, соблазнил и использовал. Я ничего не буду отрицать. Я действительно этого хочу. Если ты предоставишь им возможность судить меня за шпионаж, а не за такую чушь, как использование звания офицера ФБР, они сразу же согласятся. Это сработает. Согласись, умно придумано, а?

– Слишком умно, – сказала она.

– Единственное, чего сейчас хочет Ховард, это уничтожить меня любыми путями за то, что я не дал ему повернуть такое громкое дело. Еще этот старый козел Хью Мичам, который наверняка работает – или работал – на ЦРУ, сидит сейчас здесь, чтобы убедиться, что все останется на своих местах и никто ничего не узнает. Это слишком знакомый, накатанный механизм. Уверен, что они не будут...

– Ник, знаешь, что я тебе скажу? Боб Ли Суэггер, наверное, действительно профессионал по преодолению трудностей, но по верности и преданности тебе нет равных. Все эти годы ты совершенно самоотверженно служил ФБР и Майре. Я долго наблюдала за тобой, следила, ничего не упускала. Я видела, как много сил ты отдавал всему этому, и очень сожалела, что моя внешность ничего не значила для тебя. Ты был единственным мужчиной, который относился ко мне, как к человеку, а не как к кукле. Ты никогда не заигрывал со мной и никогда не напрашивался ко мне в гости, как это делали некоторые наши ревностные блюстители семейных очагов. И поэтому ты был для меня самым приятным и очаровательным мужчиной. Сейчас ты оказался до конца верен Бобу Ли Суэггеру. Ник, я люблю тебя уже пять лет, и если за эту любовь завтра я буду вынуждена заплатить своей свободой, то не огорчусь, потому что люблю тебя и от этого чувствую себя счастливой. Я хочу быть верной тебе так же, как ты был верен всем остальным все эти годы. Кто-то же должен остаться верным и тебе.

– Салли, я...

– И еще. Клянусь, что этот твой Боб Ли Суэггер приберег напоследок какой-нибудь сюрприз. Я тебе гарантирую это, Ник. Я сама с Юга, там есть целая категория таких людей, я прожила с ними всю жизнь. Они не интересуются ничем, кроме убийства на войне, охоты на беспомощных животных и, непонятно почему, возможности обмануть закон. Они очень хитры, это их талант. Я еще не встречала никого, кто бы мог перехитрить такого южанина, а, судя по тому, что я о нем слышала, он самый хитрый из них. Поэтому мне кажется, что ни этому северянину авантюристу Ховарду, ни дряхлому привидению Хью Мичаму от Боба не спастись. Я это чувствую. Ник, ты должен верить в Боба Ли Суэггера до конца, слышишь?

Ник взял Салли за руку. Ему очень хотелось ее поцеловать. Как у нее блестели глаза! Черт возьми, в отличие от него, уже растерявшего всякую веру в жизнь и людей, она до сих пор верила во что-то.

– Вставай, – закончила она, – пора возвращаться в этот цирк под названием “суд”. Мне кажется, что самый главный фокус еще впереди.

Молодого человека звали Уолтер Джекобс. У него была аккуратная прическа с небольшими залысинами на лбу, невозмутимое лицо и спокойная манера поведения. Умные глаза и доброжелательный взгляд нисколько не скрывали очки в тонкой металлической оправе. Под голубым отглаженным костюмом виднелась белоснежная накрахмаленная рубашка с черным строгим галстуком. Все чувствовали, что выступление этого свидетеля будет решающим.

– Где вы работаете, мистер Джекобс?

– Я старший оружейный техник баллистической лаборатории ФБР в Вашингтоне, округ Колумбия.

Итак, после “мотивов” и “возможностей” дело дошло до “средств”. Келсо, старавшийся произвести как можно более благоприятное впечатление на судью, не спеша наклонился и достал “улику”.

– Это она?

– Да, сэр, – ответил Джекобс.

– Ваша Честь, мне бы хотелось представить эту винтовку в качестве четвертого вещественного доказательства, если вы не возражаете.

– Пожалуйста.

– И еще вот это.

Он показал крошечный кусочек свинца и меди, который когда-то был пулей со сточенным наконечником.

– Хорошо, мистер Келсо, это будет доказательство номер пять.

– А вот это – вещественное доказательство номер шесть. – Он достал толстую гильзу длиной 2,015 дюйма. С одного конца она была немного уже; с другой стороны блестела металлическая часть. Патрон был пустой.

– Зафиксировано, – сказал судья.

– Охарактеризуйте, пожалуйста, эти предметы, мистер Джекобс, – обратился Келсо к технику.

– Пожалуйста, сэр. Это винтовка серийного выпуска “Ремингтон” 700V, со скользящим затвором, ствол 308-го калибра с 10-кратным прицелом “Леопольд Ультра”. Она была обнаружена на последнем этаже дома номер 415 на улице Святой Анны в Новом Орлеане 1 марта 1992 года.

– А теперь расскажите, пожалуйста, об истории этой винтовки.

Джекобс коротко сообщил, что данная винтовка была приобретена в оружейном магазине в Илионе, штат Нью-Йорк, по специальному заказу магазина военно-торговой службы офицером снайперского подразделения Корпуса морской пехоты США, которое размещалось тогда в лагере Леджун. В 1975 году, согласно документам, она была вручена сержанту Бобу Ли Суэггеру из этого же подразделения по случаю его увольнения в запас по инвалидности.

– Понятно. Можете ли вы охарактеризовать само оружие более подробно?

– Да, сэр. Кто-то пошел на большие трудности, чтобы сделать эту винтовку суперточной. Обычная винтовка серийного образца была очень точной, такие винтовки называются винтовками с малым отклонением. Но здесь кое-что изменили, чтобы еще больше увеличить точность стрельбы. Например, “родной” ствол ремингтона был заменен стволом из нержавеющей стали фирмы “Харт” со скрытой системой нарезки в канале ствола. Этот вид работы был выполнен, согласно данным фирмы, компанией “Харт райфл бэррелс”, Лафайетт, штат Нью-Йорк, для Боба Ли Суэггера из Блу-Ай, штат Арканзас, в июне 1982 года. Новый плексигласовый приклад был сделан компанией “Макмиллан энд Компани”, Финикс, штат Аризона. Этот приклад был выслан Бобу Ли Суэггеру, постоянно

проживающему в Блу-Ай, штат Арканзас. Ударник в затворе был заменен на более легкий, сделанный из титана, фирмы “Браунеллс”, Монтесума, штат Айова, чтобы время перезарядки затвора уменьшилось на тридцать пять процентов; тем самым уменьшается время между запирающим канал ствола затвором и нажатием спускового крючка. Сама винтовка была уложена в алюминиевое ложе, и все ее шурупы были затянуты до предела, что означает, что они были закручены в алюминиевую раму, которая крепилась к прикладу. Все это, естественно, делало винтовку более прочной, жесткой и монолитной, а следовательно, и более точной.

– Благодарю вас. Теперь, пожалуйста, о последних двух предметах.

Келсо показал свинцово-медный огрызок и гильзу.

– Это все, что осталось от 200-грановой обтекаемой формы пули “Сьерра” фирмы “Мач Кинг” со сточенным наконечником, – сказал Джекобс. – Она была извлечена из подиума в парке Луи Армстронга здесь, в Новом Орлеане, вместе с остатками мозга и черепных костей.

– Этого достаточно, чтобы произвести баллистическую экспертизу?

– Нет, сэр. Мы оказались не в состоянии определить следы от нарезки канала ствола, потому что она очень сильно повреждена.

– Понятно. И что вы сделали?

– Сэр, мы очень осторожно специальным составом промыли ствол винтовки и извлекли оттуда микроскопические пылинки свинца и меди, которые сохранились в системе нарезки ствола. Потом мы взяли пробы свинца и меди из пули и провели нейтронный анализ обеих составляющих частей.

– И что получилось?

– Получилось, что пуля и остатки меди со свинцом из канала ствола абсолютно идентичны.

– В результате ваш вывод...

– Вывод такой: либо эта пуля, либо точно такая же, этой же марки, была последней выпущена из данной винтовки, потому что больше никаких следов других пуль, состоящих из других составов свинца и меди, обнаружено не было.

– Что это за пуля?

– Подобные пули производились в очень небольшом количестве на заводе “Сьерра буллетс”, Седейлия, штат Миссури, в основном только

для соревнований по стрельбе на тысячу ярдов. Первый выпуск составил менее пяти тысяч штук. Они не имеют ничего общего с охотничьими пулями и патронами. Несколько коробок таких патронов, среди них одну недавно открытую мы обнаружили в мастерской обвиняемого в Блу-Ай.

– Понятно. Теперь гильза. Охарактеризуйте ее, пожалуйста.

– Да, сэр. В данном случае мы имеем дело с обработанной вручную гильзой, причем при ее обработке было потрачено немало усилий и требовался незаурядный опыт. Дульце гильзы обработано с двух сторон – с внешней и внутренней. Оно отполировано для того, чтобы обеспечить беспрепятственный вылет пули из гильзы и тем самым гарантировать большую степень точности. Капсюль “федерал Бенч Реет” установлен точно в центре гильзы. Гнездо под капсюль рассверлено с идеальной точностью: на необходимую глубину под капсюль соответствующего диаметра.

– Подходит ли она к винтовке?

– Да, сэр. Существует шесть тестов и контрольных испытаний, благодаря которым любой стрелок может проверить, подходит ли гильза к этой винтовке или нет. Они включают в себя: сопоставление диаметров основания гильзы и диаметра отверстия в газовой камере, сравнение диаметров дульца гильзы с выходным диаметром, с дульным срезом, потом замеряется объем камеры, исследуются особенности ее конструкции... Эта гильза прошла все шесть тестов. – Значит, эта гильза находилась в винтовке в момент выстрела и потом была выброшена оттуда ее экстрактором?

– Если бы это было не так, это бы опровергло все математические измерения и законы.

– Спасибо, мистер Джекобс. Какой тип гильзы?

– Сэр, это 308-й калибр “Федерал Никел Мач”. Их больше не выпускают, но мы нашли несколько коробок с такими гильзами в мастерской Боба Ли Суэггера. Еще мы нашли там такие же капсюли. В данной гильзе использовался порох марки “Ай-эмэр-4895”. Порох точно такой же марки был найден в мастерской мистера Суэггера. Мешочек в восемь фунтов. Он был наполовину пустой.

– Благодарю вас, мистер Джекобс. – Келсо повернулся к судье: – Ваша Честь, я думаю, вы можете проследить здесь явную взаимосвязь. Мы имеем мотив: обида на президента, которая четко прослеживается

в письме; возможности: агент Мемфис видел Суэггера в его снайперском гнезде после выстрела; а теперь у нас есть и средства: его винтовка, из обычного оружия превращенная за долгие годы кропотливого труда в адскую машину убийства. У нас есть гильза, выброшенная из этой винтовки, и пуля, вылетевшая из этой гильзы. И еще у нас есть один убитый ни в чем не повинный человек. Таким образом, перед вами сидит убийца.

– Это конец, – шепнул Ник Салли.

– У обвинения больше вопросов нет, – сказал Келсо.

– Мистер Винсент. Вам слово.

– Ваша Честь, мне нечего сказать... э-э... позвольте просто полюбопытствовать. Мистер Джекобс, как работает эта винтовка?

– Простите?..

– Как работает эта винтовка? Как она стреляет? Если вы проверяли винтовку на предмет ее причастности к убийству человека, то не пришло ли вам в голову проверить, как она работает, то есть как стреляет?

– Смею вас уверить, сэр, она имеет все данные для того, чтобы считаться максимально точной винтовкой.

– Да, но как она стреляет?

Джекобс слегка стушевался.

– Ваша Честь, – вскочил Келсо, – я протестую. В этом нет...

– Мистер Келсо, винтовку в качестве вещественного доказательства представили вы, а не Сэм Винсент. Поэтому ваши возражения не принимаются. Отвечайте, пожалуйста, на вопрос, мистер Джекобс.

– Сэр, – сказал Джекобс, – я предполагаю, что она стреляет очень хорошо.

– Вот это да, – ухмыльнулся Сэм Винсент. – Как это – вы предполагаете? Означает ли это, что вы не стреляли из винтовки?

– Но, сэр, в этом не было необходимости, особенно принимая во внимание факты и доказательства. И потом, пуля была слишком искорежена, на ней нельзя было прочесть никаких рисунков канала ствола. Поэтому мы не стали этого делать.

– Значит, вы не можете сказать, насколько точно она стреляет, потому что ни разу из нее не стреляли. Поэтому вы не можете утверждать, что эта винтовка может произвести такой точный выстрел, о котором вы все тут говорите.

Ник затаил дыхание, стараясь не упустить ничего из того, что должна была выложить сейчас на весы правосудия в защиту Боба эта старая лисица.

– Что происходит? – спросила ничего не понимающая Салли.

– Смотри, – начал объяснять Ник, – так как на пуле не было следов от канала ствола, они решили не стрелять из винтовки, потому что им не хотелось потом говорить в суде, что у них ничего не получилось. Поэтому они просто произвели электронные анализы состава пули и следов внутри канала ствола. Я и сам не знаю, куда все это приведет.

Джекобс, казалось, был немного обижен, но пытался оправдаться:

– Сэр, я проверил за свою жизнь не одну тысячу винтовок. Эту винтовку я тоже проверил самым тщательным образом, каждый аспект в отдельности, по функциям и принадлежности. Я гарантирую вам, что все в этой винтовке соответствует требованиям, предъявляемым к оружию очень высокого класса и точности. Проверочный выстрел из винтовки не производился, потому что у нас не было первоначальных следов от канала ствола на какой-нибудь пуле.

– Или, может быть, вы выстрелили, но ничего не получилось, – заметил Сэм Винсент. Келсо змеей взвился над столом.

– Я протестую, – заорал он. – Защита ставит под сомнение результаты экспертизы баллистической лаборатории ФБР, организации с безупречной репутацией во всем мире!

– Или, может быть, ФБР что-то сделало с вин... – невозмутимо продолжал старый адвокат.

– Этого вполне достаточно, мистер Винсент, – сказал судья. – Протест принимается. Здесь нет никаких следов вмешательства.

– Сэр, – обратился к судье Джекобс, – разрешите мне сделать заявление.

– Пожалуйста.

– Я занимаюсь подобными делами вот уже десять лет, и еще никто не посмел усомниться в точности наших анализов и заявить, что лаборатория ФБР подтасовывает факты. Я гарантирую вам и клянусь честью, что это именно та винтовка, которую мы нашли. Она пребывала в первозданном виде, с нее ничего не снималось и не выносилось, за исключением ствола, об операциях с которым я уже говорил. Ни один элемент не претерпел в ней никаких изменений!

– Мне кажется, это должно вас убедить, мистер Винсент, – произнес судья Хьюджес.

– У меня больше нет вопросов, Ваша Честь, – Сэм удовлетворенно откинулся на спинку стула.

– Ваша Честь, – снова вскочил Келсо, хотя Джекобс еще не ушел, – на этом обвинение правительства закончено. Полагаю, я предоставил все необходимые доказательства, Ваша Честь. По требованию защиты вы, Ваша Честь, назначили предварительное слушание этого дела с тем, чтобы защита попыталась опровергнуть мои улики и факты. Но защита даже не попыталась этого сделать. Она просто проигнорировала такую возможность. Ваша Честь, не пора ли прекратить весь этот фарс и назначить дату официального судебного разбирательства?

В его голосе было столько презрения и торжества, что Ник возненавидел его с новой силой.

– Мистер Винсент? – Судья был по-прежнему невозмутим.

– Ваша Честь, я вынужден признать, что моя лучшая заготовка не сработала. Я надеялся доказать, что, поскольку выстрел не производился, то нельзя утверждать, что гильза соответствует винтовке, однако этот молодой человек оказался на высоте...

Вид у Сэма был понурый. В зале суда застыло обреченное молчание. Салли уткнулась Нику в плечо.

– Ну что, Салли? – спросил он.

– Он смотрит на тебя.

– Кто?

– Твой друг.

Это был Боб. Когда их глаза встретились, лицо Боба вдруг оживилось и он подмигнул Нику.

– Что такое? – встрепелась Салли.

– Мне кажется, Боб собирается утереть нос некоторым умникам в этом зале, – прошептал Ник, чувствуя, что от волнения у него перехватило дыхание.

– Но, – продолжал Сэм, – к сожалению, правительство полностью доказало, что вот эта несущая смерть винтовка... – и он с поразительной легкостью прошел по залу по направлению к винтовке, предварительно сняв очки и положив их в карман, – ...была использована для убийства архиепископа Джорджа Роберто Лопеза 1

марта сего года. Да, это у них прекрасно получилось, спору нет. Здесь практически ничего нельзя возразить! – С этими словами старый адвокат взял винтовку со стола обвинителя и открыл затвор. – Да, все правильно, – громко произнес он. – Боб взял пулю, потом гильзу, вот как эти... – Сэм достал из бокового кармана яркий блестящий патрон, – ...точно такой же патрон “Винчестер рэйнджерс” с 168-грановой пулей со сточенным наконечником...

Только тут до судьи дошло, что патрон настоящий.

– Мистер Винсент, эту... этот патрон нельзя вставлять... – залепетал он.

Однако Сэм не спеша засунул патрон в патронник и дослал затвор. Неожиданная власть настоящей боевой винтовки, заряженной настоящим патроном, несущим смерть, сразу же овладела залом суда.

Даже Келсо не нашел что сказать. Двое охранников спокойно положили руки на револьверы.

– Мистер Винсент, – никак не мог успокоиться судья, – в ваших руках сейчас заряженное оружие. Я официально приказываю вам немедленно его разрядить и не делать никаких глупостей, или, сэр, мне придется упрятать вас за решетку до конца ваших дней. Охрана, если мистер Винсент не выпол...

– Постойте, Ваша Честь, – перебил его старый Сэм – я совсем не собираюсь стрелять из этой дурацкой винтовки, из которой, как уже доказали и ФБР, и обвинитель, Боб Ли Суэггер убил архиепископа Джорджа Роберто Лопеза. Ни в коем случае, сэр. – Он поднял винтовку дульным срезом вверх. – Нет, сэр, у меня нет никакого желания из нее стрелять. – Он улыбнулся. – Но я ничего не говорил о том, что не нажму на курок.

И он нажал спусковой крючок.

За всю свою жизнь Ник не мог припомнить более беззвучного выстрела. Как и все сидящие в зале, он замороженно смотрел на указательный палец Сэма Винсента на курке и ждал громкого, рвущего барабанные перепонки выстрела, который сумасшедший старик собирался сделать в этом замкнутом пространстве. Ник почувствовал резкий прилив крови к лицу.

Щелк, что-то цокнуло внутри винтовки, но этот звук был не громче, чем звук упавшего на пол карандаша.

Тишина сменилась гулом недоумения.

– Соблюдайте порядок, – надрывался судья.

– Ваша Честь, – кричал Келсо, – я протестую, я не знаю, какой тип патрона был вставлен в... – Но вдруг замолчал и с ужасом посмотрел на Ховарда.

– Ваша Честь, – невозмутимо сказал Сэм, – это не холостой патрон. Я могу продемонстрировать вам холостой патрон. Он совсем не похож на этот. Вы можете пропустить тысячи, миллионы патронов через эту винтовку. Все, что тут говорили представители ФБР, верно. За исключением одного. Эта винтовка не стреляет.

Он быстро извлек патрон и, зафиксировав ударно-спусковой механизм, вытащил затвор. Положив винтовку обратно на стол обвинителя, Сэм поднял затвор над головой. Потом опустил его и нажал нижней частью на угол стола, освободив таким образом пружину и за несколько секунд разобрал затвор на составные части.

– Это ударник, Ваша Честь. – Он поднял вверх одну из них. – Как уже говорил молодой человек, ударник сделан из титанового сплава для экономии времени на перезарядку. Он только не заметил, что ударник не соответствует длине 4,565 дюйма, как того требует завод-изготовитель “Ремингтон”. Да, сэр, в нем всего 4,465 дюйма. Поэтому он не может достать до капсюля. Итак, будь вы повнимательнее, вы бы обязательно заметили, что какой-то умный человек, который знает о винтовках практически все, взял вот этот стерженек и распилил его пополам. Потом в местах среза укоротил его на одну десятую дюйма и аккуратно сварил разъединенные концы. Можете использовать для проверки даже японские приборы, все равно вам придется признать, что длины ударника не хватает для того, чтобы достать до капсюля. Это расстояние не больше волоска, но его достаточно, чтобы винтовка не выстрелила. Теперь о том, почему он это сделал. Как-то раз, это было уже давно, по заказу некоторых людей производя экспериментальные выстрелы, Боб Суэггер заметил, что кто-то украл у него стреляную гильзу из коробки, где они у него всегда хранились, и заменил ее на другую, чем-то похожую. Это встревожило его. Такой пустяк – всего лишь десятицентовая гильза. Но это все равно встревожило его. Поэтому Боб вынул ударник, произвел над ним такую “хирургическую” операцию и вставил обратно. Потом он заметил, что в его жизни стали твориться какие-то непонятные вещи. У него были подозрения, что может произойти что-то плохое.

Наверное, Боб единственный все эти месяцы знал, что у него есть неоспоримое вещественное доказательство, которое подтверждало, что архиепископа убил не он и что ФБР и правительство, получается, тратили время зря, идя по ложному пути. Именно поэтому он и использовал это время для того, чтобы найти тех, кто совершил данное преступление... да и не только его, а еще и целый ряд темных дел в прошлом. Ваша Честь, вы, вероятно, обратили внимание, что в первый день охотничьего сезона было слишком много несчастных случаев? Можно сказать, что в Арканзасе было просто рекордное количество таких случаев. В одном месте в один день были убиты три человека, помните? Удивительно то, что, несмотря на такие печальные события, настроение ни у охотников, ни у жителей не упало... Ну да ладно... Вы же знаете, Ваша Честь, что порой справедливость торжествует в таких странных ситуациях, которые абсолютно непонятны ни людям, ни законам. Итак, кто же все-таки выстрелил в архиепископа Джорджа Роберто Лопеза? Это вам придется узнать уже у Боба Ли Суэггера. Может быть, вам он и скажет. Мне он не сказал. Его пуля была выпущена из другой винтовки. Потому что эта стрелять не может. Поэтому я спрашиваю вас, Ваша Честь, есть ли тут состав преступления? Есть ли за что привлекать Боба Ли Суэггера к суду? Или, может быть, это все ошибка?

Судья обратился к обвинителю:

– Мистер Келсо, по-моему, вам следует приступить к исполнению своих непосредственных обязанностей. У вас есть убийство, которое надо раскрыть, а вы даже не подумали о том, как взяться за решение этой проблемы! Вы даже не начали думать! – Хьюджес повернулся к охранникам: – Освободите мистера Суэггера. Я снимаю с него все обвинения. Он свободен. Считаю это решение правильным. А теперь, я думаю, мы все можем идти по домам.

Репортеры сразу зашумели, стараясь побольше снять, записать, расспросить об этом поразительном событии, чтобы информация успела попасть в последние вечерние новости. В поднявшейся суматохе никем не замеченный Боб встал и, улыбнувшись, пожал руку Сэму Винсенту. Потом, уже окончательно избавившись от кандалов и цепей, он подошел к Нику:

- Молодец, Ник. Хорошо держался. Заезжай, когда будет нужда.
- Да и ты был на высоте, старина.

– Ну, чем мы не отличная команда? Ты уверен, что не служил в морской пехоте?

– Уверен.

– Что ж, тогда будь осторожен. Всего хорошего. Мы с тобой неплохо провели время.

– Да уж, повеселились...

Боб отошел, и через несколько секунд Ник потерял его из виду. Он как-то непонятно исчез. Это был талант снайпера исчезнуть, не оставив после себя никаких следов, уйти вдруг и навсегда.

Ник повернулся к Салли, но неожиданно столкнулся взглядом с совершенно подавленным Ховардом Д. Ютеем.

– Ховард, вы были так близки к цели. Оставалось совсем чуть-чуть. Вы даже успели постричь ему волосы. А он просто взял и сдул вас, как пыль с полки.

Ник видел, как за спиной Ховарда медленно поднимается Мичам. Он хотел сказать кое-что и ему, но тот сделал несколько шагов назад и тоже растворился в толпе. Наконец он обратился к Салли:

– Тебе не хочется отсюда уйти?

– Еще как!

– А куда?

– О, я думаю, это не проблема. Придумаем по дороге.

Глава 39

Скандал разгорался. Он пылал ярким пламенем позора и бесчестия, которое поражало тех, кто пытался его хоть как-нибудь замять. Еще до конца недели оскорбленное ФБР бесцеремонно вышвырнуло Ховарда вон. Не легче пришлось и трем другим членам Комитета Лансера. Филипа Келсо попытались “сослать” в какой-то дальний западный штат, но он отказался подчиниться, подал в отставку и занялся частной практикой. Страшнее всего судьба обошлась со старым Хью Мичамом: он умер на третий день после слушания дела в суде от сердечной недостаточности. У него просто не выдержало сердце. Оно разорвалось, как от снайперской пули. Узнав об этом, Ник подумал о Бобе: “Всех уложил. Всех до одного”.

Целую неделю он провел у Салли, чувствуя себя необычайно свободным и счастливым, пока в один прекрасный день не зазвонил телефон. Это был Хэп Фенкл.

– Есть дело, дружище, – начал он.

– Ну, выкладывай, – ответил Ник.

– Ты случайно не знаешь, где я могу найти хорошего, зарекомендовавшего себя агента? У нас тут подвалила новая куча дел. Раскручивать надо. Нужен человек с опытом.

– Разве я не уволен?

– О, Ник, кое-кто у нас тут так действительно думал. Ты его знал. Но его уже давным-давно здесь нет. Думаю, ты не найдешь в Управлении ни одного человека, который скажет тебе, куда подевались твои бумаги об увольнении. Я серьезно, Ник. Ты же здесь вырос. Ты был прав, а вот Ховард – тот ошибся по-крупному. Ну, ты же знаешь, в семье не без урода. Но мы-то в целом хорошее подразделение. А такие парни, как ты, делают его еще лучше.

– Как заговорил!

– Давай, Ник. Ничего особенного, просто работа на улицах Нового Орлеана. Жалованье то же самое. За прошлые месяцы выплатим. Кое-кто из Вашингтона хочет тут переговорить с тобой по поводу Рэм-Дайн, так что ты вполне сможешь подзаработать и на этом.

У Ника перехватило дыхание. Ему всегда хотелось быть просто агентом ФБР.

– Ладно, – сказал он, – до завтра.

– Еще вопрос, Ник. Ты на этой девушке женишься?

– Ах ты зараза, все пронюхал, – засмеялся Ник. – Уже женился. Вчера.

– Мои поздравления. Жду тебя.

Вот так Ник вернулся к исполнению своих служебных обязанностей, но медовый месяц он провел в Вашингтоне, в течение двух недель по сто раз за день рассказывая о Рэм-Дайн все, что знал, каким-то совершенно незнакомым людям, которые пытались докопаться до правды. Потом эта группа должна была опубликовать свой отчет о работе; он должен был вот-вот появиться.

Конечно, расследование бы существенно облегчилось, если бы они нашли Давида Добблера. Но доктор так и пропал. Он или умер где-нибудь на одной из вершин Уошито, или, что также возможно, жил под новым именем в каком-нибудь курортном городке в Южной Калифорнии. Нику всегда больше был по душе последний вариант.

От Рэм-Дайн не осталось и следа. Ее личный состав был распущен, помещение описано, а потом продано какой-то компании, рекламирующей компьютеры и электронную технику. Полковника Шрека похоронили на Арлингтонском национальном кладбище неподалеку от Джона Ф.Кеннеди, потому что он все-таки был кавалером ордена Серебряной звезды и имел крест “За выдающиеся заслуги” за Корею и еще один орден Серебряной звезды и три медали Бронзовой звезды за Вьетнам. Джон (Джек) Д. Пайн был похоронен на кладбище сухопутных войск США в городе Батон-Руж, штат Луизиана. Он тоже, как оказалось, был герой.

А Джеймс Томас Олбрайт, или Лон Скотт, унеся с собой в могилу все тайны, был погребен в мавзолее неподалеку от Данвилла, где останки сына присоединились к останкам отца и матери, которых Лон перезахоронил здесь, вывезя из Вермонта. Он завещал всю свою коллекцию винтовок и стрелковой литературы Национальной стрелковой ассоциации, и сейчас десятый “черный король” хранится в музее этой ассоциации в Вашингтоне, округ Колумбия, как бы напоминая о том времени, когда умение обращаться с винтовкой было делом настоящих мужчин и такие люди, как Арт Скотт, с гордостью

представляли свою страну на соревнованиях с великолепным винчестером в руках. Ассоциация уделила мало внимания другим вещам, в частности любопытной коллекции уже стреляных пуль 264-го калибра, каждая весом 162 грана, которые имели какую-то нелепую форму и хранились у Скотта в глубине сейфа. Все его деньги – более семи миллионов долларов – были переданы Национальной ассоциации инвалидов в инвалидных колясках.

Боб Ли Суэггер числился теперь в списках без вести пропавших. Когда с него окончательно были сняты все обвинения, он скрылся в неизвестном направлении вместе с женщиной по имени Джули Фенн. Но прежде, чем исчезнуть, он оплатил все свои долги, причем в той валюте, которую выбрал сам.

Бывший знаменитый охотник из Оклахомы полковник О’Брайен был немало удивлен, когда однажды утром обнаружил у своей двери пакет. Развернув его, старик даже присвистнул от удивления.

Это был винчестер до шестидесят четвертого года выпуска 270-го калибра, модель семидесятая!

При винтовке не было никакой сопроводительной записки, только маленький клочок бумажки, на котором было написано: “Эта винтовка когда-то принадлежала Бобу Ли Суэггеру”. Ниже стояла подпись Боба.

Почти месяц спустя после возвращения из Вашингтона, как-то утром Ник услышал стук в дверь и увидел посыльного с коробкой длиной три фута и весом около семи фунтов. Он расписался в получении и, пройдя в комнату, раскрыл ее. В коробке лежала винтовка “Раджер Мини-14”.

“Ник,

– читал он написанную старательным, почти детским, почерком записку, –

я переехал. Думаю, тебе понравится этот сувенир как память о том времени, когда мы были в бегах. Ты по-прежнему уверен, что не служил в морской пехоте?”

Подписи не было.

Ник посмотрел на винтовку. Маленькая, аккуратная, ручной работы, она когда-то принадлежала Бобу Ли Суэггеру. Он не раз ею пользовался. Он, Боб Снайпер. Ник покачал головой.

– Дорогой, что там? – раздался голос Салли.

– Да так, кое-что от парня, которого я когда-то знал, – с этими словами он спрятал винтовку за водонагреватель, где она и хранится до сих пор, потихоньку ржавея.

Боб и Джули преодолели последний подъем. Теперь город был им виден, как на ладони. Этот городок в пустыне напоминал сшитое из ярких и блеклых лоскутков одеяло. От него веяло жизнью. Было сухо и жарко, беспощадное солнце немилосердно палило землю.

– Не так уж много всего, – заметила Джули. – Ни гор, ни деревьев, редко встретится кривая сосна да несколько колючек. Нормальный человек с ума может сойти. Плюс жара. Здесь большую часть года так жарко, что люди спасаются в основном холодным чаем и кондиционерами.

– Выглядит достаточно сурово. Зато вокруг не так уж много людей, а?

– Пожалуй, – ответила она.

– И очень много домиков, в любой из которых можно будет въехать и где мне никто не будет мешать?

– Кроме меня, – уточнила она.

– Звучит приятно, – сказал Боб. – Ну, теперь пора где-нибудь поселиться и завести собаку.

– Это будет прекрасно. Мы вырастим ее вместе с тем малышом, которого я, кажется, уже ношу под сердцем.

Примечания

1

Главная улица французской части Нового Орлеана. Для многих туристов вечерний Новый Орлеан – это Бурбон-стрит, которую иногда сравнивают с парижским Монмартром; для новоорлеанцев ассоциируется с представлением о веселом времяпрепровождении, с кутежами, игрой в карты и т.д.